

Кит Манн

ОТ ЗАКАТА ДО РАССВЕТА

Рост движения за освобождение животных. Взгляд изнутри

common place / Ил-music, 2015

Москва / Казань

УДК 329.61
ББК 60.56
М23

Keith Mann

From dusk 'til dawn

перевод с английского Олега Озерова

«От заката до рассвета...» — манифест радикальных зоозащитников из Фронта освобождения животных и схожих организаций, летопись освободительных и диверсионных акций и автобиография одного из активистов: человека, который посвятил свою жизнь борьбе за свободу других и в итоге заплатил за это собственной свободой. Книга Кита Манна была написана в тюрьме, где он пробыл в общей сложности тринадцать лет.

ISBN 978-999-8-0000-70

Keith Mann, 2007
Олег Озеров, 2011
common place, 2015
Ил-music, 2015

Как защитник животных даже я чувствую себя посрамленным и бесполезным, когда читаю о жизни Кита Манна и опасностях, которым он себя подвергал. Кто бы что ни говорил, а люди, подобные Киту, — это реальные герои нашего времени. Нет ничего храброго в том, чтобы отправиться в Ирак убивать мирных жителей — останься здесь, в Англии, и встань лицом к лицу с Индустрией Смерти со всеми ее скотобойнями и пыточными лабораториями. Газета The Daily Mail нарекает сторонников вивисекции экспертами, а ее противников — экстремистами; благо не все мы настолько тупы, чтобы в это поверить.

До чего же поганой была бы жизнь, не будь в ней мечтателей вроде Кита и неустрашимой, сплоченной концепции ALF. Тем или иным образом подобные книги помогают нам лучше познать самих себя, потому что дают представление о том, что мы делаем — или чего не делаем — ради других живых существ. Откровенность и усердие, с которыми столько корпораций и влюбленных во власть маньяков гнобят борцов за права животных, всегда служили доказательствами вины этих корпораций и людей. А как же иначе?

— Моррисси

Книга Кита Манна отправляет читателя на аттракцион истории, рассказывая о развитии движения за права животных и фокусируясь на том его направлении, в котором автор смело может претендовать на звание специалиста. Местами вдохновляющая, местами безумно смешная, местами отчаянно мрачная, эта книга — отчасти автобиография, отчасти исторический документ. Манн пытается сделать то, чего до него не довелось осуществить ни одному другому писателю: собрать воедино все мысли, из которых ранее зоозащитное движение прямого действия черпало вдохновение, и одновременно дать очень личную оценку событиям в хронологии.

Гуманность Манна вызывает к нам, побуждает взглянуть на мир глазами кротких и беззащитных — тех, за кого некому заступиться, кроме людей, готовых ради этого пойти на многое. И даже рискнуть свободой или жизнью, чтобы только рассказывать миру о жестокости, которой наш вид подвергает миллиарды животных ежегодно. Наэлектризовавшись несокрушимым оптимизмом автора, мы уже не сможем разубедить себя в том, что каждое действие, которое мы предпринимаем во имя защиты прав животных — это еще один шаг к миру, преисполненному сострадания, где найдется место каждому живому существу.

Книга Манна — это произведение, написанное человеком, который посвятил большую часть своей жизни погоне за правдой. Возможно, он непреклонен, но он не преступник. Его голос — один из множества голосов других людей, тоже ищущих возможности устранить глобальную несправедливость, которая остается незамеченной в истории человечества. Автор опубликовал свои взгляды, чтобы подстегнуть каждого из нас найти собственный способ сделать мир более гармоничным местом для жизни, отбросив страхи и компромиссы.

— Джон Фельдман¹

¹ Джон Фельдман (р. 1967) — фронтмен группы *Goldfinger*, творчество которой в серьезной степени питают зоозащитные мотивы. Так, например, в песне «*Behind the mask*», ставшей саундтреком к одноименному фильму 2006 года, отстаивается правда активистов ФОЖ, а композиция «*Get up!*» открыто призывает «начать бой» за освобождение животных. Сам Фельдман дает комментарии в вышеупомянутом фильме.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Майку Хиллу, Джил Фиппс, Барри Хорну, Дэйви Барру, Валери Мохаммед, Дебре Бурк, Вики Мур¹, Кэролин Хадсон и Гэри Аллену — дорогим друзьям и преданным товарищам, чье отсутствие среди нас — огромная потеря для человечества; Тому Уорби, у которого не было шанса; ветеринарам, которые помогали нам, когда никто больше не стал бы; всем неизвестным героям, которые рискуют ради других; животным, которых мы спасали, но которых обнаруживала и отправляла обратно полиция; моей Маме — моей самой лучшей на свете маме; и, конечно, тем, кто отдает все, что имеет, помогая другим: вы — мои герои, благодаря которым жизнь на этой планете стоит того, чтобы за нее сражаться; и, наконец, всем животным.

¹ Вики Мур (1945–2000) — британская зоозащитница. Стала частью движения, когда спасла осла от смерти в ходе фиесты в Испании, где его должны были зарезать и съесть. Известность получила благодаря серии видео, в которых изобличала жестокость к животным. На протяжении многих лет она рисковала жизнью в ходе «экскурсий» по местам, куда вход был воспрещен и опасен. Так, в июне 1995 года на нее напал бык, несколько раз ударив в грудь и подбросив в воздух. В результате инцидента у Мур был прокол легкого, были сломаны несколько ребер, кроме того, она лишилась почки. Происшествие повлекло ряд операций, но не остановило деятельность Мур. Она продолжала запечатлевать факты жестокого обращения с животными до самой смерти. Про остальных активистов из посвящения будет рассказано на страницах книги.

ПРОЛОГ

Истоки

Любая истина проходит три стадии. Сначала ее высмеивают. Затем ей яростно сопротивляются. А потом она принимается как очевидная.

Артур Шопенгауэр

В 1970-е я рос в фабричном городе Рочдейле в десяти милях от Манчестера вместе с младшим братом. Мой отец был консьержем в высотном доме. Мама постоянно меняла места работы. У меня нет плохих воспоминаний о детстве, более того, мне жаль, что оно минуло. Если не считать коллекционирования птичьих яиц — за что я до сих пор полон раскаяния — я был порядком далек от живой природы, пока в 1982 году не присоединился к противникам охоты, раздававшим листовки на главной улице города. Знакомство с людьми, которые самозабвенно пытались помочь другим, особенно живым существам, которые не могли за себя постоять, очень воодушевило меня. Встречи с деревенскими ребятами — тоже, но по другой причине. Если они были так жестоки по отношению к людям, которые размахивали плакатами, протестуя против убийства лис, то на что было надеяться самим лисам и другим животным? Вместо того чтобы отпугнуть меня от дальнейших действий, эта жестокость укрепила во мне стойкость. Я окончил школу очень независимым человеком, страстно увлеченным активным образом жизни и в значительно меньшей степени — образованием. Будучи ребенком, я мечтал стать футболистом и «играть за Англию», пока не узнал, что мы как общество делаем с другими биологическими видами.

Моим первым спасенным животным стала домашняя крольчиха. Я проходил мимо нее каждый день по дороге из школы и все время видел ее сидящей в коробке во дворе. Я украдкой вытащил ее и отнес домой в рюкзаке, после того как две недели подряд анонимно умолял владельца подыскать для нее место получше. Крольчиха была спасена, и мои взгляды на «воровство» изменились навсегда. Вскоре после этого я как настоящий активист ФОЖ стащил большой аквариум с золотыми рыбками за спиной у продавца на ярмарке и убежал домой, пока мой друг отвлекал охранника. Мы жили без ванны несколько недель, потому что она была занята 53 золотыми рыбками, которых мы потом выпустили в пруды в окрестностях Рочдейла.

Их освобождение придало мне уверенности, благословив на более «гнусные преступления», в некоторых из которых я готов признаться. Я провел много времени на улице, беседуя с людьми и пытаясь убедить их уважать животных. Я часами прятался в живых изгородях и пробирался на предприятия, которые потом преследовали меня за то, что я предавал огласке факты жестокости, свидетелем которых становился. Разумеется, в этом было нечто будоражащее — прилив адреналина от столкновения с неизвестным: сирены, погони, живые животные, мертвые животные, тюрьма — все или ничего.

Учитывая все это, могу сказать, что моя жизнь была, пожалуй, счастливой и печальной одновременно. Я не знаю, чем бы я занимался, если не этим, несмотря на травмы и постоянный риск более тяжелых увечий. Я падал со здания и проваливался сквозь крышу; прыгал со второго этажа и плыл по реке в резиновых сапогах, после чего был вынужден садиться в автобус, мокрый до нитки и умоляющий о бесплатном

проезде; я разбивал окно собственной машины мячом, который предназначался для чего-то другого; в меня стреляли, плевали, меня били, пытались задавить на машине, преследовали по лесистой местности мужчины с лопатами; обливал слоновьей мочой злобный клоун; арестовывали, обвиняли и судили за поступки, которых я не совершал. Меня доводили до полного отчаяния, безумия и резких поступков бесконечные проволочки чиновников. Меня закрывали в тюрьме и морили голодом из-за моих обвинений в плохом обращении с животными.

Я не говорю о неопишуемых страданиях от проявлений жестокости, очевидцем которых был. Но все это наряду с возможностью хоть что-то изменить и делали мою жизнь стоящей. Быть на волосок от гибели — это ничто, а конфронтации даже придавали мне сил. И конечно же, много давали победы и положительные отзывы. Чем злее люди, против которых я выступаю, и чем дольше я выслушиваю оправдания их произвола, тем больше я симпатизирую истязаемым ими животным и тем острее ощущаю необходимость действовать. Единственное, о чем я сожалею — это о тех случаях, когда меня ловили. Они сделали мне имя, уничтожили конфиденциальность, которая позволяла брать на себя риск. Мне есть что сказать, но я верю, что слова — ничто, а действия — все.

С момента, когда мои глаза открылись на нашу чудовищную жестокость к животным, я всячески старался не увязнуть в карьере или ипотеке. Запас наличных — это лишь призрак тех времен, когда я зарабатывал починкой пылесосов. Я предпочитаю спасать обитателей Земли, до гроба продолжу вести счет тем, кому удалось помочь, и всегда буду знать, что сделал все возможное. Другой жизни я и представить не могу. Я сам выбрал такую судьбу, но карьеры футболиста тоже не избежал, когда стал центральным нападающим в команде особо охраняемых заключенных. Я получил свой Кубок мира, когда мы третий год подряд обыграли лучшую команду надзирателей!

Невозможность или нежелание игнорировать страдания животных погрузили меня в непрекращающуюся череду неприятностей и противостояний, но я думаю, что все это было не зря. Я ни за что не поверю, что даже 10 побед на Кубке мира могли бы дать мне нечто сравнимое с тем удовлетворением, какое я испытываю от того, что убедил столько людей прекратить поддерживать скотобойни и промышленные фермы. Или с осознанием того, что я пристроил столько настрадавшихся животных в дома, где их окружили любовью до конца их дней. Я никогда не причинял физического вреда никому, кто был жесток к животным, но защищался при нападениях и делал все, чтобы помочь отчаявшимся существам — каким именно, признаться не могу. Не потому что мне стыдно, а потому, что меня арестуют и посадят в тюрьму. Тот факт, что подобное происходит в стране любителей животных, не устает изумлять меня, равно как и то, что наша нация обращается с братьями меньшими столь омерзительно. Я написал эту книгу не столько для того, чтобы задокументировать мой собственный путь, сколько ради истории движения людей, которые, как и я, хотят сделать мир более приятным местом для жизни.

Террористическое движение, которое существует уже 20 лет и не замарало себя кровью, можно назвать как минимум необычным.

The Observer, июль 1999

Меня неоднократно пытались убедить, что самый верный путь — распространение информации. Безусловно, это очень важно, но как привлечь внимание к столь коррумпированному и засекреченному злу, которое само принимает законы, использует правосудие и полицию, а то и применяет специальные меры? Написать книгу? Но кто ее прочитает? Конечно, не должно быть вооруженных столкновений, девушек, которых лупят дубинками и травят газом, детей, которые режутся о колючую проволоку, не должно быть камней, швыряемых бунтующей толпой в констеблей и разбивающих стекла зданий. Но не должно быть и животных, которых пытаются до смерти в клетках, так что спорить тут не о чем.

Меня совершенно не удивляет, что люди готовы пойти на многое ради спасения животных. Посмотрите «Фильм о животных»¹, «Под маской»² или «Землян»³ и скажите после этого, что они не подвигли вас хотя бы понять чувства тех, кого власти окрестили экстремистами. Уверен, обществу пошло бы только на пользу, если бы таких людей было больше, а того, против чего они сражаются, не существовало вовсе. Докажите, что я не прав! Когда я писал эту книгу, то не преследовал цели оправдать или романтизировать криминальную деятельность. Я всего лишь задокументировал развитие движения, которое уповает на прямое действие. Разумеется, не все мысли и поступки зоозащитников были мне близки, так же как вы не станете предполагать, что все мясоеды разделяют взгляды друг друга. Но я упоминаю об этом лишь потому, что бытует смехотворное мнение, дескать, за действия каждого освободителя животных несет ответственность все движение.

Я решил собрать все факты воедино, чтобы написать историю ФОЖ, когда сидел в тюрьме в феврале 1992 года. Имея в запасе предостаточно времени, я планировал сделать простое справочное издание — хронологию дат и событий, если угодно. Единственными источниками, хранившими подобную информацию, были бюллетени Фронта, которыми могли заинтересоваться полтора человека и которые в итоге оказывались на помойке или где-то в чулане. Мне показалось неправильным, что у такой монументальной инициативы, как освобождение животных, не было более детального архивного источника. Существует множество книг, рассматривающих конкретные области угнетения животных, равно как справочников для активистов и даже романов, но ни в одной из этих книг не описывались подробно акции и люди на линии фронта, а также реакция государства.

Я собирался закончить книгу к 1993 году, когда ожидал добиться повторного рассмотрения моего дела и перейти к новой стадии жизни — неважно, вне тюрьмы

¹ *The Animals Film* (1981) — документальный фильм, содержащий кадры, подобных которым широкий зритель до этого не видел. В картине едва ли не впервые было показано, как люди обращаются с животными в индустрии развлечений, сельскохозяйственной промышленности, при проведении военных и научных исследований. Многие из продемонстрированного в картине шокирует до сих пор.

² *Behind The Mask* (2006) — см. Приложения.

³ *Earthlings* (2005) — см. Приложения.

или в ее пределах. Сидя под замком, я исхитрился достать ранние архивные работы о правах животных и бросился марафеть бумагу в попытках сформулировать нечто большее, чем просто дневник событий. К сожалению, то, что ФОЖ и другие организации делают сегодня, ничем не отличается от того, чем они занимались всегда. Большинство акций аналогичны во многих отношениях, но, как выясняется, об одном только спасении кур и дутье в охотничьи горны можно много чего рассказать. Как вы убедитесь, это длинная история!

Помимо написания книги я делал кое-что еще, а именно пытался как можно скорее выбраться из тюрьмы. Я всегда обещал себе, что сделаю для этого все возможное. Мне удалось найти короткий путь к выходу еще до того, как книга была закончена. И оказалось, что это было очень даже неплохо, потому что в противном случае на ее страницы не попало бы все, что случилось в дальнейшем.

Это произошло одним утром в июне 1993 года. Манчестерские детективы эскортировали меня из Уолтонской тюрьмы в Ливерпуль. Вещи остались в камере, ожидая моего возвращения тем же вечером. Однако providение дало мне возможность улизнуть, и я за ними не вернулся. Вполне ожидаемо, что собственность заключенного, который совершает побег или пропадает без вести, забирают власти, и я был уверен, что именно такая участь ждет все мое имущество. Но вышло так, что администрация тюрьмы оставила только какую-то ерунду: плеер, радиоприемник, марки, словарь и т. п. К моему изумлению, рукопись наряду с одеждой и документами была позднее вручена моей маме. Спустя какое-то время она оказалась у меня в Суссексе, где я залег на дно, намереваясь ее закончить. Я оказался дисциплинированным до такой степени, что проводил часы перед компьютером. Однако за два месяца результаты были очень скромными, и тут меня схватила полиция, конфисковав книгу вкупе с множеством других вещей. За тот год, что я ею занимался, достичь удалось немногого, и прогнозы были не самыми радужными.

Упомянутая в числе «различных бумаг» в полицейских рапортах, моя рукопись могла запросто исчезнуть в бюрократической черной дыре. Но она чудесным образом всплыла, и спустя несколько месяцев я добился, чтобы ее под благовидным предлогом доставили в тюрьму Фулл-Саттон, где я плавно перетащил мою писанину в компьютерный класс. Медленный прогресс достигался в течение двух часов в день трижды в неделю под угрозой пропажи книги при обысках камеры, забастовках и затоплении тюремного блока. К этому необходимо добавить, что, по легенде, в том классе я обучался навыкам обращения с компьютером, а вовсе не готовил книгу, о чем мне напоминали всякий раз, когда ловили за писательством. Я знал, что время моего пребывания в Фулл-Саттоне было ограниченным, поэтому требовалось закончить книгу как можно скорее до перевода в другое место, где меня ждала бы куда меньшая свобода.

Большую часть работы я выполнил в последующие месяцы, после чего залил ее на диск и переправил издателю. Первый редактор не смог заняться проектом, что стало следствием не связанного со мной ареста по обвинению в подстрекательстве к преступлению, содержавшемуся в его материале. Следующий желающий издать мою книгу держал ее под подушкой, к моему смятению, целый год. Потом он сильно извинялся, но что толку. Было и третье предложение — от канадского активиста ФОЖ. Он был, возможно, немного странный малый, но видел наброски и хотел помочь. Собственно, по его словам, ребята готовы были выполнить всю работу и заплатить за издание, если потребуется. Если все действительно так и было, казалось бы, чем я рисковал? Но так уж вышло, что, несмотря на очевидный энтузиазм, прогресс был ничтожно мал. Во многом причиной этому служили полицейские рейды и занятость ребят своими делами.

Я никак не ожидал, открывая запись на диске три года спустя, что обнаружу вовсе не готовый к публикации текст со всеми необходимыми дополнениями и обновлениями, а набросок в том его виде, в каком я его сохранил давным-давно. Определенно, здесь сыграла роль Канадская королевская конная полиция, нагрянувшая в дом известного зоозащитника и арестовавшая рукопись наряду с большей частью его личных вещей.

Урок, который я после этого вызубрил, был таков: если хочешь, чтобы что-то было сделано, придется сделать это самому. А пока я медлил с книгой, политическая ситуация в стране изменилась, и тюремная система ввела ряд ограничений, сделав написание книги проблематичным. Мне было еще сложнее, потому что спрятанная копия диска провалилась в проем в стене, став тем самым навсегда утерянной. Атмосфера в Департаменте просвещения, как и везде, ухудшалась, реагируя на призыв Майкла Говарда¹ ужесточить тюремный режим.

Между тем мне предложили работу уборщика в спортзале. Весь день рядом с тренажерами — о таком дважды просить не надо. Что же касается книги, то у меня не было ни малейшей возможности получить утраченную копию диска, поэтому я попытался добыть текст в напечатанном виде по почте. Я бы мог обновить и дополнить материал, после чего отослал бы рукопись обратно. Все просто. Но существовали тюремные правила. Один из многочисленных запретов Говарда (на которые его вдохновила агрессивная, алчная Ассоциация тюремных служащих) гласил, что семья и друзья больше не могут присылать книги. Единственным способом получить книгу было заказать ее в библиотеке и заплатить за персональное пользование. К счастью, мне нужна была не книга, а всего лишь фотокопия рукописи на листах А4, которой, я надеялся, однажды только предстояло бы стать книгой. Казалось бы, какие проблемы, так? Ха!

В день, когда бумаги пришли по почте, какой-то чинуша-крючкотвор решил, что я не могу получить книгу, потому что она была заказана не через библиотеку.

— Новые правила, — объявили мне.

Все попытки растолковать ребятам заведомую тщетность заказа (причем у самого себя) еще не изданной книги были безнадежны. Никому не хотелось рисковать и вникать в суть вопроса, поэтому мне твердили:

— Если позволим тебе, все тоже так захотят.

— И вы потеряете деньги на том, что заключенные будут читать присылаемые им фотокопии книг вместо библиотечных изданий? — осведомился я.

— Ты ее не получишь!

Мы с рукописью не виделись вплоть до моего освобождения тремя годами позднее. К тому времени она все еще нуждалась в серьезной переработке. У меня вновь началась бурная жизнь, да и кампания за закрытие обезьяньей фермы Шемрок была в самом разгаре, поэтому работа над книгой продвигалась медленно. К тому же она вновь оказалась в руках полиции вместе с компьютерами и другим добром после рейдов на дома зоозащитников. Через год после Шемрока я наконец нашел время для работы. Я показал кое-кому книгу и спросил совета. Оказалось, что текст нуждался в одном — «серьезной редактуре». Лишь спустя три года (за время которых случились

¹ Майкл Говард (р. 1941) — британский политик от Консервативной партии и ее лидер в период 2003–2005 гг. Был членом парламента в 1983–2010 гг. Неоднократно вступал в конфронтации с судьями и реформаторами пенитенциарной системы, намереваясь победить преступность серией «жестких мер» наподобие ограничения права подозреваемых на молчание при общении с полицией и в суде как части закона «Об уголовной юстиции и общественном порядке» 1994 года.

две кампании, два переезда и смена пары компьютеров) я нашел-таки время, ресурсы и вдохновение, чтобы полностью переработать фрагменты материала и собрать их воедино, дабы получилось то, что вы читаете сейчас.

История Фронта освобождения животных — это история борьбы яркого, многообразного движения, объединившего десятки тысяч людей по всему миру, одним из которых являюсь я. Вначале я намеревался сделать книгу историческим документом, а не собственной историей, но читавшие те ранние версии люди были иного мнения. Они убеждали меня, что я должен сделать книгу более личной, дабы она стала чем-то вроде персонального взгляда на движение — с автобиографическими нотками. Переиначивая текст, я встал перед выбором, включать ли в него истории, связанные с тюрьмой, потому что тюрьма — это тоже по-своему очень захватывающе, но решил этого не делать. Просто имейте в виду, что я начал работать над этим проектом в ливерпульской тюрьме в 1992 году, когда грянул первый залп в войне против охоты с гончими, а сейчас на дворе 2007-й (я наконец передал текст на финальное утверждение 18 февраля 2005 года — в день запрета на охоту).

И последнее: прежде чем я закончил эту работу, лейбористское правительство явилось в парламент с последним сводом законов по дальнейшей криминализации всех несогласных, особенно протестующих против вивисекции. Кроме того, полиция получила власть останавливать любого, кто станет «воспевать терроризм». Так вот, мне думается, что тянуть всю ту же песню про то, как здорово наши войска действуют в Ираке, и вести себя так, словно сам факт их нахождения там не может не радовать — это и есть воспевание терроризма. Так почему никого не арестовывают? Если уж не за военные преступления, так хоть за нарушение этих новых законов. Некоторые считают, что спасение животных через их похищение — это терроризм. Я не согласен. Вместе с тем я не думаю, что эти законы были придуманы, чтобы остановить людей, которые беспокоятся о животных, находящихся в опасности, переживающих серьезные физические и эмоциональные травмы, или чтобы по-новому определить терроризм. Но я и не хочу воспевать крайние практики, потому что, как вы сможете убедиться в ходе прочтения книги, за такое поведение общество не сулит ничего хорошего. Вас могут убить или арестовать и посадить в тюрьму даже за мирный протест. Но протестовать вы обязаны! Эта книга содержит множество фактов, она преподает историю борьбы, которой наше общество должно гордиться. Она рассказывает о людях, которые защищали животных, и о положении, в котором находятся братья наши меньшие. Здесь нечего бояться. На момент написания книги соглашаться с освобождением животных от пыток и убийств еще не было преступлением, наказуемым семью годами тюрьмы — за одно только воспевание терроризма. Но кто знает, что принесет нам завтрашний день, если «государственная кувалда» решится размазать зоозащитников?!

Невзирая на все фальстарты и препятствия, книга закончена. Это не объективная версия истории движения, это история, какой ее вижу я. Это история без окончания, она будет дополняться подвигами тех многих, кто продолжит наше дело в грядущие годы до тех пор, пока мы не добьемся полного освобождения животных. Книга посвящена бесчисленным животным-жертвам, которые страдали и умирали и продолжают страдать и умирать от рук человека из-за его одержимости властью и наживой; она посвящена многим храбрым и прекрасным людям, которые участвовали в борьбе. Моя книга — памятник любви. То, о чем вы читаете на ее страницах, — плоды этой любви. Надеюсь, вы сочтете мой труд просветительским.

Он начинается с краткого и далеко не исчерпывающего изложения ранней истории движения, дает оценку развитию Фронта освобождения животных, который начал формироваться в 1960-е, и повествует о рейдах активистов ФОЖ, позволявших им добиваться поставленных целей. Или, возможно, наоборот, отбрасывавших на годы назад. Вам решать. Эта история еще не досказана.

Надеюсь, вы сможете понять, как мыслят и чем движимы некоторые из людей, которые рискуют свободой и сражаются против законов и традиций, уходят в глухое подполье или даже ведут двойную жизнь. Взгляды, которые я выражаю в этой книге, — мои собственные, хотя многие, я думаю, разделяли бы их. Тем не менее я выкладываю вам всю правду (такой, какой ее вижу я) в виде историй, характеризующих феномен под названием Движение за освобождение животных. Я собрал воедино интервью с активистами прошлого и настоящего, архивные материалы и личный опыт. Не могу сказать, что согласен со всем, что делают люди во имя соблюдения прав животных. Чтобы объяснить мое отношение, позвольте заверить вас, что я против насилия ровно настолько, что даже сам вступил в ФОЖ. Но я различаю насилие по отношению к человеку и причинение ущерба неодушевленным предметам, которые ему принадлежат. Последнее меня ни капли не смущает, первое будет расстраивать всегда.

Эта работа — одинокий голос с линии фронта войны за должное обращение с другими существами. Действия активистов часто описываются как экстремистские, и я буду использовать это слово. Пусть это станет честной характеристикой в глазах отдельных людей, у меня нет иллюзий по данному поводу. Вкратце: за четыре десятилетия освободители животных не сделали ничего, что шло бы хоть в какое-то сравнение с тем насилием, которому подвергаются миллионы живых созданий, эксплуатируемых день за днем. Для меня решающим фактором в этой войне, идущей в «Век фантастической жестокости», является подсчет потерь: среди животных они колоссальны, среди людей — равны нулю. Я призываю вас думать своей головой и не поддаваться на увещевания тех, кто считает насилие единственным выходом.

Это движение всегда жило своей жизнью, никто не имел над ним контроля и не мог диктовать правила или навязывать правильный курс, разве что наиболее предпочтительные направления деятельности или интерпретации неких общих идей. Правила действительно не писаны, но основной канон таков: не прибегай к насилию и не подстрекай никого к нему. Вот и все. Хорошее правило, разве нет? Лучший совет. Когда защитник животных сталкивается с ужасной правдой об угнетении слабых, ему трудно следовать этой установке, и он задается вопросом: с какой стати? Чтобы угнетатели животных чувствовали себя в безопасности? Чтобы индустрии, эксплуатирующие животных, продолжали процветать? Все это серьезные вопросы, но ирония заключается в том, что люди, которые придерживаются данного мировоззрения и поступающие соответствующим образом, могут зарекомендовать себя бесчеловечными, полными жажды насилия террористами или экстремистами и угодить в тюрьму! Альберт Эйнштейн как-то сказал: «Мир — опасное место не потому, что люди совершают зло, а потому что мы позволяем им это делать». Мы нарушаем правила, чтобы остановить кровопролитие, а не для того, чтобы его продолжать.

Как вам предстоит убедиться, «зоозащитный экстремизм» — это намного больше, чем просто лозунг и несколько крикливых статей. Из нас умышленно делают хорошо продаваемую и искаженную историю. Книги вроде «1000 рецептов блюд, не содержащих продуктов животного происхождения», «1001 столкновение на охотничьих угодьях» и «Руководство для протестующего по поведению в полицейских участках» помогут дополнить картину. Это движение состоит из множества воинов, которые

ведут совершенно разные бои, из множества историй, которые стоит рассказать, из множества храбрых сердец. Надеюсь, все это вдохновит кого-то или даже всех, кто прочитает эту книгу, на то, чтобы присоединиться к нам, вступить за животных. Важно не то, что делают остальные, а то, что делаем мы. Если мы ничего не делаем, то теряем право осуждать тех, кто делает хоть что-то.

Из-за самой природы деятельности ФОЖ я не мог даже рассчитывать на то, чтобы задокументировать все пережитое участниками событий, но многое мне все-таки удалось раздобыть. То же самое с фотографиями. Я искал их, чтобы собрать полноценное досье, однако кое-какие ключевые события вообще никто не запечатлел. Некоторые снимки были утеряны, изъяты в результате полицейских рейдов или попросту хранятся в коробках у кого-то на чердаке.

В этом калейдоскопе перемешались мой опыт, «криминальные» хроники и другие детали, тщательно собранные по архивам или полученные от экс-активистов и коллег с хорошей памятью. Надеюсь, что ошибок нигде нет. По крайней мере, уповаю на то, что эта книга развлечет и проинформирует вас, подав события с новой перспективы. Я долго и мучительно следил за всеми аспектами эксплуатации животных и спрашивал многих соратников об их мотивах. Сам я был активистом ФОЖ много лет и поныне остаюсь веганом. Следовательно, я, как выразились бы некоторые, зоозащитник-экстремист. Что ж, я горжусь такой ипостасью, если это означает, что я против любых проявлений плохого обращения с животными и не согласен ни на какие компромиссы. Но проясним одну вещь: я считаю, что преднамеренное физическое насилие должно немедленно прекратиться. С ним движение далеко не уйдет.

Буду рад, если прочтение этой книги даст более полное представление о ФОЖ и других подобных группах. В книге поднимаются вопросы о дискриминации животных, об обращении властей с протестующими против эксплуатации животных и о том, как СМИ подают эту информацию.

Для бойцов ФОЖ не существует никаких финансовых вознаграждений и славы. Это исполненная самоотверженности жизнь с повышенным риском ареста, тюремного заключения, физического вреда и даже смерти. Но вознаграждение огромно, и для некоторых людей оно существенно перевешивает все связанные с подобной деятельностью опасности.

Все дело в животных и много в чем еще.

Нет у тебя врагов, мой друг?
 Увы! Хвалиться нечем тут;
 Те, кто, не покладая рук,
 За честь и долг борьбу ведут,
 Не могут быть угодны всем.
 Бездельник ты, иль слеп, иль нем,
 Коль недругов нажить не смог.
 Предателя не бил ты в бок,
 Ты кубок сладкого вина
 Злодею дал допить до дна,
 Ты в правду ложь не обратил,
 Труслив и робок в драке был¹.

Чарльз Маккей

Где-то в деревенской местности графства Хэмпшир, южная Англия, Страстная пятница, 2003 год...

Холодно, очень-очень темно и зловеще тихо, если не считать звуков, издаваемых дикими животными, снующими в мелколесье. Повсюду крысы, но их количество несравнимо с тем, что в зданиях. На них никто не обращает внимания, хотя полностью игнорировать тоже трудно, так как они бегают по некоторым людям. Для присутствующих это не легкая прогулка, но хуже всего двум или трем страдальцам, лежащим в траве в ожидании команды выдвигаться. Хотя не так страшно, учитывая, что всего здесь 16 человек! Скольких друзей ты можешь позвать прятаться в темном, жутком, расположенном черт-те где лесу ночью в компании резвящихся повсюду крыс, зная, что худшее еще впереди? Готов поспорить, не многие согласятся! И дело не в диких крысах, а в риске тюремного заключения (таков приз за участие в этом междусобойчике) и необходимости абсолютной уверенности в друзьях, в том, что они не бросят, если тебя схватят.

В этом лесу прячутся активисты Фронта освобождения животных. Укрытые от остального мира, рядом стоят три огромных амбара, от которых исходит зловоние, несравнимое ни с чем на свете. В вонючих амбарах так много кур-несушек в выстроенных рядами клетках, что ты буквально не устоишь от смрада, прежде чем успеешь их сосчитать. Они здесь, чтобы производить товар под названием «Свежие яйца с фермы» — дешевый продукт для магазинных прилавков. Никого не волнует, как его получают, кроме маленькой группы людей, которые не только бойкотируют подобную продукцию, но еще и приехали помочь этим птицам выбраться, чтобы подарить им более комфортную жизнь.

Само существование этой формы массовой жестокости — дерзкий вызов представлению о том, что мы являемся цивилизованным обществом, любящим животных. И ферма эта — далеко не частный случай. Подобные предприятия могут вмещать десятки тысяч эксплуатируемых до предела возможностей молодых рыжих кур, потомков красных джунглевых куриц из Юго-Восточной Азии. Начиная с 1970-х в подобных «куриных сараях», как называют эти монструозные сооружения, могло содержаться несчетное множество птиц — настолько массовой была эксплуатация с тех самых пор.

¹ Перевод Юлича.

Один из первых спасательных рейдов был проведен не так далеко от этих мест шестью друзьями, которые встретились на митинге в защиту животных на юге Англии в 1975 году. Тогда их сочли скорее эксцентричными, а в сегодняшнем обществе скотоводы, ведущие СМИ и политики определили бы их как «экстремистов». За один вечер они превратились в «активистов», всегда находящихся начеку и готовых отреагировать на любой случай угнетения животных. Одним воскресным днем они просто припарковали свои машины на газоне, перелезли через ограду, прошли по полю к заднему фасаду фермы в Хэмпшире — «графстве жестокости», как кто-то назвал его — и сняли засов с первой же двери, до которой добрались. Все то же самое, что теперь, 30 лет спустя. То же графство, только другая ферма. Бесчисленные птицы, запертые в клетках и кажущиеся решительно несчастными. Пионеры ФОЖ боялись, что их подстрелит или поймает злой фермер, поэтому уже через 15 минут они покинули его владения, и каждый забрал с собой по птице. У них ушло так много времени, потому что не удавалось открыть дрянные клетки. Это, кстати, урок, который должны усвоить все освободители на собственном опыте: дверцы клеток открываются по-разному! Впоследствии все участники согласились, что могли бы спасти больше птиц, если бы были спокойнее, но начало есть начало. На деле же получился старт чего-то большего: «экстремизма» в борьбе за права животных! Это был простой, но эффективный шаг, и его следовало делать еще и еще, причем так, чтобы активисты спасали все больше и больше и больше птиц. Куры, содержащиеся по батарейной системе¹ и безжалостно эксплуатируемые, вдохновляли поколения активистов переступать через границы легальных протестных акций.

Прежде чем двинуться к ангарам, участники налета в Страстную пятницу ждут, пока последний рабочий не отправится домой. Но даже когда никакой опасности нет, приходится действовать быстро. Работы полно. Как бы нелепо это ни звучало, но иногда удается просто открыть двери и войти. Тлетворный смрад бывает столь силен, что запирать двери попросту невозможно. Согласитесь, это зрелище не каждому придется по вкусу, но ферма, состоящая из смердящих, забитых экскрементами построек, находится у черта на рогах, окруженная изгородью из деревьев, так что смотреть на нее некому. Ни один человек в здравом уме не переступит порог подобного места. Пока яйца продолжают поступать, ничто иное не важно. Лишь небольшая группа активистов готова прорываться к клеткам сквозь нечистоты. У фермера, правда, заведено за правило периодически пригонять трактор и сгребать гору испражнений, мертвых птиц и разбитых яиц, чтобы отволочь все это в поля, но если не считать подобных чисток, этот мир варится в собственном соку.

¹ Система содержания, уместно сравниваемая с условиями жизни заключенных в нацистских концлагерях во время Второй мировой войны. Куры содержатся в клетках, которые тесны настолько, что на каждую птицу приходится площадь чуть меньше одного альбомного листа. Птицы не в состоянии двигаться, проволочный пол режет им лапы, вызывая язвы и раны. Если несушка оказалась зажатай между соседками или защемила ногу в решетке пола, она не может дотянуться до корма и медленно умирает, так и оставшись на своем месте, по-прежнему зажатай сородичами. По статистике, на каждую живую курицу в клетке приходится одна мертвая. Батарейная система содержания приводит к развитию аномального поведения: куры выдергивают собственные перья и заклеивают более слабых птиц. Чтобы сократить количество таких случаев, цыплятам удаляют часть клюва, прижигая обрубок раскаленным железом, что для них очень болезненно (на клюве огромное количество нервных окончаний). Последствия стресса, перенесенного в результате обжига, остаются на всю жизнь. Таким клювом трудно клевать пищу и невозможно чистить перья и крылья. Кроме того, у самок электрическим ножом обрезаются два пальца, а у петухов — гребешки.

Как только последний из рабочих уезжает, люди натягивают балаклавы и выдвигаются с позиций. В целях конспирации многие из них узнали о своих задачах лишь за два часа до начала; они лишь были предупреждены, что будет дело. Противостоять жестокости всегда непросто, но есть люди, для которых проще испытать боль, пытаясь что-то сделать, чем не делать ничего. Открыв сгнившую деревянную дверь первого здания, страдающие от боязни крыс члены команды подвергаются настоящему испытанию. Их соратники, побывавшие здесь с разведкой, предупреждали остальных о происходящем, но никакие слова не способны описать открывшуюся им здесь картину. Внутри царит почти неопикуемый ужас. Первым делом тебя срубает запах — срубает почти буквально. Представьте себе концентрированный запах сгнивших останков тысяч кур. Отходы под клетками простираются на все освещаемое фонарем пространство, их горы тянутся ввысь, как Альпы. Над ними расположены стойки с птенцами, их лапы режутся о колючую решетку. Повсюду массы серой древней паутины, которая сгустилась вокруг клеток, перекладин и стен, формируя что-то вроде второго покрытия для всего здания. В отходах кишат тысячи крыс; пол как будто усеян ими. Они носятся, останавливаются и тарачатся, высматривая еду — упавшие крошки, яйца, мертвых кур. Они пробегают по твоим ступням и забираются по ногам. Они бегают по кучкам перьев, перемешанным с другими отходами.

Одна крыса встает на такой кучке и смотрит на непрошенных гостей. Эта кучка перьев — живая птица, выпавшая из клетки, но она лежит внизу уже долго, и у нее нет шансов. Возможно, она умирает от голода или ран — кому какое дело? Ее голова зарыта глубоко в груди. Крыса сочла, что с курицы открывается хороший обзор — хоть для чего-то сгодилась. Птицы отданы в распоряжение судьбы. Они мало что могут сделать: некуда бежать, негде спрятаться, отсюда никак не выбраться. Ты падаешь и умираешь. Если только не посчастливится повстречать «экстремиста».

Для начала команда разделилась на группы, чтобы выскрести из каждого поддона для помета упавших птиц, которые соскользнули в ходе погрузки или освободились из сломанных клеток. Только сельхозработчие знают, как птицы оказываются в поддонах, и им плевать. С первого взгляда сложно сказать, жив тот или иной комок перьев либо мертв. Многие получают тяжелые травмы от околечения ног, отчего они не в состоянии двигаться, поэтому просто сидят, пока не умрут. В этих поддонах найдутся птицы на любой стадии жизни, смерти и разложения. Некоторые способны только реагировать на свет фонаря — настолько они близки к смерти, либо окончательно обессилевшие, либо затянутые в омут сырых отходов, образовавшийся из-за протечки в трубопроводе. Медленно гниют заживо. Такова плата за труд, который от них требуется с первых недель жизни. На спасение таких птиц достаточно направить несколько энтузиастов, но это непросто, по словам 17-летней медсестры-стоматолога Ли, для которой этот рейд — первый в жизни. Ее пригласила поучаствовать старшая сестра, которая регулярно выполняет такого рода работу. Впоследствии Ли скажет:

«У нас ушло так много времени на проработку одного 3-го отсека, потому что в нем было много воды. Мы думали, что везде дело обстоит одинаково, но потом я поняла, что только нам не повезло. Это было равносильно преодолению зыбучих песков. Четверо из нас неоднократно застревали, приходилось постоянно спасать друг друга и собственные ботинки. Ужаснее всего было тратить целую вечность, чтобы добраться до какой-нибудь дальней птицы и обнаружить, что она мертва. Один цыпленок, к которому я пробиралась, был мертв на 99%, но продолжал моргать. Он умер у меня на руках, крошечный и почти невесомый. Я думаю, его мечта сбылась: кто-то пришел за ним, чтобы отнести на залитое солнцем пастбище, которое было нарисова-

но на коробках яиц. Но его крохотное тело просто не выдержало. Пожалуй, это было самое печальное из того, что когда-либо со мной случилось.

Я была очень горда работать со всеми этими действительно разными людьми, каждый из которых трудился изо всех сил, чтобы спасти как можно больше животных. Это заставило меня задуматься о моей жизни. Мои школьные друзья в массе своей едят мясо, и им просто нет до всего этого дела. Они не могут даже подумать о том, чтобы перестать есть курятину, не говоря уже о вегетарианстве! Но когда ты видишь все это, ты уже не можешь взять и отвернуться. Джина (это ее настоящая имя) в целях защиты пыталась отгородить меня от этой стороны жизни “любителя животных“, но мне было необходимо пережить нечто подобное, чтобы понять, что делать в этой жизни. Лечить людям зубы — не мое призвание. Хотя бы потому, что при этом чувствуешь запах съеденного пациентом мяса, знаете ли».

В каждом поддоне для помета по дюжине живых птиц и множество мертвых. В трупах и под ними живут целые колонии черных жуков. Пол словно становится живым, когда они при свете фонаря забегают обратно в груды испражнений. Выживших в этом аду птиц загружают в ящики для хлеба, которые ставят в багажник одного из автомобилей у входа. Там тесно, и так будет следующие несколько часов, но это пятизвездочное размещение по сравнению с тем, что им уже пришлось перенести за свою короткую жизнь.

К моменту, когда команда, приписанная к третьему отсеку, возвращается к первому, кто-то уже успел прорезать большую дыру в сетке над поддонами рядом с дверями, где болото отходов не так глубоко. Птиц передают из рук в руки и помещают в большие светлые разноцветные пластиковые мешки для грязного белья — по четыре-пять в каждый. Это единственные яркие цвета, которые куры видели в своей жизни. Образуется своего рода конвейерная лента из мешков и птиц, движущаяся от клеток к ящикам для хлеба. Понимают ли птицы, что у этих людей добрые намерения, или думают, что их ждет кошмарное последнее путешествие на скотобойню?

В лесу у ворот поставлен дозор, но никто не должен вернуться на ферму до раннего утра. Всем не поздоровится, если поймут с поличным на месте «преступления», — и не в последнюю очередь хозяевам фургонов для перевозки лошадей, одолженных под честное слово, что они будут возвращены в целостности и сохранности, — но работа проходит в выверенном, ровном темпе. Торопиться значило бы тратить ценную энергию, а кроме того, птицы очень хрупки. Согласно отчетам и наблюдениям, у многих кур по дороге на бойню и в процессе разгрузки ломается по меньшей мере одна кость. При транспортировке и забое никто об этом, конечно, даже не задумывается.

При разборе клеток многим приходится жертвовать. «Сколько мы сможем взять?» — спрашивает Ли. Взять всех не получится, во всяком случае, на это понадобилось бы намного больше рук и времени. Этажи клеток тянутся ввысь и вширь, кур слишком много, они утрамбованы в клетки по пять птиц. Вероятно, где-то их меньше, но это потому, что сокамерники умерли, предоставив выжившим больше жизненного пространства и став для них полом, более мягким, чем железные прутья. Но за какую клетку браться? Первая мысль — довериться случаю, чтобы не пришлось выбирать, кому предстоит провести следующие 10 лет, живя счастливой жизнью, а кому — копошась в нечистотах и клюя все подряд от безысходности, чтобы в конечном счете, физически истощенным и травмированным, умереть страшной смертью на скотобойне. Мир жесток, но чья в этом вина? Уж точно не «веганов-экстремистов».

Проходов между рядами столько, что легко можно потеряться. Птиц безумное количество, возможно, тысяч сто, и каждая обучена только клевать, чем они все и на-

чинают заниматься, как только посветишь на них. Только это они и делают в течение 18 часов под искусственным освещением — едят. Поэтому уже выработан рефлекс: есть, как только зажигается свет! И принимать грязевые ванны. И откладывать яйца. В этом-то и проблема: они могут лежать сутками напролет, к чему их и принуждают рычагом выключателя. Все выглядят разбитыми и покорными. А что им остается? Некоторые издают по-настоящему тревожные звуки. Периодически раздается крик боли: это очередная птица что-то сломала, сошла с ума или умерла. Кто знает? Ты ее никогда не найдешь. Звук такой, что все равно уже слишком поздно.

Некоторые птицы лежат на полу рядом с клетками, еще не совсем мертвые. Остальные уже мертвы. Их выкинули за то, что они неудачницы, которые не приносят прибыль. Они могут лежать так, пока не погибнут. В обстановке, где скученность считается нормой, к концу года в живых может не остаться ни одной птицы. Но это никого не волнует, потому что все эти куры прожили достаточно, чтобы принести существенный доход. Даже если их накачивать антибиотиками по полной, они все равно не будут откладывать яйца вечно. Они очень хрупкие. Печально во всем этом еще и то, что зачастую они выживают и продолжают откладывать драгоценные яйца, сидя в клетке, если их просто оставить в покое. Но этого мало: их заставляют откладывать больше. По сравнению с масштабами эксплуатации, статистика освобожденных активистами ФОЖ удручает. Тем не менее начиная с 1975 года многие тысячи пернатых были спасены из преисподней птицефабрик и переправлены туда, где они смогли жить долго и счастливо, окруженные любовью.

Три часа спустя первый фургон для перевозки лошадей медленно выкатывается из леса, а второй, с выключенными габаритами, задом подъезжает к дверям. Для активистов, выбивающихся из сил, это радость. По итогам шести часов эта маленькая группа собрала, усадила в ящики и отправила в хорошие дома более тысячи кур. Все затрудняются сказать, как им это удастся, потому что птицы буквально повсюду. Для начала «девочек» отвозят в заранее подготовленные убежища, откуда их распределяют по людям, которые поселят их на задних дворах, садовых участках и фермах. Как бы это дико ни было, но подобные проявления сострадания расцениваются в глазах закона как «преступная деятельность». А если полиция обнаружит птиц, их запихнут обратно в клетки. Это ведь чья-то собственность, и неважно, если они страдают, — их нельзя спасать. Так что же делать? Давайте разберемся.

Через несколько недель после рейда, проведенного Фронтом освобождения животных на ферме в Уоллопс-Вуд, Королевское общество предотвращения жестокости к животным¹ (RSPCA) получило видеозапись с места событий. Предполагается, что RSPCA помогает братьями нашим меньшим: «RSPCA действует во благо животных», — так говорится в их промо-материалах. Поразительно, но инспектор RSPCA не удосужился проверить условия содержания кур на ферме и отказался смотреть видео, объяснив это тем, что эксперт по домашней птице — его знакомый ветеринар — ознакомился с записью и заверил, что там нет ничего незаконного. То есть они вполне нормально могут гнить в поддонах для помета или помирать на полу возле клеток. Инспектор кивал ветеринару, когда тот хлопал его по плечу и по-свойски объяснял, что подобная жестокость — это неизбежные издержки производства дешевых яиц. В приоритетах RSPCA экономическая составляющая явно выигрывает у зоозащитной.

¹ *Royal Society for the Prevention of Cruelty to Animals (RSPCA) — основанная в Лондоне в 1824 году при покровительстве королевы Виктории благотворительная зоозащитная организация. Только за 2009 год расследовала 141 280 жалоб о фактах жестокости, а также подобрала и спасла 135 293 животных.*

К сожалению, Институт торговых стандартов¹ и муниципальный совет во главе с Департаментом по защите животных — это те организации, с которыми каши не сваришь. Они уже бывали в Уоллопс-Вуд, и присутствовавшие при этом зоозащитники не могли не отметить, что инспекторы института даже не вынесли предпринимателю предупреждения, а мгновенно смылись. Благотворительные и зоозащитные организации уже поняли, что судебное преследование в таких случаях — крайне редкое явление. Годом ранее инспекторов института вызывали сюда же, и по странному совпадению оказалось, что за день до этого куры сильно «потеряли в численности»: многие отправились на бойню, чтобы стать кормом для своих сородичей или чем-нибудь еще. Кроме того, инспекторы не заглядывали в поддоны, их интересовали только клетки, а так как те оказались пусты, место было признано пригодным. Инспекторов вызвали еще раз для проверки поддонов для помета. Им прислали видеоматериалы, сделанные активистами ФОЖ, демонстрировавшие упавших в грязь кур и их страдания, крыс рядом с лежащими птицами и несущек, втиснутых в клетки до отказа. Ревизоры уже видели подобное раньше и даже не собирались что-либо предпринять в связи с этим. Они сделали фермеру замечание и порекомендовали выскрести птиц из поддонов, но уже спустя месяц в живых остались лишь десятки куриц. Вместо того чтобы последовать указаниям, фермер заменил старые деревянные стены с обилием щелей на новые железобетонные, которые более тщательно скрывали все происходящее внутри фабрик от любопытных глаз освободителей, готовых нагрязнать в любой момент. Хэмпширский Институт торговых стандартов больше переживал, что люди проникли в это место без защитной одежды и могли распространить болезни, поэтому требовал имен. Вопрос о чудовищных условиях, в которых куры были вынуждены жить, даже не поднимался! Только об экстремистах, которые проникли в эти смердящие бараки, чтобы спасти птиц.

В итоге 42-летний фермер, которого в 2004 году признали виновным в причинении необязательных страданий 2 тысячам птиц, обнаруженным мертвыми, умирающими, больными или живущими в чудовищной антисанитарии, был освобожден и приговорен к штрафу в размере 75 фунтов. Тем временем дома двух мужчин, арестованных за спасение некоторых из этих птиц, обыскали, а их самих приговорили к нескольким месяцам условного заключения и выплате штрафов в размере 1000 фунтов.

¹ *Trading Standards Institute (TSI) — правопреемник существовавшего до него Акционерного общества инспекторов мер и весов, основанного в 1881 году. Ассоциация, представляющая торговые профессиональные стандарты в Великобритании и за границей. Игрет важную роль в вовлечении британского парламента, Европарламента и ключевых влиятельных лиц в деятельность местных властей, в деловой и потребительский секторы, а также работу органов управления.*

С темных времен

Слепая покорность авторитетам — враг истины.

Альберт Эйнштейн

Сложно, если вообще возможно, сказать, когда именно зародилось движение за освобождение животных. Многие накапливались тысячи лет, и каждое новое поколение прорабатывало и развивало идеи предыдущего. Это пример человеческой эволюции в ее лучшем и конструктивном виде.

Пифагор проповедовал вегетарианство еще в VI веке до н. э.; он считал, что когда тела людей умирают, их души переселяются в тела животных. Известно, как Пифагор сказал человеку, обижавшему щенка: «Не пинай его. В его теле душа моего друга. Я узнал его голос, когда щенок заскулил». Не исключено, конечно, что древнегреческий философ мог быть под наркотиками. Потом пришел Плутарх (46–120), один из первых, если не первый, и наиболее влиятельный из ранних писателей, ратовавший за освобождение животных. В его текстах активно проповедовался отказ от мяса. Время шло, появлялись новые идеи. В «Утопии» Томаса Мора, опубликованной в 1516 году, охота характеризовалась как «самая ничтожная, жалкая и презренная часть живодерни». Вероятно, одним из наиболее прославленных «зоозащитников-экстремистов» был Леонардо да Винчи (1452–1519), итальянский художник, архитектор, скульптор и инженер. Да Винчи был убежденным вегетарианцем и, может быть, даже веганом. Он сравнивал доение коров с воровством и называл тела мясоедов «кладбищами животных». Леонардо часто покупал птиц в клетке, чтобы выпустить их на волю, а его неприятие жестокости, связанной с употреблением мяса, осталось в хрониках. Вот что он сам пишет о человеке:

«Царь природы... Я бы назвал его скорее царем скотов, потому что он только и делает, что набивает ими свой желудок; это мешок для пропускания пищи».

К началу 1700-х концепция освобождения животных начала находить отражение в актуальных текстах. В 1711 году граф Шефтсбери¹ опубликовал «Характеристику» — доктрину доброты, в которой он оперировал теми же аргументами, что и Плутарх. Тем временем другие эссеисты, такие как Александр Поуп, открыто нападали на угнетателей животных. На Поупа также в серьезной степени повлияла работа Плутарха, и он настолько глубоко ею проникся, что выступал резко против вивисекции и других форм жестокости к животным.

На протяжении XVIII века все больше людей проникались идеями милосердия к братьям меньшим. В 1738 году священник методистской церкви Джон Уэсли открыто порицал виды спорта, в которых убивают животных. Поэты, в числе которых были Роберт Бёрнс и Уильям Блейк, тоже требовали освобождения животных, проповедуя доброту по отношению к ним. Главное преимущество сильной и влиятельной поэзии Блейка заключалось в том, что автор изъяснялся в форме, понятной каждому. Свой основной посыл он изложил в известном стихотворении «Прорицания невинного»:

¹ Энтони Эшли Купер (1671–1713) — 3-й граф Шефтсбери, философ, писатель, политик, крупный деятель эпохи Просвещения.

Если птица в клетке тесной —
 Меркнет в гнѳе свод небесный.
 Ад колеблется, доколе
 Стонут голуби в неволе.
 Дому жребий безысходный
 Предвѳщает пѳс голодный.
 Конь, упав в изнеможенъе,
 О кровавом молит мищенъе.
 Заяи, пулей изувечен,
 Мучит душу человѳчью.
 Мальчик жаворонка ранит —
 Ангел петь в раю не станет.
 Петух бойцовый на дворе
 Пугает солнце на заре¹.

XVIII столетие было очень важным для развития философии будущего движения за освобождение животных. Выстраивание прогрессивных идей и теорий расширило и укрепило фундамент, заложенный ранними мыслителями. В 1790 году в одной американской секте появился запрет на ношение одежды, изготовленной с использованием частей тел животных, и употребление их плоти в пищу. В 1789 году писатель Джереми Бентам² опубликовал «Введение в принципы нравственности и законодательства», которое содержало ставшие впоследствии очень известными слова, не менее популярные и сегодня: «Вопрос заключается не в том, могут ли они рассуждать или говорить, а в том, могут ли они чувствовать». В этой прославленной фразе Бентам сформулировал основной принцип сегодняшнего освободительного движения: противостояние несправедливости вне зависимости от имеющихся оправданий.

Многие тексты XVIII века взывали к состраданию и доброте к животным, активно проповедуя вегетарианство. Но издание одной книги в те годы продвинуло освобождение животных далеко вперед, наладив новаторскую связь между правами человека и животных, выявив совпадения между аргументами в защиту обоих. В 1792 году либеральная феминистка Мэри Уолстонкрафт³ опубликовала эссе «Защита прав женщины». Издание книги стало важной вехой в истории феминистского движения, хотя, конечно, не все приняли ее радушно. В том же году в довольно жалкой попытке поднять работу Уолстонкрафт на смех кембриджский философ Томас Тейлор написал книгу под названием «Защита прав животных». Тейлор продемонстрировал, что права, за которые Уолстонкрафт ратовала для женщин, могут распространяться и на животных, и эта мысль казалась ему еще более бредовой. Тейлор вовсе не собирался развивать идеи движения за освобождение животных, его книга была лишь атакой на аргументы Уолстонкрафт. Он никак не мог предположить, что доводы, изложенные им в пародии, будут подхвачены будущими поколениями для продолжения борьбы за то, против чего выступал Тейлор, т. е. за освобождение угнетаемых.

¹ Перевод С. Маршака.

² Джереми Бентам (1748–1832) — британский социолог, юрист, один из первых крупнейших зоозащитников и теоретиков освобождения животных.

³ Мэри Уолстонкрафт (1759–1797) — британская писательница и философ, супруга предтечи анархизма Уильяма Годвина. Их дочь Мэри Шелли известна как автор романа «Франкенштейн» (1818).

Древнекитайские строки гласят: «Сотни лет готовили люди мясо, негодование вскипало вместе с ним. Если хочешь познать причины войн и тяжб, прислушайся к полночным стенаниям, что доносятся со скотобойни». Эти слова подводят черту под своего рода узостью взглядов, которые Тейлор выразил в своей попытке умалить мотивы надления женщин и животных правами. Там, где есть предубежденность и нет сострадания к «другим», жестокости открывается широкая дорога. Хоть порой и кажется, что только радикалы способны проводить подобные параллели.

Можно с легкостью простить ребенка, который боится темноты; настоящая трагедия — это когда взрослый человек боится света.

Платон

К началу XIX века движение не испытывало недостатка в новых идеях о правах животных, регулярно издавались книги по этой теме. Джозеф Ритсон¹ опубликовал свое «Эссе о воздержании от животной пищи как моральном долге» в 1802 году. Ритсон, как и многие другие писатели XVIII и XIX веков, испытывал на себе сильное влияние текстов Плутарха (однако, в отличие от него, Ритсон был атеистом). Как следует из названия книги, он был на 100% против употребления мяса, отвергая его из-за жестокости к животным и отстаивая положительные аспекты отказа от животной пищи. Ритсон очень страдал от издевательств, связанных с его взглядами, и мне как человеку, который сам воздерживается от продуктов животного происхождения, несложно это представить, учитывая уровень невежества и зубоскальства, который держится и 200 лет спустя!

В своем анализе морального долга отказа от мяса Ритсон продвинулся дальше всех и набросился на всю мясоедскую культуру. Он настаивал, что существует определенная связь между употреблением мяса, душевными заболеваниями (задолго до первых случаев коровьего бешенства) и насилием — это совсем недавно было признано научным фактом. Он также заявлял, что все проявления жестокости и несправедливости уходят корнями в человеческое высокомерие, культивируемое отказом признать сходства между *Homo sapiens* и другими животными. По утверждениям Ритсона, окружающие, оспаривая их и упирая на отличия (человеческое превосходство), укрепляли коллективное мировоззрение, которое оправдывало рабство. Это позволяло доминирующим людям эксплуатировать тех, кто признавался «иным» и, таким образом, находился ниже на социальной лестнице. Веские и убедительные аргументы Ритсона повлияли на многих других писателей, выступавших за освобождение животных, включая великого поэта Перси Шелли, которому принадлежат слова о том, что «вегетарианская диета вырубает зло под самый корень». Неудивительно, что по мере того, как мысль развивалась и росло число материалов, люди собирались в группы и сообщества, чтобы продвигать свои идеи (любопытно, что борцов за избавление животных от страданий, то есть естественных продолжателей этой мысли, в XXI веке зачастую называют преступниками и даже террористами).

Первое зоозащитное общество Британии было учреждено в 1808 году в рамках Королевского юбилейного ужина в Ливерпуле, на котором собралась группа единомышленников. Они рассказывали друг другу истории из жизни, делились сведениями

¹ Джозеф Ритсон (1752–1803) — британский букинист. Посвятил свою жизнь изучению литературы, особенно народной и древней. Не жалел сил при разборе и корректировке текстов старых песен, баллад и метрических романсов, которые редактировал. Его коллекция баллад о Робине Гуде считается самой крупной из частных. При этом Ритсон был тяжелым человеком и, если находил неточности в текстах писателей, язвительно уличал их во лжи и некомпетентности, пропитывая свои разоблачения ядом, который буквально сражал литературные круги. Сэр Вальтер Скотт, признававший трудолюбие и прилежность Ритсона, был чуть ли не единственным человеком, готовым терпеть его темперамент. Известен случай, когда Ритсон так грубо разговаривал с женой, что она угрожала выкинуть его из окна.

о жестокости и в конечном счете решили сформировать зоозащитную группу — Общество предотвращения бессмысленной жестокости к животным (SPWCBA). Цели общества были предельно четкими. Оно опиралось на методы принуждения. Его члены бойкотировали продукты, произведенные путем бессмысленной жестокости, публиковали факты о жестокости к животным в газетах и присуждали призы эссеистам, выдвигавшим зоозащитные идеи.

Одним из первых премированных SPWCBA авторов был человек, в 1762 году написавший статью в лондонский журнал о том, как получать мед, не убивая при этом пчел (и все равно 200 лет спустя немногие знают, что пчелиным маткам подрезают крылья, чтобы рой пчел оставался на одном месте, и искусственно осеменяют их с помощью обезглавленных самцов, а мед, который пчелы в природе откладывают, чтобы пережить зимние месяцы, заменяется неполноценным с точки зрения необходимых питательных веществ крахмальным или кукурузным сиропом, синтетическими пестицидами и антибиотиками).

Печально, но это благонамеренное общество радикально настроенных людей было неспособно долгое время противостоять всему миру и закрылось. Но за этим последовало радостное событие: Льюис Гомперц¹ основал Общество друзей животных (AFS), группу весьма просвещенных единомышленников. Он был настоящим чемпионом по борьбе за права женщин, чернокожих, бедняков и вообще всех угнетаемых. Он также был убежденным веганом, даже несмотря на то, что предполагал, что однажды это его убьет. В 1824 году он опубликовал первую книгу об освобождении животных под названием «Нравственные вопросы о положении человека и животных», в которой выдвинул аргументы, используемые зоозащитниками по сей день. Это многогранная работа, которая охватывает все формы жестокости к животным, включая такие аспекты, как производство шерсти.

Первым зоозащитным законом стало постановление под редакцией Ричарда Мартина в 1822 году, которое запрещало жестокое обращение с крупным рогатым скотом. Принятие закона с треском провалилось. В 1835 году в него были добавлены пункты, признающие нелегальными бои быков и медведей, а также петушинные и собачьи бои. Сегодняшние предположения о его классовом оттенке подкрепляются тем, что в тексте отсутствуют слова о запрете на охоту, потому что Мартин сам принадлежал к правящему сословию и для принятия закона нуждался в симпатиях землевладельцев.

В июне 1824 года образовалась новая зоозащитная организация. Социальные реформаторы, члены парламента и представители церкви собрались в Лондоне, чтобы учредить Общество предотвращения жестокости к животным, которое стало настолько успешным, что существует по сей день. Жаль, что все его достижения пойдут в тени истории. В 1840 году королева Виктория даровала обществу приставку «Королевское», и с тех пор оно известно под аббревиатурой RSPCA. Его основателями были Льюис Гомперц и Уильям Уилберфорс². Первым секретарем стал препоподобный Артур Брум. Однако под его руководством через два года Общество столкнулось с

¹ Льюис Гомперц (1779–1865) — британский зоозащитник. Гомперц был настолько радикален, что отказывался использовать транспорт на конной тяге, а это в его время было равносильно отказу летать самолетами в наши дни. В 1821 году он создал повозку, приводимую в движение вращением заводной рукоятки, которой впоследствии предпочел велосипед, как только узнал о его изобретении. Поскольку Гомперц вырос в еврейской семье, его радикальные взгляды современники зачастую связывали с традициями иудаизма.

² Уильям Уилберфорс (1759–1833) — британский политик и филантроп, член парламента от Консервативной партии.

серьезными финансовыми трудностями. Поскольку организация не смогла расплатиться по долгам, Брума посадили в тюрьму. В его отсутствие у руля встал Гомперц.

Он был работающим и энергичным членом RSPCA: сумел протащить общество через все финансовые неприятности и поставить на ноги. Но шесть лет спустя разгорелся конфликт. Гомперц обнаружил, что один из членов Общества уличен в поведении, «враждебном его идеологии». Другие откровенно выступали за охоту, но прежде чем Гомперц смог вышвырнуть негодяев, против него была организована клеветническая кампания, организаторы которой обвинили его в распространении пифагорейских идей. Подобное обвинение выглядит больше как комплимент, но к тому моменту RSPCA уже сбилась с пути и двигалась курсом, которому следует по сегодняшней день и который, по иронии, предполагает презрение к таким идеалам, как освобождение животных.

В приступе неприкрытой религиозной нетерпимости, несмотря на все, что Гомперц сделал для общества, RSPCA постановило, что только христиане могут спасать животных, и в 1832 году Гомперц покинул пост секретаря, чтобы основать вышеупомянутое AFS. Неудивительно, что успехи этой, более радикальной, организации вскоре превзошли достижения велферистов¹.

Грустно, что журнал AFS — The Animals Friend / Progress of Humanity — использовался в том числе как средство для демонстрации провалов других активистов и особенно представителей RSPCA. Одним из таких людей был Лорд Саффилд, велферист, державший для охоты целую свору шотландских борзых! В ходе одного инцидента эта свора гнала оленя 36 километров. Он умер на бегу. Скорость погони описывалась очевидцами как «невиданно высокая».

Наряду с обнародованием фактов лицемерия людей вроде Саффилда журнал рассматривал различные формы угнетения животных и осведомлял людей в беспрецедентной манере. В 1846 году Гомперц был вынужден уйти на покой из-за проблем со здоровьем, а без его упорного труда и мечтательного мышления AFS пришло в упадок и в конце концов перестало существовать.

Наиболее захватывающим событием викторианской эпохи явилось создание Групп Милосердия² с их радикальным подходом к защите животных. В 1845 году RSPCA запустило образовательную программу в школах. Одним из ключевых деятелей этой кампании была Кэйтрин Смитиз, самоотверженная активистка за отмену рабства. Для понимания дальнейших событий важно знать, что в это время появились группы, именовавшие себя Группами Надежды³. Это были последователи движения трезвен-

¹ Велферизм — течение в движении за права животных, образовавшееся в XIX веке и процветающее поныне. В отличие от аболиционистов, т. е. людей, которые добиваются освобождения животных, велферисты делают ставку на улучшение условий их жизни. Они активно сотрудничают с производителями продуктов животного происхождения, компаниями, тестирующими продукцию на животных и т. п.; они заключают контракты, которые несущественно помогают животным и укрепляют уверенность, что «яйца от кур на свободном выгуле можно есть», «существует этическое мясо», «эта компания перестанет тестировать свою химию на кроликах уже через пять лет» и т. д. Характерные черты велферистов: раздача «этичным» живодерам дипломов, грамот и статусов, участие знаменитостей в промо-проектах и любовь к частным пожертвованиям. Велферисты, по сути, продают прогрессивной общественности индульгенции, собирая деньги с благодетелей, которые тем самым покупают себе право есть мясо, носить мех и иным образом поддерживать эксплуатацию животных. Если в Великобритании самый яркий представитель велферистов — это RSPCA, то в США — это Humane Society of the US (HSUS). Среди международных — WWF, PETA и IFAW.

² Bands of Mercy — примечательно, что в 1971 году Ронни Ли назвал созданную им организацию именно так и лишь в 1976 году переименовал ее во Фронт освобождения животных.

³ Bands of Hope (сегодня Hope UK) — основанная в 1847 году христианская благотворительная организация, проповедующая принципы трезвости и воздержания посредством образовательных программ для молодежи.

ников, которые поклялись никогда не употреблять алкоголь (в самом деле, примечательно, что сегодня среди зоозащитников и веганов многие являются представителями движения *straight edge*, т. е. воздерживаются от алкоголя, табака и наркотиков; стиль жизни хоть и древний, но в то же время прогрессивный и имеющий не слишком много поклонников). Глядя на Группы Надежды, Кэйтрин Смитиз подумала, что если людям нравится встречаться с единомышленниками, принципиально воздерживающимися от алкоголя, то их должна воодушевить идея собираться вместе для предотвращения жестокости к животным. Вот как вышло, что в 1870-е Смитиз начала формировать Группы Милосердия. Эти ранние группы стали легендой движения за освобождение животных. Они распространяли информацию о преданности животных, чтобы восстановить гармонию с другими существами. Одна классическая и, возможно, наиболее известная — история Бобби из Грейфрайерса.

Она восходит к 1858 году, когда человек по фамилии Грей умер и был похоронен на церковном кладбище Грейфрайерс в Эдинбурге. Всю свою жизнь Грей дружил с жившим у него скай-терьером Бобби. После смерти хозяина Бобби проводил все дни на его могиле, и сколько бы его ни прогоняли, все равно возвращался. Владелец ближайшего ресторана подкармливал Бобби, и вскоре пес стал всеми любимым членом района Грейфрайерс. В один ненастный день кто-то решил, что Бобби — нелегал, потому что у него нет регистрационного свидетельства. Ужаснувшись при одной только мысли, что Бобби усыпят как собаку без хозяина и документов, местные жители, несмотря на свою бедность, собрали деньги и приобрели свидетельство. Лорд Провост освободил Бобби от уплаты налогов и в 1867 году даровал ему ошейник с надписью «Бобби из Грейфрайерса». Бобби умер в 1872 году на могиле своего любимого друга. По заказу Баронессы Бердетт-Куттс в его память были воздвигнуты статуя и фонтан. Другие животные с тех пор тоже заслужили признание за свою добровольную службу человечеству, не говоря уже о чести, которая им воздавалась за помощь, например, в военные годы.

На первый взгляд эти группы ничем не отличались от любых других молодежных объединений викторианской эпохи — слушали лекции, пели песни, проводили чтения, в рамках которых декламировали стихи вроде «Не грабьте птиц, оставьте яйца, парни». Еще они устраивали драматические спектакли и парады, где каждый член группы держал одну из букв словосочетания «A Band of Mercy». Но за этим стерильным образом скрывалось радикальное отношение, настоящие акции освобождения животных. И пусть эти акции прямого действия меркнут перед действиями сегодняшних освободительных групп, на тот день они были верхом экстремизма.

Наиболее известной акцией, обессмерченной в викторианской пьесе, была порча охотничьих ружей — простая и эффективная тактика, которая делала жертвой самого убийцу. И хотя в действительности никто не умирал, кульминацией театральной постановки была гибель охотника от взорвавшегося в его руках ружья, которое испортили юные активисты, налив жидкости в ствол и отмочив патроны в теплой воде.

По мере роста количества информации и акций прямого действия мыслители того времени продолжали писать разрушающие каноны тексты о положении животных. Во второй половине XIX века одной из наиболее значительных работ была книга Генри Солта¹ 1892 года под названием «Права животных в контексте социального прогресса». Выведя принципы прав животных и отвергнув любые формы жестокости

¹ *Генри Солт (1851–1939) — британский писатель и социальный реформист. Выступал за изменения в системах тюрем, школ и экономических институтов, ратовал за освобождение животных. Пацифист, социалист, этический вегетарианец.*

(от грубого обращения с домашними животными до вивисекции), автор книги внес огромную лепту в развитие взглядов на освобождение животных.

В начале 1900-х Лондон пережил серьезные беспорядки, известные как бунты из-за Дела о коричневой собаке¹, чьи страдания в ходе нескольких экспериментов довели до сведения общественности две скандинавские студентки, изучавшие физиологию в медицинских колледжах Сити². Эти две шведки — первые антививисекционисты в истории, работавшие под прикрытием, — опубликовали книгу «Бойня ради науки», которая стала одним из первых наиболее значительных документов движения против опытов над животными. Яркие описания всего происходившего тогда в стенах лабораторий пугают и сегодня, а в викторианские времена это вообще был настоящий взрыв. Отрывок, приводимый ниже, дает общее представление о том, что эти девушки регулярно наблюдали в учебных аудиториях: животные (со вскрытыми брюшными полостями, извлеченными грудными клетками и органами) подвергались многочасовым экспериментам, зачастую без какой-либо анестезии. Если после этого они выживали, их использовали в дальнейших опытах. Никого не волновало, что по закону на животном можно проводить только один эксперимент.

«Большую собаку, лежащую на спине на операционном столе, ввозят в аудиторию хирург и лаборант. Ноги собаки пристегнуты к столу, ее голова плотно зафиксирована, на морде тугой намордник. На ее шее сделан большой надрез, чтобы были видны гланды. Животное демонстрирует все признаки невыносимых страданий; оно борется, раз за разом пытаясь поднять тело над столом, и пытается освободиться. Лектор, облаченный в окровавленный халат, закатал рукава и расслабленно покуривает трубку, неспешно разбираясь с электрической цепью для стимуляции. Он то и дело отпускает смешные, на его взгляд, ремарки, которые получают высокие оценки его окружения.

Лектор вышел из комнаты. Когда он вернулся, собака начала с новой силой биться в конвульсиях. В этом нет ничего необычного: животные, похоже, ощущают присутствие истязателей задолго до того, как те дотрагиваются до них. Собаки, чьи головы закрыты таким образом, что они не в состоянии видеть, все равно испытывают ужас, когда чувствуют приближение вивисекторов.

Лектор проводил повседневные эксперименты на собаках в атмосфере веселья. Пищевод извлекли из тела, и еда падала на пол вместо того, чтобы попадать в желудок. Собаки ели и ели — они были очень голодными — и удивлялись, что еда вываливается; они пробовали снова и получали тот же результат. Так продолжалось часами».

О коричневой собаке мы знаем, что это был терьер, у которого имелись шрамы от предыдущих операций. Его привязали к столу, вскрыли и били электротоком на протяжении получаса.

В 1903 году Национальное антививисекционное общество (NAVS)³ привлекло внимание общественности к страданиям коричневой собаки и запустило волну дебатов на тему вивисекции. NAVS активно лоббировало принятие Закона о жестокости

¹ Дело о коричневой собаке — громкая история, длившаяся в период 1903–1910 гг. Она включала столкновения студентов с полицией, политические дебаты вокруг правомочности вивисекции, вынесение дела на рассмотрение Королевского суда и расследование Королевской комиссией вопроса о необходимости проведения опытов на животных. Кульминацией бунтов принято считать драку 1000 собаконенавистников с суфражистками, членами профсоюзов и 400 полицейских на Трафальгарской площади 10 декабря 1907 года.

² Сити — деловая часть Лондона.

³ National Anti-Vivisection Society — британская некоммерческая организация, основанная в 1875 году ирландской писательницей, политическим деятелем и суфражисткой Фрэнсис Пауэр Кобб (1822–1904).

к животным, который остается в силе уже более 100 лет. Стивен Колридж¹, адвокат, вовлеченный в антививисекционные дела и почетный секретарь NAVS, с негодованием говорил: «Британская нация, учитывая присущую ей глубокую и непреходящую гуманность, должна быть оскорблена тем, что происходит в таких логовах позора. Необходимо освободить жертв из их клеток, раскрошить на атомы эти ужасные инструменты пыток и оставить на месте каждой лаборатории руины».

Дело о коричневой собаке всколыхнуло общественное мнение об опытах над животными как никогда прежде. Появились серьезные антививисекционные настроения, люди хотели, чтобы эта порочная практика была вынесена за грань закона. Как ни печально, избранный Колриджем и другими влиятельными антививисекционистами его эпохи путь стал единичным случаем, и следующая после Дела о коричневой собаке волна протестов пронеслась лишь 70 лет спустя. Если в 1903 году освободить пришлось бы всего 20 тысяч жертв лабораторий, то спустя 100 лет ежегодно около 3 миллионов животных уничтожаются только в Великобритании (на момент написания этих строк), и цифры продолжают неуклонно расти.

В 1906 году в парке Баттерси на юге Лондона в память о коричневой собаке и других жертвах вивисекции был установлен двухметровый питьевой фонтан с бронзовой скульптурой пса на верхушке. Неистовство среди студентов-медиков приняло такие масштабы, что для защиты памятника потребовалась круглосуточная охрана. Многие упорно не оставляли попытки разгромить его. Другие теряли над собой контроль и дрались с полицией, требовали снести монумент, размахивая насаженными на палки собаками-игрушками, злые от одного только посыла, который несла в себе эта скромная статуя. Четыре с половиной года спустя противники статуи из числа депутатов местного совета под покровом ночи вместе с полицией ликвидировали монумент. Но тысячи местных жителей и антививисекционистов держали тему на плаву. Они демонстрировали свой гнев и маршировали к Трафальгарской площади, но тут грянула Первая мировая война², которая изменила все и спустила на тормозах кампанию против вивисекции. Должно было пройти еще какое-то время, прежде чем вопросы о положении животных в нашем обществе вновь начали бы принимать к рассмотрению. Новый памятник коричневой собаке был установлен в парке Баттерси в декабре 1985 года.

¹ Стивен Колридж (1854–1936) — британский писатель, юрист и общественный деятель. Был одним из основателей Национального общества борьбы с жестокостью к детям.

² История показывает, что периоды войн, когда общество переполняет жажда насилия и страх, наиболее негативно сказываются на развитии движения за освобождение животных, по сути, полностью парализуя любое возможное продвижение в работе по защите их прав.

Необходимость прямого действия

Сострадание к животным неразрывно связано с добротой; и можно с уверенностью сказать, что тот, кто жесток с животными, не может быть хорошим человеком.

Артур Шопенгауэр

В викторианскую эпоху и последующие годы зарождались многие вельферистские и аболиционистские группы и общества защиты животных, некоторые из которых боролись с вивисекцией, остальные выступали за вегетарианство. К началу XX века образовались группы, противостоявшие кровавым видам спорта. В середине столетия даже было учреждено Веганское общество, куда более долговечное, чем его предшественники! Стратегия этих групп большей частью заключалась в том, чтобы избегать акций прямого действия и стремиться вкладывать силы в информирование общественности и изменение законодательства. Время показало, что в целом это был удручающе медленный процесс, который мало что изменил более чем за 100 лет кампаний.

Невзирая на тот факт, что Пифагор отстаивал вегетарианство еще в VI веке до н. э., к концу Второй мировой войны в Великобритании насчитывалось всего 100 тысяч вегетарианцев. И несмотря на парламентские кампании в защиту животных, растянувшиеся на 100 с лишним лет, каждая форма угнетения братьев наших меньших лишь усугублялась с появлением новых способов эксплуатации. Даже когда зоозащитные инициативы проходили законодательно, те, кто имел интерес в ущемлении прав животных, часто подрывали благие начинания идеологов, как это происходит и в наши дни. Сэр Джордж Гринвуд в 1911 году представил Билль о защите животных, который считается точкой отсчета в истории правового регулирования прав животных. В обмен на гарантию прохождения Билля в парламенте любитель кровавых видов спорта преподобный Боуэн договорился с Гринвудом, что тот не упомянет в тексте охоту. Из-за того что Гринвуд пошел на это, в Законе о защите животных не было ни слова о диких животных (кроме тех, что были одомашнены). Кроме того, в законе имелось противоречивое словосочетание «ненужные страдания», которым по сей день успешно удается манипулировать, так как если животные страдают от действий людей, выходит, это нужно угнетателям. Под видом защиты животных закон стал незначительным символическим жестом. Неудивительно в этой связи, что ко времени, когда британское послевоенное общество стабилизировалось, радикально мыслящие «любители животных» в конце 1950-х показали, что действуют куда более эффективно в нелегкой и долгой борьбе за избавление животных от страданий.

Вот как это началось. В августе 1958 года шотландские борзые стали центральными фигурами резонансной акции почти радикальной организации под названием Лига противников жестоких видов спорта (LACS)¹. Активисты попытались заставить собак взять ложный след с помощью «секретного химиката». The Daily Telegraph скептически отреагировала: «Оппоненты охоты настолько отчаялись, что уже прибегают к саботажу». Эта скромная акция принесла LACS известность, и кампания продолжалась безостановочно на протяжении по меньшей мере еще двух сезонов. Новый лидер Лиги Рэймонд Роули выступил пионером нового подхода к борьбе в 1960-е годы. По мере того как эпицентр акций смещался на юго-восток и в центральную часть страны, количество вовлеченных

¹ League Against Cruel Sports — основанная в 1924 году зоозащитная организация.

людей стремительно росло, и мечта Роули «дать Лиге новую жизнь» начинала выглядеть осуществимой. Например, в глубинке к LACS только в ноябре 1962 года присоединились 400 новых активистов. Случилось это после того, как саботажники пустили по ложному следу охотников Северного Уорикшира и лесов Олбрайтона. «Чем бы Лига ни занималась, это всегда фейерверк», — сказал Роули представителям прессы, объявляя о внедрении «новых» изнуряющих тактик. Воины Лиги, такие как пенсионерка Гвен Бартер, достаивались заголовков газет на протяжении всего 1962 года. Например, в марте Бартер привела охотников Норвича в ступор, когда залезла в тележку для перевозки убитых оленей; а в феврале помешала травле в Восточном Кенте, сев в лисью нору и тем самым заблокировав любую возможность ее разрыть. «Мы ничего не могли сделать, — признался один из охотников. — Просто бросили свое занятие и ушли».

Со дня своего основания в 1927 году Лига действовала очень динамично. За 30 лет попыток добиться чего-то в законодательной сфере она не преуспела и лишь недавно обратилась к идее создания природных заповедников на юго-западе страны. Членство в LACS имело скорее пассивный характер. Участниками были зачастую пожилые люди. Внимание СМИ до утверждения Роули в качестве лидера можно охарактеризовать как ничтожное. Лига создавала зловещее впечатление, напоминая какую-нибудь ветвь Кампании за ядерное разоружение (CND)¹ вроде Комитета 100². Бывший член парламента от консервативной партии Говард Джонсон выразил надежды многих, когда произнес на ежегодном собрании Лиги в 1963 году такие слова: «Перед моими глазами картина. Я представляю себе вас сидящими на охотничьих тропах так же, как активисты за ядерное разоружение блокируют дороги».

Считается, что образование Ассоциации саботажников охоты (HSA)³ явилось неизбежным результатом развития Лиги как инициатива некоторых ее членов расстаться с более традиционно мыслящими коллегами. Бытует мнение, что Роули намеревался примирить оба лагеря таким образом, чтобы HSA проводила акции прямого действия отдельно, но с согласия LACS. Сегодня он отрицает это. Разумеется, он не хотел терять поддержку Лиги в саботажных начинаниях до тех пор, пока HSA не встала на ноги и не начала активно принимать новых членов в свои ряды. Впервые Роули привлек юриста к первому крупному судебному процессу HSA из-за инцидента с охотниками из Калмстока с их оттерхаундами⁴ в мае 1964 года. Вот как история описывалась в бюллетене HSA:

«Инцидент произошел во время обеденного перерыва на встрече охотников из Калмстока в Колифорде, графство Девон. 20 человек саботировали охоту два часа, прежде чем на них напали. Один из наших автомобилей смяли между собой Land Rover и еще какая-то машина. Около 20 человек атаковали нас палками для охоты на выдр с медными наконечниками и кнутами. Они лупили по крыше и капоту машины, спустили шины и даже пытались перевернуть автомобиль, в то время как один из наших членов все еще находился внутри. Водителя Лео Льюиса, владельца кафе из Пэйттона, вытащили из машины. Его избивали палками и пинали по голове. Трех наших девушек хлестали кнутами и били ногами. Они были в ужасе, а нападавшие, похоже, впали в состояние берсерков. Один из них кричал: “Это вам урок, что не нужно пор-

¹ Campaign for Nuclear Disarmament — основанная в 1957 году британская организация, призывающая к одностороннему ядерному разоружению страны.

² Committee of 100 — просуществовавшая в период 1960–1968 гг. британская антивоенная группа.

³ Hunt Saboteur Association — основанная в 1963 году всемирная организация, проводящая акции прямого действия против охоты.

⁴ Оттерхаунд — порода собак, используемых для охоты на выдр.

тить нам отдых». Льюису сломали челюсть. В ходе другой охоты в Девоне организаторы привели 100 рабочих с фермы, чтобы разделаться с саботажниками».

Лишь в 1966 году Роули впервые выразил сожаление по поводу отделения HSA от Лиги. Основателем HSA был Джон Престиж, 21-летний внештатный журналист из Бриксема, графство Девон. Если верить The Guardian, он набрал первых членов 15 декабря 1963 года. «Он, — писала газета, — заручился поддержкой LACS, чей председатель Рэймонд Роули заявил, что сделает доступным новейшее руководство по саботажу охоты». Там же говорилось, что Престиж скитался по Лондону «в поисках инструкций, которые бы помогли группам прямого действия проводить акции по всей стране». Однако, согласно Роули и Престижу, никакой формальной договоренности между Лигой и HSA никогда не было. Престиж придерживался традиционного мнения: «Ассоциация образовалась, потому что LACS бездействовала».

Он рассказал The Daily Herald о своих намерениях: «Наша цель — сделать охоту невозможной. Мы добиваемся этого тем, что сбиваем с толку гончих. Движение существует на небольшие вливания с моей стороны и членские взносы по полкроны¹». На раннем этапе были еще два пожертвования по 500 фунтов. В первую неделю в HSA вступили 100 человек. Престиж припоминает, что получил порядка 1000 писем только за первые 10 дней. Офис располагался на Фо стрит в Бриксема. Первым секретарем HSA была бывшая танцовщица из Палладиума² по имени Джойс Гринуэй.

Престиж повел свою маленькую армию в первый бой в День подарков³ 1963 года, когда охотники на лис из Южного Девона собрались в городке Торки. «Мы так хорошо выступили, что они отменили охоту, — заявил Престиж. — Местный мясник дал нам 25 кг мяса, и мы скормили его гончим. Мы использовали охотничьи рожки. Ничего подобного раньше не происходило, и результатом стал полнейший хаос! Мы изучили много материалов о том, как дуть в рожки и справились с делом очень-очень хорошо. Полицейские были ошарашены». Так же, как были бы ошарашены сегодняшние саботажники охоты (в большинстве своем веганы), узнав, что их коллеги кормили гончих мертвыми животными ради спасения лис. В течение следующих недель существенные усилия прикладывались к разработке новых химических формул, чтобы сбивать гончих со следа. «Основная проблема, — объяснял один из участников ранних акций HSA, — заключалась в том, чтобы раздобыть нечто одновременно эффективное и безвредное» («Химикат Икс», первый сбивающий со следа компонент Ассоциации был опробован в апреле 1964 года — против калмстокских охотников). Вторая акция HSA против охотников на лис из Южного Девона состоялась 10 января 1964 года. На этот раз тактику описал репортер: саботажники дули в рожки, блокировали дороги, распыляли анисовый спрей и возили в багажнике машины «очень душистое мясо».

Через месяц движению был нанесен серьезный удар: Норман Редман, лидер группы из курортного Литтлхэмптона на юге Англии, стал первой потерей HSA и жертвой полицейского произвола. Редмана арестовали за кормление гончих в Чиддингфолде, графство Суррей, 15 февраля и приговорили к выплате штрафа в размере 15 фунтов и двум годам условно, трактуя его действия как «оскорбительное поведение». И хотя сегодня саботажники расценивают такие меры как издержки профессии зоозащит-

¹ Полкрона — монета достоинством 2 шиллинга 6 пенсов. Была в ходу в Великобритании до 1970 года.

² London Palladium — театр Эндрю Ллойда Уэббера, в котором проходили и проходят все его знаменитые мюзиклы («Кошки», «Звездный экспресс», «Призрак оперы» и др.).

³ Boxing day — 26 декабря, второй день Рождества, когда слуги, посыльные и другие работники получают подарки.

ника, юное тогда движение восприняло решение суда очень серьезно, а Престиж даже составил Редману письмо, в котором запрещал нарушать условия приговора: «Мы НЕ МОЖЕМ позволить вам принимать активное участие в саботаже», — написал он, чем вывел Редмана из себя и поспособствовал его последующему отчуждению от движения.

В течение четырех месяцев группы HSA образовались в Портсмуте, Стрите и Уэйбридже. Группа из Стрита, возглавляемая Джойс Себо, в декабре 1964 года включала уже 40 человек и на регулярной основе досаждала фермерам из Мендипа и окрестностей Спаркфолда, графство Сомерсет. Сформировались группы в Борнмуте на юге Англии и в Лондоне. Дерек Лоуренс пытался сделать из LACS в центральной части страны HSA. Йен Педлер вступил в агонизирующую ячейку LACS в Бристоле, оживил ее и воздвиг на ее месте группу HSA. Престиж объявил, что в День подарков 1964 года в акциях саботажа будут участвовать 700 человек от Суссекса до Ноттингемшира. Крупные акции воспрепятствовали Уоддонской травле¹ и охоте Суррейского союза охотников, в ходе которых для большего эффекта к обычному арсеналу прибавились дымовые шашки и пугачи птиц. Одаренный в вопросах саморекламы и обеспеченный контактами в СМИ, Престиж начал распространять в прессе слухи о том, что в 1965 году HSA нападет на одну лисью ферму с воздуха — на вертолете. По итогам года со дня основания HSA, если верить подсчетам Престижа, состоялось 120 акций.

Новые суровые примеры насилия против саботажников имели место в 1965 году. В феврале в Спаркфолдской долине троих членов борнмутской группы атаковали отморозки с топором и стартером. И хотя сторонника охоты оштрафовали на 15 фунтов за то, что он разнес топором(!) гитару саботажника, с восьмерых активистов также взыскали по 10 фунтов в связи с «угрожающим поведением» (они швыряли мучные бомбы²). Но все только начиналось.

За столкновением с калмтокскими охотниками неделю спустя последовало еще одно, когда 70 саботажников оказались там же и, устроив беспорядок, разъехались по домам, но нанесенный ущерб им же и аукнулся. Оглоедам-охотникам благополучно предъявили обвинения, но семерых саботажников приговорили к году условно. Это был далеко не последний раз, когда суды прибегали к подобной практике. Осужденных активистов (включая Льюиса и Престижа) настолько шокировал приговор, что никто из них больше не принимал участия в акциях саботажа охоты. Плюс ко всему Престиж поддался иллюзиям и начал политизировать HSA в результате притока представителей «левого крыла» в движение. Судебный процесс по делу бриксемской группы привел всю организацию в хаотичное состояние. Связь между группами в эпоху, когда телефоны и машины не были столь общедоступны, и без того не была простой, но теперь жалобы на то, что штаб-квартира не отвечает на письма, стали обыденностью. Педлер, Себо и Дэйв Уэттон регулярно писали друг другу: «Есть ли у нас деньги?», «Престиж по-прежнему председатель? Если не он, то кто?..» и т. д. В итоге во главе встал Педлер.

Затем в апреле 1965-го случилось фиаско Нормана Редмана. Его раздражало, что HSA настаивала на его неучастии в акциях саботажа до истечения условного срока.

¹ Уоддон — деревня в графстве Бакингемшир, исконное место проведения королевской охоты.

² Мучные бомбы — хрупкие контейнеры, заполненные мукой, которые при контакте с объектом пачкают его. В англоязычных странах метание мучных бомб — не менее популярная форма протеста, чем закидывание тухлыми яйцами или перезрелыми помидорами. Так, в 2004 году презервативы с нурурным порошком внутри были брошены в премьер-министра Великобритании Тони Блэра.

Чувствуя себя изгоем и, по мнению Джина Пайка, «стремясь воссоединиться со старыми друзьями», Редман неожиданно принял приглашение прокатиться с охотниками на лис из Кроули и Хоршама в Суссексе. Пресса, для которой HSA все еще была интересным феноменом, ринулась в бой с ручками и камерами, чтобы услышать, как Редман называет саботажников охоты «инфантильными». Группы саботажа из Лондона и Литтлхэмптона быстро организовали акцию против этой охоты и насладились видом Редмана, летящего с лошади головой вперед в колючий кустарник, пусть HSA и не имела отношения к инциденту. Стремясь нажать на этом редком примере отступничества, Британское общество любителей охоты и рыбной ловли (BFSS) попыталось использовать Редмана как спикера в защиту охоты, но он быстро утратил интерес к теме и покинул сцену.

К концу 1965 года бархатный сезон для HSA окончательно закончился. Некоторые группы закрывались под градом нападок судов и головорезов. «У меня ощущение, что за последнее время я не сделала ничего, только получала по шее и бродяжничала, — в сердцах призналась Джойс Себо. — Думаю, лучше пока оставить все как есть». Группа из Стрита перешла к практике хитрого саботажа перед началом охоты, отказавшись от конфронтаций в ее процессе, но просуществовала лишь до лета 1966 года.

Время организации все больше ложилось на плечи лондонской группы во главе с Уэттоном. Безусловно, к 1967 году они были наиболее активными, но свежие группы с новой энергией тоже развивались, хоть и не столь уверенно. В 1965 году они появились в Уорикшире и Хэмпшире, а годом позже в Кембридже, Нортхэмптоне, Брайтоне¹, Хертфордшире, Йовиле и Университете Эссекса. В октябре 1966 года состоялась первая акция на севере страны, где Дэвид Хансен и Стюарт Сатклифф повели группу из Кили на охотников из Эрделя в Силсдене, графство Йоркшир. Между тем социально сознательная поп-певица Леди Ли объявила, что набирает «армию» саботажников (в числе которых были Билли Фьюри², Уэйн Фонтана³ и Питер Нун⁴ из Herman's Hermits), но затея ничем не обернулась — возможно, к счастью.

В охотничий сезон 1964–1965 гг. группа Уэттона сорвала 20 охот на лис, четыре охоты на лисят, две охоты на зайца и семь охот на выдр. Впечатляющие результаты для людей, имевших куда меньше доступа к нормальным транспорту и связям, чем их современные последователи. В январе 1966-го группа впервые провела эксперимент по внедрению высокочастотных звуков в методики саботажа. Уэттон и Педлер эффективно руководили HSA вместе, так как финансы делились поровну. Оба активно обхаживали и мотивировали активистов против охоты по всей стране. Это сработало в одном случае из тысячи, но HSA не опускала руки. В 1965 году Педлер издал «Манифест» HSA. В нем он сделал пророчество, которое уже сбылось: «Было много инцидентов, даже слишком много, чтобы о них здесь писать. Но однажды, когда мы победим, кто-то напишет об этом книгу».

Прямолинейный подход Престижа, однажды примененный на практике, имел далеко идущие последствия и оставил куда более значительный след, чем все, чего

¹ Брайтон — приморский английский город в получасе езды на поезде от столицы. Брайтон — город гуманитарных университетов, что всегда делало его серьезным интеллектуальным, авангардным и протестным центром. Сегодня он считается вторым после Лондона крупнейшим средоточием веганской и зоозащитной жизни в стране.

² Билли Фьюри, он же Рональд Уайкерли (1940–1983) — всемирно известный британский певец.

³ Уэйн Фонтана, он же Глин Джеффри Эллис (р. 1945) — британский певец.

⁴ Питер Нун (р. 1947) — британский певец и актер, также известный как Херман, благодаря своему участию в группе Herman's Hermits в 1960-е.

добилась Лига и другие любящие поговорить противники угнетения животных. HSA стала прославленным флагманом для всех, кто хотел сделать ради животных как можно больше, и убедила (даже несколько неожиданно) многих, что прямое действие может быть эффективным. Однако, по словам сторонника охоты Николаса Кестера, мотивация саботажников была далека от альтруистической: «Зачастую протестующих нанимали, обещая день анархии, сухой паек и вознаграждение в районе 20 фунтов. Имеет смысл задаться вопросом: кто будет работать за такую компенсацию? Саботажники — это, как правило, городские студенты, для которых немного денег на пиво — довольно заманчивая перспектива». Если дело действительно обстояло подобным образом, то, учитывая, что люди подвергали себя жесточайшему насилию со стороны охотников, вознаграждение было возмутительно неадекватным! Многие акцентировали на этом внимание, чтобы доказать, что протестующие не слишком понимают, с чем и ради чего они борются.

Но одно дело пострадать ради спасения животного (и для многих саботажников это было вполне приемлемо), и совсем другое получить взбучку, при условии что животное все равно убьют. Это насилие вкупе с безразличием и даже соучастием полиции привело к созданию Группы Милосердия и последующему образованию ФОЖ. А еще результатом стали человеческие жертвы.

Банда Милосердия

Животные — это наши младшие братья и сестры, тоже взбирающиеся по лестнице эволюции, но находящиеся несколькими ступенями ниже. Важная часть нашей ответственности заключается в том, чтобы помочь им в восхождении и не задерживать их развитие жестокой эксплуатацией, ведь они беспомощны.

Главный маршал авиации Лорд Даудинг¹

Радикальных активистов из Банды милосердия (ВоМ) на начало кампании саботажа против охотников на юге Англии вдохновили лютое насилие и непотребство охоты на лисят — ритуала для обучения неопытных гончих. Полдюжины активистов впервые нанесли удар в Уоддоне, а также в Паккеридже и Тарлоу, обездвигив транспортные средства охотников в ночь перед охотой. У них появились последователи. Шел 1973 год.

Первым результатом явилась финансовая и физическая морока охотников; бонусом стало прекращение дальнейших встреч охотников. Тем не менее лишь немногие саботажники тогда верили, что скрытые диверсионные рейды действенны, но с течением времени все большее число людей наблюдало эффект и с готовностью вступало в ряды Банды. Это была стратегия измора, но тех, против кого она была направлена, она не впечатляла. Что только больше воодушевляло налетчиков! В ходе следующих месяцев ВоМ существенно расширила список потенциальных мишеней, обратив свой взор и на иные формы угнетения животных. Никто этого, похоже, тогда не заметил, но активистам удалось хорошенько поддеть оппонентов, для многих из которых (от шведских владельцев меховых ферм до бразильских вивисекторов) это было чем-то невероятным. Они были настолько обескуражены, что отпускали комментарии вроде: «Люди, ответственные за это, не любят животных — у них что-то не так с головой», — слова некогда неприкасаемого угнетателя животных наутро после визита активистов.

В ноябре 1973 года вспыхнул строящийся новый лабораторный комплекс фармацевтической компании Hoechst² в Милтон-Кинсе, графство Бакингемшир. Это с самого начала выглядело как поджог, но его не сразу связали с «любителями животных». Однако активисты группы не объявили, что берут ответственность за ту или иную акцию, потому что, как выяснилось впоследствии, огонь не охватил здание целиком и они не хотели привлекать к этому внимание, так как это бы затруднило их возвращение к намеченной цели. Ронни Ли³ собирался вернуться на место событий, а Клифф Гудман вызвался его сопровождать. Оба были саботажниками охоты, веганами и мечтателями, живущими в опасной обстановке. Оба были убеждены в эволюции человеческого мышления и аргументировали свое мнение тем,

¹ Хью Даудинг (1900–1942) — командующий истребительными войсками ВВС Соединенного Королевства в Битве за Британию (9 июля — 30 октября 1940 г.).

² Hoechst — немецкий производитель химии, переименованный в Aventis Deutschland после поглощения французской Rhône-Poulenc в 1999 году. Специализируется на медикаментах.

³ Ронни Ли (р. 1951) — основатель Фронта освобождения животных. В 1980-е стал официальным пресс-атташе ФОЖ, за что и был приговорен к 10 годам тюрьмы в 1986 году. Освобожден досрочно в 1992-м. Сегодня в движении принимает сугубо формальное участие, периодически давая интервью в связи с очередными крупными атаками активистов ФОЖ.

что женщины вскарабкались на одну ступень с мужчинами, рабы были приравнены к хозяевам, так почему животные не могут быть освобождены? Почему?! Для нашей нации (как ни для какой другой) это было бы так логично — свернуть с гиблого пути, избавив животных от тирании и умышленно причиняемых страданий.

Будучи сведущими по части тактик других групп и имея четкое, пусть и слишком амбициозное, представление о мире будущего без эксплуатации животных, эти двое начали закладывать фундамент для перемен. Движимые отторжением ужасов вивисекции, они разлили несколько литров бензина в здании Hoeschst: поднялись на верхний этаж и развели огонь в нескольких местах, после чего спускались и делали то же самое на каждом этаже, пока пламя вздымалось в ночное небо прямо у них за спиной. Атака обошлась владельцам в 46 тысяч фунтов, и ВоМ сделала официальное заявление:

«Здание было подожжено, чтобы предотвратить пытки и убийства наших меньших братьев и сестер ради зловещих экспериментов. Мы — организация городских партизан, ведущих ненасильственную борьбу за освобождение животных от всех форм жестокости и преследования со стороны человека. Акции будут продолжаться до тех пор, пока не будут достигнуты наши цели».

Война продолжалась. В промежутке между поджогом здания и следующим летом ВоМ сосредоточилась на охотничьих хозяйствах в Хертфордшире и Бакингемшире и двух лодках, пришвартованных в Уоше, графство Линкольншир, имевших лицензию МВД на отстрел тюленей. Пламя существенно попортило одну и уничтожило другую. Ни одна уже не годилась для убийства тюленей, но, что куда важнее, владельцы других лодок испугались участи погорельцев, в связи с чем охота на тюленей прекратилась. Окончательно. Это была простая, но важная победа ради благородной цели.

Тайное расследование фактов, окружавших известные вивисекционные лаборатории, дало список компаний, поставлявших животных ученым, тем самым открыв огромное количество новых мишеней для воодушевленных активистов. Вскоре они взялись за дело. В ходе первого рейда налетчики сожгли два автомобиля (предназначенных для транспортировки животных в лаборатории), принадлежавшие Карвортскому центру звероводства в Хантингдоне, привели в негодность третий. Аналогичные атаки на поставщиков животных были организованы в Уэльсе, Хертфордшире, Бакингемшире, Линкольншире, Кэмбриджшире и на западе страны. Эти и другие акции получили широкое освещение в СМИ и впервые в истории привлекли внимание общественности к крупномасштабному угнетению животных в лабораториях. Вскоре стало очевидно, что эксплуататоры воспринимают ВоМ и ее угрозы всерьез: Ассоциация селекционеров лабораторных животных выпустила меморандум, в котором предупредила всех своих членов о существовании ВоМ и ее разрушительных атаках.

Вялое зоозащитное движение того времени восприняло новый уровень протеста скептически. Некоторые волновались, что нарушение закона оттолкнет общественность от идеалов, которые исповедуют активисты. Как заявил один из бойцов ВоМ, «никто до нас не поднимал подобных вопросов на сцене». Своего рода подтверждением подобных опасений стала реакция Сидни Хикс из Британского союза за отмену вивисекции (BUAV)¹. В интервью The Guardian она заявила: «Такие действия хуже самой вивисекции». Это было экстраординарное заявление, учитывая, что его автором выступила глава организации, воюющей с опытами на животных, но в по-

¹ *British Union for the Abolition of Vivisection* — зоозащитная организация, основанная в 1898 году неугомонной Фрэнсис Пауэр Кобб.

следующие годы BUAV также неоднократно выступало против освободителей животных. И HSA в свое время противилась «силовой» эскалации в тактике, опасаясь за свою репутацию. Она даже объявила о вознаграждении в 250 фунтов за информацию о «сорвиголовах» из Банды милосердия, с которыми, как говорилось в сообщении, нужно «разделаться» не силами полиции, а собственными.

ВоМ, однако, оставила эти слова без ответа, по-прежнему фокусируясь на начатой работе, главным образом практикуя экономический саботаж, чтобы сделать утнетение животных невыгодным. Единственный известный освободительный рейд ВоМ, по итогам которого были вызволены животные, привел к закрытию фермы из-за боязни повторного визита. Первыми спасенными животными суждено было стать шести морским свинкам.

Между тем состоялся и первый арест. Трое активистов группы были задержаны при попытке повторно поджечь помещение Оксфордской колонии лабораторных животных (OLAC) вблизи городка Бистера. Заметив налетчиков, охрана вызвала полицию и подкараулила мужчин во дворе фермы. 23-летний клерк юридической конторы Ронни Ли, 31-летний инженер Клифф Гудман и 20-летний программист Робин Ховард неожиданно оказались в тюрьме, обвиненные по 14 различным пунктам, включая причинение ущерба в размере 57 тысяч фунтов. Внимание общественности было приковано к судебным разбирательствам по делу Бистерской тройки, снискавшей невероятную симпатию граждан и СМИ, а также поддержку члена парламента, священника Свободной шотландской церкви Айвора Клеми-стона. Обвинения были серьезными, но в долгосрочной перспективе они, как это часто бывает, бумерангом ударили по властям. Ли и Гудману дали по три года, после того как они признали вину. Они вышли на свободу весной 1976 года, отсидев по 12 месяцев. Говарда приговорили к 12 месяцам условно и штрафу в 500 фунтов. Немаловажно, что судья признал всех троих людьми исполненными искренности и прямоты, а не обычными преступниками. В тюрьме целеустремленный Ли продолжал привлекать внимание общественности, устроив забастовку в знак протеста против недостатка пищи для веганов. Администрация приняла его требования употреблять только продукты растительного происхождения, но составленное меню было бесхитростным. Любой веган, у которого есть опыт пребывания в современной британской тюрьме, осведомлен, насколько тамошний рацион однообразен, но для Ли в те годы это был большой прогресс. Главное, что вся его еда была веганской.

В связи с арестами незаконные акции прекратились. Единственный известный на сегодняшний день рейд состоялся в 1975 году в деревеньке Эдлерли Эдж в графстве Чешир, на большой базе ICI¹. В ходе своего первого визита 21-летний зоолог Майкл Хаскиссон пробрался в здание с биглями, на которых испытывали воздействие табака, и освободил двух собак. Пристроив очаровательных животных, он вернулся за другими, но был пойман, арестован и обвинен в краже со взломом. Джона Брайанта, 33-летнего менеджера заповедника LACS, привлекли за «хранение краденого» — спасенных биглей. Для едва оперившейся ВоМ все повернулось к худшему. Но следствие в отношении обоих неожиданно было прекращено, потому что ICI сняла все обвинения. На компанию обрушилась невероятная и при этом скверная

¹ Imperial Chemical Industries — британская химическая компания, основана в 1926 году. Специализируется на красках, полимерах, материалах для электроники, ароматизаторах и т. п. В 2008 году была поглощена датской транснациональной корпорацией AkzoNobel.

популярность в связи с распространением сведений об их экспериментах на биглях, которые проводились с целью «доказать», что между раком и курением нет никакой связи. Владельцы хотели избежать дальнейшей огласки любой ценой, но было поздно: информация ушла в народ. «Похитители биглей», как их назвала The Daily Mirror, заявили, что не имели отношения к какой-либо группе и были просто «людьми, которым не все равно» и которые забрали бы с базы всех собак, если бы было возможно найти им дома. Двух собак, взятых Хаскиссоном — Мейджора и Нодди — так и не нашли, в третью — Снэпа, — с которой Хаскиссона поймали, когда он пришел во второй раз, вернули палачам.

Финальную речь прокурора можно считать освежающим жестом доброжелательности:

«Мы признаем, что все совершенное обвиняемыми в рамках этого дела, было совершено из добрых побуждений. Не поддается сомнению, что они оба были уверены в жестоком обращении с собаками, и каждый из них был оправдан. Сторона обвинения не станет спорить, были эксперименты жестокими или нет, но справедливо будет заметить, что Правительственное расследование согласилось, что эксперименты должны продолжаться вплоть до их завершения».

Рождение Фронта освобождения животных

Когда мы найдем связь между тем, что мы знаем, и тем, как мы живем, зло будет побеждено.

Манеке Ганди¹

Разгромленные лаборатории, залитые клеем замки, проколотые упаковки продуктов питания, разоренные склады, выбитые окна, сорванные стройки, освобожденные норки, порванные изгороди, сожженные машины, испепеленные офисы, изрезанные шины, опустошенные клетки, оборванные телефонные линии, намалеванные лозунги, разбросанный навоз, затопленные помещения, украденные гончие, испоганенные шубы, разрушенные здания, спасенные лисы, изувеченные охотничьи хозяйства, обворованные бизнесмены, гвалт, гнев, бесчинства, ряженные в балаклавы разбойники. Здесь был ФОЖ.

Фронт освобождения животных неслучайно вызывает куда больше противоречий, чем в ранние годы своего существования. ФОЖ — организация, состоящая из людей, которые видят необходимость в нарушении закона ради защиты того, что регулируется более высокими моральными ценностями. Они поступают так, чтобы облегчить страдания бесправных животных, которых на легальной основе эксплуатируют ради спорта, прибыли и удовольствия. Мотивы, которыми движимы «любители животных», на протяжении многих лет намеренно искажают СМИ, правительственные службы и представители индустрий, угнетающих животных. Действующие от их имени слишком хорошо знают, что если они представят активистов ФОЖ в подлинном свете, тем будет гарантирована широчайшая поддержка граждан. Но даже без поддержки новостных агентств ФОЖ заработал себе существенную поддержку масс. Люди, которым действительно небезразлично происходящее, уже смогли убедиться, что все красивые слова, которые можно произнести и написать, никогда не найдут отклика со стороны властей, пока эксплуатация животных будет выгодной.

В действительности Фронт освобождения животных — это не организация, а скорее знамя, символ, состояние души, если угодно. Это нечто, подвигающее людей совершать противоправные действия, направленные на прямую или косвенную помощь животным. Активистом ФОЖ может быть кто угодно: не существует анкеты участника, которую необходимо заполнить; единственное требование — быть веганом или хотя бы вегетарианцем. Употребление продуктов животного происхождения — это не повод отказать человеку во вступлении в ряды или прострелить ему коленную чашечку. Но это просто нечто само собой разумеющееся. Кто не может понять эту очевидную истину, едва ли поймет, ради чего вообще вести борьбу за освобождение животных. Первоочередная установка заключается в том, что ни одна акция не должна включать физическое насилие по отношению к человеку или животному. Тайных планов не существует.

Политика ФОЖ предельно прямолинейна: избавлять животных от страданий и доставлять финансовые неприятности всем, кто получает прибыль от их эксплуатации, чтобы сделать ее неприбыльной, неинтересной и непривлекательной. Акции ФОЖ

¹ Манеке Ганди (р. 1956) — индийский политик, зоозащитница и эколог. Занимала министерские должности в четырех правительствах страны, в том числе была главой Министерства помощи животным.

часто играют роль возмездия для угнетателей. Животных похищают у безжалостных и небрежных хозяев, вивисекционных лабораторий и поставщиков, из зоопарков, меховых ферм, зоомагазинов, предприятий промышленного скотоводства, верш для омаров и любых других мест, где они находиться не должны. Мишени для атак, соответственно, тоже не вызывают вопросов: лаборатории, магазины меха и кожи, охотничьи хозяйства, окна эксплуататоров, транспортные средства, здания, клетки, капканы и силки — все движимые и недвижимые объекты, способствующие угнетению животных, люди, ответственные за это, и их прибыли. Базовые принципы философии ФОЖ были четко сформулированы в заявлении Группы поддержки Фронта освобождения животных в ее бюллетене от 1995 года. Декларация против спесишизма¹ гласит:

«Поскольку мы считаем, что другие биологические виды способны чувствовать боль и дискомфорт, то всецело осуждаем причинение страданий нашим меньшим братьям и сестрам, равно как и ущемление их возможностей радоваться жизни, если только того не требуют их собственные интересы. Мы не считаем, что один только факт наличия различий между видами может быть оправданием для подавления одним видом другого во имя науки или спорта, ради получения пищи, коммерческого дохода или другой выгоды. Мы верим в эволюцию и духовное родство всех животных и провозглашаем, что все способные чувствовать существа имеют право на жизнь, свободу и счастье. Мы призываем защищать эти права».

Активисты ФОЖ — это вовсе не обязательно «любители животных» или человеконенавистники, они представляют собой среднестатистических представителей общества, мотивированных негодованием по поводу угнетения животных. Они рискуют жизнью и свободой, вместо того чтобы ждать от политиков выполнения их работы по защите тех, чьи права ущемляются. В связи с этим правительство охотно поддерживается СМИ, которые обожают изувечивать истину: они утверждают, что активисты ФОЖ — это «шизики-освободители», «озверевшие бузотеры», «террористы», «фанатики прав животных», «отморозки», «гопники» и «экстремисты». Они любят кричащие уничижительные заголовки: «Толпа террористов выпускает крыс» или «Банда освободителей разносит лабораторию». Эти формулировки призваны дезинформировать читателя. Они представляют заведомо фальшивый взгляд на картину происходящего, подавая активистов как свору сбежавших из психушки дуралеев, слоняющихся по стране, громящих все лаборатории на своем пути, выпуская на волю бешеных животных, и попутно зверствуя над мирными бизнесменами. Правда выглядит совсем иначе: спасательные рейды, как правило, тщательно продумываются, жестокость к животным основательно проверяется, а они сами отправляются в безопасные дома, где их ждет долгая, счастливая жизнь без стрессов и неприятностей. Кто-то может счесть, что распорядиться своей судьбой подобным образом — признак придурковатости, но нет ничего дороже морального вознаграждения, которое ты получаешь, спасая чью-то жизнь.

¹ Спесишизм (спесицизм, специесизм, видовой шовинизм, видоцентризм, видизм) — ущемление интересов или прав на основании видовой принадлежности. В основе спесишизма лежит оправдание дискриминации по признаку биологического вида, которое противники спесишизма ставят в один ряд с такими явлениями, как расизм, сексизм, нацизм и национализм. Употребление плоти животных в пищу, ношение одежды, сделанной из частей их тел, содержание их в клетках на потребу толпы, принуждение к участию в цирковых постановках, использование в экспериментах и прочие формы эксплуатации — все это проявления спесишизма.

Если учесть сравнительно небольшой возраст ФОЖ, он добился значительных успехов. Да, отзывы в прессе не самые хвалебные, но ни одна другая организация за всю историю не спасала столько жизней напрямую; даже близко не подобралась. ФОЖ оказался невероятно успешен в достижении поставленных целей. Участники рейдов не только подрывали такие преступные бизнесы, как торговля мехами, — избегая какого-либо насилия, они привлекали внимание общественности к жестокости, которая процветает на подобных предприятиях. Каждое освобожденное из заточения и от пыток животное, любая общественная дискуссия — все это маленькие победы в грандиозной войне против зла. Вызволить запущенную собаку из сарая на заднем дворе так же важно, как провести скрупулезную зачистку на хорошо охраняемой вивисекционной лаборатории, освободив сотни животных, и делают это, как правило, одни и те же люди.

Не существует никакой закономерности в том, как люди становятся активистами ФОЖ: у Фронта нет ни вербовщиков за школьными воротами, ни агитационных стендов в магазинах диетических продуктов. Единомышленники собираются вместе и пытаются остановить угнетение животных законными мерами, а чуть позднее приходят к тому, чтобы отдать предпочтение ночным акциям: так образуются «ячейки». Одна знакомая мне ячейка была сформирована вечером после футбольного матча в Манчестере. Двое мужчин, обоим чуть за 20, не виделись со школьных лет, но вдруг узнали друг друга, играя за разные команды. В школе они виделись на занятиях, но не дружили. Все изменилось после той игры, когда они выяснили, что не только оба веганы, но еще и мыслят одинаково радикально и хотели бы применить себя к решению проблем животных. После этого они участвовали во многих налетах на собственность угнетателей животных, порой вместе, порой работая с другими единомышленниками. При этом внешне они ничем не отличались от других игроков на футбольном поле.

Некоторые активисты ФОЖ вступают на путь освобождения животных после долгих сомнений о нарушении закона и очень быстро убеждаются в эффективности подобного подхода в сравнении с легальными вариантами. Главное, что в долгосрочной перспективе животные только выигрывают, потому что их участь постоянно обсуждается, тяготы подчеркиваются, а кроме того, усиливается давление на их мучителей; в краткосрочной же перспективе им попросту спасают жизни и избавляют от страданий. Эксплуататоры не зря строят свой бизнес на секретности и держат животных за закрытыми дверями; для них жизненно важно, чтобы эта завеса тайны оставалась плотно прикрытой, поскольку любое освещение их деятельности способствует ее упадку. Многие начинающие активисты с некоторым сожалением замечают, что добиться этого удастся только вне закона.

Некоторые проводят маломасштабные акции на регулярной основе, другие постоянно забрасывают свои мишени зажигательными бомбами, третьи делают и то и другое от случая к случаю, а есть и такие, кто не может определиться, поэтому берутся за все без разбору. Они попадают в тюрьму в первую очередь. Я общался со специалистами по освобождению животных, которые не слишком уж их любят, у которых даже нет своих питомцев. В конечном счете это дело личных предпочтений и приоритетов. Например, организация рейда может занять месяцы и влететь в копеечку: разведка и сбор денег необходимы, животных нужно на чем-то переправлять в надежные убежища и пристраивать в хорошие дома. В то же время закидать целую автостоянку грузовиков зажигательными бомбами можно в любой момент, не потратив ни копейки. Я знаю, потому что я это делал. Урезание финансиру-

ния может негативно сказаться на спасении животных, тогда как ребятам, которым нужны баллон с краской и полкирпича, не потребуется много денег. Зажигательные устройства обходятся даром по сравнению с тем, сколько всего они способны уничтожить.

Невзирая на то, что достижение цели важнее всего, огромное внимание уделяется безопасности. Пусть немногие стали бы горевать из-за гибели вивисектора или забойщика, еще меньшее число людей готовы начать их убивать. Такие промахи имели бы плохой отголосок в прессе, а акции были бы менее продуктивными, чем атаки на сам бизнес подобных предприятий. В этой связи хоть огонь и считается лучшим оружием в плане нанесения максимального ущерба, многие налеты были отменены именно из-за потенциальной опасности распространения пламени. При этом нужно знать, что пожарные хорошо осведомлены о рисках, сопряженных с огнем, и проинструктированы не испытывать собственную судьбу ради спасения чьей-то собственности. Можно ли сравнивать пылающий объект вроде грузовика или деревянного ангара с жизнью? Конечно, нет. Таков основной аргумент поджигателей ФОЖ. Но те, кто получает доход от страданий и эксплуатации животных, не выстраивают свои приоритеты надлежащим образом. Суды тоже демонстрируют довольно неоднозначные представления о морали. Активисты, которых еще до первого заседания окрестили «зоозащитниками-экстремистами» из-за проведенного спасательного рейда, могут ожидать куда более сурового приговора, чем любой среднестатистический отморозок с улицы, сунувший кому-то в лицо осколок стекла. Если нужны доказательства нелюбви истеблишмента к ФОЖ, то судебные решения — наилучшее из них.

Угнетатели животных (основное определение, которое я использую для людей, которые участвуют тем или иным образом в физических или психологических истязаниях беззащитных существ ради своих нужд) часто обвиняют активистов ФОЖ в безрассудном пренебрежении человеческими жизнями и желании ранить или убивать людей. Ничто не может быть дальше от истины. ФОЖ придерживается политики ненасилия с первого дня своего существования, какой бы несостоятельной она ни казалась в свете непрекращающихся пыток, которым подвергаются животные именно из-за несостоятельности политических решений. И активисты никогда не нападали на людей. Если идея заключалась в том, чтобы испортить имущество угнетателей животных, разумеется, сами угнетатели могли попасть под горячую руку. Но при этом всегда существовала сознательная установка избегать физического насилия. На то, чтобы открыть двери подобных предприятий, тратится куда больше сил, чем потребовалось бы на то, чтобы выследить этих людей. Намного проще было бы организовать убийство кого-нибудь из них, пробравшись в гараж и заминировав машину. Попытки исковеркать правду, настаивать на том, что активисты пытаются, надеются или намереваются кого-либо травмировать или убить, циничны и лживы. Хорошо, что факты говорят сами за себя.

Критики кампаний ФОЖ часто выражают «обеспокоенность» тем, что подобное «преступное поведение» приводит к обратным результатам и что добиться чего-либо можно только законным путем. Но история свидетельствует об обратном, равно как и современные реалии движения. Суфражистки нарушали все возможные правила, прибегая к поджогам и насилию, чтобы вывести на первый план дискриминацию женщин и в конечном счете обеспечить им равные права или хотя бы возможность голосовать. Бойцы сопротивления в годы Второй мировой войны использовали взрывчатку и огнестрельное оружие, убивали невинных людей наравне с виновны-

ми, пытаясь побороть нацистский режим в Европе. АНК¹ видел необходимость в вооруженной борьбе с системой апартеида в Южной Африке, на которой лежала ответственность за бесконечное насилие, пытки и убийства и которая была не готова выслушивать рациональные аргументы. Рабы расизма в Вест-Индии² понимали, что у них нет другого выбора, кроме как применить насилие, чтобы обрести свободу, так же как и все остальные невольники и сопротивленцы на протяжении всей истории. Исключение составлял только Ганди, которому повезло с эпохой и числом последователей. Неужели все эти бойцы заблуждались? Можно ли утверждать, что у них была возможность добиться своих целей исключительно законными, мирными методами? Очевидно, нет. Кто-то медленно кладет голову на плаху, пока другие делают все, чтобы изменить положение вещей. Это естественный процесс.

Фронт освобождения животных вырос на руинах ВоМ в 1976 году. Пару дюжин новых активистов привлекла шумиха, окружавшая дело Бистерской тройки, разоблачение ICI и желание совершать нападения — то, чем другие организации заниматься отказывались. Название «Банда милосердия» мало кому виделось достаточно мощным, чтобы представлять авангард замышляемой революции, поэтому организацию переименовали.

То, что животных жестоко эксплуатируют ради веселья, по привычке или из финансовых соображений, считалось общепринятым, и совсем немногие мыслители считали возможным привлекать внимание к этой проблеме или пытаться положить конец каким-то из форм эксплуатации. Но молодежь больше, чем когда-либо, была готова участвовать в акциях прямого действия, и за 12 месяцев существования ФОЖ ущерб от приведенного в негодность имущества исчислялся половиной миллиона фунтов.

Первым освободительным рейдом ФОЖ стало нападение на лабораторию Pfizer³ в городе Сэндвич в графстве Кент. В результате хорошо спланированного рейда с использованием ворованной лодки для пересечения реки и отсутствия контактов с охраной были спасены три беременных самки бигля, которые впоследствии родили 13 щенков. В отличие от ошеломляющих систем безопасности, которыми оборудованы все сегодняшние вивисекционные лаборатории (включая лаборатории Pfizer), в те первые годы противоборства охрана не была такой уж большой проблемой. С годами освободителям приходилось адаптировать свои методы к усовершенствованиям в безопасности и технологиям, внедрение которых стало неизбежной параноидальной реакцией на урон от рейдов против угнетения животных.

В ноябре того же года 13 биглей были вызволены из Оксфордской колонии лабораторных животных в местечке Чэпел-Иссак в Уэльсе из огромной фермы, разводившей собак. Впоследствии она была описана активистами как «крупнейшее собаководческое предприятие в Европе, окруженное трехметровыми стенами и высоким забором с колючей проволокой». Также под покровом ночи подверглись нападе-

¹ Африканский национальный конгресс — старейшая политическая организация чернокожего населения в ЮАР. Вооруженное крыло АНК, которое возглавлял Нельсон Мандела, практиковало саботаж деятельности правительства. Политика апартеида обязывала чернокожих жителей страны проживать в резервациях на ограниченных территориях (около 16% площади ЮАР). Кроме того, такие блага, как здравоохранение и образование, хоть и оставались доступны, но качественно были намного ниже, чем те, которыми обеспечивались колонизаторы.

² Вест-Индия — традиционное название островов Карибского бассейна.

³ Pfizer Incorporated — основанная в 1849 году фармацевтическая компания. Доход за 2009 год составил 50 миллиардов долларов.

нию офиса Общества в защиту исследований (RDS)¹ в Лондоне. В результате налета удалось обнаружить крайне важные сведения, включая домашние адреса вивисекторов. В телефонном разговоре, который последовал за рейдом, звонивший активист Фронта сказал: «Это ФОЖ. Ваши документы у нас. Мы считаем, что вы довольно серьезно больны».

Тогда, в отличие от того, что происходило 30 лет спустя, ни у кого не было особого желания устраивать акции, направленные непосредственно на людей; все было сосредоточено на центрах угнетения. Тогдашняя обстановка резко контрастировала с тем, что мы имеем сегодня, поэтому вивисекторы могли чувствовать себя дома в относительной безопасности. Милое, обходительное, вежливое английское отношение ожидало даже тех, кто подвергал животных настоящим ужасам вивисекции. В лабораториях, правда, им было уже не так комфортно. Состояние полного покоя было утеряно навсегда, потому что активисты навещали всех без предупреждения и наводили достаточно шороху, при этом не переходя на личности. Благовоспитанный подход практиковался лишь следующие три года, после чего запасы терпения подошли к концу. Работа и образ жизни угнетателей начали стремительно отражаться на том, что творилось у них дома. Изначально доставалось главным образом охотникам и вивисекторам, но вскоре фермеры-скотоводы и другие эксплуататоры тоже оказались под ударом. Но и набеги на сами предприятия никто не отменял. Потери фермы в Далчонзи в Шотландии в связи с освобождением 1500 голубых песцов в октябре 1976 года составили свыше 90 тысяч фунтов. Я вышел на группу, которая совершила эту акцию. Команда активна до сих пор. Один из ее членов рассказал мне следующее²:

«Тогда я еще не был до конца уверен, что поступаю правильно, но друг сказал, что нужна моя помощь, и я согласился. Мне было некомфортно от молчания, царившего в машине по дороге туда. Мы никогда раньше не делали ничего подобного, и я знал, что мы можем попасть в беду. У нас едва получалось разговаривать. Я думал, что это я вывожу всех из себя. Стоило забраться на ферму и начать открывать клетки, как мы увидели разбегающихся песцов, некоторые из которых оглядывались, как бы благодаря нас за то, что мы вернули им свободу, и тогда я понял, что моя жизнь изменилась, что мы поступили хорошо! По дороге домой мы оживились, пели и шутили. Мы очень нервничали и чувствовали себя не до конца уверенно, но это было нечто поистине захватывающее. Как будто нас самих кто-то освободил вместе с теми песцами».

К этому моменту ФОЖ уже прочно укрепился в Великобритании. Только за 1977 год горстка активистов освободила более 200 животных, забрав их у поставщиков лабораторий. В результате потребность в неактивных участниках вскоре начала расти столь же стремительно, как и необходимость появления новых налетчиков, потому что движению требовалась проверенная сеть убежищ, которая постепенно создавалась и использовалась. На протяжении последующих лет многие тысячи животных были вызволены со скотоводческих предприятий и лабораторий по всему миру, все они нуждались в хороших домах. Укрытия становились бесценными.

Один из первых рейдов 1977 года закончился плачевно. Освобожденных животных схватили и отправили назад в лабораторию, а Ронни Ли арестовали и посадили в

¹ *Research Defence Society* — лоббистская группа, выражавшая интересы 5 тысяч исследователей и институтов. В 2008 году исчезла как отдельная единица из-за слияния с Коалицией за медицинский прогресс, в результате чего появилась организация «Понимание опытов на животных» (*Understanding Animal Research*).

² Автор приводит слова активиста, говорящего с характерным шотландским акцентом.

тюрьму за их кражу. Фрэнк Эванс, владелец Центра разведения лабораторных животных в Кершелтоне, графство Суррей, отрапортовал полицейским после рейда:

«Задача моего центра — разводить мышей для медицинских исследований. Я продаю их в больницы и лаборатории. В моем центре одновременно находятся порядка 10 тысяч мышей. В четверг 17 февраля 1977 года примерно в 16:30 я закрыл двери, как обычно, и проверил, все ли в порядке. На следующий день, в пятницу, 18-го, я пришел около 8 утра, чтобы приступить к работе. Придя, я обнаружил мои помещения разгромленными. Первым делом я увидел надписи краской на стенах. Это были лозунги вроде «ПРЕКРАТИТЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ НАД ЖИВОТНЫМИ» и «ДОЛОЙ ЖЕСТОКОСТЬ». Потом я увидел, что окно моего офиса выбито. Дальше, идя по лаборатории, я обнаружил, что пропали небольшие суммы наличных денег. Потом заметил, что телефонные провода перерезаны. Проверив саму лабораторию, я убедился, что трех ящичков с мышами нет. В двух из них было по 50 мышей, в третьем — 25. Стоимость каждого ящичка составляла как минимум 25 фунтов. Итого 55 фунтов. Я также зафиксировал пропажу записной книжки, стоимость которой указать затрудняюсь. В ней содержались различные записи о моих постройках за многие годы, и исчезновение этих данных повлечет за собой неудобства».

Конечно, это не то же самое, что взрывать поезда в метро или всаживать самолеты в небоскребы, но в нынешней политической атмосфере поведение подобного рода было бы охарактеризовано как терроризм — термин, которым настолько злоупотребляют, что он стал бессмысленным, если только его не применяют к людям, которыми недовольны власти.

Ронни Ли, человек, описанный одним репортером как «самый учтивый человек, которого я когда-либо встречал», и с ним мало кто не согласился бы, стал известен полиции как человек, чьи дерзкие поступки не вязались с его известной и куда менее зловещей интеллигентной наружностью. Он играл ключевую роль в построении стратегии ФОЖ. Не зная, что полиции известен его новый адрес, он забрал освобожденных мышей себе. В тот же день его жилище обыскали, нашли всех мышей и отправили обратно в селекционный центр. Восемь месяцев спустя Ли признали виновным в краже со взломом, ему дали год тюрьмы. После вынесения приговора он сказал: «Прокурор говорил, что закон существует для защиты слабых от нападок. Похоже, здесь мы имеем прямо противоположную ситуацию. Закон существует для того, чтобы на слабых продолжали нападать, как вздумается. Он позволяет эксплуатировать животных».

Первым успехом экономического саботажа стало вторжение в лабораторию Consultox¹ в Лондоне, которое стоило компании 80 тысяч фунтов. Это были существенные финансовые потери, которые в очень скором времени привели к закрытию лаборатории. Бесчисленное (хотя как-то я и пытался подсчитать) количество других эксплуататоров — от мясников до ученых, от агропромышленных фермеров до владельцев универмагов — пали жертвами пусть и не слишком искусных, но оттого не менее внушительных требований обращаться с животными иначе. Такие победы, как закрытие меховой фермы или зоомагазина, зачастую достигались путем объединения усилий с активистами, работающими в рамках закона. В сущности, они максимально распространяют добытые бойцами ФОЖ сведения об ужасах, творящихся за закрытыми дверями, применяя легальные методы давления посредством акций протеста и бойкотов; иными словами, пока «дипломаты», как они себя называют, стучатся в

парадную дверь, ФОЖ заходит через заднюю. Для некоторых людей, однако, одной только вынесенной двери черного хода и угрозы новых визитов непрошенных гостей бывает вполне достаточно для того, чтобы быстро закрыть лавочку.

За пределами Соединенного Королевства настроения зоозащитников тоже менялись. В 1977 году группа, называвшая себя Подводной Железной Дорогой (Undersea Railroad), спасла двух дельфинов-афалин из лаборатории Университета Гавайев, где их использовали в экспериментах по изучению коммуникативных способностей. Подопытные по имени Пьюка и Киа были захвачены в Мексиканском заливе за шесть лет до этого. Основатели Подводной Железной Дороги, два студента-серфера, которые принимали участие в проекте, в какой-то момент разочаровались в необходимости безжалостных экспериментов. Ученые перестали давать дельфинам резвиться в их бассейнах, отняв у них все игрушки в стремлении подвинуть их к более тесному сотрудничеству с людьми.

Стив Сипман и Кенни Ле Вассер, вероятно, оказались единственными настоящими друзьями этих дельфинов, поэтому им было несложно решиться на освобождение товарищей. Работая по ночам и выходным, парни тайно учили дельфинов ловить рыбу, чтобы прокормиться. На протяжении шести лет, проведенных в маленьких бетонных затонах, они ели рыбу из холодильника, и перестроиться было сложно, но они старались изо всех сил. Стив и Кенни втайне от начальства позволяли дельфинам играть, и возможно, те чувствовали, что движутся к лучшей жизни. Так и было. Стив и Кенни нашли сподвижников, и 29 мая, когда все сотрудники лаборатории разошлись по домам на выходные, команда отправилась осуществлять план спасения. Это оказалось на удивление просто. Несомненно, участие тех, кто знает систему изнутри, всегда помогает делу, но даже при этом существует масса возможных опасностей. Перемещение животных с помощью лебедки было одной из них. Она порвалась под весом тела одного из дельфинов. В конечном счете положение спасли безупречная решимость, монтажная пена, веревки для подъема, мокрые тряпки, лакомства и микроавтобус Volkswagen. Дельфинов отвезли на берег. Наши герои облачились в серферскую одежду и аккуратно переместили своих друзей в море, а потом, накормив их лакомствами, прыгнули на доски и погребли, увлекая Пьюку и Киа вдаль. Пьюка всегда была более заводной, поэтому она рванула в океан быстрее, чем спасители успели выкрикнуть «Берегись дельфина, рыба». Киа в свою очередь болталась возле берега на протяжении нескольких дней к восторгу местных жителей и серферов, избегая многочисленных попыток вновь ее изловить. Когда сотрудники лаборатории вернулись на работу, они обнаружили двух надувных дельфинов и крупную надпись: «УШЛИ КУПАТЬСЯ. Пьюка, Киа, Кенни и Стив».

Ребята сдались полиции, после того как дали пресс-конференцию на следующий же день. Они были обвинены в тяжкой краже, но получили признание, в том числе Американского общества за права животных, которое заявило: «Животные долго этого ждали». Их имена стали не слишком известны, но они сыграли немалую роль в росте международного интереса к судьбе дельфинов узников. Не самая замысловатая акция стала первым примером столь удачного освобождения, за которым последовали другие, по мере того как все новые дельфины становились невольниками человеческой жадности развлечений по всему миру. Так или иначе, в Великобритании их не стало через 20 лет.

В 1978 году Фронту в Великобритании был нанесен ощутимый удар, когда пятерых наиболее активных членов заключили в тюрьму в результате двух судебных процессов. 21-летнего Гэри Тредвелла, 48-летнего Дэвида Хоу и 24-летнего Майкла

Хаскиссона (того самого, что вызволил собак из лаборатории ICI) посадили под замок за надругательство над могилой охотника Джона Пила, кумира всех охотников на лис. Он обожал раскапывать лисьи норы и убивать беззащитных животных. Место, где лежали его кости, было святыней для всех фанатиков кровавых видов спорта. Идея подобной акции витала в воздухе много лет, пока активисты наблюдали, как охотники разоряют лисьи норы, чтобы травить их и убивать, отдавая дань варварской традиции. Активисты перевернули надгробие и оставили в частично разрытой могиле лисью голову, украденную в пабе, где сживали охотники. Надпись на бумаге рядом гласила: «Дуйте в рожки, пока рожи не посинеют». Ущерб исчислялся всего 70 фунтами, но дело было не только в этом. Суд счел, что разгуливать по кладбищам и осквернять могилы, выкапывая кости покойников, — это в корне неверно. Нарушители ожидали, что их оштрафуют, но судью не впечатлили их мотивы, поэтому он отправил всех троих в тюрьму на девять месяцев. Гэри Тредвелл впоследствии сказал: «Я считаю, что этой акции придали слишком много драматизма. Я никак не возьму в толк, из-за чего поднялась такая шумиха — наш поступок немногим отличался от действий археологов, которые пробираются в египетские гробницы, чтобы разрыть чьи-то останки, а ведь их принято поздравлять и награждать».

В том же году судья Сьюзан Норвуд, председательствовавшая на процессах по делу о краже со взломом и вандализме в офисах Британского общества любителей охоты и рыбной ловли в Лондоне, заявила обвиняемым в порыве ободряющего просветления: «Я могу понять, почему вы врываетесь в вивисекционные лаборатории и выпускаете животных, но печатные машинки и калькуляторы им ничего не сделали». Гэри Тредвелу добавили еще девять месяцев к тем, что у него уже были; 20-летнего Обри Томаса приговорили к шести месяцам, а Кристофер Моррисси провел под арестом три недели, после чего был отпущен. В этом же месяце три женщины и двое мужчин, всем немного за 20, прошли по делу о спасении 12 кур, которое принесло владельцу 18 фунтов убытков, с фермы в Сэйерс Коммон в графстве Суссекс, на которой содержалось 40 тысяч птиц. Обвиняемых вскоре освободили из-под стражи, потому что они настаивали, что взяли птиц на обследование в Министерстве сельского хозяйства, планируя позже их вернуть, и, таким образом, не собирались грабить хозяина животных. Во время задержания Робин Ховард спросил у полицейского: «Если я возьму вину за проникновение на себя, вы отпустите остальных?» Он получил отрицательный ответ: полиция желала предъявить обвинения всем.

Эти аресты, суды и заключения, а также связанные с ними неприятности оказали существенный эффект на деятельность совсем еще юного Фронта. С этого момента хоть дело и не застопорилось навечно, но шло со скрипом вплоть до возрождения в 1979 году. Например, летом около сотни батарейных кур были освобождены с фермы в местечке Миддл-Уоллоп в Уитшире. Газеты написали, что ФОЖ предупреждает о новых рейдах, тем самым создав хорошую огласку происходящего. В августе был совершен налет на батарейную ферму «Шангри-Ла» в Стивнидже, графство Хертфордшир, откуда удалось вызволить 70 кур. В интервью журналистам владелец отрицал факт жестокости на ферме, утверждая, что критика ФОЖ необоснованна, поскольку его птицы регулярно получают сбалансированное питание! Видимо, счастливый в связи с этим, он позировал для фотографов на фоне своих сараев, перед тогда еще мало кому знакомыми бесконечными рядами клеток, плотно нашпигованными курами.

Так как в те времена подобные сцены были не слишком известны общественности, активисты воспринимали распространение этой информации с оптимизмом. Тогда, как и сейчас, всех грела надежда на то, что, получив свидетельства происходящих

зверств, люди восстанут против системы. Как ни грустно, но это были — и остаются — очень редкие исключения. Меньшинство, на которое это производит впечатление, существенно проигрывает в количественных показателях тем, кто либо быстро забывает увиденное, либо отказывается брать на себя какую бы то ни было ответственность, потому что «этим есть кому заняться»; или тем, кому попросту начхать. Ожидания от обнародования подобных изображений сильно преувеличены — они редко, если вообще когда-либо, оказывают желаемый эффект: вместо того чтобы делать что-то для прекращения жестокости, правительства и бизнес идут иным путем, предотвращая будущие разоблачения¹.

В том же месяце активисты испортили несколько газонов, принадлежащих гольф-клубу «Кумб Хилл» в Кингстоне в графстве Суррей, в знак протеста против использования клубного оборудования Ассоциацией продавцов меха. Это был небольшой сдвиг в тактике, расширивший понятие виновности для сфер эксплуатации животных. 1 августа The Daily Telegraph подсчитала, что на тот день ФОЖ совершил акций на миллион фунтов ущерба — цифра, которую сами вредители назвали оценкой с большущим запасом.

По мере того как росло число активистов, готовых рисковать своей свободой, увеличивались расходы угнетателей животных на меры безопасности. В долгосрочной перспективе эта цепная реакция выразилась в том, что будущие вивисекционные лаборатории развертывались как можно выше в многоэтажных зданиях или под землей. Те, что все еще располагались на уровне земли, особенно если они принадлежали крупным компаниям и университетам, укреплялись все более дорогими системами безопасности. Разумеется, полностью перекрыть людям доступ внутрь не могли даже они. Как говорится, упорство пробьет любую стену (или что-то в этом духе).

Сообщения о совершенных акциях поступали отовсюду в штаб-квартиру ФОЖ в Великобритании. В числе стран, в которых действовали активисты, были Канада, Франция, Голландия и США. Голландский ФОЖ образовался в 1977 году, стартовал рейдом на батарейной ферме в Эйндохене. Вскоре активисты освободили 12 биглей из лаборатории в Зейсте и спасли более 200 норок и 3 лис со звероферм, а также 400 фазанов, которых разводили для охоты. Еще они вызволили овец и пони, с которыми плохо обращался один голландский политик, десятки кур с ферм и 21 кошку из центра разведения животных для лабораторных исследований, а одной ночью выпустили сотни серебряных лис с трех ферм, предварительно испортив их мех безопасной для здоровья краской.

Во Франции наибольшее внимание общественности к вопросу возникло, когда были похищены 57 собак, предназначенных для лабораторных экспериментов. Многие канадские газеты осветили историю про рейд, в ходе которого из лаборатории больницы для детей в Торонто были спасены 14 морских свинок, 5 кроликов и кот; активисты ФОЖ сделали всеобщим достоянием снимки освобожденных животных — кот был изуродован, у него отсутствовали уши. Фронт заявил прессе: «Войти туда было все равно что очутиться в кабинете Франкенштейна — лишённые голоса собаки, покрытые ожогами поросята и 18 кошек с отрезанными ушами. Мы взяли столько животных, сколько могли с собой унести, и прошли мимо медсестер. Мы знали, что они не станут спрашивать нас при детях, куда это мы идем с изувеченными

¹ Во многих штатах США и странах мира фото- и видеосъемка на предприятиях промышленного животноводства, в лабораториях и на др. подобных предприятиях считается тяжким преступлением и карается продолжительным тюремным сроком.

животными. И они не стали. Власти назовут это кражей, но мы — законопослушные люди — предпочитаем называть это гражданским неповиновением. Нам стало по-настоящему дурно от того, что мы там увидели». Помимо перечисленных животных, в лаборатории содержались кролики в ремнях с переломанными лапами и облученный радиацией ягненок.

Если пример Франции мало кого удивил, то едва ли кто-то мог предсказать столь скорый приход акций прямого действия в Японию. Впрочем, необходимо упомянуть, что главным действующим лицом в данном случае выступил американец. 36-летний Декстер Кейт был экологом, который прославился тем, что попал под суд за освобождение 250 дельфинов, ожидавших забоя¹. Его признали виновным в подрыве легального бизнеса рыбаков. Он прорвался ночью сквозь высокие волны прибоя в бухте Касумото на острове Ики неподалеку от Нагасаки и перерезал рыбацкие сети, выпустив дельфинов в океан. Рыбаки считают дельфинов «морскими разбойниками» и паразитами, потому что те едят рыбу; это ярлык, который угнетатели вешают на любых животных, которые им не нравятся в той или иной точке земного шара. Кейт ожидал, что получит три года тюрьмы и будет серьезно оштрафован, но судьи решили, что трех месяцев предварительного заключения и шести месяцев условно вполне достаточно.

В США Международный фронт освобождения животных (IALF) спас 60 песчанок и 32 крыс из лаборатории Университета Южной Флориды; песчанок использовали в психологических экспериментах, тогда как крыс подвергали хирургическим операциям.

В то же самое время там, где движение началось, активисты посещали лабораторию центра разведения животных компании A. Tuck & Son Ltd в Бэттлсбридже в графстве Эссекс несколько раз в 1977 году и еще один раз в июле 1980 года, эвакуировав в общей сложности 500 мышей. В Нортхэмптоншире активисты нанесли визит на склад Faccenda², изрисовали его и обездвигили 15 грузовиков. В рамках другого, более популярного рейда этого периода из лаборатории в Уикеме, графство Хэмпшир, были спасены бигли. Инцидент широко обсуждался в национальной прессе. Среди опубликованных фотографий была та, что остается едва ли не самым известным изображением ФОЖ. На снимке активист держит освобожденного бигля. Последующее освещение этих событий в СМИ помогло опровергнуть заявления угнетателей о том, что собаки умерли бы без лекарств, которыми их пичкали.

¹ В Японии есть мясо дельфина считается абсолютно нормальным. Его продают в супермаркетах в пакетах, как кальмаров в России.

² Faccenda Group — один из крупнейших поставщиков мяса птицы на британском рынке. Существует с 1962 года. Производит 2 миллиона единиц куриного мяса в неделю.

Меня порой спрашивают: «Почему вы тратите столько времени и денег на блага для животных, когда в мире столько жестокости к людям?» Я отвечаю: «Я рублю под корень».

Джордж Этигелл¹

Уикем. Раунд первый

Уикемская вивисекционная лаборатория — это часть комплекса, включающего крупную ветеринарную практику, учрежденную Уильямом Картмеллом, ветеринаром и вивисектором в Министерстве сельского хозяйства. Лаборатория была выбрана мишенью для акции после распространившихся слухов о том, что в ней проводят эксперименты над животными, но беглый взгляд на местность дал не слишком воодушевляющие результаты. Уикем — это оживленная деревня, а лаборатория располагалась на главной дороге и была окружена коттеджами, заселенными Картмеллом и сотрудниками центра, и единственным свободным для подхода местом оставался район жилой застройки. Однако разведка на местности обнадежила: в жилом районе не работали уличные фонари. Возможно, их чинили. Кроме того, в ограде, окружавшей лабораторию, имелась серьезная прореха. В здании горел свет, портфель стоял на улице. Можно было предположить, что его владелец находился в офисе лаборатории. Два активиста забежали на территорию, схватили портфель и скрылись. Добыча оказалась бесценной. В портфеле были бизнес-проспекты с цветными фотографиями различных животных во время экспериментов и детали лабораторных опытов, связанных с респирацией, в ходе которых использовались дым, пыль, газы и аэрозоли, распыляемые на все тело или только на голову. Кроме того, здесь нашлись результаты хирургических операций и тестов на раздражительность и кожную чувствительность с использованием самых разных животных. Активистам также досталась записная книжка с множеством адресов и имен. Было в портфеле и письмо с указанием деловых нюансов в связи с расширением Уикемской лаборатории и открытием ее филиала на ферме Торбей в нескольких милях от места. Очень интересный документ касался покупки щенков биглей на Эллингтонской ферме в Портон-дауне². Для исследований требовались собаки весом не более трех килограммов; щенкам вкалывали кошачью вакцину Pfizer и переправляли в одну из лабораторий Beecham³. Настоящая жуть и разоблачение. Имелись сведения об аналогичных транспортировках и во владения Fisons⁴. Активисты посетили уикемский комплекс, чтобы узнать наверняка, где содержатся собаки, и проработать пути проникновения и отхода.

¹ Джордж Этигелл (1823–1909) — зоозащитник, основатель Массачусетского общества борьбы с жестокостью к животным.

² Портон-даун — правительственный, военный технопарк площадью 28 км², расположенный в Портоне, графство Уилтшир. Активно экспериментирует на животных. В 2009 году, например, провел 8168 опытов.

³ Beecham — британская фармацевтическая компания. Основана в 1959 году. В 1989 году слилась со SmithKline Beckman, образовав SmithKline Beecham. В 2000 году объединилась с Glaxo Wellcome, в результате чего на свет появилась GlaxoSmithKline.

⁴ Fisons — британская фармацевтическая компания, основанная в 1843 году. Долгое время была ведущим производителем лекарств, приборов для научных исследований и химикатов для растениеводства. В 1995 году куплена французским гигантом Rhone-Poulenc.

Шел март 1981 года. Члены команды встретились возле железнодорожной станции «Винчестер» незадолго до полуночи. К ним присоединился местный журналист-фрилансер. Подъехав к лаборатории с торца через жилой район, они припарковали машины рядом с закрытыми на замок воротами, которыми никто не пользовался. Передовая группа, вооруженная кувалдой и болторезами (для замка), проникла в лабораторию через сад соседнего дома и распечатала ворота. Как только это было сделано, к ним присоединилась оставшаяся часть группы. Предварительно на стратегических точках были расставлены четыре дозора. Свора биглей ведет себя очень шумно, если ее разбудить, поэтому действовать приходилось очень быстро. Дверь сдалась с небольшим скрипом, зато болторезы быстро справлялись с клетками. В каждом загоне было по три собаки, и вели они себя очень подвижно; как только удалось отпереть первый загон и извлечь одну собаку, две другие тут же сорвались и унеслись. Это не входило в планы, но у собак, по меньшей мере, оставалась возможность спастись. Остальные — в общей сложности 11 душ — были благополучно перенесены в машины, на которых их развезли в различных направлениях, чтобы максимально увеличить шансы на полное освобождение. Щенки вели себя тихо, были немного растеряны, но вскоре успокоились. Они оставались на передержке, пока не пришли результаты анализов. Когда активисты убедились, что животные ничем не больны и не заразны, их развезли по новым домам.

Картмелл впоследствии описал напавших на его лабораторию как «анархистских домушников, которых нужно представлять теми, кто они есть». Огласка была широкой и придала оптимизма: создавалось ощущение, что люди, выступающие за права животных, могут что-то изменить. Но были и другие люди, жаждавшие внимания прессы, и некоторые из них выступали как представители истеблишмента, на которых СМИ всегда могут рассчитывать, если понадобится кто-то, кто назвал бы подобные акции преступлениями.

Охота на вивисекторов

Один человек с убеждениями стоит девяноста девяти с интересами.

Джон Стюарт Милль¹

К началу 1980-х дома вивисекторов стали объектами нападений. Однажды в рамках общенациональной акции были атакованы около 30 жилищ, в основном при помощи краски. Обходительное общение с угнетателями уходило в прошлое, по мере того как становилось все яснее, что жестокость к животным не прекратится, пока эксплуататорам есть где прятаться от уличных акций протеста. Число рейдов на пушные зверофермы тоже росло, и индустрия начала загибаться. Окна магазинов бились почти каждую ночь по всей стране. Увеличивался и охват информации об угнетении животных и об акциях против живодеров. Никогда прежде столько внимания не уделялось участи животных и образу мыслей тех, кто жаждал их освобождения. В течение следующих нескольких лет отмечался стабильный рост активности ФОЖ и пропаганды его деятельности, достигший пика в 1984 году. Этот год был полон сюрпризов для тех, кто с такой готовностью называл акции Фронта экстремизмом в худшем понимании этого слова.

В Шотландии, Австралии и Западной Германии маломасштабные освободительные рейды проложили дорогу для более крупных; возникло чувство, словно движение представляло собой растущий глобальный феномен, отражающий изменения планетарного размаха. Между тем бойцы Фронта в Соединенном Королевстве пробовали новые методики. Сочувствующим очевидцам и потенциальным активистам происходящее представлялось интересным явлением; для тех, кто скрывался за закрытыми дверями, это был кошмар; для властей настало время проснуться и вступить в борьбу с потенциально революционной концепцией и массовым общественным участием в нападениях на лаборатории среди бела дня.

Собственно, хватило буквально пары подобных рейдов, чтобы понять (несмотря на широкую огласку), что массовость была слишком рискованной в таких делах. В первой крупномасштабной дневной акции десятки активистов атаковали вивисекционную лабораторию Saferpharm² неподалеку от Дерби в графстве Уэст-Мидлендс и освободили животных. Все прошло прекрасно, но организаторы пригласили СМИ, которые запечатлели одного из налетчиков. В результате Брендана Макнелли впоследствии арестовали. Участие в акции стоило ему двух месяцев предварительного заключения и условного срока за другие нарушения. В знак протеста перед зданиями тюрьмы и лаборатории Лестерского университета психологии прошли демонстрации. В случае университета это закончилось проникновением, уничтожением оборудования и орудий пыток и спасением многочисленных животных. Несколько других налетчиков на Saferpharm, которых полиция опознала по фотографиям в прессе, впоследствии тоже получили условные сроки. Популярность таких героев была настолько велика, что по выходе из тюрьмы Макнелли удостоился кресла вице-президента BUAV.

¹ Джон Стюарт Милль (1806–1873) — британский философ, экономист.

² Saferpharm — одна из крупнейших научно-исследовательских компаний, выполняющих «безопасную оценку особенностей и применения химикалий, лекарств, агрохимикатов, промежуточных продуктов и медицинских приборов». Оказывает услуги 800 компаниям в 30 странах мира.

Через неделю после событий в лаборатории Saferpharm в День святого Валентина активисты ворвались через главные ворота в лабораторию биологических исследований в Стоке, графство Эссекс. Менее чем за 40 минут были освобождены крысы, бигли и мыши, нанесен ущерб в 76 тысяч фунтов. Но под арест взяли свыше 60 человек. При этом в качестве последствия рейда и потерянных в связи с ним заказов под увольнение попали более 40 сотрудников лаборатории. Процессы по делам 29 обвиняемых обошлись в миллион фунтов, увенчавшись для восьми из них тюремными сроками. После апелляции сроки были сокращены: Стив Болдинг получил 9 месяцев, Стив Дэвис — три, Питер Сэйлс — два, Марк Корсини — 200 часов общественных работ. Линду Херман и Кристофера Дэвиса освободили условно, а Рэнди Берроузу дали 3 месяца тюрьмы, но отпустили досрочно. Брендан Делейни отделался 150 часами общественных работ. Одним из ключевых свидетелей обвинения — из 69 приглашенных — был местный житель, работавший в лаборатории. Он переписал данные всех машин, сообщил по телефону обо всех людях, о каких мог только подумать в связи с происшедшим и даже собрал кое-какие инструменты налетчиков. Судья со своей стороны прокомментировал случившееся, сообщив, что он рад существованию вивисекции и не допустит никакого снисхождения для обвиняемых. Он очень споро отозвал одного присяжного, который разрыдался, когда кто-то из подсудимых описывал эксперименты на животных, и отказался пригласить для дачи показаний бывшего сотрудника лаборатории (покинувшего ее из отвращения), сочтя, что эти показания не будут иметь отношения к делу.

Сами по себе наказания по сегодняшним меркам не являлись суровыми, но арест, обвинение, условный срок и риск получения тюремного — все это может серьезно повлиять на жизнь человека, особенно такого, который в любом другом случае едва ли вызвал бы интерес системы уголовного правосудия. В такие моменты обвиняемые нуждаются в любой поддержке, какая только может быть оказана. Арестованные по этому делу жаловались, что со стороны соратников отсутствовала координированная помощь, в результате чего узники чувствовали себя изолированными от той огромной общественной поддержки, которая окружала эти акции.

Опасности, связанные с организацией больших скоплений людей на подобных акциях, были очевидны, хотя и считалось, что подобными рейдами можно многого добиться, потому что они сотрясают фундамент устоявшихся индустрий угнетения. Но все-таки как одна из потенциальных тактик ФОЖ после событий вокруг Стока эта методика была отринута. Это позволило активистам сконцентрироваться на тайных операциях, которые доказали свою эффективность и меньшую рискованность.

Лиги освобождения животных¹

Безграничное сострадание ко всем живым существам — самая верная и твердая гарантия чистого нравственного поведения. Тот, кто исполнен его, несомненно, не способен обидеть.

Артур Шопенгауэр

В свою очередь Северная лига освобождения животных (NALL) положительно оценивала массовое участие в нападениях среди бела дня. Выгода налицо — более широкий охват аудитории, представителей которой можно было взять на первую в их жизни экскурсию в вивисекционную лабораторию или предприятие промышленного животноводства. Сформированная в 1980 году активистами с северо-запада Англии и действующая под девизом «Сквозь стены, когда они меньше всего этого ждут», NALL стремилась собрать вместе всех заинтересованных, чтобы обеспечить координированное движение против угнетения животных: грубо говоря, NALL делала одновременно работу ALF и законопослушных групп.

Политикой NALL было наносить минимальный ущерб, но привлекать внимание прессы к творящейся жестокости, и не воровать животных, а фотографировать их и доносить до людей правду. Акции прямого действия совершались с целью привлечения как можно большего числа людей, чтобы пробудить в них определенные чувства к местам, в которые активисты проникали. Практический опыт делал возвращение в эти места глубокой ночью более простым, благодаря тому что активисты уже видели помещения изнутри, а добываемые материалы и минимальный по возможности ущерб создавали ей хороший имидж.

Внимание, привлеченное к этим обширным нашествиям, в сопровождении бесчисленных снимков с мест событий вдохновили других зоозащитников на создание Центральной (CALL), Юго-восточной (SEALL), Восточной (EALL), Южной (SALL) и Западной (WELL) лиг освобождения животных, а также Шотландской группы прямого действия в защиту животных. Последняя умыкнула свору биглей в ходе рейда на лабораторию Organon в Мотеруэлле в декабре 1983 года.

Самая успешная акция NALL состоялась одним воскресным утром лета 1980 года в известном правительственном Сельскохозяйственном исследовательском центре Института Бабрахама в Кембридже. Этот рейд задал тон всему движению. Получивший в СМИ неофициальный статус «фермы Франкенштейна», бывший загородный дом был казематом для животных, которых видоизменяли и увеличивали в размерах множеством всевозможных способов, приводящих в ужас своей жестокостью. И все это для повышения прибыли мясной промышленности. Налетчики покуролесили на славу. Около 100 активистов ворвались в здания фермы, не встретив никакого сопротивления, и разбились на две группы: небольшой отряд собирал информацию по домам без окон, команда покрупней занималась диверсионной работой. В результате были добыты графические свидетельства человеческой жестокости крайней степени.

¹ *Animal Liberation Leagues — сеть зоозащитных организаций, которые были активны в Великобритании в 1980-е. Если ФОЖ специализировался на подпольной деятельности со свойственными ей маскировкой, ночными вылазками и небольшим числом членов групп, то Лиги организовывали массовые вторжения, фокусируясь главным образом на сборе сведений и фотосъемке (если при этом выпадал шанс спасти животных, разумеется, его не упускали). Рейды зачастую проводились одновременно с легальными демонстрациями.*

Среди многих других уродств были свиньи с электрическими контактами, закрепленными на их черепах и действующими на мозг; коровы со стеклянными трубками, проведенными через желудки, чтобы бессердечные палачи могли засовывать в них руки и извлекать содержимое; козы с выменами, приращенными к их шеям. Представитель лаборатории впоследствии особенно сетовал на использование вспышек на камерах, повлекших, по его словам, «серьезный стресс для экспериментальных животных». Он также возмущался из-за того, что бедных созданий «совершенно вывели из себя». О, боже!

Налетчики фотографировали все, что видели. Многие ушли до появления полицейских, однако 18 человек были арестованы. Один из тех, кого в то утро задержали, обнаружил укромную экспериментальную зону и сфотографировал в ней то, что походило на помесь лошади и козы. Годы спустя он описал увиденное:

«Я прочитал все, что смог найти о вивисекции, после того как школьный учитель рассказал о ней, и почувствовал беспокойство по этому поводу, пусть я еще и не был уверен, что эти опыты могут быть такими шокирующими, как их описывают в некоторых книгах. Инстинктивно я не доверял самой идее вивисекции, ходил на демонстрации против нее и разговаривал с людьми, которые делились жуткими историями, но самому оказаться в Бабрахаме — это было что-то. Сюр, но все перед моими глазами; все, что я мог себе представить в худших кошмарах. Там было множество страдающих и ненормально выглядящих животных, моментально пробуждавших сильные эмоции. Я перенес потрясение, какое не испытывал до этого никогда прежде за всю жизнь. Когда я увидел бедную лошадь (или кто это был), пришло время уходить: люди кричали, что персонал пытается кого-то арестовать и что приехала полиция».

Офицеры полиции Кембриджшира схватили этого активиста по дороге к выходу и отвезли в участок. Прибыв к лаборатории, полицейские первым делом решили обезопасить это конкретное здание, поэтому они быстро окружили его, чтобы никто не сбежал. Арестованного налетчика впоследствии отпустили, не предъявив никаких обвинений, но полиция в свою очередь сделала так, чтобы камера, а вместе с ней и пленка со странным созданием «потерялись».

Большая часть офицеров патрулировала испещренные антививисекционными лозунгами улицы Кембриджа во время проведения рейда, очевидно, ожидая, что там пройдут акции. Пустить полицию по ложному следу было удачным решением организаторов рейда.

Подвержение украденных домашних животных экспериментам всегда вызывало сильные эмоции; поэтому индустрия попыталась протолкнуть идею использования специально выведенных животных — якобы менее чувствительных к страданиям. Блэки была одной из собак, спасенных активистами NALL из Шеффилдского Университета в 1980 году, позже опознанной хозяином в результате широкого резонанса, которую получила акция. Собака вернулась домой. Несмотря на то, что признания были крайне редким явлением, слухи и подозрения бродили повсюду. Дошло до того, что достоянием общественности стал один документ. В нем говорилось, что Совет медицинских исследований платил людям, воровавшим кошек на улицах Лондона, по 1–2 фунта. В 1950-е в экспериментах использовали 6 тысяч кошек ежегодно, а растущей индустрии требовалось вдвое больше. Двое из этих воров, торговец металлоломом Фредерик Олдем и дворник Джозеф Биско, были арестованы в 1952 году и обвинены в краже девяти кошек. Несмотря на то, что продажи ворованных питомцев на мех и эксперименты процветали, а их страдания были невероятными, с

тех самых пор можно вспомнить лишь считанные случаи предъявления обвинений людям, похищавшим животных для лабораторий и их поставщиков.

Сведения, полученные в результате расследования Бабрахамского дела, широко тиражировались и привлекали все больше активистов к кампаниям за освобождение животных. Не имея графических доказательств, большинство людей с трудом верило в существование такой стороны жизни. Той, о которой почти наверняка никто бы не узнал, если бы не люди, которых политические лидеры и публицисты с такой легкостью называют преступниками, отморозками и террористами. Но бывал и хороший опыт, когда активисты проникали в какое-то место с сомнительной репутацией, делали снимки терзаемых животных, уходили, а потом связывались с прессой и давали им любопытные сюжеты. Этого эксплуататоры боялись страшно. Именно в этом нуждались животные за закрытыми дверями — в освещении происходящего.

Снимки, сделанные в Бабрахаме и других подобных заведениях, получали немалую местную, национальную и международную огласку, которая в свою очередь вливалась новую кровь в Движение и открывала обывателю глаза на темный мир «научных исследований» и «животноводства». Эти рейды разжигали воображение прессы и общественности, и все хотели участвовать в происходящем тем или иным образом. SEALL начала применять видеокамеры, как только те стали более или менее доступными, с размахом, сравнимым с нынешним. Использование видеокамер приносило настолько впечатляющие результаты, что вскоре они стали мечтой каждого, кто серьезно думал о распространении информации, касающейся угнетения животных. Вся мощь рейдов заключалась в секретах, которые они раскрывали. Участники всегда были встревожены; некоторые боялись, другие уже имели опыт, никто никому не платил и далеко не все друг друга знали. Не было никаких спецприспособлений или прыжков с парашютом. Все, что было, — это группа слабо связанных друг с другом людей и план, которому, возможно, не суждено было сработать от и до. Но желание попытаться сделать что-то само по себе преобразует жизнь. Если ничего не делаешь, ничего не происходит и ничто не меняется. Прodelай путь в засекреченное здание, где тайно проводятся эксперименты, слоняйся по нему, фотографируя все подряд, прикарманивая документы, и — опля: из этого получится нечто впечатляющее.

Королевский хирургический колледж

Не отчаивайся, но если тебя охватило отчаяние, продолжай работать, невзирая на него.

Эдмунд Берк¹

Другой неожиданной удачей SEALL стал разрекламированный налет на престижный Королевский хирургический колледж на ферме Бакстон-Браун в графстве Кент в августе 1984 года, где на сотнях обезьян и тысячах других животных проводились эксперименты, включая длительные стоматологические и диетологические исследования. Рейд, в котором участвовало около 60 человек, сделал общедоступными кипы документов. Результат был беспрецедентным: BUAV подала на колледж в суд, его администрацию признали виновной в преднамеренном и неоправданном причинении необязательных страданий 10-летней макаке. Это стоило колледжу штрафа в 250 фунтов и хорошей репутации. SEALL утверждала, что вентиляционная система в лаборатории была сломана, а у 10-летней самки макаки-крабоеда по кличке Мона наблюдалось серьезное обезвоживание, так как температура достигала 33 градусов по Цельсию. Другие животные в лаборатории страдали из-за сломанных конечностей и были обнаружены в клетках, используемых с 1966 года. У некоторых имелись порезы, какие-то умерли от обезвоживания. Эксперт по обезьянам и свидетель обвинения Сирил Роузен из Международной лиги защиты приматов² сравнил условия содержания с теми, что были в британских труппах викторианских времен. Он раскритиковал хирургов за то, что они держали экспериментальных и специально выведенных обезьян вместе, да еще и в алюминиевых клетках площадью менее трех квадратных метров. «Вы же не ждете, что люди будут жить подобным образом, так с какой стати животные должны?» — резонно осведомился Роузен.

Джон Купер, ветеринар, работающий на колледж, тоже дал показания в суде. Он назвал себя «преданным делу ветеринарии хирургом». Парадоксально, учитывая его работу в вивисекционной лаборатории. Наличие ветеринара в штате колледжа явно было им на руку — не только для выживания наиболее ценных животных, но и для сохранения лица перед публикой. Купер сказал, что, дав обезвоженной обезьяне Моне — главному объекту интереса всех СМИ — лишнюю бутылку воды, он бы существенно усложнил себе работу, поскольку ему требовалось присматривать за животными в клетках, а вмешиваться в эксперименты было запрещено. Его мнение о попытках диких обезьян было таким: «Моя первоочередная обязанность — следить за здоровьем зверей, поддерживать их жизнь. Если исследование должно быть проведено хорошо, значит, оно должно быть проведено хорошо, а не тят-ляп». Такой ветеринар — это, казалось бы, аномалия, но когда есть готовые раскошелиться люди, подобных «специалистов» находится куда больше, чем один или два, как мы еще успеем убедиться.

Другой свидетель защиты, тоже ветеринар, занимавший должности президента Британской ветеринарной ассоциации и инспектора зоопарков, считал, что условия

¹ Эдмунд Берк (1729–1797) — британский политический деятель, член парламента, публицист эпохи Просвещения, родоначальник консерватизма.

² International Primate Protection League (IPPL) — основанная в 1973 году в Таиланде организация, включающая экспертов в области зоологии, антропологии, медицины, биологии, ветеринарии и психологии из 31 страны. В сферу деятельности IPPL входит защита приматов в местах их обитания, а также создание и сохранение заповедников.

в колледже были удовлетворительными. Он заявлял, что, по его мнению, животные в неволе счастливее, чем на природе, и что физическая изоляция — это здорово, если они могут слышать и видеть других обезьян. Далее он заметил, что этому виду обезьян не нужна физическая активность, чтобы оставаться здоровыми! Это неплохое оправдание для тех, кто стремится причинить животным серьезный вред, но величайшее противоречие для ветеринара, чьим святым долгом является забота о животных. Еще один свидетель со стороны колледжа, главный зоотехник, говорил, что работал в лаборатории исключительно из любви к животным и полагал, что остальными сотрудниками двигало то же чувство. Он заявлял, что содержание обезьян в маленьких алюминиевых клетках было вызвано желанием в одинаковой мере улучшить их социальную среду и защитить персонал и что одиночное размещение позволило упростить проверку состояния их здоровья.

За четыре дня до рейда Министерство внутренних дел отправило в лабораторию инспектора, который не только выдал ей санитарное свидетельство, но и похвалил за высокие стандарты заботы о животных! Это всплывает всякий раз, когда появляются сведения, получаемые в ходе каждого нелегального проникновения или негласного расследования. Достаточно сказать, что непрошенные гости колледжа откровенно не согласились с инспектором в его оценках.

Уже известный нам Майк Хаскиссон был одним из них и мог быть наказан за наличие особого мнения еще раз. Ему удалось благополучно уйти с места действия до приезда полиции, но когда стало ясно, что материалы лаборатории колледжа можно будет использовать против вивисекторов, Майк понял, что кто-то должен дать в суде показания, основанные на документах, полученных в ходе рейда и идущих вразрез с «внутренней отчетностью». Без таких показаний материалы были бы в глазах закона недействительны. Хаскиссон дал показания со стороны обвинения как человек, снимавший для SEALL в день рейда. Он заявил, что получил документы в неразберихе и затем передал их тем, чьей работой было собрать весь полезный материал и переправить его в безопасное место для анализа. Это признание было эквивалентно явке с повинной и требовало исключительной храбрости. Принимая в расчет то, что Хаскиссон благополучно покинул место преступления, ему было куда проще пустить все на самотек и перейти к новым проектам, но ему представилась блестящая возможность нанести очень сильный удар по работе престижной лаборатории, и Хаскиссон осознавал, что лучше всех подойдет для этой задачи. Будущее лаборатории оказалось в руках одного человека, достаточно отважного, чтобы обречь себя на наказание. С самого начала было ясно, что тюрьма для него неизбежна, но без его свидетельства колледжу удалось бы выкарабкаться. Майк Хаскиссон признал себя виновным как соучастник кражи со взломом, чтобы донести до суда секретные внутренние документы колледжа, но заявил, что действовал без злого умысла и не собирался навсегда забирать у лаборатории ее шокирующие материалы. Приняв во внимание заверения Хаскиссона в том, что он не нанес никакого ущерба и больше ничего не украл, жюри присяжных признало его виновным в соучастии в преступлении. Желая устроить показательную порку, судья отправил Хаскиссона в тюрьму на 18 месяцев.

После широкой огласки экспериментов колледжа, его администрация была признана виновной и приговорена к штрафам за жестокость к Моне. Другие обвинения были сняты, несмотря на признание того факта, что 52 живых существа подвергались необязательным страданиям — факта, который инспекторы МВД каким-то образом умудрились не заметить в ходе проверок. Между прочим, они посещали колледж

18 июня 1984 года, в день, когда самка по имени Рейдж умерла от обезвоживания. Мона скончалась через четыре дня.

Колледж уладил все юридические формальности год спустя, вернув себе статус престижного института, несмотря на все материалы, в которых были свидетельства пренебрежительного отношения и причинения страданий обезьянам. Лаборатория колледжа продолжает существовать где-то в секретном месте, где мало кто захотел бы оказаться. Если не считать освободителей.

Тем временем устоявшиеся, спонсируемые государством бизнесы уже начинали побаиваться потери анонимности и потенциальных рисков уничтожения своей собственности. Фармацевтический и сельскохозяйственный капиталы всегда уповали на друзей и представителей в правительстве, и оставалось совсем недолго до момента, когда полиция обрушилась всей своей мощью на Лиги освобождения, прежде чем те успели нанести хоть сколько-нибудь внушительный ущерб.

Идеи — забавные штуки. Они ничего не меняют, пока этого не делаешь ты.

Неизвестный

По результатам судебного дела об участии в крупномасштабном вторжении в лаборатории ICI в местечке Элдерли-Парк в графстве Чешир в апреле 1984 года, тюрьма ждала лишь двоих активистов. Их осудили за то, что 300 человек заполнили помещения лаборатории в поисках скверны к полному недоумению персонала. Ущерб, причиненный собственности ICI, был куда менее внушительным, нежели в истории с биглями; впрочем, в рамках этой акции NALL пошла в обход своей политики минимального ущерба, чтобы справиться с охраной лаборатории. Был спасен по меньшей мере один бигль.

Поведение полиции при расправе над юными, неопытными активистами, задержанными в Чешире, выявило наличие проблемы; из-за угроз насилия и обещаний блюстителей сфабриковать дело, держать рот на замке сумели менее половины арестованных. Некоторые сделали полноценные признания и даже назвали имена людей, которые участвовали в акции, но не попали в руки правосудия. Дейв Каллендер и Робин Смит, ключевые фигуранты дела, хорошо известные организаторы местных акций саботажа охоты и члены зоозащитных групп, были представлены как лидеры рейда на трехмесячном показательном процессе. Суд приговорил их к девяти месяцам тюрьмы и еще шести месяцам условно. Каллендера арестовали на месте событий и неделю продержали в полицейском участке. За все это время он не произнес ни слова. Смит был крупной фигурой в кампании против ICI, его задержали через две недели после рейда. Он тоже воспользовался правом хранить молчание. Еще 15 активистам были предъявлены обвинения в «незаконном собрании с целью совершения кражи со взломом», их пугали тюрьмой с самого начала и настраивали соответствующим образом, но в конечном счете оштрафовали и приговорили к общественным работам. С остальных обвинения снимались по мере продвижения дела. Не самый плохой результат, но суровое испытание, которое медленно убивало расцветавшее региональное движение. Северо-запад Англии был захватывающим местом на протяжении 1980-х, но после рейда в ICI настроения менялись: цепная реакция активистов и местных групп, которые пережили большую часть арестов, была куда серьезней, чем фактические наказания. Когда год спустя после рейда процесс закончился, все силы из движения на северо-западе были высосаны, и кампания против ICI почилла.

NALL подала всем пример на севере, а на юго-востоке Англии пионерами движения за освобождение животных стала SEALL. На дальнейшие свершения активистов вдохновил успех массовой атаки на лабораторию Wellcome¹ в Дартфорде в графстве Кент в сентябре 1983 года, когда десятки активистов оккупировали крышу, сделали множество фотографий и обшарили офисы. Представители Wellcome выступили на национальном телевидении, заявив, что потеряли убытки в размере 250 тысяч фунтов. Даже несмотря на то, что полиция приехала только через час после звонка,

¹ *Burroughs Wellcome & Co.* — основанная в 1880 году британская фармацевтическая компания. В результате слияния с *Glaxo* в 1995 году стала частью *GlaxoWellcome*. После слияния со *SmithKline Beecham* в 2000-м вошла в состав *GlaxoSmithKline*.

ей посчастливилось арестовать 70 человек, — некоторых внутри лабораторий, — но нехватка скорости у протестующих уравновесилась неповоротливостью властей, которые наказали активистов лишь тем, что обязали соблюдать общественное спокойствие. Было очевидно, что большинство подобных компаний скорее избегут лишней публичности, чем станут искать виноватых (как показала история с ICI), что делало подобные вылазки еще более соблазнительными. Однако проблема заключалась в том, что срок годности массовых рейдов был очень ограничен, потому что власти уже начали вырабатывать стратегию против них.

Заручившись поддержкой прессы, которая в то время была благосклонна к зоозащитникам, SEALL всю использовала камеры и собирала убедительный медиа-материал. Широко рекламируемые рейды воодушевляли активистов повсюду и вдохновили на создание новой кампании — против фермы Шемрок, которая импортировала обезьян для экспериментов, служа центром передержки и карантина. Кроме того, активисты совершили налет на лабораторию Университета Суррея и предали происходящее огласке; арестованных (в основном на крыше) выпустили под подписку о невыезде. Это никого не устрасило, но стало очередным признаком того, что без хорошего планирования аресты могут повлечь более серьезные проблемы, если за ними последует предъявление обвинений. Фактически единственным человеком, получившим срок, была женщина, которую приговорили за кражу и нападение: она протаранила ворота угнанной с территории машиной со спасенной собакой на заднем сидении.

Массовые аресты стали тревожным звонком для организаторов SEALL, и им приходилось быстро учиться. Движение еще переживало свой бархатный период, когда власти зашевелились, встревоженные рейдами и их негативным влиянием на узаконенные программы экспериментов на животных. Возникновение ситуации, когда железный кулак «обеспокоенных бизнесменов» начнет перемалывать всех подряд, а освещение в СМИ станет мерзопакостным, было лишь вопросом времени.

Прежде чем это произошло, и власть имущие осознали отрицательный эффект, который оказывают люди, сметающие стены, воздвигнутые угнетателями животных, «Четвертый канал» показал «Фильм о животных», который только-только вышел. Это были три часа чистого ужаса, куда более шокирующего и реального, чем фильм в жанре хоррор, потому что здесь показывались все аспекты угнетения животных в невообразимых, зрелищных деталях, и это не было инсценировкой. Это было страшнее любого кошмара. Просмотр фильма круто изменил мою жизнь — так же, как изменил жизнь многих других знакомых мне людей. Жестокость ошеломила меня, и уже тогда я понял, что все так называемые преступления освободителей животных совершались в интересах братьев наших меньших, и значение имело только это. Просто фантастика — восстать против системы, которая пытается внушить нам, что жестокость к животным — это необходимое зло; которая заставляет нас проглатывать ужасы, инстинктивно нами отторгаемые! Фильм стал откровением для многих: я, например, больше не верил словам. Я очень быстро принял сторону угнетаемых и положил жизнь на борьбу за их свободу.

Возвращение в Уикем

Опыты на животных привели к возникновению 100 препаратов, которые, как считается, помогают при сердечных ударах; но ни один не доказал свою эффективность на людях. Не нужно быть активистом в балаклаве, чтобы задаться вопросом о ценности экспериментов на животных в этой области медицинских исследований.

The First Post¹, 25 января 2007

Фокусируясь на обнаружении фактов преступной деятельности угнетателей животных и скрупулезно планируя каждую акцию, в октябре 1984 года SEALL подготовила и совершила три синхронных рейда на лаборатории Хэмпшира. Информация, полученная в результате этих рейдов (включая колледж и Шеффилдский Университет), помогла найти людей, ворующих домашних животных в районе Хэмпшира. Активисты SEALL были уверены, что украденные питомцы поставлялись исследовательским центрам вроде Королевского колледжа или лаборатории в Уикеме через ART Consultancy — компанию, управляемую ветеринаром Дэвидом Уокером, — и псарню Коттеджпэтч в Саутхэмптоне.

Это был самый амбициозный рейд за всю историю существования Лиги и третья крупномасштабная акция SEALL за 60 дней, но, судя по всему, она с самого начала была обречена на провал из-за информатора, который работал внутри организации и сообщал все подробности полиции. Лига стала жертвой своего собственного успеха; ввиду большого числа участников операций, властям было несложно внедрить в ряды SEALL своего человека. Уже сам тот факт, что рейды состоялись — немалое достижение, особенно учитывая утечку информации и небывалую активность полиции Хэмпшира.

Тем не менее все три рейда прошли в четком соответствии с планом, и Скотланд-Ярд, который поставил ключевых активистов под наблюдение в преддверии акции, был в ярости на своих некомпетентных хэмпширских коллег, которые непостижимым образом умудрились провалить дело и совершить лишь несколько арестов. Выяснилось, что их информатор сообщил детективам важную, но немного неверную подробность. Рейды SEALL были запланированы на воскресенье, а не на субботу, когда полиция устроила засаду на всех трех точках. Ловушка оказалась бесполезной, и когда в субботу ничего не произошло, хэмпширские детективы вернулись на базу.

На следующий день десятки активистов разом наводнили помещения ART, Коттеджпэтч и Уикемской лаборатории. Руководство и персонал, однако, еще пребывали в состоянии повышенной боевой готовности, а в ART — по домашнему адресу Дэвида Уокера — налетчиков встретил сам хозяин с дробовиком наперевес. Продавец животных получил по голове в результате драки с нарушителями, которые его и разоружили. В остальных местах рабочие тоже атаковали активистов, но полученные повреждения были несерьезными. Полиция взялась за СМИ и использовала ушиб Уокера как пример того, что все активисты — отчаянные сорвиголовы, настроенные на насилие, в то время как травящие животных бизнесмены — беспомощные гуманисты, страдающие за участие в исследованиях на благо человечества. Безусловно, их

¹ The First Post — новостной онлайн-журнал, основанный в Лондоне в 2005 году.

слова шли вразрез с тем, что я читал, видел на снимках из лабораторий или на видео, поэтому я понимал, что речь не шла о неверном толковании фактов. Это было началом продуманной стратегии, преследующей целью опорочить движение, чтобы сохранить статус-кво.

Освещение событий было широчайшим, а съемку рейдов показали по национальному телевидению. Было арестовано в общей сложности 19 человек, в основном в АРТ. Их обвинили во множестве правонарушений, что привело к еще одному показательному процессу, которому суждено было обозначить конец SEALL.

«Уикемским девятнадцати» были предъявлены обвинения в преступном сговоре с целью совершения кражи со взломом, причинения ущерба, нападения и ограбления. Начальник полиции Хэмпшира сделал все, чтобы усугубить участь обвиняемых, заявив прессе, что если кто-нибудь умрет в результате одной из тех драк, то «последуют обвинения в убийстве». Было ли ему известно, что обыкновенно люди не умирают от ссадин? В полиции также говорили о 10-летних тюремных сроках, чтобы встряхнуть некоторых особо восприимчивых обвиняемых, которых держали под замком и хотели разговорить. Но даже при этом полиция волновалась, что ей не хватит улик: она пыталась подкупить присяжных! Из 59 потенциальных членов жюри 25 признали, что полицейские относились к ним предвзято. Настолько невероятного признания обычно достаточно для прекращения дела, но здесь все было иначе: вместо прежних присяжных попросту набрали новых. Обвинение все равно переживало тяжелые времена: с 12 подсудимых сняли все обвинения, и лишь 7 были признаны виновными по одному пункту. Таков был итог 9-недельного политического процесса, которому полиция предрекала славу большой порки для радикального движения за освобождение животных.

Спустя год после совершения рейдов 55-летний бывший мясник и лидер SEALL Майк Нанн получил 3 года тюрьмы, 24-летний Гордон Брайант — 12 месяцев, 26-летний Джон Куирк и 24-летняя Салли Миллер — по 9 месяцев, 21-летний Джон Кертин — 6 месяцев, 25-летняя Сью Бэйкер — 5 месяцев, 24-летний Кевин Уильямс — 3 месяца. Учитывая, что в ходе расследования полиция получила о SEALL подробнейшие сведения, Лига не могла продолжать эффективно функционировать, и в день оглашения приговора организация объявила о самороспуске.

Сорванная полицейская операция, пытающие животных ветеринары, украденные из лаборатории питомцы и манипуляция присяжными. Но, пожалуй, самый примечательный аспект этого дела — тот факт, что четверо подсудимых дали показания и признались в участии в рейдах. Они настаивали, что действовали из наилучших побуждений, так как знали, что лаборатория в Уикеме использует в экспериментах ворованных домашних собак. Они утверждали, что любой человек оправдает их действия. Присяжные с этим согласились и признали подсудимых невиновными. Это имело потенциально огромное значение в глобальном вопросе освобождения животных. Вдобавок организованная резонансная кампания в защиту SEALL привлекала постоянное внимание к Уикему, удерживала новости о процессе в заголовках газет и включала серию митингов, пикетов, телефонных блокад и раздач листовок. Трэйси Янг даже выпустила запись, посвященную «уикемским девятнадцати». В общем и целом это была впечатляющая демонстрация солидарности и пример для других активистов.

Когда приходится сталкиваться с терроризмом, зарубежной контрразведкой, похищением детей, ограблениями банков и захватами самолетов, взлом помещений с животными — не такая уж большая беда.

Детектив полиции

В августе 1984 года 200 активистов EALL проникли в хорошо охраняемую лабораторию Unilever в Бедфордшире во время проведения демонстрации за периметром. Высокий неприступный забор вокруг комплекса был сделан из закаленной стали. Однако эта мощная ограда (часть многомиллионной автоматизированной системы безопасности, установленной двумя годами ранее) не составила проблемы для взятого в аренду камнерезчика на бензине. Активисты с ломami и кувалдами в руках запрыгнули в дыру в заборе, пробежали 700 с лишним метров до комплекса и ворвались в лабораторию и офисные здания.

Это смотрелось как нечто искусное, но из-за масштабности операции, относительной неопытности многих ее участников и недостатка знаний о том, как себя вести, не все прошло гладко. Фотографии были сделаны, документы изъяты, но кое-кто не успел вовремя удрать с места событий. Когда начала прибывать полиция, разрозненные группки все еще ошивались в окрестностях. Это было спустя час после начала вторжения и воя сирен. Отсутствие плана эвакуации явилось главным просчетом дерзкого рейда.

Лишь трое из 42 арестованных в тот день попались на месте событий; остальных задержали либо в прилегающих полях, либо — таких было большинство — их машины остановили по дороге. Как обычно, лишь немногие из задержанных имели проблемы с законом в прошлом, и разумеется, именно их ждали серьезные неприятности. Всех арестованных обвинили в сговоре с целью кражи со взломом и заверили, что они станут участниками величайшего показательного суда в истории. Против большинства из них имелось очень немного улик, если не считать того, что они находились неподалеку в тот час, когда кто-то побил окна и проник в здания. Предъявить им что-то было сложно, так как люди пошли на демонстрацию и действительно на ней присутствовали. Это была не их вина, что кто-то в то же время затеял кражу со взломом. По крайней мере, так считалось раньше!

Но времена менялись. Полиция и суды объединяли усилия, и подобные рейды уже рассматривались куда более серьезно, чем как нарушение общественного порядка — к удивлению многих. Одной из улики была распечатка зафиксированного системой безопасности времени разбития каждого окна и взлома каждой двери комплекса Unilever. Также наличествовала съемка системы теленаблюдения. У некоторых из арестованных остались осколки стекла на обуви, что, с одной стороны, представляло собой единственную улику против них, а с другой, могло объясняться тем, что они прошли по битому стеклу снаружи зданий, но на территории комплекса, чего вполне хватало для предъявления обвинений.

¹ Unilever — основанная в 1930 году британско-голландская транснациональная корпорация, владеющая множеством брендов потребительских товаров, включая напитки, продукты питания, моющие средства и средства личной гигиены. Unilever принадлежат в том числе Rexona, Lipton, Sunsilk и Knorr.

Для многих это были обескураживающие новости. Например, для Нэнси Фиппс¹. Спокойная, тихая и участливая, она готовилась вскоре стать бабушкой. С ней вместе против мерзких экспериментов, проводимых Unilever, протестовали две ее прекрасные дочери-подростка. Для них, как и для многих других в тот день, издеательства над животными, которых травили, чтобы протестировать новую продукцию, были намного важнее, чем несколько выбитых окон. Арест, обвинение и год тюрьмы были для них каким-то наваждением. Они нервно ждали решения по своему делу, как и все зоозащитное движение.

В один из дней суда кто-то из юристов Нэнси, описывая «бабушку Фиппс», воскликнул: «Господа присяжные, перед вами налетчик в красивом платье с цветочками! Вы всерьез собираетесь это обсуждать?» Это не было задумано как шутка, но ситуация была поистине смехотворной: добрая, нежная семья, где каждый заботился друг о друге, стояла перед судом в ожидании приговора. Эмоциональность Нэнси Фиппс объяснялась приверженностью бескомпромиссной борьбе за права животных. Судебный процесс потряс сами основы движения за освобождение животных. Вот как об этом вспоминает сама Нэнси:

«Мы, четыре человека, сидели в ряд на длинной тяжелой деревянной скамье за решеткой. Дебби, Ди, Джилл и я. Разумеется, это был самый травмирующий день из всех, что мы пережили. В конце концов дверь открылась, и нам разрешили присесть в более приятной атмосфере в окружении наших адвокатов. Люди курили, болтали, все пытались разрядить обстановку. Мы обменивались шутками, были очень возбуждены, нервы натянуты до предела, вибрации ощущались почти на физическом уровне.

Чуть позже начали приходиться остальные, по двое-трое, и мы уже сидели все вместе, поддерживая друг друга. Это был круг солидарности. Мы морально готовились принять любое решение государства, в нашем случае через присяжных, наших сограждан. Были ли они готовы выслушать наш молчаливый призыв к гуманности и состраданию? И что такое сострадание? Его не слишком часто встретишь в наши дни. Не исчерпались ли его запасы после шести недель процесса, где люди рассказывали о сатанинских экспериментах, которым подвергаются животные, в данном случае даже не в научных целях, а всего лишь ради новых брендов зубной пасты, шампуня, полироли для пола и т. д.

Перечень бесконечен, как и безумные опыты. Сколько килограммов зубной пасты нужно скормить крысе, прежде чем она лопнет? Здесь неприменим даже сладкоречивый скулеж лицемеров-вивисекторов, хнычущих: «Вы предпочли бы, чтобы мы проводили опыты на детях, чем на животных?» Мы сидим все вместе и не перестаем задаваться вопросом: есть ли до этого дело великой британской общественности в лице 12 человек, принудительно выхваченных из огромной массы людей? Или они оглушены голосом власти, истеблишмента в лице судьи, который был ряженым в парик реакционером, хорошо известным своей ненавистью к чернокожим, гомосексуалистам, сторонникам ядерного разоружения и женщинам, то есть более чем к половине всех жителей нашей прекрасной страны.

Тянулись часы. Наконец, стрелки показали половину четвертого. Момент истины. За дверью послышался шепот. У всех были встревоженные лица. Люди пытались говорить, но сжатые глотки не давали произнести что-либо членораздельно. Постепенно комната опустела. Сначала ушли трое из нас. Потом рыжеволосый Майк

¹ Нэнси Фиппс — мать активистки Джилл Фиппс, погибшей в 1995 году под колесами грузовика, перевозившего телят для экспорта. Нэнси дает интервью в фильме «Behind the Mask».

кивнул мне и Джилл, и мы трое пошли вверх по лестнице, поддерживая друг друга, придавая друг другу сил. В маленькой комнате, прилегающей к залу суда, мы присоединились к Дебби и Ди. Потом мы вместе медленно вошли в зал суда, где уже были остальные. 14 человек, ожидающие приговора.

— Присяжные заседатели вынесли свой вердикт?

— Да, ваша честь.

Я крепко сжимаю руку Джилл. Делиа. Виновна. Дебби. Виновна. Человек продолжает монотонно бубнить. Борис, Джэйлс, Майк. Мы слышали крики с мест для публики. Полиция очистила зал, прежде чем прозвучало следующее “Виновен“. Одного признали невиновным. Одного из четырнадцати! Без каких-либо причин. Просто одного нужно было отпустить. Оттенок сострадания, чтобы показать, что им не совсем наплевать на происходящее. Оправданный был самым юным. Истеблишмент победил. Он проглотил свою порцию свежего мяса. Это была еще одна неудача запуганных, замученных узников. Неудача — да, но не поражение. Мы будем чахнуть за тюремной решеткой, но на свободе еще много тех, в ком хватает любви, солидарности и гнева. Потому что государству не победить нас. Потому что мы знаем, что наше дело правое. Мы сражаемся за прекрасных созданий этой планеты. И наша борьба будет продолжаться, пока каждое животное на Земле не сможет жить своей естественной жизнью, к которой люди будут проявлять уважение».

Нэнси Фиппс и ее младшая дочь Лесли сели в тюрьму на шесть месяцев; Джилл Фиппс «отпустили», осудив на два года условно в удивившем всех жесте сострадания со стороны судьи — человека, который, похоже, не питал ничего подобного ни к кому вообще. Он не назначил ей тюремное заключение только потому (как сказал он сам), что она ждала ребенка.

По итогам трех основных судебных процессов в Нортхэмптоне и Лестере были осуждены 27 человек, 25 из которых отправились в тюрьму на сроки от 6 месяцев до 2,5 лет. Если сложить все сроки, получался 41 год! Это было резким пробуждением для амбициозного, но наивного движения. Пришло время критически оценить результаты, перегруппироваться и взять братьев наших меньших под более надежную опеку.

Налетчики принесли транснациональной корпорации, которая практиковала пытки животных, 11 тысяч фунтов убытков. Судебные процессы обошлись налогоплательщикам в 2 миллиона фунтов. В последнем слове судья описал обвиняемых как «врагов общества». Многие из них в сердцах говорили о жестокостях, с которыми боролись, и, что следует отметить, не проявляли особой ненависти к живодерам. Молодые жизни пришли в беспорядок. Тот факт, что этих людей швырнули в тюрьму, потряс симпатизировавших им наблюдателей. Неужели это произошло наяву? Из-за того, что они помогали животным? А если бы полиция останавливала каждый микроавтобус? Под замком оказались бы 200 человек! И кто бы тогда остался по крупицам собирать разрушенное?

Дело влачилось долгие месяцы, и намеков на то, что оно кончится тюрьмой, было предостаточно, но их всегда немало; мы постоянно слышим о максимально возможном наказании, но результат редко бывает настолько мрачным. В залах суда Нортхэмптона и Лестера не было ни преступников, ни тех, кто хотя бы отдаленно на них походил. Каждому требовалось куда-то сходить или съездить, присмотреть за домашними животными или детьми, написать письма. Кому пришлось платить за них по закладной? Что стало с их работами? Все было потеряно. Никто не знал, смирятся ли они с тюрьмой. Или, возможно, тюрьма усмирит их?!

За свою короткую историю EALL удалось больше, чем просто тряхануть империю Unilever, но Лига перестала существовать в день того рейда. В отличие от истории с судом над SEALL, которая имела сильную региональную поддержку, недостаток координации активистов в деле Unilever оставил подсудимых один на один с системой. Учитывая, что к концу 1984 года тюрьма грозила более чем 80 активистам, Лиге требовалась мощная подпитка, без которой любое движение становится хрупким и легко победимым. Это был вызов для создания специальных групп поддержки заключенных зоозащитников. Так родилась практика широко распространять информацию об узниках и собирать для них денежные средства. Начались приготовления для создания бесценной сети поддержки заключенных, которая преданно служит благородным целям по сей день.

Мы не можем делать сразу все, но мы можем немедленно начать делать хоть что-то.

Калвин Кулидж¹

К 1985 году все Лиги, кроме Центральной, перестали существовать. Идея себя изжила: группы просто уже не могли использовать прежние тактики. Южане из SALL не были никем разгромлены, как и ребята из WALL, но они не представляли слишком большой угрозы, так как стратегия Лиг безнадежно устарела. Риски были слишком велики: чересчур большое количество людей вовлекалось в операции, а полиция научилась быстро реагировать на панические звонки угнетателей с просьбами помочь защитить их от толпы, выносящей двери и чинящей переполох. Да и сами звонящие всячески модернизировали меры безопасности, чтобы держать непрошенных гостей на дистанции.

Приняв во внимание повсеместные массовые аресты, CALL решила применять более осторожный подход. Он доказал свою эффективность тем, что позволял участникам избегать печальной участи заключенных. В результате нападений активисты провели одну из наиболее сокрушительных съемок Дикого Мира Зоотехнии, обнаружив все, что можно, и спасли более сотни животных, обеспечив их кровом.

Биатрис была 15-летней макакой-резусом. Ее использовали в исследованиях артрита. На тот день она была первой обезьяной, освобожденной из британской лаборатории. Лишенная общения с людьми и обреченная на операции и уколы, она была в восторге от того, что ее забрали из клетки, и не хотела расставаться с одеялом, в которое ее завернули, чтобы она не мерзла по пути из лаборатории. Другие активисты, одетые как мойщики окон, освободили морских свинок, на которых ставили эксперименты в больнице для ожоговых пациентов в Бирмингеме. Эта акция освещалась очень широко. В числе сведений, которые удалось добыть, были фотографии кроликов с отрезанными передними лапами в Ортопедическом центре Наффилда при Оксфордском университете, обезглавленных обезьян и останков летучих мышей, обнаруженных в морозильной камере, принадлежащей компании Animal Supplies London Ltd, откуда уехали четыре микроавтобуса, загруженные документами под завязку. Их водителям и пассажирам предстояло раскрыть общественности темный мир контрабанды животных.

Две макаки-резуса, пережившие эксперименты в лаборатории Оксфордского университета в Парк-Фарм, в ходе которых им изуродовали глаза, в отчаянии прижались друг к другу в ужасе, когда увидели, что дверь открылась и вошли люди. Эта съемка доказала всю низость вивисекторов и их сторонников, равно как и кадры последствий экспериментов на крысах, свиньях, мышах, кроликах, хорьках, приматах, голубях и овцах в больнице Джона Рэдклиффа, опять-таки принадлежащей Оксфордскому университету. Университет всегда наотрез отрицал проведение подобного рода экспериментов, но был зажат в угол, когда всплыли видео и бумаги. Не оставалось ничего, кроме как признаться: «Да, мы используем животных всех видов». Это было зрелищное разоблачение, организованное активистами CALL, и далеко не последняя ложь, на какой поймали Оксфордский университет. Лишь один эпизод в длинной цепочке.

¹ Калвин Кулидж (1872–1933) — 30-й президент США (с 1923 по 1929 гг.).

Что они никак не хотели признавать, так это использование ворованных домашних животных. Что бы ни говорили противники вивисекции из числа обывателей, но вряд ли кто-либо захотел бы, чтобы их животных использовали в опытах. Всегда ведь легче думать о «специально выведенных» подопытных кроликах. Вивисекторы надеются, что если делать акцент на том, что животные специально выведены для экспериментов, их мучения покажутся общественности делом обычным и правильным. Поэтому они стараются заставить нас верить в страдания именно таких подопытных, а вовсе не тех, кого мы водим на прогулку и поощряем угощениями. Это предельно идиотское мышление, потому что только идиот может верить, что мыши — это маленькие люди, на которых можно испытать лекарства, способные помочь любому больному человеку.

Полагаясь в меньшей степени на количество и в большей на качество, CALL добилась немалых успехов. Проникнув на территорию фермы Робак в Хертфордшире в 1986 году, которая была притоном исчезнувшей компании под названием Animal Supplies Ltd, они узнали о наличии коммерческих отношений между зоопарками и вивисекторами. Уиндзорский сафари-парк поставлял дилерам бабуинов, Рейвенстонский зоопарк — макак-резусов и бабуинов, Чессингтонский зоопарк — макак-резусов и африканских зеленых мартышек, индийских и медвежьих макак, а также капуцинов. Потом Animal Supplies сбывала их таким предприятиям, как Хантингдонский исследовательский центр (HLS)¹, лаборатории Smith & Nephew² и Pfizer.

Другое расследование выявило, что трехполосные дурукули³ поставлялись Лондонским зоопарком в лаборатории Wellcome на протяжении 1980-х, что позволило им завести собственный воспроизводственный резерват; зоопарк Айл-оф-Уайта поставлял дилерам фермы Шемрок макак и беличьих обезьян, а Рейвенсенский зоопарк в Нортхэмптоне отправлял на смерть макак, капуцинов, ночных и беличьих обезьян. Оказалось, что у Лондонского зоопарка даже есть лицензированные Министерством внутренних дел вивисекционные лаборатории непосредственно на их территории! Здесь, в лаборатории сравнительной медицины, они проводили опыты на кенгур-валлаби, чтобы найти способ остановить вымирание их популяции, пускали кровь козам до тех пор, пока у тех не развивалась анемия, вкалывали бактерии и все, что на ум взбредет, мышам и кроликам. Сохранение живой природы в лучшем его виде!

Специализируясь прежде всего на акциях спасения, CALL проводила и такие расследования. Рейды тщательно планировались и педантично исполнялись, но и без везения не обходилось. Лига в очередной раз попала в заголовки, проведя на оксфордской базе в 1985 году рейд, которому было уготовано стать одной из самых известных акций в истории движения за освобождение животных. Два десятка храбрых, но при этом нервных людей поехали в селекционный центр на отшибе, снабжавший животными множество отделений Оксфордского университета. К тому времени Парк-Фарм уже стал магнитом для протестующих и налетчиков. На огороженной территории за

¹ *Huntingdon Life Sciences* — основанная в 1952 году крупнейшая в Европе британская вивисекционная лаборатория. Занимается главным образом тестированием химикатов. Имеет филиалы в США и Японии. Ежегодно проводит опыты примерно на 75 тысячах животных, среди которых крысы, кролики, свиньи, собаки и приматы. В 1999 году началась (и продолжается по сей день) кампания *Stop Huntingdon Animal Cruelty (SHAC)*. Активисты, принимающие в ней участие, неоднократно делились опытом и материалами со многими зарубежными сподвижниками, в частности с российским Альянсом за права животных.

² *Smith & Nephew* — транснациональная корпорация, производящая медицинское оборудование. Основана в 1856 году. Доход в 2009 году составил 3,772 миллиона долларов.

³ Трехполосные дурукули — единственные в природе обезьяны, ведущие ночной образ жизни. Живут семьями — родители и дети разного возраста не расстаются.

домом менеджера фермы располагались многочисленные служебные постройки, в которых размещались различные животные от мышей и кошек до обезьян. Кое-где меры безопасности были минимальными, особенно вокруг собачьих конур.

Активисты заметили, что в них сидели совсем не типичные для таких мест собаки: не бигли, которых разводили специально для использования в экспериментах, а явно домашние питомцы. Например, бобтейл, спаниель с купированным хвостом, колли и дворняги всех разновидностей. Они не просто выглядели так, словно жили дома когда-то, они с готовностью реагировали на команды «сидеть», «стоять» и «дай лапу». Если это не были чьи-то питомцы, то они, по крайней мере, здорово на них походили.

Активисты с тыльной стороны подогнали принадлежащий ферме фургон, с легкостью проделали брешь в ограде, тем самым открыв доступ к конурам, и — в некоторых случаях не без уговоров — сопроводили узников на волю. Некоторые были в восторге, что их ведут на прогулку. Другие не были так уверены в происходящем: уж больно странно смотрелась горстка людей, у которых не было видно лиц (только глаза). Таких животных приходилось выносить на руках. У одной дворняги даже имелся идентификационный цилиндр на ошейнике, но он оказался пустым. В общем, было доказано, что так долго подозревали многие. Дно человеческой алчности было намного ниже, чем считалось. Не нашлось ни кличек, ни адресов, только косвенные свидетельства.

В результате рейда, который длился считанные часы, 30 безымянных собак внезапно стали героями национальных новостей. Съемка рейда и кадры с собаками попали на телевидение, вызвав массу вопросов, но Парк-Фарм и Оксфордский университет хранили подозрительное молчание. Они не были в состоянии подобрать удобоваримое объяснение ни того, что эти животные делали в вивисекционных конурах, ни того, как они там оказались.

CALL опубликовала отчет с подробным разбором полученных сведений. В нем сообщалось, что огромное число собак погибало в лабораториях университета. Так, 138 дворняг было убито в рамках всего одного эксперимента. Университетское начальство затруднялось сказать, каким образом налетчикам удалось обнаружить в конурах борзых, лабрадоров, немецких овчарок, терьеров и даже бобтейла. Будучи вынужденным комментировать историю, которая бы так просто не утихла ввиду неистового возмущения общественности, университет заявил, что их поставщик «случайно» вывел поколение дворняг и продал им по дешевке. Разумеется, это не объяснило, что столько не связанных друг с другом явно домашних собак всех возрастов делали в конурах, ведь селекционеру выгодно сбывать именно щенков, освобождая пространство для новых животных. Ректор университета сказал, что собак на протяжении двух месяцев ежедневно тренировали в Парк-Фарме, обучая командам, поэтому представленное видео ничего не доказывает. Все врал напропалую, и в конечном счете университет забрал свои слова назад и опять замолк.

Годом ранее нескольких активистов арестовали после рейда, в результате которого с фермы Лондри в Кембридже были спасены 17 собак, включая борзых, лабрадоров, колли и дворняг. В числе освобожденных животных в рамках предыдущего рейда были родезийский риджбек и спаниель. На суде защита делала упор на то, что украденные с фермы собаки были чьими-то ворованными домашними любимцами. Одним из свидетелей выступил человек, узнавший свою собаку, когда налетчики обнародовали фотографии. Лабораторный техник признал, что при приеме животных на ферму никто не задавал никаких вопросов относительно того, откуда они. Он явно

обалдел, когда спросили, какой же это бизнес, когда селекционеры специально выводят породистых собак, кормят их и предоставляют им конуры на два-три года (а иногда и дольше), намереваясь продать по 25 фунтов каждую, ведь именно столько стоили собаки на рынке в то время. Все это прибавило очков защите, но опять-таки у нее не было прямых улик. По итогам процесса Хилли Биван получила шесть месяцев тюрьмы и еще пять условно, а с четверых соучастников все обвинения сняли.

Что касается Парк-Фарма, то, узнав о факте кражи, полиция устремилась наказывать виновных, но не в поисках правды о происхождении собак, как вы могли бы подумать. Вместо этого они потребовали вернуть животных. Их исчезновение из конур и возвращение в лабораторию Оскфордшира было первоочередной заботой стражей порядка. И все это в интересах общественности, конечно.

Интенсивное полицейское расследование привело к аресту восьми человек и обнаружению восьми собак по одному адресу, семь из которых были переправлены обратно в Парк-Фарм, который поспешил объявить, что это их собственность. Одному активисту предъявили обвинение. Если абстрагироваться от очевидно отвратительной природы данной практики, это нормально, когда украденное имущество поступает в ведение полиции, пока не выяснен источник поступления ценностей или сам владделец. Здесь все было иначе, но полиция не выказывала ровным счетом никакого интереса к поискам настоящих владельцев собак или выяснению их сомнительного происхождения, тем самым одобряя действия тех, кто был вовлечен в кражи домашних животных и эксперименты на них.

Обывателей ошеломил подобный поворот. Как можно так поступать с этими собаками? Не столько ужаснувшиеся и разъяренные, сколько крайне целеустремленные, активисты SEALL проникли в Парк-Фарм. Дерзкая группа вновь посетила место событий, откупила конуры и вновь спасла четырех возвращенных собак, включая бобтейла. Эти на редкость удачливые собаки больше не видели Парк-Фарм! В отличие от освободителей животных.

Локальные объединения вырастали по всей стране. Активисты выходили на улицы с информационными столами; все были полны энтузиазма перевернуть мир. И дело было не только в «зверях»: люди тоже страдали от угнетения животных. Общество явно ждало перемены. Истории про вивисекцию, меховые магазины и бойни наводнили новости. Опасные лекарства, капканы и дегенеративные заболевания — причиной служила человеческая жадность. Энтузиазм был заразен: люди вдохновляли окружающих. Разрозненные группы возникали в Соединенном Королевстве и в других странах, а акции прямого действия во благо животных стали новой формой борьбы. Впереди ждал миллион новых битв.

Птичий рынок

Мы только что выяснили, что мозги, потроха и другие части тел рогатого скота скармливают батарейным курам, чьи останки в свою очередь скармливают коровам.

Green World, бюллетень «Зеленой партии»¹, март 1996

Начиная с 1980 года вплоть до успешного завершения 2,5 года спустя одной из наиболее значительных кампаний эпохи состоялась серия акций против птичьего рынка Клуб-Роу в Лондоне. Когда активисты потребовали прекращения жестокости и наплевательского отношения к животным, что было будничным делом для птичьего рынка, RSPCA и члены парламента описали этот викторианский аттракцион как «неколебимый объект британского наследия», который «регулярно инспектируется» и «действует в границах закона». Привычная чепуха. В действительности рынок был логовом угнетателей животных, а для самих животных — местом, похожим на ад; эквивалент школьной площадки для педофилов. Дрожащих, жалких, запуганных животных держали в смердящих ржавых клетках, стоящих в переулках, и разбирали по фургонам, принадлежавшим кому попало; поскольку вивисекторам требовались новые поставки, они, безусловно, были завсегдаями рынка — к абсолютному ужасу местных активистов.

Протестные марши привлекали огромное количество демонстрантов, регулярно собиравшихся здесь с конца XIX века. Устраивались пикеты, акции гражданского неповиновения, приводившие к погромам, лоббистским выходкам членов местного совета, парламентариев и мелких чиновников, а также к раздражающим угнетателей животных актам саботажа.

Простой и очевидный, подход этой кампании был готовым рецептом для будущих свершений. Людей не покидало ощущение, что отдаленные цели достижимы при наличии решимости и настойчивости; активисты использовали любую возможность, чтобы досадить, выставить в дурном свете и надоесть тем, кто говорил о каком-то «наследии». Вознаграждение за упорство было лишь вопросом времени. Многие говорили, что победить не удастся, что силы слишком неравны, что этот бизнес имеет длинную историю и поддерживается правительством и национальной традицией. Но постепенно мнения менялись, а тайное становилось явным. Выслушивая раз за разом тирады неутомимых активистов о жестокости и страданиях животных, торговцы начали утомляться от бесконечных протестов. В конечном счете совет района вынудили запретить торговлю животными. Сработало то, что срабатывает повсюду: упрямые люди добиваются, чего хотят. Эксплуатация животных не должна существовать только потому, что так было всегда!

1980-е обеспечили растущее движение прямого действия важным опытом; всем еще юный феномен массовых рейдов оказался бесценным для сбора информации и демонстрации правды об угнетателях животных, но это было рискованным занятием. Конец Лиг вовсе не означал, что у ответственных за преступления лиц и индустрий прошла головная боль.

Налетчики возвращались к Плану А. Шла перегруппировка. В условиях социальных перемен в мире ячеистая структура организации доказывала свое превос-

¹ Green party — британская политическая партия, опирающаяся на «принципы социальной справедливости, демократии и защиты окружающей среды».

ходство. В случае с борьбой за освобождение животных она позволяет маленьким группам действовать независимо друг от друга, без какой-либо системы управления, и работать параллельно с легальными кампаниями. Главное здесь, в сравнении с Лигами, что когда что-то идет не так (а такое рано или поздно обязательно случается), потери не столь велики, поскольку даже если кто-то попадетсЯ, он не сможет выдать коллег, потому что ячейки никак не связаны между собой.

Сражаться с угнетением животных вызвалось огромное число групп. В Америке акции проводились от лица ФОЖ, Городских Горилл, Банды Милосердия, Дружины за права животных (ARM)¹ и Борцов за свободу сельскохозяйственных животных. Финским ФОЖ стала Elainten Vapataus Rintama. В Австралии появились ФОЖ и Борцы за свободу животных (Animal Freedom Fighters). В Испании — Frente de Liberacion Animal. Во Франции — Le Front Pour La Liberation Des Animaux, Ноев ковчег (Arch De Noe), Зеленые бригады (Green Brigades) и Операция «Четыре Лапы» (Operation Four Paws). В Швеции — Djurens Befrielse Front и Дикие норки (Wild Minks). В Голландии и Бельгии — Dieren Bevrijdings Front. В Дании — Dyrenes Befrielses Front. В Италии — Fronte Liberazione Animale. В Норвегии — Dyrenes Frigjørings Front. В Швейцарии, Германии и Австрии — Tier Befreiungs Front. В Аргентине — Frente de Liberacion Animal. В Великобритании — Организация освобождения домашних птиц (Poultry Liberation Organization — PLA), ARM, Отряд расплаты с охотниками (Hunt Restribution Squad — HRS), Министерство справедливости (Justice Department — JD) и другие. Большинство посвящало себя спасению животных и актам экономического саботажа, но Дружина за права животных, Зеленые бригады и Министерство справедливости демонстрировали желание физически вредить угнетателям животных, особенно вивисекторам. HRS угрожал поступать соответствующим образом с охотниками, однако не делал этого. Главное, что все эти группы преуспели в том, чтобы доносить проблематику прав животных до общественного сознания.

30 ноября 1982 года лидерам четырех главных политических партий страны, включая Маргарет Тетчер, были отправлены письма, которые можно охарактеризовать как бомбы в конвертах, с той лишь поправкой, что их содержимое могло скорее воспламениться, чем взорваться. Это был больше символический жест, нежели попытка причинить вред, и ни одна из посылок не достигла адресата, но заявление было сделано от лица ARM. Это была группа, о которой никто прежде не слышал, но чьи активисты жестко действовали против наиболее подходящих мишеней, таких как вивисекторы.

Не только сами участники движения, но даже пресса не была уверена, кто причастен к этому преступлению. Полиция медлила с обнародованием версий, ей впоследствии помогли Ирландская национальная освободительная армия² и Злая бригада³, каждая из которых взяла на себя ответственность за произошед-

¹ Animal Rights Militia (ARM) — основанная в 1982 году организация агрессивных освободителей животных, которые, в отличие от ФОЖ и других сторонников прямого действия, не имеют ничего против физического насилия по отношению к эксплуататорам животных, полагая, что «ФОЖ не заходит достаточно далеко». В активе ARM бомбы в конвертах, загрязнение воды, угрозы убийства, подбрасывание муляжей бомб, уничтожение автомобилей и магазинов посредством поджогов.

² Irish National Liberation Army — основанная в 1974 году социалистическая военная организация, которая в октябре 2009 года объявила о прекращении вооруженных действий против британского режима.

³ Angry Brigade — маленькая британская анархистская милитаристская группа, ответственная за серию взрывов в Британии в период 1970–1972 гг.

шее. По одной из теорий, эта акция могла быть связана даже с канадским правительством, которое находилось под сильным давлением как со стороны борцов за права животных, так и заинтересованных бизнесменов — из-за ежегодной бойни тюленей. За несколько лет до этого даже имела место попытка неизвестных людей взорвать самолет, на котором летели активисты против охоты на тюленей.

Копали под герцога

Стараться изо всех сил недостаточно; иногда мы должны просто делать то, что требуется.

Уинстон Черчилль

Отряд расплаты с охотниками (HRS) стал известен в День подарков 1984 года, самый важный день в охотничьем календаре, когда зоозащитники выкопали метровую яму на месте захоронения некогда властелина лисьей охоты в герцогстве Бофор — десятого герцога Хью Артура Фитцроя Сомерсета, близкого друга королевы. Могила на церковном кладбище Бэдминтон-Пэриш в Глостере была изрисована, крест опрокинут. В письменном заявлении для прессы группа заявила: «В наши намерения входило извлечь останки и разбросать их по всей округе. Мы также планировали отправить его голову принцессе Анне, подружке по кровавой наркомании. Пришло время извращенцам-охотникам отведать собственных даров». Заявление сопровождалось фотографией трех людей в масках, стоящих вокруг опрокинутого креста рядом с могилой, на которой было написано «Дерьмо». Никто в здравом уме не натворил бы ничего столь зловещего, но прессе идея очень понравилась. СМИ пришла по душе возможность сделать тему угнетения животных противоречивой.

Об HRS стало известно в октябре 1984 года, когда один лондонский журнал опубликовал драматический снимок, на котором замаскированные активисты стояли с бензопилами, топорами, дубинками и бейсбольными битами, угрожая охотникам серьезной расправой за их нападения на саботажников и животных. Это был первый случай, когда зоозащитники оправдывали насилие, однако их угрозы никогда не реализовывались. Благодаря небольшому количеству новостей в период между Рождеством и Новым годом, а в большей степени ввиду дьявольского характера могильной выходки, история получила огромную огласку, но лишь очень малая часть отзывов была положительной. Это не стало сюрпризом для тех, кто помнил, что случилось, когда активисты потревожили могилу Джона Пила несколькими годами ранее. Участники операции не ожидали одобрения, больше полагаясь на поверье о том, что плохой рекламы не бывает. Это был красивый спектакль в честь саботажников охоты, организованный для СМИ, но последним очень быстро стало скучно от этих красочных, но, по сути, пустых угроз, а саботажникам вновь и вновь суждено было страдать от вполне реального насилия со стороны охотников.

Был составлен список подозреваемых, и двоим в итоге предъявили обвинение. Терри Хелсби и Джона Кертину осудили за осквернение могилы и отправили в тюрьму на два года. Мать Хелсби узнала его на фотографии в газете и позвонила в полицию. Частично попавший в кадр номер машины, взятой напрокат, тоже помог обессмертить имена гробокопателей.

Операция «Грейсток»

Предположение о том, что животные не имеют прав, и иллюзия отсутствия морали в нашем обращении с ними — это совершенно возмутительные примеры западной незрелости и варварства. Вселенское сострадание — есть единственная гарантия нравственности...

Артур Шопенгауэр

Уверенность в том, что поступки красноречивее любых слов, крепла в течение десятка лет, и прямое действие ради животных появлялось даже там, где борьба за права животных считалась нехарактерной. Франция — страна, не слишком славящаяся дружелюбием к животным, — в 1980-е отметилась кое-какими зрелищными акциями. Одним из наиболее мощных рейдов стала операция «Грейсток» — освобождение целой колонии бабуинов из лаборатории. Огромный личный вклад в рейд Патрика Сакко был дополнен заслугами Кристиана Хаше, который заправляет заповедником, где поныне счастливо живут почти все спасенные бабуины:

«Когда в 1985 году в нашем распоряжении оказалась подробная информация о местонахождении блока с приматами лаборатории CNRS¹, мы без колебаний решились действовать. Нападением на такое государственное предприятие, как CNRS, мы хотели сделать важный символический жест (который во многом повторился в ситуации с INSERM² несколько лет спустя). Символ противостояния с государственным институтом; это был не просто вопрос осуждения насилия, мы подчеркнули, что животных угнетали с полного согласия властей.

Гвинейских бабуинов в то время использовали в рамках исследований на фоточувствительность. На них изучали эпилепсию. Обезьян держали запертыми в клетках площадью в один квадратный метр; каучуковые электроды были прикреплены к основаниям их черепов, соединяясь с определенными областями мозга. Их приговорили к ежедневным испытаниям, в ходе которых ученые с разной частотой ударяли вспышками прямо им в глаза, дабы вызвать эпилептические припадки; исследователи пытались определить, в какой конкретно момент и при какой частоте происходили припадки. Эпилепсия в естественной среде бабуинов в Гамбии действительно имеет место. Сотрудники CNRS хотели понять, что ее вызывает. В попытках отыскать причину они пытались некоторых приматов по 10 лет. Многие животные были слишком крупными для своих клеток и не имели достаточно места даже для того, чтобы встать и выпрямиться.

Поскольку эксперименты проводились в открытом кампусе, у нас была возможность получить детальную информацию о лаборатории от верных нам людей, которые знали, где именно содержат животных. Как только информация была проверена, мы убедились, что освобождение возможно, и в течение следующих четырех с лишним месяцев готовились к рейду. Лаборатория CNRS была взята под наблюдение. Мы следили за зданием почти каждую ночь; мы проводили репетиции, открывая

¹ Centre National de la Recherche Scientifique (Национальный центр научных исследований) — создан в 1939 году в соответствии с указом президента Франции Альбера Лебрена.

² Institut National de la Santé et de la Recherche (Национальный институт здоровья и медицинских исследований) — создан в 1964 году.

двери и окна, чтобы проверить реакцию охраны, и встречались два-три раза в неделю для обсуждения того, как продвигается работа и все ли идет по плану.

Но неминуемо, разумеется, мы должны были размышлять и о «послеосвободительном» аспекте операции; нам требовалось отыскать где-то безопасное для приматов убежище, а также лекарства и ветеринаров, которые могли бы без последствий для здоровья животных отсоединить аппараты от их голов. Мы обсуждали проблему с ветеринарами, которые специализировались на поведении приматов, веря, что в конечном счете сможем выпустить животных обратно в их естественную среду — мы даже съездили в Голландию, чтобы встретиться с экспертами реабилитационного центра для приматов. Они настойчиво отговаривали выпускать бабуинов на волю из-за возможного стресса после жизни взаперти на протяжении многих лет (некоторые из них родились в стенах CNRS). Кроме того, их инстинкт выживания был притуплен до предела. Мы прислушались к совету экспертов.

Мы должны были заранее связаться со СМИ, которые смогли бы заснять предстоящую операцию. Целью было создать медийное зрелище, которое привлекло бы внимание людей к проблеме экспериментов на животных. Самым щекотливым нюансом было отыскать вызывающих доверие, мотивированных, рассудительных и одновременно компетентных журналистов, которые изъявили бы готовность рискнуть карьерой в случае, если все пойдет наперекосяк.

Как только мы нашли таких, все было готово. Операция была назначена на час ночи 1 апреля. 21 человек, включая съемочную группу, занял свою позицию. Мы поставили три дозора с рациями, а также эксперта по боевым искусствам в качестве охранника на случай возникновения проблем. К зданию, где содержались животные, подъехали два грузовика. Их моторы работали на низкой мощности, готовые в любой момент включиться на полную. Требовалось не шуметь и постоянно быть начеку, поэтому мы даже пользовались псевдонимами, чтобы минимизировать возможность потенциального опознания в будущем. Открыв окно, 10 человек и съемочная группа проникли в здание. Поскольку телеоборудование требовало очень яркого освещения, мы полностью покрасили окно черным, чтобы с улицы не был виден свет внутри. Пока кто-то писал на стене «Наука без совести — смерть души», остальные переносили клетки с бабуинами. Чтобы они не волновались, мы накрыли клетки пледами. Но я отчетливо помню, что на этот раз, — в отличие от тех, когда мы в ходе репетиций разведывали комплекс, — они были крайне молчаливы. Как будто понимали, что мы пришли для их спасения и шуметь сейчас не время...

Мы начали передавать клетку за клеткой через окно, чтобы поместить приматов в грузовики. Происходило это в обстановке почти благоговейного безмолвия. В целом мероприятие представлялось довольно опасным, учитывая, что лабораторию, которая находилась на первом этаже, окружали здания, без сомнения служившие домами исследователей. Мы не могли не задаваться вопросом: а не заметят ли они нас?..

Этот этап длился около часа. Затем каждый занял отведенную ему позицию. Я сел за руль одного из грузовиков и отъехал на близлежащую парковку, потом вернулся в лабораторию проверить, ничего ли мы не забыли. Посчитав людей по головам, я понял, что один из нас куда-то делся: кто-то из дозорных все еще оставался на своем посту и не видел, что мы уже завершили операцию. Очевидно, потерял свою рацию, когда лазил по кустам...

Хорошо. Мы разделились с первой частью работы. Оставалась вторая. Предстояло избавиться от клеток, которые были попросту слишком громоздкими для

поездки на 1000 км. Кроме того, требовалось разделить бабуинов на две группы: с электродами и без них. Для проведения этой процедуры мы заранее выбрали себе местечко на давно забытом участке земли в лесу Рамбуе. Мы достали из грузовиков 17 клеток и сделали бабуинам анестезию. У 8 из 17 обезьян не было вживленных электродов, поэтому их сразу повезли в приют «Ковчег» в Замке Гонтье, куда они добрались к рассвету. Тем временем остальные 9 бабуинов отправились в противоположном направлении — на юг Франции, где их ждал ветеринар, готовый удалить имплантаты на дому. Для максимальной маскировки обезьяны провели путешествие в моем фургоне в мешках для картошки на протяжении всего 1000-километрового пути, закончившегося следующей ночью.

Обе поездки прошли в состоянии повышенного беспокойства; о рейде и исчезновении животных, которое обнаружилось на рассвете, говорили на всех радиостанциях. Сообщалось, что дороги перекрыты с целью возвращения животных в лабораторию. Казалось, все пути были отрезаны, но транспортировка в обоих случаях прошла без осложнений.

Я провел с бабуинами следующие 15 дней, наблюдая за тем, как у них идут дела и изучая их поведение. Мы не имели ни малейшего понятия, будут ли они ладить друг с другом и смогут ли адаптироваться к новой еде после тех гранул, что они получали в лаборатории и к которым успели привыкнуть. В доме, помимо меня, жили ветеринар, одновременно выполнявший обязанности медсестры, и доктор Кальмар, ярый антививисекционист. Именно они сняли электроды и взяли на себя заботу о бабуинах в дальнейшем. Я был совершенно потрясен, зайдя в отсек с животными: думал держаться на почтительном расстоянии, чтобы они чувствовали себя в безопасности, но бабуины всецело меня приняли.

Объединение членов группы прошло на удивление хорошо — на самом деле, намного лучше, чем мы могли предполагать, и три недели спустя они воссоединились с остальными обезьянами в Замке Гонтье. Когда они прибыли, их немедленно отвезли на остров, потому что крайне важным было спрятать животных, а приют «Ковчег» находился на почтительном расстоянии от цивилизации. История какое-то время муссировалась в газетах, и даже несмотря на абсолютную уверенность Кристиана Хаше, следовало соблюдать осторожность.

Бабуинов прятали на протяжении нескольких месяцев, после чего их перевезли на два острова, где любители животных уже подготовили комфортные условия для их жизни. Все эксперты заверили нас, что бабуины не умеют плавать, поэтому мы поверили, что они не смогут покинуть эти острова; через несколько лет выяснилось, что один из бабуинов все-таки уплыл и был обнаружен в саду на чьем-то участке. После этого случая пришлось установить изгородь под током, чтобы удерживать обезьян от путешествий».

Кристиан Хаше, отвечающий за приют «Ковчег», заповедник, ставший домом для обезьян, вспоминает, как они привыкали к свободе:

«Сложно абсолютно точно говорить о какой-либо специфике этих бабуинов; они ничем не выделялись по прибытии. В 1989 году они пополнились группой 32 других животных, образовав целую колонию. Важно, что самым старшим животным в группе сейчас больше 30 лет. Среди них есть самка по имени Бритая; она была одной из обезьян с электродом, и волосы на ее голове до сих пор не выросли. Интересно, что такие обезьяны узнают друг друга по лысине.

Когда прибыли первые из этих освобожденных зверей, у нас уже жили несколько бабуинов, поступивших из различных мест, таких как цирки, зоопарки и част-

ные коллекции. Приютив лабораторных животных, мы были шокированы полным отсутствием у них навыков общения. Ни вокализации, ни жалоб, ни выражения удовлетворения — только робкий язык тела и настоящий ужас. Когда бы мы ни приближались к их жилищам, они забирались по прутьям ввысь и сидели неподвижно, ожидая, пока мы уйдем. Прошло около полугода, прежде чем они начали доверять людям. Молодые волонтеры, работавшие здесь в то время (всем было меньше 15 лет), проводили по много часов, успокаивая их, показывая им различные предметы, уча чистить бананы, например, или вскрывать арахис. Было очевидно, что бабуины на-чисто лишены навыков поедания фруктов — они ничего никогда не ели, кроме лабораторной пищи. Постепенно, живя в мирной атмосфере рядом с людьми и другими бабуинами, они наконец начали контактировать посредством вздохов и криков.

Когда мы познакомили их с другими бабуинами из приюта, не было ни видимой агрессии, ни конкуренции, потому что они видели, слышали и трогали друг друга через прутья решетки. Всех новобранцев держали какое-то время в клетках, а потом выпускали к уже существующей группе в общем жилище. Взяв еще 32 бабуина в январе 1989 года, мы выпустили их всех вместе на двух заранее приготовленных островах, на которых они живут до сих пор...»

Перевод с французского впервые появился в 30-м номере журнала Arkangel¹.

¹ Arkangel — британский журнал, созданный Ронни Ли зимой 1989 года в период его тюремного заключения (1986–1992). Печатается и продается по сей день по всему миру, рассказывая о веганстве, легальных и подпольных зоозащитных акциях.

Грабежи и розыгрыши

Я хочу подчеркнуть, что экстремистская активность в защиту прав животных — это не терроризм.

Глава антитеррористического подразделения, 1995

Зеленые бригады (GB) были на острие зоозащитного движения. Придерживаясь тех же принципов о скорейшем прекращении экспериментов на животных, они взяли на вооружение куда более агрессивные тактики. Они получили мгновенную известность в нервном мире вивисекции, когда взорвали помещение поставщика животных в Леварде на севере Франции. По чистой случайности владелец отделался лишь незначительными ранениями. Год спустя от взрыва рядом с домом другого разводчика пострадал полицейский. Если не все шло по плану, то виной было отнюдь не отсутствие целеустремленности.

Участники операции «Четыре лапы» тоже внесли вклад в беспощадную борьбу за лабораторных животных во Франции. Замаскированные активисты остановили грузовик, перевозивший собак в лабораторию неподалеку от Ренна; водителя вытащили из машины, побрили и обмазали его лицо несмываемой красной краской. Его оставили на обочине, забрав 10 собак. Через две недели другая группа атаковала лабораторию Парижского университета и освободила 50 лягушек и 20 голубей, уничтожив при этом документацию и оборудование. Французов переполняла энергия!

За рубежом тоже не было скучно. Венский суд приговорил 37-летнего члена Австрийской академии наук к выплате штрафа, примерно эквивалентного 450 фунтам, признав его виновным в совершении пяти акций освобождения животных в лаборатории Фармакологического института Вены с марта по сентябрь 1985 года. Герр Питер Мюллер пять лет проработал в этом учреждении в отделении изучения мозговой деятельности и собственноручно проводил опыты на животных. Просветления он достиг, когда сделал уколы 76 крысам, чтобы спровоцировать у них эпилептические припадки, а потом получил указание избавиться от животных на том основании, что результаты тестов противоречили тому, что говорилось в существовавшей на тот день медицинской литературе.

Вообще, Питер Мюллер совершил шесть рейдов, но виновным признан был только в пяти, поскольку животные, которых он обнаружил в лаборатории в шестой раз, пребывали в столь плачевном состоянии, что власти предпочли не трогать этот инцидент. Деятельность Мюллера привела к тому, что прокурор возбудил дело о недопустимо скверных условиях в вивисекционных лабораториях.

Герр Мюллер выполнил серию одиночных ночных вылазок. Он подъезжал на своей машине и пробирался внутрь лаборатории через верхние фрамуги окон. Питер спас в общей сложности 31 животное — собак, кроликов и коз. После освобождения он развозил зверей по домам знакомых любителей животных. Его поймали при попытке освободить очередную козу. Мюллер отказался сообщить, куда доставил похищенных животных.

Случай Мюллера — пример простого проявления сострадания, привлечший пристальное внимание и удостоенный восторга общественности. Благодаря своему образу жизни Мюллер потерял работу, но смог без затруднений выплатить наложенный штраф при поддержке множества сочувствующих ему актеров и звезд шоу-бизнеса. Журнал «Человек месяца» и актер Фрэнк Хоффман учредили в Австрии еже-

годную премию за самый отважный поступок в защиту животных. Первую награду получил Питер Мюллер (интересно, что хотя Австрию и не принято считать страной любителей животных, она может гордиться тем, что в ней вегетарианцы и веганы найдут куда больше мест, где смогут приятно поесть, чем в других точках планеты; кроме того, Австрия стала первой в мире страной, запретившей батарейную систему содержания кур, и поддерживает сногшибательную законодательную базу для защиты животных во множестве других направлений). Но в соседней Германии несколько небольших групп тоже не сидели сложа руки.

...В просторном автобусе хватает места. Их шестеро. Они отчаянно жаждут что-то сделать, чтобы помочь животным (при условии, что никто не пострадает), их больше ничего не волнует, они готовы на все. Возбуждение бьет через край, потому что сегодня животные будут спасены от кошмаров лаборатории. Члены группы собирались вместе и прежде по аналогичным причинам, и всякий раз это было нечто совершенно невероятное, каждая подобная ночь была лучшей ночью за всю жизнь.

В ходе поездки они изучают план здания Университета Майнца и делятся разведанными. Посты охраны университета расположены довольно часто, поэтому потребуется немалая сноровка. Главная цель — никакого риска; только если во благо животных. В грузовом отсеке автобуса несколько клеток. Все они скоро будут заполнены; от этой мысли на лицах появляются ухмылки, сердца бьются быстрее. Все знают, что идут спасать животных, но никто не представляет, как будут выглядеть новые пассажиры. Нет никакой информации, кого именно держат в лаборатории.

В 19:30 автобус подъезжает к станции техобслуживания. Благодаря переходу на зимнее время уже почти кромешная тьма. Все в предвкушении. Они вновь изучают план здания, детально обсуждают тактику и роль каждого из участников. Нервы успокаиваются последними кружками чая, а потом приходит время действовать. До университета остается совсем чуть-чуть. Все внимательно всматриваются, нет ли где охранников. Нет — все чисто. Активисты выходят из автобуса. Дозорные занимают позиции, остальные выгружают клетки и контейнеры, которые быстро переправляют через ограду и несут в сторону университета. Все разговаривают шепотом.

Раздается громкий звук (активист открывает окно), а затем — две минуты ожидания в гробовой тишине. Он дает знак, что все чисто, и две темные фигуры исчезают в проеме окна. Внутри по-настоящему темно. Противный запах ударяет в ноздри. Что если кто-нибудь заденет этот огромный лист гофрированного металла на полу? Стражи этого места не будут рады непрошеным гостям.

Коробки с кроликами стоят на крыльце в луче света, розовые глаза стали красными. Здесь всего 12 коробок, в каждой по животному. Кролики выглядят напряженными и обеспокоенными своей дальнейшей судьбой. Волноваться об их душевном здоровье сейчас не стоит — скоро у них все будет хорошо. Их незамедлительно помещают в удобные коробки для перевозки. Запах по-прежнему ужасающий.

Одного взгляда на содержимое второй комнаты хватает для шока. На активистов таращатся по меньшей мере 400 крыс, втиснутые в крошечные клетки. Но в автобусе не хватит места, чтобы увезти больше половины! Черт подери! Чудовищно больно осознавать, что часть этих умных созданий придется оставить здесь, но все они физически не влезут! После короткого обсуждения решено оставить кормящих матерей и их потомство, чтобы не подвергать самых маленьких стрессу транспортировки. Переместить крыс в другие контейнеры невозможно из-за недостатка пространства, поэтому их выносят в тех же клетках.

Внезапно звучит предупреждающий свист. Снаружи медленно едет на велосипеде ночной сторож. Все замирают. Пожалуйста, уезжай! Дозорные не видны, потому что прячутся в кустах. Велосипедист минует здание, проведя лишь наружный осмотр. Две минуты спустя звучит сигнал «все чисто», и активисты снова начинают дышать. Какая прекрасная игра на грани фола!

Начинается самая сложная часть операции. Загрузка автобуса. Клетки бережно передают через окно и разбирают в зарослях. Контейнеры довольно тяжелые, и у налетчиков уже очень скоро начинается одышка. Водитель тем временем медленно и тихо подъезжает к воротам университета. К счастью, они не заперты, и автобус въезжает на территорию. Люди движутся быстро, погрузка проходит беспрепятственно. Вот последняя клетка оказывается в автобусе, теперь необходимо немедленно убираться, увозя ценный груз. Все идет по плану, автобус возвращается восвояси невредимым, и группа делится на две части. Трое отвозят животных в безопасное место, а остальные, пожелав им удачи, остаются взвешивать произошедшее. Счастливы ли они в связи с тем, что сделали сегодня? Нет!

Те, кто везет спасенных животных, чувствуют себя нормально, но души оставшихся троих изранены тем, что матери-крысы и их отпрыски остались в лаборатории. Трудно радоваться, зная, что животным все еще грозит неминуемая смерть и даже кое-что похуже перед нею. Немало крыс поместится в машину! Вернуться и забрать их? Наверняка найдутся и хорошие дома. Долго думать не приходится, подготовительные работы уже проведены, а времени до рассвета остается совсем немного. Они добираются до места со скоростью света. Один дозорный остается ждать, пока двое других активистов еще раз забираются в здание. Внутри все те же темень и смрад. А крысы по-прежнему ждут, что их жизнь изменится к лучшему. Ребята запихивают в машину столько клеток, сколько в нее может влезть. И вновь никто не замечает, что они делают, и чувство удовлетворения теперь уже близко. Они сделали все, что смогли.

Им это нравится. Теперь можно поддаться радости от хорошей ночной работы. Теперь есть что праздновать. Простая, эффективная акция прямого действия. Или это неприемлемое насилие? Или леденящий кровь терроризм. Я приведу кое-какие факты, а решать вам.

В статье про ФОЖ в журнале The Face от октября 1982 года были такие строки: «Соглашаетесь вы с ними или нет, они задают ритм перемен». Так и было. С появлением Группы поддержки ФОЖ в 1982 году активистское подполье начало получать финансовую помощь, плюс возобновились отчеты о совершаемых рейдах. Те, кто не мог активно участвовать в борьбе, теперь имели возможность помогать активистам чем-то еще. Как только бюллетень Группы поддержки начал широко распространяться, стало ясно, насколько масштабны акции и как глубоко в народные массы проникли идеи освобождения животных. Отчеты присылались в Группу поддержки анонимно и сразу попадали в бюллетень. Борьба поддерживалась повсеместно. От Канады до Южной Африки, от Австралии до Ирландии, во всех частях Соединенного Королевства — отовсюду поступали новости об акциях прямого действия, вдохновляя людей на новые свершения. Кроме того, бюллетень предоставлял место для дебатов, обмена тактиками и новаторскими идеями. Деятельность ячеек ФОЖ — без прямых призывов — всячески поощрялась. Группа поддержки, разумеется, состояла из единомышленников. Они полностью посвящали себя этой работе. Публиковали личные данные известных угнетателей животных и предлагали читателям «взять эксплуататора на перевоспитание». Когда возникали проблемы с кровом для животных, в бюллетенях

появлялись объявления о том, что разыскиваются хорошие дома. Однако для властей подобные сообщения были эквивалентны сбыту краденого. Не могло им понравиться и распространение провокационных материалов.

К тому моменту Ронни Ли стал официальным пресс-атташе ФОЖ. Он один говорил от лица всех, кто пустился с ним в плавание по морю перемен, всех, кто был готов сложить голову за животных и ставил их жизнь выше человеческой жадности. Ли был экстремистом в глазах государства и маяком для тех, кто сражался против несправедливостей угнетения животных. Он добровольно играл эту роль, и в конечном счете стал человеком, отсидевшим в тюрьме дольше всех своих соратников. К большой печали, этот его «рекорд» был впоследствии побит.

Ли был голосом активистов и легко узнаваемой фигурой в зоозащитном мире. Не идущий на компромиссы, он всегда с готовностью объяснял, что такое ФОЖ, всем интересующимся журналистам, телевизионным группам и любым другим людям, готовым слушать, а также вел колонку в бюллетене Группы поддержки. Он открыто напрашивался на неприятности, но был глубоко убежден, что бесенок по имени ФОЖ уже сорвался с цепи, и неважно, сколько арестов последует — Фронт уже никуда не денется.

Масштабная операция «Ясный взор», включавшая атаки на животноводческие фермы в Шотландии, Эссексе, Суффолке и Глостере, принесла свободу 163 кроликам. Это было в 1984 году, когда акции экономического саботажа достигли в Великобритании и за ее пределами своего пика. Лаборатория Имперского центра исследований рака в Хертфордшире потеряла сотни тысяч фунтов, в то время как в Кембриджшире активисты нанесли урон вивисекционной лаборатории Парк-Дэвис аж в 1,5 миллиона фунтов. Работающая по контракту лаборатория Hazleton (теперь Covance) в западногерманском Мюнстере понесла убытки в размере 1 миллиона фунтов, тогда как голландский ФОЖ поджег лабораторию в Утрехте, что обошлось ее владельцам в 250 тысяч фунтов.

Пожалуй, наиболее противоречивая тактика экономического саботажа — это запугивание порчей товара. Несмотря на то, что большинство таких случаев были тщательно продуманными розыгрышами, они доказали свою высочайшую эффективность в том, что касалось большой огласки и финансовых потерь эксплуататоров, пусть такие акции и нечасто удостаивались симпатий общественности. Зоозащитники хотят ослепить покупателей? Именно так можно было подумать, когда разыгралась, пожалуй, главная афера с загрязнением в 1984 году. Флаконы фальсифицированного шампуня Elida Gibbs Sunsilk¹ были обнаружены в магазинах Boots² в Саутхэмптоне, Лондоне и Лидсе. Активисты отправили предупреждение в национальную газету, и все флаконы были убраны с прилавков во всех магазинах. Представитель компании заявил: «Это гигантская работа, но она должна быть проделана». Усилия для ушей активистов, а кроме того, это влетело компании в копеечку. История повторилась месяцем позже, когда подозрительный шампунь дал о себе знать в Халле в Восточном Йоркшире.

Впоследствии были арестованы трое активистов. Выяснилось, что один флакон шампуня в местном супермаркете был загрязнен слабым отбеливателем; его поставили на полку, приложив очень заметный предостерегающий текст. Вот что сказал

¹ Elida Gibbs Ltd — предприятие, принадлежащее компании Unilever.

² Boots UK Limited — основанная в 1849 году ведущая британская сеть магазинов, продающая косметику, лекарства и витамины.

мне один из вовлеченных в эту откровенно безрассудную акцию: «Только осоловевший, слепой магазинный вор взял бы этот шампунь после того, что мы с ним сделали!» Ввиду новизны формата акции у полиции не было законов, которыми можно было бы вооружиться, поэтому троицу в конечном счете обвинили в посягательстве на общественный покой. Вскоре их признали виновными и обязали воздержаться от дальнейших неблагоразумных поступков на протяжении следующих двух лет. Обвинение было основано на законе XVII века как единственно подходящем для того случая. Законы, включающие порчу товаров, с тех пор были переписаны и сегодня подразумевают куда более серьезные наказания, равно как и законы, направленные против сексуальных преступлений, жестокого обращения с животными и оглашения военных тайн.

Еще были страхи вокруг загрязнения мяса индейки более чем в 30 городах по всей Великобритании. Помимо того что эти акции доказали свою эффективность в привлечении внимания к проблемам животных, они, к сожалению, укоренили представления о зоозащитниках как об экстремистах и человеконенавистниках. Тем не менее они неизменно проводились в соответствии с идеологией ФОЖ и, соответственно, исключали причинение физического вреда людям и животным. Это почетная позиция, в которую слишком немногие верят настолько, чтобы по-настоящему придерживаться в повседневной жизни.

Случаи порчи продуктов питания достигли пика уже к ноябрю, когда десятки батончиков Mars, помеченные большой буквой «X», появились в нескольких магазинах в районе Лидса, Манчестера, Солсбери и Плимута. Шоколадные батончики доставили в редакции The Sunday Mirror и BBC. В них были введены небольшие дозы крысиного яда под названием Alphakil. Считается, что он вреден для людей только в больших количествах. К батончикам с буквой «X» прилагалась записка, в которой говорилось, что компания Mars спонсирует эксперименты по изучению кариеса в лондонской Больнице Гая. СМИ тут же приписали этой акции зловещий подтекст. «Нам все равно, если люди умрут», — таким был заголовок одной национальной газеты, сопровождавший-ся историями покупателей, которые заболели и попали в больницу, отравившись.

Главным заступником вивисекции в правительстве в те годы был заместитель министра внутренних дел Дэвид Меллор, в чьи обязанности входило врать и дезинформировать общество. Он изрек: «Тот факт, что эти люди готовы положить жизни детей на алтарь своего фанатизма, превзошел все ожидания». Подобная безумная риторика вскоре стала нормой для представителей правительства, вивисекторов и СМИ и позорно промаршировала вместе с ними в новое тысячелетие.

По иронии, Меллор представлял министерство, позволявшее плодить миллионы больных животных, с которыми ученые могли делать что вздумается. Вот это подлинный факт. И уровень их страданий обширно задокументирован. Яд в шоколадных батончиках был выдумкой, и ФОЖ позднее опубликовал заявление, признавая, что вся эта история являлась продуманной мистификацией. Фронт задал интригующий вопрос о том, почему же столькие люди свалились больными, съев обычных шоколадных батончиков! Не меньшая ирония заключалась в том, что вивисекторы искали возможность разработать вакцину для «лечения» свирепствующего кариеса, которым болеют главным образом дети и виной образования которого всегда были избыточные сахаром кондитерские изделия!

Шансы заболеть от съеденной шоколадки со знаком «X» примерно равнялись вероятности того, что незрячий магазинный вор окажет себе медвежью услугу, помыв голову испорченным шампунем, в то время как СМИ при поддержке людей в правительстве с готовностью воспользовались возможностью породить в людях ужас перед продовольственным террором. Mars обязали отозвать из продажи каждый батончик в Великобритании, что стоило компании около 3 миллионов фунтов. Ответственность за это безобразие лежала на активистах. Эксперименты на обезьянах, в рамках которых их держали на богатой сахаром диете, были остановлены. В этом тоже были виноваты активисты. Никакой полет даже самого буйного воображения не позволил бы предположить, что такая акция способна вызвать позитивную реакцию СМИ, но огласка превзошла все самые смелые ожидания, и это самое главное. Результат был достигнут.

С тех пор подобные акции стали частью борьбы ФОЖ. Обычно они были направлены против косметической промышленности. Самыми громкими стали дела Boots и L'Oréal. Мясная индустрия тоже существенно пострадала, когда разыгралась история «отравленной рождественской индейки». Популярная без видимых на то причин, она тоже внесла свою в дело мистификаций на благо животных.

ARNI¹

Человек — единственное животное, которое способно краснеть от стыда. Или должно.

Марк Твен

Очередная зоозащитная группа? Не совсем. Угрозы Отряда расплаты с охотниками и других, история с батончиками Mars и общий вес активности за права животных привнесли в мир ощущение беспокойства по поводу эксплуатации братьев наших меньших. Вместе с тем они начали оказывать давление на власть, которая пыталась остановить угрозу дальнейшего прозрения людей.

К 1984 году считалось, что ФОЖ несет ответственность за причинение совокупного ущерба в размере 6 миллионов фунтов, хотя неофициальные суммы были намного больше. Активисты Фронта совершали по шесть акций за ночь только в Соединенном Королевстве. Вне зависимости от истинности цифр, это был период наибольшей активности организации.

Мясной бизнес, меховая и охотничья братии и фармацевтическая индустрия испытывали на себе столь мощное общественное давление, что Скотланд-Ярд сформировал специальное подразделение для борьбы с ФОЖ и другими зоозащитными группами, сражавшимися за перемены.

Нация гуманистов породила Национальный реестр защитников прав животных (ARNI). Подразделение обосновалось в Скотланд-Ярде, внимание которого, как известно, всегда привлекали лишь такие серьезные преступники, как Джек-Потрошитель. Изначально подразделение носило название Отряда по борьбе с ФОЖ, а потом — Национального индекса экстремистов за права животных. Его целью было собирать информацию о зоозащитниках, вести хронику акций, прослушивать телефонные звонки и внимательно следить за передвижениями ключевых фигур. Очень скоро стало очевидно, что деятельность ARNI выходит за рамки противостояния с активистами ФОЖ и симпатизирующими им людьми. Эта борьба могла затронуть любого человека в движении за права животных. Одетые в штатское, офицеры смешивались с демонстрантами и подслушивали разговоры, чтобы выяснить имена организаторов «злодеяний» и по возможности выхватить какую-нибудь сплетню. Люди любят сплетничать, поэтому подслушивание оказалось очень плодотворным занятием!

Неминуемо по мере развития технологий эти ранние практики уступили место более сложным, прогрессивным методикам: сегодняшняя полиция гордится своими видеокамерами, позволяющими записывать каждое действие толпы. Кроме того, они снимают законопослушных протестующих порой несколько часов кряду. Скучно. Эти «сборщики информации» работают парами: один направляет офицера с камерой, а тот старается снять как можно больше людей, чтобы потом установить их личности. В результате количество попавших в разработку к полицейским поистине ошеломляет.

ARNI выпускал бюллетень, призванный информировать региональных коллег и обновлять для них данные, особенно для тех, кто занимался конкретно ФОЖ. Разумеется, это были конфиденциальные, внутренние документы, однако в скором времени их копии и другие файлы неожиданно попали ко мне в руки — думаю, по случайности. Я сидел дома и смотрел на часы, поскольку ожидал в гости пару детективов. Обычно

¹ *Animal Rights National Index.*

это хороший повод выйти прогуляться, но они назначили встречу, сказав, что вернут кое-что из изъятого в ходе предыдущего визита, о котором я, конечно, не был заранее предупрежден. Тогда меня обвиняли в нападении на охотников и причинении ущерба окнам «Макдональдса», но ввиду отсутствия улик детективам пришлось признать, что я ни при чем. Как бы то ни было, они приехали с полным багажником моих вещей, которые к тому делу никак не относились. Тем не менее тогда они посчитали (и это не впервой), что необходимо забрать у меня это имущество, а теперь, не обнаружив ничего ценного, возвращали. Обменявшись вежливыми, равнодушными приветствиями, мы разгрузили багажник и отнесли вещи в дом. Я не сразу заметил, что наряду с моим добром мы отнесли два больших черных мешка, которые мне не принадлежали. Приятно было наконец получить вещи назад, но еще приятней было стать обладателем их собственности. Детективы ушли.

Я проинспектировал содержимое мешков и не поверил своим глазам. Ребята сгрузили мне кучу полицейских фотографий и негативов, бумаг, копий циркуляров ARNI и деталей операций подразделения в районе Манчестера. Мы разложили первоклассные трофеи на полу кухни у друга дома и пиروвали!

Слухи о проведении активной разведывательной деятельности полиции оказались чистой правдой. Агенты занимали позиции в меховых магазинах, в «Макдональдсах», цирках и других подобных местах, высматривая потенциальные сборища протестующих. Мишенями становились даже дома некоторых активистов — людей, которых лично я считаю не заслуживающими интереса полиции по той простой причине, что их присутствие на передовой было в лучшем случае спорадическим. Полиция придерживалась иного мнения. Любой, кто выступал за животных, попадал в разряд криминальных элементов. Через минуту мне уже было известно, что полиция знала, кто из активистов ходит в какой супермаркет. А как же бомбисты и мистификаторы? Как они проводят время, пока мирные протестующие отовариваются?

Во многих случаях «разведанные» представляли собой информацию, почерпнутую на митингах или из листовок, рекламирующих сборища и пикеты. В них не было ничего зловещего, однако полиция считала, что глубоко проникает в дебри страшного движения! Между тем в циркулярах ARNI вырисовывались потенциальные мишени ФОЖ; в них содержались данные об известных активистах наряду с фотографиями крупным планом, номерами автомобилей и рекомендациями относительно того, какие действия предпринимать и кого информировать об инцидентах, в которые вовлечены эти «экстремисты».

Ощущалось явное намерение приукрасить имеющуюся угрозу. Кто бы мог подумать, что 600 снимков парочки веганов, несущих домой еду из магазина, имеют какую бы то ни было пользу; единственное напрашивающееся предположение заключалось в том, что полицейские сами очень интересуются зоозащитным движением. Непосредственная отдача для детективов была несущественной, однако их работа сделала возможным увязать между собой различных активистов и создать на них досье.

Если человек не станет душить другого человека, значит, он будет добр и по отношению к животным, ибо тому, кто жесток с животными, трудно иметь дело с людьми. Мы можем судить о душе человека по его отношению к животным.

Иммануил Кант

Ферма Кокспэрроу в Уорикшире была одним из мест массового паломничества протестующих зоозащитников, которые регулярно тревожили покой владельца и его семьи. Одно из шести существовавших на тот момент лисьих меховых хозяйств было особенно неприятным.

Шеффилдская ячейка ФОЖ привела в исполнение свой приговор в январе 1984 года после нескольких недель приготовлений. План включал разрыв ограды фермы для вызволения лис. Чтобы собрать побольше сведений, использовались акции протеста. Пока часть активистов бросалась на полицейские кордоны, отвлекая их внимание, пара ребят из Южного Йоркшира наносила на схемы телефонные линии, подъездные дороги и маршруты предполагаемого отхода. От прибыльного предприятия должны были остаться руины.

Всякий, кто бывал в Кокспэрроу, потом настойчиво стремился выбросить воспоминания о поездке из головы. За высокой оградой можно было видеть глубоко подавленных и печально смотрящих лис, монотонно ходящих из угла в угол. Отнюдь не бюллетени ФОЖ вдохновляли людей освободить этих животных, а их вид, от которого становилось больно любому нормальному человеку. Лисам очень не нравилось жить в неволе, и вот пришло время это изменить!

Наконец, настала зимняя ночь, адреналин зашкаливал. Группа выдвинулась к месту, имея при себе несколько инструментов и мешков. Перед активистами стояли две задачи: спасти лис, которых уже ждали безопасные дома, и испортить как можно больше единиц оборудования на ферме. Экономический саботаж в глазах одних людей и нанесение противозаконного ущерба, по мнению других. Для таких операций нужны крепкие нервы и большой энтузиазм, но и без удачи не обойтись. В полутора десятках километров от фермы машина активистов привлекла внимание офицера Ривз, которая патрулировала местность. Вот что она рассказала для протокола впоследствии:

«Я констебль Стаффордширской полиции. В четверг 5 января в 2:40 я была на дежурстве. Когда я ехала по Верхнему Гангейту в Тэмворте, заметила транспортное средство, которое двигалось в мою сторону. Я увидела, что передняя фара машины не работает. Машина имела регистрационный номер YWY 20X. Это был фургон Ford, на двери которого значилось название фирмы аренды автомобилей и значился телефонный номер. Я последовала за фургоном и остановила его в 2:43 на шоссе A51. Я подошла к водителю машины и сказала: «Вы могли бы сказать, куда направляетесь?» Он ответил: «Я из Барнсли. Мы едем в Кардиган в Южном Уэльсе». Я спросила: «Как ваше имя?» Он ответил: «Эндрю Хорбери». Я посмотрела внутрь фургона и увидела в нем около шести человек. Они спали на том, что показалось мне холщовыми мешками».

Поскольку никто не сделал ничего плохого, фургон поехал дальше. Последующее расследование определило, что вообще-то фары автомобиля работали прекрасно, но это было уже несущественно. Тем не менее у активистов состоялся серьезный разговор на тему того, продолжать ли действовать согласно намеченному плану. Кто-то был

за, кто-то — против. В итоге принять решение доверили водителю — единственному человеку, которого могли впоследствии опознать полицейские. Именно его было бы легче всего поймать. Никто не стал бы винить его, если бы он отказался участвовать, но он и слышать не хотел о возвращении. Хорбери понимал, что полиция обязательно свяжет фургон, полный среди ночи людей, с проникновением на меховую ферму ниже по дороге. Но его не смущала эта ситуация: «Развернуться? Ни за что. Только не сейчас. Мы проделали такой путь, а лисы все еще там». Его уверенность укрепила остальных активистов. Через два с небольшим часа после того, как констебль остановила фургон, он, теперь уже замаскированный, пробиравшись по узкому проезду, ведущему к ферме. Активисты перерезали телефонные провода. Долгожданный рейд в Кокспэрроу начался. Дремавший фермер Нирбахал Сингх Джилл проснулся очень скоро.

«Я зарабатываю на жизнь разведением лис на мех. В четверг 5 января 1984 года я спал дома, когда в 4:40 меня разбудил лай собак. Я держу на привязи пять собак рядом с лисьими загонами. Сначала я игнорировал шум. Потом вылез из кровати и посмотрел из окна спальни. Я увидел фургон, сдающий задом по бетонной дорожке с торца загон. Фары фургона были включены, вокруг стояли люди, я смог разглядеть четверых. Я вышел из дома в пижаме. Между моим домом и загонами стояли еще несколько человек. Как только я вышел, мне в глаза ударил свет фонарей, и кто-то сказал: “Иди назад в дом, или мы тебя пристрелим”. Несколько человек повторили это два или три раза. Единственное, что я сумел рассмотреть, это то, что все они были в масках, полностью скрывающих лица. Никаких акцентов в голосах я различить не смог.

Я вернулся в дом и попытался позвонить в полицию, но телефон не работал. Я предположил, что провода перерезаны. Я снова вышел и направился в соседний дом, потому что там тоже был телефон, но они вновь стали мне угрожать. Подошли ко мне вплотную. Я заметил, что среди них была девушка, судя по голосу. Они говорили, что пристрелят меня, если я не вернусь в дом. Я не видел, есть ли у них оружие, так как они светили фонариками мне в лицо. Фургон все еще стоял рядом с загонами.

Я зашел в дом и вышел с черного хода, незамеченным подошел к загонам с северной стороны, снял там с привязи собаку и вернулся домой. Я поговорил с женой, и она сказала, что телефон нигде не работает. Я подумал, что нужно взять мотоцикл. Когда я вышел из дома и пошел к зданию, где стоял мотоцикл, те трое снова подошли ко мне. Собака все еще была со мной. Они сказали: “Возвращайся в дом, или мы тебя пристрелим. Мы не хотим причинять тебе вред, но если из-за тебя начнутся неприятности, то берегись”. Я увидел еще троих или четверых людей возле амбаров. Оттуда доносилось много шума. Я вышел через черный ход и дошел вместе с собакой до дома Эндрюсов в ста метрах от моего дома.

Там я встретил миссис Эндрюс и спросил, работает ли у нее телефон. Она ответила, что телефон не работает. Я сказал: “Вы не могли бы дать мне одну из ваших машин, чтобы я мог заблокировать выезд? Я заплачу за возможный ущерб”. Не успела она ответить, как я услышал звук отъезжающего фургона. Я подошел к воротам ее дома и увидел проезжавший мимо фургон, регистрационный номер КАУ, по-моему, суффикс Y. Я вернулся на ферму. Там все еще был виден свет фонариков, поэтому я пошел по полям, чтобы меня никто не заметил. Я вышел на основную дорогу и постучался в два дома, прежде чем кто-то проснулся. Я воспользовался их телефоном и вызвал полицию, которую дожидался там же. Когда они приехали, я побежал к ним и сказал, что люди уехали буквально несколько минут назад. Я быстро обследовал ферму и заметил, что некоторых лис нет на месте, а ферме нанесен огромный ущерб. Исчезли 30 лис, это 6 тысяч фунтов. Сумма нанесенного ферме ущерба составила 5,8 тысяч фунтов».

В течение часа группа уже всюду ехала обратно в Шеффилд. Лис доставили в безопасное место, откуда развезли по хорошим домам сразу после реабилитации. Радость от удачной работы стерла из памяти офицера Ривз. Но она все помнила. Когда констебль узнала от коллег про рейд, она незамедлительно сообщила о встрече с фургоном начальству. Детективы из Уорикшира связались с коллегами в Шеффилде, и кольцо замкнулось. Когда Хорбери приехал вернуть взятый напрокат фургон, его уже ждали.

Хорбери и его пассажирка Мэнди Бэррет были арестованы по обвинению в краже со взломом. Полиция ничего не выяснила про местонахождение лис или других участников операции, но обоим задержанным предъявили обвинения в сговоре с целью причинения незаконного ущерба и воровстве. Их выпустили под залог на очень жестких условиях. Спустя полтора года и дюжину предварительных заседаний наконец начались слушания в Уорвикском королевском суде. Сочувствующие заняли все места в зале.

По словам наблюдателей, полиция манипулировала показаниями Джилла. И хотя доказать наличие связи между фургоном и фермой было невозможно, это ничего не меняло. Мэнди Бэррет невинно составляла компанию Хорбери, когда он возвращал фургон, и имела на ночь рейда алиби, которое сторона обвинения оспорить не смогла. Что до самого Хорбери, то у него не было шансов. Ходили слухи, что ему светит полтора года тюрьмы. Такой длительный срок объяснялся не освобождением лис, а угрозами насилия в адрес Джилла.

В день вынесения вердикта судья Майкл Харрисон-Холл, слабоумный дряхлый дуралей, который провел большую часть слушаний в состоянии клинической смерти, неожиданно ожил и преисполнился гнева и отвращения. Ему не нравились подобного рода нарушители, и он вознамерился всячески это продемонстрировать. Как говорили наблюдатели процесса, он весь покраснел, когда вылеплял сделанные выводы на свою встревоженную жертву: «Это было грубым нарушением права собственности. Ваши мотивы меня не интересуют. Вы виновны по обоим пунктам обвинения и отправитесь в тюрьму на два года».

Довольно забавно обвинять человека в нарушении прав чьей-то собственности, когда владелец этой собственности считает нормальным бить эту собственность током в анальное отверстие, чтобы содрать шкуру.

Два года были диким наказанием за подобное нарушение и сигнализировали о новом, печальном этапе в истории, повлекшем и другие приговоры активистам Лиг.

Обезьяны Силвер-Спринга

Хороший поступок по отношению к животному настолько же похвален, насколько хороший поступок по отношению к человеку, в то время как проявление жестокости к животному столь же скверно, сколь проявление жестокости к человеку.

Пророк Мохаммед

Первая акция освобождения животных в США состоялась в сентябре 1981 года в городе Силвер-Спринг, штат Мэриленд. Активисты атаковали помещение доктора Эдварда Таба в Институте поведенческих исследований. Лаборатория проводила эксперименты, в рамках которых приматов хирургически калечили, чтобы проследить за восстановлением поврежденных частей тела. 17 обезьян, в основном макаки, пойманные на Филиппинах восемью годами ранее, подвергались этим пыткам и содержались в ужасающих условиях, о которых сообщал работавший в лаборатории под прикрытием в качестве ассистента активист Алекс Пачеко.

Многие обезьяны превратились в невротиков и увечили себя, порой даже откусывая собственные пальцы. У одной обезьяны развилась гангрена от грязи и не смененной вовремя повязки. Она пребывала в таком отчаянном состоянии, что начала уродовать свою грудь. Крысиный помет, старые тряпки, фекалии и моча были в лаборатории повсеместно. С учетом этих фактов Пачеко подал в суд на Тауба, которого впоследствии обвинили в жестокости к животным по 17 пунктам. Полиция конфисковала обезьян из лаборатории и пристроила в доме одного любителя животных.

Однако несколько дней спустя судья постановил, что обезьяны должны быть возвращены в лабораторию. Грузовики ученых прибыли за ними вместе с полицией в 8 утра, но дома никого не было. Когда полиция высадила дверь, оказалось, что животных внутри нет. К тому времени четыре активиста уже целые сутки везли их в безопасный дом во Флориде, прежде позволив обезьянам провести теплую ночь за ловлей мух на улице — впервые за долгие годы. 10 дней спустя животных вернули в Вашингтон в рамках соглашения между спасателями, PETA¹ и полицией, которая заявила, что закроет дело против Тауба, если не будет располагать доказательствами. Полицейские заверили, что обезьяны никогда вновь не окажутся в лаборатории. В дальнейшем Таубу предъявили обвинение в жестокости по шести пунктам, но он упорно подавал апелляции, чтобы обвинения были сняты. После затяжных судебных разбирательств обезьяны все же вернулись к своей горькой судьбе. Это был трагический исход, но начало серии зрелищных лабораторных рейдов было положено. Кроме того, такой результат достаточно сказал активистам о возможностях законной деятельности в США и честности властей.

¹ *People for the Ethical Treatment of Animals (Люди за этическое обращение с животными)* — основанная в 1980 году самая крупная зоозащитная организация велферистского толка. Насчитывает 1,8 миллиона членов. Функционирует в США, Германии, Великобритании, Индии, Италии, Нидерландах, Канаде, Франции, Испании, ЮАР и Тайване. Нелюбима многими зоозащитниками за популизм (в том числе за пристрастие к обнаженной натуре при проведении акций, фотосъемкам для рекламных плакатов и т. д.), а также за то, что часть животных, которых приютам PETA не удается раздать, усыпляют. Только в период 1998–2005 гг. сотрудники организации убили 14 400 животных (90% поступивших в приемники кошек и собак за 2005 год). Более подробно см. <http://petakillsanimals.ru>

Жестокость к бессловесным тварям — один из отличительных пороков низменной и подлой душонки. Где бы она ни дала о себе знать, это яркое проявление невежества и низости; проявление, которое все другие преимущества вроде богатства, роскоши и знатности не в силах затмить. Оно несовместимо ни с образованностью, ни с подлинной цивилизованностью.

Преподобный Уильям Джонс ¹

Исполнительный директор «Города надежды»², говоря о рейде американского ФОЖ, в ходе которого из лаборатории были спасены 115 животных, описал этот акт сострадания как «терроризм, сравнимый с захватом самолетов и подрывом посольств». Но участникам освобождения животных, обреченных страдать и умирать от рук монстров, все равно, кто кого считает террористом. Одна из наиболее драматичных в США акций, проведенных в 1980-е, демонстрирует это предельно четко.

Без малого 1000 зверей и птиц были спасены, когда ФОЖ ударил по Университету Калифорнии весной 1985 года. Среди освобожденных животных были кошки, голуби, кролики, крысы, олень, опоссумы и очень необычная обезьяна по имени Бритчес, пятинедельный детеныш короткохвостой макаки. Бритчес был самым ценным трофеем этого налета. Палачи держали его в изоляции, череп и большую часть лица скрывала медицинская лента. Она крепила электрооборудование для изучения различных эффектов от изоляции и лишения зрения. Вес прибора, от которого исходил постоянный громкий звук, искривил его шею, так как он просто не мог держать голову ровно. Неясно, что случилось с его матерью — возможно, ее использовали для создания новых подопытных обезьян. Бритчеса забрали от матери сразу после рождения, заменив ее поленом, покрытым шкуркой, за которое малыш отчаянно цеплялся.

Ему исполнилось всего несколько недель, когда его ослепил 40-летний мужчина. Матери не было рядом, его заточили в клетке наедине с куском дерева. Но один работник лаборатории вынес сор из избы, рассказав о происходящем ребятам из ФОЖ или, по меньшей мере, тому, кто мог с ФОЖ связаться. Много времени это не заняло.

Вслед за быстрым этапом рекогносцировки активисты, одетые в медицинские халаты, проникли в лабораторию, сняли двери с петель, после чего очистили помещение от всех узников. Маленькую обезьянку вместе с диким средневековым изобретением на голове аккуратно положили в переноску. Тем временем остальные активисты катили стеллажи с грызунами и брали других животных на погрузочную площадку. Это была впечатляющая ночная работа.

С момента, когда кто-то поведал о происходящем в лаборатории, прошло всего две недели, а животные уже были спасены, и Бритчес оказался в руках Бетти, симпатизирующего ФОЖ ветеринара.

«В тот день, 20 апреля 1985 года, меня попросили провести обследование и последующее лечение маленькой короткохвостой макаки, самца, по моим предположе-

¹ Уильям Эдвард Джонс (1726–1800) — прославленный англиканский священник, теолог и композитор.

² City of Hope National Medical Center — открытый в 1913 году биомедицинский и образовательный центр, деятельность которого посвящена лечению рака и других смертельных заболеваний.

ниям, примерно пятинедельного возраста. Фронт освобождения животных забрал его из лаборатории Риверсайда Университета Калифорнии.

К голове детеныша посредством биндажа и ленты крепился аппарат со шнуром, который обрезали активисты. Лента находилась в прямом контакте с шеей и лицом. Биндаж был полностью снят с правого глаза ввиду чрезмерной влажности, правый глаз был частично виден. Под биндажом располагались два ватных тампона, по одному на глаз. Тампон на правом глазу соскользнул в сторону под ленту. Оба были грязными и мокрыми. Верхние веки вивисекторы пришили к нижним. Швы были явно слишком широкими. Многие из стежков разъели ткань век, приведя к множественным разрывам. Между верхними и нижними веками образовалось пустое пространство размером около 6 мм. Швы контактировали с роговичной тканью, приводя к повышенной слезоточивости, чем и объяснялись мокрые тампоны. На лице, голове и шее детеныша имелись множественные повреждения от биндажа.

Можно предположить, что наложение швов произвел недостаточно квалифицированный сотрудник, а также что детеныш не получал должного медицинского ухода. Подобная небрежность может быть предметом обвинения врача в преступной халатности. У детеныша отмечалась фотофобия. Пенис обезьяны был отечным и воспаленным. Я отметила сильные выделения сальных желез, скудное мышечное развитие и сухость кожи».

То, что вивисекторы сделали с этим крошечным созданием, было чудовищно, и даже самое грубое сердце не могло не содрогнуться при виде этого маленького мученика. Бетти закончила и отступила, но Бритчес не знал, как открывать глаза. Потом он понял. Он потянулся к глазам пальцами. Бетти взяла его на руки, боясь, как бы он не поранил себя. Сначала один, а потом и другой глаз начал медленно открываться. Бритчес стал коситься на свет, видя мир впервые с тех пор, как его лишили зрения. Не привыкшие к свету, два уже моргающих глаза наконец раскрылись полностью. Бритчес повертел головой вправо и влево, потом опять откинулся, как бы говоря: «Я могу видеть! Посмотри-ка на меня! Я могу видеть!» Он засунул палец в рот и принялся сосредоточенно его сосать. Парень явно шел на поправку. Когда он полностью оправился, его перевели в центр спасения, где представили взрослой самке — потенциальной суррогатной матери. Разумеется, это не была его настоящая мама, но устоять, видя, как животные встретили друг друга, было невозможно. Это была любовь с первого взгляда. Бритчес очень разволновался!

Конечно же, эксперимент считался вполне легальным и отнюдь не единственным в своем роде, тогда как спасение детеныша было незаконным, а подобные акции — редкими. Один ученый прокомментировал произошедшее так: «В отличие от слепых детей человека, Бритчесу было отказано еще и в социальном общении, включая контакт с матерью. Его держали без каких-либо стимулов в проволочной клетке с самого рождения. У него не было ни единого шанса развиваться нормально. Как исследование это просто мусор». Но университет, само собой, не испытывал никаких угрызений совести: «У нас есть основания полагать, что сейчас животные находятся в куда худших руках, чем они были, живя в стенах лаборатории», — сказал Тед Халлер, заместитель президента университета.

Да неужели, Тед?! С твоим заявлением мало кто согласится. Разве не поразительно, что всякий раз, как двери подобных мест открываются нараспашку, термин «научное исследование» приобретает принципиально новое значение?

Приматы в Пенсильвании

Последователи Будды, вы должны с готовностью и состраданием выполнять работу по освобождению всех чувствующих созданий. Если видишь суетного человека при попытке убить животное, попытайся доступными средствами спасти или защитить и освободить это животное.

Брахмаджала Сутра¹

Интерпретация жестоких и бездумных научных экспериментов на животных вновь подверглась переосмыслению, когда ФОЖ обнаружил тревожные сведения в результате рейда на Университет Пенсильвании. Захваченные документы доказывали связь заведения с Университетом Глазго в Шотландии. Абсурдные опыты, которые ставились в этих лабораториях, были невообразимо дикими. В ходе операции не было спасено ни одно животное, но активисты получили видеопленки, на которые сами «исследователи» записали процесс экспериментов с повреждениями головы. В ужасающих деталях кадры демонстрировали кошмарную правду о том, что могут творить совершенно равнодушные люди за закрытыми дверями.

Они демонстрировали безразличие и спесицистский фанатизм, доказывая, что эти люди способны обрушить всю свою жестокость на беззащитных животных, прикрываясь некой мнимой пользой этих опытов; пожалуй, нет ничего ужасного, что не могло бы прийти им в голову и чего бы они не воплотили в жизнь в лаборатории. И все это от лица науки! Так называемые «жизненно необходимые медицинские исследования» были настолько вздорными, бессмысленными и безнравственными, что убедить сомневающихся в самом их существовании невозможно, пока те не увидят запись собственными глазами. Это зрелище настолько ужасало многих людей, что они пытались заставить себя думать, что исследования были необходимы для человечества, иначе никто бы не стал их проводить! Если же показать подобную съемку сторонникам vivisection, они непременно попытаются внушить нам, что это единичный случай, вина за который лежит на нескольких дурнях. Они наверняка заявят, что в прошлом ничего похожего не происходило и, разумеется, не произойдет в будущем, раз уж имело место внутреннее расследование. Но результат расследования всегда один и тот же: бизнес прежде всего, так что возвращаемся к зверствам!

Когда налетчики вставили трофей в проигрыватель и начали смотреть пленку, они онемели. Ничто, прежде виденное или прочитанное ими, не могло подготовить к восприятию бессердечной, вопиющей глупости этих экспериментов. Просмотр видео был травматичным, болезненным опытом, и мало кто мог выдержать его без слез. Чтобы поверить в это, нужно было увидеть самому, и даже привычным к подобного рода зрелищам людям было не легче. На головы связанным бабуинам надевали шлемы с проводами. В экспериментах участвовали студенты, которые, очевидно, учились жестокости. Они слушали рок-музыку, курили, смеялись и пародировали животных, присоединяя провода к «Пенн 2» — гидравлическому устройству, которое долбило по головам животных, чтобы вызвать повреждения мозга.

¹Брахмаджала Сутра — текст Махаяны, позднейшей формы развития буддизма, распространенной главным образом в Китае, Индии, Японии, Непале, Корее, Вьетнаме и Тибете и насчитывающей к концу XX века около 600 миллионов приверженцев.

Ни единого доброго слова не сорвалось с их губ, когда они нажимали на кнопку, приводившую в движение механизм, бьющий обезьяну по голове под 60-градусным углом массой до килограмма. Этого достаточно, чтобы размозжить мозг. Два вивисектора хохочут, наблюдая, как маленький бабуин в шлеме пытается вырваться из брезентовых ремней, которые его сдерживают. Он привязан к операционному столу и, возможно, находится под действием солидной дозы фенциклидина (наркотика, также известного как РСР или «ангельская пыль»).

Потом два студента пытаются перерезать какую-то трубку и держат при этом сопротивляющегося бабуина. В рукопашной бутылка переворачивается, жидкость проливается на обезьяну. «Он у меня доиграется», — кричит первый студент. «Почему ты не посадишь его в чертову клетку?» — вопит второй. «Я работаю над этим, я работаю над этим, я работаю над этим. Я пытаюсь достать... Можешь обрезать это? Я пытаюсь обрезать чертову штуку». Они опрокидывают бутылку. «Что там?» «Кислота. Она тебе все яйца выжжет». Чуть позже они проводят электрокаустикку — выжигание электрическим током, чрезвычайно болезненную процедуру, без анестезии. Бабуин бьется головой, а люди продолжают его истязать.

На другой кассете экспериментаторы готовятся нажать на кнопку, чтобы бить по голове другого бабуина, когда тот умудряется перевернуться на столе. «Как вы можете видеть, он, ха-ха, очень активный, его моторика функционирует нормально. Еще он довольно сильно возбужден». Вивисектор говорит в микрофон, приводя обезьяну в нужное положение. Стоит ему отойти от стола, как бабуину вновь удается перевернуться, хотя его ноги и руки привязаны уже более крепко. Бабуин так взволнован, что вертится во все стороны до тех пор, пока ученый не привязывает его к столу клейкой лентой. В следующей сцене можно видеть только ноги привязанного бабуина и наклонившегося над ним исследователя, который произносит: «Он получил удар массой в 680 граммов и быстро пришел в себя. Группа поддержки — в углу Б-10». Камера поворачивает в угол, где сидит привязанная к креслу искалеченная обезьяна с поврежденным мозгом и повышенным слюноотделением. Вивисекторы смеются. «Б-10 тоже хочет поучаствовать!» — еще больше смеха. «Как вы можете видеть, Б-10 жив». Далее следуют сцены битья по шлему молотком в попытке его снять. Единственное, что помогает выполнять тяжелую работу, это передразнивание обезьяны. «Глядите! Он движется, он движется. Глядите! Он движется». Человек пытается снять шлем с головы обезьяны. «Толкайте. К-xxx. Это мальчик!» Они снимают шлем, и голова обезьяны ударяется об стол. Психопат с молотком показывает лицо бабуина. «Выглядит так, словно подслушивает, а-ха-ха!»

«Почему здесь так пыльно?», — спрашивает один студент. «Почему? — отвечает ему другой. — Да потому что они тут поголовно некомпетентны. Я имею в виду, что, в целом наши процедуры непонятны. Что касается уборки, то ее здесь проводят нерегулярно, и занимается этим явно кто-то недоделанный. Недавно вентиляционная система изрыгала какую-то пылицу. Это из разряда вещей, на которые я жалуясь, но, сам понимаешь...». Другой студент соглашается. «Я имею в виду, ты приходишь, а здесь воняет мочой. Три месяца мы вдыхаем в этом подвале мочу. Ха, удушение от аммиака. Нужно отсюда выбираться — здесь все просто пропитано мочой».

Казалось бы, уже эти моменты были грубейшими нарушениями, но плюс ко всему выяснилось, что вивисекторы даже не умели проводить стерильные хирургические операции. На некоторых были перчатки, но не было масок, халатов или шапочек. Один «ученый» кладет инструмент на небритую грудь бабуина, а потом, уронив инструмент на пол, поднимает его и лезет им в голову бабуину, даже не удосужившись протереть.

Они курят за операционным столом над открытыми ранами и в опасной близости от легко воспламеняющихся газов.

Последние две сцены на кассете включают экспериментатора, который привязывает раненого, находящегося в сознании бабуина к операционному столу, собираясь идти домой. «О, получил аксональные повреждения мозга! Придется потратить на тебя 500 долларов, скотина!» Дальше идет разрыв кадров, а потом появляется полубессознательный бабуин, которого держит молодая женщина-вивисектор. Голова бабуина выбрита, он покрыт швами.

«Подтащите его ближе», — слышен мужской голос, видимо, принадлежащий тому, кто держит камеру. «Не стесняйтесь, сэр, — говорит он обезьяне, — тут нечего бояться». Смех. «Эй, что происходит? Тссс, тссс! Смотри, тебя показывают по телевизору с обезьянкой». Смех. «Смотри! Как кошка. Эй, кошечка из рекламы! Скажи “сыр”. Молись, чтобы антививисекционисты не завладели этой пленкой». «Кто?» — спрашивает женщина. Ее улыбка вянет. «Антививисекционисты. У них будут кадры, на которых тебя хорошо видно. А еще у них будет имя Ларри. И Карен». Потом он обращает внимание на большую зашитую рану, идущую через весь череп обезьяны: «Э, посмотри на эту часть головы!» Смех. «Хмм, у него панковский видок». «Как ты сказал — панковский видок?» Смех. «Друзья! Римляне! Соотечественники!» Смех. «Гляди-ка, он хочет пожать тебе руку. Давай. О, нет. Опустит голову». Еще более громкий смех. Он передразнивает обезьяну: «Спасите меня отсюда, кто-нибудь! Пожалуйста! Вы ведь спасете меня?»

Это было слишком, чтобы можно было принести извинения или хотя бы попытаться что-то объяснить. После обнародования этих пленок и сопровождавшего их скандала, гранты на «жизненно важные медицинские исследования» были отозваны. Тогда и только тогда боль и разочарование, пусть и несравнимые с причиненными животным, настигли хладнокровных чудовищ, ответственных за весь этот кошмар.

Однако несколькими годами позже, когда шум поутих, люди, занимавшиеся экспериментами по повреждению мозга, Томас Дженнарелли и Томас Лэнгфитт, сумели восстановить финансирование Национального института здравоохранения. На сей раз опыты проводились на крысах и карликовых свиньях. Лэнгфитт без тени смущения признал: «Наша задача заключается в том, чтобы наносить затяжные травмы для изучения их последствий, и у нас есть собственное реанимационное отделение». Звучит мило. Ждем новых видеозаписей.

Всего за 15 лет, предшествовавших рейду, Дженнарелли получил на свои «исследования» более 11 миллионов долларов. Вот какие суммы из налоговых сборов выделяются на вивисекцию. А ведь эти деньги могли пойти на помощь пациентам с травмами мозга.

ФОЖ так активен, что Скотланд-Ярд на сегодняшний день называет цифру в 400 поджогов, совершенных с середины 1980-х.

The Times Review, ноябрь, 1992

Рейды в других местах, получившие огласку, были, может, менее значительными для разоблачения угнетателей, но не менее важными в глазах освободителей ввиду каждой спасенной жизни и вдохновения других на прямое действие. Изображения одетых в балаклавы активистов были эмоциональными и вызывающими, они знакомили людей с реальными историями жизни несчастных животных, вызволяемых из концлагерей. В течение нескольких месяцев из лабораторного селекционного центра в Суссексе были изъяты 90 кроликов; в Италии свободу обрели 200 голубей; 110 морских свинок покинули поставщика лабораторий в Эссексе; их судьбу разделили 127 индеек в Калифорнии, 264 различных животных из Университета Орегона, 100 кроликов с фермы в Чeshire, 400 норок и 30 свиней в Голландии и 106 кур в Канаде. Случались и куда менее масштабные операции, но каждая из них была бесценной. Однако повлиять на судьбу того или иного эксплуатационного бизнеса помогало только нестандартное мышление.

Торговцы мехом вздохнули свободно в 1985 году, когда был осужден Эндрю Хорбери. Это выглядело так, словно власти решили всерьез взяться за нарушителей спокойствия. Но по мере того как движение переполняла энергия, проблемы у ожившей меховой индустрии только начинались, особенно когда ФОЖ ввел в эксплуатацию карманные зажигательные устройства. Состоявшее из нескольких бытовых компонентов, изобретение сигнализировало о крупной эскалации в войне с мехом и сместило акцент — по крайней мере, на какое-то время — с открытия клеток и заливания замков клеем на что-то куда более значительное в широкой перспективе.

В декабре клубок проблем начал расти. Розничные продавцы меха осознали, что вместо подчинения решению Уорвикского королевского суда и смирения друга осужденного освободителя лис и противники меховой промышленности просто изменили тактику. Один бывший меховщик трактовал это как «второе пришествие». Дешевое устройство, спрятанное в отделе мебели универмага Rackhams в Шеффилде в один унылый вторник, было предназначено скорее для того, чтобы спровоцировать срабатывание системы пожаротушения, реагирующей на дым, нежели для поджога здания. Девайс сделал свое дело, причинив ущерб в 200 тысяч фунтов от затопления. Устройство, вмонтированное в сигаретную пачку, воспламенилось, как и планировалось, в 00:15 и вызвало небольшой пожар, но, что важнее, много дыма...

Утром в среду 11 декабря в Rackhams царил хаос, а центр Шеффилда был перекрыт. Система пожаротушения постаралась так хорошо, что не только погасила пламя, но и залила водой весь магазин. Перекрытия лопнули, электричества не было, фундамент лежал в руинах. Местная полиция, изо всех сил сдерживавшая огласку деятельности ФОЖ, отчаянно пыталась взять ситуацию под контроль. Она убеждала прессу, что пожар начался случайно, а виной всему послужил сигаретный окурочок. Но журналисты терзались сомнениями и ставили полицейское начальство в неловкое положение щекотливыми вопросами. Масла в огонь подливал тот факт, что было уже за полночь, когда магазин загорелся, а это означало, что прошло несколько часов после того, как где-то могла быть оставлена «непогашенная сигарета». Кроме того,

Rackhams был в центре пристального внимания ненавистников меха и регулярно получал угрозы.

Заговор молчания не смог удержать кампанию в тайне, и в течение следующих четырех лет десятки зажигательных снарядов были оставлены в меховых магазинах от Эдинбурга до Плимута, вызывая масштабную противоречивую реакцию и причиняя колоссальный ущерб.

В Debenhams¹ в Лютоне летом 1987 года все пошло немного не по плану поджигателей. Универмаг на главной улице сгорел до основания: система пожаротушения была отключена для ремонта в тот самый день, когда активисты ФОЖ оставили устройство в здании. Позднее я спросил одного из тех активистов, расстроились ли они, что все обернулось не так, как было задумано. «Ха! Мы были в восторге! Мы хотели сделать серьезное заявление о жестокости в меховом бизнесе и мы его сделали!» Заявление стоило владельцам миллионов фунтов убытков.

Универмаг Dingles в Плимуте пострадал от опустошительной атаки в декабре 1988 года, когда система пожаротушения отказалась работать, и софа, под которую было заложено устройство, вспыхнула, словно спичка. Понадобилось 80 пожарных, чтобы взять пламя под контроль. К этому моменту спастись было уже нечего. Причиненный ущерб исчислялся 16 миллионами фунтов.

Разумеется, прокатилась волна осуждения этих атак, но были и такие наглые ребята, которые считали, что вместо нападок на активистов владельцы должны быть благодарны судьбе за то, что пожары не охватили здания в рабочие часы, когда магазины ломятся от покупателей — в этом случае неработающие системы пожаротушения обернулись бы более серьезными последствиями. Иными словами, даже хорошо, что ФОЖ обратил внимание администрации на такую важную вещь, как противопожарная безопасность, пусть и нетривиальным способом. Возможно, это перебор, но все-таки активисты оказали магазинам услугу, подчеркнув важность отлаженной работы всех систем.

Не нужно быть экспертом, чтобы понять: эти акции достигали желаемого эффекта. Меховые отделы в универмагах занимали крайне мало места, и прибыль от них не могла сравниться с опасностью, которая в лице ФОЖ угрожала магазинам. Ничем не примечательный покупатель, оставивший пачку сигарет где-то в здании, в состоянии свести любой доход к нулю. Это очень просто, очень эффективно и очень пикантно. Учитывая, что подобные акции часто сопровождалась захватами помещений, разбитыми окнами и тому подобными проявлениями агрессии, универмаги решили, что им это не нужно, и принялись рвать все связи с меховым бизнесом. Изначально они заявляли, что атаки ФОЖ здесь ни при чем, объясняя смену стратегии падением продаж и снижением покупательской активности.

Да ну?! А что к этому привело? От людей в шубах на улицах шарахались, как от прокаженных. Зоозащитные группы регулярно пикетировали меховые магазины и создавали вокруг них непривлекательную обстановку, но самую мощную в контексте общественного резонанса антимеховую кампанию провела группа «Рысь» (Lynx), которая успешно освоила и регулярно применяла рекламу на уличных щитах, пристыжавшую любителей меха. Например, снимок, на котором модель волочила окровавленную шубу, сопровождался словами «Нужно 40 умных животных, чтобы сделать шубу, и одно глупое, чтобы ее носить», а симпатичная продавщица, одетая в лисий мех, предлагала другим любителям шуб внутренние органы животных. Изображения

¹ Debenhams — британская сеть универмагов, основанная в 1813 году.

этих ужасов уже не вызывали такого негодования людей, как гламурные портреты в мехах. Шубы перестали вызывать как обожание, так и зависть — они служили магнитом для антимеховых стикеров, грязи и жвачки.

Когда торговля мехом загнула и рынок лопнул, продавцы заявляли, что это произошло из-за глобального потепления. Но слово «жестокость» вызывало уже настолько прочные ассоциации с мехом, что нынешним промышленникам никак не избавиться от клейма позора, которое серьезно ограничивает их популярность. На сегодняшний день этот бизнес еще не удалось вырвать с корнем, и в последнее время мех пережил нечто наподобие возрождения в индустрии моды.

Отчаявшись закрепиться на рынке на прежних позициях, производители делают большую часть продаж не на шубах, а на воротниках, подкладках и манжетах. Более того, порой они даже подкрашивают натуральный мех, чтобы он выглядел, как искусственный! Насколько больными нужно быть, чтобы делать нечто подобное?

С недавних пор активисты сфокусировались на кроличьем мехе, который наводил рынок, присутствуя в различных аксессуарах. Производители утверждают, что это благо, поскольку кроличий мех — это побочный продукт мясной промышленности, позволяющий избавить от страданий других животных. Однако версия торговшей провалилась, когда активистам удалось заснять, как с кроликов срывают шкуру живьем. Лишь немногие магазины еще продают шубы. Если это и происходит, то обычно где-нибудь в задней комнате или из-под полы — мех сбывается как какие-то грязные порнофильмы для тех, кто без них не может.

Шеффилдский процесс

В данный момент приговор заставляет предположить, что жизнь женщины менее ценна, чем чья-то собственность или право на эксперименты и спокойствие фермеров, разводящих норок.

Стивен Норрис, Член парламента от Консервативной партии, 1987

Неудивительно, что правительство очень скоро начало испытывать на себе политическое давление в связи с кампанией поджигателей. Шеффилдский ФОЖ был активен и привлекал много внимания, плюс полиция узнала, что Ронни Ли и Вивиан Смит побывали в этих краях и пообщались с хорошо известными властям личностями. Прозвенел сигнал тревоги, активистов начали проверять, кольцо сжималось, но призвать к ответу было некого. Правоохранителям пришлось примерить костюмы мусорщиков и выносить мусор за подозреваемыми в попытках что-то разведать.

В копании в чужих отбросах мало приятного; кроме того, это нелегально. Зато это один из простейших способов собрать о человеке информацию. В 9 случаях из 10 вы обнаружите что-то захватывающее среди банок из-под пива и грязных салфеток, как это и случилось по одному шеффилдскому адресу. Находка привела к тому, что за домом было установлено постоянное наблюдение, и когда все жильцы вышли, полиция спрятала подслушивающее устройство под половыми досками.

К удобству детективов шеффилдская команда работала по одному адресу. В процессе сборки поджигающих девайсов активисты ставили таймер, используя стандартный циферблат с часовой стрелкой, который позволял выставлять время возгорания с 12-часовой задержкой. Цифровой таймер с 24-часовой задержкой был бы куда удобнее, так как позволил бы выставлять время возгорания заблаговременно.

Выяснив детали в ходе своей научно-исследовательской работы, полиция вломилась в дом Кевина Болдвина на Идсфорт-роуд и арестовала всех, кто был в нем. Кто-то мастерил детали устройств, кто-то держал уже готовые. Это был наихудший из всех возможных исходов для шеффилдской команды, а вот власти сорвали джекпот.

Кевин Болдвин (27 лет), Гэри Картрайт (30 лет), Джули Роджерс (26 лет), Изабель Фейсер (19 лет) и Йена Оксли (25 лет) попали в серьезную переделку. Им инкриминировали преступный сговор с целью совершения поджога. В ходе согласованного рейда в Ливерпуле был арестован Роджер Йейтс (29 лет), пресс-атташе ФОЖ в северных регионах. Тем временем в Лондоне задержали Вивиан Смит (26 лет) и Ронни Ли (35 лет). Обыску подвергся офис Группы поддержки ФОЖ, все содержимое было конфисковано. В период между январем 1985 года и мартом 1986-го всех обвинили в преступном сговоре с целью совершения поджога, причинения ущерба и подстрекательства других. Кроме того, в Шеффилде были задержаны и обвинены в преступном сговоре Брендан Макнелли (25 лет), Джон Хьюсон (63 года), Дженни Уолл (24 года) и Нил Макэлвор (24 года). Кому-то предъявили еще и кражу целой своры биглей из конур в Экслфилде.

Связанная с зоозащитой бумажная работа, признанная полицией экстремистской, очень помогла в ведении дела. В папке «Вещественные доказательства» оказались письма, газеты, записи телеинтервью, призывавшие к акциям прямого действия бюллетени, информационные листовки и политические публикации, в

которых отстаивались права животных. Все это помогало дополнять картину опасного глобального заговора в действии. Само собой, бюллетени ФОЖ нуждались в некоторых объяснениях и толкованиях, поскольку недвусмысленно превозносили идею забрасывания скотобоен зажигательными бомбами. За исключением Ронни Ли, соредатора, который уже давно считался главнокомандующим ФОЖ, всех выпустили под залог.

Год спустя 12 подозреваемых предстали перед Шеффилдским королевским судом. Прокурор позиционировал их как верхушку ФОЖ. Места для публики были забиты на протяжении всего процесса, а полицейская охрана вела себя откровенно возбужденно «на радость» присяжных и СМИ. Доказательства против подсудимых были убедительными и включали полную расшифровку их разговоров вплоть до полицейского рейда. Они не оставляли сомнений, что люди занимались изготовлением зажигательных устройств. Детективам повезло не только с арестами: задержанные начали закладывать друг друга. Шеффилдский процесс стал примером того, как можно усугубить и без того плохую ситуацию.

У Болдвина развязался язык. Вслед за ним разговорились остальные, понимая, что он показывает на них пальцем и что Хьюсон тоже не молчит. Болдвин и Оксли рассказали, как Вивиан Смит побывала на Идсфорт-роуд, собрала устройство и повезла его в Selfridges¹ в Лондон. Смит не произнесла ни слова за весь процесс. Джон Хьюсон рассказал, как Ронни Ли посетил Шеффилд, чтобы научиться собирать новые зажигательные устройства, разработанные Йеном Оксли. Ли было нечего сказать. Джули Роджерс призналась в изготовлении девайса в Шеффилде и заявила, что с ней была Дженни Уолл. Юная и неопытная Роджерс оказалась легкой добычей для полиции, поверив, что ее и Уолл застукали камеры наблюдения в магазинах.

Большинство обвиняемых по шеффилдскому делу признались, что участвовали в краже 28 охотничьих собак из конур в августе 1985 года. Это была отважная и первая в своем роде акция. Хотя саботажники и раньше воровали целые своры собак, они делали это только на период охоты, в дальнейшем возвращая их. Здесь же собак забрали насовсем, чем бесконечно потрясли охотничью братию. Свору биглей смешали с другими им подобными гончими из других свор. Понятно, что этого охотничьи круги совсем не хотели, потому что так теряются линии крови, родословные, годы тренировок и традиции. А в данном случае для охотников произошло как раз самое страшное: свора была роздана людям, близким зоозащитному движению. Собаки пропали из поля зрения охотников навсегда! Аналогичный рейд имел место 15 годами позже, когда исчезли бигли из конур колледжа Уай в Кенте.

Видео с разведанными из Экслсфилда было обнаружено в доме на Идсворт-роуд, но реальных свидетельств, которые позволили бы связать подозреваемых с рейдом, не нашлось. Однако обвиняемые сами признали себя виновными, зачитывать их заявления в суде не было необходимости. Исключение составлял только Джон Хьюсон, который сдал Ронни Ли. Он был типичным активистом ФОЖ — 63-летний бывший школьный учитель на пенсии, запуганный угрозами полицейских, говоривших, что если он откажется помогать, то никогда больше не увидит жену, а его дом конфискуют.

Кевина Болдвина признали невиновным в преступном сговоре с целью совершения поджога, а его адвокат пытался получить записи разговоров, настаивая на том, что они были сделаны незаконно. Доказать это ему не удалось, и Болдвин начал

называть имена. Доказательная база против Вивиан Смит включала немалое число предметов, обнаруженных у нее дома, таких, например, как жидкость для травления стекла, руководство ЦРУ по изготовлению бомб, лом, балаклаву и униформу сотрудника службы безопасности. Она не была готова ответить на вопрос, куда подевались 12 тысяч фунтов со счета Группы поддержки ФОЖ, плюс офицер полиции дал против нее показания, поведав, как разговаривал с ней о поджоге Rackhams, когда позвонил в пресс-офис и представился журналистом шеффилдской газеты. Роджер Йейтс обвинялся в подстрекательстве и в том, что был пресс-атташе северного филиала ФОЖ.

Судью Фредерика Лотона, известного по политическим процессам, в его 80 с чем-то лет специально вызвали с заслуженного отдыха, чтобы разделаться с ФОЖ. Вооруженный офицер просидел рядом с Лотоном на протяжении всего процесса, делая наброски портретов людей на местах для публики, чем умышленно создавал у присяжных впечатление, что подзащитные и их знакомые — это опасные отморозки, в чем их пытался убедить прокурор.

По итогам процесса единственной, кого оправдали, была Дженни Уолл, несмотря на свидетельства о том, что именно ее голос звучал на пленке, записанной на радиостанции. На ней женщина берет на себя ответственность за нападение на турагентства, продававшие билеты в «Цирк братьев Роберт». Кроме того, владелец магазина узнал в ней даму, покупавшую жидкость для травления стекла. Было и признание Джули Роджерс в том, что они обе изготовляли зажигательное устройство, которое попало в Rackhams. Это может показаться безумием, но и для наблюдателей, и для подсудимых было совершенно очевидно, что дедушка Фредди положил глаз на Дженни, помилование которой стало его жестом сострадания и мягкости. Он не пожалел Ронни Ли и с ликованием приговорил его к 10 годам, окрестив фанатиком и опасным преступником.

Вивиан Смит и Брендан Макнелли были признаны виновными в преступном сговоре с целью причинения ущерба и приговорены к четырем годам каждый. Роджер Йейтс скрылся еще до вынесения вердикта и заочно получил четыре года. Полиция разослала повсюду его фото. Спустя три года его поймали и отправили отбывать срок: когда он пришел к ребенку в школу, его узнал один из родителей.

Кевина Болдвина, Гэри Картрайта и Йена Оксли осудили на четыре года. Их признали виновными в преступном сговоре с целью совершения поджога. Джона Хьюсона приговорили к 12 месяцам, а Джули Роджерс — к 2,5 годам. Судья решил, что главным мотивом ее участия в преступлении стали отношения с Болдвином, а не злой умысел. Другой женщине, Изабель Фейсер, он дал девять месяцев условно. По словам старика в парике, рясе и с пряжками на ботинках, она явно была не в себе, когда разворачивались события.

Представления Фредерика Лотона о том, как должны вести себя женщины, были откровенно устарелыми, но коль скоро они помогли сократить сроки для двух из них, никто не протестовал. Вообще, все признавали, что ожидали худшего. Даже Ронни Ли бежал в клетку, улюлюкая, потому что считал, что легко отделался! Судья твердил ему: «Вы — опасный преступник, и совершенно очевидно, что шанс вашего исправления невелик. Вы отправитесь в тюрьму на 10 лет». Ронни Ли принял этот приговор с готовностью, но всех остальных он ужаснул. Некоторые из велферистских групп, постоянно воевавших против политики ФОЖ, пришли в негодование и заявили, что 10 лет — это чересчур, учитывая альтруистические мотивы нарушителя. Даже люди, никак не заинтересованные в проблемах зоозащитного движения, были встревожены,

что закон применяется так грубо, особенно учитывая, что на той же неделе в Лондоне закончился громкий процесс по «делу викария», и двоих подсудимых, признанных виновными в изнасиловании девочки и избииении ее отца-священника, приговорили к шести и семи годам соответственно.

С юридической системой, которая считает приемлемым приравнивать людей, чьей целью было испортить имущество ради спасения живых существ, к опасным отбросам общества, явно что-то не так. Конечно же, реальность такова, что для истеблишмента экономические интересы куда важнее, чем чьи-то жизни.

Dewhurst the Butchers¹ заявила, что всего за два с половиной месяца в 1986 году компания пережила 87 нападений на магазины по всей стране. Это впечатляющее свидетельство того, насколько далеко все зашло с тех пор, как Ронни Ли и 30 его соратников придумали ФОЖ.

Дэвид Хеншоу, журналист

По завершении Шеффилдского процесса полиция заявила, что растоптала ФОЖ и другие подобные организации, надеясь, что на этом проблемы закончатся, но все было не так просто. Они не понимали очевидного: ФОЖ представлял собой множество маленьких независимых групп, что позволяло уберечь «организацию» от полной ликвидации. Даже уважаемые ключевые фигуры в ФОЖ не были в состоянии прекратить активность Фронта, потому что в мире хватало животных, нуждавшихся в помощи. Людьюми двигало и движет несогласие с позорным угнетением, а вовсе не материальные награды или приказы сверху.

Многие подозревали, что Особая служба² контролирует СМИ, которые в один голос заявляли, что у них нет данных об активности ФОЖ в 1987 году. Впоследствии эти подозрения подтвердил глава службы безопасности Sears Holdings, компании-учредителя Selfridges, бывший шеф Скотланд-Ярда, отвечая на вопросы журнала City Limits. Он сказал: «Фронт раскидывал бомбы по всей Оксфорд-стрит в течение многих лет и был очень активен в последнее время».

После рейда в офисах Группы поддержки ФОЖ, конфискации документов и арестов людей, отвечавших за создание и распространение бюллетеней, адвокаты предупредили, что формат публикаций должен измениться. Пришло время отказаться от призывов к действию и сосредоточиться на поддержке заключенных активистов. Одним из наиболее важных открытий юридической работы стала новость о том, что сбор подробностей об акциях ФОЖ больше не был приемлемым с точки зрения закона, и редакторы могли столкнуться с преследованием и привлечением к ответственности за это. В то время как некоторые статьи бесспорно подталкивали людей на незаконные действия даже одними своими заголовками в духе «Учимся поджигать», «Опустошай, чтобы освободить» и «Фабрики не горят сами по себе, им нужна ТВОЯ помощь», в бюллетенях встречались и нейтральные материалы, но блюстители твердо решили закрыть все альтернативные источники новостей по теме. В будущем, прежде чем опубликовать тот или иной материал, редакторам требовалась консультация юриста.

На следующей день после оглашения приговора по Шеффилдскому делу, группа активистов напала на лабораторию Дж. Бибби на полуострове Уиррал в графстве Мерсисайд на северо-западе Англии. Бойцы ФОЖ освободили четырех поросят и 52 бройлерных курицы, причинив кое-какой ущерб и забрав ряд документов. Это был запланированный рейд группы, прославившейся зрелищными акциями на протяже-

¹ *Dewhurst the Butchers* — некогда крупнейшая в Великобритании сеть мясных лавок, не выдержавшая конкуренции супермаркетов. На пике коммерческого успеха имела 1400 точек по всей стране. В 2006 году продала последние 35.

² *Special branch* — политическая полиция Великобритании.

нии всех 1980-х. Рейд должен был показать, что Фронт все еще жив, активен и хорошо организован. Неделю спустя кто-то оставил зажигательное устройство в универмаге Binns в Ньюкасл-апон-Тайне на севере Англии.

Имели место и новые суды. Вслед за существенными успехами активистов в 1987–1988 годах по всей стране шли процессы над бойцами Фронта, многие из которых оказались в тюрьме, пусть и получив меньшие сроки, чем предполагалось.

Энгус Макиннес был 47-летним бывшим детективом полиции. По долгу службы ему постоянно приходилось иметь дело с людьми, у которых отмечался переизбыток тестостерона и отсутствовало уважение к ценностям, которыми он жил, поэтому в какой-то момент он покинул должность ради защиты животных и планеты в целом от эксплуататоров и убийц. Бывалый и находчивый, он не смог достичь карьерных высот как полицейский, но опыт работы позволил ему долгое время избегать поимки бывшими коллегами, когда Макиннес пополнил ряды Фронта. Его новая карьера достигла пика, когда он стал центральной фигурой на процессе по делу ФОЖ в Шотландии в 1985 году. Макиннеса обвинили в порче продукта Veecham посредством добавления мочи (в ответ на проведение компанией опытов на животных) и приговорили к 12 месяцам тюрьмы.

Дэйви Барру (22 года) и Валери Мохаммед (21 год) предъявили обвинение в создании костяка наиболее активной ячейки ФОЖ в Шотландии. Их арестовали за то, что они оставили в Jenners¹ муляж зажигательного устройства и рассылали угнетателям письма с угрозами, существенно влияя на жизнь эксплуататоров в северных регионах страны. Дэйви был шотландцем до мозга костей и не умел этого скрывать. Он был таким бледным, что никакой загар бы его не взял; он настолько тяжело переживал страдания животных, что не мог спокойно спать по ночам. Будучи совсем еще юным и заморенным раздражающим юмором сверстников-мясоедов, он оказался достаточно зрелым для отстаивания своих взглядов. Ему дали три года тюрьмы. Мисс Мохаммед, как можно предположить, была довольно смуглой. Ее уравновешенности хватало на двоих. Они были странной парой, но блестящей по своей эффективности командой. Валери отсидела 4,5 года из тех 9, к которым ее приговорили. Jenners перестал продавать меха.

В тюрьме Дэйви Барру пришлось нелегко. Он был вынужден жить на чипсах и воде два месяца из-за отказа администрации готовить для него нормальную веганскую еду, в результате чего его дело попало в Европейский суд по правам человека. Его освободили условно-досрочно через год, и он немедленно взялся за старое, но уже с учетом имеющегося опыта. Однако личные проблемы Барра и осознаваемые им огромные масштабы угнетения животных стали для него непосильной ношей. 16 марта 1991 года он свел счеты с жизнью в своей квартире в Глазго. Ему было 24 года. Пять лет спустя Валери Мохаммед тоже покончила с собой. Их уход прошел практически незамеченным за пределами круга друзей, но движение, помнящее и ценящее их преданность животным, скорбит и сегодня.

Через три месяца после осуждения Вивиян Смит и Ронни Ли двое людей, которые заняли их места в Группе поддержки ФОЖ, были обвинены в сговоре с целью подстрекательства к причинению ущерба: они составляли и распространяли бюллетени и листовки, посвященные деятельности Фронта. Судья счел, что даже отзываться в положительных тонах о ФОЖ — это поощрение преступного поведения. Робин Лейн (32 года) и Салли Карр (29 лет) отправили в тюрьму на 9 месяцев и приговорили

¹ Jenners — известный универмаг в Эдинбурге, открытый в 1838 году.

к еще 9 месяцам условно. Власти так жаждали, чтобы Группа поддержки ФОЖ больше не воспрянула, что готовы были швырнуть за решетку кого угодно. Но привлечение к суду людей, которые рассылали по почте футболки и кружки с пропагандой деятельности Фронта, доказывало всю бесполезность ARNI.

Служка за Джеффом Шеппардом и Эндрю Кларком и прослушивание их лондонских квартир, начатые летом 1988 года, оказались куда более плодоносными. Однажды после обеда Шеппард услышал возле дома шум и подошел к входной двери. В этот момент полиция вышибла дверь, из-за чего Шеппард серьезно пострадал: ему повредили руку. Полиция обнаружила в квартире все необходимые ингредиенты для создания карманного зажигательного устройства. Паяльник был еще теплым. Оглушенного и кровоточащего Шеппарда грубо «задержали».

Помимо того, что Кларка тоже взяли с поличным, оказалось, у полиции была пленка с записью его телефонного разговора с представителем Ассоциации прессы, в ходе которого он брал ответственность — от лица ФОЖ — за совершенные поджоги. Обоих активистов обвинили в поджогах в магазинах в Лютоне, Ромфорде и Харроу годом ранее, а также в затоплении универмага Debenhams в Лютоне, которое стоило владельцам 9 миллионов фунтов.

Жучки в помещениях помогли полицейским составить подробное досье на ничего не подозревавших активистов. Не обошлось без политического вмешательства и преувеличения наказания, что плохо закончилось для подсудимых: Кларку дали 3,5 года, а Шеппарду, который на тот момент уже отбывал условный срок за битье стекол в окна мясных лавок, 4 года и 4 месяца.

Мало кто из активистов теперь мог позволить себе такую роскошь, как общение с прессой для взятия ответственности за тот или иной рейд или даже свободное общение в помещениях и автомобилях. Финальный процесс этой эпохи состоялся в Королевском суде Лидс в ноябре того же года. Шон Крэбтри (26 лет) и Джордж Богожевич (23 года) были приговорены к 4 годам тюрьмы каждый за сговор с целью причинения ущерба и совершения поджога. Так закончилась их кампания, целый год проводимая по всему Западнему Йоркширу. Богожевич работал на мясном комбинате рядом со скотобойней и быстро узнал, что там творится. Он стал веганом и активистом. Ни очковтирательство, ни угроза здоровью и жизни, ни возможность оказаться в тюрьме и наглядный пример Ронни Ли не сбили с пути новоиспеченного террориста. По крайней мере, не сразу. 4 года — это чересчур, если речь идет о самоотверженных действиях в интересах животных, но поджоги могут караться и пожизненными заключениями, поэтому судья без какой-либо симпатии к мотивам мог накинуть к приговору несколько лет от себя лично.

Незадолго до Шеффилдского процесса публикация под названием «Интервью с активистами Фронта освобождения животных» была распространена по сети абонентских ящиков всех активистов и симпатизирующих им людей в Великобритании и за ее пределами. 52-страничный документ содержал интервью с членами ячеек ФОЖ, которые рассказывали, как добиваются конкретных результатов от определенных акций. Тексты сопровождалась изображениями угнетения животных и снимками, сделанными в ходе рейдов. В материалах были подробнейшие инструкции по сборке карманного зажигательного устройства и его доработанной версии для транспортных средств. Эти «Интервью» стали новостью и вдохновением для читателей.

Всего было разослано около 1500 экземпляров. Некоторые получатели делали копии и распространяли их дальше. Собственно, их и по сей день продолжают распространять. Благодаря большому тиражу детализированных планов сборки зажига-

тельных устройств частота их появлений в меховых магазинах и других вредоносных для животных местах выросла в разы. Неважно, сколько людей оказалось в тюрьме и как много копий полиции удалось изъять: планы были у всех под рукой, и магазины продолжали вспыхивать и затопляться.

Еще одним новым оружием ФОЖ, получившим широкое распространение благодаря «Интервью», стала жидкость для травления стекла. Обычно используемая для указания номеров машин на их окнах, в малых количествах и в пластиковых бутылках, она оказалась способна буквально пожирать стекло. Артисты зачастую используют эту жидкость в фокусах со стеклом, но ребята в вязанных масках и с ломami не мечтали о большой сцене. Несмотря на то, что это вещь недешевая и предназначенная для использования в малых объемах, зоозащитники нашли ей более широкое применение — уничтожение окон автомобилей и зданий. И если раньше некоторые здания были недоступны из-за неудобного расположения и риска ареста в связи с битьем окон посредством кирпича, — как, например, меховые магазины в торговых аллеях, — то чудесная жидкость позволяла избегать звука бьющегося стекла. Через несколько минут после применения нанесенный ею ущерб уже непоправим.

В результате этого открытия были изуродованы целые вереницы окон в универмагах. Безмолвные акции, проводимые мимоходом, обходились владельцам магазинов в тысячи фунтов. СМИ, как обычно, принялись что есть мочи стращать общественность, сообщая, что обезумевшие монстры опрометчиво разбрызгивают опасную дрянь в твердом намерении привести к госпитализации детей, на которых жидкость может попасть, если они пройдут мимо залитых магазинных окон утром по дороге в школу. Пример такой публикации можно было наблюдать в Manchester Evening News в 1987 году. Вот что сказал изданию детектив суперинтендант Йен Фэйрли:

«Мы связывались с экспертами, и они сообщили, что эта кислота — одна из самых страшных. В зависимости от количества ее применяют в стекольной и керамической промышленности. Если она вступает в контакт с кожей, она вызывает раздражение, но настоящая опасность скрыта в том, что вещество постепенно въедается в кожу и уничтожает костный мозг. Более того, оно может путешествовать по всему телу, причиняя перманентный вред вплоть до смерти, даже в небольших количествах».

Чтоб мне провалиться! Жуткая вещь, да? Но все это, мягко говоря, не совсем правда. Несмотря на то, что эта жидкость делает со стеклом, она безвредная для кожи и глаз. Я знаю, потому что испытал это на своей шкуре. Один из ингредиентов жидкости для травления стекла — это плавиковая кислота, сильный химикат, который в состоянии привести к серьезным повреждениям той или иной части человеческого тела при контакте с ней, но только если плавиковая кислота не разбавлена в этой жидкости (продажу которой полиция поставила под особый контроль с тех пор, как ФОЖ взял ее на вооружение; это сделало приобретение даже небольшого количества химиката без привлечения к себе внимания крайне затруднительным). Однажды друг подарил мне большую бутылку плавиковой кислоты, которую он унес с работы. Полагая, что она будет не менее, а то и более полезной в этом виде, нежели в растворенном, я был не на шутку рад, но только до того момента, когда понял, насколько летуча эта штука. Она совершенно явно была смертельной и вызывала у меня нервную дрожь, пузырьась в бутылке. Когда я пришел домой поздно вечером, я положил бутылку в пластиковый мешок и задумался, как правильно от нее избавиться. По иронии судьбы, прежде чем у меня появился шанс безопасно утилизировать эту гремучую вещь, меня арестовали по одному обвинению. К счастью, полиция не стала проверять пластиковый мешок, и, стоило мне выйти на свободу, я немедленно выбросил бутылку.

Следует упомянуть, что количество плавиковой кислоты в жидкости для травления стекла настолько ничтожно, что неспособно причинить какой-либо вред через случайный контакт. Выхлебать бутылку, возможно, было бы не лучшей идеей, но ФОЖ никого никогда и не заставлял этого делать.

Власти, разумеется, хорошо осведомлены о свойствах жидкости для травления стекла, что не мешает им вызывать пожарных всякий раз, как кто-то обработает ею окна магазина. Не говоря о том, что жидкость молниеносно высыхает, и вероятность того, что прохожий захочет пощупать выжженное стекло голыми руками, очень невелика. Но нагнетание страстей необходимо, если хочешь привлечь как можно больше внимания к незаконности причиненного ущерба, потратить время пожарной бригады и сыграть на страхах общества, рисуя образ «бесчинствующих фанатиков».

Европа пробуждается

У нас были заборы и прожекторное освещение, но нас продолжали атаковать. Единственное, что изменилось, когда мы повесили камеры — налетчики начали надевать маски.

Владелец скотобойни

В конце 1980-х западногерманские активисты совершили несколько образцовых успешных нападений на вивисекционные лаборатории и их поставщиков. Они освободили 25 кошек и двух собак из лаборатории Университета Карлсруэ; 16 кроликов, 70 морских свинок, беременную кошку, беременную самку бигля и трех щенков из помещения дилера в Бохуме, и еще шесть кроликов из местного университета; 70 биглей и 400 крыс из Университета Дюссельдорфа; 170 крыс из Института патологической медицины Университета Бонна; и трех биглей из Университета Хайдельберга.

Не все шло гладко. В ходе операции по освобождению 80 собак из помещения поставщика в Беферунгене владелец застукал налетчиков. Он попытался воспользоваться дробовиком, но активисты организации «Животный мир» (Animal Peace) умирили его, сломав ему нос. Размышляя о скверном ракурсе освещения в прессе, я спросил участника инцидента, жалеет ли он о случившемся. Он посмотрел на меня в искреннем изумлении: «Он пытался остановить нас, Кит. Мы были там, чтобы помочь животным, а он хотел помешать нам, вот я и двинул ему по носу. Мне не о чем жалеть».

Независимая ассоциация зоозащитников спасла девять собак, восемь кошек, 48 кроликов и несколько крыс из Университета Ахена. Зоозащитники уничтожили около 80 охотничьих помостов, используя бензопилы и топоры. Представитель группы сказал в интервью: «Охотники любят природу так же, как насильник любит свою жертву. Охоту и охотников — в музей!»

Между тем поджигатели ударили по меховой ферме в Грюнмуре вблизи Фехты, дав красного петуха нескольким офисам и складу. В огне исчезли около 20 тысяч шкур общей стоимостью в 600 тысяч фунтов. Еще в 250 тысяч были оценены повреждения зданий. Другой фермер лишился 600 норок.

Необходилось и без потерь. Так, 10 активистов в возрасте от 20 до 60 лет попали под суд. Их обвинили в создании преступной организации, нацеленной на совершение поджогов и рейдов в лабораториях и других учреждениях, что привело к краже примерно 50 животных. Звучали прогнозы, что ребята будут сурово наказаны, но неожиданно судья проникся симпатией к мотивам активистов. В зале суда разрешили показать пленку о приматах из исследовательского центра в Пенсильвании. Активисты заявили, что именно эта запись подвигла группу на спасение лабораторных животных, и судья впоследствии назвал эти эксперименты ужасными. В заключительном слове он сказал, что его впечатлили возвышенные мотивы обвиняемых, которые «хотели помочь животным, освободив их из рук мучителей». После вынесения приговора, согласно которому наказания варьировались от небольших штрафов до испытательных сроков от 7 до 12 месяцев, судья закрыл процесс словами о том, что настоятельно советует подсудимым «продолжать бороться за истязаемых животных, но законными методами». Мне бы такого судью!

Швеция тоже поднималась. Разбуженный показом фильма о жестокости к животным шведский ФОЖ — Djurens Belfrielse Front — совершил свой первый рейд в июне 1985 года:

«Мы втроем отправились на первый в нашей жизни рейд. Лом и пара отверток — вот и все, что мы с собой взяли. Поздно ночью и в гробовой тишине мы прошли к огромному зданию в поисках идеального места для вторжения. Мы нашли его в виде довольно маленькой и очень старой двери. Мы впервые орудовали ломом, и после короткой борьбы с дверью она отлетела со страшным шумом.

Внутри мы бегали вверх и вниз по этажам, но никак не могли добраться до последнего. Спустились на первый и обнаружили лифт. С колотящимися сердцами и мокрые насковзь от пота, мы зашли в него и нажали на кнопку верхнего этажа. Что нас там ждало? После, как нам казалось, долгих часов, ни первый, ни второй, ни третий ключ не подошли к двери. К счастью, на ней не было сигнализации. Четвертый ключ отпер дверь.

Трое очень усталых и испуганных людей вошли в вивисекционное отделение. Впервые в истории Швеции посторонние проникли в подобную лабораторию. В тот момент мы еще не понимали, что практически творим историю. Мы всего лишь хотели вызволить собак. Мы заметили крыс в нескольких комнатах и, наконец, обнаружили помещение с собаками. Могли ли там оказаться большие злые псы? Мы медленно открыли дверь, и лай стал громче. Судя по нему, опасными собаки не были. Мы включили свет и уставились на свору биглей.

Их было так много, а мы могли взять всего двух. Мы недолго находились там. Все собаки были восхитительны и немного напуганы. Мы оглядели комнату. Конуры не закрывались, но все, что было у собак, это общение друг с другом. Там не было ни постелей, ни игрушек.

Как выбрать, кого взять с собой? Вопрос решился сам собой: две собаки были наиболее заинтересованы нами и даже отважились понюхать. Мы сбежали в лифт, быстро спустились вниз и рванули к ждавшей на улице машине. Мы не могли поверить в содеянное. Мы отвезли собак в безопасное место, дали им воды и большое мягкое одеяло. Мы заметили у одной из них вместо зубов во рту что-то металлическое. Губы другой были вздуты и странного цвета. Постепенно мы начали понимать, в экспериментах какого рода невольно участвовали собаки. Пародонтоз. Собакам давали мягкую еду, а кроватей и игрушек не было именно для того, чтобы они теряли зубы. Металлическая штука во рту одной из собак была вкручена прямо в челюстную кость. Здесь требовался ветеринар.

Четыре дня спустя о собаках уже хорошо заботились за пределами Малмё. Мы распространили пресс-релиз, объясняющий, что и почему мы сделали. Разумеется, газеты написали об этом, вообще не разобравшись. Они активно спекулировали на предположении о том, что британский ФОЖ заявился в Швецию! Мы написали “DBF” и “Угнетатели животных!” на стене рядом с помещением, где вивисекторы держали собак. Люди из самых разных велферистских организаций порицали акцию, говоря, что мы действовали как похитители, в связи с чем им жаль собак, и они уверены, что в лабораториях животным было бы лучше».

Это была скромная, хоть и незаконная, акция, но она возвестила о рождении шведского ФОЖ. Велферисты и здесь были в своем репертуаре — поносили активистов на передовой и тянули одеяло на себя. Но никакая критика не помешала шведскому ФОЖ продолжить свою работу по спасению животных с полной самоотдачей.

За один только 1985 год в Швеции 47 собак были спасены от вивисекторов и обрели новые дома. На сегодняшний день радость освобождения познали десятки тысяч шиншилл, норок и лис, что сопровождалось большим ущербом для их истязателей и крикливыми заголовками газет. Меховым фермам приходилось особенно

тяжко: атакам подверглись около 100 из них. Фермы и их поставщики постоянно подвергались саботажу, центры разведения лежали в руинах. Кроме того, в ходе бесчисленных нападений на склады активистам удавалось испортить множество лисьих шкур с помощью хны, что моментально снижало их стоимость до нуля.

Десятки морских свинок таинственным образом бесследно пропадали из поездов по пути в лаборатории; кролики исчезали из Института Зоологии в Стокгольме и из Университета Лунда. На протяжении следующих нескольких лет треть меховых ферм страны была вынуждена закрыться. В итоге на сегодняшний день лисьих ферм в Швеции нет вовсе, а из 17 шиншилловых продолжают функционировать только 6. Как-то активисты успели атаковать две фермы за одну неделю, освободив при этом всех животных и причинив такой урон, что обе фермы были вынуждены закрыться.

Но и в других странах не дремали.

В Голландии энтузиасты спасли около 500 батарейных кур с двух ферм в Дидаме и Бесте.

В США из селекционного центра в Блумингтоне в Лос-Анджелесе были похищены 115 кроликов. Огонь уничтожил недостроенную исследовательскую лабораторию Университета Калифорнии — ущерб был оценен в 3,5 миллиона долларов.

Французы освободили около 100 собак, кошек, кроликов, обезьян, крыс и хорьков из лаборатории в Лионе.

В Японии 29 диких обезьян, пойманных для нужд вивисекторов, были возвращены в природу. Активисты исписали стены во всем центре передержки и переломали в нем клетки.

В Италии с ветеринарной лабораторией простились сотни голубей, с фермой в Пордедоне — 4 тысячи норок, а с экспериментальным хирургическим центром в Падове — более тысячи мышей, кроликов и крыс, что обернулось для эксплуататоров ущербом в размере 40 тысяч фунтов.

Во Франции частная лаборатория по исследованию лекарственных средств лишилась 42 собак. Оборудование было разгромлено, бумаги уничтожены. Больница Сальваторе в Марселе подверглась нападению, в ходе которого удалось спасти 30 собак и 23 кролика, пока персонал смотрел футбольный матч. Условия содержания животных можно было мягко охарактеризовать как плачевные.

В Соединенном Королевстве тем временем поджигатели нанесли удар по мясокомбинату Рукке Biggs в Милтон-Кинсе и развели огонь, который принес ущерб на 10 миллионов фунтов. В Шотландии пламя нанесло серьезный урон Исследовательскому институту землепользования Макалея, проводившему опыты на овцах, коровах и козах, а также Центру исследований домашней птицы неподалеку от Эдинбурга.

Мы поработили всех представителей животного царства и обращаемся с нашими пушистыми и крылатыми дальними родственниками так скверно, что, без сомнения, если бы они основали свою религию, то изобразили бы дьявола человеком.

Преподобный Уильям Индж ¹

Это звучало не слишком правдоподобно, но официальная версия событий гласила, что новая «группа за права животных» совершила атаку на Британский Университет, используя мощную боевую взрывчатку. Университет славился опытами на животных, нанесенный ущерб исчислялся огромными суммами, зрелище было драматичным, и в этом смысле выбранная стратегия оказалась верной. Вскоре другая, никому не известная, «группа за права животных» заложила две бомбы под автомобили вивисекторов, и это были настоящие автомобильные бомбы. Происходящее представлялось, мягко говоря, диким. Попробуй разберись, что к чему. Время и место действия — Бристоль, 1989 год.

Одним ранним зимним утром в новостное агентство поступил звонок. Человек предупредил о том, что в баре «Здание совета» на территории Университета заложена бомба, которая должна была детонировать в течение дня. Полиция и команда саперов прибыли на место с натасканными собаками и провели трехчасовой обыск помещений. Не нашли ничего. 12 часов спустя в полночь взрыв бомбы разворотил бар. Как бы странно это ни было, но офицеры Специальной службы позднее сказали, что кто-то с ирландским акцентом взял на себя ответственность за атаку от лица Общества ущемленных животных. Ни о группе с таким названием, ни об этом загадочном ирландце больше никто никогда не слышал. Полиция обстоятельно пробежалась по домам всех известных активистов, но ничего подозрительного не обнаружила. Они явно искали не там. Они этого, разумеется, не знали, но список потенциальных людей с соответствующей мотивацией невозможно ограничить узким кругом подозреваемых.

А мотивация в данном случае была простая: бесконечные страдания миллионов животных, приносимых в жертву от имени человечества, — животных, которые ничего не сделали, кроме того, что не родились людьми. Этой мотивации вполне хватало здравомыслящим людям, чтобы нарушить закон. И не было ничего удивительного, что постоянно появлялись все новые активисты, готовые противостоять резне, практикуемой вивисекторами. Для каждого такой момент наступает по-своему, но результат всегда одинаков: ты видишь этот сумеречный мир монструозных реалий насквозь. В моем случае одной из первых картинок, повлиявших на восприятие вивисекции, когда закипела кровь, стала сцена из «Фильма о животных». Съемка была сделана в Портон-Дауне в графстве Уилтшир. Живую свинью в сознании перевернули вверх ногами, привязали к раме и начали прижигать паяльной лампой люди в белых халатах — «ученые» — до тех пор, пока ее кожа не покрылась коркой, после чего в качестве некоего абсурдного акта спасения эти выродки предложили свинье воды, вроде бы забыв об агонии, в которой несчастное животное только что пребывало по их

¹ Уильям Ральф Индж (1860–1954) — английский писатель, известный своими афоризмами, старший священник Собора Св. Петра в Лондоне, профессор богословия в Кембридже.

вине. Вот как правительство тестирует наилучшие способы убийства в своей секретной военной лаборатории в Портон-Дауне. Разве это не исключительно чудовищно?

Так или иначе, через несколько месяцев после взрыва в Бристоле Маргарет Баскервилль, ветеринар, вовлеченная в позорный бизнес, связанный с убийствами и заражением смертельными болезнями абсолютно здоровых животных, вышла из своего дома в Уилтшире и села в свой джип. Когда она сдавала назад, бомба, прикрепленная к ходовой части, взорвалась, отчего в машине повывлетали стекла, а сам автомобиль можно было сразу сдавать в утиль. Чудесным образом Баскервилль удалось выбраться через окно, отделавшись несущественными ранениями. Само собой, покушение на нее угодило в заголовки передовиц, и подавалось все так, словно зоозащитные группы регулярно проделывают нечто подобное! Движение — все движение — с этим не согласилось. Прежде чем пыль улеглась, из Бристоля вновь поступили новости.

Следующим утром сельский охранник позвонил в полицию, чтобы сообщить о подозрениях относительно соседской машины. Он сказал, что, похоже, она заминирована. Проблема была только в том, что он позвонил именно в те самые силы Эйвона и Сомерсета, которые не сумели обнаружить бомбу в университетском баре. В результате никто не удосужился даже выехать по вызову!

Спустя два дня взрывной механизм, который действительно был прикреплен к днищу машины бристольского вивисектора Макса Хедли, сработал, когда он ехал по жилой улице. И вновь лишь каким-то чудом раны водителя оказались минимальными. Пострадали случайные прохожие — ребенок, которого отбросило вместе с коляской, и его отец, получивший удар в спину летящей шрапнелью и в результате чего попавший в больницу.

Что ж, это была мечта любого писака и кошмар для каждого, кто был на стороне животных: в глазах общества все зоозащитники превратились в человеконенавистников, взрывающих младенцев. Тот факт, что пострадал ребенок, был ужасен, хоть и пострадал он несерьезно, но благодаря лихорадке СМИ, поддержка зоозащитных идей теперь приравнивалась к одобрению нападений на детей. Теперь ты мог любить либо людей, либо животных — общество ставило перед тобой выбор. И некоторые действительно выбирали! Я помню, как раздавал листовки против цирка в городе в 300 километрах от места происшествия, и один человек отказался взять у меня листовку, объяснив, что не желает иметь ничего общего с теми, кто взрывает детей. Втолковать ему что-либо было невозможно: его уже запрограммировали. Опыт показывает, что такие люди изначально не слишком любят животных и используют любую возможность, чтобы выступить против зоозащитников, доказывая, что для заботы о братьях меньших необходимо ненавидеть людей и что каждый активист несет ответственность за все движение.

Как всегда, близорукое, почти параноидальное в своей поддержке любых проделок вивисекторов, алчное Общество защиты исследований предложило награду в размере 10 тысяч фунтов за информацию о том, кто стоит за «взрывами ради прав животных». Подобная информация не поступила. Единственное, что смогло порадовать полицию, это арест Роджера Йейтса, который обосновался в Северном Уэльсе, после того как сбежал в ходе Шеффилдского процесса. Его снимок крупным планом растиражировали СМИ, назвав Йейтса главным подозреваемым по делу о взрывах в Бристоле, и буквально через три недели его уже арестовали.

Неубедительными были предположения, что люди, предпочитавшие простые устройства, сделанные из бытовых компонентов, взмахнули бы на принципиально новый уровень и начали использовать взрывчатые вещества большой разрушитель-

ной силы и ртутные выключатели, приводящие в действие автомобильные бомбы. Конечно, это могло быть делом рук ярых новичков со связями, но и на это не было похоже, особенно учитывая, что больше эти люди не давали о себе знать. Не меньше подозрений вызывал и тот факт, что жертвы мощных автомобильных бомб вышли из этого переполоха с несколькими ссадинами.

Движение было уверено, что здесь поработал кто-то, кто преследовал иные цели, будь то дискредитация зоозащитников или попытка отвлечь внимание. Верность этой теории подтвердила полиция, когда в конечном счете признала, что информация о сделанных кем-то из зоозащитников заявлениях о совершении взрывов, ложная. Тем не менее репутация движения была подпорчена. Брось немного грязи, и она быстро прилипнет. Когда огонь вспыхнул на пароме в Северном море, следовавшем из Швеции в Харвич на северо-востоке Англии в сентябре 1989 года, погубив двоих и ранив еще несколько человек, полиция увидела в случившемся возможность обвинить зоозащитников на том основании, что несколькими днями ранее 79 биглей задохнулись на борту парома по пути в лабораторию.

Но вскоре появились куда более весомые доказательства того, что зоозащитники непричастны к автомобильным бомбам. В полицию позвонил человек, представившийся лидером Британского общества за права животных, и взял на себя ответственность за присоединение взрывного устройства, начиненного гвоздями, к машине охотника в одной из деревень графства Сомерсет. Прибыла бригада саперов, живо оцепившая все в округе в связи с «произволом зоозащитников». Однако вскоре расследование выявило странные обстоятельства, доказавшие, что сложившаяся картина — лишь иллюзия.

Тщательный обыск криминалистов внутри машины позволил обнаружить гвоздь, идентичный тем, что нашлись внутри прикрепленного к запертой машине устройства. Детективы заключили, что либо активисты никому не известной зоозащитной группы побывали внутри автомобиля и оставили в ней гвоздь, что вряд ли возможно, так как следов взлома не было, либо зоозащитники тут ни при чем. Подозреваемых было несколько, но один мужчина (непосредственно владелец машины) вел себя подозрительно. Арестованный для дознания Алан Ньюбери-Стрит, известный охотник и президент Британской охотничьей выставки, в скором времени признался, что собственноручно заминировал свой автомобиль, а заодно взял на себя ответственность за две другие бомбовых атаки. «Я сделал это, чтобы дискредитировать идею о правах животных и связанные с ней ассоциации», — позднее сказал он в суде. Судья отправил его в тюрьму на девять месяцев, а вся эта заваруха заняла уникальное место в анналах как единственная история в хронологии борьбы за освобождение животных, связанная с автомобильными бомбами.

Это не мех

Поджигатели из ФОЖ хладнокровны, беспощадны и профессиональны.

Патрик О'Флинн, Birmingham Post

Помимо скверных новостей о «кровавых зоозащитниках», были и хорошие вести. Кто бы ни отвечал за составление заголовков, он помог людям вновь заговорить о правах животных и вивисекции. Изменилось лишь то, что вивисекторы начали побаиваться за свою жизнь и оглядывали днище машин каждое утро перед поездкой на работу. Что куда важнее, фанатик кровавых видов спорта был за решеткой. Между тем меховая индустрия продолжала переживать свой упадок.

В период 1988–1989 годов в Соединенном Королевстве закрылись 30 меховых магазинов, включая известный Edelson, который не выжил после направленной конкретно против него агрессивной кампании. Канадская компания Hudson Bay покинула Великобританию со словами: «В нынешних рыночных условиях организовать прибыльную деятельность в Лондоне не представляется возможным». Вскоре после этого освещающий индустрию журнал The Fur Review тоже заявил о своем закрытии. Это явилось результатом визита ФОЖ в редакцию и обещаний вернуться. Представитель издания прокомментировал решение владельцев следующим образом: «Решение принято в связи с акциями тех экстремистов, которые подбросили зажигательную бомбу в наше помещение на Рождество и предприняли ряд других угрожающих шагов после этого». Он был раздосадован, но по крайней мере честен.

Несмотря на то, что многие жестко действовавшие активисты на тот момент уже вышли из игры, антимеховая кампания достигла своего пика именно благодаря поджигательскому блицкригу в конце 1988 года. Нападениям подверглись магазины в Ливерпуле, Манчестере и Кардифе, Harrods¹, Selfridges и House of Fraser² в Лондоне, а также офисы Sears — компании, владеющей Selfridges. В декабре House of Fraser сообщил, что закрывает меховые салоны во всех 62 магазинах в преддверии Рождества. Вскоре его примеру последовал Harrods, который продал все свои акции в меховом бизнесе после 100 лет успешной торговли, объяснив это коммерческими и экономическими причинами, предлагая некогда безумно прибыльные норчьи шубы за половину от их цены в 80 тысяч фунтов. Отозвался и Oxfam³, изгнавший меховщиков из всех своих 830 магазинов. Ранней весной 1990 года последний розничный продавец шуб в лице Selfridges заявил о прекращении торговли. Прошли годы, прежде чем они изменили своему слову, и кое-какие изделия из меха проникли обратно в магазин, как это случилось и с Harrods.

Работая в связке с радикальными активистами, которые продолжали разбра-

¹ Harrods — всемирно известный лондонский универмаг, основанный в 1834 году и состоящий из 330 отделов самых разнообразных товаров, символ роскоши и аристократизма. Считается, что в Harrods можно найти все, а то, чего нельзя найти, уж точно можно здесь же заказать.

² House of Fraser — сеть универмагов в Великобритании и Ирландии, имеющая 1209 филиалов. Основана в 1849 году.

³ Oxfam — независимая международная благотворительная организация, занимающаяся «поисками надежных решений в борьбе с бедностью и социальной несправедливостью». Представляет собой конфедерацию из 14 организаций, работающую с 3000 партнеров в 100 странах мира. Имеет около 15 тысяч магазинов.

сывать зажигательные устройства, свою эффективность доказали группы, выказывавшие гражданское неповиновение. Громко протестующие люди занимали магазины, блокировали двери, и игнорировать их было уже сложно. В центре Манчестера и рядом мы формировали отряды для нападений на шикарные меховые магазины, один или два одновременно, поэтому перед глазами прохожих постоянно маячили изображения посаженных в клетку, попавших в капкан или изувеченных животных, которые мы демонстрировали на улицах с раннего утра и до позднего вечера каждый день.

Владельцы, люди средних лет, сидя в своих уютных магазинах, были вне себя. Они очень нервничали в связи с нашей активностью, талдычили, что это лишь вопрос времени, когда нам станет скучно, и мы бросим это дело. Что они много лет в бизнесе, и ничего не меняется. Протестующие уходят, а мех остается. Кроме того, тогда было очень холодно. Была середина зимы в Манчестере, порой мы стояли по одному человеку у магазина часами, ожидая, пока все точки закроются. Думали ли мы, что есть нечто куда более приятное, чем мы могли бы заняться? Категорически нет! Мы приняли решение и были непоколебимы.

Полиция становилась все менее дружелюбной, по мере того как звонки от отчаявшихся хозяев магазинов учащались. Сценарий повторялся изо дня в день. Это всех утомило, но ничто не двигалось с места. Хороших активистов в наших краях хватало. Находились и те, кто с готовностью прибывал поддержать нашу кампанию на улицах. Недели шли, и настроения людей постепенно менялись. Происходящее приводило нас в восторг. Мы хорошенько угнездились. Ряды покупателей редели, продажи падали, некоторые продавцы уже предлагали покупателям назвать собственную цену. Бизнес ощущал давление, поэтому атаки на протестующих усилились, а это всегда хороший знак. Один злобный, стареющий торговец, рекордсмен по потере прибыли, гонялся за активистами по улице, пытаясь рвать плакаты, после чего забегал обратно в магазин с видом воина-победителя, вернувшегoся с охоты.

Его жизнь изменилась с того дня, как мы начали делать баннеры из парашютного материала, который не рвался. Он тщетно пытался разорвать хотя бы один из них, потел, пыхтел и покрывался краской, бранился, плевался, крутил баннер вокруг фонарного столба, вставлял на него и даже пытался драть зубами! Смотреть на это было смешно и грустно, потому что мы понимали, как много для него все это значит. Перед нами был сломленный, униженный мужчина, который не мог вынести реальность. Спустя несколько недель после меховой выставки его магазин был выставлен на продажу. Мы одержали еще одну маленькую победу и немедленно переключились на следующий салон.

Они закрывались один за другим: Jindo Furs, Edelson, Kings, Glyn & Leinhardt. Вдобавок ко всему повсюду были огромные билборды, спонсируемые группой «Рысь». Они послужили мощным оружием и сыграли не последнюю роль в разрушении репутации меха. Но в 1990 году «Рысь» вызвали в суд. Иск подал владелец норковой фермы Суэлс-Моор в Западном Йоркшире. Основанием послужил тот факт, что активисты группы нарушили границы частной собственности, чтобы заснять происходящее на ферме. Суд обязал выплатить фермеру компенсацию за убытки, понесенные в связи с обнародованием внутренней информации, и это обанкротило группу.

За 25 лет до описываемых событий в Англии было около 1000 меховщиков. К началу 1990-х их насчитывалось около пары десятков. Статистика британского правительства показывала, что количество производимых изделий из меха существенно снизилось за последние четыре года 1980-х. Еще в 1984 году валовой доход индустрии

обрушился до 23 миллионов фунтов, что означало падение прибыли на 74%.

В Голландии продажи сократились на 90%, в Австрии и Германии — на 20%. Дюжина меховых магазинов в Мюнхене ушла с молотка. Владельцы обвиняли в банкротстве воинственные акции протеста и негативные документальные фильмы, а также новостные отчеты, ставящие под сомнение оправданность существования звероферм и трапперских методик. В Швейцарии меховая индустрия переживала 75-процентный спад потребительского спроса.

Согласно журналу *Auslands* за январь 1990 года, благодаря работе активистов торговля в Греции тоже шла под откос. Тем временем китайские власти проявили свое стремление к справедливости, посадив пять человек за незаконную торговлю мехом панды и осудив еще четверых условно.

Мощная международная антимерхоловая кампания началась в 1984 году вслед за большим успехом *Greenpeace* в освещении деталей охоты на бельков — душераздирающего зрелища, когда голову милого и совершенно беспомощного черноглазого белоснежного детеныша тюленя разбивают мужики дубинами с зубцами. Эти кадры облетели планету и вдохновили людей на отчаянные акции против меховой торговли.

Успехи антимерхоловой кампании пробудили и закаленных в боях активистов. Несмотря на все препятствия и подчас суровые реалии жизни участников движения за освобождение животных, все небезразличные получили ясные сигналы, возвещавшие о грядущих переменах. Кампании проводились на всех уровнях сопротивления. Всего десяток лет активности ФОЖ, и несколько маленьких побед сумели невероятным образом перевернуть ситуацию. Полиция уже была серьезно вовлечена в проблематику прав животных и тратила много ресурсов на это. Угнетатели животных в свою очередь теряли все больше нервных клеток и денежных средств. Были и другие люди, которым приходилось платить по счетам. Некоторые из них никогда бы не подумали, что станут объектом нападков освободителей животных.

Так, например, компания *Portakabin* поставляла свои портативные вагончики *Glaxo* для строительства крупной вивисекционной площадки в Херфордшире. Из-за причиненного машинам ущерба фирма понесла убытки в размере 50 тысяч фунтов. Не меньше был удивлен менеджер *PBS Cabins*, когда обнаружил зажигательное устройство в своей машине и команду саперов в саду. Тем самым активисты давали понять, что отныне ни один человек, помогающий хоть чем-то угнетателям животных, не может чувствовать себя в полной безопасности. ФОЖ внимательно следил за всеми.

В океан!

Руководствуясь желанием пообщаться с дельфинами, доктор Джон Лилли — который стал изобретателем техники имплантации электродов в мозг животных без анестезии, чтобы «стимулировать их зоны удовольствия и боли» — проделал дырки в их черепах с помощью острого инструмента и стальной молотка. По словам профессора Джорджио Пильери, «дельфина держали головой вниз, но он пытался выскочить из хватки при каждом ударе — не из-за боли, а из-за невыносимого стука молотка. Перенеся наркотическую зависимость и психические расстройства, спустя годы Лилли опомнился и сказал: «Я владел концентрационным лагерем, в котором держал моих друзей».

Уильям Джонсон, «Зверинец через розовые очки»¹

Вы когда-нибудь пытались выкрасть дельфина? Хотя раз в жизни думали об этом? Любой человек, побывавший в океанариуме Моркамба, непредвзято относящийся к такого рода «развлечениям», счел бы кражу дельфина неплохой идеей. Или просто у меня такой круг общения — состоящий из людей, которые в первую очередь думают о спасении животных, попавших в беду, и только потом о последствиях для самих себя. Животным в беде явно по нраву такие люди. Представления, которые проводятся в бетонных зданиях вроде океанариума Моркамба, вам не слишком придутся по душе. Они лишены как веселой, так и образовательной составляющих. Океанариум Моркамба был единственным таким местом, увиденным мной, и да, я ненавидел его еще до того, как там оказался, но суровая действительность превзошла все мои худшие ожидания.

Выглядело это вот как: дельфин плавал по продолговатому бассейну, где его держали в течение долгих лет, в то время как с другой стороны бетонной стены развлекательного центра били волны океана. Если бы жизнь дельфина по-прежнему оставалась в руках этих владельцев, ничего бы никогда не изменилось. Выход был один — кража. А точнее, освобождение из жестокого плена — спасение! Но освободить дельфина так, чтобы никто не заметил... хм! В смелых умах начал зреть дерзкий план. Кто-то может назвать его глупым или преступным, но давайте взглянем на вещи с позиции дельфина в бетонном аквариуме. Рассказывает один из участников освобождения:

«Мы решились на активные действия после того, как увидели Рокки. Мы начали наносить в дельфинарий регулярные визиты. Со временем стали подплывать ближе и плавать вместе с ним. Это оказалось хорошей идеей! Он провел большую часть своей жизни в этом загоне — даже морские львы, с которыми он делил судьбу, были отгорожены от него. Общение Рокки с людьми сводилось к выполнению глупых трюков для еще более глупой аудитории, награждавшей его мертвой рыбой! Конечно же, он полюбил нас! Он безумно страдал от химических ожогов, которые получал из-за добавок в воде; его спинной плавник был деформирован и изогнут ввиду непрерывного движения по кругу в бассейне. Рокки убивал других дельфинов, которых

¹ *The Rose Tinted Menagerie (1994)* — книга, позиционируемая издательством как «история животных в сфере развлечений со времен Древнего Рима вплоть до XX века».

подселяли к нему в аквариум на протяжении многих лет — классический случай психологического невроза как следствия заточения. Тренер классифицировал Рокки как опасное животное, но когда мы плавали с ним, он вел себя, словно нежный ребенок.

В день операции мы провели финальное тестирование оборудования (сеток для отлова и носилок), после чего пятеро из нас приехали в Моркамб на взятой напрокат машине. Был около пяти часов. Нужно было ждать до полуночи. Затем мы оставили авто на парковке возле отеля неподалеку от океанариума и продолжили путь пешком, прихватив все необходимое. Мел вскарабкался по стене здания с торца и впустил остальных — отпереть дверь изнутри не составило труда. Оставив дозорного, мы вошли внутрь.

Спустя полтора часа стало понятно, что, несмотря на все наши планы и подготовку, логистика перемещения 300-килограммового дельфина на 200 метров (в открытое море за стеной) неминуемо возвращала нас к чертежной доске. Мы закрыли все и пошли назад к машине, но прежде чем успели что-то сообразить, полиция уже маячила впереди и направлялась к нам. Кто-то из жильцов отеля заметил что-то подозрительное и набрал номер.

Момент был неподходящий. Мы тащили на себе кучу барахла, и бежать было некуда. Тем не менее мы рванули. Четверых в итоге арестовали, одному удалось уйти. Нас обвинили в попытке выкрасть дельфина стоимостью в 25 тысяч фунтов. Мы воспользовались правом хранить молчание и вышли под залог на следующее утро.

Когда нам вернули машину, мы обнаружили, что ребята, снимающие отпечатки пальцев, запылили абсолютно все: коврики, внутреннюю обшивку крыши, багажник, всю обивку сидений, даже двигательный отсек. На приведение автомобиля в порядок ушло три дня. Забавно, что в бумажнике, с которого сняли отпечатки, но в который так и не удосужились заглянуть, хранились все данные о скрывшемся активисте. Никому не пришло в голову заглянуть внутрь! Этот факт немного приободрил нас. Но все остальное не оставляло шансов. Помимо огромной сети для отлова и носилок для дельфина, объяснить присутствие которых на нашей «прогулке» мы не могли, помимо судьи, отказавшегося заслушать показания эксперта, подтверждавшего факт страданий, причиняемых дельфину заточением, — что убивало всю защиту, — была еще и полиция, которая бесстыдно лгала!»

После пяти дней, в течение которых продолжался суд, жители Нортхэмптона Джим О’Доннелл, Барри Хорн, Мел Брафтон и Джим Бакнер были признаны виновными в преступном сговоре и приговорены к выплате штрафа в размере 500 фунтов и еще 250 фунтов в качестве судебных издержек. Барри Хорн и Мел Брафтон получили еще и условные сроки.

Между тем для Рокки, уже забывшего обо всей этой суеде, пошел 20-й год в неволе. Но судебный процесс спровоцировал невероятную огласку. Люди начали задавать вопросы. Например, с какой стати дельфина держат в крошечном бассейне на блеклом пирсе в Ланкашире? Давление, оказываемое на владельцев, уже не позволяло им отмалчиваться, и они начали возражать, что Рокки уже никак нельзя отпустить обратно в дикую природу, потому что он не выживет без опеки специалистов. Это обычная мантра вивисекторов и охотников, использующих собак. Они якобы обеспечивают необходимую заботу. Это самообман, не подкрепленный никакими фактами. Я имел счастье повстречать многих прекрасно адаптировавшихся «беженцев», живших в радости на воле и неизменно приводивших меня к мысли, что либо люди, заявляющие нечто подобное, ничего не знают о животных, либо они — лжецы. Здесь явно одно из двух.

Рокки родился в дикой природе, но был пленен в юном возрасте и 20 лет провел в садке, выполняя трюки. Еще одного дельфина — самку по имени Леди — доставили из Уипснейдского зоопарка, чтобы она выступала вместе с Рокки. Но она была нездорова еще на момент транспортировки, а потом забеременела, к восторгу ее хозяев. В сентябре 1989 года у нее произошло кровоизлияние, и она умерла в своем бассейне. Рокки, далеко не самый счастливый дельфин в мире, снова остался один. Этот факт ничуть не огорчил работодателей — они уже успели похоронить 14 сородичей Рокки со дня открытия океанариума в 1965 году. В конце концов, в море еще полно дельфинов. Это место наполнилось скорбью, поэтому кампания против дельфинария Моркамба была начата с четкой целью положить этому конец. Агрессивные пикеты перед входом на протяжении всего рабочего дня, подчас затягивавшиеся и продолжавшиеся ночи напролет, давили на руководство и отвращали потенциальных посетителей платить за продолжение страданий Рокки.

Постоянное присутствие активистов было таким действенным, что продажи билетов упали и шоу отменили. В конце тоннеля забрезжил свет в виде возможного закрытия предприятия. Мотивировать людей на бойкот было сравнительно просто ввиду доступности в двух шагах других развлечений. Поэтому не было такого, чтобы семьи проделывали путь в несколько километров ради шоу, и уезжали неудовлетворенными: перед ними раскрывался весь остальной Моркамб, и дети не ныли, что было скучно. Кроме того, помогал тот факт, что семьи должны были идти по направлению к пикету на пирсе достаточно долго. У них было предостаточно времени, чтобы понять, что там происходит нечто не слишком радостное и вовремя развернуться. Более того, если кто-то непременно хотел увидеть дельфинов, для таких людей были дикие и свободные особи, резвящиеся в воде прямо рядом с пирсом! Ни одно жалкое представление не могло сравниться с красочной картиной естественного мира. Ни один вышколенный дельфин не будет так наслаждаться жизнью, как свободный. Общество обращало на кампанию все больше внимания, она набирала движущую силу день ото дня. В результате огласка росла, и давление на дельфинарий только усиливалось.

700 протестующих составили национальное ралли и промаршировали через весь Моркамб. Помимо прочих, были представители коммунальных служб, занимающихся вопросами здоровья и безопасности, Комитета экологической службы и местных органов самоуправления. Последние требовали убрать рекламу океанариума из муниципальной литературы, что нанесло бы предприятию серьезный удар. Это была совершенно легальная, но при этом очень эффективная форма экономического саботажа. Кампания была всеобъемлющей и временами сильно отклонялась от основной темы — дельфина, — концентрируясь на других, казалось бы, не имеющих к ней отношения вопросах вроде соблюдения правил пожарной безопасности и законности приобретения шин автомобилей. Но подобные вопросы тоже возлагали на океанариум тяжкий груз, помогая тянуть эксплуататоров на дно.

После нескольких месяцев захватчики Рокки, будучи не в силах дальше выносить все это и понимая, что делать деньги у них больше не получится, пришли к неизбежному решению. Через день после исчезновения океанариума из рекламных проспектов, руководство сообщило, что Рокки будет списан с баланса по окончании сезона, и они хотели бы об этом поговорить. Это была ошеломляющая новость, переговоры с протестующими начались незамедлительно. Месяцы, посвященные работе по освобождению, окупились, но когда это случилось, вдруг выяснилось, что ни у кого нет 120 тысяч фунтов на реабилитацию Рокки.

Однако эту работу требовалось проделать, и мы приступили к ней, чтобы, не дай бог, не явился кто-нибудь алчный с очередным бизнес-предложением. Берегитесь, берегитесь тех, кто всегда таится рядом с прекрасными животными, чтобы извлечь из них выгоду. Движению всегда не хватало денег, поэтому океанариум прибегнул к помощи Zoo Check¹ и национальной газеты Sunday, а также Фонда «Рожденные свободными»², что позволило дать старт проекту «В океан!», и деньги потекли.

Вопреки мнению самозваного «эксперта» относительно шансов плененных дельфинов на воле, Рокки вообще не понадобилось времени для адаптации, и вскоре он вовсю сам ловил рыбу. Через пару дней его уже видели в компании диких дельфинов. Это было потрясающим окончанием трагической истории и моментом истины для человечества, способного в одно мгновение исправить совершенное зло.

Два его сородича-узника из Брайтонского дельфинария вскоре разделили судьбу Рокки по аналогичным причинам. Мисси поймали в дельте Миссисипи в 1969 году, когда он еще был детенышем, а Сильвера, юного самца, пленили в Тайване в 1978 году.

Последовательность событий в процессе освобождения была такой же: активисты восстали против популярного курортного развлечения, разбудили общество и вызвали серьезные финансовые потери у эксплуататоров. Как выразился один участник кампании против дельфинария: «И все благодаря кучке бездельников».

Таким образом, оставалось последнее шоу с участием дельфинов во всем Соединенном Королевстве. Место действия — «Земля фламинго»³, Северный Йоркшир. Организаторы кампании в Моркамбе поставили перед собой задачу модернизировать «Землю фламинго», обеспечив освобождение трех ее узников: Лотти, Бетти и Шарки. Руководству предприятия эта идея не понравилась, и завязалась традиционная борьба. Шествие через главный вход часто превращалось в рукопашную между персоналом в полном составе и протестующими. Но история, приключившаяся с одним конкретным активистом, достойна отдельного упоминания.

Алан Купер был хорошо известен в зоозащитном движении благодаря своему режиму фитнеса, роскошной светлой шевелюре и бесконечным усилиям в сфере спасения жизней; особенно это касалось морских обитателей. Однажды кто-то распустил слух, что Купер сексуально домогался дикого дельфина. Невероятно, но полиция кинулась к нему домой в Манчестер и привезла в участок для допроса. Мало того, так Уголовный суд еще и предъявил Куперу обвинение! Никого при этом не волновало, что слухи распустили те самые люди, против которых выступали Купер и его друзья. История была фантастической хотя бы потому, что это редкий случай, когда полиция отреагировала на сообщение о том, что животному угрожает опасность. И уж совсем невозможно поверить, что обвинения были сняты только спустя год. Ущерб здоровью родителей Купера сложно переоценить, равно как и ущерб психическому здоровью нации, которая навсегда запомнила шутку про «человека, у которого был секс с дельфином».

Имея большой запас воли и сил сопротивляться, Алан Купер переждал бурю и продолжил участвовать в кампании до полной капитуляции торговцев дельфинами

¹ Zoo Check — бессрочная программа фонда «Рожденные свободными», учрежденная в 1984 году с целью улучшить условия содержания или, по крайней мере, избавить от ненужных страданий животных в зоопарках, цирках, морских парках и других развлекательных предприятиях, использующих животных.

² Born Free Foundation — британская благотворительная организация, основанная в 1984 году актерами Вирджинией Маккенна, Биллом Трэверсом и четырьмя их единомышленниками.

³ Flamingo Land Resort — открытый в 1959 году тематический парк и курорт, ежегодно привлекающий около 1,8 миллиона посетителей. Слоган: «Дикие животные и еще более дикие аттракционы».

два года спустя, в конце 1991 года. Так подошла к концу печальная глава в истории страны. Воротилы отбили свои деньги, продав дельфинов аналогичному предприятию в Швеции, где по сей день идет борьба за их свободу.

В 1970-е в Великобритании было 30 шоу с дельфинами. Сегодня нет ни одного. Взвешивая весь имеющийся опыт преднамеренных и случайных актов жестокости, смертей в ходе захвата и в процессе заточения, а также продолжительных страданий дельфинов, можем ли мы хоть на секунду усомниться в том, насколько бессмысленны и беспощадны подобные развлечения?

ДЕВЯНОСТЫЕ

Если бы потребовалось назвать одно-единственное моральное преступление, которое больше, чем какое-либо другое, можно считать преступлением против Бога, то это было бы беспричинное причинение боли этим созданиям. Он, Творец, создал их для жизни в счастье, но дал нам решать, даровать им свободу или отнимать. Словом, Он возложил ответственность на нас. Если мы обманываем его доверие и пытаем их, каково, выходит, наше к Нему отношение? Несомненно, так же, как грехи плоти выделяют человека среди ближних, так и грехи жестокости бросают его в противостояние и вражду с Божественным; он становится не сущим животным, а настоящим демоном.

Фрэнсис Пауэр Кобб¹, «Права человека, притязания зверя», 1863

Орем Кровавый

Отчасти это было предсказуемо: американские вивисекторы превосходили всех других в жестокости и изобретательности, и активисты ФОЖ в свою очередь реагировали соответствующим образом.

На 15-й год изучения депривации сна у кошек, профессор Джон Орем привинтил к их черепам стальные токовые клеммы и подключил металлические прутья к их ушам и ртам таким образом, что они не могли шевелить головами. Это были стереотаксические² приспособления, производимые какой-то компанией, известной только внутри индустрии опытов на животных, но продававшиеся на открытом рынке. Bilaney Consultants Ltd, базирующаяся в Кенте, характеризует модель 1404 как «инструмент общего назначения для проведения исследований с высокой нагрузкой, требующей повышенной устойчивости, оснащенный крупными стержневыми брусками и четкой опорной поверхностью, обеспечивающей возможность любого выравнивания лабораторных животных на неопределенные периоды времени. При смене переходников в работе с этим модульным блоком могут быть с одинаковой простотой и точностью использованы самые разнообразные животные от небольших приматов до кошек и мышей».

Вокруг глаз кошек Орема виднелись оголенные кости, в их трахеях были проделаны дыры. Кошек наказывали, если у них не получалось задержать дыхание, когда звучал специальный сигнал. В качестве экзекуции использовался выхлоп нашатырного спирта, от которого им было очень плохо и сильно жгло глаза. Орем Кровавый сделал карьеру, идя по кошачьим головам. Лишение сна было его специализацией. Считается, что он

¹ Фрэнсис Пауэр Кобб (1822–1904) — ирландская писательница, политический деятель и суффражистка. Основательница ряда зоозащитных организаций, в том числе Национального антививисекционного общества и Британского союза за отмену вивисекции.

² Стереотаксический метод — введение электродов в строго заданные участки мозга с исследовательскими, диагностическими и лечебными целями. При этом методе используются приборы, свободно продающиеся в РФ даже через интернет. На сайте одной компании можно найти следующие слова: «Стереотаксический аппарат для животных малых размеров, разработанный Дэвидом Копфом в 1963 году, многофункциональный и простой в обращении, позволяет выравнивать положение животных малых размеров для стереотаксического введения электродов, микропипеток, канюль и других приспособлений».

изобрел невероятное число способов заставить кошку проснуться, как, например, его «остроумный метод, предполагающий, что кошку помещают на небольшую деревянную планку внутри водоналивного барабана, и когда она засыпает, она падает в воду». Другие неординарные формы депривации включали понижение температуры до минусовой или принуждение к бегу на протяжении часа по непрерывно движущейся дорожке. Все это жизненно необходимые медицинские исследования, если вы вдруг забыли.

Лаборатория Орема располагалась в помещении Центра здравоохранения Техасского технологического университета, где огромное число кошек подвергалось пыткам на протяжении долгих лет. Но одним июльским днем Орему не повезло: небольшая группа протестующих разбила окно лаборатории и спасла пять кошек, нанеся ущерб оборудованию в 70 тысяч долларов: поломав электронику и забрав с собой часть устройств. Из лаборатории также были вынесены мозги десятков кошек. Их похоронили в поле диких цветов. Лишь несколькими из убитых кошек, судя по документам, живодеры дали имена: Флаффи, Альфальфа, Леди, Пепе. Другим достались только номера. Одно из спасенных животных — активисты назвали его Честер — было трехногим котом, который, согласно лабораторным документам, лишился конечности в результате «несчастливого случая». В его голове виднелось углубление, в которое были вставлены электроды. Его держали на фенобарбитале, чтобы контролировать припадки. У другого кота — рыжего и упитанного — были недоразвитые ноги. Что послужило этому причиной, ветеринар объяснить не смог. Назревал очередной национальный скандал.

Работая в связке с ФОЖ, профессиональные охотники за неприятностями РЕТА и доктор Кеннет Столлер (калифорнийский педиатр, чье решение высказаться против жестокости подлило масла в огонь) собрали пресс-конференцию, дабы опровергнуть заявления защищающей опыты на животных Национальной ассоциации биомедицинских исследований, которая утверждала, что «эксперименты Орема имеют потенциал для спасения детских жизней». По мнению ассоциации, продолжавшиеся 15 лет бессмысленные эксперименты по лишению кошек сна могли неожиданно обернуться «исследованиями, спасающими младенцев от внезапной смерти», ставящими всех, кто боится за своих детей, перед нелегким выбором — либо ребенок, либо кошка.

«Для начала Джон Орем должен представить доказательства практической пользы его работы», — сказал Столлер репортерам. «Я изучил его публикации и, что бы он ни исследовал, это точно не СВДС¹. На протяжении всей своей карьеры он играл миллионами долларов налогоплательщиков. Теперь он играет эмоциями семей, переживших СВДС». Неодобрение Столлера поддержали другие терапевты и ветеринары, видевшие бумаги Орема. Доктор Сьюзан Кливер охарактеризовала его проект как «один из самых отвратительных» из всего, с чем ей приходилось сталкиваться: «Я не могу придумать ни одного оправдания для проведения столь ужасающей работы. Жестокость, которой подвергались животные — это несмыслимый позор для всего научного сообщества». А доктор Уильям Уиттерт написал: «Исследование Джона Орема не имеет ни малейшего отношения к синдрому внезапной детской смерти. опыты за пределами жестокости, и кошек, совершенно очевидно, подвергали ненужным и невыносимым страданиям».

Так закончилась очередная, до боли знакомая всему антививисекционному движению история бессердечности, лжи и жульничества.

¹ Синдром внезапной детской смерти предполагает внезапную смерть от остановки дыхания внешне здорового младенца, при которой вскрытие не позволяет установить причину летального исхода. Иногда СВДС называют «смертью в колыбели», поскольку ей могут не предшествовать никакие признаки, часто ребенок умирает во сне.

Главный довод против вивисекции, основанный, — как привыкли считать некоторые индивидуумы и общества, — большей частью на этических принципах, подразумевает, с одной стороны, забросить сильнейшую и самую живучую практику из имеющихся у нас на вооружении, а с другой, отринуть политику перманентного заблуждения, которая откладывала все перспективы успеха ученых и медиков по меньшей мере на 500 лет.

The Animal Guardian, Лондонское и провинциальное
антививисекционное общество, 1918

Ужасы вивисекции получали неслыханную огласку, и любой, кто жаждал прекращения практики опытов на животных, стремился внести свою лепту. В Великобритании BUAV долгие годы делал то, что ФОЖ в одиночку в техническом плане не осилил бы — выставлял напоказ происходящее за закрытыми дверями. Аналогичным образом РЕТА укрепила свои позиции в США. Все прочие «уважаемые» группы предпочитали прильнуть к тем представителям СМИ, правительства и бизнеса, кто порицал нарушение закона, переводя внимание общества на нечто менее значительное. Работая в связке, все эти группы и отдельные люди придавали огласке творившиеся кошмары. Они представляли собой один большой пример того, как сплочением можно добиться целей нашего движения. Как следствие слаженных действий против одного врага, были достигнуты блестящие результаты в том, что касалось повышения осведомленности общества и обнаружения важных фактов.

Когда активисты ворвались в федеральный исследовательский центр в американском штате Мэриленд и вынесли оттуда 37 кошек и 7 поросят, вивисекторы попытались отвлечь внимание от обнаружения своей деятельности, заявив, что кошки серьезно больны и представляют угрозу заражения как тем, кто их освободил, так и широкой общественности. Они стремились опорочить РЕТА ввиду их поддержки освободителей, но национальный директор организации заявил, что о поддержке речи не идет, однако «РЕТА продолжит защищать животных в лабораториях посредством распространения информации, полученной из любого источника вне зависимости от того, легальный он или нет».

Да пусть нас порицают сколько влезет! Я почему-то убежден, что наши прапра-внуки не покачают головой со словами «Как можно было быть такими ужасными людьми, чтобы ворваться в лабораторию и разгромить ее?» Они скорее изрекут: «Люди действительно так поступали с животными? А что ты сделал, чтобы их остановить?» В Великобритании начала 1980-х BUAV обожали за лидерство в борьбе с вивисекцией. Союз гордо действовал в одиночку, отрешиваясь от налетчиков на лаборатории, но со сменой людей в верхушке группы отношение начало меняться. В течение этой эпохи в Соединенном Королевстве активистам Фронта удалось проникнуть в ряды BUAV.

Организация фокусировалась не только на жестокости к животным, но и на вреде, который плоды вивисекции причиняли человеческому здоровью. После смерти бескомпромиссного директора-аболициониста, доктора Уолтера Хедвена¹, BUAV за-

¹ Уолтер Роберт Хедвен (1854–1932) — терапевт, химик-фармацевт, президент BUAV. Выступал против обязательной вакцинации детей, так как отрицал микробную теорию инфекции.

тащили в болото, из которого он никогда так и не выбрался. На протяжении 1960-х и начала 1970-х в руководстве преобладали люди, настроенные менее радикально — они-то и смягчили подход, взывая к увеличению размеров клеток и сокращению числа экспериментов, вместо того, чтобы ратовать за их полное прекращение. В конце 1970-х это руководство было сметено новой волной бесстрашных активистов, пришедших к власти. Число членов десятикратно выросло, и скорая гибель вивисекции начала обретать очертания. Радикальный BUAV взрастил, обучил и проспонсировал целую плеяду важных деятелей. Возможность перемен была очевидна. Это длилось недолго, и в середине 1980-х «модернизаторы» (или лазутчики) начали работу по возвращению контроля над организацией и смягчению ее позиций, старательно подавляя любое сопротивление.

Под новым руководством BUAV сильно преобразился, и совсем еще недавно колючий Союз неожиданно заговорил не об отмене вивисекции как таковой, а о том, чтобы направить силы против экспериментов в косметической отрасли. Тем самым крупнейшая в мире антививисекционная организация заявила, что выступает не против опытов на животных, а только против тех из них, что «необязательны». Все остальное, на что вешался ярлык «исследования», допускалось. За считанные годы некогда грозный BUAV, ведший за собой радикальное движение к абсолютной победе, превратился в плюгавенькую либеральную кампанию «Выбери косметику без жестокости». Это был шаг назад.

Некоторые полагали, что BUAV захватили наивные, но полные энтузиазма и благонамеренные активисты, которые не хотели, чтобы их ассоциировали с ФОЖ, ставшим у СМИ мальчиком для битья как «разжигатель экстремистского насилия». Другие считали, что BUAV стал жертвой лазутчиков из фармацевтической отрасли, которые хотели ослабить давление на вивисекцию в целом. Разумеется, попытка более широкого распространения идей BUAV в обществе, несмотря на концепцию антививисекционных протестов с человеческим лицом, провалилась. Организацию высмеивали настоящие антививисекционисты и хвалили предвзятые СМИ.

The Liberator, некогда радикальная газета BUAV, поменяла свой формат и целевую аудиторию, перестав рапортовать о рейдах ФОЖ и других формах прямого действия. Шапка издания «Против любых экспериментов на животных» сменилась более конформной — «Остановить эксперименты на животных?», тем самым сглаживая аболиционистские углы, обрисованные активистами Союза около 100 лет назад. Приоритетом организации стала борьба с экспериментами, исчислявшимися несколькими тысячами в год от общей цифры в 3,5 миллиона. PR-ход не создал никакого резонанса, он лишь обесценил жизненно важный посыл тотального освобождения, которого раньше добивался BUAV. Чтобы смягчить эффект от смены позиции, BUAV высказался за запрет на использование пойманных на воле приматов — их должны были полностью заменить выращенные в клетках сородичи; опять же, это стало совершенно диким посылом, который не представлял никакой пользы для обезьян. Активисты прошлого ворочались в могилах. Это был конец BUAV.

Для ФОЖ и животных это не означало ничего хорошего. Если раньше активисты Фронта делали всю работу, брали на себя риск и отправляли животных по новым домам, добывая для BUAV полезную документацию, которую Союз предавал огласке, — и это партнерство приносило плоды, — то теперь СМИ отвернулись от BUAV, а сам он стал мерзким, поэтому осведомленность общества о том, что творится в лабораториях, и о том, и как эту проблему решает Фронт, стала намного меньше.

В результате деятельности Союза эксперименты в косметической индустрии продолжают по сей день — как и все те, которые BUAV предпочел игнорировать.

Включая и опыты военных и даже тестирования чистящих средств! Лишь некоторые исследования получали славу «суровых»; при этом люди имели право травить животных газом, морить их голодом, топить, бить током, ослеплять, бить, лишать сна и пространства, варить в кипятке, калечить и доводить до сумасшествия.

Закон от 1986 года разрешил вивисекторам проводить опыты на одном и том же животном, тогда как раньше животное могло подвергаться эксперименту лишь однажды. Эти «управляемые» страдания отныне считались необходимыми, как говорилось в отчете об исследовании, в рамках которого группе мартышек удалили часть мозга и ввели токсины, после чего держали в сознании, несмотря на очевидную боль и недомогание, при этом заставляя выполнять задания.

Первое негативное освещение этого нового закона осуществили Майк Хаскиссон и Мелоди Макдональд из Группы расследования случаев жестокости к животным (ACIG)¹. Они внедрились в Национальный институт медицинских исследований в Милл-Хилле в Лондоне и документировали происходившее в нем в период с декабря 1989 года по апрель 1990-го. Они засняли низкопробные эксперименты, проводимые 89-летним ветераном вивисекции, профессором Вильгельмом Фельдбергом, и его ассистентом, зоотехником Джоном Стерном. В 1950-е Фельдберг с радостью вводил морфий прямо в мозг находившихся в сознании кошек. Съемка ACIG доказала, что новый закон был дешевой.

На одном видео кролик демонстрирует первые признаки отхода от анестезии, а вивисектор тем временем бормочет что-то и показывает оператору, что кролик не в состоянии воспринимать происходящее вокруг. Когда он пытается сделать следующую инъекцию, то не может найти вену. Животные в его лаборатории либо умирают от чрезмерной дозы наркоза, либо приходят в себя посреди эксперимента.

На пленке Фельдберг готовится ввести большие дозы сахара животным, держа настольную лампу в миллиметре от их маленьких распятых тел на протяжении 20 минут, чтобы нагреть внутреннюю часть брюшной полости, доводя температуру внутри до 130 градусов по Цельсию. Для справки, вода вскипает при 100 градусах. Если этого недостаточно для того, чтобы убедиться в отвратительности работы Фельдберга, нужно упомянуть, что в лаборатории даже не использовали нужную анестезию. Следует добавить также, что все подобные процедуры контролируются «самым жестким законодательством в мире» — по крайней мере, именно это нам твердит Министерство внутренних дел.

Ирония ситуации заключалась в том, что, когда ACIG попыталась заинтересовать лондонские антививисекционистские организации сделанной записью, те отказались. Зато базирующаяся в Эдинбурге организация Адвокаты животных (Advocates for Animals) с готовностью взяла пленку и показала ее представителям МВД. Стыд и позор некомпетентности и бессмысленности творившегося в элитарном институте привели к тому, что после 40 минут просмотра записи чиновниками министерства исследования были моментально закрыты, а лицензия Фельдберга отозвана. Он не мог поверить в случившееся и заявлял, что все равно продолжит свои опыты.

Желая возродить прежние ценности организации, радикалы предприняли несколько попыток вернуть BUAV в руки активистов. Эти попытки достигли пика на ежегодном собрании организации и не имели успеха. Чем дальше, тем больше у

¹ *Animal Cruelty Investigation Group* — основанная в 1989 году организация, по сей день собирающая информацию о проявлениях жестокости к животным в кровавых видах спорта, вивисекционных лабораториях, промышленном скотоводстве, меховой промышленности и т. д.

ограниченных в средствах, постоянно рискующих на передовой активистов возникали подозрения, что BUAV управляется карьеристами, никоим образом не заинтересованными в запрете вивисекции.

У ФОЖ были друзья в высших чинах RSPCA, но, опять же, у ФОЖ, а не у животных. В середине 1980-х, в разгар крупномасштабных рейдов на меховых фермах, которые позволили освободить множество животных, RSPCA публиковала в национальных газетах рекламу: на изображении был злобный человек в балаклаве, перерезающий проволоку ограды меховой фермы с помощью болтореза. Объявление позорно выклянчивало у читателей деньги, выставляя активистов Фронта неизвестно кем. Текст под картиной гласил: «Наши сторонники предпочитают использовать ножницы — они знают, если вырезать купон и отправить пожертвование, это поможет животным больше, чем если перерезать ограду».

Многочисленные миллионы фунтов, полученные RSPCA в качестве милостыни, мало чем помогли в борьбе с торговлей мехом и чем бы то ни было еще. Более того, Общество развратилось настолько, что изобрело собственную печать одобрения под названием «Пища свободы», которую производители принялись лепить на упаковки с частями тел животных, прокладывая путь к сердцу сердобольных мясоедов в супермаркетах и бакалейных лавках. Я бывал на фермах, получивших признание RSPCA, и могу однозначно сказать: они просто омерзительны. Неудивительно, что организация держит названия и месторасположение этих ферм под большим секретом.

Более того, как сообщил в мае 1985 года журнал Time Out, RSPCA инвестировало 8 миллионов фунтов в такие компании, как ICI, Beecham, Fisons, Glaxo, Unilever и Boots: все они — беспринципные любители опытов на животных. Этим политика двойных стандартов не исчерпывается. Не менее шокирующим оказалось то, что в состав Национального совета RSPCA и в Комитет по экспериментам на животных RSPCA входили члены Общества защиты исследований.

Среди тех, кто пополнил ряды врагов зоозащитников, был директор организации «Помощь животным»¹ (AA) Марк Голд, который всегда первым вызывался говорить нечто не очень конструктивное об активистах-освободителях. Вдобавок AA распространяла не слишком лестные отзывы о ФОЖ по всем своим местным отделениям вслед за историей с автомобильными бомбами 1989 года: «Если мы хотим продолжить добиваться успехов, мы должны исключить из наших групп людей, чьи взгляды на стратегию борьбы фундаментально отличаются от наших. Мы считаем, что ФОЖ вел себя безответственно, позволяя своим последователям применять спланированное насилие, публиковать статьи, оправдывающие насилие, и отказываясь порицать кампании, включающие насилие. В связи с этим мы настоятельно рекомендуем нашим сторонникам не жертвовать средства ФОЖ и Группе поддержки ФОЖ, потому что у нас нет уверенности, что они не будут потрачены на финансирование террористических актов».

А вот и про антимеховую кампанию ФОЖ: «Эта кампания ФОЖ была мимо цели, представляла серьезный риск для жизни и привела к падению эффективной активности оппозиции торговли мехом. Эти зажигательные бомбы явились причиной провала в деле просвещения общественности относительно меховой индустрии».

Кое-что AA нашла сказать и про промышленное скотоводство: «Самые эффективные действия против таких систем — это не освободительные рейды ради спасе-

¹ Animal Aid — сформированная в 1977 году британская организация, которая называет себя крупнейшей зоозащитной группой, подчеркивая сугубо мирный характер проводимых кампаний.

ния нескольких кур и даже не съемка условий содержания свиней (хотя мы никогда не порицали подобные акции), а регулярная организация вегетарианских вечеров».

Наконец, вот документ, в котором звучат призывы чистить ряды от неблагонадежных членов организации вне зависимости от возможных последствий: «Мы призываем каждую локальную группу принять эту модель резолюции. Если это означает, что члены группы разойдутся во мнениях по вопросу и разделятся, это печально, но тем не менее необходимо».

Но и потенциального развала провинциальных групп АА оказалось мало — организация настолько увлеклась попытками изолировать освободителей животных, что выступила с угрозами против собственных членов: «Мы искренне надеемся, что ваша группа примет решение, основанное на резолюции совета АА — это позволило бы нам работать с вами без затруднений». Карательным резолюциям не было конца. Составление документа потребовало немалой работы. При этом он создавал скверное ощущение и разжигал рознь между активистами. Желание АА было четко прописано в самом документе: «Лишить террористические тенденции сил, финансирования и моральной поддержки».

Всего в 16-страничном документе слова «насилие» и «насильственный» упоминаются не менее 60 раз, «террор» и «террористы» — 16 раз, совсем как в низкопробной прессе. Не обошлось и без сравнений ФОЖ с ИРА. Любопытно, что помимо того, что ФОЖ не имел ни малейшего отношения к автомобильным бомбам, он всегда выступал с жесткой критикой насилия и никогда не планировал атаки на людей. Вообще, за все годы активности ФОЖ и десятки тысяч проведенных акций количество тех, кому был нанесен физический вред, легко можно пересчитать по пальцам одной руки. Я хочу подчеркнуть, что если в рамках этой книги я забуду упомянуть о каком-нибудь подобном факте, прошу уведомить меня об этом, чтобы я со стыдом признал ошибку.

Стоимость изготовления бомбы или зажигательного устройства минимальна — любой может сделать ее. Сигарета — это тоже зажигательное устройство! А вот спасение животных обходится недешево, и лишение ФОЖ финансирования было призвано серьезно усугубить и без того печальную долю тех, кто нуждался в помощи. В итоге бумага АА принесла движению бессмысленный урон и пустую трату времени, а кампаниям за права животных — сомнительную пользу. Что не помешало многим велферистским организациям взять примененный АА подход на вооружение.

Чтобы быть честным по отношению к национальным группам, вынужден признать, что не все их действия имели негативный отпечаток. С конца 1990-х АА уже больше не занималась нападениями на освободителей животных. Бразды правления взяли более просветленные руководители. Они сфокусировались на проблемах животных, несмотря на то, что все еще побаивались «пересечь черту», и признавали определенные достижения ФОЖ.

Внедрение и проникновение

Запрещено, согласно закону Торы, причинять боль любому живому существу. Напротив, наш долг избавить от боли любое создание, даже если оно никому не принадлежит или принадлежит не-еврею.

Код Еврейского Закона (сефардический сборник еврейских законов), 1560

Несомненно, некоторые группы, известные как «национальные», помогали ФОЖ, принося большую пользу в основном за счет работы под прикрытием. BUAV успешно внедрил Сару Кайт в Хантингдонский исследовательский центр в 1989 году. Кроме того, активисты проникли в Denisu Supplies, компанию, которая использовала в опытах отработавших свое на бегах борзых. Обнародование информации о происходящем в компании привело к ее закрытию.

Адам Спэр был внедрен в Королевскую лондонскую больницу в 1990–1991 годах; Терри Хилл — на ферму Шемрок в 1991–1992 годах; неизвестные лазутчики побывали в лабораториях в Уикеме и Хэмпшире в 1993 году и Харлане в Лестершире в 1998–1999 годах. Национальное антививисекционное общество (NAVS) оплатило внедрение Луизы Уолл в токсикологическое отделение SmithKline Beecham Медицинской школы в больнице Святого Варфоломея в Эссексе в 1990 году. Общество также спонсировало расследование секретных работ в токсикологической лаборатории Медицинской школы в больнице Святой Марии в Херфордшире в 1993 году. В свою очередь Лига противников жестокого спорта помогла Майклу Хаскиссону внедриться в престижную Кворнскую охоту¹, что позволило раскрыть ряд тайн охотничьего сообщества и обнародовать шокирующие изображения на полях смерти в Англии, попавшие в книгу Хаскиссона «Обманутые»².

NAVS также финансировало внедрение известного сегодня активиста (мы о нем поговорим чуть позже) в банду охотников на барсуков в Уэльсе в 1990 году. Это закончилось предъявлением им обвинений и первыми тюремными сроками. Между тем Национальная кампания против охоты внедрилась в группу охотников на лис в берлогах и поведала миру об их деятельности. Видеокамера оставалась излюбленным оружием в борьбе с угнетением животных.

В 1998 году Защитники животных (Animal Defenders) отправили команду опытных работников под прикрытием в связанную тесными родственными узами и преисполненную насилием цирковую империю клана Чипперфильдов. Они собрали поистине ужасающий материал против Мэри Чипперфильд, ее мужа и нанятого ими дрессировщика.

NAVS также оплатило внедрение активиста в Медицинскую школу Чаринг-Кросс и Вестминстера и в Институт Неврологии в период между 1994 и 1996 годами, а также завлек в ловушку кембриджскую компанию, разводившую биглей на опыты, в 1994 году.

¹ *Quorn Hunt* — одна из самых известных охот на лис в Великобритании. Проводится с 1696 года осенью и зимой по понедельникам, вторникам, пятницам и субботам. Понедельник и пятница — наиболее популярные дни, собирающие по 100–150 наездников и вдвое больше людей, передвигающихся на автомобилях, велосипедах и пешком.

² *Outfoxed* (1983) — см. Приложения.

В 1997 году PETA внедрила активистов в Хантингдонский центр в Нью-Джерси, США. Организация также обнародовала факты издевательств над животными в лаборатории L'Oreal, страдания обезьян в Институте поведенческих исследований в Силвер-Спринге, отравление животных сотрудниками Gillette, резню птиц от лица KFC, условия на норковых и свиных фермах, пытки Wyeth-Ayerst Pharmaceuticals¹ беременных кобыл из-за их богатой эстрогеном мочи и т. д.

Организация «Уважение к животным» (RFA)² оплатила расходы активиста, который снял видео на норковой ферме Кроу-Хилл в Хэмпшире в 1997 году, обеспечив тем самым необходимые основания для предъявления первых для этой отрасли обвинений в жестокости против владельцев. Каждое из них представляло собой шокирующее разоблачение: рутинную, систематическую и неизбежную жестокость на предприятиях, которые по идее должны подвергаться регулярным государственным инспекциям. Подробности будут чуть позже. А пока забудьте об этом — это уже история. Перед вами лишь краткое изложение пропущенных серий, необходимое для понимания того, почему люди делают все это ради животных...

В одной только маленькой Британии по-прежнему существуют миллионы животных, которых ежегодно используют в лабораторных экспериментах. Свыше 700 миллионов убивают ради продуктов питания. Многие сотни тысяч уничтожают в рамках охоты и травли. Примерно тысячу собак и кошек каждую неделю усыпляют только потому, что общество жаждет соблюдать требования бридинга. Огромное число животных различных видов ловят в дикой природе и разводят в неволе для индустрий моды и развлечений. Все эти страдания необязательны. Кроме того, в США и других странах уже официально признано, что многие из самых известных серийных убийц начинали свой кровавый путь, расправляясь с животными, однако наше общество продолжает оправдывать подобное поведение, обесценивая жизнь, и при этом называет себя цивилизованным.

Когда вивисекторы утверждают, что заботятся о благосостоянии пытаемых и убиваемых животных, они — по определению — уже невосприимчивы к страданиям. Взять, к примеру, метод, используемый в лабораториях, чтобы идентифицировать мышей в переполненных клетках: на протяжении десятилетий вивисекторы отрезали у них один или несколько пальцев или проделывали дырки в ушах. И все это до начала экспериментов! Одной мысли о чудовищной муке, переносимой животными, которых держат всю жизнь в тесных клетках, должно быть достаточно, чтобы сделать бессонными ночи всех ответственных за это, но, разумеется, немногие отваживаются выступить против них, и немалую роль в этом играют СМИ.

Но информация меняет людей. Вот что сказал мне один человек, которого я спросил, считает ли он правильным свое решение стать активистом ФОЖ: «Образы начали просачиваться в мое подсознание; они преследовали меня и пробуждали во мне что-то. Я лежал в постели однажды ночью, разглядывая потолок, и думал: вместо того чтобы изводить себя, я мог бы потратить это время конструктивно. Я вышел из дома примерно в 3 часа ночи, сел в машину и примерно час ехал на ферму, которую знал еще с детства: гуляя в тех краях, я и другие ребята передразнивали птиц, которые

¹ Wyeth-Ayerst Pharmaceuticals — некогда одна из крупнейших фармацевтических компаний мира со штаб-квартирой в Мэдисоне, штат Нью-Джерси. Была приобретена компанией Pfizer в 2009 году за 68 миллиардов долларов.

² Respect For Animals — зоозащитная, антимеховая организация, образовавшаяся в 1980-х на руинах закрывшейся группы «Рысь» (Lupx).

издавали разнообразные звуки. Я вылил растворитель краски на Land Rover фермера и замазал несколько замков клеем, после чего вернулся домой. Не могу сказать, что после этого у меня не было проблем со сном, но так хорошо, как той ночью, я себя еще не чувствовал».

Кур так же, как раньше, впихивают по пять особей в одну клетку в неестественном окружении тысяч других птиц. Они не могут удовлетворять даже такие основные нужды, как откладывание яиц в уединении или валяние в пыли. Они с трудом двигаются, не говоря уже о том, чтобы расправить крылья. Их жизнь наполнена грязью, они не знают свежего воздуха, а их пищу можно в лучшем случае охарактеризовать как унылую. Болезни, агрессия, каннибализм и невротические нарушения в таких условиях типичны. Кроме того, животным постоянно дают лекарства, чтобы решать сопряженные с таким образом жизни проблемы со здоровьем.

Это называется ветеринарными исследованиями. Дабы предотвратить ущерб, возникающий в результате нападения одной курицы на другую, фермеры отрезают им кончики клювов, причиняя при этом неистовую боль. Когти некоторых птиц прирастают к прутьям клеток, в которых они проводят свои короткие жизни. Такие куры поступают на бойню без ног.

Рыская возле бойни однажды ночью, я увидел батарейную курицу в ящике вместе с другими. Она истекла кровью до смерти — кровь вытекла из дыры в том месте, откуда раньше росла нога. Мы пытались достать ее, но не смогли, потому что ящики стояли один на другом в кузове грузовика, а курица была в нижнем. Путь на бойню закончился тем, что ее кровь залила всех кур, какие были рядом.

Результаты исследования Бристольского Университета гласят, что около 24 % бройлерных кур (то есть тех, которые выращиваются на мясо) страдают от сломанных в ходе транспортировки на бойню костей. Даже беглый взгляд на то, как обращаются с этими созданиями, подтвердит правдоподобность вышеупомянутых данных. В лучшем случае птицы влачат жалкое существование, непрерывно глядя в лицо насильственной смерти. Путь на бойню — кошмар сам по себе, и все, что закон в состоянии предложить этим животным, — это небольшой отдых, чтобы отойти от травм поездки, наслаждаясь видами, звуками и запахами скотобойни. И дело здесь не в сострадании палачей, а в том, что эти птичьи мучения негативно сказываются на вкусе мяса.

Поросят кастрируют и обрезают им хвосты без анестезии. Молочные телята больше не перевозятся в ящиках по Соединенному Королевству: эта практика в стране запрещена, но система столь жестока, что их доставляют через Ла-Манш. Разве не удивительно, что на смену политике, которая официально подвергалась критике за свою жестокость и впоследствии была запрещена, пришли еще более жестокие альтернативы, которые отстаиваются и получают повсеместное одобрение закона? Любой здравомыслящий человек признает, что разлучение матери с ее детенышем через несколько дней после рождения — это сильнейший эмоциональный удар, исключительно жестокий. Скорбь молочных коров, томящихся в разлуке, обстоятельно и многократно задокументирована.

Моей первой работой на молодежной профподготовке в школе было помогать на молочной ферме, и самым сильным воспоминанием о том времени остался плач коров в полях. Они маялись в бесплотных поисках своих телят, которых у них забрали. Участь отлученных телят — тоже предмет стыда: погруженные в грузовики ранним утром, недели от роду, они присоединяются к таким же испуганным и осиротевшим животным. Их везут сотни километров из голландских или французских ферм, где

они провели свои первые дни, в темных и маленьких деревянных ящиках, их кормят пищей с недостатком железа, чтобы плоть оставалась такой же нежной. И для чего все это? Для того чтобы усладить вкус одного человека и наполнить карман другого. Причем те, кто истребляют царство животных и причиняют ему непередаваемые страдания — это люди, называющие своих критиков монстрами. Что подумают, узнав об этом, ваши внуки? Что вивисекторы, забойщики и политики правы? Или что животные заслуживают того, чтобы их кто-то защищал?

Пропаганда и домашняя птица

Подсчитано, что около 1000 человек были оправданы по уголовным преступлениям из-за мотивов, которыми они руководствовались. Следует отметить, что большинство этих людей не попали бы в поле зрения полиции, если бы не эти мотивы.

Брифинг ARNI, июнь 1988

1980-е были десятилетием невероятных побед движения за освобождение животных — десятилетием, которое принесло нам поколение активистов, способных воспользоваться достижениями своих предшественников. На протяжении 1990-х движение страдало от недостатка организованности и сплоченности, в связи с чем наметился определенный застой. В каком-то смысле это было неудивительно. Постоянно представляя себе истинные громадные масштабы задачи, легко поддаться апатии, это происходит время от времени. Для кого-то это было слишком, и такие люди выпадали из активной борьбы. Многие приходили, а потом уходили. Другие оставались на передовой — ждали, учились, учили и поддерживали в движении жизнь.

«Подстрекательские» страницы Группы поддержки ФОЖ на какое-то время исчезли, заглушив голос Фронта для широкой общественности. Исчезла пропаганда Лиг и BUAV со страниц журнала «Освободитель». Массовых акций не стало, многие ключевые активисты оказались за решеткой. Движение нуждалось в хорошем, ободряющем пинке под зад — искре, которая помогла бы зажечь костер возрождения и оживить боевой дух. Как и в жизни в целом, в движении за права животных были взлеты и падения, периоды повышенной активности, за которыми следовала бездеятельность. Временный застой был затишьем перед бурей, а буря уже назревала.

По мере того как рядовые члены лишились опоры BUAV и других организаций, местные группы начали бурно развиваться и стали необычайно эффективны в вербовке новых активистов и проведении кампаний. Времена, когда BUAV, NAVS и AA планировали акции и приглашали весь мир в них участвовать, уходили в прошлое. Большие дяди продались в глазах активистов, а в случае с вивисекцией и вовсе вернули ситуацию на несколько шагов назад. Для активистов на передовой BUAV был слабым и бесхребетным. Срок годности Лиг освобождения животных истек, а Группа поддержки ФОЖ была искалечена, поэтому за отсутствием лидеров активисты продвигались вперед своими силами.

Шли они в тупик или в верном направлении, никто не знал, но было уже слишком поздно пытаться обуздать возобновление рейдов. Несмотря на временное затишье, всегда имели место закулисные дела: планы, встречи, обсуждения, сбор информации. Идея операции «Освобождение» плотно сидела в головах активистов.

Подобные мысли послужили причиной появления 1500 копий документа под названием «В 1990-е с Фронтом освобождения животных», анонимно распространяемого среди участников движения. Текст, по сути, повторял сказанное другими словами в «Интервью с активистами ФОЖ». Авторы 16-страничного документа стремились сплотить активистов и дать детальные пошаговые инструкции по уничтожению всего подряд — от окон магазинов и систем сигнализации до автомобилей и зданий. В тексте присутствовали инструкции и схемы сборки зажигательных устройств и рекомендации по работе с прессой. За документом последовали и другие подстрекатель-

ства на бумаге, включая «Неэлектрические зажигательные устройства», призванные вдохновить на поджоги, а также «Активист», еще одно руководство для бойцов ФОЖ.

Журнал Arkangel давал менее радикальные материалы, но это вполне прости-тельно, учитывая, что его редактор Ронни Ли во время публикации издания отбывал тюремный срок. Он ежедневно получал письма поддержки наряду с отчетами о про-веденных в мире акциях, начиная от прорывов тоннелей для лягушек под дорогами и заканчивая поджогами на меховых фермах. Эти тексты и составляли основное со-держание журнала. Arkangel, безусловно, выполнял для ФОЖ свою работу в СМИ, с самых первых выпусков публикуя сводки освободительных рейдов вкупе с акциями обнаженных протестующих и оплаченных рекламодателями прыжков с парашютом во имя прав животных. Журнал собирал все события, стремясь «проповедовать еди-нение, взаимоуважение и сотрудничество внутри движения». Большая часть перво-го номера, отредактированного Вивиан Смит, была посвящена взглядам на прямое действие, равно как и новостям о работе не менее 165 местных групп в стране; кроме того, выпуск содержал перечень наиболее впечатляющих национальных кампаний и международных новости.

С его выходом совпало образование Разведывательного управления освобожде-ния животных (Animal Liberation Investigation Union — ALIU). В их манере было про-никать в лаборатории, офисы, на фермы, брать любые документы и ухаживать с ними, что с точки зрения правопорядка представлялось вполне легальным делом. Брешь в законодательстве позволяла одному человеку забирать собственность другого, в слу-чае если не было доказательств того, что он изъяс эту собственность насовсем (а не позаимствовал на какое-то время). Это означало, что документы, которые возвраща-лись владельцам, нельзя было считать украденными.

Ячейки ФОЖ реформировались, перезаряжались и эволюционировали. К началу 1990-х группы Фронта совершали крупномасштабные освободительные рейды по од-ному в месяц. Малокалиберные операции тоже проводились — таких насчитывалось 70 за период 1990–1991 годов и первую половину 1992-го. На свободе оказались тыся-чи зверей, птиц и рептилий. Активисты вновь держали прямую связь с журналистами, несмотря на опасности подобной близости. Результаты съемок рейдов и сцен жесто-кости к животным вскоре были переработаны и объединены в документальное ви-део под названием «Освобождение животных. Кино» (Animal Liberation — the Movie). Это был захватывающий и информативный опыт — новый способ донести свое по-слание.

Были и громкие дела. Например, яичная ферма в Давентри, графство Нортх-эмптоншир, принадлежавшая монастырю Дев Страсти и управляемая монашками, стала настоящей Меккой для всех целеустремленных активистов. Она подвергалась регулярным ночным набегам, в процессе которых активисты причиняли ущерб и вы-носили кур. Местные жители не то чтобы были на стороне людей, которые содержали птиц в ужасных условиях; аборигены заняли их сторону, просто потому что они были монашками. Если бы монашки действительно служили Богу, наверное, они питали бы больше уважения к Его творениям. Однако «сестры» были радикальны в своем безразличии по отношению к птицам в клетках, в этом плане ничем не отличаясь от всех прочих угнетателей животных. Доверие к монашкам у меня пропало еще после историй о том, как мерзко они обращались с моей матерью и сестрой в 1940-е, однако для меня все равно стал своего рода шоком облик их агрессивной и бесчувственной толпы.

Парламентский заместитель министра Эдвина Карри¹ сделала для кур то небольшое, что смогла, когда объявила во всеуслышание, что есть яйца небезопасно из-за риска подцепить сальмонеллу. Конечно же, парламент сам был не в восторге от происходящего, а уж индустрия и вовсе пришла в ужас. Общественность тем временем взбесилась, и продажи яиц скатились почти к нулю.

Промышленное птицеводство ответило заявлением, что если яйца правильно готовить, никакого риска для здоровья они не представляют. Но отмыться было уже непросто. Правительство посчитало необходимым утихомирить народ, проверив каждую курицу на наличие вируса сальмонеллы и уничтожив всех зараженных птицы. Общий приговор прозвучал, но прежде чем убийцы смогли сделать свое дело, группы ФОЖ подсуетились и забрали сотню птиц с фермы. Души остальных монашки отправили к Создателю и избавились от трупов.

После дезинфекции клеток система должна была заработать вновь и уже ожидала новых жертв, но неуклонно растущее давление, а также цена починки испорченного оборудования и нанесенный акциями протеста позор привели к решению монашек отказаться от сомнительного производства. Они не переосмыслили своих представлений о Боге данным праве на жизнь. Мотивировка закрытия их бизнеса была такой: «Защитники животных заставили нас».

Вскоре после этой победы активисты ФОЖ похитили 20 грызунов из средней школы Тонбриджа в Кенте. Животных предполагалось использовать для наглядных демонстраций вскрытия, но после того, как школьное начальство получило послание зоозащитников, программа была закрыта, уступив место более современным методам изучения внутренностей мышей. Классическая акция ФОЖ — заразительный пример для любого, кто готов ему последовать.

¹ Эдвина Карри (р. 1946) — член парламента от Консервативной партии в 1983–1988 гг. Лишилась своего кресла именно из-за скандала с яйцами и сальмонеллой.

Кокспэрроу. Последняя битва

Святые чрезвычайно любвеобильны и нежны к роду людскому и даже к диким зверям... Несомненно, мы должны проявлять огромную доброту и кротость к животным по множеству причин, но прежде всего потому, что они того же происхождения, что и мы.

Иоанн Златоуст

Несколько недель спустя ферме Кокспэрроу был нанесен последний удар. На тот момент она была самой известной из четырех остававшихся в стране меховых ферм, выращивавших песцов. Акции против Кокспэрроу продолжались год за годом. Национальные демонстрации собирали до 1500 человек в противовес агрессивным полицейским, размахивавшим дубинками. Отдельного упоминания заслуживает памятный пикет, в ходе которого несколько демонстрантов прорвались сквозь кордоны на территорию фермы и сильно досадили владельцу.

Зачастую проезжавшие мимо группы саботажников охоты, которые либо рано заканчивали свои дела, либо не заставляли убийц, навещали ферму Кокспэрроу и куролесили на ее территории. Окрестные жители нередко наблюдали, как 30–40 нечесаных активистов высыпали на поля и выводили из себя хозяина, который несся к телефону, чтобы вызвать полицию. В 80-е и 90-е, когда саботаж охоты собирал целые толпы, считалось нормальным закончить день вторжением на меховую ферму или подобное ей предприятие. Но в этом районе ни одному другому бизнесмену не наносили визит так часто, как владельцу Кокспэрроу. Песцы безостановочно бегали за высокой оградой фермы по нескольким квадратным метрам проволочного пола, выделенным на каждого. Их разводили по всему миру: в Финляндии, Северной Америке, Западном Йоркшире и здесь. Когда-то это волновало лишь горстку людей. Но время шло, песцы в клетках страдали, и вот настал черед фермеров страдать.

Общественность очень обеспокоило происходящее в Кокспэрроу. Условия содержания на ферме были настолько плохими, что даже беспринципная Британская ассоциация торговцев мехом отказалась ее поддерживать. Хозяин фермы Нирбахал Сингх Джилл, азиатский бизнесмен, слушал, что мы ему говорили, но воспринимал вещи иначе. В его представлении он присматривал за песцами из-за их меха, так что они не страдали по определению. Он был не в состоянии понять, что в этом-то и заключалась часть проблемы: он крайне скверно присматривал за песцами!

Джилл был ленивым человеком и сильно пил. Кроме того, его жизнь определяли привычки, и если за одними фермерами закрепилась репутация людей, которые патрулируют свои территории в поисках непрошенных гостей, то Джилла частенько видели в пабе по вечерам, и домой он возвращался не раньше того, как допивал стакан перед самым закрытием. Некоторые активисты заметили это и заключили, что он был легкой добычей.

Бизнес Джилла явно проседал под тяжестью нападков. Пара местных активистов даже предложила ему выкупить песцов. Они явно больше не были ему нужны. Все понимали: если Джилл откажется, шансы, что однажды ночью его песцы исчезнут из клеток навсегда, очень велики! На ферме, где когда-то жила сотня песцов, теперь оставались всего три десятка — остальные умерли в клетках. Сторожевые собаки ели части их тел, разбросанные по территории. Джилла не смущал даже тот факт, что им и его предприятием интересуется Санэпиднадзор.

Активисты решили предпринять еще одну попытку проникновения, невзирая на наличие психованных цепных псов. Большая часть вылазок до этого заканчивалась тем, что собаки начинали лаять, Джилл выпрыгивал из дома, а его невероятно бдительная жена вызывала полицию. Это случилось с уже наскучившей периодически, но однажды от местного жителя, симпатизировавшего активистам, поступила информация, что всю вторую половину дня воскресенья хозяев не будет дома. Последующая разведка подтвердила, что это так, а сторожевые собаки — крепко пристегнуты. Их лаянье было бесполезным, потому что реагировать было некому. Через час все 27 песцов были вывезены с территории. Потом активисты переломали клетки. Всего час с небольшим, и некогда известная ферма Кокспэрроу превратилась в месиво из свалявшейся ржавой проволоки и прутьев, на которое взирали не на шутку взбешенные немецкие овчарки.

Ни один пушной зверь больше не жил и не умирал на ферме Кокспэрроу. Лишившийся песцов, сбитый с толку Джилл впоследствии досаждал властям, без конца подавая заявки на разрешение обустройства птицефабрики. К счастью, он неизменно получал отказ. После того как позорный бизнес был сокрушен и Джилла все оставили в покое, он со временем признал, что благодарен тем, кто заставил его отказаться от бизнеса, который теперь называет не иначе как «ужасной торговлей».

*Находим применение всему, что за собой
Оставил за ненадобностью человек любой.*

Уомблы¹

Руководство лаборатории Оксфордского университета в Парк-Фарме между тем начало чувствовать себя комфортно: вот уже четыре года их никто не донимал. В последний раз до Нового 1990 года к ним приходили в 1985 году. Но вот пробежал слух о том, что «на Парк-Фарм опять напали»...

Планируя дать старт новой эпохе, сделав нечто достойное освещения в печати, активисты провели дюжину тайных собраний на придорожных станциях техобслуживания, обсуждая, где бы взять достаточно домов, чтобы приютить «столько биглей, сколько возможно». Лишь несколько человек знали детали операции, но участвовали в ней очень многие.

Мало кто мог предположить, что акция пройдет среди бела дня. Здесь имелась подоплека. Канун Нового года пришелся на воскресенье, и в лаборатории не было ни одного сотрудника. Чтобы миновать сигнализацию, активисты были вынуждены лезть через створки для собак в дверях. Через час 35 биглей покинули конуры. Для поимки этих очень подвижных собак активисты использовали импровизированные шесты с арканами. Это был энергозатратный и несколько унижительный, но эффективный труд, и вскоре собак увезли в багажниках микроавтобусов — целое племенное поголовье стоимостью в 10 тысяч фунтов. А уж вернуть их стоило бы куда больше, учитывая, что вскоре фургоны вовсю неслись мимо населенных пунктов по трассам M25, M23, M1 и M6...

Акция придала Рождеству, Новому Году и Пасхе дух настоящих праздников, и активисты ФОЖ по всему миру прониклись атмосферой мира, любви и доброй воли. Коль скоро общество стремится постоянно увеличивать эксплуатацию животных и жестокость по отношению к ним, чтобы как можно лучше отметить то или иное событие (в первую очередь это касается животных, которых «принято есть», и тех, которых используют в сфере развлечений), у активистов появляется хорошая возможность сделать заявление и вызволить бедняг.

Так ребята и поступили: из Университета Говарда в Вашингтоне пропали 36 кошек; с фермы в Ройстоне в Хертфордшире — 25 батарейных кур; из лаборатории в Мартинсриде в Западной Германии — 11 кошек, из медицинского центра Университета Калифорнии в Лос-Анджелесе — 12 собак; из лаборатории в Онтарио в Канаде — 3 кошки и обезьяна; из лаборатории в Нюрнберге в Западной Германии — 114 морских свинок; из лаборатории в Блумингтоне, штат Калифорния — 115 кроликов; из Оксфордского университета — 64 кошки; со скотобойни на Лейден-стрит в Лондоне — 71 батарейная курица; из Университета Эссекса — 200 мышей; с фермы Норфолк-Коттедж — 600 кур. Кроме того, в Лютоне, графство Бердфордшир, активисты

¹ Уомблы — длинноносые вымышленные зверьки, придуманные писательницей Элизабет Бересфорд, которая написала о них несколько сборников рассказов в период 1968–1976 гг. Широкую известность уомблы получили благодаря телесериалам, выходившим с 1973 по 1975 гг. Уомблы живут в Уимблдоне в Лондоне в своих норах и занимаются тем, что собирают и перерабатывают мусор необычными и эффективными способами. Уомблы стали своего рода талисманом экологов 1970-х, а девиз «Полезным делай мусор бесполезный» — одним из слоганов движения за защиту окружающей среды.

сожгли три принадлежавших скотобойне грузовика, а в Голландии замки 80 ресторанов, продававших лягушачьи лапки и дичь, были залиты клеем. На День подарков «Морской пастух»¹ сделал всем презент, потопив норвежский китобойный катер, а 1 апреля французские зоозащитники спасли из рук вивисекторов 17 бабуинов в рамках операции «Грейсток».

¹ *Sea Shepherd Conservation Society* — некоммерческая радикальная зоозащитная организация, основанная в 1977 году. Применяет тактику прямого действия против посягателей на морскую фауну — главным образом занимается защитой китов от японских гарпунеров. Активисты действуют на кораблях *Steve Irwin*, *Bob Barker* и *Brigitte Bardot* в международных водах Антарктики.

Сомнительный шампунь

Практика опытов на животных порицаема, так как она негуманна. Тот факт, что в вивисекцию вовлечены интеллектуально развитые и образованные люди, не оправдывает ее и не придает ценности. На интеллектуально развитых и образованных людях лежит вина за величайшие преступления в истории.

Уолтер Хедвен

В 90-х компании косметической индустрии находились под плотным давлением общества и одна за другой объявляли о прекращении опытов на животных. Невероятно, но некоторые и дальше упорно отказывались пересмотреть свою политику, потому что считали, что никому их не достать.

Сейчас, в 2007 году, главными угнетателями животных в этой сфере являются L'Oreal, Gillette, Reckitt and Colman, Colgate Palmolive, Unilever, SmithKline Beecham, Johnson & Johnson и Procter and Gamble. Кампания ФОЖ с угрозами порчи продуктов этих производителей началась в декабре 1990 года, когда магазины, продававшие косметику, тестируемую на животных, — особенно Boots — испытали на себе атаки во многих крупных и мелких городах по всей стране. Главной мишенью была L'Oreal, и персонал магазинов даже получил инструкции проверять полки, на которых стоят товары этой компании.

В течение следующих нескольких месяцев хорошо скоординированные акции охватили огромные территории страны от Оксфорда до Ливерпуля и от Болтона до Брайтона. Активисты неоднократно портили товары L'Oreal на полках магазинов Boots. На некоторые наносилась устрашающая буква «X», в их состав добавлялись безвредные, но чужеродные элементы, такие как земля и соль. Другие зоозащитники оставляли на упаковке предупреждение с рекомендацией немедленно связаться со штаб-квартирами Boots и L'Oreal. Одна группа под видом «обеспокоенных потребителей» сделала серию звонков в магазины, сообщая о следах стекла в якобы приобретенных товарах. Это придало розыгрышу суровости.

Активисты преследовали сразу две цели: надавить на компании, тестирующие свою продукцию на животных, и максимально наказать всех, кто вовлечен в этот бизнес. Нельзя сказать наверняка, оправдались ли все ожидания, потому что люди по другую сторону баррикад при помощи полиции объявили кампанию шуткой бузотеров. Огласка была очень небольшая: новость попала в СМИ только в одном населенном пункте. Кое-где товары убрали с полок, а где-то их продолжали продавать — даже подсолненные активистами наименования. Большое число звонков обеспокоенных потребителей должно было встревожить высшее руководство L'Oreal, но, видимо, не до такой степени, чтобы принять меры. Похоже, руководство Boots решило сыграть в довольно опасную игру: по меньшей мере в дюжине населенных пунктов были сообщения об испорченных товарах для волос, что не мешало им оставаться в свободной продаже.

Вскоре удар нанесли мистификаторы из Кента, где после угроз в Эшворде и Кентерберри с полок исчез шампунь Vosene. В Северной Ирландии за несколько дней до Рождества менеджерам магазинов Woolworths и Boots в Белфасте, Лисберне, Эннискиллене, Колрейне и Бангор-Эррисе пришлось очистить полки от продукции L'Oreal

после нескольких случаев, когда товары были облиты растворителем. Через пару месяцев в Лисберне и Белфасте акции повторились.

Угрозы загрязнения и порчи товаров — это хороший способ борьбы против бизнеса и полиции, потому что игнорировать предупреждения они не могут, ведь однажды угрозы могут оказаться правдой, и тогда последствия будут катастрофическими. Именно эту мысль изо всех сил пытаются донести до эксплуататоров животных активисты. Одним словом, обманщики.

Хантингдонский центр. Как тайное стало явным

Пока мы не найдем в себе смелость различать жестокость вне зависимости от того, кто жертва — человек или животное, — не надо ждать, что мир существенно изменится к лучшему... Не будет мира среди людей, чьи сердца радуются от убийства живого существа. Каждым поступком, который восславляет или даже просто выражает терпимость по отношению к подобным идиотским наслаждениям, мы задерживаем развитие человечества.

Рэйчел Карсон¹

В начале 1989 года Сара Кайт устроилась на работу в Хантингдонский исследовательский центр неподалеку от Кембриджа. В ее обязанности входило присматривать за множеством животных, которые там жили. Она работала под прикрытием, поставляя BUAV сведения о каждодневных лабораторных страданиях, разрешенных Законом о научных процедурах от 1986 года. Целью Кайт было доказать, что если уж крупнейшая в Европе вивисекционная лаборатория, позиционирующая себя как «Центр Совершенства», с такой готовностью игнорирует строгие правила, значит, мошенничают все участники этого богатого рынка. Было ли кому-то дело до подобного? Как выяснилось, да.

Проработав восемь месяцев в подразделениях с мышами, крысами и биглиями, Кайт убедилась, что ее подозрения не беспочвенны, и уволилась. Как нового человека в сфере вивисекции начальники посчитали ее недостаточно подготовленной для отделения приматов, поэтому в доступе туда ей было отказано. В этом крупнейшем в мире токсикологическом комплексе могут содержаться любые обезьяны общим числом до 700: яванские макаки, макаки-резусы, а также бабуины. По данным МВД, в центре ежегодно проводятся опыты приблизительно на 128 тысячах животных. Проводят эти эксперименты 900 человек. Вся информация о жизни и смерти приматов в центре была засекречена до того дня, когда другой активист, работавший под прикрытием, не поведал о них миру несколько лет спустя. Но в 1990 году простые смертные узнали о безрезультативности закона из статьи на передовице национальной газеты. Прочие отрывки из ледящего кровь дневника Сары Кайт были опубликованы в ее книге «Тайные страдания»², изданной на деньги BUAV.

Параграф 3.2 основного Кодекса отраслевой практики для тех, кто участвует в опытах на животных, гласит: «Цель заключается в том, чтобы поддерживать здоровье и хорошую физическую форму; а также поведение, нормальное для этого вида». Мыши в Хантингдонском центре обычно выглядели тоскующими и подавленными. Они бешено носились по клеткам. Один зоотехник из лаборатории признал, что они нередко проводят последние дни жизни, жуя самих себя.

Параграф 3.28: «Материал для подстилки должен быть предоставлен, если только это не идет вразрез с целями исследования. Подстилка должна быть удобной для

¹ Рэйчел Карсон (1907—1964) — американский биолог, много лет проработавшая в Службе рыбного и охотничьего хозяйства, эоактивистка и писательница. Немало сделала для природоохранного движения в Америке и за рубежом. Книга «Безмолвная весна» (1962) принесла Карсон мировую славу, открыв миру правду о воздействии пестицидов на флору и фауну.

² *Secret Suffering: Inside a British Laboratory* (1990).

этого конкретного вида». Крысы в Блоке GO8 спали на металлическом решетчатом полу. Им не дали никакого материала в качестве подстилки. Бигли жили на голом бетонном полу, посыпанном опилками для того, чтобы в них впитывалась моча. Когда опилки становились влажными, сверху подсыпали еще.

Параграф 3.38: «У всех животных должна быть возможность выполнять физические упражнения. Маленьким животным должны быть предоставлены клетки, адекватные их размерам, а также иногда объекты для игры». В Хантингдонском центре крыс с лишним весом часто запихивали по пять в одну клетку. Они не могли даже пошевелиться, не то что выполнять упражнения. В некоторых клетках было настолько тесно, что они лежали одна на другой! Ни крыс, ни мышей никогда не доставали из клеток, чтобы дать размяться. Их только взвешивали и использовали в опытах. Биглей выводили на прогулку на 20 минут по рабочим дням, а на выходных и в праздники они безвылазно сидели взаперти.

Отчет Сары Кайт переполнен примерами индифферентного отношения к животным. Их воспринимали не как живых существ, а только как объекты собственности. Ей говорили не обращать внимания на муки животных, называть их кровотечения «красными пятнами», а смерти — «жертвоприношениями». Кодекс отраслевой этики, равно как и язык, старательно прячет правду о жестокости. Крысы считались отвратительными и глупыми существами, на них кричали за то, что они извивались, когда их насильно кормили или кололи химикатами, а потом грубо бросали обратно в клетки, высмеивали и даже передразнивали, когда тех сотрясали судороги. Клетки больных животных грубо брали и с шумом пинали куда придется. Все эти акты бесцердечия Министерство внутренних дел усердно игнорировало.

У Кайт не было пленки в доказательство добытых сведений, но вскоре были обнародованы видеокадры, сделанные другими активистами. Как бы то ни было, дневник Кайт вызвал народную бурю. Центр получил поддержку лишь на местном уровне, потому что предоставлял рабочие места с небольшим количеством других возможностей. Многие отказывались публично говорить о том, что делают и знают. При этом завсегдаги Хантингдона осведомлены о скрытой солидарности сотрудников центра. Конечно, далеко не всех можно было назвать сторонниками вивисекции, и многие не стеснялись об этом говорить, но опрос общественного мнения среди местного населения все равно показал бы более благоприятные для центра результаты, чем в любом другом среднестатистическом городе.

Через несколько дней после публикации правды о лаборатории толпы протестующих вышли на улицы и выступили все вместе против новой для мира Проблемы Хантингдонского Центра. Это было лишь началом. Угнетатели животных поняли, что хорошие времена для них закончились. Они почувствовали, что миру за отвесными стенами их смертоносных фабрик очень не хочется, чтобы подобные места продолжали существовать.

Операция «Ответный укус»

Знаете, мы добываем их мех, но нам они тоже нравятся, и это разбивает сердце.

Американский заводчик норок после рейда ФОЖ

В Соединенном Королевстве медовый месяц для бойцов ФОЖ закончился, зато по другую сторону Атлантики активисты были окрылены достижениями британских коллег. И никакие тюремные сроки не могли этому помешать. В Великобритании росли антимеховые настроения, и они начинали преобладать за ее пределами. В США, где торговля, разумеется, была куда более масштабной и мощной, постоянно росло число рейдов на фермах, но активисты планировали нанести сравнительно безмятежной индустрии более серьезный урон. Так родилась идея операции «Ответный укус».

Первый залп свежей кампании был дан в конце 1990 года, когда офисы Министерства сельского хозяйства США, причастные к исследованиям, проводившимся на хищниках в Государственном университете Юты, были подожжены. Ущерб составил 200 тысяч долларов. Активисты спасли и впоследствии выпустили на волю дюжину койотов.

Вслед за этим рейдом последовала вереница крайне разрушительных атак. В начале 1991 года подвергся нападению исследовательский институт Мичиганского государственного университета, проводивший эксперименты на норках. Поджог принес убытки в размере 125 тысяч долларов и утрату документов, накопленных за 30 лет. В результате другой акции огонь уничтожил склады компании North West Fur Foods — поставщика меховых ферм в Вашингтоне. Ущерб исчислялся 400 тысячами долларов. С меховой фермы при кампусе Государственного университета Орегона активистам удалось спасти нескольких норок. При этом были уничтожены документы и нанесен ущерб в размере 62 тысяч долларов. На исследовательской базе Вашингтонского государственного университета неизвестные устроили погром, облив офисы и две лаборатории кислотой. Предварительно они освободили 6 норок и 10 мышей. Урон от акции составил 100 тысяч долларов. Подобные рейды проводились постоянно.

До следующей атаки оставалось не больше двух месяцев. Пламя охватило офис известного вивисектора из Государственного университета Мичигана, выполнявшего несколько государственных контрактов. Ущерб оценили в 125 тысяч. Кроме того, активисты уничтожили документы за 32 года опытов. ФБР заявило, что берет это дело под личный контроль.

Всего за два года кампании «Ответный укус» по меньшей мере 20 меховых ферм в Северной Америке пострадали от нападений. С предприятий удалось спасти и выпустить на волю 38 тысяч норок, 410 лис и десятки койотов.

В частности, в лаборатории Государственного университета Вашингтона в Пуллмане активисты обнаружили в заточении 12 койотов, которые выжили после правительственных программ, в рамках которых их обстреливали и травили газом с воздуха. Обнаружить их удалось благодаря неестественно громкому, болезненному вою. Их использовали в изучении саркоцистоза. Хотя для койотов и овец это заболевание не смертельно, но на воле первые могут заражать им последних, тем самым нанося экономический вред людям, которые разводят овец на шерсть и мясо.

Встревоженные ночным вторжением людей в маска, которые обрезали ограду и снимали замки, койоты лихорадочно заматались по конурам. Они чувствовали, что

скоро выйдут на свободу. Одна за другой двери клеток распахивались, гордые животные без колебаний устремлялись на волю и неслись прочь, вдалеке переговариваясь со своими сородичами, вторившими из темноты. Очевидно, они звали друг друга и праздновали освобождение. Природа моментально воскресла, как только в нее вернулась жизнь.

Начиная со второго освобожденного животного бояться им было нечего — первый же койот проверил обстановку. Вместо того чтобы удрать, он двинулся по зданию напрямик на активиста в маске, который открывал двери клеток. На человека шла большая дикая собака, но он не испытывал страха. Убедившись, что незваный гость не представляет опасности, койот ретировался, и это послужило добрым знаком для остальных. В конце оставалась только пара койотов, проведших в этих конурах всю жизнь. Они жили в соседних клетках и не желали уходить друг без друга. Как только они смогли коснуться друг друга носами, будучи свободными, дуэтом рванули в ночь. Это был волшебный момент для опасного «террориста», разглядывавшего небо, в котором пылали полчища звезд, встречавших вернувшихся домой зверей. Наказание, предусмотренное за освобождение животных, предусматривалось в виде тюремного срока до 10 лет и штрафа в 100 тысяч долларов.

После скромного начала в виде освобождения 25 лис с одной фермы подобная практика переросла в повальное увлечение. СМИ отзывались об этих акциях холодно, обращая внимания на «буйства тысяч мародерствующих хищников». Реальность, скрывающаяся за истериками, такова, что далеко не все выпущенные животные остаются в живых и на воле, за что нужно сказать спасибо нашей культуре, поощряющей идею «загнать, изловить, прикончить». Эта жажда крови велика и распространяется человеком на всю живую природу, в связи с чем подобные массовые освобождения служат скорее противодействием неестественному уничтожению мира фауны, которое несут с собой человеческие хищники.

Конечно, я — экстремист (кто не приемлет никаких оправданий угнетателей животных), но я понимаю, что не все видят ситуацию так, как вижу ее я. Меховщики или «фермеры», как они сами себя называют, — это часть мира, в котором мы живем. По их собственным утверждениям, они переживают за благополучие пропавших животных, которых в случае их дальнейшего пребывания в конурах в конечном счете непременно загнали в газовую камеру или убили электрокомом через анальное отверстие. Они заявляют, что волнуются, смогут ли бедные создания выжить без регулярных кормлений и искусственной социальной структуры. Что их действительно волнует, так это цена рейдов и внимание общества, которое они ненароком привлекают к фермам, ставящее бизнесменов в невыгодное положение, когда они вынуждены защищаться от обвинений в жестокости. Многие предприниматели никогда не признают свою деятельность жестокой.

Зоозащитники произвели такой фурор, что сообщения об акциях прямого действия начали попадать в международные новости. ФБР взялось за несколько дел и пыталось сопоставить рейды и причастность к ним подозрительных активистов; большинство из них были студентами колледжей или даже подростками, которые неожиданно стали угрозой национальной безопасности! Вообще, если верить пропаганде, то охота за освободителями диких животных — это не профильная работа ФБР, но ведь Бюро призвано защищать статус-кво. А атаки все больше угрожали его нарушить: позволив им продолжаться и учащаться, можно было довести меховую промышленность до полного увядания. Участие спецслужб в расследованиях подтвердило тезис, который золотой нитью проходит через всю ткань повествования в

этой книге: забота о благосостоянии угнетателей животных для властей куда приоритетней, чем защита жизней.

Фермеры делали все возможное, чтобы защититься, но для тех из них, кто сохранил по 450 норок, 100 с лишним лис и 100 с чем-то шиншилл, расходы были очень велики. Больше оград, больше охранников, больше камер наблюдения, больше прожекторов — меньше прибыли. Либо потратить то, что имеешь, либо рискуешь потерять суммы куда крупнее. Но далеко не все воспринимали усиление мер безопасности как эффективную защиту в долгосрочной перспективе, и некоторые игроки индустрии закрывались. Аресты были редким явлением, а кроме того, оставалось непонятным, кто отвечает за эти рейды, почему их нельзя остановить, чей сарай вспыхнет следующим, и не вернуться ли активисты туда, где, по их мнению, они что-то не доделали.

Меховщики объявили награду в 50 тысяч долларов за информацию о тех, кто нападает на фермы. Это позволило бизнесменам перевести дыхание, но вскоре они поняли, что ничего не изменилось и подняли сумму вознаграждения до 100 тысяч — более чем в пять раз больше цены за сведения о насильниках и педофилах!

Но было уже слишком поздно и сложно остановить распространение нового мышления и спасти репутацию устаревшей индустрии. Антимеховая кампания в США в середине 90-х набрала такую силу, что в один из дней скоординированных акций протеста были арестованы 99 активистов в 16 точках по всей стране. Активисты пристегивались к производственному и офисному оборудованию меховых магазинов, занимали их крыши и приковывали себя к объектам на улицах, чтобы блокировать подъездные пути. Взбешенные ненасильственными протестами, полиция и охрана применяли физическое насилие, все больше склоняя недовольных к идее разрушительных рейдов и поддержке тех, кто их проводит. В Филадельфии трое активистов приковали себя за шеи друг к другу и легли, загородив вход в меховой магазин; приехавшие правоохранители швырнули всех троих на заднее сиденье машины, как мешок угля. В результате их пришлось везти в больницу. У одного было сломано запястье, и вообще ребятам повезло, что они не получили куда более серьезные травмы.

Тем временем другие активисты изрезали 100 шуб на передвижной меховой ярмарке, а Пантеры-художники (Paint Panthers) привычно разделились с помощью красной краски с 75 лисьими, рысьими, бобровыми, кроличьими, норковыми и соболиными шубами прямо на нью-йоркских улицах. И в это время одна видная фигура в меховой промышленности заявила, что «ситуация налаживается»!

Осужденные на сроки от одного до семи месяцев на пике антимеховой кампании, пятеро активистов сделали доброе дело, объявив в тюрьме голодовку. Они требовали от правительства запретить капканы и пойти по пути Евросоюза в отказе от импорта меха. Тони Уонг, Стейси Ширгольд, Джефф Уоткинс, Николь Роджерс и Фриман Уикланд поклялись обходиться без пищи до тех пор, пока их требования не будут выполнены. 16-летний Тони Уонг продержался 30 дней. К этому моменту общественность уже была не на шутку заинтересована протестами и этой проблематикой. Агенты правительства на протяжении 31 дня трижды в сутки насильно кормили активиста через нос смесью, содержащей молочные продукты, чем приносили еще больший вред его здоровью. Это было насилие над незащитным юношей, но его подобное отношение только закалило, что для других активистов стало стимулом сражаться. Уонг сопротивлялся 61 день и незамедлительно после освобождения вернулся протестовать к тому самому меховому магазину, возле которого был арестован.

В Мичигане полиция задержала пятерых активистов, ранним утром проникших на ферму Эбертс в юго-западной части провинции Онтарио и устроивших там бес-

порядок. Двое обвиняемых признали свою вину сразу, и таким образом Чатемская пятерка превратилась в Чатемскую тройку. Одной из выбывших была 25-летняя Робин Уайнер, сознавшаяся в проникновении и хранении украденной собственности, а именно племенных карточек. Ее приговорили к 400 часам общественных работ, которые ей надлежало выполнять по выходным, а также к выплате 10-тысячного штрафа фермеру и принесению ему извинений. Ее дело было закрыто, потому что она согласилась свидетельствовать против остальных налетчиков, которым, по заверениям судьи, не могло быть никакой пощады, поскольку они не выразили раскаяния. Пэт Добсон и Хильма Руби получили по 90 дней тюрьмы и обязаны были выплатить по 24 тысячи долларов. Гэри Юрофски¹, школьный учитель из Детройта, был осужден на 6 месяцев, 40 дней из которых он провел голодая в знак протеста против меховой промышленности.

В суде по административным делам владелец фермы потребовал взыскать с активистов 3,5 миллиона долларов: 2 миллиона — за общий ущерб, 1 миллион — за конкретный ущерб, полмиллиона — в качестве штрафа плюс расходы на адвоката. Он заявлял, что из-за взломщиков утеряна информация, накопленная за 25 лет разведения животных, кроме того, 1542 норки были выпущены на волю — 42 самца и 1500 самок, 95% которых были беременны. На основании этих данных владелец подсчитал, что потерял доход от 7 125 шкур по 70 долларов за самца и по 50 — за самку. Вдобавок налетчики проделали дыру в ограде и нанесли ущерб 100 конурам, 400 батареям гнезд для отходов и двум воротам.

Представитель ФОЖ Род Коронадо², американский индеец, ключевой человек в операции «Ответный укус» и главное действующее лицо кампаний организации Earth First!, тоже оказался в опасности и подался в бега, всерьез и не без причины опасаясь за свою жизнь. За ним охотились вооруженные до зубов федералы, не говоря уже о том, что он регулярно получал угрозы от отморозков, нанятых меховщиками. После 14 месяцев, в течение которых Коронадо удавалось скрываться, его все-таки настигли в резервации племени благодаря данным, предоставленным информатором, который получил 22 тысячи долларов — награду от фермеров, охотников и вивисекторов. Коронадо заставили поверить, что раненому ястребу нужна помощь, и когда он прибыл в означенное место, его схватили агенты ФБР. Позднее Коронадо признался, что пособничал в поджоге норковой фермы в Мичигане и сообщил от лица ФОЖ о совершенной атаке. Его приговорили к 4 годам и 9 месяцам, а также к выплате штрафа в размере 2,5 миллионов. Интересно, это по сколько долларов в неделю? В качестве почти милосердного жеста ему дали 30 дней на то, чтобы закончить все дела, прежде чем сесть в тюрьму.

Передав Большому жюри расследование атак ФОЖ в Вашингтоне, Орегоне, Мичигане, Луизиане и Юте, ФБР принялось допекать известных активистов, а также их родственников и даже друзей родственников и других притянутых за уши людей. Повестки Большого жюри десятками разлетались по стране, ставя людей перед выбором — говорить или отправляться за решетку. У большинства вызванных спрашивали,

¹ Гэри Юрофски (р. 1970) — американский активист за освобождение животных. За период 1997–2001 гг. был арестован 13 раз. Провел 77 дней в самой охраняемой тюрьме Канады за освобождение 1542 норок с меховой фермы. Много ездит с лекциями про зоозащиту, веганство и права животных. В Рунете найдутся видео с русским переводом.

² Род Коронадо (р. 1966) — экоанархист и зоозащитник. Неоднократный участник акций ФОЖ, официальный представитель Фронта освобождения земли (ELF), бывший участник кампаний Sea Shepherd и сотрудник редакции Earth First! Journal.

что они знают и думают; от других требовали предоставить узкоспециализированную информацию и факты. Кому-то обещали финансовые перспективы за наводку на ФОЖ; другим попросту угрожали тюрьмой за неподчинение или отсутствие правильных ответов относительно любых событий или людей, которыми заинтересовались федералы. За 10 лет радикальной деятельности во имя животных лишь несколько активистов предстали перед судом, и все они обвинялись в незначительных правонарушениях, никого не заключали под стражу ни в США, ни в Канаде, но власти и потревоженные бизнесмены изо всех сил стремились изменить такое положение вещей.

В ходе этих расследований Джонатан Пол, Рик Скерс, Ким Тримвью и Дебора Стаут оказались на нарах за принципиальный отказ сплетничать про друзей и коллег для комиссии. Каждый отсидел по несколько месяцев, прежде чем Большое жюри разбежалось либо судья заключил, что деваться некуда и никакое заточение не поможет получить от людей необходимые ответы. Даррен Терстон был главным фигурантом по делу о рейде в лаборатории Эллерсли Канадского университета Альберты в 1991 году, в результате которого 29 кошек обрели свободу, и был нанесен ущерб в размере 100 тысяч долларов. Терстона также обвиняли в поджоге трех грузовиков, принадлежавших компании Billingsgate Fish Co¹.

Его задержали благодаря информации, полученной от Джессики Сэндем, еще одной арестованной подозреваемой. Терстон провел в тюрьме 15 месяцев, прежде чем признал себя виновным в 1993 году. Ему надлежало выплатить 26 725 долларов университету и 47 тысяч рыбной компании. Стороне обвинения такой приговор не понравился. Прокурор подал апелляцию и спустя 8 месяцев выиграл. Терстона бросили в тюрьму еще на два года.

Других арестовывали в Канаде, США и Англии. В общей сложности было порядка десятка активистов, скрывавшихся от правосудия. Дэвид Барбараш провел много месяцев в предварительном заключении за акцию в Альберте и был приговорен к 20 тысячам часов общественных работ, после того как его признали виновным в косвенном соучастии. Разве избавление мира от ужасной жестокости — это не общественные работы? Они должны бы считаться таковыми.

Американская машина репрессий неуклонно принимала все более зловещие меры, на фоне которых общение с Большим жюри представлялось романтической прогулкой в парке. Лиза Олсен, страдавшая от синдрома хронической усталости, была арестована за то, что разместила 21 самодельный фонарь по периметру антимерехового баннера, который нависал над железнодорожной эстакадой, чтобы его было лучше видно пассажирам проезжающих поездов. Она хотела сделать пару снимков для дальнейшего пиара, но ничего не получилось — загорелся лишь один фонарь, да и тот продержался всего пять минут, а потом погас. Олсен отказалась от идеи и пошла домой, оставив фонари висеть. Но это было ее огромной ошибкой! Не имея возможности добраться до бывалых налетчиков, полиция отыгралась на девушке.

Обвинитель доказал, что фонари представляли собой зажигательные устройства, невзирая на то, что военный эксперт по взрывчатке проверил их и заключил, что они таковыми не являются. То обстоятельство, что зоозащитница едва ли стала бы поджигать антимереховый баннер, тоже не сыграло никакой роли. Олсен обвинили в хранении зажигательных устройств и незаконном использовании «оружия». Наличие трех чайных ложек бензина позволило упрятать активистку в тюрьму на 4 года! Пси-

¹ Billingsgate Fish Co — компания, основанная англичанином в 1907 году, продающая рыбу и морепродукты на своих рынках и в кафе Калгари и Эдмонтона (Канада).

хологическую травму этой нежной женщине, которая никогда, даже в самых страшных кошмарах, не могла себя представить по ту сторону ограды с колючей проволокой, каратели наносили на протяжении 14 месяцев. Потом обвинения были сняты решением апелляционного суда, и Олсен смогла начать жизнь заново.

Она была далеко не первой жертвой системы. Несколькими годами ранее агенты-провокаторы, работавшие на USSC¹, и ее консультанты по безопасности протянули свои щупальца к активистке Фрэн Тратт и убедили ее разместить бомбу под зданием, принадлежавшим компании. Они стремились дискредитировать и ее саму, и все движение. Заговор был настолько продуманным, что агенты USSC и полицейские даже провели репетицию ареста. По поводу использования собак для демонстрации техники наложения швов прошло множество протестных акций, и начальство компании желало положить конец негативным отзывам в прессе.

Агенты, которым USSC платила по 500 долларов в неделю, не считая накладных расходов, в течение всех 14 месяцев приготовлений к «операции» не только обеспечили Тратт советами, деньгами и взрывным устройством, они даже доставили ее на место! По дороге она передумала, но один из агентов — ее «друг» — уговорил ее довести дело до конца. Глава компании сказал, что он нанимал агентов для внедрения в зоозащитные группы «на протяжении многих лет». После того как Фрэн Тратт оставила бомбу рядом с парковочным местом президента USSC, она покинула здание и немедленно была арестована. При ней нашли пульт дистанционного управления.

Тратт обвинили в попытке убийства, изготовлении и хранении бомбы, что изначально грозило 10 годами тюрьмы, но ввиду поданной апелляции и того факта, что всплыли факты грязной игры и подстрекательств, активистка отделалась испытательным сроком. Ее адвокат сказал: «Это скандальное дело — комбинация незаконных действий как до, так и после ареста Фрэн Тратт. Все это привело к созданию прецедента: это один из самых экстраординарных случаев неправомерных действий в том, что касается фабрикации дела и предъявления обвинений, из всех, какие мне когда-либо встречались».

¹ *United States Surgical Corporation* — основанная в 1964 году компания, лидирующая на национальном рынке производства и продажи хирургических инструментов и оборудования.

Аризонские рейды

Мы играем в игры с людьми, которые так же умны, как и мы. Их учили, как вести разведку, как собирать сведения и как избавляться от вещественных доказательств. Они прошли курсы подготовки террористов, только без оружия.

Следователь ФБР по делу о нападении на лабораторию,
журнал The Scientist, декабрь 1987

В зоозащитное движение мало-помалу начала просачиваться информация, что в Университете Аризоны в омерзительных экспериментах использовались тысячи животных, включая собак из приютов и гончих с местных бегов. Как будто те собаки — брошенные, страдающие от искусственного выведения и эксплуатируемые — страдали недостаточно. Для одного из организаторов, у которого жили две такие замечательные, доверчивые собаки, предстоящий рейд был делом личным.

Разведгруппа, многие члены которой были подростками, изучили местность (прикинувшись студентами университета) и узнали немало о том, что творится в кампусе и насколько гнусные операции проводятся в стенах одного из десяти учебных заведений, наиболее активно использующих животных в исследованиях и получающих как государственную финансовую поддержку, так и заказы от представителей фармацевтической промышленности.

Долгие часы разведки не выявили ничего особенного, но позволили нанести на карту расположение постов охраны, а также привычки студентов и преподавателей, в то время как специальный сканер показывал передвижения полиции. В закромах были обнаружены документы, из которых выяснились имена вивисекторов и детали их работы, а также — что полезней всего — планы зданий! Кроме того, оказалось, что доступ к собакам представлял собой наибольшую проблему, в то время как добраться до кроликов, мышей, крыс, морских свинок и лягушек не составляло особого труда. Трагично было сознавать, что спасти собак не удастся.

Недели планирования и подготовки привели к тому, что в любой вечер 10 активистов ФОЖ могли занять свои позиции возле университета, и ни одна живая душа не прознала бы про эту операцию. К 4 апреля все было готово. Активисты съехались со всей Северной Америки. Это были опытные люди. Они участвовали в столкновениях, проникали в здания и машины, занимались флайпостингом, бывали в полицейских клетках и получали в свой адрес различные угрозы. Именно такой опыт показывает, кто хорошо играет в команде.

Каждый знал, что ему делать, и в 21:00 все были на местах, притворяясь студентами. Парочка в очках, как у зубрил, целовалась на траве. Другая пара, одетая в тренировочные костюмы, явно собиралась на пробежку. А не причастен ли к операции ФОЖ этот китайский паренек с пакетом чипсов, слушающий плеер?.. Двое двинулись к лабораториям факультета микробиологии, двое пошли в сторону факультета психологии. Активисты выставили два дозора на автостоянке, которые держали связь по рации со всеми участниками операции. Расчет времени был отличным. Замок на дверях лаборатории микробиологов был снят с легкостью и без явных признаков взлома, открыв путь к лестничной шахте и верхнему этажу, где экспериментам на 100 с лишним мышах суждено было уйти в прошлое благодаря двум людям в перчатках и балаклавах.

Пока один стоял в дозоре, другой загрузил мышей в маленькие коробки, которые затем были аккуратно опущены в длинные спортивные сумки. Потом с разницей в несколько минут активисты покинули здание. Каждый нес по сумке к фургону с фальшивыми номерами, припаркованному в кампусе.

Другой паре активистов повезло меньше. Они переоделись и стояли перед бетонной колонной на погрузочной площадке у здания факультета психологии, пытаясь разрезать покрытие вентилятора ножницами по металлу. В этом месте скоро должен был пройти патруль охраны, поэтому времени оставалось немного. Двери всегда проверял старший охранник, а он неизменно делал это тщательно, следовательно, заметил бы, если бы кто-то прятался внутри. Младший охранник никогда не утруждал себя тем, чтобы вылезти из машины. Через 20 минут крышка вентилятора наконец сдалась, открыв узкий проход в здание, в котором содержались сотни крыс.

Активисты поместили крышку на место так хорошо, как только сумели, и спрятались, ожидая, когда охрана придет с проверкой. Наконец, патруль явился. Черт подери — старший охранник! Только бы он не заметил, что крышка вентилятора повреждена. В свои 60 с лишним лет он всегда проявлял мелочную дотошность и прибыл точно в срок, но не в его привычках было инспектировать крышки вентиляторов. Как только охрана уехала, активисты открыли дверь и позвали еще четверых участников операции. В течение нескольких минут стеллажи с крысиными клетками в окружении изрисованных краской стен катились со всех частей лаборатории к погрузочной площадке на одном конце и разгромленному оборудованию для электрошока на другом. Как только 150 крыс были готовы к отгрузке, активисты вызвали фургон. В тот момент, когда двери в мир открылись, и крысы почти одновременно вдохнули прохладный ночной воздух впервые за свою жизнь, наблюдать за ними было безумно приятно, но умиляться не было времени: ни у кого бы не нашлось объяснения припаркованному у здания фургону. Его требовалось загрузить как можно скорее. Тем более что это было лишь началом.

Как только Этап 2 подошел к концу, активисты двинулись к зданию факультета биологических наук за углом. После того как дверь поддавалась (хорошо, что один из участников операции прихватил с собой кувалду), пятеро проникли в лабораторию. Условия здесь были особенно ужасны. Крысы, мыши и морские свинки выглядели взволнованными, а при виде людей съежились в клетках. У них не было ни пищи, ни воды, всех брили наголо, чтобы видеть, как действует на кожу тот или иной химикат. В течение следующих двух часов команда переносила клетку за клеткой из лаборатории на тележку, а оттуда — в лифт и фойе. То, что они делали, считалось противозаконным и, если бы их поймали, вина усугубилась бы еще и тем фактом, что для совершения этих «злодеяний» они пересекли государственную границу. Вскоре коридор был заполнен коробками с морскими свинками, кроликами в тканевых мешках и большим числом африканских лягушек. Всего активисты собрали 900 животных! Спасти больше 900 жизней — что здесь может быть дурного?

Как показала разведка, теоретически в здании могли быть люди. Требовалось как можно скорее спустить всех животных вниз и загрузить в фургон. И это волновало каждого активиста. Возникла секунда смятения, когда лифт остановился на пятом этаже и раздалось характерное «пи-им», а потом открылась дверь. Внутри стоял умиротворенный молодой человек. Как выяснилось, последние два года он лил слезы ручьем, узнавая о жестокостях, которые творятся в этой лаборатории, и обожал ФОЖ. Он был тут как тут: в белом халате, с пальцем на кнопке лифта и с лукавой ухмылкой во весь рот: «Только на первый этаж». Все были в восторге. Балаклава

покоилась у него в кармане. Он считал, что если лифт остановится где-то между нижним и верхним этажами, ему лучше выглядеть как практиканту лаборатории, чем как его замаскированным братьям по оружию. Наконец, активисты загрузили лифт животными и молились лишь об одном — чтобы лифт никто не вызвал и он не остановился до первого этажа. Но все обошлось: они дважды благополучно спустили вниз полный лифт животных. Фургон ждал. Они быстро выгрузили крыс и вернулись, чтобы к удивлению обнаружить еще много-много стеллажей, ящиков и клеток со зверями. Времени лодырничать не было, требовалось переместить более 1000 животных. Когда они спустили последних в фургон, настало уже раннее утро. Ехать было недалеко. Все проверили, не забыл ли кто-то что-нибудь, выключили радиопередатчики, упаковали вещи в мешки и исчезли в ночи. Все, кроме дозорных, которые терпеливо просидели всю ночь. Наступал последний этап операции.

Один активист направился в микробиологическую лабораторию и оставил там зажигательное устройство. Таймер был установлен на 4:00. Рядом лежало множество легко воспламеняемых материалов и досок. Двое других поехали в соседний район, где располагалась штаб-квартира Отделения зоотехнии. Она была забита компьютерами и записями, содержащими данные о каждом эксперименте, проведенном в университетском кампусе. Проникнув внутрь через вентиляцию, налетчики разместили зажигательное устройство посреди здания и тоже поставили таймер на 4:00. После этого они сели в машину и очень скоро покинули округу, направляясь в другой штат. В 4:40 вся округа стояла на ушах от множества пожарных сирен и вида пылающей крыши здания факультета микробиологии. Прежде чем пожарным удалось сдержать огонь, он уничтожил верхний этаж вивисекционной лаборатории. Кроме того, вода, которая потребовалась для тушения, причинила огромный ущерб лабораториям на нижних этажах. Пожар в штаб-квартире Отделения зоотехнии вывел из строя компьютерную систему и был столь интенсивным, что причинил необратимые структурные повреждения зданию, поэтому в дальнейшем его пришлось попросту снести.

Бойцы ФОЖ спасли 1231 животное. Это была удачная ночь. Другой команде впоследствии удалось внедриться в университет и забрать 4 гонимых, до этого работавших на бегах.

Между тем были не только масштабные победы, но и громкие поимки. Так, в результате расследования ФБР поджога Мехового кооператива Юты в 1987 году, стоившего налогоплательщикам нескольких миллионов долларов, агенты вышли на 19-летнего активиста Джошуа Эллермана. Ему предъявили обвинение по 16 пунктам, включая изготовление и хранение самодельных бомб в корпусе металлической трубы, карающееся 30 годами тюрьмы. Однако Эллерман скрылся еще до суда. Взвесив все перспективы жизни в бегах до конца своих дней, он передумал и предал себя в руки агентов, предложивших ему сделку: если он сдаст друзей — активистов, с которыми он провел атаку в Юте, — а также назовет участников рейдов на меховые фермы, его сделают главным свидетелем обвинения и скостят срок до 7 лет, тогда как остальные получат по 35.

Брат Эллермана Клинтон тоже принимал участие в акции, хоть его роль и была эпизодической, и он тоже захотел заключить сделку. Это привело к тому, что шести людям предъявили тяжкие обвинения. Четверо из них держали рты на замке и готовились понести суровое наказание. Двое других готовы были сделать что угодно, лишь бы спасти свои шкуры. Один активист — Алекс Слэк — покончил с собой в разгар происходящего, отчасти из-за напряжения в связи с надвигающимся процессом

впережку с серьезными проблемами со здоровьем. Представители зоозащитного движения во всем мире были в ужасе от этой истории: сокрушительный рейд, активист в бегах, жестокое и тяжелое судилище, трое активистов могут провести за решеткой больше трети века, двое других довольны сделкой с ФБР, один свел счеты с жизнью, враг хохочет во все горло.

На суде Эллерманы тыкали пальцем в своих соучастников. Видимо, они тыкали слишком много. Беда братьев заключалась в том, что кроме их показаний, свидетельств против их друзей не было никаких. Защита играла на том, что Эллерманы не только сами признались, что участвовали в рейде в Юте, но и отчаянно старались избежать наказания. Плюс у двоих обвиняемых было хорошее алиби, а присяжные сомневались в правдивости истории, рассказанной Эллерманами. Это было изнурительное время для подсудимых Шона Готчи, Адама Писа и Эндрю Бишопа: их продали двое друзей, еще один товарищ погиб, им светили длительные тюремные сроки. Однако присяжные были на их стороне и вынесли оправдательные приговоры по всем 26 пунктам обвинения! Это был не лучший исход для Джошуа Эллермана, который сел на 7 лет, да и для Клинтона тоже. Они выглядели стукачами, и относились к ним все соответственно. Их единственные друзья — ФБР — швырнули их за решетку.

Из Аризоны в Эйнтри¹

Ребятам, выступающим за права животных, есть что сказать, но мне жаль, что они делают это подобным образом.

Жертва поджога, совершенного активистами ФОЖ

У меня и пары друзей вошло в привычку слоняться в районе ипподрома в Эйнтри, где проходили скачки, призванные собирать деньги на местную охоту. Поскольку это конное событие предназначалось для того, чтобы привлечь как можно больше средств и новых людей в охотничьи забавы, саботажников там не жаловали. Но они все равно заявлялись, чтобы добывать разведанные и провоцировать тех, кто их ненавидел и зачастую прибегал к помощи агрессивной молодежи, лошадиных копыт, хлыстов и полиции, стремясь прервать съемку творящихся дикарств. У нас были странные отношения с этими охотниками. Годы усиленного давления со стороны саботажников урезали их свободу, а бесконечное наступление урбанизации поглотило очень большую часть территорий, некогда бывших охотничьими угодьями, в результате чего они оказались зажаты между пригородами Манчестера с юга, Ливерпуля — с востока, Престона — с севера. У охотников был небольшой простор для маневра. А поскольку вокруг находилось множество университетов, от саботажников не было спасения: они заявлялись каждый день, приводя к тому, что одна из старейших организованных конных охот была стеснена в движениях и располагала лишь горстью земли.

Нам были известны их адреса, и они знали об этом. Ответом на всякую крупную охотничью добычу и в целом хороший день для них можно было считать наш гарантированный «выезд на дом». Например, у кого-то оказывался поврежден трейлер для лошадей. Или на их субботнее сборище могли прибыть сотни активистов, неся с собой хаос и разрушение. Все это привело тех охотников, кто был способен думать, к неодобрению идиотских попыток кого-нибудь избить, и ситуация менялась таким образом, что мы уже могли саботировать их действия поодиночке или открыто следить за тем, что они делают, не боясь получить по шее. Я частенько так поступал и уходил невредимым. Взаимоотношения развились до того, что один-два охотника даже начали общаться вежливо и могли купить мне выпить в пабе под конец дня. Один даже поделился со мной датами охотничьих встреч в обмен на обещание, что я его не выдам! Он был благодарен, учитывая, что мы знали его имя, телефонный номер и адрес. Он был единственным, кто относился к нам с уважением и никогда не поддерживал тех, кто применял насилие.

Другие, разумеется, не были столь обходительны, и мы никогда не исключали возможность драки; мы звонили этим людям (или отбросам, к которым их куда чаще причисляют) домой в любое время дня и ночи (чаще — ночи) и регулярно портили их имущество, причем даже то, что было на работе.

Главным у этих охотников был противный тип, который ненавидел всех нас, а меня чуть больше остальных. В результате возникало очень много конфронтаций. Саботировать охоту было все приятней, всякий раз видя его гнусную гримасу, которую он строил при нашем появлении; он притворялся, что ему наплевать, но быстро терял терпение. Ему не нравилось, когда кто-то мешал. Он не любил отвлекаться от преследования животных.

¹ Эйнтри — деревня в графстве Мерсисайд на северо-западе Англии, славящаяся своим ипподромом.

В тот день в 1990 году я застрял в Эйнтри. В Ливерпуле играла какая-то панк-группа, мне же как любителю АВВА она была не по душе. Но остальные захотели поехать, и я согласился вернуться в Манчестер своим ходом. Я решил попросить охотника Алекса Шнеддона меня подвезти. Он приехал охотиться на своем трейлере для лошадей, так что недостатка в свободном месте не наблюдалось, но я не знал, согласится ли он оказать мне услугу, учитывая, что я всегда старался максимально усложнить ему жизнь и заставить сменить род занятий? Я спросил его. Он сказал, что подвезет меня, но попросил, чтобы я пошлялся где-нибудь за пределами ипподрома, пока он не выедет, так как он не хотел, чтобы заметил их главарь. Самый ценный подручный помогает врагу? Да его бы линчевали!

Это было поистине дико. И все же я ждал на обочине, как мы договорились, ощущая себя полным кретином всякий раз, как мимо проезжали нескончаемые любители охоты. Я не слишком ожидал, что Шнеддон действительно остановится и подбросит меня. Представлял, как они проедут мимо, смеясь надо мной, и я пойду искать железнодорожную станцию. Но тут подъехал Шнеддон, выпрыгнул и открыл мне боковую дверь лошадиного трейлера, запуская меня назад.

Я был немного ошарашен, когда осознал всю смехотворность моей уверенности, что если я и поеду, то в кабине. Еще больше меня ошеломило, что мне надлежало для начала вскарабкаться по огромной мертвой лошади, которая лежала в трейлере — одной из жертв их развлечений, — а потом протиснуться между парочкой любителей охоты, дочерью охотника, бешеным охотником Найджелом (которому мы недавно посвятили и регулярно исполняли во всю глотку песню группы ХТС «Making Plans For Nigel», чтобы его позлить) и сворой из 40 фоксхаундов.

Я внезапно понял, что меня окружают враги, и никто из друзей и близких не знает, где я нахожусь! Как только мы тронулись, я уже и сам не знал. Я годами преследовал этот трейлер, не имея ни малейшего представления о том, куда он направляется. Теперь я был внутри. Я прикидывался бесстрашным перед этими людьми на протяжении стольких лет, поэтому просить, чтобы меня высадили, было уже слишком поздно, и я устроился поудобнее. А поездка выдалась лихая, потому что я находился в компании охотников с присущими им разговорами, нескольких десятков собак и мертвой лошади. В процессе я выяснил, что они собираются охотиться в следующую субботу (встречу, которая была нанесена на наш календарь, перенесли), а также, что один из их старейших благодетелей умер, и его похороны состоятся во вторник; а еще что Найджел проведет вечер в конурах, расчлняя двухлетнюю мертвую лошадь, пристреленную из-за сломанной ноги, и кормит ее своре гончих. Это общение шло вразрез с моими представлениями о хорошей вечеринке, но, как ни странно, мне было легко в этой монструозной компании.

Спустя час меня высадили, как и обещали, недалеко от дома. Я уважительно попрощался с лошадью, карабкаясь через нее, и вежливо расстался с остальными. Я был искренне благодарен Шнеддону. Мы регулярно встречались на протяжении следующих двух лет, спорили, сражались и обменивались чем-то вроде любезностей. Ни один из нас не вспоминал о том вечере, но это был необычный опыт. Алекс Шнеддон умер от рака желудка в 2005 году...

Ипподром Эйнтри был выбран мишенью неспроста. Всякий раз, обсуждая протесты против скачек среди активистов, мы искали способы выступить более эффективно, чем просто расколотить окна пары букмекерских контор: где лучше всего повлиять на спорт, ежегодно уносящий жизни 250 лошадей, как не на ипподроме, который принимает не только охотников, но и бродячие цирки с животными? Мы

точно не знали, что будем делать, но регион был заполнен нетерпеливыми зоозащитниками, а этот факт открывал определенные перспективы.

Ипподром подвергся атаке зажигательными бомбами со стороны ФОЖ Мерсисайда на протяжении всех 80-х. Однажды викторианской постройке был нанесен ущерб в размере 100 тысяч фунтов. В результате этих нападений и в преддверии ежегодных зрелищ, связанных с Большими национальными скачками¹, во время бегов безопасность ставилась превыше всего. Район патрулировали охранники с собаками.

Мы понимали, что это будет жесткое противостояние, но оно того стоило. Когда ты саботируешь лисью охоту, ты всегда можешь скрыться. На ипподроме Эйнтри собирались толпы людей и все жаждали зрелищ. Любой, кто отважился бы прервать мероприятие, оказался бы на стадионе в окружении любителей скачек и охоты и давать ему было бы некуда. Могла пролиться кровь, но мы решили, что это слишком публичное мероприятие, чтобы кто-то посмел превратить его в побоище. Это же не субботний вечер в темном лесу.

Ранним утром в день Больших национальных скачек в апреле 1991 года мы уже были на ногах, пакуя плакаты и делая последние приготовления для акции в преддверии бегов во второй половине дня. Вскоре мы мчались по трассе М62 в сторону Ливерпуля. Охрана ипподрома ночью — одно дело, но проникнуть на территорию днем не составляло особой проблемы. 10 человек пробрались на стадион, не заплатив ни пени — местные мальчишки показали простой и бесплатный проход. Все бы ничего, но это была сторона ипподрома, противоположная необходимой. Нам нужно было подобраться ближе к стартовой линии. Мы надеялись, что начало отложат, и мы успеем выступить перед 500-миллионной аудиторией (если считать телезрителей). Фотографы из прессы буквально лазили по головам друг друга в переплетении треног, готовясь запечатлеть очередную груду скрученных, сломанных тел, бьющихся о землю в этом загоне.

Во время этого отвратительного мероприятия годом ранее мой друг Пит и я с недоверием взирали на толпы азартных болванов, рыдавших, когда лошади падали и умирали на их глазах. Некоторые были слишком мачо, чтобы плакать, наблюдая, как величественные создания кубарем валятся на землю и корчатся в агонии. Ни один игрок не был в состоянии понять, что именно благодаря их деньгам этот спорт продолжает существовать. В том году две лошади умерли на месте после падения. Еще пять скончались в различных местах на стадионе в течение трехдневного мероприятия. Двух лошадей, умиравших у нас на глазах, убили ветеринары за торопливо поднятыми ширмами, после чего погрузили в грузовик живодера.

Что запомнилось мне не меньше, так это сотрясающая землю мощь 40 лошадей, грохотавших мимо нас. Нужно было быть очень проворным, чтобы остановить их, и мало кто пожелал бы преградить им путь. Держа это в голове, мы разделились на пары, чтобы всеми правдами-неправдами подобраться так близко к линии старта, как только можно. Баннеры были распакованы, камера включена.

Примерно за 30 секунд до того, как гонка началась, лошади и наездники заняли позиции, и нация приготовилась лицезреть большое шоу. И в этот момент в небо взметнулся фейерверк. Фейерверк запустил один из нас — дав тем самым сигнал к действию. Кроме того, это был хороший способ отвлечь внимание, и в моем случае это, безусловно, сработало: как видеооператор, я проследил камерой полет фейерверка и

¹ *Grand National* — всемирно известные скачки с препятствиями на охотничьих лошадях. Проводятся в апреле на ипподроме в Эйнтри с 1836 года. В 2010 году общий призовой фонд составил 925 тысяч фунтов.

не мог оторваться от него. В какой-то момент я с ужасом увидел, что он летит прямо в полицейский вертолет. Они встретились только у меня в голове — к счастью, ракета взорвалась до того, как добралась до воздушного судна. Если бы они пересеклись, это бы отвлекло публику больше, чем мы планировали!

Прежде чем кто-то что-то понял, на поле уже высыпали девять человек с плакатами, которые призывали: «Остановите побоище!» и «Запретите скачки!» Как только зрители осознали, что происходит, с трибун понесся недовольный свист. «Уберите их отсюда!» — орали зрители. Одного офицера полиции настолько воодушевил рев толпы, что он провел хук с правой в лицо активисту. Один готов, сержант! Осталось восемь. Скачки отложили. Начальству ипподрома требовалось свести ущерб к минимуму. Они должны были убрать с поля препятствия в виде протестующих. Препятствия тем временем желали всячески затянуть вынужденную паузу мероприятия. Пара зрителей и стюардов включились в погоню за зоозащитниками, стремясь первым делом вырвать плакаты. Люди очень часто не хотят встречаться лицом к лицу с правдой о своем соучастии в причиняемой животным жестокости и предпочитают атаковать того, кто констатирует эту правду. Жить впотьмах помогают истории, в которых СМИ описывают ужасающие бесчинства, якобы чинимые активистами. Конечно, всем просто хотелось поглазеть на скачки!

Толпа была в восторге от регбистского толчка, которым повалили на землю еще одного активиста. Наконец, все они приняли горизонтальное положение, но это было еще не все — требовались дополнительные усилия, чтобы убрать их с поля, на котором те разлеглись. К этому моменту туда высыпали уже десятки людей, пытающихся очистить стадион для нетерпеливых наездников. Констебль 7233 в своем последующем заявлении сказал: «Затем я схватил женщину и попросил ее очистить поле. Она не ответила, обмякла и упала на землю. Я попытался взять ее и вывести с поля. Но метров через пять она опять расслабилась и упала». Она сидела, улыбаясь и намереваясь продержаться максимально долго. Констебль 7233 не хотел испытать публичный позор, поэтому взял ее за волосы и поволок — к откровенному удовольствию злобной толпы. Он делал это так, будто волок самку в пещеру. Скачки задержали всего на несколько минут, но урон явно был нанесен. Всех активистов вывели и арестовали, но потом отпустили без предъявления каких-либо обвинений. Большая часть нашей акции попала в прямую телетрансляцию. Что касается новостных сводок, то редакторы бились в истерику, рассуждая об экстремизме, равносильном государственной измене; лишь некоторые вспоминали гибнущих лошадей.

Прошлогодние скачки прослыли такими кровавыми, что на сей раз планка была снижена. Тем не менее на мероприятии погибли четыре лошади. Коричневая Трикс и Сиандем скончались в ходе гонки, Кингсмилл сломал тазовую кость и был «устранен» ветеринаром, а Ход Врага умер от сердечного приступа. Бэллихейн пережил разрыв кровеносного сосуда; его не стало вскоре после мероприятия.

В течение нескольких недель ФОЖ ответил на проведение этой бойни. Поздно ночью неподалеку от ипподрома высадился отряд — двое мужчин и женщина. Они оставили водителю подробные инструкции относительно того, как ему их забрать. Провести здесь акцию было необходимо. Они собирались уничтожить Стенд Королевы-Матери стоимостью в 3 миллиона фунтов большим огнем, но без зажигательных устройств: только две канистры бензина, коктейль Молотова, ледоруб и зажигалка. Ох уж эта зажигалка! Чтобы пролезть к стенду, нужно было разбить окно, поэтому дальнейшее промедление исключалось. Все согласились, что лучше сделать дело как получится и скрыться.

Они пробрались на территорию через дыры в ограде и направились к выбранной мишени. Отягощенные канистрами и постоянно озирающиеся в поисках патрулей охраны, они двигались неуклюже. Выбившись из сил и вспотев насквозь, они остановились, чтобы прийти в себя и дождаться пока не пройдет следующий патруль, прежде чем осуществить задуманное или сесть в тюрьму на несколько лет. Это представлялось чистым безумием, но отступать никто не хотел. Легким движением руки стекло было разбито, и первая канистра с бензином оказалась внутри. Следом они облили все вокруг из второй канистры. В ночном воздухе запахло неприятностями. Два наиболее медленных активиста покинули место действия прежде, чем вспыхнул огонь. До появления третьего члена команды должны были пройти секунды, но время шло и шло, а он все не показывался. Наконец, неудачливый поджигатель прибежал к ним в панике:

- Чертова зажигалка не работает!
- ЧТО?
- Зажигалка, — он продемонстрировал.

Больше ни у кого зажигалки не нашлось. Вот так ситуация! Следующие 15 минут они провели, отчаянно пытаясь высечь искру, но безрезультатно. И когда все уже казалось безнадежным, появилась искра, которая превратилась в огонек, а он в свою очередь обернулся пламенем. Двое поджигателей быстро огляделись и ретировались, пока третий двигался в направлении стенда. Внезапно весь первый этаж озарился огромной шаровой молнией, на фоне которой, нервно смеясь, убежали три фигуры.

Выбравшись через дыры в ограде, они повернулись, чтобы посмотреть на пылающие итоги своего труда, но увидели мигалки пожарных машин, спешивших к месту событий. Пожарная станция находилась ниже по дороге: тушители оказались чертовски быстры и сумели погасить пожар, который все равно стоил стадиону десятков тысяч фунтов. С этого момента дела ипподрома в Эйнтри только ухудшались.

Возвращение в Эйнтри

Это не было оплошностью. Я действовал сознательно.

Пол Уотсон¹ в ответ на обвинение в беспечном поведении, после того как его корабль протаранил китобойное судно

Шел апрель 1993 года. Я сидел в Уолтонской тюрьме (это было незадолго до моего побега), которая располагалась прямо за углом ипподрома Эйнтри. Я слушал, как все готовятся к мероприятию, по радио вместе с моим соседом по камере Джоном. Ему было за 40. Как выяснилось позднее, его осудили ошибочно, и вскоре он вышел по апелляции. Обычно я не слушал комментарии к бегам (ввиду отвращения), но для Джона это было важно — он вырос рядом с Большими национальными скачками, и для него они представляли собой важное событие. Я слушал репортаж еще и потому, что кое-кто из гостей на свидании предупредил меня, что в этот раз на скачках произойдет нечто такое, на что букмекеры ставок не принимали. Забавно, что после разговоров о темной стороне бегов, мой сокамерник начал разделять мой энтузиазм в ожидании чего-то, что испоганит сегодняшнее мероприятие.

Игроки начали стягиваться к ипподрому задолго до старта в 15:45. Некоторые заблаговременно забронировали номера в гостиницах на все три дня мероприятий. Перед входом, как всегда, развернулась небольшая демонстрация и, опять же, как всегда, протестующие получили сполна от фанатиков кровавого спорта. Бессмысленно пытаться переубедить недоумка, чьи самые весомые аргументы звучат так: «А иди-ка ты на х..!», «Х...ня!», «Лошади бы этого не делали, если бы им не нравилось», «Сранные хипши!», «Почему бы тебе не поискать работу?», «Тебе что, делать нечего?» и т. д. Охрана была усиленная, но несколькими смельчакам удалось пробраться на стадион незамеченными. За минуту до начала у линии старта стояли 40 лошадей и жокеев. За происходящим приглядывали охранники, стюарды и полицейские. Однако небольшая группа саботажников все же объявилась на поле. Их заметили, но было уже слишком поздно.

Активисты подбежали прямо к линии старта и развернули большой баннер с текстом «ОСТАНОВИТЕ БОЙНЮ!», который толпа уже имела возможность лицезреть у входа. Последовавшую реакцию публики нельзя было назвать оригинальной. Полиция конфисковала баннер «для предотвращения любых дальнейших нарушений спокойствия». Зрители освистывали саботажников, а телерепортеры делали вид, что ничего не происходит. Старт скачек был отложен. Охрана хорошо знала, что ей делать, быстро заграбастала шестерых бузотеров и очистила от них поле.

Толпа вздохнула с облегчением. Но была и вторая группа активистов, которая тоже проникла на стадион незамеченной. Они подошли к треку и сделали по глубокому вдоху перед тем, как со всем пылом взяться за дело. Вот уже и они выстроились на поле перед стартовой линией. Некоторые наездники всю жизнь ждали возможности поучаствовать в Больших национальных скачках, и теперь у них складывалось ощу-

¹ Пол Уотсон (р. 1950) — известный зоозащитник и эколог. Основал «Морского пастуха» (Sea Shepherd Conservation Society) после того, как вышел из рядов Greenpeace, подвергнув критике ее недостаточно агрессивную, на его взгляд, позицию в отношении эксплуататоров животных. Телеканал Animal Planet причислил Уотсона к своим героям, сняв про него не одну передачу, а журнал Time в 2000 году назвал его «экологическим человеком XX века».

щение, что они застряли перед стартом навечно. Что случилось с чертовой охраной, которая должна защищать порядок и покой? Это было просто комично!

Скачки снова отложили. Опять начались потасовки, и протестующих удалили с поля. Человек, отвечающий за старт, решил, что нельзя терять время, и нужно гнать лошадей, пока еще что-нибудь не случилось. Но в спешке лента зацепилась за шеи двух лошадей. В результате лишь половина команд смогла вырваться на поле. Остальные остались за лентой. О, боже — фальстарт! Скачки вновь отложили. Увидев, что возникла проблема, сотрудник скачек, стоявший в 150 метрах дальше на поле, начал размахивать флагом, дабы дать наездникам понять, что был фальстарт, но жокеи решили, что человек с флагом — это очередной саботажник, пытающийся испортить веселье, поэтому проигнорировали его и продолжили скакать. Вот это была уже настоящая проблема!

Фарс не прекращался. Некоторые жокеи домчали до финиша, чтобы только там узнать, что Большие национальные скачки 1993 года фактически еще не начинались. Букмекеры лишились примерно 80 миллионов фунтов, правительство не получило 6 миллионов от этой суммы в виде налогов, 500 миллионов жителей Земли стали свидетелями крупнейшей спортивной катастрофы всех времен. Некоторые винили во всем бедолагу с флагом, ставшего козлом отпущения, но *The Sunday Telegraph* придерживалась иной точки зрения: «Вчера величайшие скачки с препятствиями были уничтожены борцами за права животных».

На следующий год вокруг поля был воздвигнут двухметровый железный забор стоимостью в 1 миллион фунтов, а вооруженная полиция патрулировала окрестности сотнями, в любой момент готовая пристрелить саботажников на месте за неповиновение приказам. Один высокопоставленный офицер Особой службы, чье подразделение пять месяцев планировало эту операцию, описал ее так: «Охрана скачек — это самая завидная и сложная работа, какую себе только можно представить!»

Выяснилось, что впоследствии ипподром выплатил по 350 фунтов каждому из пары молодых людей, которых удалили со стадиона, приняв за зоозащитников. Кроме того, им вручили два бесплатных билета. Не нужно было прогуливаться на территории стадиона в хипповатой шляпе с пакетом соевого молока! Полиция Эйнтри пошла еще дальше, арестовав 23 активистов в преддверии Больших скачек. Все они были выпущены по окончании скачек без предъявления обвинений. Они подали в суд, выиграли дело и получили 22 тысячи фунтов в качестве компенсации за незаконное задержание. Не такая большая плата за уверенность общественности, что скачки пройдут без задоринки, правда? Аналогичные тактики применяются для предотвращения саботажа охоты, антививисекционных атак и т. д.

Возвращаясь к тому дню, проведенному мной в крыле Б Уолтонской тюрьмы. Мы внимали звукам, доносившимся из радиоприемника. Это было воплощением всех моих мечтаний! Диверсионный сценарий сработал с военной мощью. При этом обошлось без жертв, а травмы были несущественными. Положительные эмоции переполняли даже моего сокамерника. Тем не менее улыбке было суждено вскоре исчезнуть с моего лица, потому что я узнал о печальном инциденте на заключительной встрече охотников в Кембриджшире. Согласно сообщениям из новостей, по меньшей мере одного человека отвезли в больницу с подозрением на серьезные ранения. Я знал, что если только этот человек не упал с лошади, значит, пострадавший — активист. Но суровая реальность превзошла все мои самые худшие ожидания.

ОХОТА НА ЗАЙЦЕВ И УБИЙСТВО ДЕТЕЙ

Когда я достиг возраста, достаточно для понимания того, что ради мяса необходимо убивать животных, я считал это иррациональным способом использования нашей энергии — изувечивать над теми, кто слабее. Это равнозначно ситуации, когда хулиганы обижают детей из младших классов.

Ривер Феникс¹

Древние ритуалы

Охота на лис, как считается сегодня, имеет 300-летнюю историю. Вслед за восстановлением монархии и воцарением Чарльза II в 1660 году гончих начали натаскивать специально для охоты. В норманнской Англии той эпохи охотиться на оленей и кабанов имела право только королевская семья, а также их гости. В дальнейшем привилегии распространились на всех землевладельцев, некоторые из которых формировали собственные своры. К середине следующего столетия популярность охоты с гончими выросла неимоверно. И хотя протестующие были всегда, для появления настоящей оппозиции потребовалось три века.

Первые координированные атаки на охотников начались с развитием ФОЖ. В августе 1973 года подверглись нападению имущество и транспортные средства нескольких охотников на юге Англии. По итогам 30-летней борьбы и огромного количества рейдов ни один фанатик охоты до сих пор не пострадал (и это подразумевает, согласитесь, что едва ли членовредительство является приоритетом Фронта — что бы там СМИ ни твердили).

Согласно опросам, проведенным в начале XXI века, охоту не одобряет порядка 80% населения страны. Широкая огласка не прибавила охотникам друзей, равно как и их заносчивость. Но даже при этом они умудряются рассказывать людям сказки в попытках оправдать свою жестокость, не скрывая нездоровой жажды насилия. Добро пожаловать в деревню!

В 1999 году в Великобритании действовали 347 зарегистрированных охотничьих хозяйств, 185 из которых располагались на территории Англии и Уэльса, и 9 — в Шотландии. Что касается пород собак, то 18 свор состояли из харьеров (охотятся в основном на зайцев), 75 — из биглей (охотятся на зайцев), 11 — из бассет-хаундов (охотятся на зайцев), 18 — из минкхаундов, 3 — из стагхаундов, 17 — из драгхаундов, 11 — из английских кровяных гончих.

Гончие охотятся полагаясь на нюх. При их разведении селекционеры делают все, чтобы придать собакам качества, позволяющие бежать максимально долго. При этом скорости значения не придается, поскольку в этом случае погоня займет меньше времени, а значит, будет не так весело. Охотники любят преграждать саботажникам путь и атаковать их, когда никто не видит. По своему опыту могу сказать, что они не

¹ Ривер Феникс (1970–1993) — американский киноактер, борец за права животных и защитник окружающей среды. Брат известного своей зоозащитной деятельностью актера Хоакина Феникса, выступившего ведущим фильма «Земляне» (2003).

слишком приятные люди, особенно терьермены¹. Эти персонажи опасны, они привыкли думать, что они очень лихие, тогда как попросту дики и бессердечны. Они не стесняются угрожать и претворять угрозы в жизнь. Их часто можно видеть на встречах охотников ищущими чей бы череп расколоть, как орех. Обычно при этом они держат одного-двух потрепанных терьеров у ноги либо в коробке и обожают рвать ими лис на части. Лопаты, огнестрельное оружие и ломы всегда под рукой; это незаменимые инструменты для тех, кто постоянно имеет дело с убийствами и разрушениями. Эти же инструменты активно применяются в борьбе с людьми, которые мешают преследованию животных. Наняв несколько пар фермерских рук, можно быть уверенным, что вы обзавелись толпой вспыльчивых мужиков, готовых в любой момент атаковать саботажников где-нибудь в дремучем лесу. Для некоторых из них подобные практики давно стали частью спорта.

Все становится на свои места, когда они начинают говорить, а ты взвешиваешь факты. По их словам, в Соединенном Королевстве насчитывается 300–500 тысяч лис (мне кажется, их больше). Сами охотники при этом утверждают, что убивают в среднем 12–13 тысяч ежегодно. Лисы как биологический вид в состоянии перенести 70-процентный уровень смертности, тогда как охотники, выходит, убивают всего 2,5 % от общего количества. Охотничьи хозяйства в определенных местах известны тем, что искусно отгораживают лис от остального мира, чтобы их было удобнее загонять, поэтому сложно установить процент убитых животных от общего числа популяции. Министерство сельского хозяйства, продовольствия и рыбной промышленности подсчитало, что угроза популяции оленей со стороны лис несущественна, в отличие от угрозы со стороны человека. Исследования показывают, что даже по данным фермеров, лишь один из 200 ягнят становится жертвой лисы, тогда как от 10 % до 24 % умирают от гипотермии или болезни пищевой недостаточности либо появляются на свет мертворожденными. Всех остальных люди убивают сами.

А слышали ли вы о том, что лисы получают огромное удовольствие, когда за ними гонятся 40 собак с намерением прикончить? Так вот, лисам это действительно нравится, если верить уважаемым людям, наслаждающимся охотой. Или, быть может, вы слышали истории про один маленький укус на шее животного, который отправляет его невинную душу в эмпирию? Чистенький, милый, безболезненный и аккуратный укус. Верите в это? Зря. Так умирают звери лишь в фантазиях нескольких охотников, рассказывающих басни несведущим людям. Я был свидетелем травли много больше раз, чем хотел бы вспоминать, и никогда не видел, чтобы лиса простилась с жизнью после одиночного безболезненного профессионального укуса на шею. Даже Дэвид Аттенборо² не изловчился бы снять нечто подобное!

Печальная реальность заключается в том, что саботажники всегда обнаруживали больше трупов лис после охоты, чем сами охотники, и животные всегда были выпотрошены сворой бешеных собак в качестве неизбежно кровавого финала. Исключения бывали лишь тогда, когда саботажники прыгали в самую гущу своры и спасали жертву, прежде чем собаки успевали ее разорвать. Именно в такие моменты, а

¹ *Terrier-men* — самая нелюбимая должность на лисьей охоте. Если лиса зарылась в нору, терьермен ее раскапывает, стреляет в нее или запирает в норе. При раскапывании используют терьеров (отсюда и название). Терьермены легко узнаваемы по большим плоским кепкам (аналог нашего «азеродрома»). Водят, как правило, Landrover или другой джип либо пикап. Очень часто работают по совместительству уничтожителями «сельскохозяйственных вредителей».

² Дэвид Аттенборо (р. 1926) — всемирно известный британский натуралист и телеведущий документальных фильмов о живой природе. Брат режиссера и актера Ричарда Аттенборо.

также при попытках охотников разрыть нору, начинаются столкновения между убийцами и саботажниками. Это происходит не потому, что активисты в ярости нападают на охотников, а потому, что охотники одержимы своим желанием получить трофей; или избавиться от вещественных доказательств. Многих растерзанных животных показывали прессе или снимали на видео, но охотники по-прежнему предпочитают, чтобы подобных разоблачений было поменьше.

Когда я впервые стал свидетелем этого неистового помешательства из-за мертвого животного, я был глубоко ошарашен. Это случилось туманным осенним утром в чеширском лесу. Мы втроем копошились среди своры гончих в поисках трупа лисы, пока на нас не ринулся охотник на лошади, не думая о том, какие ранения он может нанести нам и собакам. Потом он спешился и начал отвешивать нам пинки, пытаясь отобрать то, что осталось от лисы. Он безумно злился, что мы собирались забрать у него тело! Мне было сложно понять это нездоровое поведение, равно как и саму охоту. И ведь это далеко не исключительный случай: я очень-очень много раз наблюдал подобное поведение охотников.

Боевые шрамы и кровавый спорт

Они — всего лишь толпа подкупленных хулиганов. Поначалу мы думали, что они по-настоящему любят животных, но теперь знаем, что они получают по 40 фунтов в день за устраивание беспорядков. Большинство из них живут на пособия или студенческие стипендии, поэтому озвученная сумма — это уйма денег для них. Их действия политически мотивированы тем, кто им платит.

Миссис Дороти Кук, руководитель охоты в Холдернессе,
графство Йоркшир, январь 1994

В 1984 году я был новичком по части саботажа, но быстро учился. Меня переполняла энергия, поэтому я осмеливался подходить к охотникам близко, когда они шли на дело, в отличие от большинства наблюдателей с обеих сторон. Из-за этого я регулярно попадал в щекотливые ситуации и в одиночку противостоял превосходящему меня численностью противнику. Однажды я был среди пары десятков саботажников, против которых сражались 30 наездников, четыре констебля полиции Ланкашира и свора собак. А пару часов спустя лицом к лицу оказались двое полицейских, охотник, гончие, заяц и я. Заяц был главным игроком. Полиции происходящее, судя по всему, нравилось, учитывая, как мило они беседовали с охотниками и скакали галопом за гончими покрикивая. Если уж выпала такая служба, нужно получать от нее удовольствие, верно? Если суммировать опыт, можно сказать, что порой присутствие блюстителей помогало сохранять дистанцию между активистами и охотниками; а иногда они наоборот подливали масла в огонь и были рады, когда саботажникам доставалось, а животных убивали. Я знал, что едва ли смогу спасти этого зайца, но отчаянно пытался. В конце концов, за этим я явился туда.

Зайца гнали час, и он уже еле двигался. Когда заяц устает, он бежит кругами, диаметр которых постоянно сокращается. Если гончие подбираются совсем близко и зайцу остается жить недолго, он бежит по прямой. Большая часть наездников и активистов были рассеяны по округе, увлеченные беседами и конфликтами. Мне же оставалось всего лишь оказаться между гончими и их жертвой — крупным коричневым зайцем с массивными ногами, ушами и глазами, белки которых были видны очень хорошо, потому что заяц вытаращился в ужасе. Я не знаю, о чем думали полицейские, но их действия говорили сами за себя: они сделали все, чтобы преградить мне путь к месту будущего убийства, схватили меня и прижали к густым кустам. Двое зажали меня в этой ловушке, сидя на лошадях; держали за воротник и угрожали арестовать за нарушение спокойствия, а гончие с рыком бросались на трясущегося зайца по другую сторону кустов. Прискакал охотник, чтобы забрать трофей, или помастурбировать над ним, или что они там делают и чувствуют в такие моменты. Когда свора принялась рвать зайца на части посреди поляны, он издал самый жуткий крик на свете, какой я когда-либо слышал. Это был безнадежный вопль маленького животного, безобидного и ни в чем не повинного существа. Я слышал подобные крики вновь и вновь, месяц за месяцем. Парадокс в том, что большинство охотников не слышат этих криков, несмотря на то, что именно они ответственны за это. Произошедшее в тот день изменило меня навсегда.

Грубое насилие проявилось с первых встреч саботажников с охотниками. Жертвами, как правило, становились активисты. Охотники и сочувствующие им — несмотря на впечатление, которое пытаются создать СМИ и живодеры — в действительности страдают куда меньше и реже. Насилие на охоте хорошо проиллюстрировано на сайте HSA. В 1976 году в Соединенном Королевстве активист Лиги противников жестоких видов спорта Уильям Суит был убит в ходе стычки со стрелком-фанатиком. С тех пор погибли многие, а список легкораненых очень-очень длинен, и каждая строчка в нем — шокирующая история жесточайшего насилия и полного равнодушия полиции и прессы.

34-летний Эдди Кулстон никогда раньше не участвовал в акциях саботажа, до того дня когда пополнил ряды сотен активистов, прибывших воспрепятствовать проведению омерзительного Кубка Ватерлоо¹ в Грейт-Альткаре неподалеку от Ливерпуля в 1984 году. Кулстон пробыл там меньше часа, прежде чем любитель охоты Пол Уиллингейл проломил ему череп треногой для стрельбы. Удивительно, но напавшего приговорили всего к 6 месяцам тюрьмы. Эдди Кулстону пришлось пережить хирургическую операцию, в ходе которой врачи удаляли осколки костей из мозга, спасая потерпевшему жизнь. В дальнейшем у него начались эпилептические припадки. В день нападения на Кулстона охотники в пьяной драке убили одного из своих. Многочисленные подобные инциденты были сняты активистами и независимыми обозревателями на фото и видео, свидетелями неоднократно становились полицейские, и тем не менее отмороzków, отправленных за такие действия в тюрьму, можно пересчитать по пальцам.

Вот яркий пример. Двадцать лет спустя 34-летний Стив Кристмас получил компенсацию в размере 18,5 тысяч фунтов за вред здоровью, полученный в ходе нападения любителей охоты, когда он саботировал травлю лисят охотничьими клубами Олд-Суррея и Берстоу. Учитывая обстоятельства, сумма была смехотворной и досталась в нелегкой борьбе. Психически нестабильные охотники подзуживали небольшую группу саботажников на протяжении нескольких часов, поколачивая некоторых из них и обещая претворить в жизнь страшные угрозы. Разъяренный тем, что активисты пытались помешать ему разорвать на части детенышей диких животных, лесник Мартин Мейнард сел за руль и умышленно повел машину на группу саботажников. Он сбил пытавшегося убежать Стива Кристмаса, а потом опять же явно преднамеренно переехал его на своем Land Rover.

И все это произошло на земле, принадлежащей местному судье. Кристмаса на вертолете доставили в больницу, подключили к аппарату искусственного дыхания, к сердцу присоединили трубки. Четыре недели он провел под пристальным присмотром врачей. У него были раздроблены кости таза, сломаны ребра, наблюдалось обширное внутреннее кровотечение и серьезные раны брюшной полости. Впоследствии ему удалили часть кишок, вставили пластину в таз и вырезали несколько желудочных грыж. Теперь он страдает двойной паховой грыжей, которая не операбельна ввиду уже проведенных операций. Он даже не может работать.

В деле было три хороших свидетеля. Все они показали, что Мейнард, сбив Кристмаса, сначала в панике уехал, но через несколько минут вернулся, чтобы добить умирающую жертву. Полиция была неправдоподобно, безумно медлительна в задержании подозреваемого. Нападавшего изначально обвинили в нанесении тяж-

¹ *Waterloo Cup* — ежегодная конкурсная травля зайцев собаками, впервые проведенная в 1836 году. Вступивший в силу вскоре после проведения мероприятия в 2005 году Закон об охоте запретил охоту на зайца, тем самым положив конец и Кубку Ватерлоо.

ких телесных повреждений, но уголовный суд вскоре снял обвинения, основываясь на том, что один из свидетелей до этого побывал за решеткой за совершение правонарушения, связанного с освобождением животных. В высшей степени необычное решение при любых возможных обстоятельствах, а учитывая, что атаковавший и его транспортное средство были четко опознаны при попытке убить человека, а также то, что за Мейнардом числился длинный послужной список преступлений, связанных с насилием, решение суда можно назвать просто нелепым. На месте преступления остались следы от шин. Кроме того, люди называли номер машины и подробно описывали водителя. И все равно у полиции ушло два года на то, чтобы предъявить обвинение вновь: Мейнардку вменили управление транспортным средством без прав и страховки. И даже этих обвинений удалось добиться только при сильном давлении на власти.

Вскоре после этого группа саботажников, собравшихся на акцию протеста у охотничьей псарни после происшествия, была атакована сотрудниками, вооруженными дубинками и мотыг. Активисты ответили битьем окон в доме одного из охотников. Группу, состоящую главным образом из женщин, преследовал полицейский отряд из 60 человек. 18 человек были арестованы и предстали перед судом по обвинению в преступном сговоре. После юридических процедур признанные виновными едва избежали тюрьмы. Их приговорили к продолжительным общественным работам. Тем временем любители охоты не переставали нападать на тех, кто мешал им убивать и мучить незащищенных зверей.

Что касается дела Мейнарда, то на изменение изначального решения суда о том, что нападавший не обязан выплачивать пострадавшему компенсацию, ушло 4 года и 20 тысяч фунтов (юридические расходы). Это один из тех случаев, когда полиция и любители охоты выступили единым фронтом. Необходимо добавить, что многие-многие другие обидчики активистов сумели избежать правосудия. Некоторые саботажники воспринимают угрозу ареста и вреда здоровью слишком серьезно и с тяжелым сердцем продолжают кампании; другие демонстрируют способность преодолевать все страхи и с восхищающей сноровкой годами рискуют жизнью и свободой ради животных. Эти люди — настоящие герои нашего движения.

Даем отпор

На самом деле это кучка грязных и вонючих людей. Они не могут. Очевидно, это студенты, получающие по 35 фунтов в день и бесплатный обед в Лиге противников жестоких видов спорта.

Член охотничьего клуба Куорна, графство Лестершир

Придя в зоозащитное движение, я оказался среди людей, которые не намерены были идти на какие-либо компромиссы с любителями охоты. Это вполне меня устраивало. Пацифизм — прекрасная вещь, но когда имеешь дело с охотниками, сильные травмы или насильственная смерть — вполне вероятный исход. Я видел, как людей били до потери сознания, потому что они не давали сдачи, а после этого били еще сильнее; женщины и пожилые активисты не удостоивались никакой форы.

Задолго до того, как охотничьи хозяйства начали нанимать стюардов для контактов с саботажниками, на охотах по всей стране люди любого пола и возраста стали получать тяжелые травмы вне зависимости от половой принадлежности и возрастной категории. Многие из них никогда не выказывали интерес к дракам. Были зафиксированы бесчисленные нападения, снятые медицинские показания, сломанные кости и трещины в черепах, смерти и многочисленные пограничные случаи, на которые никак не влияло даже присутствие полиции.

Я всегда интуитивно полагал, что подонкам, ответственным за утнетение животных, необходимо мешать при любой возможности. Но когда узнал, что они с готовностью атакуют мирных людей, выражающих протест, это укрепило мою решимость. Мы заработали неплохую репутацию на северо-западе и частенько откликались на призывы других групп, когда угроза насилия была для них слишком велика. Общественные акции возмездия стали для нас необходимым проявлением силы. В них участвовали по 200 активистов, которые внятно сообщали охотникам: если вы бьете нас, мы бьем вас. Местным саботажникам, конечно, это помогало не всегда, потому что когда толпы соратников уезжали, они вновь оставались лицом к лицу с теми же охотниками. Вместе с тем подобные рейды оказывали должное влияние на определенные охотничьи хозяйства. Я обожал, когда нам удавалось сорвать охоту и испоганить охотникам весь день.

Я неоднократно становился свидетелем того, как активистов арестовывали за то, что их избивали (и я бывал среди них), при том что в этот момент они могли лежать в больнице, изувеченные, покрытые синяками и окровавленные! Охотники в свою очередь всегда чувствовали себя безнаказанными. Когда они избивали активистов, то знали, что риск предстать перед судом невелик. Даже если саботажник лежал пластом на земле, кровотока, а имя и адрес его обидчика были хорошо известны, всякий раз арест воспринимался как чудо. Почему?

После 80-х, когда многие активисты выяснили, что избивание — это их профессиональный риск, и научились мстить и побеждать сорвиголов, охотники начали нанимать специальных отморозков, которым надлежало охранять святость охоты. Назвать их тупоголовыми, прошедшими армию психопатами, не было бы преувеличением. Эти «стюарды» или «приставы», как нарекали их наниматели, исполняли роль агентов землевладельцев и были уполномочены властью применять максимум усилий в случае возникновения необходимости избавиться от саботажников.

По иронии, долгие годы охотничья братия обвиняла активистов в том, что они — наймиты, которым платят лейбористы, Лига противников жестоких видов спорта и даже Коммунистическая партия (хотите — верьте, хотите — нет, но последнее предположение высказывала полиция).

На прошлой неделе охотники пообещали терьерменам, что они получат по 5 фунтов прибавки к жалованью за каждую сломанную ногу саботажника и 10, если активист ляжет в больницу.

The Mail on Sunday, февраль 1992

Линн Сойер застала самый разгар этих столкновений. У нее сложилось любопытное мнение по вопросу:

«Моя карьера охотника началась на лисьих травлях в Эссексе в 1982 году, когда мне было 14. К 1990 году я могла похвастать тем, что успела поохотиться много с кем, включая охотничьи клубы Восточного Эссекса, Ноттингемшира и Западного Кента. Эти восемь лет я провела на ногах или верхом, следуя за гончими; орудуя лопатой у нор; помогая гончим делать упражнения и выполняя щекотливые работы в конурах; прислуживая на скачках с препятствиями; собирая подписи под петициями в защиту охоты и пожертвования на стендах BFSS, завлекая людей на развлекательных мероприятиях и общаясь с прессой.

В период с 1984 по 1990 годы большую часть моего времени занимал сбор информации о действиях против охотников. Я собирала буквально все. Моя работа включала запись номеров машин (к 1990 году их скопилось свыше 130!), фотографирование саботажников, изучение зоозащитной литературы и музыки, которую я покупала в специальных магазинах, присутствие на митингах и концертах за права животных, болтовня с полицией и любые другие поиски сведений, какие мне были доступны (ничем из перечисленного я сегодня не горжусь).

По ряду причин начиная с 1990 года я больше не могла этим заниматься и провела четыре года, пытаясь разобраться со своими мыслями. В какой-то момент я почувствовала, что должна высказаться. Я надеялась, что смогу остановить поток грубо преувеличенной антисаботажной пропаганды, а заодно и насилие, которое эта пропаганда привносила в охоту.

Я сделала все возможное, чтобы обсудить проблему насилия на охоте с руководством BFSS и другими видными любителями охоты, пока не поняла, что не могу повлиять на их ограниченное мышление в том, что касалось перемен. Еще я поняла, что с такими разговорами без патронажа какого-то влиятельного представителя индустрии я попросту вылечу за борт как нарушитель спокойствия».

Открытое письмо охотникам

Когда мнение Линн о происходящем изменилось, она написала охотникам открытое письмо:

«Это открытое письмо тем, кто, как мне кажется, имеет право знать о моем недавнем решении отказаться от нейтрального отношения к охоте и встать на сторону движения за права животных. Для тех, кто еще не знает, я перестала поддерживать охоту четыре года назад, потому что ощущала дискомфорт от того, как я должна была себя вести, чтобы не обмануть ожиданий окружающих, а также из-за того, какую реакцию я получила от лидеров охотничьего братства, когда не согласилась с их тактиками. Четыре года нейтралитета позволили мне иначе взглянуть на мое прошлое охотника, сотрудника BFSS, работника фермы, мясоеда и т. д.

Я провела много часов, изучая зоозащитную литературу, следя за событиями, читая спортивную прессу, посещая встречи охотников и наблюдая происходящее на охоте, прислушиваясь и приглядываясь к каждой из противоборствующих сторон. Решение, которое я приняла, возможно, самое сложное из всех, что выпадали на мою участь. Мне стоило больших усилий его принять. Я просто хочу быть честной с теми, кто читает сейчас это письмо, и с самой собой. Вот причины, по которым я приняла это решение:

1. Несмотря на то, что я с глубоким уважением отношусь к святости человеческой жизни и достоинства, я распространяю это уважение на ВСЕ разумные существа. Я считаю, что убивать отвратительно, если только это не происходит в исключительных случаях, как, например, эвтаназия. Я также считаю, что нельзя причинять страдания живым существам, руководствуясь исключительно нашими интересами. Все это означает, что теперь я — веган, и бойкотирую компании, производящие товары из кожи, шелка, шерсти и т. д. Я больше не могу игнорировать угрызения совести, возникающие из-за того, какие огромные страдания я причиняла, так же как не могу игнорировать происходящее на скотобойнях, в лабораториях, океанах, на фермах и охотничьих угодьях.

2. Я признаю, что саботажники — это не образцы добродетели, но в то же время могу торжественно заявить, что на протяжении тех 12 лет, когда я наблюдала их действия на охотах, включая 6 лет, в течение которых я собирала информацию для BFSS, со мной обходились с уважением в самых разных ситуациях. Я также неоднократно являлась свидетелем того, как активисты обращались с другими людьми с той же вежливостью и отсутствием каких-либо намеков на агрессию. Я всецело удовлетворена тем, что большинство саботажников — это альтруисты и что существуют законные способы наказать тех людей с каждой из сторон, кто готов угрожать насилием и прибегать к нему.

3. Британская история полна примеров того, как людям приходилось обращаться к ненасильственным акциям прямого действия, когда они хотели, чтобы их недовольство не было проигнорировано обеспечивающим только собственные интересы истеблишментом. Суфражисток не останавливал риск оказаться в тюрьме, так же как и их современных коллег, будь то саботажники охоты, борцы за ядерное разоружение или любая другая группа, которой не нравится снисходительное отношение государства и которая не собирается отказываться от убеждений, даже рискуя свободой.

Билль криминального правосудия и общественного порядка стремится вывести за рамки закона любую группу людей, которых правительство расценивает как достаточно слабых, чуждых или подпадающих под определение врагов государства.

Делается это с целью найти козлов отпущения, на которых можно было бы возложить ответственность за собственную некомпетентность. Это угрожает гражданским свободам КАЖДОГО человека и уничтожает право протестовать, право на свободу движений, свободу соборий и на то, чтобы жить жизнью, которая отличается от нормы, заложенной правительством. Я не могу больше придерживаться нейтральной позиции, наблюдая столь гнусное попрание гражданских свобод.

Инициаторы использования стюардов на охоте не могли найти более эффективного способа поднять уровень насилия на беспрецедентный уровень. Представляется вполне логичным применение саботажниками неизбежной, прошедшей проверку временем, тактики массированных ударов в ответ на не слишком дипломатичные действия людей, действующих под эгидой BFSS и приводящих к настоящим битвам. Я надеюсь, что ошибаюсь, предполагая, что это был желанный результат для тех, кто готов подвергать жизни охотников, стюардов, саботажников и полиции серьезной опасности, потому что последствия будут куда более зловещими. Опять же, я не могу закрывать глаза на подобные манипуляции и агрессию.

Я приношу извинения тем, кто почувствует себя преданным в связи с переменами в моих взглядах, особенно тем, кому хватило порядочности и честности меня выслушать. Я никогда не буду поддерживать насилие против людей и гарантирую, что все конфиденциальное, что мне доверяли в прошлом, останется конфиденциальным».

Это было в 1990 году. Линн Соьер с тех пор полностью посвятила себя кампаниям в защиту животных. Приложенные ею усилия привели к тому, что она провела существенную часть своей жизни в полицейских участках и даже больницах. Ее стремление очиститься от грехов прошлого затянуло ее в невообразимое путешествие, о большей части которого вы узнаете из этой книги.

Частичный порядок

При выявлении случаев жестокости к животным я хочу, чтобы инспекторы RSPCA решали, не нужно ли сообщить нам о возможной жестокости к детям. Жестокость к животным может быть признаком насилия в семьях и бывает тревожным сигналом о том, что дети могут быть в опасности. Мы должны признавать определенную связь между плохим обращением с детьми и животными.

Джим Хардинг, исполнительный директор Национального общества по защите детей от жестокости (NSPCC),
The Express, октябрь 1988

Работа саботажника — вмешаться в охоту любым способом и предотвратить убийство, не нарушая при этом закона. Классическая тактика — прикинуться для гончих охотником, дуя в горн, чтобы сбить их с толку. Неразбериха в собачьей своре помогает загнанному животному избежать печальной участи и скрыться. Также используются пульверизаторы. Активисты распыляют чеснок и анис — они хорошо маскируют запахи, которые оставляет преследуемый зверь.

Помимо постоянной угрозы насилия, саботажникам охоты всегда приходилось противостоять полиции, препятствовавшей эффективной протестной деятельности, что только больше побуждало к совершению незаконных акций. Это было подстрекательство. После пары загородных прогулок с саботажниками охотники настойчиво просили у полиции дать им констеблей, и их просьбы с готовностью выполнялись. Когда влиятельный президент охотничьего клуба просил у полиции защиты, ему предоставляли людей на лошадях, мотоциклах, машинах и даже вертолетах. А если полисмены получали приказ арестовать всех, кто подвернется под руку, вне зависимости от того, что люди сделали, значит, так правоохранители и поступали. Как только активисты появлялись, их запикивали в полицейские фургоны и увозили в участок, где держали на протяжении всего дня охоты. Это Великобритания. Это было незаконно, но правительство содействовало. Для меня все негативные последствия деятельности полисменов уравнивались несколькими случаями, когда я был по-настоящему счастлив их видеть — если ситуация окончательно выходила из-под контроля. Они неоднократно спасали мою жизнь и жизнь моих товарищей. При этом, как правило, сводили свои достижения к нулю, проявляя предубежденность и равнодушие.

Эта предубежденность была, конечно же, не в пользу дикой природы и саботажников, но поскольку задерживать активистов без причины незаконно, а также благодаря нескольким сочувствующим нам адвокатам, которые всегда были готовы подвергнуть сомнению авторитет полиции, такие аресты стали для саботажников охоты настоящим благословением. В последние годы бесчисленные компенсации выплачивались безо всякого суда из-за незаконных арестов и домогательств к законопослушным гражданам. Был даже зафиксирован рекорд: один юрист собрал за 14 месяцев жалобы 80 незаконно задержанных активистов и в конечном счете умудрился получить для них 80 тысяч фунтов компенсации за домогательства. Вот так полиция! Благодаря работе органов правопорядка сотни тысяч фунтов налогоплательщиков поступали в казну зоозащитного движения на протяжении многих лет. Зачастую они расходовались на техническое оснащение и транспорт для саботажа и даже на финансирование рейдов ФОЖ!

В конце сезона охоты 1993 года The Liverpool Echo опубликовала материал под названием «Приговор дороже денег». Полицейское спецподразделение A16, имеющее в своем распоряжении мотоциклы и видеооператора, получило приказ остановить саботажников, которые портили охоту в графстве Чешир на протяжении нескольких лет. Газета писала, что полиция посвятила 8 тысяч рабочих часов прочесыванию окрестностей в течение сезона охоты 1992/1993. Это обошлось казне в 120 тысяч фунтов. И потрачены деньги были не на поимку активистов, а на успокоение кучки спесивых, хитрых, лгущих отморожков, которые застряли в прошлом и требовали полицейских ресурсов для помощи в поддержке своего образа жизни (и их просьбы беспрекословно удовлетворялись). Все это вело к тому, что охота становилась для большинства проблемой, которую пришлось бы обсуждать на общенациональном уровне и которую в конечном счете парламент решил бы раз и навсегда, запретив как таковую.

До принятия Закона об уголовных преступлениях в 1994 году препятствование охоте считалось тривиальным правонарушением, которое каралось административно. Но вышеупомянутое и другие постановления наряду с действиями необъективной полиции все больше мешали вмешиваться в охоту и спасать жизни без риска уголовного преследования. В этой связи неудивительно, что поток людей, которые чувствовали, что у них нет выхода, кроме как прибегнуть к подпольным методам ФОЖ, был неиссякаем. Что им оставалось делать, когда армады охотничьих наемников и полицейских препятствовали саботажникам, прибегая к приемам, сопряженным с насилием и преступлениями?

Полиция регулярно использует свои транспортные средства, чтобы преградить активистам путь, остановить, обыскать и задержать их, якобы подозревая в хранении оружия или наркотиков. Нередко полицейские прикрываются Параграфом 5 Закона об общественном порядке 1986 года, где говорится об оскорблении окружающих, создании опасных ситуаций и провоцировании чрезвычайных происшествий. И никого не волнует, что куда большее число людей оскорблено самим фактом существования убийства диких животных.

Охотники на охотников на барсуков

Сначала потребовалось цивилизовать человека в его отношении к другим людям. Теперь необходимо цивилизовать человека в его отношении к животным.

Виктор Гюго

В 1984 году журнал о кровавых видах спорта «Новости охоты» (теперь — «Деревенский еженедельник») запустил кампанию по сбору средств в помощь троим мужчинам, обвиненным в охоте на барсуков в норе, а также учредил конкурс на звание самого бывалого терьермена. Одна статья про питбультерьера, где его с восхищением называли «подконтрольным хищником», была написана Дэвидом Морфью, человеком, которого впоследствии обвинили в участии в организации собачьих боев в Чесханте, графство Хертфордшир. В газете открыто рекламировались книги о собачьих и пегушинных боях, а также об охоте на барсуков. Подборки фотографий очень хорошо иллюстрировали позицию редакции: терьермены, раскапывающие лисьи, барсучьи и другие норы, терроризирующие и убивающие диких животных. Издание гордо именовало себя «британской газетой деревенских видов спорта». Оно изобиловало советами, как лучше всего расправляться с лесным зверьем, используя собак, капканы и т. п.

В 1988 году редактор газеты Клайв Бинмор призвал пересмотреть закон в отношении защиты барсуков и отменить запрет на охоту. В том же году я поместил в газету собственную рекламу — это было объявление о вакансии ассистента охотника на лис. Тем самым я хотел узнать как можно больше о местных кровопийцах и их проделках (разумеется, в действительности никакого ассистента охотника я не подбирал). В мой ящик посыпались отклики и резюме. Соискатели очень хотели получить работу. Они даже не заметили, что я использовал абонентский ящик нашей местной зоозащитной организации. Когда я отобрал первую группу — 70 человек — я попросил их предоставить рекомендации от людей, для которых они уже убивали, а также документальные подтверждения (фотографии), на которых они запечатлены за работой, чтобы я мог принять взвешенное решение и выбрать лучшего. Не все были настолько глупы, чтобы выполнить мое условие, но по меньшей мере половина прислала мне сотни снимков, на которых они были с оружием, собаками и трупами, бесконечно гордые собой. Я безумно хохотал, поняв, что собрал целое портфолио извращенцев, которому теперь можно было найти самое широкое применение.

Димвит Тревор Лимб из Бенчилла в Манчестере не ответил на мое письмо, но он вяпался в другую неприятность, повлекшую за собой последствия и для него, и для его друзей. В ответ на данное им в «Новостях охоты» рекламное объявление с ним вышли на связь два человека. И хотя эти двое спокойно ели мясо и могли наблюдать, как истязают животных, их поступок не может не вызвать симпатии.

В течение нескольких недель их приглашали на охоту на барсуков в норе в Билт-Уэллс в центральном Уэльсе. Лимб и четыре его закадычных друга поначалу были не в восторге от того, что гости носили с собой видеокамеру и увековечивали «бравые походы». Однако новички убедили Лимба и компанию, что в этом нет ничего необычного, что очень здорово записывать приключения и потом смотреть их в комфортных условиях дома. Единственное, о чем не упомянули двое друзей в разговорах с неустрашимыми браконьерами, так это о своем намерении показать пленку всему

миру. Они работали с Лигой противников жестоких видов спорта, надеясь собрать свидетельства. У Лиги был бюджет на финансирование частных расследований, когда были сведения о случаях жестокости к животным. К тому времени полиция и уголовный суд уже доказали, что скорее нарочно сорвут любую операцию зоозащитников, чем покарают кого-то за акты насилия над животными.

Все пятеро браконьеров были откровенно садистскими чудовищами; лазутчикам хватило одного разговора в пабе, чтобы в этом убедиться. Ножи, лопаты, дробовики и свора собак, которую они брали с собой против нескольких барсуков, служили тому доказательством. Весь процесс, включая обнаружение барсучьей норы и медленное и систематическое истязание каждого извлеченного животного, был заснят на пленку, равно как и физиономии тех, кто все это творил. Собрав достаточно доказательств (главным образом съемка раскапывания норы, в которой жила целая семья барсуков, но были пленки, сделанные самими живодерами во время их поездки в Ирландию и другие места), активисты передали их в полицию, и браконьеров арестовали.

На суде в Бреконе леденящая кровь съемка приключений пятерых изуверов показала, как барсуков рвут на части собаки, как в них стреляют, как их пронзают и в конечном счете убивают. Лимб позировал, когда готовил и ел барсучью ногу в Манчестере. Голову другого барсука набили начинкой и накололи на шампур, но то, что они делали с животными до поедания, свидетельствует об их жестокой сущности. Съемка длилась три часа. К окончанию записи все зрители на местах для публики громгласно требовали сурового приговора. Браконьеры и сами понимали, что показывать такое людям было нельзя.

Подобные персонажи любят насилие и опасны для общества. Однако исторически сложилось так, что законодатели нашего общества «не замечают» того, как обращаются с животными подобные изверги, во многом потому, что испытывают симпатии к подобного рода забавам, особенно если речь идет о времяпрепровождении на природе. Даже охота на барсуков, незаконный и, возможно, наиболее оскорбительный из всех кровавых видов спорта, в то время не карался тюремным сроком: максимальное наказание составляло штраф в размере 2 тысяч фунтов. К счастью, закон до определенной степени защищает домашних собак, а поскольку собаки получили ранения в схватках с барсуками, усилия прокурора были плодотворными. Одна собака — черный терьер, которого браконьеры пытались продать через рекламу в «Новостях охоты» — была жутко изуродована, а это уже жестокое обращение с домашним животным, то есть правонарушение, заслуживающее максимального наказания в виде шести месяцев тюрьмы.

Доказательства были настолько неопровержимы, что всех пятерых посадили на полгода, но только из-за пострадавшей собаки. Если бы она не получила таких сильных ранений, браконьеры вышли бы на свободу, отделавшись штрафами. Зоозащитников бы больше устроил последний вариант, потому что в этом случае у подонков не было бы шанса отсидеть 12 недель (к которым их в итоге приговорили), ожидая, пока страсти не улягутся, предварительно покинув зал суда с охраной в виде полицейских и усевшись в безопасный фургон. Если бы они вышли без охраны из здания суда, не исключено, что кто-то из толпы на улице потерял бы над собой контроль. Браконьерам и так очень повезло, что они ушли невредимыми с предварительных слушаний, когда небольшая группа протестующих заняла места прямо в середине зала суда. Тогда подсудимым посчастливилось проскользнуть и удалиться через заднюю дверь. Они удирали, как дикие животные. Только прыжками через высоченную стену за зданием суда двое из них избежали побоев. Кажется, насилие уже не казалось им таким привлекательным.

В день объявления приговора зал суда был забит зрителями, и шанс ускользнуть исключался. Безопасность браконьеров обеспечивали большие силы полиции. Стражи правопорядка попытались создать что-то вроде коридора из офицеров вплоть до самого фургона. Когда браконьеров повели по залу, толпа, издав рев ярости, бросилась на них, как свора охотничьих собак, по возможности избивая и проклиная. Полицейские быстро затолкали их в фургон. Ранения охотников были минимальными, но они все поняли: их ненавидели.

Между тем впереди уже маячила новая несправедливость. Пятеро протестующих были арестованы около зала суда и пошли под инсценированный суд. Один из обвиняемых, Брендан Макнелли, рассказал, как это произошло:

«Всю ночь меня продержали в Бреконе и отказали в адвокате, даже когда я попросил, и об этом была сделана соответствующая запись. На следующий день меня отвезли в суд в какую-то уединенную деревню в 40 километрах оттуда, потому что суд в Бреконе работал только раз в неделю. Здесь присяжные отказались перенести заседание, а так как адвоката у меня не было, пришлось защищать себя самому после ночи проведенной в клетке, голодным и неумытым. Невероятно, но меня каким-то образом обвинили в препятствовании выполнению обязанностей офицера полиции и приговорили к выплате штрафа в размере 100 фунтов. С меня как будто взыскали какой-то редкий налог. Прежде такого еще не случалось, а ведь мне не раз приходилось видеть сумасшедшие штучки в залах суда. Разумеется, я подал апелляцию, и обвинение было разбито в пух и прах в Королевском суде Суонси. Тогда я подал иск за незаконный арест, неправомочное содержание под стражей и злонамеренное судебное преследование. Мы долго торговались и в конце концов я выбил из суда 5 тысяч фунтов, которые пошли на доброе дело борьбы с угнетением животных».

Ирландских гвардейцев нанимают в качестве стюардов для участия во все учащающихся стычках с саботажниками. Местный активист прокомментировал это так: «Очень тревожит, что прошедших военную подготовку солдат бросают на мирных протестующих».

Наверное, все люди, которых обвиняли как активистов ФОЖ, имели опыт участия в легальных кампаниях и саботаже охоты. Ассоциация саботажников охоты (Hunt Saboteurs Association — HSU) никогда не рекрутировала людей в ряды Фронта, а лидеры ФОЖ не подбирали таланты среди саботажников. Напротив, это охотники и их группы поддержки всегда толкали людей (и меня в том числе) выйти на более прямой и менее конфронтационный путь. В первую очередь потому, что такая тактика приносила плоды.

ФОЖ всегда был на передовой зоозащитного движения. Его активистам неизменно грозила тюрьма, но саботажники охоты порой рисковали куда больше. Многие предпочитали заниматься подпольной деятельностью, вместо того чтобы рисковать здоровьем и жизнью в субботу после обеда.

Одной из первых акций подобной серии в 90-е стал рейд в Северной Ирландии, где активисты подожгли ипподром в Данганноне. Огонь уничтожил блок управления, буфет, трибуну, грузовой отсек, бар, офис и механического зайца. Акция была совершена «во имя лошадей, которые умирают в ходе бегов и после них, а также во имя борзых, от которых беспощадно избавляются, когда те уже не могут бегать достаточно быстро, чтобы зарабатывать деньги для владельца».

В Англии и Уэльсе серия поджогов, направленных против кровавых видов спорта, началась с пожара в офисе газеты «Новости охоты» в Девоне. Здание серьезно пострадало, крыша провалилась, компьютеры сгорели. Общий ущерб составил свыше 50 тысяч фунтов.

Фотограф «Новостей охоты» Саймон Эверетт одним ранним утром проснулся и увидел, что его фургон, припаркованный рядом с домом, полыхает. Две недели спустя любитель охоты Пол Хадсон лишился трейлера для лошадей — он тоже сгорел. Затем поджигатели поднесли спичку к охотничьим конурам в местечке Вейл-оф-Лун неподалеку от Ланкастера, причинив 20-тысячный ущерб, а во владениях охотничьего хозяйства Южного Дорсета команда саперов обнаружила и нейтрализовала заложенное зажигательное устройство. Зданию Вессекской школы рыбной ловли нахлыстом рядом с Толпуддлом повезло меньше — она сгорела дотла, равно как и два рыболовных судна на реке Фром.

Они всегда были очевидными мишенями, но лишь в ходе нескольких предшествующих лет, благодаря Кампании за запрет удебного лова (Campaign for the Abolition of Angling — CAA), убийство рыб стало проблемой, и удильщики поняли, что есть люди, которых беспокоит их занятие, и эти обеспокоенные граждане могут что-то сделать.

Выпущенный RSPCA в 1980 году Отчет о Средиземном море фокусировался на рыбе. По сей день этот документ остается лучшим, что сделало RSPCA за свою историю. Вывод отчета — очевидный любому наблюдателю — гласит, что рыба действительно чувствует боль, пусть большинство удильщиков и других рыбаков с этим и не согласны.

Стремясь пополнить свои ряды, BFSS встала на защиту рыбной ловли, пытаясь собрать большую группу поддержки во спасение своего кровавого спорта и сплотить вокруг себя всех, кто занимался убийством животных. «Присоединяйтесь к нам, или будете следующими, до кого доберутся», — как бы говорили они. По статистике самих рыбаков, в Соединенном Королевстве насчитывается около 3 миллионов удильщиков, а это немалое число голосов в пользу любителей умерщвления беззащитных существ.

Через неделю после поджога редакции «Новостей охоты» активисты без приглашения посетили офисы Британской ассоциации стрелков и охраны природы (BASC) в Мерфорд-Милл под Рексемом в Северном Уэльсе. BASC одобряет разведение пернатой дичи, которую выпускают летать прямо перед вооруженными дробовиками «охотниками».

В деревянных стенах активисты коловоротом просверлили дыры, чтобы обеспечить доступ ко всем трем зданиям на месте. Зажигательные устройства были помещены в каждое. Основная цель выстояла, так как пламя стихло, но другие здания и выставочный трейлер превратились в пепел. В заявлении для прессы ФОЖ предупредил, что в течение пяти лет все будет сделано как надо, и BASC перестанет существовать. Это обещание так и осталось невыполненным, хотя два года спустя в Мерфорд-Милл доставили бомбу в посылке. Заряд был закреплен в корпусе видеокассеты. Это событие совпало с выходом промо-роликов BFSS, в которых она предупреждала саперов о «загадочных посылках, которые присылают охотникам по всей Британии».

В мае подвергся нападению офис редакции журнала «Терьер за работой». Как следует из названия, это издание тоже писало об охоте и было любимым среди терьерменов. В помещение на втором этаже в здании в Уигане, графство Большой Манчестер, удалось проникнуть с помощью лестницы; активисты разбили окно, забрали пару «полезных вещей» и оставили зажигательное устройство. Пламя опустошило офис. Редактор журнала Эдди Роуботтом впоследствии сказал: «Это отвратительно. Нам придется начинать все сначала».

ФОЖ ответил: «Что отвратительно, так это материалы, которые ставил журнал, призывая других участвовать в этой дикости и настаивая на том, что садистское поведение легально. Мы советуем толстячку (Эдди Роуботтому — прим. авт.) и его самым друзьям заняться чем-то менее разрушительным, потому что мы еще не закончили и постоянно совершенствуемся».

Еще один убийственный день

Праведник ценит жизнь всякого животного, а сердце грешника не знает милосердия.

Книга притчей Соломоновых, 12:10

Суббота, 9 февраля, 1991. Со всего Ливерпуля на железнодорожную станцию съехались саботажники охоты, среди которых был 18-летний юноша Майк Хилл. У всех уже был опыт саботажа. Бывали хорошие дни, бывали — не очень. Под хорошим днем понималось, что группа не только соберется, приедет на охоту и не попадет, но и не даст убить ни одно животное.

Предсказать наверняка это невозможно, но на большинстве охот насилие — обычное дело. Для некоторых охотников из Чешира избиение людей является приемлемой заменой охоте на зайцев, когда животных рядом нет. Как правило, активисты ехали только в том случае, если набиралось достаточное число людей. Первоочередная забота — найти способ применить уже имеющиеся навыки, чтобы отвлечь внимание собак и охотников от зверя.

Майк Хилл с другом ехали за город из Центра спасения животных во Фрешфилдзе, где они имели дело с последствиями любви местных жителей к нелегальному разведению животных и, соответственно, появлению большого числа нежеланных животных, что выливалось в пренебрежительное и жестокое отношение к ним. По лицу Майка можно было понять, какую боль он испытывал изо дня в день, помогая животным. Он был тихим, полным сострадания человеком, делавшим все, чтобы улучшить жизнь подопечных. Он не любил об этом говорить — просто делал что мог. Он был хорошим парнем. Как вы могли догадаться, его уже нет в живых.

Когда активисты прибыли в паб «Красный лев» в Литтл-Бадворте около часа дня, охота все еще продолжалась. Отвратная толпа охотников быстро собралась, чтобы определить численность врагов, как только саботажники подъехали небольшой вереницей легковушек в сопровождении хорошо известного саботажного ливерпульского фургона.

Присутствие отморозков не понравилось саботажникам, но эти две группы уже неоднократно сталкивались, и держать охотников в поле зрения всегда было лучше, чем не знать, где те находятся: иногда они прятались и устраивали засады. Активисты полагали, что на месте будет еще одна команда соратников, но та накануне вечером разбиралась с другой охотой в соседнем графстве, поэтому должна была приехать позже. Высадка в час давала возможность саботировать лисью охоту в первой половине дня и заячью во второй, что представляло собой как двойную удачу, так и двойную опасность.

Вышло так, что ждать подкрепления оказалось неоткуда. Дружественная группа саботажников застряла на другой охоте, спасая лис, а еще одна команда в пределах досягаемости даже не двигалась, потому что у нее сломался фургон. Во избежание излишних конфронтаций до начала охоты, саботажники расположились так, чтобы видеть одного из них — Алана Саммерстилла. Все остальные, как правило, следовали за ним. Трейлер с гончими был открыт в час дня. Быстро подув в горн, хозяин подозвал к себе возбужденную свору биглей. Он был для них как Крысолов из сказки братьев Гримм. Все саботажники, кроме водителей, которые отвечали за высокую мобильность группы, высыпали на природу в полной боеготовности. Всегда очень важно держать охотников в зоне видимости, иначе они ухитряются пропасть на целый день. И вот две толпы оказались друг перед другом.

Одну активистку сильно толкнул в спину толстый немолодой краснолицый увальень, посоветовавший ей «найти работу». Она упала лицом в землю. Если бы это хоть как-то касалось этого быдла, то девушка бы ответила, что вообще-то работа у нее была, причем очень неплохо оплачиваемая. Свой выходной день она посвятила спасению жизней. Надо заметить, что далеко не вся группа поддержки увлеклась потасовками с саботажниками. Некоторые просто для них не годились: кто-то был слишком молод, кто-то слишком стар, они явно участвовали в происходящем с неохотой. Поэтому ищущие приключений очень быстро отделились от тех, кому они были не нужны. Дракам не было конца, но это не могло удержать саботажников подальше от травли.

На протяжении двух часов активистам удавалось эффективно саботировать охоту с помощью горнов и криков, пока охотники не решили, что лучше остановиться и не тратить время впустую. Они призвали собачью свору и начали сворачиваться. Группа поддержки слонялась по окрестностям, ожидая каких-то событий. Создавалось впечатление, что охотники надеялись на приезд полицейских, но те были заняты на футбольных матчах, где и так не хватало людей. Тогда охотники решили временно закрыть мероприятие и устроить рандеву в пяти километрах от места встречи, чтобы избавиться от саботажников. Они сели в трейлер для гончих и выдвинулись.

Раньше подобное срабатывало, но не в этот раз. Несколько активистов заблокировали дорогу прямо перед машиной беглецов. Это было небезопасно. Помимо того, что их могли просто переехать, они сидели и были безоружны — легкая добыча для любой группы охотников.

Какое-то время ничего сверхъестественного не происходило — обычное сверление взглядом, брань и угрозы. За рулем был Саммерсгилл и он бы с удовольствием переехал любого, кто не ушел с его пути или кого не сумела убрать группа поддержки, которая, кстати, тоже оказалась рядом. Не имея возможности двигаться, Саммерсгилл выскочил из машины с баллонным ключом, видимо, намереваясь крошить черепа. Это только задержало охотничьи забавы, потому что начались новые драки, что было одновременно хорошо и очень плохо для саботажников. Начало темнеть, времени на охоту оставалось все меньше. Перестав махать кулаками, охотники вернулись в машину и вновь попытались прорваться, на сей раз тараня дорожное ограждение и не безуспешно. Тогда Майк Хилл, Дэвид Бленкинсоп и Пиррип Спенсер запрыгнули на крышу грузовика, резонно полагая, что когда ты наверху, до тебя сложно добраться. Теперь охотники должны были дожидаться полиции, потому что это же незаконно и опасно — развезжать с людьми на крыше. Так ведь?

Саммерсгилл придерживался иного мнения, будучи вне себя от ярости. Он дал по газам, трейлер мотало из стороны в сторону, повсюду были клубы вонючего дыма, который ослеплял оставшихся позади. Какой был смысл мчаться прочь от саботажников, имея троих на борту? Или у Саммерсгилла имелись другие планы относительно них? Следующие восемь километров он гнал под 130 км/ч, грузовик шатало и трепало на всю катушку. Намеренно или нет, но Саммерсгилл явно угрожал жизням активистов. Без шуток. Вскоре, осознав опасность, которой они сами себя подвергли, оказавшись, по словам Бленкинсопа, «в руках психопата», они цеплялись за крышу изо всех сил, всячески пытаясь заставить его остановиться, но усилия были тщетны.

Сильно похолодало. Ребята не на шутку перепугались. Они не знали, какая участь их ждет, но варианты были не из приятных. Они могли слететь с крыши и разбиться или угодить под колеса. Могли приехать в устроенную охотниками засаду. В конце концов, если Саммерсгилл намеревался уехать далеко, они могли запросто замерзнуть. «Он явно что-то задумал, и не в наших интересах было оставаться ча-

стью его замысла», — сказал позднее Бленкинсоп. Все трое согласились, что лучшее решение — это прыгнуть с грузовика, когда он остановится на развязке или сбросит скорость перед изгибом дороги. Один изгиб как раз приближался. Майк Хилл был самым храбрым. Он прыгнул первым. Прыгнул на травяное ограждение, но не достиг его. Он ударился об угол трейлера и упал под его колеса, отчего трейлер сильно трянуло. Водитель сумел справиться с управлением и поехал дальше. Саммерсгилл все видел, но остановился, только когда разбилось заднее стекло трейлера. Он здорово перепугался. Друзья побежали к раненому, а охотники скрылись. 18-летний Майк Хилл умер на месте.

Алана Саммерсгилла позднее арестовали. Он провел несколько часов в полицейском участке, прежде чем его выпустили, не предъявив никаких обвинений. Его не привлекли даже за опасную езду или за отказ остановиться при виде несчастного случая! Его юрист был председателем охотничьего клуба «Чеширские бигли». При обычных обстоятельствах, когда имеет место подобный инцидент, — причем куда менее серьезный, чем гибель подростка, — полиция всегда предъявляет обвинения. В таком случае арестованный находится под стражей или выходит под залог, что удерживает его от новых правонарушений. А признание вины всегда поощряется. Ситуация, подобная этой, была бы подарком для любого прокурора. Чего стоит одно только исчезновение с места чрезвычайного происшествия, не говоря уже о причинении смерти халатной ездой или даже преднамеренном убийстве!

Поразительно, но в этом деле не было и намека на правосудие, невзирая на наличие трупа. У полиции напрочь отсутствовала мотивация. Свидетельница утверждала, что случайно подслушала разговор двух детективов в полицейском участке. Один из них предположил, что Саммерсгилл был пьян и не владел собой. Охотники известны своим пристрастием к выпивке, особенно перед началом кровавых игр, в процессе и после. В любом случае алкоголь в крови Саммерсгилла едва ли мог повлиять на ход дела, потому что политическая воля, необходимая для наказания этого преступника, откровенно отсутствовала.

Когда на саботажников нападают в присутствии полицейских, нормальная реакция последних — делать вид, что ничего не происходит. Это настолько регулярная практика, что даже интересно, не согласованная ли это политика. Поразительно, что саботажников могут тысячами держать в участках под замком на протяжении всего уикенда за куда менее существенные проступки, как «изъявление намерения устроить саботаж», получение травм в драке или дутье в горны. Я знаю массу активистов, каждый из которых не сделал практически ничего противозаконного и провел за решеткой больше времени, чем Саммерсгилл, убивший 18-летнего парня.

Если бы погиб охотник, все саботажники без сомнения были бы арестованы, обвинены и сидели в тюрьме безвылазно вплоть до показательного суда. Пресса вытоптала бы все поля вокруг места происшествия при поддержке политиков и полиции, во всю глотку вопя о насилии, устраиваемом «экстремистами» и призывая к введению более строгих законов, запрещающих акции саботажа во избежание повторения подобных трагедий. Это мое мнение, и оно подкреплено не слухами, предрассудками или злостью; его подтверждает многолетний опыт.

Саботажники охоты получили очередное предупреждение, вызвавшее неистовый гнев, как только прошло шоковое состояние. Они взывали к правосудию, но криков не слышали не только те, кто всегда был к ним глух, но и многие сторонники. А поскольку никакой реакции властей не последовало, нам лишь оставалось самим позаботиться о том, чтобы правосудие свершилось.

Дикие животные никогда не убивают спорта ради. Человек — это единственное существо, для которого пытки и убийства ближних являются развлечением.

Джеймс Фруд¹

Телефоны звонили всю ночь и весь следующий день. Все мы знали, что нечто подобное рано или поздно могло случиться. Нас переполняло глубочайшее отчаяние вместе с негодованием. Мы спешно организовали демонстрацию рядом с охотничьими собачьими конурами в Додлстоне близ Честера. При подготовке упор делался на то, чтобы как можно ярче и полнее предать широкой огласке события, окружающие смерть Майка, в том числе информацию о бездействии полиции, а также указать властям на необходимость превентивных мер, которые бы не допустили новых убийств. Пресса была уведомлена, что перед домом убийцы Майка пройдет молчаливый пикет. Телевидение и пресса приехали осветить акцию, в которой участвовали 150 человек.

Ни у кого не было планов смять конуры или сделать нечто в этом духе, однако полиция Чешира обеспечила совсем уж условное присутствие, поэтому произошло то, что произошло. Возле дома охотника, за воротами, был припаркован тот самый трейлер — орудие убийства. Несмотря на то, что демонстрация была заявлена как молчаливый пикет, эмоции хлынули через край. После откровенно бессмысленного флианирования перед домом, настроения резко изменились, когда небольшая группа протестующих направилась через поля к тыльной стороне конур. Поднялось спонтанное веселье, загудели горны — а это гарантировало прилив адреналина. А потом тонкая голубая линия из восьмерых офицеров, охранявших вход в ворота, порвалась под натиском толпы. Это было слишком просто.

Дальше началась потасовка возле дома и трейлера для собак. Никаких бомб или чего-то в этом духе — лишь несколько разбитых окон и немного шума. Какие-то демонстранты использовали транспаранты, чтобы закрывать обзор для камер прессы; другие блокировали ворота, не давая заснять происходящее. Горстка правоохранителей попыталась кого-то арестовать, но они очень быстро поняли, что это бесполезно, потому что задержанных молниеносно отбивали другие активисты, а если бы началась реальная рукопашная, активисты победили бы банальным численным преимуществом. Полицейское подкрепление уже направлялось к месту событий, но в течение нескольких минут толпа рассеялась, сделав то, что хотела. Арестован был всего один человек: его взяли рядом с конурами, пристегнув наручниками к водосточной трубе. Еще целый фургон активистов был задержан в нескольких километрах от места рядом с железнодорожной станцией Честера.

Троих арестовали в тот же день чуть позже — после того, как они позвонили в участок, чтобы узнать о судьбе своих задержанных друзей. Всем арестованным торопливо предъявили обвинения в соответствии с Разделом 1 Закона об общественном порядке 1986 года — поднятие мятежа, что карается 10-летним тюремным сроком. Одной из обвиняемых была девушка Майка Хилла Джули Берджесс. Никого не выпустили под залог, хотя полиция уверяла, что они сидят в диспетчерской. Тем временем начался поиск доказательств для предъявления более серьезных обвинений. И все из-

за нескольких разбитых окон! Это явилось устрашающим стечением обстоятельств даже для самых бывалых активистов, за некоторыми из которых — в том числе за мной — теперь охотились отряды полиции. Огромная операция, затеянная с целью нейтрализовать максимальное количество людей, присутствовавших на демонстрации, была захватывающим действием и вызвала волну негодования и злобы. Кого-то беспокоило убийство юноши и отсутствие наказания, несмотря на наличие заслуживающих доверие свидетелей, однако чеширскую полицию куда больше интересовали разбитые окна.

По всей стране в последующие недели были арестованы десятки человек. В конечном счете 41 из них предъявили участие в мятеже. Кого-то выпускали только под залог в 1000 фунтов при условии, что человек будет держаться подальше от Чешира, Клуида и Виррала — охотничьих угодий «Чеширских биглей». Власти не выражали ни малейшего желания наказать Саммерсгилла, но проявили непостижимый энтузиазм, врываясь в десятки домов и собирая сведения об активистах, арестованных за битье окон.

В интервью для прессы, которое я дал буквально перед началом нападения на конуры, я заявил, что нашим намерением является остановить эту охоту навсегда, чтобы больше никто не погиб. У полицейских были свои мысли на этот счет. Они выставили меня организатором акции. Не желая решать проблему, полиция защищала охоту, чем только раззадорила других активистов. Они оказали массированное давление на «Биглей» из уважения к памяти Майка Хилла. На ликвидацию последствий были брошены еще более серьезные силы в виде конной полиции, офицеров под прикрытием и вертолетов — что угодно, лишь бы защитить шайку отморозков и отстоять их право убивать диких зайцев!

Сообщалось, что Саммерсгилл прячется, опасаясь за свою жизнь. Его точно не было дома в ночь, когда его дом сгорел дотла усилиями бойцов ФОЖ через неделю после смерти Майка, что заставило охотничий клуб покинуть свою базу и начать искать новое место, где им были бы больше рады. Телевизионщиков не шибко жаловали в этих краях; слишком много неприятностей принесла всенародная слава.

Когда дело дошло до суда 14 месяцев спустя, на скамье подсудимых оказались 17 человек. Никого не волновало, что большая часть арестов закончилась ничем из-за отсутствия доказательств. Власти считают, что аресты — это всегда полезно. 17 обвиняемым, включая меня, была предложена сделка: если мы признаем себя виновными в нарушении общественного порядка с применением насилия, что влечет за собой шестилетний тюремный срок, то обвинения в поднятии мятежа, которое оценивается в 10 лет, будет снято. Адвокаты посоветовали шести подсудимым, которых свидетели видели на территории конур, принять предложение. Остальные предпочли судиться.

Единственным доказательством с места преступления, какое попыталась предъявить полиция, была бесценная видеопленка, на которой удалось запечатлеть часть событий (начало штурма). Запись была сделана на камеру, размещенную полисменом под патрульной машиной, когда сам он пошел помогать коллегам препятствовать беззаконию. Офицер подумал, что камера находится в безопасности, но кто-то видел, как он ее прятал, и умыкнул устройство. В итоге активист снял собственную версию событий. К несчастью, этот человек был среди ехавших в фургоне, который полиция задержала в Честере. Офицеры обнаружили камеру и конфисковали ее вместе с пленкой. Это были решающие улики для прокурора, который в дальнейшем обзавелся фотографиями, изъятыми у прессы. Лица на снимках внимательно сличили на предмет совпадения с лицами из картотеки Особой службы.

Без каких-либо усилий с моей стороны я оказался в эпицентре всех процессов. Непосредственно перед тем, как толпа прорвалась через главные ворота в час дня, двух людей видели приближающимися к заднему фасаду конур; сторона обвинения утверждала, что одним из них был я. Определили они это по фотографиям, сделанным издали. У человека на снимке была куртка, похожая на мою. Примерно в то же время кто-то дунул в горн — признак сбора саботажников охоты. Прокурор представлял меня зачинщиком «мятежа». Это было чистой фантазией, но, главное, это очень хорошо помогало отвлечь внимание от жестокого убийства. Равно как и история, рассказанная полицейскими. Они говорили, что бедный Саммерсгилл находился в доме в момент вторжения; якобы его едва не выгребли из дома через разбитое окно; якобы он прятался под мебелью от дождя из кирпичей и стекла. В подробности этой сказочки были посвящены только полицейские и убийца Майка. Так или иначе, через две недели в набитом до отказа зале суда присяжные удалились для вынесения вердикта. Им предстояло определить степень виновности подсудимых в нарушении общественного порядка с применением насилия и использованием угроз и оскорблений либо оправдать активистов. Судья очень любил подводить так называемые итоги, однако у него не получилось повлиять на жюри.

Я был первым, кого признали невиновным по обоим пунктам обвинения, отчего я поистине возликовал! Пятеро подсудимых были признаны виновными в угрожающем поведении и приговорены к трем месяцам условно плюс выплате по 250 фунтов в счет судебных расходов. Анджела Хэмп не явилась на судебное заседание. На ее имя был выписан ордер на арест. Грэм Вуд, Джон Кертин, Нил Кручер, Мартин Эглтон и Элистер Хоусон были признаны виновными в нарушении общественного порядка с применением насилия и отправлены в тюрьму на 12 месяцев. Дейв Бленкинсоп, который держал за руку умирающего Майка Хилла, получил 15 месяцев.

Никто не жалел ни сил, ни средств на то, чтобы посадить как можно больше людей. Никто не жалел ни сил, ни средств на то, чтобы обеспечить «Чеширским биглям» неприкосновенность. Саммерсгилл публично заявил, что опасается за жизнь своей жены и ждет отмщения. Он добавил, что больше не охотится. Конуры были официально покинуты вслед за пожаром. Клуб стал бездомным. Несмотря на такое признание, Саммерсгилл продолжил охотиться. Он и по сей день известен как большой любитель кровавых извращений, присущих работе терьермена.

Против Саммерсгилла было выдвинуто частное обвинение. Ему предъявляли халатное вождение и уезд с места несчастного случая. Несмотря на факты и свидетельства, включая показания независимой очевидицы, которая застала грузовик мчащимся на опасной скорости мимо ее окна с тремя людьми на крыше, убийца так и не был осужден. Его даже не допросили в ходе следствия. А вот его сообщник Мартин Стоунли рассказал свою фантастическую версию случившегося. Он утверждал, что Майк выразил намерение бросить спичку в бензобак грузовика — и вот он оказался со спичкой в одной руке и крышкой от бензобака в другой, а грузовик при этом ехал быстро. Что касается рассеянного поведения Саммерсгилла и Стоунли и их отъезда с места происшествия, так это, дескать, следствие страха охотников за свою жизнь.

Смерть Майка была официально признана несчастным случаем, что едва ли кого-то удивило. Это выглядело как давно принятое решение и лишь стало жирной точкой в омерзительной истории, внушившей многим, что необходимо сражаться яростнее, но осторожнее. Сотни людей пришли на похороны Майка в его родном Сомерсете. С тех пор каждый год в день его смерти толпа людей отправляется в Че-

шир и устраивает хаос на охотах по всему графству. Майк Хилл посвятил свою жизнь борьбе с угнетением животных. Он помогал им в центре спасения во Фрешфилдзе, следя за чистотой и порядком в отделении для щенков. Когда-то популярной мантрой на маршах протеста были слова: «Чего мы хотим? Освобождения животных! Когда мы хотим его? Сейчас! Будем мы сражаться за него? Да! Умрем ли мы за него? Да!» Мы больше не предлагаем друг другу умереть за него; такие выкрики исчезли с тех пор, как трагические смерти стали реальностью. Последние слова уступили место новым: «Добьемся ли мы его? Да!», и они эхом проносятся в наших ушах. Мы действительно добьемся уважения к животному царству, ко всем его членам без исключения. И если надо, умрем ради этого.

Беглый взгляд на историю позволяет убедиться, что насилие, репрессии, непоследовательная политика и намеренное усложнение жизни для одной стороны конфликта силами другой, сильной стороны, всегда ведет к укреплению решительности и растущей активности слабой, страдающей стороны. В конце концов, все это делается ради исчезновения угнетения и несправедливости. Мне придает сил вся та боль, какую я ощущаю из-за животных, которых никогда не увижу, и все те люди, которые соперничают животным. Они продолжают бороться, несмотря на лицемерие властей, обвиняющих их в насилии. Возможно, битье окон не самое благородное занятие, но есть и куда более ужасные вещи.

Майк не стал первым активистом, павшим от рук угнетателей животных, как не стал и последним. Несколькими годами ранее, в 1985-м, Диана Фосси¹ была убита неизвестным нападавшим в исследовательском центре Карисоке, который она открыла, чтобы защищать горных горилл Руанды. Началось с того, что браконьеры убили ее любимую гориллу — Диджита. Тогда Фосси учредила Фонд Диджита (Digit Fund), призванный помочь оставшимся 600 обезьянам выжить в двух регионах Уганды и Руанды.

В том же году правительство Франции послало двух убийц, часто позиционируемых как агенты спецслужб, но куда больше похожих на террористов, в порт Окленда в Новой Зеландии с миссией потопить корабль Greenpeace «Воин радуги», чтобы он перестал мешать проведению французами ядерных испытаний. Фотограф Greenpeace Фернандо Перейра находился на борту и погиб от взрыва магнитной мины, которую диверсанты присоединили к корпусу судна. Этот классический акт государственного терроризма не только шокировал мир, но и привлек внимание к ядерным программам и укрепил политику стран Тихого океана, направленную против таких испытаний.

Ирония заключается в том, что первая кампания «Воина радуги» преследовала целью переселить обитателей атолла Ронгелап, загрязненного США в ходе ядерных экспериментов в 1950-е. Америка проигнорировала призывы о помощи, зато Франция открыто продемонстрировала, на что можно пойти ради власти, убив человека и уничтожив неудобное судно. Два человека, ответственные за убийство Фернандо Перейры, получили впоследствии 10-летние сроки, но, проведя три года в военной ссылке на острове в Тихом океане вместе со своими семьями, вышли на свободу: правительство сочло, что они вдоволь настрадались. 10 лет спустя Greenpeace вернулась в Тихий океан с новыми лодками, включая «Воина радуги II», протараненного и конфискованного французским правительством в ходе военных экспериментов с новыми ядерными устройствами, более эффективно отравляющими нашу планету...

¹ Диана Фосси (1932–1985) — американский зоолог. Изучала различные группы горилл на протяжении 18 лет. Дело о ее убийстве до сих пор открыто.

В 1993 году Гитабан Рачива зарубили насмерть мясники в городе Амбавати на Западе Индии. Она была преданной активисткой и успешно выступала против жестокости и торговли мясом, донося правду о происходящем до людей. Ее убили в связи с падением продаж.

Нужно всегда быть готовым к тому, что эксплуататоры предпримут нечто подобное. Я не преувеличу, если скажу, что именно так называемые экстремисты становятся самыми значительными жертвами насилия со стороны угнетателей в борьбе за права животных. Я расскажу о потерпевших с обеих сторон. Вы сами сообразите, кто охотней прибегает к насилию.

Юный Том Уорби

Сострадание к животным непосредственно связано с добротой характера; и можно с уверенностью утверждать, что тот, кто жесток с животными, не может быть хорошим человеком.

Артур Шопенгауэр

И тут мы вновь возвращаемся к моменту, когда я сижу в тюрьме, а Фронт освобождения животных мелькает во всех заголовках, гласящих, что Большие национальные скачки сорваны. 3 апреля 1993 года.

Я никогда не встречался с Тони Боллом, но все, с кем я говорил, описывали его как легко возбудимого, злого человека, которого лучше остерегаться. Остальное — история. У Болла выдался паршивый день. Ему пришлось призвать свору гончих раньше времени из-за горстки саботажников. Возможно, он проигрался на скачках и был не в лучшем расположении духа. Для 53-летнего охотника на лис из Кембриджшира хороший день представлял собой запахи цветочков и лис, на которых никакие чертовы саботажники не мешают охотиться. Он ехал домой рано на своем трейлере для лошадей, и тут перед ним возникли семенящие активисты. Их день сложился удачно, потому что охотничьих забав было мало, а убийств и вовсе удалось избежать. Активисты тоже направлялись домой. Среди них был Том Уорби. Я не знал Тома, но я хорошо себе представляю, как он себя чувствовал. Он впервые поехал саботировать; он вкусил успех, другие саботажники были с ним дружелюбны и присматривали за ним, как это принято: все друг за другом присматривают. Его девушка саботировала охоту несколько раз, вот он и решил поехать с ней. Она знала, что и как делать; чтобы научиться правильно себя вести, много времени не надо.

Любой деревенский житель скажет вам, что когда ведешь машину в сельской местности и перед тобой появляются пешеходы, нужно уступить. Если на дорогу высыпало стадо коров или овец, не нужно мчаться сквозь них — следует дождаться, пока фермер не уберет их с твоего пути. Не надо сигналить на саботажников охоты — они позволят тебе проехать, как только смогут. Это деревня, городские должны учиться терпению. Но Болл не желал терпеть. Это была его деревня, и он ревел двигателем, чтобы все знали это, но в том самом месте убраться с дороги было действительно некуда. Тем не менее он угрожал и обзывался. Кто-то даже слышал, как он огрызнулся: «Если вы не дадите проехать, я вас всех к такой-то матери передавлю».

Увеличивая число оборотов и разгоняя фургон, Болл принялся прокладывать путь через группы разбегающихся по двое-трое активистов. Уорби инстинктивно попытался убраться с дороги и прыгнул вправо, чтобы забраться на узкое травяное ограждение, но оно оказалось слишком покатым, и уцепиться на нем было не за что. Все видели, что пешеходы в опасности. Но никто, кроме водителя, ничего не мог с этим сделать. Юноша отлетел и ударился о грузовик, сломав при этом ногу. Он ухватился за боковое зеркало и смог удержаться за него несколько секунд, пока Болл продолжал гнать во всю прыть. Испуганный парень и расчищенный путь — казалось бы, Болл добился, чего хотел, и мог бы остановиться, но тут его охватило возбуждение от происходящего. Через 50 метров Уорби больше не мог продолжать держаться и упал под колеса грузовика. Он умер на месте. Болл же продолжил свой путь.

У тех из нас, кто имел опыт в подобных делах, не вызвало удивления ни то, что полиция не провела большое расследование, ни то, что она не вышибла дверь дома

Болла и не заковала его в наручники, ни то, что СМИ отчего-то промолчали об отморозках, убивающих детей. Я проводил выходные в участке и за куда меньшие грехи: для примера, дул в охотничий горн и прогуливался по полю. Мою дверь вышибали из-за так называемого подозрения в краже чьего-то дневника и обязывали соблюдать комендантский час, чтобы отвадить от спасения кур на фермах по ночам. Это стандартное наказание для тех, кто выступает против угнетения животных.

Тони Болл, как Алан Саммерсгилл и многие другие, был впоследствии арестован, допрошен и выпущен без предъявления каких-либо обвинений. Ему не инкриминировали даже неосторожное вождение или скрывание с места несчастного случая — позиция полицейских, до изумления похожая на ту, что последовала за смертью Майка Хилла. Отсутствие даже намека на возмездие за жестокие нападения взрослых мужиков на женщин и детей, а также атмосфера равнодушия и даже препятствования восстановлению справедливости, сделали этих мужиков бесстрашными перед возможными последствиями подобных нападений.

Сдержанная реакция полиции Кембриджшира была предсказуемой, тогда как пресса отреагировала совсем уж неадекватно. Поскольку Том Уорби не был известен полиции как саботажник охоты или террорист с криминальным прошлым, смерть юноши повесили на его друзей и на Ассоциацию саботажников охоты, которая якобы безжалостно дезинформирует детей о том, что представляет собой охота! The Mail on Sunday «удалось выяснить», что Ассоциация обучает доселе неизвестную небольшую группу под названием «Лисята», готовя из представителей молодого поколения, еще слишком юных для акций, настоящих диверсантов. «Саботажники охоты вербуют детей», — кричал испуганный заголовок. В статье жестко критиковались саботажники, а их деятельность приравнивалась к насилию над детьми, только потому, что они объясняли недорослям, что насилие — это жестоко, а также потому, что координировали кампании по коллективному написанию писем членам парламента. Кроме того, автор накопил грязи на бывшего мужа одной престарелой саботажницы, который, как утверждалось в материале, был фашистом. Зачем все это? Чтобы отвлечь внимание от смерти подростка. Мужчина средних лет имел плохую репутацию, а в один ненастный день взял да и убил совершенно безобидного, незащитного 15-летнего парня, однако убийцу никто ни в чем не обвинял! Статья представляла собой худший пример низкопробной журналистики, которой почти удалось скрыть правду о том, что случилось в том лесу. Как вышло, что авторы заголовка орали про насилие, террор и экстремизм из-за разбитого окна да про письма с угрозами, при этом игнорируя настоящее насилие и зверское убийство? Как могла подобная история внезапно встать с ног на голову?

Тюрьма всегда берет свое и предстает не самым приятным местом для детоубийц вроде Болла. Он вполне мог убить кого-то, кого я знал. Это было не столь важно — хватало того, что убитый был со мной заодно и активно действовал против угнетения животных. Узнав об убийстве, я впервые за многие месяцы заключения почувствовал себя бессильным и отчаянно нуждающимся в разговоре с кем-то, кто помог бы мне понять смысл происходящего, но договариваться о телефонных звонках требовалось заблаговременно. Мой сокамерник Джон был чувствительной натурой. Это не была смерть моего близкого, и мне требовалось пообщаться с кем-то, кто смог бы понять меня. Я был изолирован, запутан и зол, а ток-шоу на радио уделяло больше внимания обсуждению сорванных скачек и поискам виноватых.

Разумеется, в кругах зоозащитников зрели мстительные настроения, но местные саботажники призвали всех к спокойствию. Никто не хотел повторения Додлстона, разумнее было обрушиться на власти с критикой, когда страсти улягутся. Но что мог-

ло быть хуже, чем безнаказанное убийство людей? Погромы в конурах при свидетелях, возможно, были не лучшим ответом на такой произвол, но не сидеть же сложа руки?..

Никто так и не ответил за убийство Тома Уорби, хотя полиция не преминула отправить людей на подавление «мятежа» возле конур. И все! Разве движение становится сильнее, когда подставляет другую щеку? Или, может, подставить щеку означает дать понять, что мы готовы нести потери в будущем? Будут нас больше или меньше уважать? Если ответственные за правосудие ничего не делают, то кто должен? Они убивают детей!

РЕЙДЫ

Бигли, которых разводят в лабораториях, не могут жить в других условиях.

Боб Коули, менеджер Interfauna

Суд и возмездие

С тех пор как Хантингдонский исследовательский центр был нанесен на карту активистского движения, начали просачиваться все новые и новые сведения о местных предприятиях, о деятельности которых широкие массы ничего не знали. Многие активисты знали о существовании HLS, но мало кто слышал про компанию под названием Interfauna, здание которой было расположено по дороге ниже исследовательского центра в местечке Эбботс-Риптон. О деятельности предприятия можно догадаться по ее названию: если Interflora доставляет цветы, то Interfauna — животных. Совпадение. Или нездоровая шутка. Как бы то ни было, прошел слух, что эта компания — крупнейший поставщик биглей прожорливым лабораториям, не слишком перегруженная мерами безопасности.

Когда опасность обнаружения животных была оценена по достоинству, HLS подняла этот вопрос, создав кордон безопасности. Он не был непреодолимым, и Сара Кайт это доказала, но Interfauna представляла собой другой, куда более независимый бизнес. Были выявлены и иные звенья цепи, включая центр разведения грызунов в промышленном комплексе в Стакли-Мидоуз. Тем не менее Interfauna выглядела заметно более слабым звеном и легкой (но драгоценной) добычей для ФОЖ.

Компанию основали в середине 1970-х два ветеринара Хэкиннг и Черчилль. Они были бывшими сотрудниками HLS и умели гробить здоровых животных. Они придумали хороший способ жить припеваючи — получать деньги за снабжение друзей и коллег животными, которые тем требуются. Но однажды кто-то прознал про их жалкий бизнес и призадумался, а не спасти ли животных. Заговор зародился на демонстрациях против HLS среди усердных людей, которые были знакомы и доверяли друг другу. Они условились вызволить свору биглей из помещений Interfauna. Джон Кертин принимал активное участие в этих событиях. Вот как он описывает эту историю:

«Когда мы приняли решение об освобождении, следующим шагом стало съездить туда и увидеть все собственными глазами. Так мы с еще одним заинтересованным человеком и сделали. Нашей первой реакцией на происходящее в Interfauna — помимо тошноты от отвращения — было искреннее изумление от явного недостатка мер предосторожности. Никакой колючей проволоки, никаких прожекторов, охранников — лишь один менеджер и два довольно добродушных ротвейлера. Гарантией безопасности этого места служило только расположение. Дом оставался крепостью только потому, что о нем до недавнего времени никто не знал. А высокий забор и камеры наблюдения на каждом шагу лишь привлекли бы ненужное внимание. Но теперь завеса тайны была сброшена, активисты уже высадили разведчиков. По сравнению с большинством рейдов этот представлялся плевым делом.

Мы составили примерный план. Примерный, потому что было ясно, что нам понадобится множество людей и кропотливая, скрупулезная постановка задач. Я пообщался с массой активистов, и, к моему большому удовлетворению, одним из них был Дэнни Эттвуд, который сам в поте лица работал над проектом нападения на Interfauna

и освобождения ее узников. Как говорится, гениальные умы мыслят в одном направлении! Объединив усилия и посвятив пару вечеров прогулкам по окрестностям предприятия, мы получили подробную информацию от бывших сотрудников компании, которые уволились, не выдержав атмосферы секретности и ужаса, царившей в этой компании. Они описали нам шокирующую картину, которая вполне укладывалась в рамки нашего представления об изнанке подобных предприятий.

Было решено, что мы попробуем проникнуть в Interfauna и вынести из отсека для собак столько щенков биглей, сколько получится. Разумеется, мы собирались вызволить и взрослых собак тоже. К сожалению, этого сделать не удалось, потому что при приближении человека собаки начинали биться в истерике и лихорадочно лаять, а продолжительный шум из конур в ночное время мог привлечь внимание дежурного менеджера. Нужно помнить, что в Interfauna содержалось около 500 биглей, и эта цифра сохраняется по сей день. Мы мечтали забрать всех, но должны были действовать по ситуации.

На акцию отправились две группы. Обе двигались по близлежащему полю, по его краю — так, чтобы не быть замеченными. Мы подъехали прямо к заднему фасаду здания, где держали щенков, и забрались внутрь, вырезав большую дыру в крыше. Мы знали, что двери стоят на сигнализации, поэтому это было логичным решением и вопросом нескольких минут, хоть и пришлось пошуметь. Дозорные с рациями остались на крыше. Ротвейлеры между тем безмятежно спали, не потревоженные нашим визитом.

Проделав дыру в кровле, мы спустили внутрь лестницу, и в течение нескольких секунд первый щенок бигля уже был на пути к свободе. Разведка донесла, что мы можем использовать клетки и коробки самой компании для перевозки собак. Работали по следующей схеме: помещали щенков по четыре в большую клетку, после чего двое несли ее по полю в ожидающую машину. Это была трудозатратная работа.

Мы начали в 21:00 и только к часу ночи забили фургон до отказа. Когда я говорю до отказа, я хочу, чтобы вы представили себе 82 щенков в клетках в одном микроавтобусе. Вспоминая об этом, я мечтаю, чтобы у нас тогда были сотни фургонов и активистов — может, тогда мы смогли бы полностью очистить это место. Никто не думал, что все пройдет так гладко и мы сумеем освободить аж 82 щенят, но представьте наши ощущения: мы спасли из жестокого заточения несколько десятков, оставив столько в неволе!

Нам требовалось проехать совсем немного до места, где надлежало выгрузить щенков, чтобы их развезли по всей стране в заранее приготовленные, безопасные дома. Мы буквально запихали в фургон столько щенков, сколько смогли. Кроме того, если бы мы не поторопились, это могло обернуться трагедией. Одного только тепла тел биглей в условиях скученности в фургоне было достаточно, чтобы подвергнуть их жизни риску.

Наконец, фургон уехал, а в нем — двое людей и 82 щенка. Неплохо для четырех часов работы. Но ночь только начиналась. Мы приближались к этапу номер два. После развоза щенков фургону предстояло вернуться за новой партией. Тем временем оставшаяся часть группы должна была ворваться в отделение, где разводили кроликов. Это было куда более опасным мероприятием, потому что отделение находилось ближе к спящим ротвейлерам и зданию, в котором находился менеджер. Поэтому было решено отложить эту фазу до момента, пока бигли не будут благополучно эвакуированы из района.

Способ проникновения изначально заключался в том, чтобы, опять же, проделать дыру в крыше, но ввиду сложности и шумности процедуры мы предпочли высунуть заднюю дверь — которая, на счастье, не стояла на сигнализации. Звук выбиваемой двери — это ничто. Он легко сравним со звуком колотящих ногами кроликов в клетках.

Мы освободили 26 кроликов, и, когда пересекали поле, как раз вернулся опорожненный фургон. Времени хватило даже на то, чтобы нанести кое-какой урон, написав на стене: “БИГЛЕЙ РАЗВОДЯТ РАДИ ПЫТОК — ФОЖ ЗАКРОЕТ ЭТОТ ГАДЮШНИК. ЖДИТЕ ВОЗМЕЗДИЯ“. Мы также изъяли большое количество документов, в том числе каталог позорной клиентуры Interfauna — перечень палачей от А до Я. Конечно, среди них была HLS, но кроме него еще и Boots, Glaxo, Beechams и бесчисленное множество университетов по всей стране.

Рейд завершился в 4:00. Мы были вымотаны, но счастливы. Бигли в этот момент направлялись в различные уголки страны. Большинство были здоровы, а оставшимся занялся ветеринар. Хорошее состояние биглей легко объяснимо: Interfauna готовила их на продажу, и хотя лаборатории покупали их для пыток и убийств, на момент сделки у них должен был быть товарный вид. Что меня поразило, так это странные реакции и не совсем здоровая психика некоторых щенков. Они провели в Interfauna совсем немного времени и при этом забивались в угол и отказывались отвечать на любые проявления интереса к ним. Одна из причин, по которым вивисекторы любят использовать в экспериментах именно биглей, заключается в том, что их легко сломать: вместо того чтобы укусить обидчика, они пьются, съеживаются и мочатся под себя. Так некоторые и поступали, когда мы их спасали.

Ветеринар, неоднократно помогавший нам с освобожденными животными, согласился хирургическим путем удалить татуировки с ушей собак, чтобы принадлежность к Interfauna доказать было уже невозможно. За раз он мог прооперировать около 10 щенков. И вот на протяжении многих недель розданных щенков доставляли в клинику отовсюду. Ветеринар сводил расходы к минимуму, но, учитывая количество животных, требующих внимания, издержки все равно возникали, причем существенные. Люди со всей страны вносили пожертвования, чтобы их покрыть.

Кролики были в ужасном состоянии. Взрослые особи всю свою жизнь провели в клетках, в результате чего страдали остеопатирозом (ломкостью костей). Отчеты об “инцидентах” напоминали фильм ужасов — по 50 летальных исходов в день, а также бесчисленные инфекции и сломанные кости. После освобождения кроликов окружили нежностью, заботой и добротой, но все, чем мы могли помочь некоторым из них — это сделать их кончину как можно более легкой, спокойной и гуманной. Несколько умерли в течение считанных месяцев после спасения. У выживших проявились существенные улучшения показателей здоровья, они набрались сил и вскоре всю наслаждались обретенной свободой.

Тот, кто не знает историю, обречен наступать на одни и те же грабли. Дэнни Этвуд и я допустили кое-какие грубые ляпы. Некоторые люди учатся только на своих ошибках. Я знаю, что Дэнни хотел бы, чтобы одна из них исчезла из хроник, но я не позволю этому произойти.

Все шло вполне гладко, и, если не считать поездок к ветеринару с щенками, с рейдом было покончено. Так продолжалось до одного раннего утра в конце апреля, когда половина полицейских Кембриджшира вдруг пожаловала ко мне в гости. Ну, ладно, я преувеличил — не половина. Одна пятая; остальные 4/5 были заняты рейдами по адресам в Питерборо, Саутхэмптоне и Лондоне. После рейда в Кембридже полиция запустила большое расследование, используя как наблюдение с использованием стационарных средств, так и банальную слежку. Через месяц это привело к скоординированным облавам и обыскам в нескольких домах, что позволило обнаружить подробные досье на HLS и Interfauna. Дэнни ненароком обрек себя на роль центральной фигуры в этих процессах, оставив полиции превосходную улику, которой

они воспользовались как отправной точкой. И для этого им не требовался дедуктивный метод Шерлока Холмса. На прилегающем к территории Interfauna поле офицеры нашли квитанцию из банкомата, исписанную именем Дэнни. Мораль сей басни такова: ДОСТАВАЙТЕ ВСЕ ИЗ КАРМАНОВ, до того как идете кого-то освобождать. Вроде бы очевидное правило, не так ли?

Ну что ж, это была ложка дегтя для Дэнни. А теперь пришла моя очередь. Я взял фургон напрокат на свое имя, что, в конце концов, привело к моему краху — как именно это произошло, я не знаю, потому что мы меняли номера в ходе рейда. Полиция выяснила, кто брал фургон, в тот же день, когда я его вернул. Фургон был вымыт и отдраен. Тем не менее специалисты нашли, что искали. Например, помимо собачьей и кроличьей шерсти, они взяли образцы с колес, на которых обнаружили такую же разновидность пшеницы, какая растет на поле рядом с Interfauna, по которому ездил фургон. Когда полицейские перевернули мой дом вверх дном, они нашли и лежавшую на столе в гостиной копию видео, снятого в ходе рейда (забавно, что все это время я хранил ее в безопасном месте, но буквально накануне забрал оттуда, чтобы показать кое-кому, вернулся домой поздно и подумал, что не будет ничего страшно, если кассета полежит на столе до утра). Как сказал Конфуций, худшее всегда случается тогда, когда твоя защита ослабевает.

Полиция следила за Дэнни и видела, как он везет щенков сначала к своему брату в Лондон, а оттуда в Саутхэмптон. В ходе последующих рейдов, офицеры изъяли двух щенков, но Interfauna к тому моменту уже заявила, что если какие-то собаки найдутся, компания не сможет найти им применение, потому что не сумеет продать. К счастью, полицейские попросту отдали щенков в приют. Кроме того, стражи правопорядка забрали двух взрослых биглей, Дерек и Тревор, из дома Дэнни, но в конечном счете вернули — к его неудовольствию (Дерек и Тревор оказались непостижимо, невероятно непослушными!).

Полиция также арестовала и предъявила обвинение другому человеку, Джиму О’Доннелу. Он имел несчастье взять напрокат фургон в той же компании и в тот же день, что и я. Когда дело дошло до суда, прокурор заявил, что в ходе рейда использовались два фургона, утверждая, что на месте преступления были обнаружены четыре колеи от шин. Тем не менее никаких доказательств использования второго фургона так и не было представлено. Когда я давал показания, я пояснил, что четыре, а не две, колеи на месте преступления объясняются тем, что я приехал, уехал, а потом вернулся. Моего свидетельства хватило, чтобы полностью оправдать О’Доннела.

Анджела Хемп была арестована в доме вместе со мной, несмотря на то, что никаких свидетельств ее причастности к рейду не было. В отделении ее осыпали градом личных оскорблений. Ей неоднократно угрожали и предъявили обвинение, но через несколько месяцев она была полностью оправдана. Впоследствии она подала иск на полицию Кембриджшира и получила весьма неплохую компенсацию за ущерб. Деньги пошли на доброе дело.

В суде нам троим предъявили обвинение в сговоре с целью совершения кражи со взломом, а семерым другим — в не менее нелепом преступлении: хранении краденого имущества. Под «краденым имуществом» подразумевались собаки, оцененные в 35 тысяч фунтов. Тот факт, что «имуществом» являлись животные, прокурор не уточнял. Такие нюансы не являются юридическими аспектами дела.

По совету адвокатов некоторые из подсудимых признали себя виновными и отделались штрафами. Один был признан невиновным, причем, по иронии, улик против него было больше, чем против тех, кто признал свою вину. Из нас троих только

Дэнни, которого только-только выпустили из тюрьмы (он участвовал в легендарном Бунте против подушного налога) признал свою вину, так как против него был целый склад доказательств. Джима О’Доннела, как я уже упомянул, оправдали.

Что касается меня, то защита настаивала, что мои намерения были чисты. Дескать, я верил, что не совершаю ничего аморального или бесчестного. Я смог вызвать Сару Кайт свидетельствовать о кошмарах, которым подвергают животных, которых Interfauna поставляет в Хантингдон.

Кроме того, я пригласил Робина Вебба¹, который в ту пору он был в составе управления RSPCA. Он подтвердил, что законы, касающиеся вивисекции, ужасающе неадекватны. Он добавил, что рейды, аналогичные проведенному в Interfauna, демонстрируют, что единственная надежда животных — это личное участие граждан. Тем не менее присяжные признали меня виновным.

Дэнни получил 9 месяцев, я — 18. Дэнни отсидел 4,5 месяца, а я вышел условно-досрочно через 6,5. Ни один из нас ни о чем не жалеет, кроме того, что мы попались. Судью больше всего удручили угрозы, написанные на стене, и особенно слова про “возмездие”. Он явно был опечален сим фактом куда больше, чем всем остальным, и упомянул об этом как о причине того, почему он прибегнул к тюремным приговорам».

Вслед за Interfauna была проведена серия более традиционных рейдов. В пяти рейдах за четыре месяца самые разные и прекрасные создания оказывались в своей естественной среде обитания. Четыре шотландские дикие кошки были вызволены из своих казематов в зоопарках Пейнтон в Девоне и Колчестере в Эссексе и перемещены обратно в Шотландию, где их засняли выпущенными в дикую природу. Персонал зоопарка сделал публичное заявление, в котором выразил опасения за будущее кошек, цинично усомнившись в их способности выжить вне клеток без милостивой заботы сотрудников этой тюрьмы. Если бы я был животным, я бы чувствовал себя куда счастливее, испытывая судьбу на природе, как, полагаю, и большинство диких кошек. В конце концов, если их не поймают в капкан и не застрелят, они смогут завести семью на воле. Это что, хуже жизни взаперти?

Затем ФОЖ провел рейды на улиточных фермах в Норфолке и Тайн-энд-Уире. С первой фермы были освобождены 12 тысяч улиток, со второй — 153 тысяч (3 тысячи взрослых и 150 тысяч молодых). После эвакуации животных со второй фермы, активисты подожгли ее, причинив ущерб в размере 70 тысяч фунтов. Ферма перестала продавать улиток и стала четвертым бизнесом-банкротом за последние полгода.

А потом в Хертфордшире из колледжа Святого Эдмонда в Уэре были освобождены четыре морские свинки, шесть песчанок, британские жабы, две саламандры, четыре тарангула, одна африканская шпорцевая лягушка ксенопус и клетка с множеством особей саранчи. Их планировали использовать для рассечения в рамках учебного процесса. После рейда администрация колледжа поклялась, что больше ни одна операция по рассечению не пройдет в его стенах.

¹ Бунт(ы) против подушного налога — серия массовых беспорядков в Великобритании в 1990 году, вызванных недовольством населения в связи с введением коммунальных платежей правительством консерваторов во главе с Маргарет Тетчер. Кульминацией стали погромы и драки с полицией в результате демонстрации на Трафальгарской площади в Лондоне, в которой приняли участие порядка 200 тысяч человек.

Ненасилие ведет к высшей этике, которая является целью всей эволюции. Пока мы не прекратим причинять вред другим живым существам, мы будем дикарями.

Томас Эдисон

В июне 1982 года 12 биглей были спасены в результате рейда в лаборатории Boots в Тергартоне, деревеньке в 16 километрах от Ноттингема. Это привело к тому, что Boots попала в поле зрения противников вивисекции. К концу года СМИ уже трубили о «схватке Давида с Голиафом», а компания дошла до Верховного суда, требуя запрета на организацию протестных акций против нее. К сожалению, через пару лет Давид ослабил хватку, кампания развалилась, и Голиаф продолжил подвергать животных своим извращенным экспериментам, находясь в полной безопасности. Со стороны BUAV и AA, которых Boots запугала юридическими претензиями, не было никакой координации и руководства. Местные группы уповали на собственные силы, и Boots победила. Лишь базирующаяся в Бристоле организация «Координационная забота о животных» (Coordinating Animal Welfare) упорно продолжала действовать, но поддержка на национальном уровне была минимальной. Кампания буксовала вплоть до зимы 1990 года.

Зоозащитное движение избрало Boots фокусной точкой для важного послания вивисекторам. Это объяснялось ее ориентацией на деловые круги и процветающие слои общества. Работающие на компанию 1085 химиков пихали на рынок все, что вивисектор с удовольствием наносил на глаза и голую кожу животных или даже помещал в их желудки. Но ни до одной компании, настолько вовлеченной в вивисекцию, невозможно было добраться так легко, как до Boots.

Уличные акции имеют ряд преимуществ в том, что касается обнародования фактов и оказания давления на угнетателей животных, сбора средств и вербовки новых активистов. Boots было уготовано стать идеальным учебным полигоном для зоозащитного движения. Новички могли сделать что-нибудь в зависимости от их возможностей и желаний, и все равно получить определенную отдачу. Активистам были доступны любые методы протеста. Они раздавали листовки, призывали к бойкоту, набивали корзины для покупок товарами, а потом, разумеется, ничего не покупали, оставляя корзины по всему магазину. Они оккупировали крыши магазинов и устраивали сидячие забастовки внутри.

В результате этих акций пиар-отдел Boots выступил с заявлением, что компания не тестирует косметику на животных. Они просто не собирались пускать кого бы то ни было в две свои лаборатории (вторая была укрыта на верхнем этаже штаб-квартиры компании в центре Ноттингема). Поскольку Boots была крупной, хорошо известной компанией, можно было бы предположить, что они поистине осмотрительны по части своего участия в экспериментах на животных. И действительно, их репутация была безукоризненной. Они выставлялись компанией, исключаящей любую жестокость, не стесняясь даже печатать листовки, проповедующие любовь к животным. Единственная очевидная, ослепительная непоследовательность заключалась в том, что Boots с радостью продавала не только косметику собственного производства, но и продукцию других марок, наотрез отказывавшихся прекратить опыты на животных.

Ну и, конечно, нельзя забывать, что слова вивисектора не стоят ни гроша. Ничто в репликах Boots не внушало доверия. Компания продолжала бессовестно экспериментировать на животных, прикрываясь очень популярным среди эксплуататоров выражением «жизненно важные медицинские исследования». Иными словами, для активистов не было ровным счетом никакой разницы, тестирует Boots косметику или что-то еще — проблема вивисекции никуда не делась.

Предварительный осмотр уединенной лаборатории в Тергартоне одним поздним вечером разжег аппетиты бойцов ФОЖ. Логотип Boots мелькал там и тут по всему периметру, но, что куда важнее, в конурах сидели собаки. Не было никакого склада или сарая — только лаборатория и конуры, заполненные лающими биглями. Когда активисты свернули с главной дороги и прошли метров 400 через деревню к участку, принадлежавшему Boots, первое, что они увидели — это длинное, одноэтажное кирпичное здание без окон, огороженное высоким забором с колючей проволокой, сенсорами и камерами наблюдения. С одной стороны здания постоянная охрана регулярно патрулировала территорию. За лабораторией возвышалась система огороженных конур, тоже при камерах наблюдения. Для компании, у которой нет секретов от покупателей, это было чересчур. Но разведчики ФОЖ бывали во многих местах вроде этого и раньше — у них появилось хорошее предчувствие. Это было ужасное место, но оно давало определенный простор для маневра, в отличие от кое-каких других лабораторий, которые выглядели слишком защищенными, чтобы попытаться их атаковать.

На этапе планирования было решено сфокусироваться на конурах, а не на лаборатории, так как последняя представляла собой большой риск столкновения с охраной. Спасти животных и выставить Boots вивисекторами было не менее ценно, чем проникнуть в лабораторию. Последующие визиты показали, что охранники, патрулируя территорию, едва бросают на конуры беглый взгляд. Этот нюанс стал решающим, потому что опыт показывал, что никакие сладкие речи или угощения не в состоянии заставить свору биглей замолчать, если они начинают лаять. Охранники специально не подходили к конурам близко, а тихо шли поодаль, чтобы не потревожить собак, готовых разразиться лаем по любому поводу.

Рабочая обстановка была такой комфортной, что однажды за патрулирующими охранниками последовали двое людей в вязаных масках. Они подобрались невероятно близко! Охранники об этом так и не узнали. Вероятно, это был ненужный риск, потому что большая часть телодвижений секьюрити была запротokolирована активистами за десяток ночных разведывательных рейдов, но участники этого баловства сказали, что было «увлекательно». Подготовительный этап показал, что у камер наблюдения имелась мертвая зона: они не захватывали задний торец здания с конурами, выходивший на лес, через который можно было выйти к лучшему в данных обстоятельствах месту для парковки! Кроме того, сигнализация на ограде вокруг конур была старой и не работала, что подтвердилось в процессе изучения камер наблюдения и места размещения охраны.

Драгоценное время шло, история приближалась к развязке. Активисты нанесли Boots около двух десятков визитов, и хотя ФОЖ в целом не рекомендует слишком часто заглядывать в пасть чудища из-за опасности попасться, безусловно, чем больше ты высматриваешь, тем больше ты видишь. К счастью, в данном конкретном случае охрана была не слишком бдительна.

Проводя финальную проверку перед рейдом, разведгруппа разрезала ограду и подождала, не сработает ли сигнализация и не встрепенутся ли от этого охранники. Ограду все равно приходится резать рано или поздно, и лучше сделать это раньше,

чтобы быстрое проникновение и отход были гарантированы. Проекторы освещали территорию, поэтому необходимость в фонариках отпадала; никто не должен был увидеть активистов, кроме собак, а они-то, как назло, способны поднять самый громкий на свете переполох! Активисты вырезали дыру в ограде, достаточную для того, чтобы обеспечить беспрепятственное проникновение с учетом расположения мертвой зоны камер наблюдения. Первые шаги по вражеской территории... Никакого движения камеры... Несколько минут спустя дыра в ограде исчезла — вырезанный кусок был присоединен обратно. А лай в ночи раздавался еще долго. Бигли, они очень чувствительные.

В тот вечер на месте было трое активистов — двое на территории Boots и один водитель. Разведчики тихо шли по дорожкам, едва слышно обсуждая, скольких животных им удастся спасти. И тут перед ними возникли охранники, завернувшие из-за угла. Прыгнуть в кусты, земля под которыми усеяна хрустящими осенними листьями, было, наверное, не самой удачной идеей, но деваться было некуда. Охранники вроде бы ничего не заметили и не услышали — даже ежа, удравшего прочь в панике от активистов. Они были слишком заняты беседой. Лежавшие на земле активисты старались не дышать, отчетливо видя пар, идущий изо ртов охранников: они не хотели выпускать такой же.

Когда стражи ушли и первая драма закончилась, почти сразу началась вторая. Рядом с машиной, на которой приехали активисты, припарковался полицейский. Активист за рулем раньше здесь не был, но поскольку его заверили, что он ничем не рискует, приехал на машине своей девушки. Полиции был прекрасно известен номер его собственной машины, а теперь он втравил в криминальные дела еще и свою избранницу. Он меньше всего на свете хотел чего-то подобного, а ведь ее родители предупреждали, что именно этим все и закончится!

По совпадению, в то самое время, когда заговорщики против Boots ждали следующего шага полиции, проблемы возникли у их коллег из ФОЖ в Кембриджшире. Какие-то дети кинули в мотоциклистов несколько фейерверков, кто-то позвонил в полицию, и блюстители, выехав на вызов, случайно обнаружили машину в полутора километрах от Хантингдонского центра. Они решили перекинуться парой слов с водителем. За рулем сидел Барри Хорн. Его лицо не вызвало у полицейских подозрений, хотя он был известным зоозащитником, некогда пытавшимся выкрасть дельфина. Его не узнали. Но в соседней машине сидели трое активистов, и все они были в комбинезонах. «Почему вы в комбинезонах?» — спросил полицейский недоверчиво. Ну и ну. Комбинезоны они еще как-то могли объяснить, но едва ли им удалось бы объяснить содержимое багажника (они планировали спалить депо, поставлявшее автобусы для рабочих HLS). Они поняли, что пора бежать, когда полицейский начал проверять водительские права по компьютерной базе.

Двоим из команды удалось раствориться в ночи, но Майкла Шенехана и Барри Хорна задержали, прежде чем они смогли сбежать. Они не бросали ни в кого фейерверки, но им было что скрывать. Нужно ли говорить, что, найдя в багажнике канистры с бензином и пачку зажигательных устройств, полиция завершила поиски придорожных хулиганов. На следующее утро был задержан активист-ветеран Гэри Аллен. Его арестовали на основании показаний полицейского, который, просмотрев картотеку, сказал, что именно Аллена он видел в той машине. Как это ни дико, но полиция так и не признала, что активистов было четверо, и об исчезнувшем человеке ни разу никто не упомянул.

На предварительных слушаниях офицеры спекулировали фактами, утверждая, что Брэмptonская тройка планировала взорвать полицейский участок. Присяжные

поверили им и не стали выпускать никого под залог. Позднее, правда, адвокатам подсудимых удалось добиться освобождения до суда. Через год Гэри Аллена оправдали из-за юридических формальностей. Не было никаких доказательств того, что он замешан в деле, кроме свидетельства узнавшего его полисмена, но процедура опознания для прокурора провалилась. Двоих других активистов обвинили в сговоре с целью совершения взрывов. Судья признал, что они планировали не взрывы, а скорее поджоги, но остался недоволен нежеланием подсудимых сотрудничать с властями и отказом назвать цель операции, не сомневаясь в том, что таковая существовала. Обоих приговорили к трем годам тюрьмы...

Возвращаясь к событиям в Тергартоне, следует сказать, что нервотрепка с припаркованным полисменом завершилась благополучно. Целый час активисты напряженно ожидали, когда явится подкрепление с включенными мигалками, но водитель вернулся в машину и уехал. Он заезжал в гости в соседний дом и не обратил ни малейшего внимания на машину активистов. Какое облегчение!

Подготовка к операции шла полным ходом. Три дня спустя пожилая пара из Ноттингема встала спозаранку и принялась носиться с приготовлениями к встрече дорогих гостей. Они ждали не монаршую особу, но люди, которые обещали к ним приехать, были для них особенными. Какая там королева — она бы здесь даже сэндвич не получила! Пожилой паре на днях неожиданно позвонил их старый друг и спросил, не согласятся ли они приютить его и пару его друзей на несколько часов. Несмотря на разницу в возрасте, это был лучший друг пожилой пары, вместе с которым они годами сотрясали полицейские оцепления и вели горячие беседы, обсуждая, как поступить с тем или иным угнетателем животных. Пожилая пара была уже не в том возрасте, чтобы лазить по ночам через ограды, поджигая дома, но они были на все готовы ради того, чтобы помочь ФОЖ или животным, которые в этом нуждались. Они настояли, что уйдут и предоставят дом в полное распоряжение активистов. Они с глубоким уважением относились к ФОЖ и очень гордились, что их попросили о помощи. Старики заготовили для гостей провизию, которой хватило бы на месяцы. Кроме того, на столе стояла бутылка Jack Daniels с приложенной запиской: «Оставьте немного на потом!» Они даже положили конверт с наличными. Эти славные люди ошутимо упростили активистам жизнь.

Настал день операции — 3 ноября 1990 года. В течение нескольких часов активисты съехались в дом и выгрузили инвентарь. Тщательно почистили все и запаковали: перчатки и по запасной паре на каждого (все они были проверены на предмет наличия дырок), новые батарейки для видеокамеры и запасные батарейки, запасную пленку, запасную обувь. Активисты убедились, что карманы пусты (см. дело Interfauna), и проверили исправность габаритов автомобиля.

Прежде чем дом освободился, разведывательная машина съездила к лаборатории, чтобы убедиться, все ли идет как надо. Отправив дозор наблюдать за поведением охраны, активисты поехали к месту общего сбора. Они вернулись на фургоне и ждали сигнала о том, что охранники закончили свои обходы. Конкретное время операции было неизвестно, но они примерно знали, когда смогут выдвинуться. Через 45 минут после прибытия дозорный сообщил по рации, что все чисто. Коллективный выброс адреналина. Началось.

Подъехав к территории, водитель выключил фары. Окна были открыты, все прислушивались к каждому шороху. Фургон крался медленно, чтобы звук работающего двигателя не привлек ничье внимание. Свернув с дороги, водитель припарковался в лесу прямо перед конурами таким образом, чтобы холм скрыл фургон от камер на-

блюдения. Перед этим все чуть не умерли от страха, когда им навстречу на приличной скорости промчался автомобиль (активисты знали, что ниже по дороге расположены фермы, но ни разу не видели, чтобы кто-нибудь здесь ездил), но водитель успел вовремя спрятать фургон в кустах, и все обошлось. Активисты не успели ничего понять, но вроде бы их не заметили.

В течение минуты фургон был пуст и накрыт камуфляжной сеткой. Предварительно вырезанный кусок ограды вновь пришлось потревожить. Активисты просочились через брешь в заборе с самодельными арканами и прошли по мертвой зоне камер. Тут-то и началось настоящее веселье!

Бигли могут быть очень сложными собаками. Конкретно этих биглей с рождения обрекли всю жизнь провести в лаборатории. Все, что они знали, сводилось к «тюремному» опыту. Люди в масках пробирались по экскрементам на полу в конурах, пытаясь заарканить собак и вывести их. Это представлялось очень сложным и крайне сумбурным ярмарочным аттракционом, призом за победу в котором был бигль.

Животные нервничали. Они либо забивались в угол, либо носились из стороны в сторону. Чтобы накинуть петлю на шею каждой собаке, требовалось время, но стоило это проделать, как освобождаемым узникам уже некуда было деваться. Их бесцеремонно тащили, несмотря на умоляющие взгляды и лапы, упиравшиеся в пол в знак протеста. Наконец, первый бигль попал на конвейер ФОЖ: на поводке через дыру в ограде, оттуда до фургона и — в машину. Там щенок уселся в ожидании сородичей.

Все шло нормально, пока не случилось печальное: радиосвязь вышла из строя. Учитывая невысокую скорость, с которой бигли покидали конуры, фургон заполнялся медленно, поэтому связь с дозором была жизненно важна. На то, чтобы поймать семь собак, ушел час. Некоторые вели себя слишком испуганно и вертляво, и изловить их не было никакой возможности. Все растягивалось слишком надолго. А потом кто-то заметил камеру наблюдения, которая начала двигаться. Такого раньше никогда не случалось. В этот момент все находились в мертвой зоне, за исключением одной активистки. Она только что поймала собаку, и остальные сразу велели ей застыть на месте. Камера двигалась медленно и аккуратно, но не могла различить ничего под выступом крыши конуры. Наконец, камера оставила в покое активистку и ее бигля, и они побежали к брешу в ограде, прежде чем камера начала поворачиваться в обратную сторону. Никто не сомневался, что охранники явятся с проверкой. Активисты решили двигаться в направлении фургона, посматривая на движения камеры.

К тому моменту, когда дозор был снят и наблюдатель сообщил остальным в фургоне, что охрана ничего не заметила, было уже слишком поздно. Плюс, тот факт, что охранники не проявили себя на местности, вовсе не означал, что они не вызвали полицию. Главное, что работа была проделана. Они совершили не самую крупную кражу, но она много значила. Все освобожденные собаки были самками. Через час их уже надежно спрятали на ночь, а рано утром отвезли к ветеринару для удаления татуировок на ушах. Выяснилось, что на тех, кого сложнее всего было поймать в конурах, уже ставили эксперименты: у них на теле проглядывались выбритые места.

Активисты составили пресс-релиз о совершенном рейде и широко растиражировали его в местных и национальных СМИ. Документ также получил огромный резонанс в зоозащитном движении. Это явилось началом второго этапа — дело Boots вернулось на повестку. Через три дня после рейда 12 больших витрин четырех магазинов Boots в Болтоне были разбиты кирпичами. Пример оказался для других городов заразительным. Спустя неделю лаборатория в Тергартоне пережила еще атаку, на сей раз среди бела дня. 43 активиста действовали от имени Разведывательного управ-

ления освобождения животных. Это была первая акция ALIU, не считая той, что имела место тремя годами ранее, когда четверых налетчиков обвинили в краже со взломом, когда они вынесли документы и фотокопии из Лондонской школы тропической медицины. Прокурор не смог доказать, что они забрали документы насовсем, а это означало, что кражи не было, зато был поступок, совершенный в интересах общества. Один из участников событий поделился воспоминаниями:

«Акция в Тергартоне дала блестящий результат, но никто так и не воспользовался этим опытом, чтобы организовать прорыв, и это довольно печально. Мы подумали, почему бы не попробовать аналогичную тактику с Boots. План заключался в том, чтобы заполнить территорию комплекса, бегать и носиться тут и там, оккупировать крышу и вообще устроить в процессе сбора документов такой бардак и беспорядок, какой только возможно. Мы не ставили себе задачу вернуться к самоубийственной практике дневных рейдов 80-х — мы не собирались нарушать никаких законов. Главной задачей было вынести бумаги, сделать копии и вернуть в целости и сохранности.

10 человек залезли на крышу главного здания и вывесили транспаранты с надписью “Boots калечит биглей”. Этот слоган в итоге распространился очень широко. Другие сновали по территории с видеокамерой и снимали все, что видели. Те же, кто шнырял в поисках документов, оказались невероятно хороши! Они собрали массу полезных сведений. Когда первый наш автомобиль отъехал с места событий, начали стягиваться полицейские.

Они успели остановить наш мотоцикл. Нас задержали. Полиция была великолепна. Все участники акции, видели, сколько полицейских приехало охранять охоту, но здесь мы столкнулись с чем-то беспрецедентным. В течение примерно 20 минут по тревоге в Тергартон собрались все полицейские силы Ноттингема — примерно 60 транспортных средств (машины, мотоциклы, фургоны с отрядами особого назначения) и вдвое больше офицеров. Это можно было бы считать впечатляющим шоу, если бы причиной его создания послужила не попытка спасти беззащитных собак».

Следствием молниеносной реакции полиции, раздутых размеров прибывшего контингента и обилия конфискованной у активистов документации стало то, что очень небольшая часть информации была обнародована. Огромные объемы — буквально целые кабинеты бумаг — вернулись в Boots. Все активисты были арестованы и развезены по трем полицейским участкам в районе Ноттингема. После явки в суд их отпустили, обвязав впредь не околачиваться вблизи зданий Boots или любых других объектов, имеющих отношение к опытам на животных. Арестанты попросили предоставить им список компаний, к недвижимой собственности которых они не должны приближаться, а заодно и перечень адресов, но суд, к сожалению, так и не снабдил их этой полезной информацией.

Изначально все 43 человека обвинялись в сговоре с целью совершения кражи со взломом, и каждый из них заявил, что не преследовал цель нарушить закон, но намеревался сделать то, что законом разрешено, а именно позаимствовать документы. Прежде чем дело попало в суд, все обвинения были сняты. Boots не хотела оказаться в центре внимания, а полиция все равно ничего не добилась бы, потому что закон никто не нарушал.

Иными словами, рейд укрепил уверенность, что вламываться в офисы и забирать любые бумаги, если только ты планируешь их вернуть, — это легально. Прекрасная новость! Вот что сказал об этом юрист Джон Маккензи: «Можно с уверенностью констатировать, что это большая победа. И ее последствия составят серьезную проблему для тех, кто участвует в эксплуатации животных».

Акция принесла Boots нежеланную известность. Видео и фото из лабораторий вскоре пошли в народ и послужили мощным рычагом давления на компанию для прекращения опытов на животных. Чем эта любящая животных корпорация занимается с беговыми дорожками и сотнями трясущихся от ужаса биглей? Индустрия была откровенно взволнована развитием событий. Позднее в наши руки попал внутренний циркуляр, предупреждающий персонал лаборатории Wellcome в Бекенеме следовать «политике незапятнанности», держать все окна и двери закрытыми и убирать документы подальше от вражеских глаз: «Для противников вивисекции эти документы представляют большой интерес; для них это довольно простое дело — войти в любую лабораторию в большом количестве; они не совершают ничего противозаконного, делая это, и, следовательно, не сталкиваются с перспективой тюремного заключения или штрафа; при этом они могут вызвать существенную огласку».

Через несколько месяцев коалиция зоозащитных групп организовала первый национальный марш против Boots. Около 700 человек пришли и поведали людям Ноттингема, какая грязь скрывается за опрятным фасадом их прославленного работодателя. Активисты повсюду буквально штурмовали крыши. В Ноттингеме несколько человек оккупировали крышу здания центрального магазина города на целый день, свесив с нее огромный плакат. 500 протестующих прошли маршем по центру Манчестера и осадили крупнейший в городе Boots, закрыв к нему доступ. Полицейские отряды ринулись туда и арестовали 25 демонстрантов. Еще 18 активистов были задержаны на крыше Boots в Бирмингеме. Кампания усилилась поджогом распределительных складов Boots в Рочдейле. Имея под боком полицейский участок, компания чувствовала себя относительно спокойно и никак не ожидала столь дерзкой атаки.

Ничего подобного с самого начала кампании еще не случалось. Два человека в темноте пробрались на парковку склада с подозрительным багажом в виде коктейля Молотова и 22,5 литрами бензина. Активисты выбили окно офиса кирпичом, вылили внутрь бензин и подожгли фитиль. Энтузиазм — хорошая вещь, но иногда лучше отойти подальше, особенно если держишь в руке факел, а напротив тебя помещение, затопленное бензином. То, что было дальше, присутствующие описали как «ураган пламени, несущийся из того места, где раньше было окно» прямо на поджигателей со свистом, как венерина мухоловка¹, пожирающая свою доверчивую жертву. Опрометчивость стоила активистам опаленных бровей и поспешного отступления с полыхающего места событий.

Огласка и рост недовольства общества тайной деятельностью Boots последовали незамедлительно. Компания всячески отрицала свою причастность к опытам на животных. Возможно, люди спутали ее с дочерней фирмой Boots Pharmaceuticals, говорили представители. Полагать, что сожженные офисы, магазины на главных улицах городов и вивисекционные лаборатории принадлежат Boots, поскольку на них стоит логотип компании, так же как на других магазинах и офисах по всей стране, а равно и в депо в Рочдейле — это, конечно же, ошибка! К печали Boots, ей не удалось внести замешательство, тогда как поджигатели всю форсировали события. Единственный раз компании повезло, когда прохожий спас магазин в Ланкастере после того, как кто-то разлил по нему бензин через систему кондиционирования. Больше фортуна Boots не благоволила.

¹ Венерина мухоловка — вид хищных растений. Питается насекомыми и пауками, иногда — моллюсками (слизнями). Произрастает на Атлантическом побережье США.

По данным The Guardian, к концу 1991 года компания переживала около 70 атак в месяц, и 50 тысяч человек подписались под обещанием бойкотировать Boots. Компания включала футболки, постеры, значки и наклейки. Они разлетались, как горячие пирожки. Деньги шли в фонд кампании и распределялись на новые акции. В течение половины 1991 года ALIU раздали 100 тысяч листовок. Многие локальные группы печатали собственные. Одна только Лондонская группа противодействия Boots распространила аналогичное количество листовок перед столичными магазинами и в пригородах. Хотят Boots это признавать или нет (конечно, не хотят), но финансовые показатели компании в ноябре 1990 года пошли на спад. Суммарный эффект отрицательной реакции, вызванной как оглаской, так и активностью подполья, привел к тому, что через несколько лет компания прекратила участвовать в исследованиях и разработке лекарств.

В августе 1992 года Boots выпустила лекарство под названием флорехинан, продаваемое под маркой маноплак, лицензированное как средство для лечения хронической сердечной недостаточности. Появление маноплакса на рынке стало результатом десятилетия экспериментов на кошках, собаках, крысах и морских свинках. В одном из опытов почки биглей оцепили латексной трубкой. Через 9–17 месяцев каждой из собак срезали плоть с шеи и высунули сонные артерии наружу (у собак, освобожденных активистами ФОЖ десятью годами позже, тоже торчали сонные артерии). Затем дыры зашили, а артерии оставили свисать с шеи, чтобы удобнее было измерять кровяное давление. Собакам вкалывали маноплак и мерили кровяное давление, предварительно подвесив их на ремнях. По окончании эксперимента животных, конечно, убили.

В другом тестировании использовались кошки и собаки, и флорехинан действовал на биологические виды по-разному. И вновь результаты поставили перед вивисекторами привычный вопрос: если существуют различные варианты воздействия в зависимости от того, какой вид принимает препарат, как можно предсказать реакцию человеческого организма? Как известно, фундаментальная проблема заключается в том, что по животным нельзя судить о здоровье человека, потому что даже незначительные отличия в ДНК могут привести к фатальным противоречиям. Еще более важная деталь заключается в том, что животные не страдают от многих болезней, выпавших на долю человека, поэтому вивисекторы вызывают у них эти болезни искусственным путем. Странноватая наука. Я думаю, раз уж собаку называют другом человека, мы должны полагаться на выводы, которые делает после опытов ученый, скорее глядя на кондицию псовых, чем кошачьих. А вообще, давно пора определиться, какому животному мы доверяем по-настоящему, безгранично. Похоже на русскую рулетку? Да, так и есть!

Интересным представляется то, что написал про маноплак в августе 1992 года «Фармацевтический журнал»: «В данный момент нет данных, полученных в ходе крупных исследований, относительно того, продлевает ли жизнь лечение флорехинаном. В рамках одного раннего тестирования при приеме препарата группой пациентов было зафиксировано больше летальных исходов, чем в группе, принимавшей плацебо».

В ходе тестирований на людях побочные эффекты включали головную боль, головокружение, учащенное сердцебиение, пониженное кровяное давление, тошноту, рвоту и диарею. В начале 90-х потенциальные мировые продажи такого препарата были оценены в 2 миллиарда долларов в год. Рынок Великобритании должен был приносить по 10 миллионов фунтов ежегодно, а утверждение препарата комиссией в США означало бы прибыль в 100 миллионов фунтов в течение нескольких лет. Вот

почему для компаний всегда очень важно доказать, что лекарство срабатывает на животных. Маноплакс должен был стать панацеей. Boots полагала, что ему суждено творить чудеса и приносить колоссальный доход. К 31 февраля 1992 года компания получила прибыль без вычета налога в размере 374,2 миллиона фунтов. В дальнейшем препарат был одобрен Национальной службой здравоохранения, что добавило на счета Boots 11 % дохода.

На их беду маноплакс оказался монументальной катастрофой, и в апреле 1993 года, всего через семь месяцев после выхода на рынок Соединенного Королевства, компания выпустила пресс-релиз, в котором объяснила, что у пациентов с острой сердечной недостаточностью, принимавших по 100 мг маноплакса в день, наблюдался «существенно увеличившийся риск смерти по сравнению с пациентами, которые не принимали препарат». Несколько недель спустя, ничуть не смущаясь результатами тестов на восприимчивых (и слишком доверчивых) людях, представитель Boots сказал: «Мы твердо уверены в перспективах препарата». Основанием для уверенности послужили свежие опыты на животных.

Через три месяца компания заявила о выводе лекарства с рынка в связи с результатами двухлетнего эксперимента на 3 тысячах человек в США и Скандинавии. В тексте присутствовали слова: «Ввиду полученных данных мы не можем рекомендовать дальнейший прием маноплакса».

Boots отказалась от развития фармацевтического направления и продала все свои лаборатории, но по-прежнему подвергается бойкоту из-за того, что не прекращает продавать тестируемые на животных товары.

Не задавать вопросы всласть¹

Экспериментам на животных недостает научной обоснованности и применимости получаемых результатов к людям. Эти опыты лишь служат алиби для производителей лекарств, которые пытаются себя защитить с их помощью.

Доктора Х. и М. Штиллеры, Мюнхен, 1976

Вот краткое изложение того, что мы знаем о фармацевтической индустрии, тестировании лекарств, деньгах, прибыли, здоровье человека и, разумеется, страданиях животных. Вероятно, это самая жестокая ирония из всех, но факт есть факт: зная, насколько вивисекция зловеща, многие полагают, что она необходима. Ведь никто бы не стал подвергать мучениям живых существ, если бы этого можно было избежать, правда? Люди, проводящие эксперименты, подтверждают это предположение. Так пусть докажут его, вынеся, по-видимому, бесценные (но почему-то особо секретные) методики исследований на всеобщее обозрение! Нынешнее положение вещей таково, что фармацевтический рынок завален опасными токсичными препаратами, и одному богу известно, сколько потенциально спасительных лекарств были отвергнуты только потому, что они не прошли тесты на животных. Пеницилин, пожалуй, самый известный пример. Это один из наиболее драгоценных препаратов для человечества, однако его дебют на рынке был отложен на 10 лет, из-за того что он не сработал на кроликах. Он убивает морских свинок и хомяков. Точно так же переливание крови дождалось своего часа, пока люди продолжали умирать: нужно сказать спасибо опытам на животных, которые не дали ожидаемых результатов.

Выбирая «правильные» виды животных, производители могут доказать что угодно. Если, к примеру, компания захочет продавать мышьяк как лекарство, оно может представить сертификат о соответствии безопасности для здоровья, протестировав его на овцах, которые выживают даже при получении внушительных доз этой отравы. Морские свинки без проблем едят стрихнин, являющийся смертельным ядом для людей. Белладонны нам тоже лучше избегать, однако кролики и козы ничего против нее не имеют. Дигиталис помог очень многим пациентам с болезнями сердца, несмотря на то, что у собак он повышал кровяное давление до опасно высокого уровня. Хлороформ собакам тоже не рекомендуется; токсичный эффект, который он оказывает на них, вполне мог бы скрыть от нас анестетическую пользу для людей. Морфин успокаивает и обезболивает людей, но приводит кошек и мышей в маниакальное возбуждение, тогда как собаки могут переносить дозу, в 20 раз превышающую человеческую норму. Список подобных несуразиц бесконечен. Причина всегда одна: данные, полученные с помощью опытов на животных, нельзя экстраполировать на людей.

Фармацевтические компании раздувают свои прибыли посредством бесконечного насыщения рынка новыми и «усовершенствованными» препаратами. Они постоянно сыплют обещаниями, которые нам не нужны. Всемирная организация здравоохранения подсчитала, что на мировом рынке представлены от 30 до 40 ты-

¹ «Их долг — не отговорки красть, / Не задавать вопросы всласть, / А, сделав то, что нужно, пасть». Строки из стихотворения Альфреда Теннисона «Атака легкой кавалерии» (1854), посвященного подвигу легкой кавалерии под командованием лорда Кардигана и ее гибели в бою с российской армией 25 октября 1854 года в ходе Балаклавского сражения во время Крымской войны.

сяч лекарств, лишь 220 из которых доказали свою пользу. А Международная организация содействия здоровью (НАИ)¹ выступила с таким заявлением: «Большая часть десятков тысяч препаратов на мировом рынке либо небезопасны, либо неэффективны, либо необязательны, либо являются пустой тратой денег». Ciba², одна из крупнейших фармацевтических компаний, однажды признала, что 95% всех лекарственных средств, проходящих проверку на безопасность и эффективность посредством опытов на животных, терпят неудачу при клинических испытаниях на людях. Пугающая статистика. Даже подбрасывание монетки дает куда более приятные результаты — там вероятность хотя бы 50/50, да и последствия не такие убийственные и дорогостоящие.

Разумеется, вивисекция служит не только нуждам фармацевтики и не обязательно отыгрывается лишь на крысах и мышах. В 2003 году экспериментам в Британии подверглись 4 799 приматов, 7 094 собак, 8 879 лошадей, 25 326 кроликов, 121 611 птиц и 14 985 амфибий. При этом 8 007 животных были убиты ради тестирования пищевых добавок, 6 008 получили укол в мозг и еще 25 470 пережили операцию на мозге, 109 тысяч погибли в рамках опытов на ядовитость загрязнителей, химических удобрений, промышленных химикатов и хозяйственных товаров, 16 596 стали объектами исследования психологических стрессов, 18 929 были травмированы физически или подожжены, 10 341 подверглись дозе радиации и 1 691 897 не получали никакой анестезии в ходе большинства опытов. Не стоит забывать про эксперименты военных. Кроме того, существуют тестирования новых методов выращивания и выведения животных, а также исследования, удовлетворяющие любопытство, и повторные эксперименты. Но все же именно поиск новых лекарств служит аргументом в пользу опытов на животных, хотя фармацевтические компании знают, что эти опыты не доказывают безопасность их продукции для людей, окружающей среды или «случайных» животных. Производители при этом нацелены на поиск юридической защиты, а вовсе не на медицинские достижения.

Когда Roussel вызвали в суд, обвинив в изготовлении заведомо ложной рекламы ее препарата сургама, даже свидетель-эксперт со стороны защиты признал, что данные, полученные в результате опытов на животных, не служат гарантом безопасности для людей. Одна американская девочка, чьи глаза повредил шампунь, которым она пользовалась, пыталась судиться с производителем на том основании, что продукт был протестирован на раздражение. Суд принял решение в пользу компании, так как опыты на кроликах не могут предсказать, что случится с человеком. Это лишь избранные примеры, но они дают представление о юридических стандартах по подобным вопросам.

В Соединенном Королевстве десятки тысяч людей ежегодно умирают от коронарной недостаточности, что обходится Национальной службе здравоохранения в сотни миллионов фунтов ежегодно. «Британский медицинский журнал» писал в 1980 году: «Контроль над коронарной недостаточностью обязательно зависит от профилактики, потому что борьба с болезнью часто начинается слишком поздно. Массовое лечение потенциально опасно, и следовало бы изменить подход».

¹ Health Action International — организация, основанная в 1981 году и преследующая цель помочь политикам и правительствам рассматривать вопросы, «поставленные мировой фармацевтической системой, и защищать потребителей от широкого спектра проблем, связанных с медициной и здоровьем».

² Ciba AG — одна из ведущих компаний химической промышленности. Основана в 1758 году в Базеле. Продает продукцию в 120 странах. Оборот в 2007 году составил 5,441 миллиарда долларов.

Но производители не заинтересованы в изменениях, как и в том, чтобы люди были здоровы, поскольку это убыточно. Основными причинами сердечных заболеваний признаны курение, повышенное кровяное давление, ожирение, стресс и нехватка физических нагрузок — и со всем этим можно разделаться без дорогих лекарств.

Нам неоднократно говорили, что насыщенные жиры в пище повышают уровень холестерина в крови, и это прямая причина сердечных заболеваний. Большинство британцев (а уж американцев и подавно) употребляют слишком много животных жиров и имеют зашкаливающий уровень холестерина. При этом 60% жира поступает из мяса и молочных продуктов. До 1925 года сердечные заболевания были нетипичны. Но с этого момента показатели только увеличивались соразмерно росту потребления продуктов животного происхождения. Иными словами, мы эволюционировали в биологический вид, который себе же во вред истязает, увечит и убивает сельскохозяйственных животных для их поедания, параллельно истребляя диких животных, чтобы они не конкурировали с сельскохозяйственными или не нападали на них. Употребление плоти животных ведет нас к дегенеративным заболеваниям, поэтому мы подвергаем мукам других животных в отчаянной попытке добиться чудесного исцеления. Что о нас подумали бы пришельцы с другой планеты, взглянув на все это?

Следуя тропой ночи, кто-то может не добраться до рассвета.

Халиль Джебран¹

Буквально спустя три недели после того, как были спасены бигли из лаборатории Boots, активисты забрали 10 собак из Университетского колледжа Лэнгфорда в Бристоле и ошастливили их жизнью среди экстремистов. Среди прочих порочных развлечений колледжа числилось проведение опытов на сельскохозяйственных животных с целью испробовать на них новые лекарства для выявления побочных эффектов, связанных с промышленным скотоводством (так называемые ветеринарные исследования). Лэнгфорд — это место, где промышленное скотоводство сплавляется с вивисекцией в отвратительном антигуманном синтезе.

Не один год активисты протестовали и вежливо просили освободить биглей, которых держали для проведения какого-то секретного продолжительного эксперимента. Неизвестно, был ли он как-то связан с промышленным скотоводством, потому что все держали язык за зубами. Представитель колледжа лишь обмолвился, что исследование жизненно важно для здоровья людей. Неудовлетворенная такими аргументами небольшая группа молодых людей взялась решить проблему собственноручно. Рассказывает один из участников событий поздней ночью в Лэнгфорде:

«Мы не знали, сумеем ли выкрасть собак, прежде чем явится ночной сторож, но знали, что не простим себе, если хотя бы не попытаемся. Нас мучило знание о происходящем с животными ужасом: эти опыты представляли собой не просто жестокость и равнодушие — они были совершенно необязательны. Меры безопасности нас удивили: до жалобно воющих собак всего одна дверь. Мы думали, что она на сигнализации, и надеялись вынести животных до того, как кто-то явится нам помешать. Оказалось, никакой сигнализации не было, или она была, но на нее никто не обратил внимания. В любом случае, все прошло хорошо.

Мы подъехали прямо к конурам, выпрыгнули из фургона и открыли ломом дверь. Собаки очень разволновались от происходящего. Мы думали, что они забьются в страхе, но они восприняли это как приключение, о котором давно мечтали; как будто знали, что их придут спасать. В течение 10 минут мы загрузили наших друзей в фургон и выехали в безопасное место. Все были на седьмом небе от счастья. Радость переполняла. Мы ожидали, что повезем 10 гадящих под себя от ужаса собак, а получили пузатых биглей, которые кувыркались, веселились до упаду и выстраивались в очередь, чтобы вдохнуть прохладной свежести, которая сочилась через открытое окно. Они не были уверены в своих похитителях на 100 %, но вскоре убедились, что мы — хорошие ребята.

Все собаки были довольно старыми и выглядели настолько отталкивающе, что было ясно, насколько плохо с ними обращались. Особенно одна самка, Рэмбл, была — без преувеличения — буквально покрыта ранами, шрамами и выбритыми клочками; что-то уже зажило, что-то еще нет. На коже некоторых были ожоги, напоминавшие следы сигаретных окурков. Мы отвезли их к нашему ветеринару, который провел полное обследование каждой собаки, но не смог с уверенностью сказать, через что им пришлось пройти. Разумеется, и Лэнгфорд умалчивал, в каких исследованиях ис-

¹ Халиль Джебран (1883–1931) — ливано-американский философ, писатель и художник.

пользовались бигли. Мы никогда так и не узнали, почему у одних были идентификационные татуировки, а у других нет. Впрочем, нас это не особенно заботило. Мы были даже рады, что не всем пришлось выводить чернила из ушных тканей.

Через пять дней после их волшебной транспортировки собаки попали в новые дома. В каждом из этих случаев сложно было сказать, кто был счастлив больше — бигли или их новые семьи. Но этот вопрос нас тоже не слишком волновал. Важно было лишь то, что мы что-то сделали для этих животных».

Кошки с чудовищными ранами бродили пошатываясь. Все они ужасно страдали. Я прошел довольно жесткую школу жизни, но должен сказать, это зрелище не для слабонервных... Будь моя воля, я бы все там разнес.

Бывший член парламента Джон Бромли
после визита в Лондонскую лабораторию

Канун Рождества принято проводить, празднуя появление Иисуса на свет; по крайней мере, такова подоплека веселья. Вне зависимости от истинных причин и убеждений, большинство из нас видит в этой традиции возможность приятно провести время с семьей, проветриться и подарить окружающим больше уважения и любви, чем предусматривает норма общественной морали, а также набить брюхо частями тел мертвых животных.

В юности мне всегда было слегка неловко от религиозных учений, а повзрослев, я стал в этом отношении глубочайшим циником. Как может идея о всевидящем, вселюбящем боге уживаться с концепцией умамливания его посредством масштабной резни, которую мы чиним над пушистыми и перистыми детьми небожителя? Любое время года скверно для того, чтобы отбирать жизнь, кроме дней, когда отмечаешь рождение сына Создателя; тогда мы готовы миллионами убивать братьев наших меньших. Мы жестоки или просто запутались? Ответ не столь важен, важно лишь, можем ли мы измениться. Чем эта пора хороша с чисто тактической точки зрения для ФОЖ, так это тем, что угнетатели животных слишком заняты получением наслаждения от своей версии мира, покоя и добросердечия, чтобы ожидать нападения активистов.

Официально в Соединенном Королевстве несколько сотен кошек ежегодно подвергаются самым омерзительным экспериментам, какие только можно себе представить, но лишь нескольких удалось спасти из лабораторий или центров разведения.

Ранние обсуждения идеи пробраться в ключевые места содержания кошек были не слишком продуктивны. Все ограничивалось разговорами о том, сколько охранников на вахте, как плохо сидеть в тюрьме и невозможности проникновения. Обсуждали это двое людей, которые уже побывали там много лет назад. С тех пор один успел обзавестись женой, двумя детьми и навязчивым страхом полиции. Другой разглагольствовал, что он «давно отошел от дел» из-за его последнего ареста. Ничего серьезного, но это чуть не стоило ему работы и взаимопонимания с близкими. Вот он и утихомирился, когда его выпустили под залог, не желая рисковать. С тех пор он все больше погружался в работу, и его карьера взлетела.

Когда год спустя процесс завершился и его признали невиновным в воровстве дюжины кур с фермы, он уже слишком отдалился от движения, чтобы запросто в него вернуться. Он ощущал свою вину, но не мог ничего поделать. Ему очень повезло, и он не хотел упускать шанс. Активисты, которые пришли к нему для консультации, не сказали ничего конкретного, но он понял, что они настроены серьезно, задают вопросы не просто так и в любом случае исполняют задуманное. Поэтому он сказал им: «Если вам удастся туда проникнуть и вынести некоторых кошек, имейте в виду, что они могут быть в очень плохом состоянии: некоторые провели там много лет».

Явившиеся к ветерану активисты уже все для себя поняли; чем больше им говорили, что это невозможно, тем больше они укреплялись в своей решимости.

В Оксфордшире было два известных центра разведения кошек, и работа по изучению обоих началась в одну и ту же ночь. Активисты разбились на две команды, которым предстояло выяснить: а) меры безопасности; б) количество кошек; в) все остальное.

В архивах было всего два газетных материала по теме. В них содержались примерные координаты расположения и прочие обрывочные сведения, включая мотивационный фактор — пара десятков примеров того, что делают с кошками во имя науки в Оксфорде и других местах. К примеру, в лаборатории SmithKline Beecham в Эссексе 100 кошек использовались в эксперименте по изучению эффекта, оказываемого одним лекарством. Им ввели наркоз, подключили к аппарату искусственного дыхания и вставили трубки в кровеносные сосуды. В черепах проделали дырки и вживили в мозг электроды. Правильность расположения определялась по движению челюстей и конвульсиям при пропускании тока непосредственно в мозг. Затем вводился препарат, и вивисекторы измеряли изменения в кровяном давлении и кровообращении.

В Национальном институте медицинских исследований в Лондоне Фельдберг и Шервуд кололи в мозг кошек различные химикаты. Вот одно сообщение о реакции на вещество: «Кошка производит характерный крик высокого регистра или рыгает; либо и то и другое». После введения другого вещества они написали: «Серьезная двигательная недостаточность».

Укол в мозг большой дозы тубокурарина заставил кошку прыгнуть «со стола на пол, а потом прямо в клетку, мяукая все громче и громче, двигаясь рывками. Кошка упала с изогнутыми шеей и ногами и в течение нескольких минут быстро дергалась, будто в эпилептическом припадке. Периодически она вскакивала, пробежала несколько метров на высокой скорости и снова падала в конвульсиях. Через 10 минут кошка начала непроизвольно испражняться и пускать пену изо рта». Животное умерло через 35 минут после инъекции. «Журнал физиологии» опубликовал этот «научный» отчет для будущих поколений...

Уединенная ферма по разведению кошек в Уитни в 20 километрах к западу от Оксфорда, принадлежавшая некому Брауну, обладала высоким потенциалом для рейда, но владелец и его семья жили прямо там. Более того, они держали полупансион и размещали гостей в одном из домов на территории. У них было до черта кошек — куда больше, чем в филиале оксфордской лаборатории в Ньюем-Кортни в 8 километрах от Оксфорда. Обе фермы уже успели пережить по рейду. На первую напали в начале 80-х. Тогда хозяин забаррикадировал 11 активистов на участке с помощью трактора и сдал их полиции. Вторая ферма испытала на себе стихию Центральной лиги освобождения животных, когда стальные двери распахнулись от сильного удара. Спасение 12 кошек было поспешным, потому что заорала система сигнализации. По логике вещей, меры безопасности в подобном университетском учреждении должны были быть усиленными, но первый осмотр не произвел подобного впечатления. Территорию никто не патрулировал; не наблюдалось ни высокой ограды, ни прожекторов, ни, судя по всему, охраны по периметру.

Отчасти полагаясь на малую известность, отчасти из-за того, что в прошлый раз, когда пришли активисты, сирены загудели достаточно громко, ферме удалось избегать пристального внимания ФОЖ. Взглянув со стороны, не зная, что происходит за закрытыми дверями, едва ли можно предположить, что внутри сеного амбара, стоящего рядом с проселочной дорогой, творится нечто ужасное. По другую сторону дороги шел ряд домов. От пола до крыши амбара тянулся блок из шлакобетона, прерываемый гнездами вытяжных вентиляторов — единственных отверстий, дававших визуальный доступ к происходящему внутри. С одной стороны здания располагались

массивные стальные двери. Пожарный выход отсутствовал. Подобные места освобождаются от обязательства предусматривать возможность эвакуации при пожаре, наложенного на все остальные постройки. Здесь заботятся не о жизни людей, а о защите секретов.

Арочная крыша была сделана из того же рифленого асбеста, что и остальная часть здания. Этот факт стал ключевым моментом при разработке плана. Так уж вышло, что крыши уверенно доказывали свою все возрастающую важность в разработке стратегий рейдов. Двери и окна, как правило, стоят на сигнализации в большинстве зданий, тогда как крыши — редко. Альтернативой для прорыва на случай, если крыша тоже стояла на сигнализации, было подстеречь менеджера, когда он придет утром к кошкам, и не отпускать его, пока животные не окажутся в безопасности. Это бы решило проблему проникновения и сигнализации, но отказ менеджера сотрудничать по-хорошему означал бы не просто спасение кошек, но уже похищение и грабеж, а такие вещи не слишком хорошо сказываются на репутации движения.

Лестницы, приставленные к вытяжным вентиляторам, позволили увидеть внутри нескольких кошек, бегающих свободно, а не сидящих в клетках, но обзор был ограничен. Пахло из здания тоже кошками, но оставалось непонятным, сколько же их там было. Обследование крыши подтвердило ее незащищенность. Можно было отвинтить крепежные болты и снять одну из кровельных панелей. Крыша была потрепанной, старой и поросшей мхом. При этом она имела такую форму, что вскарабкаться на нее было невозможно. Оставалось только прислонить две лестницы, чтобы пара активистов аккуратно поднялась и открутила кровельную панель. Зияющая дыра выявила, что чердачное покрытие было сделано из гипсокартона, не представлявшего собой помеху для взломщиков. Самое главное, что крыша не стояла на сигнализации.

Через крошечные дырочки в чердаке можно было видеть на удивление обширную площадь под ногами. Внизу было полно кошек. В клетках сидели только малыши с мамами, а остальные ходили свободно — видимо, чтобы рожать как можно больше котят для опытов. Возможно, часть из них была обещана известному местному маменьку в белом халате Колину Блейкмору, любителю зашивать кошкам глаза.

Следующие две недели активисты провели дорабатывая план, собирая котоноски и встречаясь с друзьями, которым могли доверять. А те в свою очередь (восемь человек) обыкновенно не противились социальной традиции и проводили Рождество путешествуя по пабам, куря траву, чревоугодничая и таращась в телевизор. А потом отправлялись «на охоту» в День подарков. В этом году и активисты, и их друзья рисковали провести Рождество за решеткой за проникновение в секретную кошачью лабораторию Оксфордского университета, известную очень-очень узкому кругу лиц, внутри которой бывало еще меньшее число людей. Это было захватывающее начинание в репертуаре зоозащитников. Мало кто мечтает отметить Рождество в подобном месте.

Активистам удалось договориться с ветеринаром. Он был очень уважаемым человеком, но, в отличие от многих людей его профессии (в Великобритании, стране «любителей животных», проще найти добровольца из числа активистов ФОЖ, чем надежного ветеринара), готов был рисковать свободой и карьерой, чтобы удалить татуировки с ушей украденных животных и вылечить их от любых болезней и ранений. Он не ждал финансового вознаграждения — просто был счастлив, что может помочь животным.

Лестницы спрятали в прилегающем лесу, но вскоре они опять понадобились. Часы показывали 21:05, на дворе 24 декабря, и вот уже второй раз за две недели панель

была снята с крыши и брошена на землю. Все взялись за дело и в течение нескольких минут в чердачном полу с помощью дрели и ножовки проделали внушительную дыру. Внутри было темно, но все различили 15 пар кошачьих глаз, горящих, как звезды на небе. Всем веселого Рождества! Ловить молодых было несложно, а вот кошки постарше и опычнее предпочитали не доверять людям, даже одетым в балаклавы, и уж по-давно тому, кто вырядился Санта-Клаусом. Импровизированные арканы хранились на случай, если кто-то вздумает карабкаться по проволочным перегородам. Неприятно, но некоторых иначе было не достать — они впились когтями в проволоку и брызгали слюной от злости. Оказавшись в котоноске, животное затихало и молча отправлялось на чердак, а оттуда — на свободу через дыру в перекрытьях. Активисты сделали открытие: направляющая веревка, соединяющая оба конца чердака, очень помогала.

Им удалось вызволить нескольких кошек, когда последовал сигнал замереть: дозорный услышал, что из дома через дорогу кто-то вышел, но не видел, удалился ли человек. Активистка пересекла улицу, чтобы приглядеться поближе. Улицу озарили огни фар. К месту приближалась машина. Девушке пришлось присесть и не двигаться. Водитель притормозил у домов, вышел из машины и встал — так близко к спрятавшейся активистке, что даже в крошечной темноте она могла видеть логотип на его кожаных туфлях, — и прикурил сигарету. Между тем остальная часть команды тревожно ожидала.

Ничего не подозревающий человек докурил сигарету, спокойно сел в машину, въехал в гараж, запер его и ушел в дом. После 15-минутного ожидания активисты получили сообщение, что все чисто и можно продолжать: кошек передавали по конвейеру из здания на крышу через чердак, вниз по лестнице и в фургон, припаркованный в поле. Через четыре часа котенок из последней комнаты запаниковал при передаче из рук в руки и ухитрился вырваться. Он исчез в темноте, как раз когда у последнего фонарика начала садиться батарея, а нервы активистов уже сдавали.

— Ты уверен, что один сбежал?

— Конечно, уверен. Я чуть шею не свернул, пытаюсь его поймать!

— Просто спросил.

Это определенно было не то, чего всем хотелось в 2 часа в Рождественскую ночь. Тем более когда работа была почти сделана. Первая поисковая операция не принесла плодов, но в ходе второй они услышали жалобный писк испуганного котенка в темноте. Через 10 секунд после того, как он попал под луч фонаря, его положили обратно в котоноску и унесли. Он стал пассажиром номер 64, и его прощание с лабораторией означало конец операции и возможность смыться с ценным грузом. Аккуратная езда и удача позволили уже через час высадить усатых пассажиров в безопасном жилище за пределами Оксфорда.

Водитель и его напарница, просидевшая всю ночь в кустах, неся дозор, провели Рождество с котами. Это было завершающим штрихом операции. Они принялись играть в «Назови кошку». Так у спасенных животных появились имена: Чиппи, Вирус, Лимон, Сластина, Пальма, Пискля, Фисташка, Пятница, Горох, Щербет, Змейка, Динамит, Ноябрь и многие другие. Это было просто веселым времяпрепровождением, потому что большинству этих кошек вскоре предстояло разъехаться по стране и получить новые имена в новых домах.

У некоторых животных были проблемы со здоровьем, требовавшие немедленного вмешательства ветеринара. Кое-какие старые кошки были совсем слабыми. Изможденные онкологией после долгих лет насильственного разведения, они настолько обессилели, что не могли бороться. Их жизнь нельзя было ни продлить, ни скрасить,

поэтому им позволили уйти под анестезией. Остальные после осмотра ветеринара вскоре обрели новые дома. Для адаптации к новой жизни много времени не понадобилось. Даже самые дикие научились доверять людям, и их уже нельзя было отличить от других кошек буквально в течение нескольких дней.

Оксфордский университет, как ему свойственно, продемонстрировал полное непонимание кошачьей физиологии и потребностей, заявив, что, оказавшись за пределами «стерильной окружающей среды», кошки скоропостижно передохли. Представитель полиции поддакнул, добавив, что «у кошек нет иммунной системы, и на воле они умрут в ближайшее время». Не тут-то было! Одно дело, когда такие заявления делает не слишком сведущая полиция, но как, интересно, можно верить ученым, когда они говорят, что результаты инвазивных опытов на больных кошках можно экстраполировать на здоровых людей, если эти «великие умы» даже не знают основ физиологии животного? Хотя, возможно, они просто врут — это вечная история в вивисекционном мире жестокости и лукавства.

Амбар в Ньюем-Кортни больше не использовался, он пустует по сей день. Не осталось и следа от ужасов, которые переживали узники этого места. Как всегда, у нас нет данных о том, как повлиял этот или любой другой рейд на число животных, используемых в экспериментах. Действительно, сейчас количество таких пациентов снова растет, и виной тому неизбывная жестокая тупость. Чем больше расходы, тем сильнее шизофрения. В каком-то смысле я даже в шоке от богатства воображения этих людей по части изобретения новых идей для экспериментов. Почему-то именно кошки испытывают на себе плоды большой фантазии самых изощренных и темных умов на протяжении десятков лет и, несмотря на сложность и узкую устремленность этих «исследований», их результаты поведали нам крайне мало о кошке или человеке, если не считать явных признаков поврежденной психики у безумцев, которые причиняют все это зло. То, что некоторые люди считают кошек «дикими и опасными» — это их личные проблемы, которые не оправдывают пыток животных и обязывают нас не давать подобным личностям расслабиться. Вот кое-какие факты, чтобы напомнить почему.

Доктор Ричард Райдер¹, британский клинический психолог, прошедший множество экспериментов, от которых впоследствии он отрекался, писал в своей книге «Жертвы науки»² о том, что в университетах страны мозги кошек вынимали и изолировали, при этом поддерживая в животных жизнь. Мозги были все еще присоединены к их телам. Обезболивание кошкам при этом не делалось, и они явно оставались в сознании, как показывали последующие реакции на инъекции различных лекарств. Тот же доктор Райдер как-то рассказал аудитории на конференции в Торонто об эксперименте, в рамках которого «кошкам отрезали хвосты и ослепили, а потом поместили в центрифугу, чтобы посмотреть, как долго они смогут не спать, прежде чем умрут».

¹ Ричард Д. Райдер (р. 1940) — британский психолог и философ, экс-председатель совета RSPCA. Привлек внимание общественности в 1969 году, когда, поработав в вивисекционной лаборатории, начал высказываться против опытов на животных и вскоре стал одним из пионеров современного зоозащитного движения. В 1970 году сформулировал термин «спесицизм». Болизм (pianism) — еще одно изобретение Райдера, согласно которому любое существо, способное испытывать боль, должно иметь права. В 1971 году Райдер вступил в совет RSPCA, а в 1977-м стал его противоречивым и реформистским главой. Автор книг «Жертвы науки: использование животных в исследованиях» (1975), «Права животных: симпозиум» (1979), «Революция животных: изменение отношения к спесицизму» (1989), «Благополучие животных и окружающая среда» (1992), «Политическое животное: завоевания спесицизма» (1998), «Болизм: современная мораль» (2001) и др.

² *Victims of Science: the Use of Animals in Research* (1973) — едва ли не первая научно обоснованная и солидная литературная атака на вивисекцию.

В 1949 году в Королевской военно-морской лаборатории в Альверстоке кошек заставляли дышать 100-процентным кислородом, пока они не умирали в конвульсиях. Везунчики расставались с жизнью после трех дней эксперимента. Одна кошка продержалась 67 часов, 15 раз пережив конвульсии, и была убита. Еще одна скончалась через 52 дня после начала эксперимента — ее подвергали воздействию регулярно. В одном журнале описываются эксперименты на изуродованных беременных кошках и опыты на глазах. Там же следует описание конструкции «окна» в теле кошки, куда можно поместить электрическую лампу, чтобы в ходе экспериментов все было лучше видно.

Спустя полсотни лет эволюции человечества и медицинского прогресса вивисекторы, окопавшиеся в бункере Университета Ньюкасла, приобрели восемь кошек, чтобы изучить, как нервное сообщение кожи на их лапах влияет на контроль над мускулами ног. Кошкам сделали анестезию и вынули артерии из их шей. Им перекрыли большую часть нервов, идущих к их задним левым ногам под бедром, и присоединили по два провода к мускулам на ноге. Кошек поставили на беговые дорожки, их головы закрепили в специальных рамах, из бедер у них торчали булавки, на задних левых ногах стояли скобы. Затем им удалили часть мозга. Обезболивание перестало действовать. Им подкожно ввели местную анестезию рядом с булавками на бедре. Дорожка бежала, и кошки двигались, передавая реакцию на электронные импульсы, поступающие в нерв от ноги.

Недавно в Университете Бристоля 10 кошек использовали в исследовании структуры части мозга. В их мозги вживили электроды, чтобы обозначить зоны, в которые вводились флюоресцирующие маркировочные элементы. Затем раны в черепах были закрыты, и кошкам позволили оклематься от анестезии. Обезболивание предусматривалось только первые 24 часа. Две недели спустя кошкам опять ввели анестезию и убили, вколов пропитывающий раствор в сердце. Затем части их мозгов удалили и тонко нарезали, чтобы можно было изучить помеченные маркерами зоны.

И каковы же выводы, основанные на десятилетиях исследовательских проектов? Ученое сообщество запуталось. Пройдите по ссылкам на сайты в приложении к этой книге для более полной осведомленности о научном сопротивлении опытам на животных. Даже если отвлечься от угнетения животных, существуют серьезные противоречия, которые не может игнорировать ни один человек, заботящийся о своем здоровье и здоровье близких.

Существует масса примеров, достойных изучения. Садисты в белых халатах и их пиар-службы не перестают твердить, что за их «научными процедурами» (актами живодерства) следят «этические комитеты» (вивисекторы), которые подчиняются «самым жестким законам в мире» (предложенным и принятым самой индустрией). И вот ведь что странно — чудесных исцелений все равно нет! Опыты на животных не связаны с человеческим здоровьем. Более того, детали этих «процедур» никогда нигде не публикуются, потому что опыты слишком ужасны или бесполезны. Разве стал бы скрывать подробности своей деятельности тот, кто гордится бесценными, благородными начинаниями?

Всю мою школьную жизнь я рос среди детей, у которых были серьезные проблемы с кошками. Они стреляли в них из рогаток, ловили в капканы, пинали, швыряли в них кирпичи, бросали животных в реку или собакам на растерзание, выражая ненависть без намека на угрызания совести. Все, что я тогда мог сделать, — это наблюдать и притворяться, что мне все равно, в противном случае я рисковал лишиться друзей. Но я вырос и перестал бояться. Вообще, у меня появилось куда больше друзей с тех пор, как я высказываюсь против убийства невинных.

Некоторые из тех маленьких садистов-дебилов выросли, чтобы стать взрослыми садистами-дебилами. Много лет назад один из них настолько увлекся кровавыми видами спорта, что почувал угрозу от меня. Это побудило его оставить свежий отрезанный лисий хвост на пороге моего дома — он так пошутил. Он всегда ненавидел крыс и страшно мучил их перед тем, как убить, совсем как вивисектор, хвастающийся большим количеством замученных животных и хирургическими трюками, которые позволяют их умерщвлять.

Другой мой бывший друг отсидел за изнасилование. Я бы никогда этого не узнал, если бы не встретил его в тюремном спортзале в Йорке, когда отбывал срок за свою освободительную деятельность. Он узнал меня. Он уже слышал мою историю и сказал, как он меня уважает за все, что я сделал, и сожалеет, что докатился до такого. Я испытывал некоторое самодовольство от того, в кого он превратился. Все произошло примерно так, как я предполагал. Из него получилась мразь, признал он, но теперь он — веган! Он сказал, что пытается хоть как-то компенсировать то зло, что он причинил миру, начиная с самых первых дней угнетения животных...

Не существует альтернатив вивисекции, потому что любая замена будет обладать теми же качествами; но в сфере биомедицинских исследований сложно найти нечто более дезориентирующее и вводящее в заблуждение, чем опыты на животных. Следовательно, единственная настоящая альтернатива таким экспериментам — это их полный запрет.

Профессор П. Кроус, бывший вивисектор

Парк-Фарм в Нортмуре в сельской местности графства Оксфордшир представлял собой уединенное поместье, состоящее из небольших построек, до отказа заполненных различными видами животных, которых здесь разводили для лабораторных исследований. Все звенья цепочки зданий соединялись между собой. Собаки жили в самом дальнем отсеке, чтобы их лай не беспокоил менеджеров фермы. В других зданиях размещались кошки, кролики, морские свинки, овцы, козы и обезьяны. Уже не впервые ФОЖ положил глаз на Парк-Фарм и вел разведку на местности.

Конуры становились все более защищенными от атак после каждого очередного рейда, а в отделение с приматами пробраться не удавалось никогда: сигнализация связывалась непосредственно с полицией. В пристройках находились животные многих других видов, очевидно, менее ценные для владельцев. По периметру не было никаких электронных средств безопасности, что позволяло свободно передвигаться по территории, на ходу соображая, что к чему. Отделение для приматов, организованное ветеринаром, состояло из огромных старых продолговатых клеток на ржавых колесах с грубыми изогнутыми прутьями в середине, которые позволяли вивисектору подтолкнуть испуганного пленника в центр клетки, чтобы облегчить введение инъекции. Здесь размещалась сотня обезьян, которых захватили в рабство в джунглях и увезли за миллион километров, чтобы держать на каком-то складе в чистом поле в Оксфордшире, откуда их должны были транспортировать в какую-нибудь лабораторию, где их ждали пытки и смерть...

Изучив мусорные контейнеры рядом с одним из зданий, активисты убедились, что здесь живут любители кошачьего корма. Обитателей двух других зданий определить было не так просто, пока не удалось забраться на крышу и разглядеть сверху морских свинок и кроликов. После первой вылазки было решено вернуться через неделю. Недостатка в добровольцах не наблюдалось.

Густой туман, окутавший окрестность в ночь рейда в феврале 1991 года, был чистой случайностью и позволял припарковать машины прямо рядом с оградой участка, возле жилого дома. Это существенно снизило бы трудоемкость дальнейшей работы, но подвергло всех опасности, если бы туман улетучился. Поэтому, как и планировалось, машины оставили подальше, вне поля зрения, за живой изгородью. Пусть расстояние, которое предстояло преодолеть вместе со спасенными животными напрямик по пашне, было больше, но зато так было безопасней. Слишком многие люди в прошлом срезали на поворотах, чтобы упростить себе задачу, и в результате их операции проваливались.

В рейде участвовали семь человек. Они планировали очистить три отделения — с кроликами, морскими свинками и кошками, а затем перенести животных в трейлер для лошадей, конфискованный у одного охотника за неделю до этого вместе с его легковым автомобилем. Растяпа оставил ключи в замке зажигания, прежде чем отправиться на охоту.

Никого не волновало, что автомобили были чужими — главное, что по ним нельзя было выйти на участников рейда. Активисты выгрузили котоноски и коробки и понесли их к ферме, кто сколько мог удержать, через поле. Затем они разбились на две группы. Первая должна была а) приглядывать за менеджером фермы, жившим на территории; б) проделывать дыры. Второй группе надлежало заполнять тару и возвращаться с ней к трейлеру.

Для начала проделали большую дыру в ограде. Затем просверлили дырки в боковой стене кошачьего отделения по периметру предполагаемого отверстия. Дальше оставалось поработать ножовкой. Увы, это не удалось, потому что стены были из металла, а не из дерева. Все равно что пытаться открыть консервную банку отверткой — тяжело. Дверь, однако, была деревянной и не такой плотной, какой казалась. Выяснилось, что она представляла собой всего лишь два склеенных листа пробкового дерева с полостью между ними. Несколько минут работы бурильных сверл, топора, пилы и рук хватило, чтобы обеспечить прекрасный вход. Даже слишком просто!

Первичный осмотр с помощью фонарика не слишком порадовал. Мусорные контейнеры снаружи полнились пустыми банками из-под кошачьего корма, но внутри здания находились всего пять кошек. По жестокой иронии судьбы, большинство кошек отправили в лаборатории буквально несколько дней назад. Пересчитывали вновь и вновь, но их по-прежнему оставалось всего пять. Командный дух начал было падать, но ведь спасение даже пяти кошек от печальной участи — это тоже повод для гордости. Четыре из пяти были самками. Они вели себя дружелюбно и вскоре пожаловали в котоноски. Единственного кота назвали Большой Том. Он сопротивлялся изо всех сил, лишь бы его оставили в покое, и дал двум активистам настоящий бой. Но прежде чем он успел нанести им серьезные повреждения, его завернули в одеяло и посадили в коробку, после чего понесли в машину в компании его подружек.

Двери в другие отделения были куда более прочными, сделанными из твердой древесины. Их выпилвание активисты определили как «адову работенку». Двери проще всего было вынести с помощью лома, но никому не хотелось, чтобы сработала сигнализация, поэтому пришлось набраться терпения и медленно сверлить. Четверо мужчин сверлили на протяжении более чем трех часов. Двумя буровыми сверлами им удалось проделать в четырех дверях прямоугольнички, выбив которые они обеспечили себе доступ в здания. Это была тяжелая физическая работа, которая ввиду производимого шума сильно увеличивала ответственность дозорных. Не менее сложный процесс представлял собой перенос кошек, кроликов и морских свинок в темноте через перепаханное поле.

Все придерживались очередности и своих обязанностей. Как только открывался доступ в новое помещение, животных сажали в коробки, в то время как других уже вовсю несли в трейлер. Всего за ночь Парк-Фарм лишился 250 животных. Многие морские свинки были беременны и начали рожать уже через 48 часов, что объяснило их пыхтение и сопение во время переноски. Впервые за всю жизнь эти замученные, изнуренные спариванием и родами морские свинки, наконец получили возможность вырастить потомство, а не расстаться с ним, только потому что людям требовались подопытные животные. В течение нескольких недель появилось целое поколение юных морских свинок, возбужденно играющих в садах «экстремистов» по всей стране.

Документы, изъятые в ходе рейда в Парк-Фарм, раскрывали желание фермы усовершенствовать свое отделение для приматов в соответствии с базовыми требованиями Закона о проведении научных исследований. Руководство подсчитало, что им не хватает всего 100 тысяч фунтов, чтобы заменить старые клетки на новые, которые

рассчитывалось получить за счет грантов, а также прибылей фермы, превысившей ожидаемые доходы на 15 тысяч за 1989–1990 годы. Теперь же Парк-Фарм вынужден был считаться и с выводом, сделанным инспектором полиции Джоном Кроссли, который сказал, что в ходе рейда «зданиям предприятия были нанесены внушительные повреждения». Новые клетки позволили бы ферме увеличить число содержащихся приматов, которое на момент написания текста было следующими: 57 самок макак-резусов для разведения, 9 самцов макак-резусов для разведения, 3 макаки-резуса для экспериментов (поступили из отделения физиологии), 13 макак-крабоедов для экспериментов, 17 импортированных макак-крабоедов (плюс 22, которых должны были доставить в конце июля). Согласно планам руководства, с появлением новых клеток число обезьян можно было бы увеличить, чтобы получить следующие цифры: 40 самок макак-резусов для разведения, 9 самцов макак-резусов для разведения, 18–20 макак-резусов для экспериментов, 32 импортированных макак-крабоедов для экспериментов, 8 макак-крабоедов для экспериментов (изолированных).

В прошлый раз при расследовании рейда на ферме полиции понадобилось полтора года, чтобы вернуть спасенных собак в клетки. Нынче же офицеров ждал куда меньший успех. Налетчики разослали пленку с записью рейда по информационным агентствам, включая Центральное ТВ, которое показало отрывки записи на следующий день.

Полиции очень хотелось взглянуть на эту пленку, и офицеры немедленно связались с телеканалом, требуя копию видео, что позволял Закон о полиции и уголовном судопроизводстве от 1984 года. Центральное ТВ отказалось сотрудничать, и полицейским пришлось обратиться в суд, где юрист компании сказал, что у СМИ есть право защищать свои источники и что в съемке нет ничего, что могло бы помочь полиции опознать кого-либо. Судья согласился. Адвокат позднее признался, что уже неоднократно выступал в защиту ВВС в подобных случаях, но ему впервые удалось выиграть дело.

Полиция тем временем ни на шаг не приблизилась к поимке животных или активистов. Но она не собиралась спускать дело на тормозах так просто. И хотя я не имел к вышеописанным событиям ни малейшего отношения, меня внесли в список подозреваемых. В итоге стремление стражей правопорядка раскрыть преступление века сыграло мне на руку.

Через 18 месяцев после рейда в Парк-Фарме полиция прибыла за ответом в Манчестер. Я сидел в тюрьме, ожидая суда по другим делам (до них мы дойдем позже). Меня, в свою очередь, в тысячный раз перевезли в самый известный полицейский участок во всей системе — в Брайдвелл, Ливерпуль. Его репутация не имела равных в устах окружавших меня суровых мужчин, ни один из которых не желал проводить в Брайдвелле лишней минуты. Участок играл роль свалки отходов. Сюда свозили всех, с кем было сложно справиться, кто слишком много болтал или чьи политические взгляды не приветствовались.

Заключенные, устроившие массовый бунт в Манчестерской тюрьме Ее Величества, больше известной как «Неисповедимые пути», в ответ на годы издевательств неуправляемых тюремных служащих, быстро сделали целую тюрьму непригодной для проживания. Внезапно пенитенциарная система ощутила нехватку 1800 койко-мест, и людей пришлось держать по полицейским участкам на протяжении нескольких месяцев. Некоторые из них создавали относительно приятное впечатление, но другие, как, например, Брайдвелл, были хуже тюрьмы. Я провел девять месяцев, кочугая из одного полицейского участка в другой, постоянно надеясь провести хоть в одном из них больше недели, желательно где-нибудь, где можно жить.

Следующий пункт назначения всегда держался в секрете. Это было вызвано соображениями безопасности: мне объяснили, что, зная, куда меня повезут, я смогу довести эту информацию до сведения сообщников на воле, и они организуют мое похищение. Услышать в 9 утра о том, что я переезжаю, и через час уже сидеть в грузовом отсеке полицейского автобуса не было для меня чем-то из ряда вон выходящим. Когда меня привезли в Брайдвелл, лил дождь, и я не видел своих личных вещей с тех пор, как прибыл в тюрьму в Манчестере неделю назад, потому что там подобная роскошь не позволялась. По крайней мере, мои мешки были со мной в автобусе. Прибыв в Ливерпуль, я смотрел в тонированное окно на полисмана по имени Мэтти. Слава о нем шла впереди него. Вся его грудь была усеяна следами от уколов стероидов, которые он бесконечно принимал в постоянном поиске драк с заключенными.

Когда он волок мешки с моим имуществом по мокрому асфальту, чтобы швырнуть их на ступени главного входа в участок, он очень напоминал неандертальца, который тащит добычу в пещеру. Остаток утра Мэтти изо всех сил оправдывал свою репутацию. И он не был одинок; в участке собрались полдесятка молодых, самодовольно расхаживающих, гавкающих инструкции и затевающих мордобой с любым, кто был достаточно смел, чтобы смотреть им в глаза, нарушал правила или задавал вопрос.

Тюремный корпус представлял собой грязную, вонючую темницу из далекого прошлого. Окон не было, лишь заколоченная дыра высоко в стене, и скамейка, позволяющая лежать только боком (и то — если ты не слишком крупный). Заснуть и повернуться означало проснуться от падения на пол. Высокие потолки, мокрый пол, покрытый заплатками.

Меня посадили в одиночку, тогда как все остальные, похоже, делили с кем-то камеру. Меня это вполне устраивало. Под скамейкой валялся матрас: мокрый, вонючий и покрытый вьезшейся мочой. Я не жаловался и не задавал вопросов. Рядом с моей камерой забияки-охранники фыркали и орали на молодого парня, который заступил за какую-то желтую линию, о которой нам ничего не сказали. Когда он проигнорировал их нападки, его швырнули лицом к моей двери...

Я уж думал, что проведу следующие несколько месяцев в этой помойке. Я воспринимал это как наказание за все мои нарушения, а также за бесконечные тюремные акции протеста против невеганского маргарина, невозвращения моих утерянных вещей и многого другого. Огромное спасибо полиции, ведшей дело Парк-Фарма: я был в Брайдвелле всего три часа, когда пришел охранник и сказал, чтобы я паковал вещи. Мой мешок все еще валялся в приемной, поэтому долгих сборов не последовало.

Я уехал из центра Манчестера утром в Ливерпуль и к обеду был там, чтобы вечером вернуться обратно. Инспекторы по делу Парк-Фарма ожидали меня, чтобы арестовать и допросить за ряд правонарушений, включая рейд на ферме.

Они взяли себе «эксперта» из Университета Манчестера по имени Ричард Нив. Он специализировался на восстановлении черт лиц людей, серьезно пострадавших в огне или авткатастрофах. Нив утверждал, что может опознавать людей в балаклавах, отмеряя расстояние между чертами лица и так далее. Когда ему показали фотографии активистов, атаковавших Парк-Фарм и другие подобные места, параллельно снабдив его портретами самых лютых подозреваемых, в числе которых были Анджела Хемп и я, «эксперт» пришел к выводу, что мы с Анджелой причастны и к нападению на ферму, и к разорению одной лондонской лаборатории.

Последствия подобных достижений могли быть колоссальны. Подумать только — никому не известные активисты, 30 лет чинящие рейды в балаклавах, теперь

будут пойманы все до единого! Нива и его команду очень уважали в этой сфере деятельности, но, черт возьми, это было просто нелепо. Впервые подобную технику применили для вынесения обвинения против вооруженного манчестерского грабителя в 1989 году, что стало своего рода юридическим прецедентом. Однако обвинения с осужденного на девять лет человека были сняты через два года, когда апелляционный суд признал доказательства неудовлетворительными. В ходе перекрестного допроса Нив допустил, что его методика верна не в 100% случаев, добавив, что предпочитает считать, что она работает безошибочно. Складывалось впечатление, что полиции настолько не жалко денег на подобные инновации, что риск любого гражданина однажды быть обвиненным в том, чего он не совершал, довольно велик.

Меня пытались допросить по множеству дел. Я воспользовался правом на молчание и был отправлен обратно в тюрьму без предъявления новых обвинений. Меня ждала неделя в Стретфорде, перевод в Чешир и возвращение в Стретфорд, где мне безрезультатно задали еще много-много вопросов. А потом случился фантастический поворот событий.

По мере совершения новых рейдов они куда больше напоминают грезы сценариста диснеевских мультфильмов, чем разведывательно-диверсионные операции военной машины, но между ними есть и определенное сходство. Они совершаются с таким бесстрашием, мастерством, внезапностью и ловкостью, что полиция лишь недоумевает.

Австралийский журналист о британских акциях освобождения животных

Этот рейд зародился между членами местной зоозащитной группы после обсуждения последствий битья стекол. Один активист высказал мнение, что бить стекла — скверная практика, потому что она не спасает жизни и способствует появлению негатива в СМИ. Дебаты разгорались все больше, и наконец кто-то недобро спросил этого активиста: «Хорошо, а что ты сделал для спасения жизни на этой неделе? Ты гордишься, что не бил окна, но что ты тогда сделал?»

У парня не нашлось ответа. Он был студентом Ланкаширского политехнического университета в Престоне. Всю неделю провел за учебниками. Вообще, он все время занимался, в то время как остальные, запутавшиеся, как он считал, что-то пытались делать. Он очень мучился, вспоминая разговор с друзьями. И что-то в ту ночь изменилось. Он понял, что надо что-то делать. Неравнодушные постоянно говорят о прекращении страданий животных, но сколько действительно что-то делают? Беглый осмотр лаборатории университета дал не слишком много, зато поиск по документам исследований подтвердил, что зоозащитникам здесь было кого спасать — птиц, возможно, лягушек, но главным образом крыс. Поселив у себя дома двух спасенных крыс, студент уже знал, насколько индивидуальны, умны и нежны эти животные.

Через матовые стекла облаченных в решетку окон мало что можно было разглядеть. К счастью, уходя, охранник торопился, и разведгруппа улучила момент, чтобы изучить систему сигнализации. Меры безопасности в лаборатории были слабыми. Это могло означать, что либо в ней нет животных, либо операция покажется легкой прогулкой. Стремясь выяснить, какой из вариантов верный, они вернулись той же ночью и забрались на крышу отделения биологии, откуда через вентиляцию доносился сильный запах древесных опилок — стандартного наполнителя для туалетов лабораторных и других животных-невольников.

Обзор происходящего внутри был ограничен размерами слухового окна на плоской крыше, вид на которую выходил, на удачу, только с пустующих зданий. Снизу активистов тоже никто видеть не мог. Отдел службы безопасности располагался на приличном расстоянии. Проблема была в транспортировке животных в клетках через точку доступа, которая являлась слуховым окном, представлявшим собой и без того ограниченное пространство, к тому же частично заблокированным прутьями для большей безопасности. Это, однако, была уже вторая головная боль. Прежде всего активистам требовалось благополучно освободить животных.

Спустя 10 дней и два повторных визита команда из пяти человек спряталась на месте событий, оставив дозор. Машины они припарковали неподалеку. На крыше, вооруженные инструментами, орудовали два человека в бейсболках, лица которых скрывали шарфы. Они откручивали болты, крепившие пластиковый пузырь

слухового окна и уповали на то, что ниже не наткнутся на провода или сенсоры, которые приведут в действие оглушительную сирену или вызовут полицию.

Через полчаса слуховое окно сдалось. Теперь можно было начать резать один из стальных прутьев сверхпрочным ножовочным полотном, которое, по словам продавца-консультанта, могло разрезать что угодно. И действительно, с первым прутком они покончили через несколько минут — достаточно было обрезать его с одного конца, а потом согнуть. Поскольку времени хватало, двое активистов смогли спуститься вниз. Эта точка доступа не была подключена ни к какой сигнализации, и активисты пригласили остальную часть команды к ним присоединиться. Поначалу, к их расстройству, они нашли лишь двух морских свинок, одного кролика с лишним весом и массу пустых клеток, но за дальнейшие поиски они были вознаграждены обнаружением клеток, полных голубей, крыс и мышей, любопытными выглядывавших из своих темниц на неожиданных посетителей. Массивная дверь пожарного выхода была открыта нараспашку и, судя по всему, не стояла на сигнализации.

Когда прошло замешательство относительно дальнейших действий, спасатели начали выносить клетки через аварийный выход. Очень скоро коридор был забит ими: клетка на клетке, а сверху еще одна и так далее. Команда, хоть это и был ее дебют, работала очень слаженно. Тем временем фургон подъехал вплотную к месту событий. Офисы очистили от всей документации, которая поместилась в пять мешков. Пора было начать загружать клетки в машину через дверь пожарного выхода на улицу. Вероятность того, что она стоит на сигнализации, все еще существовала, поэтому все были готовы действовать молниеносно.

Но страшный звук так и не раздался. Громоздких клеток было много, поэтому фургон быстро заполнился и двинулся по маршруту. Подъехала вторая машина. Она принадлежала студенту, жившему по соседству. Он не спросил, зачем ее берут взаимы, поэтому ему ничего не сказали. Когда активисты загрузили и эту машину, она последовала за первой. Другие налетчики между тем разоряли лабораторию. Закончив, все растворились в ночи. Это было очень просто во многом потому, что не пришлось пропихивать клетки через слуховое окно на крыше.

В общей сложности удалось спасти 170 животных, включая 43 египетских горлицы. Местную прессу рейд не впечатлил. Один из заголовков гласил: «Домашнее животное умирает в результате того, что люди в масках разговаривают политехнический университет, начиная кампанию по устрашению». В материале говорилось, что мышь, очевидно, домашний питомец одного из сотрудников лаборатории, была затоптана жестокими налетчиками. Эта ахинея угодила в заголовок, но в самом материале не было ни слова о жестоких ежедневных убийствах лабораторных животных, которые практиковались в этих стенах. Кажется, такие вещи называют двойными стандартами.

Организатор рейда впоследствии признался, что пережитый опыт открыл ему глаза. Он понял, что добьется куда большего, если будет делать, а не спрашивать, что делают другие. Две недели спустя он впервые в жизни разбил окно местного мясника: он сказал, что испытал чувство справедливого отмщения.

Захваченные бумаги тоже представляли большой интерес. В них содержалось масса личных данных персонала лаборатории, включая имена, адреса, телефонные номера, номера машин и даже фотографии улыбающихся зоотехников, позирующих с различными зверями и рептилиями. Что ж, зная, что теперь у ФОЖ в руках снимки с их счастливыми физиономиями, они были уже не так расслаблены и веселы. Разумеется, никакого террора со стороны зоозащитников не последовало, хотя СМИ сделали очень много, чтобы нагнать на людей страху.

Куда важнее, что документы раскрыли стоимость животных для лаборатории: по 9.65 фунтов за морскую свинку и по 4.30–6.50 фунтов за крысу. Записи в дневнике показали, что сотрудники лаборатории не просто знали, в какой день явятся инспекторы из МВД с проверкой, но даже речи предполагаемый результат этой проверки.

В ходе одного такого визита инспектор обнаружил, что комната с крысами забита до отказа, а воздух в ней далек от идеального из-за сломавшейся вентиляционной системы. Он порекомендовал починить систему или уменьшить число особей. Сотрудники лаборатории предпочли убить 50 крыс, чтобы оставшимся было проще дышать.

Предлагаемые вивисекторами «проекты» должны получать одобрение Комитета по этике (Ethics Committee), но эта инстанция не слишком беспокоилась об этической стороне дела. Они вели себя очень дружелюбно с исследователями, обращаясь к ним по именам, а не по фамилиям и подписывая их заявки без каких-либо вопросов.

Один проект, включавший опыты на 24 крысах, согласно заявителю, должен был определить, «есть ли у крыс привыкание к приему пищи внутрь». Иными словами, «ученый» хотел выяснить, предпочитают ли крысы есть знакомую еду либо скорее перейдут на новую. Не слишком изуверское исследование по стандартам вивисекторов все равно предполагало заточение в тесных клетках до конца крысиных жизней и массовое убийство по окончании эксперимента. Почему Комитет по этике не отверг это явно не жизненноважное исследование? В конце концов, ведь по его собственным словам, все эксперименты должны «соответствовать разумным научным основаниям».

Некоторые из мышей, использовавшихся в лаборатории, были недееспособными дистрофиками — их вывели специально для изучения гена, ответственного за мышечную дистрофию у животного, которое, по словам вивисекторов, «наиболее похоже повторяет состояние больного человека». При этом еще в 1971 году утверждалось, что мыши, превращенные в недееспособных дистрофиков, никак человеку не помогут, и по сей день прогресс на этом поле был достигнут только благодаря клиническим испытаниям.

Еще одно разоблачение, ставшее возможным благодаря этому рейду: лишь один из четырех детенышей таких мышей годится для экспериментов — здоровых сразу убивают. Представитель лаборатории Даррел Брукс хотел, чтобы в его проекте участвовали 80 мышей; которых предполагалось убить, чтобы использовать их ткани. Но ни убийство 80 мышей, ни их 240 братьев и сестер не отразилось на выдаче лицензии министерства. Многих других животных, согласно документам, выводили и убивали в лаборатории для использования их органов — например, 500 крыс, 350 лягушек, 142 морские свинки и 44 голубя.

Национальное антививисекционное общество получило копии всех относящихся к этим вопросам документов и составило 30-страничный анализ, демонстрирующий недочеты Закона о проведении научных исследований 1986 года, заступники которого утверждают, что защищают животных от плохого обращения. Элементарная проверка выявила, что вивисекторы университета тратили жизни на эксперименты, подобные которым давно уже заменили в других институтах на более подходящие. Это было лишним свидетельством бессмысленной жестокости и пренебрежения жизнями — позорная история, ставшая широко известной.

«Небесные кролики»

Нет ни единой генетически модифицированной мыши, которая помогла бы изобрести лекарство, исцеляющее от болезни.

Кейтлин Мюррей, директор отделения трансгенных исследований в Чарльз-Ривер, New Scientist, февраль, 2002

Еще одна команда на севере Англии действовала в районе Пеннинских гор, привлекая внимание к проблеме угнетения животных всеми возможными средствами. Джон Доусон никогда с ними не встречался, но знал об их существовании. Он, как и многие другие, выращивал кроликов на мех, мясо и опыты. Его компания называлась «Небесные кролики» и располагалась в деревне Мелтем неподалеку от Хаддерсфилда, графство Западный Йоркшир. Доусону не нравился ФОЖ, и это было взаимным.

«В 1964 году я взял в аренду участок земли неподалеку от станции Нир-Лейн. Я построил сарай, чтобы держать в нем домашнюю птицу, и с течением лет построил еще пару. В конечном счете получилось, что у меня куча сараев: 30 на 6 метров, 14,5 на 3, 7 на 3, а также еще один длиной 1,5 метра. Большинство я построил из дерева. Панили на крышах некоторых были из ПВХ.

Примерно в 1967 году я начал выращивать кроликов. Я продавал их на мясо или в качестве домашних животных. Это были Новозеландские белые и Калифорнийские кролики. Я продавал их либо напрямую мясникам, либо оптовым покупателям, которые умерщвляли их позже. Дела шли вполне неплохо. В какой-то момент у меня жили 700–800 кроликов. Они доживали примерно до 12-недельного возраста, перед тем как поступить в продажу. Я давал рекламу в “Желтые страницы”, газеты Yorkshire Post и Huddersfield Examiner, а также в журналы “Мех и Перья” и “Еженедельник фермера”.

Проблемы начались лет шесть назад. Я помню, что это был канун Нового года. Мне позвонили домой. Звонивший поздравил меня с праздником. Он сказал, что проник в один из сараев и забрал часть кроликов. Я проверил и обнаружил, что замок сломан и половина кроликов украдена.

Начиная с того момента я неоднократно получал телефонные звонки от анонимов, которые действовали от имени групп за права животных. Объявления в прессе способствовали тому, что телефонных звонков становилось больше, поэтому мне пришлось со временем отказаться от рекламы. Это повлияло на развитие моего бизнеса, поэтому я ограничил ресурсы компании около года назад, но продолжал продавать «Небесных кроликов», держа около сотни животных для разведения и нескольких на откорм.

Одним утром в начале декабря 1990 года я приехал к сараям и обнаружил надпись на воротах одного из них, выведенную крупными буквами белой краской: «Этих кроликов разводят, чтобы убивать». На крыше было написано: «ФОЖ». Кроликов обрызгали красной краской, что сделало их бесполезными для продажи.

Примерно в 15:00 в четверг, 17 января 1991 года, я съездил к кроликам, после чего надежно запер сарай. В тот момент все было в порядке. В сарае было 80 кроликов. На следующий день, в обед, я решил проверить животных. Я обнаружил, что замки главного сарая сломаны, а деревянной постройке причинен серьезный ущерб посредством огня, не оставившим от постройки буквально ничего. В том сарае были все кролики. Они пропали. Я оценил стоимость ущерба примерно в 2-3 тысячи фунтов. Цена пропавших кроликов составила 800 фунтов. Я также должен упомянуть, что

обнаружил в руинах сарая один или два скелета кроликов, которые погибли в огне. Полиция показала мне фотографию закрытого капюшоном человека, держащего белого кролика. Кролик был Новозеландский белый, идентичный тем, которых я выращивал. Я был шокирован и подавлен. Наконец, я начал наводить порядок на ферме, рассчитывая запустить бизнес заново.

В воскресенье, 3 февраля, где-то во второй половине дня я проверил сараи и, если не считать нанесенного до этого ущерба, все было в порядке. В 10 утра в четверг, 6 февраля, мне позвонили полицейские и сообщили, что моим сараям вновь причинен ущерб. Я поехал вместе с полицейскими и увидел, что все они сожжены. Я оценил стоимость ремонта и сгоревшего содержимого в 10 тысяч фунтов.

Я продолжал получать злокозненные письма, в которых ко мне обращались “Мистер Дж. Чан“, “Мистер Н. Сарай“, “Мистер Пожар“, “Мистер Погорелец“ и «Жертва А.Р.». Это были явные насмешки. Последнюю корреспонденцию я получил 9 августа 1991 года. В целом мне прислали порядка 100 издевательских писем с предложениями дать мне ссуду, застраховать жизнь и т. п. Мне также приходили свертки с товарами, которых я не заказывал. Однажды мне доставили инвалидное кресло. В данный момент я не занимаюсь торговлей. У меня нет капитала, чтобы вновь начать бизнес с нуля».

Это был конец целой эпохи. Подобные кампании уже не попадали на передовицы международных газет, но служили важными вехами в истории освободительного движения. Был 1991 год. Тысячи животных получали помощь и обретали свободу. От одного конца страны до другого единомышленники выполняли миссию избавления мира — или, по крайней мере, его части — от клеток, страданий и смерти. Конечно же, таких людей во что бы то ни стало следует остановить!

Прославленный зоопарк

Как правило, об огромной части ущерба вообще ничего не сообщается.

Дэвид Хеншоу, журналист, Public Eye, 1991

То, что будет описано далее, освещалось недостаточно полно.

Именно подлинный интерес к работе Горного парка диких животных в холмах деревни Кинкрейг неподалеку от Инвернесса в шотландской глуши заставлял любознательного гражданина отдыхать в этих краях, пока он не наткнулся на зоозащитный стенд на главной улице населенного пункта. Обыватели наивно полагали, что парк представляет собой заповедник, где больные, раненые или осиротевшие животные получают любовь и заботу, прежде чем пройти курс реабилитации и вернуться в естественную среду обитания; где находящимся под угрозой уничтожения и редким животным позволяют размножиться и выпускают на волю. Они глубоко заблуждались.

Разместить животных на огороженном участке размером в 264 акра на широких просторах высокогорья не составило проблемы, ведь они были дикими, в конце концов. Проблема заключалась в том, что руководило процессами Зоологическое общество. Зоопарки традиционно заботятся куда больше о получении прибыли от содержащихся животных и их продажи на доходном вивисекционном рынке, чем о нуждах братьев меньших, и уж точно никогда не выпускают их обратно на волю. Сафари-парки и им подобные предприятия ведут себя так же.

Наводку на Парк Кинкрейга активистам дали в 560 километрах южнее, в Англии. Никого особенно не удивило услышанное, если учесть, какое количество историй о жестокости к животным фланирует внутри движения, обрастая подробностями, слухами и преувеличениями. Цифры всегда могут быть искаженными, и порой хочется их проверить. Но порой требуется немалое упорство в разведке и определенный уровень хитрости даже для того, чтобы выяснить, не обращаются ли плохо с собакой, живущей в саду городского дома, а если это так, то как ее вызволить. Проверить информацию о Кинкрейге было не так просто, поэтому дело решили отложить до лучших времен. По стечению обстоятельств, одна пара 60-летних зоозащитников с большим стажем отдыхала в Шотландии и вспомнила об упоминавшемся на встрече их группы парке диких животных. Они решили посмотреть, что да как.

«Это невысказано», — сказали они по телефону друзьям из Англии. Они интересовались, что можно сделать. Пообщаться с владельцем? Не помогло. Им сказали, что увеличить огороженную территорию будет слишком дорого, да и посетители не смогут насладиться видами диких животных. Исчерпывающий ответ. Активисты описали увиденное так: «В границах территории, огороженной забором с колючей проволокой, раскинулись большие пространства. А сама территория вообще окружена великолепной сельской местностью, которая тянется до горизонта. Однако эти величественные создания заключены в тесных загонах, или больших клетках, если угодно. Владельцы с легкостью могли бы удвоить площади их содержания, но клетки позволяют внимательно разглядывать обитателей со всех сторон. Достаточно ли это веская причина, чтобы держать здоровых животных в неволе?»

Активисты хотели связаться с кем-то из прессы, чтобы осветить происходящее, но по опыту они знали, что усилия окажутся тщетными. Им посоветовали вернуться в Англию и сделать побольше наметок на тему того, как можно самостоятельно решить

проблему. Они вернулись и сообщили, что на территории парка нет охраны и освободить животных не составит ровным счетом никакого труда. Месяц спустя, когда погода улучшилась, группа из шести человек высадилась из машины на поле в нескольких километрах от парка. Когда опустилась ночь, они пробрались на территорию, ликвидировали замок на воротах с помощью кусачек и систематически демонтировали все клетки. Один из активистов восторженно пересказал случившееся годы спустя:

«Атмосфера была волнующая. Животные и мы. Я уже участвовал в акциях спасения животных и раньше, но это было много лет назад, и стены с оградями представляли серьезные препятствия. Наши маленькие рейды всегда были захватывающими, щекочущими нервы и нередко стремительными, потому что подчас требовалось быстро эвакуировать животных, пока охрана не проснулась; как правило, неподалеку всегда был кто-то в доме или в будке охраны. На сей раз никого не было. Ни души на много километров — ни патрулей охраны, ни высоких заборов, ни фермеров, ни случайных прохожих с собаками. Только мы, эти потрясающие создания и миллионы звезд в небе. Как эти люди могли день за днем уходить и запросто оставлять сов в загонах, когда от свободы их отделяла только сетка колючей проволоки?»

Хороший вопрос. Но они могли. Меж тем задача перед активистами стояла не сложная, но у них ушло четыре часа на то, чтобы открыть клетки лис, песцов, орлов, сов, барсуков, хорьков, лесных куниц, диких кошек, тетеревов и выдр. Некоторым не терпелось освободиться, например, паре лис. Словно они уже знали, куда бежать, потому что в тот момент, когда активисты закончили резать проволоку и отступили, лисы рванули напрямик в сторону ближайшего леса на холме. Некоторые звери и птицы дожидались, пока люди не отойдут на почтительное расстояние. Другие слишком привыкли ничего не делать и продолжали сидеть в продырявленных клетках вплоть до следующего утра, когда их обнаружили шокированные сотрудники парка. В клетках запертыми остались только бурые медведи и волки. У них не было никаких шансов выжить ввиду неминуемо острой истерической реакции, которая последовала бы за их появлением в местной дикой природе. «Никто не хотел подвергать испуганных медведей неминуемой гибели, выпустив их из клеток», — объяснил участник событий. Любой геройствующий сорвиголова на селе пополнит ряды добровольцев службы по борьбе с сельскохозяйственными вредителями, чтобы вновь «запереть косяка на три замка или прикончить», как это веками происходило повсеместно. Считается, что популяция волков в Шотландии сократилась до минимума к 1743 году; медведей полностью истребили к X веку.

Росписи, оставленные в центре для посетителей ужасной глянцево-зеленой краской, не оставляли сомнений в том, кто здесь побывал. Реакция СМИ была в основном негативной, а активисты мечтали вернуться в парк и освободить тех животных, которых персоналу удалось поймать и вновь посадить в клетки.

Отказ от идеи выпустить волков аукнулся для освободителей годы спустя, когда выяснилось, что вслед за смертью альфа-самца стаи другие волки начали вести себя неестественно, поэтому были зарезаны сторожами парка. Популяция волков Шотландии вновь существенно сократилась...

Операция «Пика»

За последний десяток лет ФОЖ превратился в наиболее современную версию лобби становящегося все более воинственным зоозащитного движения, оставшись маленькой, но безжалостной организацией.

Патрик О'Флинн, Birmingham Post, 1991

Некоторые активисты ФОЖ в Манчестере и за его пределами откровенно искушали судьбу. В то время как большинство работало над другими проектами в схожих сферах, нетерпеливость и чрезмерная уверенность от возбуждающего ощущения, что делаешь доброе дело в компании единомышленников, были опасной комбинацией. Это привело к ошибочной тактике, в рамках которой многие брались за все сразу и не могли устоять перед рискованным соблазном походя нагадить на чьем-то крыльце.

Аресты за битье окон стали будничным делом. Полиция подозревала, что существует какой-то заговор. Причина, по которой офицерам удавалось с небывалой легкостью задерживать ответственных за рейды, поджоги и прочее, заключалась в том, что многие участники этих акций были друзьями, встречались на демонстрациях, вместе саботировали охоту и т. д. Некоторые занимались любимым делом долгие годы и были хорошо известны полиции. Другие, хоть и считались новичками, слишком часто светились в компании ключевых фигур движения. Не думаю, что многие активисты вступили в ряды ФОЖ, ни разу не поучаствовав в массовых протестах с последующим переживанием разочарования в легальных акциях; печально, но факт: подобная тенденция очень часто помогает находить виновников.

Вдобавок, как показывает практика, за большую часть причиняемого ущерба традиционно несет ответственность лишь небольшая горстка активистов. Расследование привело полицию к мысли, что дом 201 по Клэрэндон-роуд в Уэлли-Рейндж на окраине Манчестера был хорошей мишенью для слежки. В квартире по этому адресу не очень известные зоозащитники встречались с очень известными. В начале лета 1991 года наблюдательный пункт был разбит на верхнем этаже дома напротив. Наблюдение велось с 7:00 до 19:00, после чего офицеры, очевидно, раскопались. Это было частью операции «Грелка», которая в свою очередь входила в широкомасштабную операцию «Пика». Необходимо заметить, что подавляющее число преступлений, расследуемых этой командой высококвалифицированных детективов, которые открыто заявляли о своем твердом намерении прихлопнуть ФОЖ с концами, совершались с наступлением темноты и уж точно после 19:00, но целых два месяца блюстители не могли додуматься продлить дежурства.

С самого начала полиция хотела придумать заговор, который позволил бы обвинять активистов в куда менее серьезных преступлениях, чем поджоги. Было решено, что их не только похватают с поличным, но и будут забирать прямо из домов за причастность к тем или иным проступкам. Если же те выйдут под залог, то для них введут очень жесткие ограничения. Цель в долгосрочной перспективе заключалась в том, чтобы устроить большой показательный процесс, который обеспечил бы продолжительные тюремные сроки для максимально возможного числа активистов. Краткосрочной целью было выявлять и разрушать активные группы.

Конкретно эта часть операция была необходима, чтобы доказать, что несколько ключевых подозреваемых находились в одном помещении вместе и, значит, соверша-

ли преступный сговор. Неважно, что трое активистов жили по этому адресу. Круглосуточные наблюдения начались в августе. Две недели спустя в стену соседней квартиры было вмонтировано подслушивающее устройство, которое записывало разговоры активистов весь остаток года.

В довершение ко всему дополнительные наблюдательные пункты были организованы напротив дюжины других «подозрительных» домов на северо-западе. Полиция следила за каждым телодвижением жильцов. Одновременно проводились операции «Блеск», «Копье», «Сабля», «Шпага», «Меч» и «Лезвие». Операция «Генерал и ракета» осуществлялась в отношении офисов Манчестерской группы защиты животных (Manchester Animal Protection Group) и ALIU в центре города. Кольцо сжималось.

В то время как дом 201 по Клэрэндон-роуд был под наблюдением, злостные преступники действовали по совершенно другому адресу. Например, в ходе аналогичной рейду в Кингрейге акции в Парке диких животных в Райбер-Кастл в Мэтлоке, графство Дербишир, клетки покинули разнообразные дикие животные. Это место в лучшем случае можно было бы назвать зоопарком, но владельцы упорно предпочитали именовать его заповедником. Активисты ФОЖ заявили однажды ночью и выпустили обитателей на природу. За ночь зоопарк превратился в собственную тень. Он распрощался с совами, лисами, голубями, валлаби, хорьками и кошками Жоффруа. Два десятка домашних кроликов и множество крыс активисты пересадили в коробки и увезли, оставив после себя лишь надписи краской повсюду: «НЕТ ЗООПАРКАМ», «ФОЖ» и «ДИКИМ ЖИВОТНЫМ — ДИКАЯ ПРИРОДА». На следующий день офицеры усердно снимали на пленку Терри Хелсби, жившего в доме номер 201 и хорошо известного полиции, а также Элисон Маккюан. Ребята делали уборку во взятом напрокат фургоне, припаркованном на Клэрэндон-роуд.

Представитель зоопарка Ферн Миллард, разумеется, считал, что он и его коллеги оказывали животным неоценимую услугу: «Животные счастливы в своих загонках. Если бы они были несчастны, то не размножались бы». Проводить связь между заключением и желанием завести семью, или инстинктом, или скукой, или изнасилованием, или искусственным осеменением? Прекрасный аргумент... Зоопарк закрылся несколько лет спустя.

Пока полиция следила за происходящим в Манчестере, не отрывая взгляда от тех активистов, кто был на виду, остальные продолжали действовать. Кто-то, например, разрабатывал планы в Кембридже. Где бы активисты ни были, они выказывали откровенное неуважение к неэффективной системе сдерживающих и уравнивающих сил, защищавшей угнетателей животных. Только преступное государство станет карать своих убежденных противников, желая помешать плавному становлению общества, в котором животных не держат в клетках.

Пока есть скотобойни, будут и поля сражений.

Лев Толстой

Принадлежавшая Университету Кембриджа ферма Лондри подверглась рейду в 1991 году. Одетые в маски активисты ворвались в стойла, вывели оттуда трех лошадей и погрузили их в трейлеры. Как только машины с лошадьми уехали, активисты предприняли попытку проникнуть в хорошо укрепленное отделение для собак. Загремевшая сигнализация заставила их отказаться от своих планов и покинуть место событий, однако они успели прихватить с собой материалы, которые вновь вызвали подозрения, что собак, используемых в экспериментах, воруют у простых британцев.

Согласно Закону о проведении научных исследований на животных 1986 года, использование домашних питомцев в опытах — законно. В действительности лаборатории, конечно, не слишком обеспокоены тем, откуда к ним поступают животные. Не волнует это ни МВД, ни Общество защиты исследований, ни RSPCA. Превосходно об этом зная, ALIU организовал тайную проверку фермы Лондри, чтобы выяснить, не скрывает ли она чего-то. Правительство, RDS, RSPCA, СМИ и полиция осудили этот подход, но мы уже хорошо знаем, как низко могут пасть люди этой индустрии и официальные лица, курирующие их деятельность. Согласно цифрам МВД за 2003 год, на 300 лабораторий, свыше 4 тысяч держателей лицензии и 2,7 миллиона экспериментов было всего 26 инспекторов. Эти люди физически не могли следить за всем, даже если бы у них были строгие указания это делать и являться в лаборатории без предупреждения. Огромное количество животных наедине с тысячами мужчин и женщин, страдающими от умственных отклонений, не имеющих никакого сострадания. И что, нигде при этом не допускается жестокости к животным?

По состоянию на май 1990 года из 18 членов Комиссии по опытам на животных (Animal Procedures Committee), — органа, ответственного за контроль над вивисекционными исследованиями, — 13 некогда были или на тот момент являлись вивисекторами. Двое при этом были представителями групп, лоббировавших интересы вивисекторов, — RDS и «Животные в информационном центре медицинских исследований» (AMRIC). Еще трое придерживались нейтральной позиции, другие двое называли себя людьми, «заботящимися о благополучии животных», то есть скрывались за определением, используемым вивисекторами, когда им требуется описать свое отношение перед лицом общественности. И тем не менее этот орган, развращенный шкурным интересом, вселял страх в сердца живодеров в белых халатах.

К 1999 году число членов комиссии увеличилось до 23, предположительно, чтобы придать больший вес защитникам животных. Для многих наблюдателей этот факт сам по себе содержал противоречие. Сегодня комиссия представляет собой правительственный, отстаивающий интересы вивисекторов орган (любимый RDS), который отказывается подвергать сомнению даже самые откровенно жестокие и нелепые эксперименты.

Нам навязывают подобные комиссии, руководимые людьми «из толпы». Нам навязывают оплачиваемых правительством инспекторов, проверяющих эксперименты, от которых правительство и получает доход. Нас как налогоплательщиков заставляют финансово поддерживать вивисекционную индустрию — коротко говоря, так как все

правительственные пешки поддерживают и защищают эту гнусную практику и ее распространение, можно с уверенностью сказать, что деятельность таких организаций направлена против животных. И все это, не будем забывать, исходит от того же правительства, которое угрожает применить раздел 24 закона 1986 года, предполагающий двухлетнее тюремное заключение для любого, кто посмеет раскрыть подробности закулисной деятельности вивисекционных лабораторий без разрешения властей.

82 % британских врачей не доверяют результатам, полученным посредством опытов на животных.

Европейцы за медицинский прогресс (ЕМА)¹

Надев кепки с логотипом ALIU, вооружившись планом фермы Лондри и твердо вознамерившись создать резонанс вокруг проблемы опытов на животных, несколько проникнутых духом гражданственности активистов были рады, что (согласно положениям статьи о воровстве) смогут безнаказанно вынести документы, так как они не забирали их у владельца насовсем. Разумеется, они знали, что сторона обвинения будет иначе трактовать этот нюанс в зале суда, но у защиты все равно оставались крепкие позиции. Даже в жестком законодательстве удавалось отыскать слабые места, позволявшие рассказывать людям о страданиях животных, тем самым предотвращая их продолжение.

Трансплантация органов, к которой были приговорены многие животные на ферме, — это аргумент, регулярно приводимый в пользу научного прогресса, следующего путем опытов на животных. От рук ученых и хирургов пострадали и умерли сотни тысяч ни в чем не повинных существ, подвергшихся трансплантациям. Анти-вивисекционное движение располагает обширными сведениями об этом. Многочисленные факты были задокументированы как в ходе акций, так и в рамках различных расследований. Подобные эксперименты не сметают препятствий на пути к успешной трансплантации у людей — на самом деле они часто лишь создают новые проблемы. Анджела Хемп была поражена страданиями животных, которых увидела в ходе акции ALIU. Она очень эмоционально описала все подробности:

«Когда мы вошли в помещение через незапертую дверь, то увидели нескольких собак. Главный отсек был закрыт, животных держали на погрузочной платформе; их выбрали следующими для отправки в кембриджские пыточные. Лаборатория Роя Кална Адденбрука — одна из тех, что специализируются на трансплантационной хирургии. Я держала в руках собачку — помесь колли с какой-то другой породой — она была почти вся черная, но с белыми пятнами на груди и на кончиках лап. Я передала ее и вскарабкалась на маленькое крыльцо, в тот момент я вспомнила, что именно так выглядела моя домашняя колли, когда я была маленькой.

Щенку было примерно четыре месяца, и она совсем не боялась, когда я с ней разговаривала и держала на руках; она лизала мое лицо. Мы смогли забрать восемь собак. Понесли их через несколько полей в мой фургон. Когда я устала, передала щенка коллеге. Щенок был еще совсем маленький, но мне нужно было немного отдохнуть. Через минуту я опять ее взяла. Хотелось, чтобы она была в полной безопасности, я молилась, чтобы все закончилось хорошо.

Мой фургон был припаркован в конце старой лежневой дороги на краю поля. В багажник посадили семь щенков. Они образовали восхитительный комок пуха. Родители у них явно были разные. Всем было не более шести месяцев. Черно-белая колли и рыжие, белые и желтые лабрадоры. Восьмая собака поехала в другой машине. Вырулив на основную дорогу, я миновала одну полицейскую машину и, повернув

¹ *Europeans for Medical Advancement — независимая некоммерческая организация, состоящая из врачей и ученых, убежденных, что вивисекция больше вредит здоровью человека и общества, чем помогает.*

направо на перекрестке, проехала навстречу второй. Обе машины двинулись вслед за мной. Мне было не оторваться, но я решила попробовать. Щенки позади меня всю играли друг с другом, даже не подозревая о серьезности ситуации и наслаждаясь приключением. Все, что я могла сделать — это увезти их настолько далеко от этого гадюшника, насколько возможно.

Полиция в свою очередь пыталась меня догнать. Это была настоящая погоня. Я была спокойна и крепко держала руль, хотя в какой-то момент мои глаза застлали слезы, и я услышала, как кричу — не кому-то конкретному, а просто: “Пожалуйста, помогите им!” Я надеялась, что, если бог есть, полицейским не победить в этой гонке. Меня не волновало, что будет со мной, я лишь хотела, чтобы собаки оказались в безопасности. Я промчалась около 27 километров, прежде чем полиция силой вынудила меня остановиться. Тогда я запрыгнула в багажник, чтобы быть с собаками и убедить-ся, что они не пострадали.

С ними все было хорошо. Они игриво бросались на меня, я целовала их и прижимала к себе. По моему лицу катились слезы. Я продолжала повторять им, что все будет в порядке. Все, что я знала о будущем собак, основывалось на информации о рейде в Interfauna (после суда полицейские отдали собак в приют для животных не-подалеку, откуда люди потом их разобрали по домам). Секунды спустя задняя дверь фургона открылась, и меня грубо выволокли наружу, схватив за волосы. Я боролась, чтобы высвободиться. Мне скрутили руки, несколько раз ударили и пинком закинули в одну из полицейских машин. Внутри меня сильно ткнули локтем в живот, после чего я сидела в полном молчании. Том Уокер, мой юрист, звонил в полицейский участок каждый час, чтобы справиться о том, как я. Дважды вызывали доктора, чтобы составить протокол о моих травмах.

Я не знаю, что конкретно случилось со щенками. В приемной участка мне сказали, что с ними все будет хорошо. На самом деле в это время их везли обратно на ферму, чтобы потом отправить в какую-нибудь скрытую лабораторию Кембриджа. Я никогда не забуду этих маленьких щенков, особенно ту маленькую черно-белую колли. Мне до сих пор снятся кошмары. Сейчас они уже давно мертвы, но я продолжу сражаться в память о них до моего последнего дня».

Анджелу Хемп продержали в заключении трое суток, после чего предъявили обвинение в краже со взломом и нарушении правил дорожного движения. Для нее, как и для многих других активистов, дело пахло тюрьмой. Восьмую собаку, молодого лабрадора с татуировкой «AP24», благополучно доставили в безопасное место. Она осталась жить у своих похитителей. Желание найти и вернуть собаку на ферму было столь огромным, что полиция поместила пса в список самых разыскиваемых. Одержимость властей приобретала все более монструозные формы. Зоозащитные круги были в смятении и ярости. Найти животное полицейским так и не удалось.

Зверства — это не зверства, если они происходят в лабораториях и называются медицинскими исследованиями.

Джордж Бернارد Шоу

Тот, кто ищет чего-то поистине абсурдного, всегда найдет это в любой оксфордской вивисекционной лаборатории. В городе их полно, причем самых разных. Некоторые более охраняемые, некоторые менее. Где-то до животных проще добраться из-за недостатка финансирования лаборатории. Институт медицинских исследований имени Черчилля принадлежал университету, не менялся с годами, и так все дальше и шло бы. Однако тайное всегда становится явным. В данном случае ключевую роль сыграло содержимое помойных контейнеров у заднего входа в здание. Рыться в мусоре — едва ли самая социально приемлемая практика, зато очень продуктивная.

Конечно же, администрация либо врала о том, чем занимается институт, либо все отрицала, но в ходе разведки на местности кто-то нашел любопытные документы, мгновенно заносившие институт в список вивисекционных преступников. Судя по бумагам, многие сотни свиней и грызунов жили и скорострительно умирали здесь в результате извращенных экспериментов, включавших облучение радиацией. Доказать это не составляло труда, но ограничиться обвинениями было не в правилах ФОЖ.

Вскоре налетчики уже прибыли на место и забрались на крышу. Вытяжной вентилятор выдавал запах грызунов. Активисты принялись выдалбливать дыру в кровле. Покрытый битумом картон сдался под продолжительными ударами лома. Вскоре дыра, достаточно крупная для того, чтобы проникнуть в здание, была готова. Двое проворных активистов спустились вниз для разведки. Там их ждали полдюжета свиней, содержащихся в бетонных стойлах. Все выглядели испуганными. Они явно испытывали дискомфорт, что неудивительно, учитывая, что их, по сути, подвергали последствиям ядерной катастрофы! Все кишело тараканами. На них здесь не ставили опыты, просто была антисанитария. Насекомые получали удовольствие от атомных отходов.

Активисты не могли даже попытаться спасти этих свиней: они были слишком крупными, а способа вытащить их не находилось. Невозможность помочь этим потрепанным, умным животным разбивала сердца. Их тела были покрыты шрамами, походившими на сигаретные ожоги большой площади. Если учесть, что ученые располагают исчерпывающей информацией о действии радиации на организм человека, основанной на исследованиях и лечении жертв ядерных бомбардировок, подобные опыты на животных не просто жестоки, но и совершенно не нужны.

Пока одни активисты снимали свиней на камеру, запечатлевая их состояние, другие сверлили крышу в другом месте. Они увидели бойлерную. С помощью лестницы они попали в офис и лабораторию. Снимая панели на крыше, налетчикам было удобно заранее просматривать, что ждет их в каждой из комнат. Оказавшись в офисе, можно было начать действовать. В здании стоял сильный запах грызунов, но никто не мог найти нигде ни клеток, ни даже коробок с ними. Тщательные поиски обнаружили 200 сосудов с подвергнутыми радиации мозгами крыс в одном из холодильников. От этой находки активистам стало еще хуже.

Дозорные сидели в ожидании достаточно долго. Ничего не происходило. Стояла тихая, немного морозная ночь. Внезапно из здания начали раздаваться звуки бью-

щегося стекла. По крайней мере, теперь что-то происходило. Погромщики настолько увлеклись поисками грызунов, что забыли объяснить дозорным, что происходит. Они ломали холодильники и крушили их содержимое, рвали книги и энциклопедии, кидали их в кислоту и смеси красок, портили оборудование. Они плотно заткнули все раковины и открыли краны. Все ценные документы изъяли для дальнейшего тщательного изучения в спокойной обстановке. Это было далеко не все, с чем они хотели уйти, но хоть что-то удалось унести! Они дали волю лютому гневу. В системе ценностей ФОЖ «испоганить» жизнь угнетателям — это уже повод для гордости.

The Daily Express отрапортовала: «Благодаря рейду ФОЖ была погублена работа, обошедшаяся в миллионы фунтов. Файлы, содержавшие данные о кропотливых исследованиях, украдены или уничтожены... Ученые искали способ помочь раковым больным, сократив при этом тяжесть воздействия радиотерапии на человеческую кожу». Однако из конфискованных документов следовало, что эксперименты по изучению радиации, включавшие использование свиней, хомяков и крыс, преследовали целью симитировать эффект, который оказывают последствия ядерного взрыва на людей. Финансировали опыты Кампания по изучению рака (позднее слившаяся с Имперским фондом исследований рака) и компания BNFL («Британское ядерное топливо»).

Активисты отправили копию видео в местные СМИ. На пленке были показаны раны свиней, условия их жизни и все, что окружало эти исследования. Фильм как бы сравнивал опыты на животных с тем, что случилось в Хиросиме и Нагасаки.

Ошеломленный широкой оглаской институт во всем признался и объявил, что прекращает все эксперименты с радиацией на свиньях, добавив, что «это планировалось уже давно». Удивительно, насколько альтруистично могут вести себя подобные заведения, удостоившись всенародной славы!

Королевская лондонская больница

Сегодняшняя медицина зашла в тупик. Она больше не подлежит трансформациям, модификациям и переориентациям. Попыток было слишком много. Сегодняшняя медицина должна умереть, чтобы родиться заново. Мы должны быть готовы к ее полному обновлению.

Профессор Морис Делор, французский врач, 1962

Через шесть дней после акции в институте Черчилля на улицах Ист-Энда, по которым когда-то бродил Джек Потрошитель, несколько активистов пытались остановить извращенное насилие.

Опытная активистка по имени Шейла узнала от друзей, насколько полезно бывает рыться в мусорных контейнерах угнетателей животных. Ей были известны почти все лондонские лаборатории, поэтому она прошлась по адресам, чтобы посмотреть, что сможет разыскать. К сожалению, многие из них прячутся в стенах университетов и больниц, и их помойные баки не так доступны, как у обособленных лабораторий и «ферм» за пределами города.

Королевская лондонская больница, как вы, наверное, догадываетесь, представляет собой довольно большой комплекс, и найти в нем вивисекционную лабораторию, не располагая внутренними сведениями, было крайне проблематично. Шейла получила эти сведения при случайной встрече с водителем, разгружавшим коробки с мышами возле больницы; она вроде как «потерялась», направляясь в больницу.

В то время Шейла была «вегетарианкой» — ела рыбу и говорила, что любит животных. Позднее она вспоминала:

«Я начала есть больше рыбы и молочных продуктов, чтобы не портить здоровье отказом от мяса. Я не уменьшала страдания животных, не спасала жизни, но поддерживала мнение людей из велферистской группы, которой тогда помогала деньгами. Они всегда пребывали в неустанных трудах, но некоторые не были даже вегетарианцами, и лишь один был веганом. Они очень любили говорить, что ФОЖ только и делает, что наносит бессмысленный урон, всякий раз, как что-то подобное передавали в новостях. Одно из таких обсуждений во время нашего группового утренника стало для меня последней каплей. Двое активистов общались между собой. Один сказал, что тюрьма — это единственное место для людей, которые ворвались на ферму и выпустили животных “на верную смерть”. Они продолжали говорить о том, о чем не имели ни малейшего понятия. Я считала, что если животных выпустили в дикую природу, где им предстояло умереть, это все равно не так ужасно, как то, что ждало их на ферме. И в тюрьме должны сидеть палачи этих животных.

Второй согласился, что эксперименты, может, и не слишком прекрасны, но они не причиняют страданий, ведь правительство регулирует деятельность лабораторий! Я молчала до этого момента, но вдруг потеряла самообладание, высказала им все, что думала, и больше не возвращалась. Это было совсем на меня не похоже, а их словно размазали по стенке, но я чувствовала себя освобожденной, как будто огромный груз свалился с моих плеч, и теперь я могла жить своим умом и делать то, что считала нужным».

В голове Шейлы до этого долго бродили подобные мысли, и интуиция толкала ее скорее к Фронту, чем к тому, что считалось «верным путем». Этот же случай стал

катализатором, вдохновившим Шейлу на акции прямого действия. Она спешно исключила из своего рациона рыбу и молочные продукты, узнав массу полезного из литературы и кино, а также на ежегодной Лондонской веганской ярмарке. Именно здесь Шейла познакомилась с человеком, который, как ей показалось, мог заинтересоваться тем фактом, что в Королевской лондонской больнице никогда не закрывали окно с торца здания. Шейла не ошиблась: человек заинтересовался. Когда-то она побаивалась того, чем занимается ФОЖ. Теперь она вела себя с бывшими заключенными и участниками акций прямого действия так же, как вела бы себя с собственными детьми. Она совсем не походила на типичную активистку ФОЖ, что позволяло ей расхаживать вокруг лабораторий больницы дольше, чем это удалось бы многим юнцам. Ей было любопытно. Она даже не представляла, к чему это может привести, но полагала, что если она окажется вблизи животных, возможно, она могла бы унести одного-двух. Это было скорее надеждой, чем ожиданием.

Лайам жил очень далеко от места проведения ярмарки, но, как и многие другие, год за годом приезжал туда. Для него ярмарка была не только редкой возможностью сибаритствовать весь день, но и шансом пообщаться с теми, кого он годами знал по активной деятельности и с кем редко теперь виделся. Он всегда был очень занят делами во благо животных, а в случае с лабораторией можно было совместить приятное с полезным.

Пола жила в пригороде Лондона и участвовала во многих кампаниях по всей стране. У нее почти не хватало времени на организацию походов по лабораториям и фермам ради спасения животных. Однако подобный опыт за плечами был. Теперь ее жизнь стала более приземленной, а деятельность уже не приносила столь быстрых результатов, при том что пребывание в Лондоне, население которого подобно населению маленькой страны, вызывало в ней острую потребность усиливать веганское влияние, пробовать новые способы пропаганды и освещения фактов, касающихся эксплуатации животных.

Пола и Лайам работали над множеством проектов ФОЖ в недалеком прошлом и оба неоднократно чудом избегали тюрьмы. Они стали меньше общаться и редко встречались в последнее время. Впервые Лайама привлекли к Поле взмах ее длинных, темных ресниц, ее улыбка и голос с хрипотцой. Однажды ее достоинства спасли их обоих от разоблачения и тюрьмы. Это случилось ранним утром, когда полицейский патруль остановил их машину в полутора километрах от автомобильного депо, которое они намеревались уничтожить зажигательными бомбами. Багажник был забит всем необходимым для операции. Если бы офицеры обыскали машину, активисты отправились бы в тюрьму очень надолго, но Пола была хорошо одета и принялась флиртовать с полисменом, скормив ему какую-то историю про ее немолодую хворую мать. Офицер даже не выписал штраф за сомнительно работающую заднюю фару. Этот случай стал напоминанием о том, что важно не только количество активистов, но и их личные качества.

Заинтригованные информацией Шейлы и редкой возможностью провести вечер вместе, они отменили другие планы и прогулялись по Уайтчепелу¹. Извлекать животных из городских лабораторий намного сложнее, чем в сельской местности. Первая же проблема заключалась в том, как проникнуть в больницу, которая располагалась прямо у магистралю. А в здании напротив были люди. Им хватило бы одного взгляда из окна, чтобы заметить команду налетчиков, выносящих коробки с животными.

¹ Whitechapel — район Лондона, где как раз располагается Королевская лондонская больница.

Эшворд-стрит не была людной улицей. С наступлением темноты она становилась пустынной. Периодически проезжали автомобили. Пешеходов было еще меньше. До этого активисты предпочитали парковать машину в поле, где ни один гуляющий с собакой человек ее не заметил бы, даже если бы люди в масках продолжали трудиться ночь напролет. Но правила этого рейда были иными: требовались беспримерная храбрость и небывалая скорость. Или вертолет.

Лайам и Пола прогуливались мимо больницы в самое оживленное время вечера. Они держались за руки, изображая счастливую чету. Так оно и было. Они прошли непосредственно мимо входа впервые, заметив дорожку, ведущую к заднему фасаду больницы и заветному окну, о котором упоминала Шейла. Они перешли дорогу, осматриваясь на местности. Проехала пара машин, прошла какая-то гуляющая парочка, не обратив на активистов никакого внимания. Наконец, они улучили момент, чтобы пройти вглубь по дорожке, будучи незамеченными.

Окно, как и говорила Шейла, было открыто. Ух ты! Не раздумывая о последствиях, они пролезли внутрь и, осторожно осматриваясь, прошли вверх по ступенькам. Все было в точности так, как описывала Шейла, до малейших деталей! Они не знали наверняка, содержатся ли в помещениях по коридору на третьем этаже животные, но запах и атмосфера всячески на это намекали. Еще одним важным наблюдением стало то, что на дверях стояли электронные замки, открываемые только с помощью специальных карт. Неожиданно все их многонедельные планы о спасении голубей из птичников, беседы со школьниками на тему уважения к животным и проверки домов желающих взять животное из приюта были отложены. На то появилась уважительная причина: это дело стало для них приоритетным. Все остальное представлялось не таким рискованным и могло быть сделано когда угодно. Когда они шли обратно по дорожке и по Эшворд-стрит, то были охвачены небывалым возбуждением. Они прикрыли за собой окно, чтобы никто не заметил, что оно распахнуто, и не защелкнул его.

К концу недели приготовления были завершены. Расследование показало, что brave виссекторы этой лаборатории отыгрывались в основном на мышах. Активисты ничего не могли поделать с опасностью погрузки животных непосредственно на крупной дороге, пришлось попросту положиться на судьбу, или «забить на это», как выразился Лайам. Хотя опыт подсказывал, что такие вещи редко срывают операции.

Медленно проехав по Эшворд-стрит, фургон остановился на противоположной стороне дороги с выключенными габаритами, но работающим двигателем. Ответственность за операцию ложилась на плечи двух пар активистов. Они были как семейные подряды. Задние двери фургона мгновенно распахнулись, и на улицу высыпали трое: Пола, Эмма и Уинк. Они взяли из фургона несколько связок плоско сложенных котоносок, рюкзак с инструментами, а также камеру. Они бегло оглядели окрестности и поспешили на скрытую тень дорожку, ведущую к заветному окну. Лайам отъехал припарковаться.

Он присоединился к друзьям в коридоре на третьем этаже, где Пола давала краткий инструктаж Эмме и Уинку. Две пары влюбленных зоозащитников в самом сердце виссекционной лаборатории и больше никого. До чего же здорово быть освободителем животных! Звуки хрустящего и раскалываемого дерева, отдававшие эхом, были настоящим чудом: вместо электронных карточек для дверей Лайам применил лом. «Извините», — пробормотал он после первой порции грохота. В конце концов, они находились в действующей больнице, где круглосуточно работали и лечились люди. Хватило бы одного-единственного свидетеля, чтобы круто изменить ход событий.

Наконец, дверь открылась с таким гроким ударом, что на всех лицах появились испуганные гримасы. Они мгновенно представили, на какое расстояние мог проне-

стись этот гром. Звук отдавался еще долго. Когда он стих, наступила гробовая тишина. Все стояли, неподвижно прислушиваясь. Не было ни криков, ни шагов на лестнице, ни скрипа открываемых дверей, ни орущей сигнализации. Только долгое прекрасное безмолвие и дыра вместо двери. Вот и чудно.

Пола деловито шагнула через дверной пролет вглубь комнаты. От стены до стены простирались клетки с мышами. Сложенные штабелями на подвижных стеллажах, высились бесчисленные пластиковые поддоны с проволочными потолками, служившие домами для бесчисленных белых зверей, которые буквально сходили здесь с ума. У некоторых из тел торчали нитки — последствия операций по удалению селезенки. Им нечего было делать в этих крошечных тюрьмах. Незачем было проводить недели или, возможно, месяцы в безнадежной тоске, муках и страданиях, исходом которых была смерть. Даже питание состояло исключительно из мягких, технологически обработанных гранул. Жестокость подобного существования хоть и не обсуждалась широко, но, пожалуй, была очевидна любому, кто имеет хоть какое-то представление о любознательной натуре этих энергичных животных. Каждому здравомыслящему человеку понятно, насколько сильно мыши страдают от подобного заточения. Они проводят жизни в крохотных пластиковых контейнерах, пол которых устлан опилками и которые они делят с несколькими своими собратьями по несчастью. Это и есть весь их мир.

В свое оправдание вивисекторы говорят, что это всего лишь мыши, которых для этого и разводят, поэтому не стоит так беспокоиться. При этом они с гордостью заявляют, что грызуны составляют только 80% животных, используемых в экспериментах. Ежедневно подвергаются мучениям также 80 обезьян, 120 собак, дюжина кошек, 300 кроликов и т. д. А мелкие животные в статистике США вообще не учитываются, хотя их использует как раз больше всего. Бесплезные, но легко заменяемые мини-люди. Великолепно!

Активисты опустошали клетки, поддоны и бросали их в одну кучу вместе с опилками и даже бутылками из-под воды. Как выяснилось, это было не слишком умно, потому что в процессе погрузки в котоноски некоторые мыши выскальзывали из рук и удирали в самое безопасное место, а именно под гору поддонов. У активистов ушло 2,5 часа на то, чтобы всех собрать. Когда все котоноски были заполнены, оставшихся мышей пришлось выносить прямо в клетках и ставить их возле лестницы, готовя к отправке.

Дальше по коридору была не без шума открыта еще одна дверь. Там содержались четыре бигля, которые выглядели ошеломленными. Активисты были удивлены не меньше — они ожидали встретить мышей. Весь пол комнаты был в жидких испражнениях, а единственной декорацией клинически белого помещения служил большой магнитофон, висящий на стене. Чтобы заглушить лай? Комнатка была тесная, и люди здесь, судя по всему, бывали нечасто. Бигли, видимо, располагали соответствующим опытом, потому что относились к мужчинам осторожно, тогда как Пола и Эмма пустили в ход все свое терпение и знания, чтобы заслужить доверие животных и надеть на них импровизированные поводки. Лайам и Уинк тем временем с нескрываемым энтузиазмом взялись за офис и компьютеры в нем. Они испортили все, что смогли.

Надеть на собак поводки оказалось куда проще, чем заставить их спокойно идти, потому что они тут же принялись вертеться на месте, демонстрируя нечто вроде собачьего брейк-данса. Пола сказала, что на то, чтобы надеть поводки, уйдет больше времени, чем активисты могут себе позволить, поэтому собак выносили на руках, как детей.

Лайам пошел подогнать фургон. Наступал последний этап операции. Это представлялось по-настоящему рискованной затеей. Улица действительно была тихой, но вдоль дороги она очень неплохо освещалась. Все пошло бы насмарку, если бы кто-то заметил активистов. «Ждите у входной двери, — сказал Лайам. — Я проверю, нет

ли кого, а потом подъеду. Не выходите до того, как я открою задние двери фургона. Как только я это сделаю, начинайте загружать». Им везло. Никто не проезжал и не проходил мимо, не выглядывал из окна, пока они заполняли фургон. На протяжении нескольких нервных минут они бегали к фургону с коробками и клетками, тревожно озираясь по сторонам и надеясь, что никто не появится. На съемке камер наблюдения все это выглядело, возможно, иначе. Четверо людей быстро и четко заполняли фургон драгоценным грузом. Никакой паники. Никаких ошибок. И все это в воскресенье, в час ночи. Когда мыши были погружены, взялись за собак. Их передавали из рук в руки и ставили рядом с клетками. Шел дождь, но в фургоне было уютно.

Лондонские активисты Эмма и Уинк идеально подходили для участия в этой операции. Они давно были вместе, Лайам и Пола их хорошо знали и могли им доверять. Эмма и Уинк не выступали в роли организаторов, но компании и подмоги лучше было не найти. И они никогда не отказывались поучаствовать в чем-нибудь подобном.

Фургон мчался прочь. Далеко-далеко. Активисты распевали песню группы Middle of the Road¹ «Chirpy Chirpy Cheep Cheep»: «Вчера я услышал, как моя мама поет эту песню...» Пришло время расслабиться. До багажника фургона музыка долетала отрывками и таяла, но это было неважно: активисты радостно голосили, как дети, а некогда осторожные собаки явно были в восторге от происходящего. Подобные моменты врезаются в память навсегда.

Утрата концентрации и сильный дождь едва не сорвали все планы, когда Лайам проехал на красный свет, наперерез полицейской машине. «Идиот!» — выругался на себя Лайам, чувствуя себя нехорошо от осознания произошедшего и таращась в зеркало заднего вида. «Не волнуйся, — сказала Пола, — все будет в порядке. Следи за дорогой». Патрульная машина поехала дальше по своим делам.

Именно патрульные машины чаще всего приносили активистам неприятности. Кого-то останавливали за негорящую фару, кого-то — за превышение скорости, других — за парковку на проселочной дороге, чей-то номер был когда-то записан на всякий случай, но всплыл в ходе расследования...

Безопасное жилище располагалось в часе езды, но поездка того стоила. Бдительных соседей не было, пространства для размещения животных хватало. Они прибыли и проделали самое необходимое, прежде чем кто-то смог расслабиться и проанализировать случившееся. 1 070 мышей и четыре бигля были накормлены, напоены и рассортированы. Активисты потрудились на славу. Они знали, что Шейла будет довольна. Им представилась редкая возможность рассказать историю освобождения кому-то, кого не было с ними в ночь вылазки.

Одни мыши оказались слепыми, тела других были в шрамах после операций по удалению селезенки. Вскоре их отправили по новым домам, где они обрели безопасность и хороший уход на всю оставшуюся жизнь.

Лаборатория подсчитала свои потери и пришла к выводу, что бесследно пропали 15 лет исследований и 400 мышей. Могут ли люди заблуждаться настолько глубоко? Расквартированные в Скотланд-Ярде совсем близко к больнице следователи ARNI прибыли на место происшествия с молниеносной быстротой. Они очень скоро заподозрили неладное и были рады узнать, что один из сотрудников лаборатории работает под прикрытием, являясь членом общенациональной активистской группы.

¹ *Middle of the Road* — шотландская группа, игравшая бабблгам-поп. Была очень популярна в Европе в конце 1960-х и начале 1970-х.

Если человек еще не задушил в себе чувства, он должен питать доброту по отношению к животным, ибо тому, кто жесток к животными, трудно иметь дело с людьми. Мы можем судить о сердце человека по его отношению к животным.

Иммануил Кант

Был понедельник, 7 часов утра. Адам Спэр, зоотехник-стажер, мыл клетки. Старший зоотехник, Дженет Джури, проводившая эксперименты, вошла и спросила: «Ты слышал, что произошло?» Она рассказала, что их взломали и обокрали; она не была шокированной, но еще не видела, что именно произошло. Адам вытер клетку и пошел вслед за ней посмотреть.

Первыми признаками того, что в лаборатории побывали непрошеные гости, стали россыпи опилок у лестницы и надписи на стенах: «ЗДЕСЬ БЫЛ ФОЖ» и «ПРИШЕЛ, УВИДЕЛ, УКРАЛ ЖИВОТНЫХ».

Адам услышал, как наверху на лестнице Дженет кричит: «О, боже! О, боже!» Он поднялся и увидел, что она стоит, воздев руки к потолку, и причитает: «О, боже, о, боже, что же мы будем делать?» Но Бог был, вероятно, очень занят, потому что ответа не последовало. Дженет стояла на пороге офиса, в котором обычно делали спленэктомию¹ и где по обыкновению обедал персонал, даже если в этот момент кто-то резал мышей. Офис был разорен.

Сломанное и испорченное оборудование валялось на полу. Все стены активисты исписали лозунгами. Адам не выдержал и разразился смехом. Между тем состояние Дженет обострялось. Она была близка к истерике. Не в силах с собой совладать, Адам покинул офис и прошел вдоль по коридору в направлении помещений для животных. Двери были выбиты, внутри — никого. Комнаты полностью очистили от животных, разбросав пустые клетки по полу. Стены были покрыты краской. Стояла тишина. Адам был бесконечно счастлив. Только что сбывась его мечта. Разумеется, он не мог сказать об этом никому, даже своим начальникам из BUAV, которые, как ни странно, ужаснулись не меньше, чем Дженет.

Пришли два охранника в униформе и их начальник в костюме. Они осмотрелись и сказали, чтобы никто ничего не трогал. Вовремя явились! Ричард Роунтри, глава отделения патологии, привел полицию. Он пребывал в бодром расположении духа; единственное, что его волновало — это проинформирован ли ARNI. А вот Дженет явно сдала, и Адама попросили увести ее покурить, потому что ее состояние было плачевным. Он увел ее в туалет. Одна из пропавших собак наложила кучу на верхней ступеньке лестницы, прежде чем уйти, и полицейские обрадовались отпечатку ботинка в куче, поэтому ее аккуратно завернули как вещественное доказательство для последующего анализа. Образец А: одна расплюснутая какашка. Постепенно прибывали другие сотрудники. Всех отправляли в буфет для дачи показаний и снятия отпечатков пальцев. Полиция держала лабораторию закрытой еще три дня.

После обеда пришла пожилая исследовательница Роза Васкез. В Королевской лондонской больнице она считалась королевой спленэктомии: экспериментировала на мышцах около 30 лет. Позднее Адам сказал: «Все волновались, потому что лаборатория

¹ Спленэктомия — операция по удалению селезенки.

— вся ее жизнь. И тут забрали всех животных. Дженет отвела ее в комнату и объяснила, что произошло. Она не могла в это поверить и отрицала случившееся весь оставшийся день. Для опытов она вполне могла использовать человеческие клетки, но предпочитала животных. Проект был полностью стерт атакой ФОЖ и больше не возобновлялся».

Вопреки ожиданиям далеко не все люди в больнице были обеспокоены рейдом, равно как и другими инцидентами. Адам уже работал здесь, когда несколько месяцев назад ФОЖ потревожил Университет Суррея. Вскоре после этого к нему подошел кто-то из коллег и сказал: «Ты слышал? Суррей обчистили — вынесли всех животных!» Говорившему было приятно от этой новости, что являлось довольно странной реакцией для человека из мира зоотехнии.

Эти люди находятся на самом острие медицинских исследований и научных достижений. В объявлениях о вакансиях часто говорится о «карьере, построенной на тесном взаимодействии с животными», а для получения квалификации достаточно сдать только математику, английский язык и любой технический предмет на оценку «2» и выше.

Адам верил этому человеку. Он наблюдал, как тот плакал при виде собак в лаборатории. Ему светило повышение, если бы он согласился быть более вовлеченным в опыты, но он отказался. Парень ничего не умел, кроме как помогать животным, заботиться о них. Он был рад, что больница подверглась нападению, но беспокоился, в хорошие ли дома попадут собаки. Как активист Адам знал, что в хорошие, но промолчал.

Лабораторию закрыли, в 15:00 сотрудникам сказали расходиться по домам. Две недели спустя Адама Спэра арестовали. Полиция сообразила, что он не тот, за кого себя выдает, и не поверила, что он всего-навсего добывал данные для BUAV. Его заподозрили в участии в налете на лабораторию. Это был кошмар для Спэра. Он питал теплые чувства к ФОЖ, но контактов с кем-либо из активистов прямого действия никогда не имел.

Начальство Спэра в BUAV не слишком обрадовалось. Оно откровенно разозлилось, принялось врать и подозревать своего человека в том, что он заперол расследование. Адама предали остракизму. Полиция установила за ним наблюдение и до последнего считала, что он — налетчик ФОЖ, работающий под прикрытием. У них не было никаких доказательств, но позже его обвинили в сговоре с целью совершения кражи, воровстве и мошенничестве.

Примерно через два года начался суд над Спэром и Нэнси Фиппс, которую обвинили в предоставлении Адаму фальшивых рекомендаций, позволивших получить эту работу. Судья резонно закрыл все судебные разбирательства ввиду отсутствия состава преступления и вещественных доказательств. Отпечаток ботинка в собачьем кале так и не пригодился.

Семимесячное расследование BUAV выявило, что собаки, содержащиеся в лаборатории, не видели дневного света и не имели постели; что животные испытывали нехватку ветеринарной помощи; что одна собака умерла от потери крови в результате драки, потому что ветеринара не было на месте; что другие животные страдали смертельными недугами после серьезных инвазивных хирургических операций.

Лаборатория также ставила опыты на биглях (после чего убивала их), которых некогда держали для разведения в фармацевтических компаниях. Двум из них было по 10 лет, и каждая из самок дала по 13 выводков, пока не оказалась в больнице. Глахо дешево продала больнице пятилетнюю самку бигля Молли, которая раньше рожала фармацевтам щенков для новых попыток. Молли была любимицей Адама. Однажды он увидел, что ее нет в конуре. А потом нашел ее связанной и зарезанной в холодильнике. Быть увезенным из лаборатории активистами ФОЖ казалось Адаму лучшим исходом из всех, какие только существовали.

Нуlyne Rabbits — начало гниения

Компания Нуlyne Rabbits была моим давнишним врагом. Одна из крупнейших ферм по разведению кроликов в Европе, она ежегодно выращивала по 250 тысяч животных на мясо, мех, для нужд вивисекторов или любых других эксплуататоров, готовых заплатить пару пенсов. Штаб-квартира фирмы располагалась неподалеку от Тельвальского виадука в Лимме, графство Чешир.

Их офис и главный центр по разведению кроликов неоднократно упоминались в литературе ФОЖ на протяжении многих лет и неоднократно подвергались рейдам. Как минимум восемь крупных атак (плюс множество неучтенных и менее масштабных) имели место в 80-е. Одной ночью активисты увезли 87 кроликов по Манчестерскому каналу на лодке. Идея была гениальной, потому что камеры наблюдения следили только за дорогой, ведущей к комплексу.

За пару лет до этого с территории бесследно исчезли свыше 100 кроликов, а еще как-то раз активисты очистили офис Нуlyne от документации, обзаведясь таким образом обширной базой данных о многих лабораториях-клиентах лидера по производству кроликов. Впоследствии мне инкриминировали участие в этом рейде, когда в процессе обыска, вызванного каким-то другим делом (каким, не помню), полицейские обнаружили у меня каталоги Нуlyne. Офицеры решили, что это была часть краденого, однако каталог мне прислала сама компания, как и любому другому человеку, интересовавшемуся ее продукцией. Меня признали невиновным в краже со взломом, но приговорили к выплате штрафа за хранение украденных документов.

В начале 1994 года кто-то сжег машину владельцев компании Эдвина и Эйлин Саттонов. Давление усилилось, когда Министерство справедливости прислало им бомбу в металлической трубе. Саперы ее дезактивировали и предупредили Саттонов ежедневно по утрам проверять днище машины на предмет наличия посторонних предметов.

Затем Манчестерская группа защиты животных объявила о намерении запустить кампанию против Нуlyne, увеличив число протестных акций. Для бизнесменов это было уже слишком, и в том же году они опубликовали заявление:

«Ввиду недавних атак с зажигательной бомбой и бомбой в посылке, совершенных в отношении Нуlyne Rabbits, компания была вынуждена прекратить торговлю и закрыться. Компания не желает подвергать свой персонал и их семьи дальнейшим опасностям насилия и травли. В результате ряда недавних нападений были уничтожены машины сотрудников, сожжены отделения для разведения и содержания кроликов, а итогом последнего инцидента стали серьезные проблемы у новорожденных кроликов и кормящих матерей. Многих кроликов украли.

Нуlyne Rabbits Ltd известна во всем мире благодаря разработке современных технологий разведения кроликов, усовершенствований в стандартах содержания, ветеринарии и экологии. Туристы со всей планеты посещали современный родильный корпус в Лимме и проходили краткий курс обучения на ферме. Наш бизнес был основан в 1955 году с капиталом в 30 фунтов, наладил торговлю по всему миру и неоднократно бил рекорды по объемам экспорта. В результате закрытия компании будут отменены несколько крупных экспортных заказов, а персонал потеряет работу. Индустрия по разведению кроликов на континенте от этого только выиграет, потому что в материковой Европе позиции Фронта освобождения животных слабы. Это будет печальная утрата для британского сельского хозяйства, которое постоянно ищет методы выгодного развития.

Coney Europa Ltd, дочерняя маркетинговая компания, также подлежит ликвидации, поскольку их офис был полностью сожжен буквально через несколько месяцев после капитального ремонта.

Покойся с миром, Нулыне Rabbits».

К несчастью для Эдвина и компании, с тех пор ФОЖ неплохо обосновался на европейском континентальном пространстве, и угнетатели животных едва ли отыщут там тихую гавань, чтобы заниматься своими грязными делишками.

— Что там с кроликами? — спросил я друга по телефону, позвонив ему из тюрьмы.

— Они в порядке. Их заграбастало RSPCA, но мы над этим работаем.

Мне не нравится RSPCA, и я не доверяю тем, кто у власти, особенно когда речь идет о благосостоянии животных, но должен признаться, тот факт, что Общество взяло на себя заботу о кроликах, придало нам всем оптимизма. Компания перепоручила кроликов RSPCA, полностью сосредоточившись на решении финансовых вопросов. Если уж RSPCA настолько испорчено, что защищает мясоедение и вивисекцию, то по крайней мере проследить за тем, чтобы кроликов не подвергали каким-либо страданиям и тем более экспериментам, оно в состоянии. В этом никто не сомневался, потому что достаточно было бы представить, как в противном случае выглядел бы газетный заголовок: «Величайшая зоозащитная организация в стране передала 600 кроликов дилеру на бессмысленные и жестокие опыты».

Как ни печально, но газеты вообще умолчали эту историю, потому что всем было плевать. Никто не знает точной судьбы этих животных, по крайней мере, никто не скажет о ней, но хеппи-энда точно не было. Неужели RSPCA не могли найти компромисс? Неужели нельзя было выделить крохотную часть из бюджета, чтобы договориться с руководством компании, которой нужно было избавиться от кроликов? RSPCA проявило полнейшее равнодушие к будущему кроликов, заставляя других об этом волноваться. Именно поэтому в июле ALIU отправила команду в Нулыне, чтобы выяснить, что происходит.

Группа из 10 человек вихрем пронеслась по офису компании, схватила документы и ушла, прежде чем успела сработать сигнализация. Все кролики бесследно пропали, но в руках у активистов оказалась масса бумаг, — которые были скопированы и возвращены, — включая накладные за шесть месяцев торговли. Взаимодействие с вивисекторами заключалась не только в сбыте живых кроликов, но также в продаже их голов и даже ушных клещей, которых заказывал для тестирования пестицидов и родентецидов один чеширский производитель. Среди недавних крупных клиентов были Ливерпульский и другие университеты, а также десятки лабораторий и компаний. Что любопытно, судя по документам, лаборатории все еще заказывали кроликов спустя три недели после того, как Нулыне Rabbits была официально закрыта и в то самое время, когда RSPCA вроде бы присматривало за животными. Это было ужасающе. Уже не так неожиданно, но все-таки сложно для понимания. Как они могли?

Даже несмотря на то, что я — мясник, я очень ценю вегетарианство. Я думаю, это хорошая вещь, потому что вегетарианцы не живут так долго, как мясоеды, и чем больше появляется вегетарианцев, тем меньше стариков будут висеть балластом на стране. Именно поэтому японские армии всегда проигрывали китайским: японцы ели только рис и овощи.

Мясник Пол Дженкинс, показывая корреспонденту Kent Evening Post признаки инфекции губкообразной энцефалопатии крупного рогатого скота на выгуле

Шарики и окна

Была поздняя ночь октября 1991 года. Полиция Дербишира остановила машину к югу от Манчестера. В ту ночь в графстве кто-то выбил очень много окон, и это был далеко не первый подобный случай. Полицейские обыскали машину, в которой сидели трое, и обнаружили пару шлифованных шариков, несколько шарикоподшипников и три рогатки. Ни одно простое объяснение относительно этих предметов не пришло никому в голову. Полиция была довольна, правда, лишилась одного из троих подозреваемых. Он убежал куда-то в ночь, прежде чем на него успели надеть наручники.

Манчестерских активистов Алистера Хоусона и Райан Томас обвинили вговоре с целью причинения ущерба 17 магазинам. Поскольку оба они на тот момент уже были выпущены под залог (он — после инцидента в Додлстоне, в ходе которого его пристегнули наручниками к водосточной трубе, а она — в результате битья молотком окон вивисекционной лаборатории Ливерпульского университета, больше известной как «Крепость дьявола»), ни для кого не стало сюрпризом, что ждать суда им пришлось в заключении.

Как и все мы, они знали, что полиция собирает сведения для создания дела о большом и страшном преступномговоре. Хоусон и Томас тоже угодили в эти жернова. К тому же они занимались как своими акциями, так и командной работой. Полиция была уверена, что эти двое вовлечены в злодейский замысел манчестерских зоозащитников, но так как их не зафиксировали входящими в заговорщический дом по адресу Клэрэндон-роуд, 201, их решили не приобщать к этому делу.

После четырех месяцев, проведенных за решеткой в ожидании суда, обоих признали виновными по шести пунктам в причинении ущерба на сумму 8 750 фунтов и приобретении оборудования для совершения этих правонарушений. Райан Томас приговорили к 12 месяцам тюрьмы и 6 месяцам условно, Алистера Хоусона — к 15 месяцам за решеткой и 9 месяцам условно. И хотя ощутимую часть своих сроков они к тому времени уже отсидели, пока ожидали суда, это были довольно суровые приговоры за их проступки, учитывая, что пьяные кретины и взломщики отделяются условными наказаниями за куда более скверные преступления, а некоторые люди получают 12 недель за то, что переломали собаке все кости (а если это делать в лаборатории, вас не то что не засудят — еще и заплатят!).

Хоусон и Томас вскоре вышли на свободу, тогда как многим другим активистам, побывавшим в доме номер 201, предстояли долгие дни в суде. Они сидели

под домашним арестом, но должны были ежедневно приходиться отмечаться в полицейском участке.

Марк Пауэр был следующим, кого ждал провал в 1991 году. И хотя он не имел ни малейшего отношения к активистам Манчестера, ему вменили преступный сговор с самим собой:

«Ровно в полночь 3 ноября полиция остановила меня возле входа в мясную лавку в Бирмингеме. Оглядываясь назад, я понимаю, что они какое-то время следили за этим заведением. Полисмен, арестовавший меня, вызвал подмогу, и хотя я не оказал никакого сопротивления, к месту на бешеной скорости прибыли четыре патрульные машины. Меня отвезли в участок в Сметвике. Полиция держала меня там пять дней и допрашивала по трем делам. Я отвечал “без комментариев” на все вопросы. На второй день состоялся суд. Судья отказался выпустить меня под залог. Я быстро связался с юристом, отвергнув услуги дежурного юрисконсульта, потому что всем известно, как они ненадежны и равнодушны к судьбе своих подзащитных.

В конце концов, на третий день меня обвинили в сговоре с целью совершения поджога, хранении материалов с намерением совершить поджог и, собственно, в поджоге. В дальнейшем были добавлены еще девять пунктов о причинении ущерба мясным лавкам. Той же ночью, когда меня арестовали, полиция обыскала мою квартиру и вынесла из нее кипы печатных материалов, а также всевозможные хозтовары и инструменты. В итоге большая часть конфискованных документов, включая листовки и литературу таких безобидных организаций, как NAVS и САА, была приобщена к делу! Полисмены забрали у меня даже футболку с символикой ФОЖ. Они изъяли молоток и смогли впоследствии сопоставить частицы стекла, обнаруженные на нем, с теми, что были в магазине. Судебные эксперты явно старались изо всех сил; полиция твердо решила добиться обвинения.

На пятый день моего пребывания под стражей меня снова отвезли в суд, откуда отослали в тюрьму Уинсон-Грин. Тогда же я узнал, что отстранен от работы (я работал медбратом в психиатрической больнице). Все складывалось, мягко говоря, не слишком удачно для меня. Когда я сидел в приемной тюрьмы, явился громкоголосый, агрессивно тарашающийся дуралей, который потребовал ответить, не я ли ответственен за поджог восьми грузовиков мясокомбината в Кенилворте, которые загорелись через день после моего ареста. Я ответил “нет”, а он свирепо глянул на меня и посоветовал проследовать в задний проход. Очаровательно!

Меня отправили в тюремную больницу на обследование, где я и остался до конца декабря. Потом я вернулся в крыло к здоровым арестантам, большинство из которых симпатизировали ФОЖ. Многие были вегетарианцами, а несколько человек — веганами. Все время я посвящал самообразованию, хотя возможности тюрьмы в этом плане были ограничены, но главное, чтение позволяло отвлечься от того, что меня окружало. Условия содержания в Уинсон-Грин очень плохие. Дело даже не в том, что там грязно, и большинству заключенных позволяют принимать душ только раз в неделю. Дело в том, что ты ежедневно сталкиваешься с безучастным равнодушием служащих. Многие заключенные имели серьезные проблемы со здоровьем, которые необходимо было решать, но ими никто не занимался, если только не удавалось достучаться до охраны, что случалось нечасто. Другая крупная неприятность заключается в атмосфере мачизма, окутавшей большинство тюрем. Это проявляется в постоянной жажде продемонстрировать свою мужественность, а также в идиотских представлениях о расах и полах.

В марте меня отвезли в Королевский суд Вулверхэмптона для вынесения приговора. Меня признали невиновным в преступном сговоре, но виновным по другим

пунктам из-за исчерпывающих доказательств против меня. Я подал апелляцию, и ее приняли. Мне дали четыре года, и, если честно, это было облегчением, потому что, наблюдая за судьей, я ожидал большего срока. Он выставил меня террористом, пытаясь запугать бизнес-сообщество Бирмингема. При том что я всегда считал себя наименее устрашающим человеком из всех своих знакомых. Так или иначе, теперь оставалось ждать освобождения. Я не жалею о том, что сделал, мне просто хотелось бы, чтобы меня не поймали».

Кто-то утверждает, что ФОЖ — это борцы за свободу, заслуживающие награды. Кто-то сравнивает Фронт с ИРА и считает, что приговоры активистам недостаточно строги. Большинство людей при этом убеждены, что угнетение животных неприемлемо, и хотя они сами ничего не хотят с этим делать, они понимают, почему делают другие. Как ни грустно, но на законодателей и судей влияют не простые граждане, а бизнесмены, использующие животных и желающие продолжать пытки и убийства. Их не слишком беспокоят чувства людей: они заняты защитой своих инвестиций, которым угрожает ФОЖ. Суровая реальность такова, что деньги — это власть, а жизнь — продукт одноразового потребления.

Главное, чтобы легальное угнетение животных прекратилось до того, как будет остановлено сопротивление ему. Лишь тогда люди смогут утверждать, что они цивилизованны и развиты. И именно «экстремистам» уготовано позаботиться, чтобы это случилось как можно скорее. Исторически резкие социальные изменения всегда являлись результатом радикальных действий, в то время как разумные дебаты и политические отсрочки лишь способствовали продолжению застоя: статус-кво никогда сам не уступит переменам.

Воздействие акций ФОЖ в комплексе с легальными стратегическими кампаниями, как мы видим, действительно срабатывает и поддерживает борьбу за права животных в центре внимания. Несмотря на предвзятость СМИ и предрассудки общества, существует множество людей, которые чувствуют, что резкая критика и длительное заключение зоозащитников ничем не оправданы. Печально, что нам придется пройти длинный путь, прежде чем воля людей станет законом для полиции.

Осознавая масштабы сопротивления, мы уже не удивляемся, что Особая служба была призвана отстоять царствование узаконенного государством террора. К началу 1991 года Манчестер, его окрестности и близлежащие территории стали свидетелями того, как Особая служба приняла участие в крупнейшей операции, в которой полиция использовала боевые машины. Недостатка в мишенях не было.

Великобритания 90-х пережила множество освободительных рейдов, атак поджигателей, угроз и розыгрышей, а также серии других творческих акций. Все чаще арестованные, если их выпускали под залог, по условиям освобождения были вынуждены жить в полной изоляции. Эти меры оказывали прямо противоположный желаемому эффект, смещая центр активности и вовлекая в борьбу все новых активистов.

Новой тактикой, популярность которой росла день ото дня, было битье окон магазинов из рогаток. Витрины мясных лавок становились жертвами предприимчивых/пьяных активистов на протяжении многих лет. Это был не то чтобы очередной шаг к уничтожению индустрии, — скорее жест тем, кто убивал или платил за убийство, чтобы побаловать свои вкусовые рецепторы.

Рогатки были легче кирпичей, но оказывались не менее эффективными, нанося сильные повреждения, особенно мясным лавкам, зоомагазинам, торговцам рыбой и филиалам Boots. При этом рогатки делали не так много шума и оставляли скромную горстку битого стекла. За счет этого результаты акции зачастую были неведомы

угнетателям вплоть до самого утра. Стоило проделать выпущенным из рогатки шарикоподшипником небольшую дырку в стекле, от которой в разные стороны идут трещины, и все — окно становилось ненадежным, опасным и подлежало замене. Как только пронесся слух о том, что, имея мешочек шарикоподшипников или шлифованных шариков, можно стрелять по окнам, не вылезая из машины, это стало по-настоящему модно. Тактики особенно придерживались активисты северо-запада, которые неустанно бомбардировали окна в Мерсисайде, Ланкашире, Чешире, Манчестере и Дербишире, причиняя ущерб десяткам магазинов за ночь и не менее чем тысяче за восемь месяцев. Страдали магазины в Западном Йоркшире и Нортентсе. Другим регионам тоже приходилось нелегко, но не настолько.

Один мясник в Нортхэмптоне изобрел гениальный метод предотвращения дальнейших атак и экономии на замене окон. Он вырезал куски стекла и клеил их, как заплатки, на места, где виднелись дыры. Какое-то время это действительно спасало и не давало разрастаться дырам, разве что выглядело нелепо и, вероятно, негативно влияло на вес ослабленного трещинами стекла. И чем больше он лепил осколков на свою витрину, тем больше вдохновлял местных активистов расстреливать его окна. В какой-то момент можно было насчитать целых 15 дырок только в одном стекле. Эти маленькие кампании превращались в борьбу характеров. Возможно, внимание, которое уделялось небольшим предприятиям, продававшим мясо, было неоправданно большим, тогда как столькие крупные поставщики супермаркетов оставались почти невидимы, но для многих активистов это становилось делом принципа.

Кампания достигла пика в тот момент, когда полиция начала активно защищать атакуемые магазины. Для владельцев это, понятно, было вопросом поддержания благосостояния и сохранения привычного образа жизни. Для некоторых активистов рогаточная война стала скорее удовлетворением собственного эго, чем тактикой. Однако подобная сосредоточенность и упорство привели к развитию творческого мышления, а это всегда хорошо. Тем временем офицеры в штатском засели в засадах возле бесчисленных потенциальных мишеней, вместо того чтобы попросту следить за подозреваемыми, которые чинят хаос и разрушения с рюкзаками, набитыми шариками.

Один магазин на юге Манчестера удостоился особенного внимания рогаточников. Это была «Мясная лавка Эндрюса» в Корлтоне. Хозяин поставил стальные рольставни после нескольких атак и был уверен, что они уберегут его от дальнейших неприятностей. Полицейские так не считали, и до чего же они были правы!

Лавка была для зоозащитников настоящим плевком в лицо: малоприятная личность хозяина вкупе с выставленными на витрине экзотическими частями тел мертвых животных как магнит притягивали радикальных веганов с булыжниками наготове.

Полиция не любит признавать истинные объемы (или даже сам факт существования) разведывательных операций, но многие из них были проведены в ходе этого регионального развертывания сил. Офицеры не только наблюдали за бесчисленными магазинами, но еще и размещали прослушивающие устройства в домах и офисах, отслеживали людей и автомобили, преследуя конечной целью уничтожить все эти блуждающие радикальные идеи.

Детективы таращились на магазины месяцами, и это было в основном исключительно скучно, но инцидент, связанный как раз с лавкой Эндрюса, убедил офицеров, что ожидания не всегда напрасны. Полиция снимала на пленку все описанные ниже события с наблюдательного пункта, расположенного ниже по улице. Изображение было

размытым, и человека с рогаткой в проезжающей машине запечатлеть было сложно, но так как рольставни защищали стекло от такого легкого обстрела, была надежда, что хулиганам пришлось бы выйти из машины. В итоге камера все-таки пригодилась.

К магазину подъехал желтый Escort. Команда наблюдения пришла в возбуждение. Из машины вышли трое. Автомобиль был украден и находился в розыске. Мужчины походили туда-сюда, подозрительно озираясь, после чего один из них вернулся в машину. Он отъехал, но вместо того, чтобы вернуться на дорогу, разогнался и влетел в магазин, смяв стальные рольставни и перебив окна.

Команда наблюдения не могла поверить своим глазам. Самое большее, на что они рассчитывали, это подросток с баллоном краски ядовитого цвета или Т-образной монтировкой, которую при большом желании можно просунуть между листами рольставен и поколотить окна.

Все трое мгновенно побежали. Полиция погналась за ними со всех ног. Водитель не надел ремень безопасности и не мог найти очки, слетевшие от удара. Это закончилось тем, что он начал бороться с первым подбежавшим офицером. Конец «карьере террориста». В течение считанных минут к месту слетелись десятки полицейских — пешком, на машинах и даже на вертолетах.

Один из убежавших активистов спрятался в горе мусорных мешков в углу двора какого-то дома неподалеку. Когда он увидел подлетающий вертолет, освещающий все на земле огромным прожектором, он решил, что сейчас его арестуют. Он думал, что нужно было бежать дальше, но теперь повсюду были преследователи, и покинуть укрытие не имело смысла. Оставалось сидеть неподвижно и полагаться на удачу. Вертолет, покружив в окрестностях, наконец, улетел, голоса полицейских стихли. Активист не мог поверить своему счастью и сидел в мусоре еще добрый час, пока не побрел домой принимать ванну и скорбеть о пойманном друге.

Итак, был всего один арестованный. Ему не давала покоя мысль, что надо было сменить очки на контактные линзы... Джона Хьюза обвинили в преступном сговоре с целью причинения ущерба и незаконном завладении автомобилем. Его выпустили под залог лишь несколько недель спустя со строгим условием держаться подальше от этих мест и не возвращаться. Предупредительные знаки были расставлены полицейскими не только для него. Мы знали, что они не шутят. Несомненно, все местные активисты были под наблюдением. Стратегия откровенно требовала переосмысления, но так же, как люди подсаживаются на наркотики, они не всегда могут распрощаться с дурными привычками.

Один свидетель этих событий, Пиппин Тук, обобщил все, что думал о сложившейся ситуации, в письме журналу *Arkangel*:

«Участники подготовительной части герильи должны обладать экстраординарным самоконтролем и способностью к самопожертвованию. Эти слова принадлежат Инти Передо¹, боливийскому городскому партизану 60-х. Однако они могут быть отнесены и к ФОЖ образца 90-х. Никто не станет отрицать необходимость самопожертвования и преданности нынешних активистов борьбе за права животных. В условиях работающей в полную силу государственной машины подавления ФОЖ стал самой эффективной из практикующих ненасилие подпольных организаций герильи по всей Европе. Если погрузиться в изучение причин подобного успеха, то в качестве самой важной следует назвать способность спонтанно выбирать мишени и время для удара,

¹ Гидо Альваро Передо Лейге (1938–1969) — боливийский революционер, член Армии национального освобождения, соратник Эрнесто Че Гевары.

что всегда усложняло работу полиции при отслеживании активистов и тем самым усиливало результативность. Совершенно очевидно, что это ключ к победе в любой партизанской войне: ударь туда, где этого меньше всего ждет твой противник. Именно здесь становится важным акцент, который Передо делает на самоконтроле.

Я мало знаю о недавних событиях в Манчестере, поэтому, может быть, я не прав, но мне кажется, что продолжающиеся акции в этом регионе быстро становятся нагляднейшим примером того, как самодисциплина и правила подполья идут по боку. Серия блестящих акций привела к усилению мер безопасности и началу разведывательной операции — как и следовало ожидать. Инстинкт городских партизан в данном случае должен был незамедлительно подсказать им, что сейчас необходимо снять балаклавы, спрятать рогатки и прочий инвентарь в безопасном месте и зажить “нормальной жизнью”. И продолжать жить так ровно столько, сколько потребуется. Финансирование любой полицейской операции строго ограничено, особенно если она приносит скудные плоды. Время — один из наших величайших союзников, когда считанные часы оказывают на полицейских серьезное давление.

Безусловно, чтобы знать, когда пора пригнуть голову, необходимы самоконтроль и хорошее чувство места. Но как долго власти смогут сидеть, ничего не делая? Если ARNI охота стеречь мясные лавки и караулить активистов у домов, позвольте им насладиться зеленой тоской бездеятельности и бесперспективности, пока начальство не надает им по заднице. И кстати, если операция провалится, руководство не станет с такой готовностью выделять средства на подобные авантюры в будущем.

Так почему же большая часть акций продолжает происходить именно в Манчестере, где активистов хватают с поличным одного за другим? В какой момент отвага превращается в глупость? Возможно, когда гордыня говорит нам “эти ублюдки не заставят меня сидеть сложа руки”, именно тогда мы начинаем играть по их правилам и забываем про существование наших собственных. Продолжительные акции на ограниченной территории — это верный путь к провалу, поэтому мы не должны слушать наше эго, когда оно говорит нам: “продолжай сражаться любой ценой”. Животным нужны защитники на свободе и в подполье, а не в тюрьме. Вероятно, нам мешает та же гордыня, что заставляет саботажников препятствовать проведению охоты, на которой их ждут насилие и боль, вместо того чтобы препятствовать охоте, которую проще испоганить. Пожалуй, это грубое упрощение, но насколько часто мы слышим слова “мы не можем позволить этим подонкам остановить нас”! Это говорит эго, и оно не сулит ничего хорошего животным. Именно эго сделало людей рабами. Мы обязаны быть там, где от нас будет наибольшая польза, независимо от того, что мы чувствуем по этому поводу. Прыжки через горящее кольцо — не лучший путь к славе. Если мы сумеем держать наше эго под контролем, возможно, наши карьеры активистов продлятся чуточку дольше.

Это не попытка подвергнуть критике активистов Манчестера, и я надеюсь, они правильно меня поймут, но, пожалуйста, помните: тот, кто ноги унесет, завтра снова в бой пойдет¹».

¹ *He who turns and runs away, lives to fight another day* — известная английская присказка, имеющая массу вариаций написания, сохраняющих единую суть. Происходит от древнегреческой поговорки, авторство которой приписывают Демосфену, произнесшему равнозначные по смыслу слова после битвы при Херонее в 338 году до н. э.

Тающие грузовики с мясом

Сегодня в 10:40 мне позвонил ребенок, который заявил о том, как он был рад узнать, что мои грузовики сгорели, и поздравил меня с Национальным днем вегетарианства. Я пытался затянуть разговор, чтобы отследить звонок, но он повесил трубку.

Старший менеджер компании, торгующей свежим мясом

Не желая сбавлять обороты, активисты, напротив, выкладывались по полной. При поджогах «озабоченность» тем, что кто-то может умереть, всегда выше, чем при совершении любой другой акции из арсенала ФОЖ. Пожары — это действительно страшно, и то, что огонь подчас невозможно контролировать, — чистая правда, особенно если ты уже покинул место действий, что активисту надлежит делать как можно скорее. И все-таки скотобойни, лаборатории, универмаги, фургоны с мясом, грузовики для скота, охотничьи конуры, рыбацкие лодочные хозяйства и другие места пережили сотни поджогов, которые на сегодняшний день не принесли никаких серьезных ранений кому бы то ни было. Информационное пространство изобилует отчетами о дальнобойщиках, которые сгорели бы заживо, если бы прикорнули в кабине, и людях, эвакуированных с мест событий. Есть сообщение про пожарного, который надышался дыма. Но статистически выходит, что в сравнении с игрой в футбол, питьем воды, нахождением в полицейском участке, прогулками в грозу и поеданием говядины, атаками пустующих зданий зажигательными бомбами — вполне безопасное занятие.

Относительно поджогов в среде активистов прямого действия существует неписаное правило: необходимо планировать все тщательнейшим образом, чтобы исключить риск чьей-то смерти, и если группа поймет, что есть опасность распространения огня на другие объекты, которые не выбирались в качестве мишеней, тогда все отменяется. По статистике, очень небольшая часть активистов ФОЖ совершает поджоги, но занимающиеся этим, как правило, оттачивают выбранную методику.

Для большинства активистов зажигательные устройства — это загадка, и лишь немногие понимают, как они работают. Это нечто, что можно использовать или приспособить для разжигания огня (например, сложное устройство с детонатором и таймером или нечто попроще, будь то губка или свеча). ФОЖ применяет главным образом те, которые относятся к категории взрывобезопасных. Они сконструированы только для создания пламени в определенное время, то есть когда поджигатели находятся как можно дальше. Такие устройства не «взрываются», как часто подается в истеричных сообщениях СМИ. Эти девайсы используются, чтобы создать резонанс в обществе вокруг причины поджога и увеличить страховые издержки атакованного бизнеса.

Когда несколько грузовиков, перевозивших мясо, были сожжены одной ночью в начале 1990 года, СМИ отрапортовали о начале кампании против мясной индустрии. Здесь они дали маху, потому что кампания началась за много лет до этого, но поджог действительно послужил сигналом усиления давления. СМИ рассказывали, как «чудики» прикончили меховую индустрию и переключились на мясную. И снова они ошибались. Идея заключалась не в том, чтобы уничтожить мясную отрасль посредством поджогов (это невозможно), а в том, чтобы взвинтить страховые издержки

и, соответственно, цену продуктов, в то время как огласка, вызванная подобными акциями, должна была сделать судьбу животных темой разговоров — по крайней мере, во время кампании.

Исследуя материалы для книги, я столкнулся с мнением, что многие люди потеряют работу, если человечество пойдет по пути, исключающему жестокость. Конечно, давайте оставим все попытки стать цивилизованными, разумными созданиями, потому что некоторым беднякам от этого придется искать новую работу. Аналогичный аргумент можно использовать для защиты интересов работоторговцев, владельцев погогонных предприятий с детским трудом, порнографов, а также прелестных людей, слоняющихся по океанам в поисках китов, в которых можно воткнуть гарпун, и мозжащих черепа бельков кирками.

Охотничья братия использовала схожий аргумент, проливая крокодиловы слезы над невозможностью убивать, когда у них воруют лошадей или запутывают гончих горнами. Конечно, жаль будет тех, кто потеряет работу, если общество откажется от варварства, но это плата за прогресс, — прогресс, создающий в свою очередь новые рабочие места и возможности в других сферах бизнеса. Мы же не перестаем бороться с преступностью на том основании, что успех на этом поприще в конечном счете приведет к сокращению сил полиции и тюремных надзирателей, хотя этот пример демонстрирует, насколько преступность хороша для экономики. Нельзя забывать и о том, что благодаря Фронту идут дела у стекольщиков, автомастерских и служб безопасности. Они могли бы быть нам по-настоящему благодарны.

В июле 1991 года на северо-западе Англии активисты совершили скоординированную акцию, разместив несколько зажигательных устройств в границах Большого Манчестера. В результате грузовики скотобойни Страйвенса и автомобильного депо R&J Taylor получили сильные повреждения.

Активисты выбили боковые окна машин. В кабины поместили бутылки с горючим, из которых тянулись свечные фитили. Впоследствии они утверждали, что спасли скотобойню от куда более серьезных повреждений, отказавшись от мысли сжечь все (инвентарь позволял) из-за близости помещений с животными. Парадокс состоял в том, что эти животные ждали забоя. Учитывая жестокость методов убийства на бойнях, кто знает, может быть, они предпочли бы сгореть заживо или задохнуться дымом. В любом случае полное уничтожение бойни было бы куда большим успехом, но едва ли среднестатистический поджигатель ФОЖ мыслит в подобном ключе.

В депо R&J Taylor сгорели четыре грузовика, у Страйвенса — три, плюс фургон для перевозки скота. Местные СМИ активно освещали события. Ущерб оценили в 500 тысяч фунтов. Манчестерский член парламента от Партии лейбористов выразил свою озабоченность, заявив: «Подобные акции отвратят общественное мнение от этих людей. Я очень встревожен, что они применяют столь воинственные методы. Все могло закончиться чьей-то смертью. Подобный терроризм — не выход». Политик-мясоед не сказал, терроризм какого рода он расценивал бы как достойный выход. Он также забыл упомянуть хотя бы один пример ненасильственной акции прямого действия, которая эффективно исключила бы мясо из его диеты. Как всегда, были причитания и обвинения, но отсутствовали какие-либо конструктивные предложения.

За несколько месяцев эпизодические акции превратились в полноценную кампанию. Грузовики мясной индустрии становились объектами поджогов по всей стране, заставляя владельцев депо ставить машины подальше от зданий и друг от друга для минимизации ущерба. За 12 месяцев ФОЖ в Великобритании сжег не менее 100 ав-

томобилей, перевозивших животных или мясо. Десять тракторов были атакованы на территории крупнейшей скотобойни Европы — Midland Meat Packers — в Крике, графство Нортхэмптоншир, что принесло компании ущерб в размере 500 тысяч фунтов. Предприятие хорошо охранялось. В темное время территорию освещали прожекторы, установленные на крышах. Активисты попросту дождались, когда патруль проедет мимо, перелезли через высокую ограду и подпалили тракторы. Вернувшись, охранники увидели пламя до небес. Вскоре после этого еще десяток транспортных средств сгорел дотла на скотобойне Great Harwood Frozen Foods и на мясоперерабатывающем заводе в Блекберне, графство Ланкашир. Еще шесть грузовиков, принадлежавших Fresh Meat Company, сгорели в Кенте, пять машин British Bacon Company подверглись атаке в Хаддерсфилде. Weddel Swift потеряла четыре автомобиля в Рочдейле, три — в Ноттингеме и два — в Вулверхэмптоне, а Snelsons лишилась восьми в Кенилворте, что обошлось ей также в 500 тысяч фунтов. Только за период июнь-август 1991 года в стране произошло 17 атак поджигателей.

Через несколько лет после этого я общался в тюрьме с одним рецидивистом. Он рассказал, как однажды ночью они с приятелями хотели свиснуть пару набитых мясом фургонов, на которые заблаговременно положили глаз, но по дороге кавалькада пожарных машин заставила троицу прижаться к обочине. Подъехав ближе к месту, они застали исступленную активность, гирлянды синих мигалок и полыхающие фуругоны с мясом. Неудачливые воришки чувствовали себя так, словно их надули...

Фигуранты индустрии подняли гам, опасаясь за свое будущее и заявляя, что они стали жертвами злодеяний. Иронично, что это ворчание слышалось со стороны тех, кто считал всех слабых и незащищенных существ своей законной добычей. Мясная индустрия была не единственной, пострадавшей от эскалации прямого действия против угнетателей животных: многие другие люди с кровью на руках тоже оказались в буквальном смысле на линии огня.

Связи с общественностью. Пресс-служба ФОЖ

Это мог сделать извращенец, или психопат, или ненавистник животных, или саботажник охоты, или кто-то завистливый.

Офицер полиции в комментарии к волне нападений на конюшни, The Daily Telegraph, 1993

Странно, но каким бы тихим и благонамеренным ни был преступник, насколько бы альтруистической и умеренной ни была акция, освобождение животных всегда получает дурную реакцию в СМИ. Так было не всегда: с момента появления Группы милосердия и ФОЖ в 70-х вплоть до первой половины 80-х освещение в СМИ носило вполне положительный характер, а спасение животных характеризовалось как подлинно английский феномен. Такая подача с акцентом на «английскость» уже о чем-то говорит. Но задача была не только в оповещении общественности об истинном положении животных. Дело было еще и в том, кем выставлялись их угнетатели, которым удавалось делать свое грязное дело безнаказанно в первую очередь потому, что они скрывались за закрытыми дверями.

ФОЖ изменил это: яркие сцены насилия и жестокости к животным сопровождали материалы дружественных Фронту изданий, в которых описывались последние акции. Ряды ФОЖ наполнились, акции учащались. Он был не просто обществом избранных, здесь не подразумевалась какая-то определенная степень любви к животным, и никто не думал о том, вдохновят ли его поступки других людей. Но рекламодатели и даже инвесторы этих изданий были теми же людьми, предприятия и дома которых атаковали активисты. Вполне логично предположить, что они оказывали определенное влияние на характер и угол подачи новостей. Поставщикам яиц не с руки давать рекламу в издание, которое с негативной стороны демонстрирует убожество яичных ферм.

Для СМИ дела обстояли так: обыватель узнавал новости о разгроме фермы, смотрел на творившиеся в ней ужасы, переставал есть яйца — производители больше не давали рекламу. Получалось, что куда выгоднее иметь на своей стороне богатую и влиятельную компанию, чем горстку нарушающих закон, но благонамеренных любителей животных, которым нечего инвестировать и рекламировать и у которых нет хороших связей.

Сегодня спасение животных от невообразимой жестокости считается серьезным и даже опасным преступлением. Так решили правительство, СМИ, бизнесмены, полиция и ряженные в белые халаты люди с дипломами ученых. Даже благотворительные организации, помогающие животным, поддерживали имидж, а для этого необходимо было порицать освободителей. Правду о судьбе животных все чаще можно узнать только из коммюнике самого ФОЖ. Как так вышло?

В свои ранние годы ФОЖ не представлял для системы очевидной угрозы. Это позволяло представителям организации не только открыто говорить о жестокости к животным и мотивах, скрытых за рейдами, но и опровергать голословные обвинения противников и их регулярные заявления о том, что спасенные животные не могут выжить без человеческого ухода.

Вместе с числом акций и их эффективностью рос страх системы. В СМИ просачивались полицейские ориентировки на активных зоозащитников. Это означало, что объективной подачи информации ждать не приходилось; и действительно, любой

контакт со СМИ для активистов был сложным и иногда даже опасным.

С заключением Ронни Ли в тюрьму в 1986 году голос ФОЖ смолк. Его место занимали другие смельчаки, но и их ждала аналогичная участь, поэтому должность все время была вакантной. Роджер Йейтс, пресс-атташе северной части страны, скрылся в ходе того же процесса, на котором судили Ли, и был приговорен заочно. Их преемник, Робин Лейн, был арестован в 1987 году и тоже отправлен в тюрьму. Основными пунктами обвинения по всем этим делам значились преступный сговор и подстрекательство. Стало совершенно ясно, что роль публичного представителя ФОЖ в лучшем случае непростая.

Несколько лет связь с прессой лежала на самих активистах ФОЖ, что подвергало их большому риску. Неоднократные случаи взаимодействия со СМИ приводили к тому, что журналисты компрометировали меня и других людей, непосредственно вовлеченных в акции. Учитывая эту тенденцию, я не удивлен, что некоторые активисты попросту игнорируют СМИ, оставляя ложные обвинения полиции и атакованных угнетателей без ответа.

Всем небезразличным было понятно, что Фронту требовался публичный человек, уверенный и ясно выражающийся, кто сам не участвовал в акциях прямого действия, но хорошо понимал их смысл, кто не побоялся бы встать на защиту ФОЖ пред лицом СМИ и под натиском полиции. Были кандидаты. Собственно, лишь один. Робин Вебб — 47-летний седовласый велферист, хорошо известный членством в совете RSPCA и Христианского консультативного совета за благополучие животных (Christian Consultative Council for the Welfare of Animals). Он ходил в костюме даже дома и никогда не участвовал ни в чем незаконном; во всяком случае, не признавался. Он определенно не был типичным зоозащитником, зато отвечал требованиям вакансии.

Веббу предстояло решить, стоит ли распрощаться с руководящей должностью в легальной и уважаемой организации с полуторавековой историей, где у него были неплохие карьерные перспективы, ради того, чтобы вступить в ряды 15-летней незаконной и всеми третируемой группы без четкой иерархии. «Я не хочу трагить жизнь на то, чтобы втолковывать людям, почему нужны просторные клетки и хорошее обращение с животными в неволе. Я хочу освобождения животных, и незамедлительно», — таким был его откровенный ответ, когда я сказал ему, что ФОЖ подыскивает публичного представителя. Совет RSPCA под патронажем угнетающей животных королевы Англии был не в восторге от того, что Вебб поддержал активистов. Ну и что с того?

Мы запланировали пресс-конференцию, чтобы объявить о назначении в октябре 1991 года в центре Лондона и позиционировали мероприятие как «важнейшее для зоозащитников медийное событие десятилетия». Это был шанс не только предложить прессе правдивые ответы на горячие вопросы, но и дать Фронту возможность заявить о своих целях и планах. Пресс-релиз гласил:

«Организаторы пресс-конференции считают ее уникальным событием — едва ли они когда-нибудь еще публично предстанут в полном составе. Цель пресс-конференции — наладить отношения между ФОЖ и СМИ для последующих контактов. Из соображений безопасности мы не можем дать более подробную информацию о мероприятии, но если у вас есть вопросы, свяжитесь с нами по телефону... Будем рады видеть вас».

Пресс-конференция, к сожалению, так и не состоялась. 1991-й вошел в историю как суетливый год. Время между выходом пресс-релиза и намеченной датой пролетело мгновенно. Тем не менее Робин Уэбб всегда был доступен для комментариев, тогда

как из четверых других организаторов пресс-конференции трое сидели в тюрьме, а один подался в бега (да и Робин стал чаще оглядываться в поисках слежки). Пресс-служба все же была официально учреждена.

Узнав, чем занимается их человек, начальники RSPCA негодовали и хотели исключить Уэбба из совета, но он опередил их и ушел сам, что позволяло ему при желании вернуться, выиграв на выборах. Ужасаясь от одной мысли, что центральная фигура ФОЖ когда-нибудь сможет войти в совет RSPCA (а Уэбб с удовольствием надавал бы всем пинков, имея полномочия), его решили лишить членства в Обществе на том основании, что он работает на организацию, чьи методы и цели противоречат политике RSPCA.

При этом очень любопытно, что одним из недавних назначенцев Общества был помощник главного констебля полиции Суссекса Найджел Йео, который ранее убил полицейскую собаку, которую в рапорте упомянул в качестве «единицы оборудования». Его новой работой стала должность регионального менеджера RSPCA на юго-востоке страны. Йео также прославился тем, что позволил охотникам нарушать закон игнорированием разрешения полиции на проведение кровавых игр. О других «звездах» RSPCA я еще расскажу.

Lucozade¹

Идеалисты считают, что убийство наших братьев постепенно разрушает наше чувство сострадания, которое является лучшим чувством из всех доступных человеческой натуре.

Томас Мор²

Прежде чем в штаб-квартире RSPCA остыл жареный ягненок с корочкой на обед, Робин Уэбб уже разбирался с шумихой в СМИ по поводу напитков Lucozade, их связи с вивисекцией и угрозой отравления.

4:30, тихое, жутко холодное утро середины ноября в жилом массиве где-то в Ковентри. Внезапно спокойствие нарушается появлением на отдаленной улочке ватаги 20 задиристых, агрессивных мужиков. Это были люди из антитеррористического отряда. Они прилюдно поигрывали мускулами. Другие такие же отряды были выброшены в Нортхэмптоне, Гастингсе и Манчестере. Все они ожидали дальнейших указаний. Им выдали ордера на аресты людей, если при обыске удастся обнаружить соль, уксус или крысиный яд. Полиция утверждала, что располагает доказательствами серьезного заговора, преследующего целью загрязнение товаров. Операция шла гладко, и за пару минут 10 подозреваемых были заключены под стражу, обысканные, обалдевшие и грубо поднятые прямо из постели.

Ордер был составлен довольно необычно в том, что касалось вещественных доказательств, но полицейских это явно не слишком волновало. Они утверждали, что владеют данными, согласно которым задержанные (большинство из которых были обычными подозреваемыми, которых набрали по случайному принципу, далеко не все из которых были невиновны) собираются загрязнить продукт SmithKline Beecham вышеперечисленными ингредиентами.

Если бы офицеры обнаружили хоть в одном из домов крысиный яд, это действительно был бы тревожный звонок, причем даже для активистов, для которых эта отравка символизирует жестокое, рутинное, бездумное убийство мелких животных, которых общество называет вредителями³. Но яда нигде не нашлось. Явно раздосадованные бесплодным изучением приправ для чипсов на кухне, детективы принялись искать печатные публикации, затрагивающие тему прав животных.

За отсутствием улик, доказательств и признаний арестантов для суда дело выглядело слишком шатким. Позднее появилась теория заговора, полиция пыталась поднять истерику в СМИ, чтобы связать это дело с делом Брэмptonской тройки (арестованной с зажигательными устройствами рядом с HLS годом ранее), дабы тем самым убедить суд в виновности задержанных. Пресса с готовностью заглотнула наживку. Заголовок одной национальной газеты гласил: «Зоозащитники фанатики решили сделать больно» и «Зоозащитники-фанатики устраивают диверсию с отравлением». Из этого раздули целую историю. Причем она не имела под собой ни малейших оснований, если судить по безоговорочному освобождению из-под стражи

¹ Lucozade — марка энергетических и спортивных напитков, производство которых юридический предшественник GlaxoSmithKline запустил в 1927 году.

² Томас Мор (1478–1535) — английский философ и писатель. Римской католической церковью причислен к лику святых.

³ См. в интернете текст «Как гуманно избавляться от вредителей».

всех задержанных, один из которых якобы был участником Брэмptonской тройки. Неважно, что его давно оправдали.

Если за всем этим стоял какой-то полицейский заговор, то он с треском провалился. Полиция так и не объяснила, чем руководствовалась, задерживая этих людей, каждый из которых впоследствии получил от 3 до 4,5 тысяч фунтов в качестве компенсации за незаконный арест. Но, главное, компания сняла с продажи в Великобритании 5 миллионов бутылок Lucozade, несмотря на то, что все подозреваемые были под замком, а состав преступления отсутствовал. Возможно, слухи о загрязнении Lucozade были всего лишь слухами, но так или иначе SmithKline Beecham потеряла 3 миллиона фунтов. За сутки ее акции подешевели на 130 миллионов.

Шотландия в огне

Я голосовала за лейбористов всю мою жизнь. Нас всех очень воодушевляли мысли о будущем животных и о том, что у нас есть своя партия. Мы сделали их тем, кем они стали, и только потом поняли, что мы натворили. Мне стыдно. Политики потеряли всякое доверие. ФОЖ — единственная надежда животных.

Нэнси Фиппс

Робин Уэбб все больше понимал, насколько ФОЖ деятельнее, чем RSPCA с его болтовней в конференц-залах. Вскоре после истории с отравлением напитков активисты устроили свирепый пожар на фабрике Lucozade в Болтоне. За ней последовала серия поджогов в Шотландии. В рамках бесстрашной двухнедельной войны случилось не менее десяти значительных возгораний.

В первую же ночь вспыхнули сразу три лаборатории Bush Industrial Estate в Пеникуке рядом с Эдинбургом. Серьезные разрушения огонь принес зданиям Центра тропической медицины, Шотландского сельскохозяйственного колледжа по изучению генетики (и его отделения для разведения животных) и Министерства сельского хозяйства, продовольствия и рыбной промышленности.

Шесть зажигательных устройств повредили скотобойню Хендерсона в Линлитгоу, графство Западный Лотиан. Следующей ночью 300-тысячный ущерб был нанесен Институту экологии живых организмов в Бэнкори рядом с Эбердином, а еще через два дня огонь поглотил трейлер для лошадей, принадлежавший охотничьему хозяйству Ланкашира и Ренфрушира. На следующий день активисты нанесли удар по мясокомбинату Nastuiks в Фолкерке. Два дня спустя пламенем был уничтожен офис кожевенного завода Дж. Хьюитта в Карри, графство Мидлотлан. Потом настала очередь Исследовательской лаборатории по разведению домашней птицы Росса в Ньютоне, Западный Лотиан, и, наконец, птицефабрика Marshalls Chunky Chicken в Бонниригге. Оба предприятия были основательно повреждены. А на следующий день в Саутпорте, графство Ланкашир, сгорело четвертое за четыре дня судно ловцов креветок.

ИСПЫТАНИЯ И БЕДЫ

В раю выдался тихий день, поэтому Бог позвонил Сатане, чтобы узнать, как идут дела в аду. «У нас тоже сегодня тихо», — сказал Сатана. «Тогда, — предложил Господь, — почему бы тебе не устроить собачьи бои? Это может быть забавно». «Звучит неплохо, — ответил Сатана. — Но зачем ты мне это предлагаешь, ведь все собаки у тебя». «Ну, конечно, — признал Бог. — Зато у тебя все зрители».

Анекдот

Расходуя запас удачи

Лето выдалось хлопотное, и на той же неделе, когда в Шотландии кипела работа, активисты отметились и Ноттингеме, где подожгли целый парк холодильных фургонов, принадлежавший мясным оптовым продавцам *Masons Brothers*, причинив ущерб в размере около 500 тысяч фунтов. Грузовики со всем их содержимым пришли в негодность. То, что они были полны мяса, послужило дополнительным доводом в пользу поджога, но решающим фактором стало то, что ввиду ремонта зданий машины временно парковали вдали от хорошо защищенной территории компании.

Следующей целью поджигателей стало городское депо свинных ферм, которое понесло 200-тысячные убытки. Грузовик и фургон, оба сошедшие с конвейера буквально в августе и имевшие крошечный пробег, были уничтожены. Также пострадал стоявший рядом автомобиль. Через неделю активисты атаковали парки грузовиков еще в трех графствах, и вновь огласка была значительной, а негодование индустрии побило все рекорды.

Но удача стала отворачиваться от ночных проказников, когда офицеры начали собирать коллекцию целых и частично уцелевших на месте преступления зажигательных устройств, подобных тем, что были обнаружены в *The Pig Improvement Company*, расположенной в Кингстон-Багпуиз в окрестностях Оксфорда. Компания разводит и «совершенствует» свиней для выгоды индустрии, заставляя их быстрее расти и меньше болеть, и владеет целой флотилией трейлеров, которая как раз и привлекла однажды пару недотеп с полудюжиной импровизированных зажигательных устройств. Все пошло не по плану, когда из-за утечки топлива одно из них воспламенилось раньше времени. Остальные пришлось в спешке оставить.

Mayfield's Chicks в Ланкашире подверглась атаке той же ночью. Эта компания — главный поставщик однодневных цыплят фермам интенсивного животноводства. Бройлеры или птицы, откормленные на мясо, — это белые куры, которых сортируют по 50 тысяч особей и более за раз. Первую неделю их жизнь более-менее сносна, но дальше они стремительно растут в размерах и к окончанию своего несчастного существования в возрасте шести недель едва могут шевелиться — их ноги просто не выдерживают вес тела. К этому моменту они превращаются в напичканных наркотиками уродов, которых ценят только за мясо стоимостью в пару фунтов. Смерть для них — облегчение во всех отношениях, потому что только она способна избавить их от страданий, хотя путь на забой и ужасен.

На бойне их ждет кульминация жестокости и пренебрежения, сопровождавших их всю жизнь. Но 41 день в темнице расценивается индустрией как слишком долгий

срок, и она жаждет его максимального сокращения. Помочь в этом могут ветеринарные исследования... Активисты подожгли 10 фургонов Mayfield's. Оперативно прибывшим пожарным удалось спасти половину машин (четыре года спустя поджигатели вернулись и нанесли ущерб в размере 200 тысяч фунтов).

Той же ночью в графстве Бедфордшир трое активистов подожгли парк фургонов для перевозки мяса, принадлежавших York House Meat. Как сообщили СМИ, один полицейский, не будучи при исполнении обязанностей, услышал звук бьющегося стекла, позвонил коллегам и отправился расследовать. Применяв профессиональные навыки и проявив нешуточную отвагу, офицер обезвредил бомбы, оставленные в машинах. Именно так написала пресса. На самом деле он задул три свечи, прикрепленные к пластиковым бутылкам с бензином, но правду далеко не всегда интересно читать. Она скучна, а журналисты хотят держать людей в оцепенении.

Бедфордские налетчики были частью большой сети преданных активистов, которые либо участвовали в акциях прямого действия, либо знали тех, кто участвовал. Многие уже были знакомы полиции и успели побывать в заключении. Это и стало проблемой, наряду с тем, что они засветились как в законных, так и в незаконных кампаниях.

Сразу после инцидента детективы проверили адреса вероятных подозреваемых в регионе. Они не отнесли к простому совпадению тот факт, что вскоре после полуночи в дом номер 11 по Эбингдон-авеню в Нортхэмптоне вошли три человека. Полиция уже бывала по этому адресу с вопросами о совершенных акциях достаточно много раз, чтобы понимать, что трое людей, покинувших депо мясной компании в соседнем графстве час назад — это неспроста.

Многие предыдущие полицейские рейды играли роль этакой рыбалки на удачу, когда офицерам могло повезти узнать что-то новое или поймать кого-то на ошибке. Теперь же у них в руках оказались ключевые активисты, против которых имелись косвенные доказательства. Анджела Хемп, Аннетт Тиббис и неизвестный мужчина из Оксфорда были арестованы. На их одежде и обуви все еще оставались крошечные частицы стекла, которые впоследствии полностью совпали с обнаруженными на месте преступления. Изначально было признано целесообразным содержать арестантов под стражей вплоть до судебных разбирательств, но полиции не хватило времени на сбор доказательств, и шесть недель спустя их отпустили под залог.

Тем временем манчестерская полиция бросила чуть ли не все силы на поимку стреляющих шариками из рогатки маньяков... Черная Vauxhall Astra медленно курсировала вдоль ряда магазинов, находившихся под наблюдением, что уже само по себе было подозрительно, не говоря уже о заднем окне, которое за отсутствием стекла было заклеено черной пленкой. Полиция знала, что машина принадлежит саботажнику охоты, а окно ему выбили охотники в Чeshire. Он специально не стал вставлять стекло, чтобы никто не видел, что происходит на заднем сиденье, если активисты будут готовить какой-то сюрприз для саботажа.

Внутри машины находились Джон Марнелл, Клэр Раш и Макс Уотсон, а также рогатка и несколько шариков. Все трое были заведомыми дома номер 201 по Клэрндон-роуд и всех уже обвиняли в преступном сговоре с целью причинения ущерба. На следующее утро отовсюду начали поступать сообщения о разбитых окнах на общую стоимость 13,5 тысяч фунтов. Не самое страшное преступление на общем фоне, но все-таки довольно значительное, и власти сорвались с цепи.

В случаях, когда сроки наказания за правонарушения превышали сроки, которые активисту предстояло провести в заключении в ожидании суда, суд применял

жесткие условия освобождения под залог, которые, по словам судьи, гарантировали, что подозреваемые станут «неприкасаемыми ссыльными».

В данном случае троим активистам разрешили выйти под залог в 2,5 тысячи фунтов несколько недель спустя с обязательным условием покинуть Манчестер и остановиться у родственников в любом другом месте страны. Они должны были ежедневно отмечаться в полицейском участке, соблюдать комендантский час с 19:00 до 8:00 и держаться подальше друг от друга и от других активистов. Им запрещалось покидать страну, и это ограничение продолжало действовать следующие два года, в течение которых шла подготовка к суду. И даже при всех этих ограничениях за ними велось постоянное наблюдение.

К осени 1991 года Манчестер стал рискованным местом для проведения акций, что не помешало Терри Хелсби и Джону Хьюзу, которых уже неплохо знала полиция (первый жил в доме 201, второму условием выхода под залог было запрещено пребывание в городе), провести очередную провальную акцию. В журнале наблюдений значилось, что их видели покидающими наблюдаемый дом, после чего исчезли из поля зрения.

Несколько часов спустя они дали о себе знать. Наблюдающий за мясной лавкой полисмен прятался в тени у входа, он заметил медленно едущую машину, из окна которой высунулся человек, чтобы разбить окно магазина. Офицер записал номер автомобиля и проверил его по базе, после чего сообщил данные коллегам. Вскоре машину остановили, обоих активистов арестовали. Их обвинили в причинении ущерба на сумму 3 тысячи фунтов шести окнам мясных лавок, разбитых за тот вечер.

Хелсби выпустили под залог со статусом «неприкасаемого ссыльного», а Хьюз, который не только бил окна, но и вообще не имел права находиться в этом регионе, остался в заключении. Прокуратура настолько была занята, пытаясь раздуть из этого громкое дело о глобальном заговоре, что работала сверхурочно, скрывая от всех истинные объемы операции. Они считали, что, отпустив обвиняемых под залог ждать суда, они подведут черту под этим делом. Это коснулось даже Хьюза четыре месяца спустя.

Хаддерсфилдская четверка

Знавшие Денис, Гэвина, Ричарда и Дэрила (сплоченную команду, в которой каждый держался за друга), очень расстроились, узнав, что их арестовали за поджог, но еще больше из-за того, что их взяли с поличным. Дэрил был тихим и с виду немного рассеянным малым, но это было обманчивое впечатление. Денис (с ней я познакомился на встрече активистов в пабе в Рочдейле за несколько лет до описываемых событий) можно было узнать за версту по ее пышной копне непослушных рыжих волос. Она была панком и гордилась этим, обожала любую активность.

Я не слишком любил, когда панки принимали участие в кампаниях, особенно учитывая, что многие из них носили кожу, но в 80-е они очень много сделали для движения. Многие из группы Рочдейла хоть и были веганами, представляли собой людей зрелых, умеренных в плане выбора одежды и вообще внешнего вида и совсем не радикальных; на самом деле они не рвались в маргиналы, считая, что это негативно сказывается на образе активиста.

Вскоре стало ясно, что мы с Денис люди одного склада ума, мы отделились от «паинек», которые менее активно боролись за права животных, чем за другие благородные идеи. Денис всегда была рядом, и мы часто устраивали по четыре-пять раздач листовок в неделю. Она очень любила саботировать охоту, то есть то, во что я без особого успеха всячески старался вовлечь как можно больше людей. Мы в равной мере получали тумачок и кайфа на охотничьих просторах и в цирках, когда дрались со здоровыми мужиками, вооруженными палками и ружьями.

Некоторые дни складывались удачно, некоторые не очень, но Денис была готова к любым приключениям и не особенно боялась увечий. Хотя боялась, конечно, но еще больше она страшилась безопасной и безрезультатной деятельности. Наши вылазки хоть и доставляли всем хлопот, были плодотворными и куда более захватывающими, чем вегетарианские вечера в Рочдейле.

Позднее Денис переехала в Западный Йоркшир, а я двинулся в противоположном направлении — в Манчестер, но мы продолжали видеться, хоть и реже, чем раньше; например, на общих сборах для саботажа опасной охоты или на демонстрациях против кровавых видов спорта, где всегда был шанс, что какой-нибудь наш противник с ружьем, лопатой или на джипе утратит самообладание и попытается убить ее, меня или еще кого-нибудь. Встречи с единомышленниками в нашем деле часто приводят к неприятностям.

Было бы чудом, учитывая масштабы полицейской разведывательной деятельности, если бы власти не считали, что я или Денис участвуем в акциях прямого действия. Тем не менее истинные масштабы слежки в Йоркшире стали для всех сюрпризом, даже невзирая на то, что были и куда более подходящие подозреваемые, чем эта маленькая группа.

В отличие от ситуации с Манчестером, где реакция полиции была скорее предупреждением, в данном случае показательная порка четырех близких друзей едва ли подходит для острастки. Полиция знала их всего лишь как саботажников охоты и частых протестующих. Возможно, подозрения вызвала их машина. Или выросшая активность ФОЖ в регионе. Вне зависимости от истинных причин полиция следила за многими известными ей веганами и лишь некоторые из них по-настоящему могли этого ожидать. Домовладелец пропустил полицейских в комнаты над квартирой, где ребята собирались. Офицеры оставили подслушивающее устройство под половыми досками.

Шел август 1991 года, когда агентам Особой службы, работавшим над операцией «Лиса», стало понятно, что подозреваемые затевают что-то крупное. Вообще, они были настолько хорошо проинформированы о следующем рейде ФОЖ, что обеспечили скотобойню для птиц в Холмфрите дуговыми лампами, собаками, полисменами в камуфляже, огнестрельным оружием и даже вертолетом, припаркованным в поле и в любую минуту готовым взлететь.

Скотобойня представляла собой жалкое криминальное предприятие, где практикуется халяльный забой скота¹, а также регулярно нарушается не только моральный, но и уголовный закон. Как это ни дико, но участники операции «Лиса» были сфокусированы на том, чтобы предотвратить любое вмешательство в дела скотобойни.

Теплой августовской ночью в 1:30 четыре человека проникли на территорию предприятия. Было темно и тихо, как на кладбище. Поскольку они планировали сжечь скотобойню, они хотели убедиться в том, что она пустует, но все равно были бдительны и старались держаться как можно ближе к зданиям. Когда они тихо открыли дверь амбара, их ослепил свет, лившийся отовсюду.

Свет был настолько ярким, а шум громким, что они оказались полностью дезориентированными. К ним бежали кричащие мужчины, лаяли собаки, а над головами кружил вертолет. Все было плохо. По-настоящему плохо. Прежде чем Денис поняла, что происходит, она уже лежала лицом в грязи. К ее голове кто-то приставил дуло ружья. «Лежи тихо и не вздумай брыкаться, а то башку отстрелю», — сказал ей человек в камуфляже. «Брыкаться? — вспоминала она в будущем. — Повсюду были толпы бегающих людей с пистолетами и дубинками, выкрикивавших команды или просто оравших. Все, на что я была способна — это попытаться не обделаться. В определенный момент для нас стало облегчением понять, что мы имеем дело с полицией, а не с выродками, заправляющими этим местом, но вскоре мы узнали ужасную правду о случившемся». По крайней мере, — и с этим были согласны все четверо, — у них явно оставался шанс выжить. Ричард, вежливый, вдумчивый и никогда не лезущий в драку, не был способен мыслить рационально, потому что его швырнули на землю и быстро окружили рычащими собаками. Гэвин получил дубинкой и упал. Дэрила сбили с ног собаки.

Избитых, контуженных и униженных, их арестовали за попытку поджога и развезли по разным полицейским участкам Западного Йоркшира, где держали следующие 36 часов и неоднократно допрашивали. Ребята молчали. Позднее их обвинили в незаконном проникновении со взломом с целью причинения ущерба, незаконном проникновении с целью совершения кражи, приобретении оснащения для совершения взлома и хранении предметов, предназначенных для причинения ущерба. Они оставались в заключении следующие семь дней.

На удивление у полиции возникли проблемы с этим делом. Задержанных в первую очередь интересовало то, каким образом власти оказались на месте несостоявшегося преступления в ту ночь, ведь активисты держали операцию в тайне. Не было сомнений в том, что их разговоры прослушивали. Главной заботой полицейских в результате стало держать арестованных под замком и а) рассказать обо всем, что оно

¹ Халяль — мясо животных, не нарушающих исламские пищевые запреты. Коран категорически запрещает есть мясо животных, умерших своей смертью, а также убитых посредством анестезии или электрического тока. Животному необходимо максимально выпустить кровь, причем оно должно находиться в полном сознании. Кошерный забой не имеет принципиальных отличий от халяльного, если не считать деталей и религиозных формальностей.

позволило выяснить, признав использование прослушивающих устройств; б) обеспечить суд всеми доказательствами, что у них были, дабы продемонстрировать серьезность заговора, преследовавшего целью разрушить скотобойню до основания.

В итоге, несмотря на все усилия полиции при поисках зажигательных устройств в личных вещах, автомобилях и жилищах активистов, а также на прилегающей к скотобойне местности, офицеры ничем не могли доказать, что четверка собиралась совершить поджог. У них были только записи разговоров. Полиция, как правило, неохотно признает использование электронных методов слежки. Здесь приходилось учитывать еще и то, сколько активисты оставались под наблюдением и прослушивались, тем более что подобное признание могло лишь навести шороху, оставив полицию решать головоломку и дав этим четверым покинуть зал суда через парадный вход.

Все четверо при аресте были одеты в темный камуфляж и перчатки. Каждый имел при себе фонарик, поверх обуви они надели носки, чтобы не оставлять следов. Полиция обыскала их дома и две машины и ничего преступного не нашла. В окрестностях скотобойни удалось обнаружить только болторезы, лом, ручное сверло, автоматический кернер¹, несколько ножниц по металлу, мокрый кусок ткани и нож для резки гипсокартонных листов. У одного из активистов был факел с красным светофильтром, но зажигательные устройства отсутствовали.

Полиция изъяла в домах активистов все бумаги, имевшие отношение к правам животных, обозначив их как «Литература ФОЖ», хотя это было далеко от истины. Они забрали ароматические палочки из буфета, пустые пластиковые бутылки из мусорного ведра, канистру бензина из гаража, клейкую ленту из ящика с инструментами и средство для борьбы с сорняками из сарая. Они конфисковали письма друзей (один или двое из которых писали из тюрьмы), в которых упоминались демонстрации, аресты или что-то в этом роде. На первый взгляд, все четверо попались с поличным, но если проанализировать факты, чего-то для их обвинения все равно не хватало.

Отчаявшись доказать факт сговора с целью совершения поджога на предварительных слушаниях, полицейские заявили, что найденный в мешке активистов лоскут был пропитан горючим веществом. Они лгали. Это была вода, а мокрый лоскут предназначался для смягчения звука ломающихся замков. Поскольку концепция плохо организованной атаки поджигателей опять рассыпалась, полиция выступила с логичным объяснением: в заговоре участвовал «человек-невидимка». Офицеры принялись утверждать, что был и пятый заговорщик: тот, кто при составлении планов не говорил, но все внимательно слушал; тот, кто за недели слежки ни разу не поучаствовал в полицейских фотосессиях, потому что все время был на работе; кто нес зажигательные устройства и сумел сбежать так, что никто не заметил. Полицейские были настолько безрассудны в своем стремлении посадить обвиняемых, что не побрезговали выставить себя на посмешище.

По результатам следующего слушания, к всеобщему изумлению, подсудимых выпустили под залог, причем с ограничениями, в числе которых было пребывание за пределами родного города Хаддерсфилда и запрет на общение друг с другом. Подслушивающее устройство, надо заметить, оставалось там, куда его заложили, еще три недели после ареста активистов. Полиция надеялась, что «жучок» поможет им сложить мозаику. Наблюдение офицеры тоже решили не снимать — на случай, если удастся сделать фотографии людей, связанных с подсудимыми. Их настроение улучшилось,

¹ Кернер — слесарный инструмент, используемый для наметки точек или лунок на поверхности для ее последующей обработки.

когда по этому адресу появился я. Мне нужно было встретиться с нашим общим другом, чтобы обсудить посещение ребят в тюрьме и другие важные вопросы. Мы были очень осторожны и, как показало последующее обнародование записи, не зря, потому что стражи правопорядка слышали каждое наше слово.

Год спустя Особая служба кичилась тем, что серия полицейских операций против ФОЖ позволила возбудить несколько уголовных дел и вынести обвинение 30 подозреваемым, приговоры для которых будут назиданием для других. Обстановка накалилась до такой степени, что для Денис Бут, Ричарда Андерсона, Дэрила Каванафа и Гэвина Робинсона, обвиняемых в сговоре с целью совершения поджога, слушания в Королевском суде Лидса стали очень рискованным делом.

Вначале прокурор Роджер Скотт представил присяжным свою версию истории, вызывая наименее значительных свидетелей, после чего чуть не поверг весь зал в спячку, часами проигрывая записи разговоров, которые являлись основным доказательством против активистов. Качество записи варьировалось от очень высокого до едва приемлемого.

Потом выступал эксперт по взрывчатке из Министерства обороны и Исследовательской лаборатории МВД. Он намеревался доказать, что обрывавшиеся разговоры на пленке означали, что люди изготавливали зажигательные устройства. Он попытался выразиться конкретнее и заявил, что убежден: они изготавливали неэлектрические зажигательные устройства, описанные в руководстве ФОЖ. Каждому присяжному вручили по копии этой брошюры, хотя ни у кого из подсудимых подобных публикаций полиция не нашла. Сторона обвинения, судя по всему, считала этого «эксперта» союзником, несмотря на то, что он признался, что не смог заставить устройство, описываемое в брошюре ФОЖ, воспламениться.

В судебных процессах нередко случаются необычные и неожиданные виражи. В данном случае поворотным моментом стало появление мистера Мохаммеда Рафика, владельца скотобойни, от которой четверо активистов планировали избавить мир. По неизвестной причине в конце октября он уехал в Пакистан, прекрасно зная, что должен выступать на стороне обвинения в суде. Когда выяснилось, что Рафик недоступен, прокурор предположил, что можно продолжить и без него, но защита считала иначе.

Адвокат подсудимых выбрал мистера Рафика главным свидетелем. По его требованию владельца скотобойни вернули из Пакистана. Впервые он выступил в суде 18 ноября. Прокурор выслушивал его показания через переводчика на протяжении получаса. Далее защита подвергла его перекрестному допросу на протяжении двух дней кряду. В ходе допроса адвокат сконцентрировался на предыдущих нарушениях закона мистером Рафиком. В какой-то момент судья Сэвилл прервал его, спросив: «Какое дело мы сейчас рассматриваем? Зачем вмешивать все эти вопросы в данный процесс?»

Адвокат Уокер Смит ответил: «Это является прямыми свидетельствами в защиту обвиняемых». На этом этапе защита раскрыла карты. В Параграфе 3 Закона об отправлении правосудия по уголовным делам от 1967 года говорится: «Любое лицо имеет право применить силу в разумных пределах для предотвращения преступления». А в разумных ли пределах активисты собирались применить силу или нет, это уже предстояло решить присяжным, а не судье. Адвокат дотошно допрашивал Рафика об условиях на его скотобойне и ее истории, особенно в том, что касалось обвинений в адрес владельца и совершенных им преступлений. Полицейских возмутило, что одна из линий защиты строилась на оправдании «криминально-террористического» заговора с точки зрения закона.

В общей сложности Мохаммеда Рафика и его сына Шафика подвергали перекрестным допросам три дня. Для прокуратуры они были плохими свидетелями: часто отвечали вопросом на вопрос, называли адвокатов лжецами и в целом были уклончивы.

Прокурора все это почему-то не волновало. Похоже, он был уверен, что подсудимые получат свое, невзирая ни на какие обстоятельства.

Защита рвала Рафика на клочки, зачитывая суду бесконечные письма от санитарных врачей, офицеров RSPCA, вырезки из прессы с обвинениями в его адрес и т. д. В общем, скотобойня была представлена как преисподняя для кур и для рабочих. Больше всего поразил тот факт, что у Рафика не было лицензии на забой птицы, а это уже означало, что скотобойня работала нелегально. На предприятии Рафика 2 тысяч кур обычно убивали в течение трех дней после доставки.

В ходе перекрестного допроса были обнародованы цитаты из отчета санитарных врачей, проверявших скотобойню: «...кур держали в ящиках вне зданий всю ночь... не посещает ветеринарный врач... соседи вышли в сад и почувствовали себя плохо... в сарае нет воды в поилках для кур... мертвые и разлагающиеся куры вместе с живыми... образование плесени и водорослей... сотрудникам платят по 40 фунтов в неделю за ночные смены... отсутствуют туалеты и умывальники» и т. д.

Сторона обвинения все поняла и начала вызывать свидетелей из полиции. Но адвокаты только и ждали возможности обсудить с ними изъяны скотобойни в ходе перекрестного допроса, уцепиться за бреши в показаниях и за проколы офицеров в ходе операции. Больше всего присутствующих в зале суда шокировало то, как сержант полиции воспроизвел слово в слово заявление инспектора скотобойни. Все эти полицейские лгали под присягой; некоторые только этим и занимались, а байка об избежавших ареста подозреваемых на месте неудавшегося преступления выглядела все более бредовой. Другим поразительным аспектом полицейской секретности по части техники, используемой в ходе слежки, стал отказ офицеров назвать тип транспортного средства, который они использовали, ведя наблюдение; они также пытались скрыть тот факт, что некоторые полицейские в засаде у скотобойни были одеты в камуфляж и, вероятно, прятались в листве деревьев.

Почти любое дело может в суде резко переломиться. То, что поначалу кажется малозначимым, при умном ведении перекрестного допроса очень часто превращается в основной предмет спора. Здесь именно так и вышло. По мере продолжения слушаний прокурорские инсинуации, касавшиеся ФОЖ, постепенно ослабевали. Их затмили разбирательства адвокатов в плохих условиях на скотобойне. Всплыли даже вопросы, которые детективы задавали подозреваемым в полицейском участке. Это привело к тому, что сведения стороны обвинения перевернули вверх тормашками картину, которую она пыталась нарисовать. Демонстрация присяжным кровавых фотографий, сделанных санитарными врачами и даже судмедэкспертом в помещениях скотобойни, вела к тому, что жюри склонялись к стороне подсудимых.

За два дня до начала процесса Times Saturday Review опубликовала статью о «правах животных». В ней ни слова не говорилось о тех самых правах, зато приводились мнения людей относительно моральной стороны убийства вивисекторов. Заголовок гласил: «Загнанных ученых пристреливают¹». Утверждение звучало странно, учитывая, что такого никогда не было... Публикация статьи странным образом совпала с выходом Ронни Ли из тюрьмы. Заканчивалась она маленьким абзацем про Хаддерсфилдское дело, где рассказывалось об общенациональном заговоре ФОЖ, над раскрытием которого трудилась полиция, проведя ряд арестов ключевых фигур.

¹ «They shoot scientists, don't they?» — пародия на название романа Хораса Маккоя «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?» («They shoot horses, don't they?») 1935 года и нашумевшего в свое время одноименного фильма (1969) Сидни Поллака.

Когда суд набирал присяжных для процесса, людей спрашивали, читали ли они этот номер газеты. Если человек говорил, что читал, его не включали в жюри, чтобы он не был предвзятым по отношению к обвиняемым. И вот, когда прокурор почувствовал, что теряет почву под ногами, он принес газету на слушания и цинично раскрыл ее на странице с этим материалом, чтобы присяжные смогли его хорошенько рассмотреть.

Далее последовал еще один крутой поворот в процессе. Подсудимые решили не давать показания. Адвокаты были уверены, что прокурор уповает на перекрестный допрос, чтобы в очередной раз сделать акцент на вине активистов. Поэтому решение не давать показания держалось в большом секрете. Избегнув каверзных вопросов о том, что же произошло той ночью, защита поставила перед стороной обвинения непростую задачу доказать наличие заговора и объяснить отсутствие несуществующих зажигательных устройств. Сами адвокаты допросили сотрудников муниципального совета о скотобойне, вновь сосредоточившись на ее неpotребности и переложив вину с плеч активистов на совет, который позволял скотобойне незаконно функционировать.

Защита также вызвала ветеринарного эксперта, который в красках описал ужасающие условия, выявленные при проверке помещений. Следующим на очереди был высокопоставленный бюрократ, который, несмотря на все свои попытки свалить ответственность на низшие чины, не смог объяснить, что он сделал для прекращения работы нелегальной скотобойни. Вывод, который напрашивался по итогам допроса, заключался в том, что если совет не мог или не хотел ничего делать с Рафиком, тогда кто вообще смог бы?

Адвокатам также удалось сформулировать для присяжных блестящие личные характеристики каждого подсудимого. Сторона обвинения потратила четыре недели, пытаясь доказать, что эти четверо сговорились спалить до основания скотобойню Рафика. Защите хватило одного дня, чтобы убить всю тактику прокурора вопросом «Ну и что?» К концу процесса все стороны придерживались собственной версии: прокурор — своей, адвокаты — своей, судья — своей. Сторона обвинения очень мало повлияла на развитие этого дела с начала слушаний. Она продолжала напирать на то, что на пленке ясно слышно, как совершается преступный сговор.

Мистер Скотт настаивал, что преступления Рафика не представляли собой вооруженные ограбления, убийства и или серьезные кражи со взломом, поэтому поджог нельзя было рассматривать как разумный способ его остановить. Прокурор сказал, что воспрепятствовать работе скотобойни можно было множеством способов, например, написать в совет, провести демонстрацию и т. д. Он не стал защищать скотобойню, понимая, что условия там и впрямь неприемлемые. Вместо этого он заявил, что Рафик здесь ни при чем, и попытался дискредитировать подсудимых. С этой целью мистер Скотт использовал публикацию под названием «Освобождение животных» (The Animal Liberation), обнаруженную в доме у одного из подсудимых. Она, как выразился прокурор, характеризовала то, как мыслят обвиняемые, и сделал вывод: «Они неуравновешенные». Затем он перешел к разбору обрывков записанных разговоров, отдельно упоминая меры безопасности активистов и указывая на то, что у них был лидер. По мнению мистера Скотта, «они проводили военную операцию». К несчастью для стороны обвинения, прокурор был слишком фальшивым и чересчур уверенным в том, что «это дело говорит само за себя».

Последнее слово защиты было длинным и страстным. Оно началось с утверждения адвоката мистера Смита: «Мистер Рафик — лжец и угнетатель животных. Причем отец и сын стоят друг друга». Адвокат заявил, что уничтожить их скотобойню было

бы высоконравственно и законно. Чтобы проиллюстрировать моральную сторону дела он процитировал пресловутый текст статьи: «Для процветания зла достаточно, чтобы хорошие люди бездействовали». В качестве оправдания перед законом мог служить тот факт, что ни в одном законе не говорится, что «при любых обстоятельствах запрещается изготавливать зажигательные устройства или причинять зданиям ущерб посредством огня».

Обвиняя в произошедшем местный совет, Смит сказал, что «никто не смог бы это остановить. Это исключительный случай, затронувший действия людей в отношении определенных зданий. А то, что они применяли меры предосторожности — соображения здравого смысла».

Следующий адвокат защиты, Питер Холл, указал на все бреши стороны обвинения в этом деле, указав на то, что рассказы про «неизвестного скрывшегося активиста» — это чистой воды игра воображения, призванная скрыть, что полиции так и не удалось обнаружить зажигательные устройства и что предположения относительно разговоров про поджог основаны на домыслах и фантазиях.

Следом выступал адвокат Терри Маньярд. Он сказал: «Жестокое обращение с живыми существами — это не мелкий проступок. Неужели Мохаммеду Рафику все сойдет с рук? Каждый, у кого есть домашние питомцы, знает, какую антипатию может вызывать плохое обращение с ними и как они могут страдать. Неудивительно, что те, кому не все равно, желают остановить подобное». Дальше Маньярд еще раз поведал обо всех преступлениях, совершенных Рафиком.

Майкл Хаус, последний адвокат, подвел черту, заявив, что «Рафик участвовал в продолжительном преступномговоре, и, если бы кто-то поднес спичку к его скотобойне, преступлениям Рафика был бы положен конец». Потом Хаус задал присяжным риторический вопрос: что лучше — один пожар или девять лет тошнотворных условий на скотобойне? «Совершенно очевидно, что ничто, кроме физической силы, не могло это остановить», — заключил он.

В Королевском суде процедура такова, что судья тоже говорит свое последнее слово, и это зачастую очень серьезно влияет на исход дела; не только потому, что он представляет власть, но и потому, что его слова — это последнее, что отпечатывается в сознании присяжных, которые к этому моменту уже окосели от скуки. В каком-то смысле для судьи это звездный час. Он добивается гробовой тишины и не без удовольствия рассказывает всем, кто прав, кто виноват. На политических процессах вроде этого речь судьи — это перспектива кошмара, особенно если он против подсудимых, как это обычно и бывает. Обвинения нередко снимаются после апелляции, если судья в последнем слове высказывается пристрастно, но они умеют доносить до окружающих свои мысли.

Хаддерсфилдская четверка не ожидала никаких поблажек от судьи Сэвилла и не получила их. Он вспомнил все важные сведения и доказательства, особенно на аудиозаписях. Чтобы помочь присяжным принять решение, он приготовил для них четыре вопроса: 1. Уверены ли мы, что имел место преступныйговор? 2. Уверены ли мы, что каждый из подсудимых участвовал в преступномговоре? 3. Убеждены ли мы, что целью совершения противоправных действий было предотвратить преступление? 4. Уверены ли мы, что сила в данных обстоятельствах была применена неразумно? Подводя итог, Сэвилл тщательно подбирал слова, чтобы избежать повода для апелляции: «Не было ли угрозы соседним зданиям, угрозы пожарным?» Позднее Сэвилла вынудили отказаться от этих слов, но то, что попало в сознание присяжных, уже нельзя было оттуда извлечь.

Присяжные вернулись спустя два часа пятнадцать минут. Они хотели прослушать различные места пленки и получить четкое определение слова «заговор». Затем они снова удалились. Принимая во внимание то, что единогласного мнения не было, можно было предположить, что по крайней мере некоторые заступались за подсудимых. В полдник судья сказал присяжным, что они проведут ночь в отеле и вернуться с вердиктом большинства (10 человек одного мнения) утром.

Но утром все еще не было никаких признаков согласия, как и надежды на то, что присяжные смогут принять решение. В тысячный раз всех вызвали в суд, чтобы послушать, какие вопросы накопились у жюри. Они хотели, чтобы им дали энциклопедию, но судья попросил назвать им слова, определение которых требовались присяжным. Это были слова «разумный», «неразумный» и «террорист».

Слово «террорист» вселяет страх в сердца большинства людей. Тот факт, что кто-то из присяжных считал четверых людей на скамье подсудимых террористами, демонстрирует все коварство СМИ по отношению к зоозащитникам. Для стороны обвинения выстраивание связи между ФОЖ и терроризмом было ключевым фактором процесса. В этой связи защите с самого начала было понятно, что ассоциации, пусть и поверхностные, могут быть очень опасны. И действительно, тысячи листовок (от проспектов Группы поддержки ФОЖ до литературы RSPCA и саботажников охоты, используемые активистами при организации информационных столов), конфискованных у подсудимых дома, были использованы прокурором, чтобы внушить присяжным нерушимую ассоциацию с терроризмом. Защита была уверена, что чем дальше она уведет процесс от подобных ассоциаций, тем больше шансы будут на успех.

Следуя букве закона, судья Сэвилл велел присяжным игнорировать слово «терроризм», так как оно не имело отношения к делу. Несомненно, это запомнилось членам жюри. Тем временем подсудимые, их семьи и друзья волновались, что присяжные могут не вынести вердикт, и потребуются пересмотр судебного дела. Пройти через все это снова! Прокурор, догадываясь о такой возможности, предложил адвокатам сделку: если не будет вердикта, дело отправят на повторное рассмотрение, то прокуратура снимет обвинение в попытке поджога, и подсудимым останется признать себя виновными только в причинении ущерба. Это было соблазнительное предложение, потому что история знала не много примеров, когда подобные обвинения заканчивались лишением свободы.

К концу второго дня размышлений и после бесконечного ожидания людей в фойе здания суда, жюри было вызвано вновь. Присяжных спросили, есть ли хоть какой-то шанс, что они вынесут вердикт большинства. Они покачали головами, старшина сказал «нет», Сэвилл поблагодарил их и распустил. Для подсудимых это было тяжелее всего.

Им предстояло решить, принимать ли предложение прокурора. Они многим рисковали, если бы были признаны виновными при пересмотре дела, и не слишком хотели проходить через этот ад снова, поэтому сделка была заключена, и дело отложили для вынесения приговора. Комендантский час был незамедлительно отменен. Пришел конец 15 месяцам домашнего ареста.

Три недели спустя все четверо были приговорены к 120 часам общественных работ. Судья сказал, что если бы их обвиняли в сговоре с целью совершения поджога, он бы посадил их надолго. Полиция, бессильная что-либо изменить или просто из мести, подала заявку на окончательную конфискацию машин подсудимых, которые они и так продержали 15 месяцев. Как ни странно, но в этом им отказали, так что автомобили тоже оказались в распоряжении активистов.

Итак, четверо вышли из здания суда свободными, пережив процесс, который всем казался решенным делом. Лишь очень немногие наблюдатели могли предположить, что Хаддерсфилдской четверке все сойдет с рук. Они и сами приготовились провести долгое время за решеткой. Их случай стал лишним напоминанием о том, что защита все же существует и что не нужно отчаиваться раньше времени.

Ну так и что же? Чем так важно это дело, чтобы пересказывать его в мельчайших деталях? Что в нем особенного? Наверное, немного. Да, защита предельно конкретизировала обсуждение закулисной жизни скотобойни Рафика, но она действовала стандартно для подобного случая, фокусируя внимание на жестокости и неблагонадежности угнетателя животных и настаивая на том, что именно он был преступником, а не люди, желавшие причинить ущерб его скотобойне.

Необычными были юридические факты, касавшиеся преступления Рафика. Его действия трактовались британским законодательством как нелегальные, и судья был вынужден позволить адвокату объяснить это присяжным. На большинстве слушаний по таким делам угнетатели животных не являются нарушениями закона, поэтому Параграф 3, на который сослался адвокат в этом случае, к ним неприменим. Это правовой вопрос; преступления Рафика сравнимы с теми, что совершают владельцы огромных мясокомбинатов, которые штампуют «готовых для печи птиц», «свежие яйца с фермы», «куриные кусочки в сухариках» и тому подобное.

Не меньшее удивление вызвала позиция обвинителей. Они плевали на мистера Рафика и его сына (своих свидетелей) с высокой колокольни. Они ни разу не помогли им в ходе допросов и открыто над ними смеялись. Как сказал один из адвокатов: «Я не думаю, что прокуратура или полицейские расстроились бы, если бы скотобойня вспыхнула — из расистских соображений и любых других». Один детектив подтвердил это, бросив кому-то из своих коллег у зала суда: «Боже, сколько дерьма приходится слушать. Говорю тебе, любой чурка может врать, если Англия попросит». Им не было дела до Рафика и его собственности; просто хотелось прижать к ногтю подсудимых, и это одна из причин, по которым процесс стал политическим. Государство проиграло в схватке, что стоило ему полмиллиона фунтов, и в этом прослеживаются приятные перемены.

Примечательней всего то, что по меньшей мере пять человек в жюри сочли идею спалить скотобойню справедливой. Это были пять обычных людей, что говорит нам о многом. И несмотря на бесчеловечную атмосферу в зале суда и внушительные манипуляции правилами, законами и сведениями, 12 человек не смогли заставить себя признать виновными четырех ребят, которые ни разу за все это время даже не пробовали отрицать, что они планировали сжечь скотобойню.

Засада в Stonegate

Животные — мои друзья, а я не ем своих друзей. Худший грех против наших собратьев не в том, чтобы ненавидеть их, а в том, чтобы быть к ним равнодушными. Это проявление бесчеловечности. Разум, подобный моему, не способен получать питательные вещества из трупа коровы.

Джордж Бернард Шоу

Я никогда не держал в секрете, что одобряю криминальные действия против жестокой эксплуатации животных, даже если приходилось говорить об этом публично. Я не слишком уважаю заветную собственность людей, которые угнетают других людей, животных или окружающую среду. Никогда не уважал, не уважаю, и не буду уважать. Я радуюсь каждой акции в защиту слабых и униженных.

Именно поэтому мои передвижения фиксировали команды наблюдения в Оксфорде, Нортхэмптоне, Манчестере, Кенте, Западном Йоркшире и много еще где. За мной следили полицейские, и я знал об этом. Они установили наблюдение за домом, прослушивали телефон и не спускали глаз с моей машины и друзей. Последних постоянно арестовывали. У меня богатый опыт по части любопытных событий, связанных с полицейской слежкой, которые не закончились задержанием. Какие-то я считал совпадениями или случайностями, другие бросали меня в дрожь.

Вместо того чтобы действовать аккуратно, мне следовало просто остановиться. Но защита животных никогда не была для меня хобби, чем-то, что я мог отложить на время, чтобы вернуться в более подходящий момент. Освобождение животных жизненно важно, и неравнодушные люди отдают себя полностью, действуют здесь и сейчас. Для меня нынешнее положение животных — это незаживающая рана. Меня преследует чувство вины за то, что я не делаю больше. Кажется, те из нас, кто сражается, молодые и здоровые, должны приложить все свои усилия к тому, чтобы улучшить мир, насколько это возможно. Когда я применял тактики ФОЖ, я чувствовал себя лучше, чем когда-либо, ощущал, что действую максимально продуктивно. Прогулки по улицам с раздачей листовок помогают мне убивать свободное время и лучше узнавать города, но это не спасает животных, которых фермеры отправляют на смерть повсюду или которые страдают в лабораториях. Я не могу не обращать внимания на ужасные мучения угнетаемого царства животных, даже если бы и хотел.

Шел октябрь 1991 года. Я приехал в Кент, чтобы помочь Вивиан Смит в работе над новым номером журнала Arkangel. Она не справлялась одна, и я предложил помощь, чтобы мы доделали его за несколько дней. Это была одна из самых важных, но при этом очень утомительных работ, и она очень обременяла Вив. Я же получил интересные знания и заодно держался подальше от неприятностей какое-то время. Вив уже жила в этих краях какое-то время и успела познакомиться с полицией благодаря своим связям с ФОЖ, Группой поддержки ФОЖ и Ронни Ли. Интеллигентная, эффектная и респектабельная, она могла быть юристом или кем-то в этом роде, но посвятила себя борьбе с угнетением животных и даже не думала о том, чтобы останавливаться. Работая редактором Arkangel, она не упускала случая поучаствовать в той или иной акции прямого действия. Это помогало снять напряжение, которое неминуемо накапливалось после сидения часами за печатной машинкой или просмотра бесконечных заголовков международных новостей в по-

искал информации на тему прав животных. Ей постоянно требовалось выбираться из-за стола и делать что-то своими руками.

Позже выяснилось, что полицейские видели, как я пришел на железнодорожную станцию Пикадилли в Манчестере и взял билет в Фолкстон в графстве Кент. У команды детективов не было более важных дел, чем прокатиться туда вместе со мной. Забавно. Я даже не знал, что нахожусь под столь плотным наблюдением и не слишком осторожничал, потому что не особо планировал совершить что-то незаконное (хоть и не исключал того, что это могло произойти спонтанно, как порой случалось).

Оказалось, Вивиан тоже была под наблюдением после серии поджогов в районе Кента, в ходе которых серьезно пострадали автомобильные депо перевозчиков мяса и сети поставщиков яиц. Были свидетельства, что в акциях участвовала женщина с местным акцентом. Когда на сцену вышел я, всем начало казаться, что два и два вот-вот сложатся в четыре. Мы договаривались обо всем по телефону, поэтому работа детективов сводилась к минимуму. Вивиан сказала, что мы сможем поселиться в доме ее подруги в Хайте, пока та в отъезде. Подруга жила в чистом коттедже с видом на Ла-Манш. Детективы поселились на чердаке дома через дорогу, откуда следили за каждым нашим движением. Операция «Иглу» шла полным ходом, камеры и подслушивающие устройства были на месте. Теперь решающее значение имел фактор терпения, которого у нас никогда не было. Как только мы устремили взгляды на потенциальные мишени, скака детективов мгновенно улетучилась (как и наша).

Однажды ночью мы отдыхали от журнала, катаясь на машине и оглядывая окрестности. Мы решили проведать, что собой представляет ферма, где ради яиц держат 150 тысяч кур. Она принадлежала Stonegate Farmers и находилась в Стеллинг-Миннис неподалеку от Кентербери. Ферма представляла собой несколько промышленных складов со стропилами и птицами в клетках. Это было не что иное, как концлагерь. Мы видели грузовики с логотипом компании по всей стране, к тому же у Stonegate была репутация крупнокалиберного поставщика, поэтому мы подумали, что нужно взглянуть одним глазком на это предприятие. Припарковались на достаточном расстоянии, взяли камеру и пешком дошли до этого пустынного места. Внешне здания нельзя было отличить от стандартных складов в промзоне. В них могло находиться что угодно — от хлопка до автозапчастей.

Внутри же отличие от обычных складов было очевидно. Такие места несомненно должны получать статус худших жизненных пространств на свете. Мы стали свидетелями ужасных условий содержания животных, хотя они, как правило, хорошими бывают редко. Отходы под клетками никто не убирал, и они устилали пол от одной стены до другой. Необычным было лишь то, что в отходах не лежали мертвые или умирающие птицы. Возможно, их убрали за день-другой до нашего прихода, выгребли вместе с отходами и разбросали по полям или закинули обратно в клетки. Чувство отчаяния 50 тысяч психически и физически травмированных кур, втиснутых в клетки, было почти осязаемо. В воздухе висел стойкий запах аммиака.

Забирать кур из подобных мест при любой возможности стало для активистов устоявшейся традицией; нам мой взгляд, это логично, рационально и гуманно. Большинство вменяемых людей при виде условий, в которых содержатся эти птицы, испытывают крайне неприятные ощущения. Птицы не должны жить в клетках! Европарламент согласился, что нынешняя батарейная система содержания жестока и намерен запретить ее с 2012 года, хотя заменена она будет на нечто равнозначно жестокое, разве что у кур будет больше места в клетках. Они продолжают гнить в отходах под стеллажами после 2012 года и конечно, многих ждет эта участь в самих клетках. Увели-

чение жизненного пространства повлияет на прибыли предприятий, так называемые свежие яйца с фермы вырастут в цене, но бесконечные ряды клеток никуда не денутся.

Сделать фотографии и забрать лишь несколько птиц (что мы, разумеется, сделали) было бы ничтожно мало, учитывая, сколько их находилось вокруг нас. Это капля в море, но нам требовалось сосредоточиться на журнале. Помочь этим курам мы не могли, но заметили 10 холодильных фургонов, припаркованных вдали от зданий, в которых содержались птицы. В тот момент поджог не был нашим приоритетом, в отличие от журнала. Шалости решили отложить на потом.

Идея не давала нам покоя весь остаток вечера. Причиной служил не только омерзительный смрад птичьей тюрьмы, который впитала наша одежда, но и воспоминание о птицах, которых мы оставили. Между тем новые крылатые постояльцы коттеджа наслаждались началом новой жизни и моментально привыкли к ней. Они всегда быстро привыкают, храни их бог. Они спешат забыть, через что им пришлось пройти, хоть и не всегда могут. Хрупкие, но закаленные и довольно свирепые, если почуют кровь. Я уже не говорю про их тягу к собачьим фекалиям, гниющей плоти и дракам. Они едят все подряд и сражаются за пищу, как гладиаторы.

Ферма отвлекла нас от журнала. Мы подумали, что не составит никакого труда вернуться в Stonegate однажды ночью — рано или поздно — и оставить кое-какие зажигательные устройства под колесами машин, а потом вернуться домой, прежде чем компьютер с материалами журнала успеет уйти в спящий режим. А уж если один из нас поедет и купит все необходимое для операции, в то время как другой продолжит заниматься бумажной работой, то мы вообще не потеряем время и даже сумеем закончить раньше, чем планировали! Я знаю, что во всем этом не было ни грамма логики, но убедить себя можно в чем угодно. Нас побуждала близость к страданиям, которую мы испытали в тех зданиях фермы. Нужно было что-то сделать, тем более задача казалась пустяковой.

Ангелы-хранители покинули нас обоих. Все потенциальные мишени в Кенте были под наблюдением. Детективы не хотели упустить шанс поймать нас на месте преступления. Наши действия только разжигали аппетиты полиции. Попасть под подозрение и слежку не было чем-то новым ни для Вив, ни для меня, если только это не вело к аресту, но в данном случае вело. Мы вернулись в Stonegate через пару дней с кучей зажигательных устройств и злым умыслом в голове. Когда мы припарковались на проселочной дороге неподалеку от фермы, было 21:30. Мы прошли по полю, спрятали рюкзак и проникли на территорию, чтобы к своему удивлению увидеть машины на стоянке, большой грузовик для перевозки домашней птицы с включенными фарами и рабочих, носящих птиц из клеток на бойню. Мы уже ничего не могли для них сделать. Для поджога фургонов момент тоже был не самый лучший.

Однако мы остались сидеть в кустах еще час и молча смотрели на происходящее. Вместо того чтобы свернуть операцию, сидели и смотрели, как группа людей таскает шокированных птиц по 12 на брата, по 6 кур в руке. Они появлялись в дверном проеме и швыряли птиц в грузовик так, словно эти животные сделали что-то очень плохое. Это было непомерно грубо. Они не питали никакого сочувствия к птицам, когда те корчились от боли и стресса — напротив, злились на них и обращались еще хуже, смеялись над курами и кричали на них. Они явно были собой довольны. Перед нами предстала вполне будничная сцена, но я никогда лично при подобном не присутствовал. Это было настолько ужасно, что сложно представить. Мы заняли хорошую позицию для съемки, но не взяли с собой камеру. Мы надеялись, что, может быть, они скоро закончат и оставят это место нам, но такие рабочие обычно трудятся ночь напролет.

Час ожидания исчерпал запасы терпения. Мы шепотом обсудили, кто что будет делать, и решили начинать. Эти люди не знали, что мы здесь, а грузовики были припаркованы на приличном расстоянии. Наши действия напоминали миссию камикадзе, но у нас была возможность поджечь целый автопарк, прежде чем рабочие узнают о происходящем. Вместо того чтобы использовать свечные фитили, я собирался зажечь смоченную горючим губку, которая была прикреплена к бутылке с бензином, и бросить в фургон. Преимущество бензиновой бомбы перед зажигательным устройством заключалось в том, что результат был тем же, но прервать возгорание было куда сложнее. Я никогда не испытывал особых симпатий по отношению к бензиновым бомбам, но в тот момент они были очень кстати. Вив должна была присматривать за рабочими, пока я размещаю зажигательные устройства под каждым грузовиком. Затем мне надлежало разбить окно ближайшего фургона, бросить бутылку с зажженной губкой внутрь, добежать до места, где была Вив, и скрыться вместе с ней. Когда они поняли бы, что творится нечто неладное, было бы уже слишком поздно: им оставалось бы стоять и смотреть. Мы же вернулись бы домой и засели за бумажную работу. Какой прекрасный план!

Мне удалось дойти до стадии размещения устройств. Я как раз собирался поджечь каждое из них, когда заметил движение возле погрузочной площадки одного из складов. Сначала показалась голова, словно кто-то смотрел на меня. Я скрылся из виду и аккуратно посмотрел снова. То, что я увидел, напоминало две головы, но нас разделяло нешуточное расстояние и множество теней, поэтому я не был уверен. Когда я посмотрел в следующий раз, никаких голов в темноте я не обнаружил. Я не мог продолжать, не убедив себя в том, что меня преследуют видения, поэтому пересек парковку, запрыгнул на погрузочную площадку и посмотрел в дверной проем. Я моллся, чтобы выяснилось, что меня терзают галлюцинации; чтобы внутри никого не оказалось. Но в здании прямо за дверью сидели две фигуры. Черт подери! Пришло время сворачиваться. Я развернулся и побежал по согласованному с Вив маршруту отступления, на ходу сообщая ей по радиации, чтобы она тоже уходила, оставив еще 10 зажигательных устройств для полицейской коллекции. Мы встретились на тропинке, ведущей к машине, и я сказал Вив, что рабочие или охранники меня заметили.

Мы оба были немного раздражены и хотели поскорее уехать. Нам было приятно быстро покинуть место преступления, находясь в безопасности или, вернее, счастливом неведении и уверенности, что каждый из нас «завтра снова в бой пойдет». Мы и не подозревали, что столкнулись с полицейской засадой и здорово импровизировали, выбравшись из нее. Этой ночи суждено было стать катастрофой для нас обоих, но мы полагали, что никто не знает ни о том, кто мы такие, ни о нашей причастности к этому делу. Мы считали, что нам просто нужно поостыть.

Но стоило нам завести машину и двинуться, как у нас за спиной зажглись фары автомобиля. Мы подумали, что он не по нашу душу, потому что ферма тоже оставалась позади, и что это один из рабочих закончил свои дела и собирается в паб. Слабая надежда растаяла, когда перед нами загорелись габариты второй машины, заблокировавшей нам выезд. Мы уже не сомневались, что здесь что-то не так. Пассажир с переднего сидения выпрыгнул из машины и побежал к нам. За рулем была Вив, и ей удалось проскользнуть, заехав на бордюр. Мы мчались прочь, а машина, только что стоявшая перед нами, теперь давала задний ход, человек бежал следом. До нас все еще не дошло, что это были отнюдь не охранники фермы. Но думать об этом было некогда. Надо было уносить ноги. Разумеется, они видели номер нашей машины, но об этом можно было подумать потом. Пока нам просто требовалось оторваться от них.

Налево на перекрестке, прямо по дороге и мимо ворот фермы. Внезапно не одна, не две, а целых пять или шесть машин преследовали нас. Мы были в беде и едва ли могли рассчитывать на спасение пешком. Если я находил в этой идее хоть что-то интересное, то Вив была настроена куда менее оптимистично. Она считала себя не самой приткой бегуньей. Мы не знали, куда податься и как избавиться от хвоста. Ничего умного в голову не приходило. Для начала требовалось убраться с заложенной еще римлянами дороги, которая была прямой, как стрела, и простиралась на многие километры.

Одна из машин сумела обогнать нас через восемь километров на скорости 145 километров в час, но прежде чем водитель смог сманеврировать, чтобы прижать нас к обочине, Вив обошла его, и мы снова оказались впереди. В следующий раз нам повезло меньше. На такой скорости мало что можно сделать, если у тебя фургон Astra, предназначенный больше для перевозки товаров, чем для гонок. Вторая машина вынудила нас сбавить скорость. Иначе избежать столкновения не удалось бы. Мы оказались зажаты между машинами посреди ночи у черта на рогах. Великолепно. Прежде чем мы остановились, я выпрыгнул и побежал. Вив последовала за мной, но, убегая, я слышал, как она закричала, когда один из преследователей схватил ее и повалил на землю.

Я взбежал на насыпь и перепрыгнул через изгородь на пашню так, словно от этого зависела моя жизнь. Я наслаждался свободой и не хотел с ней расставаться. Происходящее не вписывалось в мои планы. Никто не собирался нас убивать, но провести годы в тюрьме — это то, чего следует всячески избегать. Чтобы окончательно испортить мне настроение, сзади начали бить лучи фонарей, как в каком-то фильме про побег заключенных из лагеря военнопленных эпохи Второй мировой. Каким-то образом мне удалось от них улизнуть. Спринт поубавил мои силы, но помог оторваться.

По возможности быстро и тихо, я направился в город через поля и живые изгороди. В какой-то момент мне нужно было пересечь магистраль, дождавшись, когда дорога будет чиста. Я видел, как проехали несколько полицейских машин, в том числе та, в которой на заднем сиденье была Вив. Мне было больно за нее, я очень ей сочувствовал. Все должно было сложиться иначе. А как же птицы у нас дома? Вив тоже думала о них. Здорово было, что мне удалось выбраться, и здесь удача, конечно, очень широко мне улыбнулась, но когда я сел и взвесил все произошедшее, я понял, что у меня не слишком много поводов для радости. Я понимал, что куры на ферме, ради которых все это было сделано, проживут ненамного дольше и едва ли станут счастливее от этого, потому что их жизнь — это агония. Люди не перестанут вышвыривать их из клеток в фургон, чтобы отвезти на скотобойню в первый же год их жизни. Кур продолжают терроризировать, им по-прежнему будут ломать ноги. Меня охватила печаль. Хотя в сравнении с тем, что было уготовано птицам и Вив, моя ночь сложилась неплохо. Мне всего лишь предстояло идти по сельской местности пешком.

Мне было приятно возвращаться домой, хотя я точно не знал, где находился, так как бывал в этих краях всего раз и на машине. А вокруг тьма. Кромешная тьма. За следующие два часа я миновал живые изгороди, линии электропередач и дорожные знаки, направляясь в коттедж в Хайте. Денег с собой не было, неоткуда было позвонить людям, которые мне помогли бы. Зато я знал, что у меня есть безопасное жилище, где можно все обмозговать. Так я думал.

Я был рад тому, что возвращаюсь, и не слишком тщательно смотрел по сторонам. Я думал, что достаточно бдителен, но шел прямо в засаду. Свет в коттедже был включен. Я точно помнил, что мы выключили его, когда уходили. Видимо, Сандра вернулась раньше времени. Или, может, мы не выключили свет? Едва ли там мог быть кто-то еще, если только не грабители. 1:0, я проиграл. Я открыл дверь и вошел. В доме

меня ждал полисмен. Не то что явный полисмен в форме; он скорее походил на грабителя. Он удивился не меньше, чем я. «Кто вы?», — спросил он, прекрасная зная, кто я. «Мартин», — безнадежно ляпнул я, воняя бензином и ничем не напоминая Мартина. Дверь за мной закрылась. Пришло время мило побеседовать. «Кто вы такой?» — спросил я, понимая, что в ответе на этот вопрос нет нужды, но чувствуя, что именно это я должен спросить. Я понял, что любой мой вопрос прозвучал бы фальшиво. «Я — детектив, сержант бла-бла-бла-бла. Я думаю, что вы — Кит Манн, поэтому я должен арестовать вас по подозрению в бла-бла-бла-бла». Я расслышал только «детектив, сержант» и «арестовать», все остальное пролетело мимо ушей. Я понимал, что мне пора замолкнуть. Это было тухлое окончание тухлой ночи.

Следующая остановка — полицейский участок города Фолкстона. Самый цивилизованный участок в моей жизни. Пять дней мы медленно привыкали к тюремной еде, продолжительному чтению и игнорированию вопросов обо всех возможных правонарушениях. В участке заправляли Барри и Тафф и пожалуй, они были самыми приятными полицейскими, каких я когда-либо встречал. Они были вежливыми и честными, ничего не скрывали. В итоге они так и остались единственными офицерами в моей жизни, которым я отправил рождественские открытки из тюрьмы. Детективы тем временем объезжали с рейдами различные адреса, как-либо связанные со мной и Вив в Кенте и на северо-западе, собирая все, что могли счесть полезным для себя или нас, включая почти законченный номер журнала *Arkangel*. Он так никогда и не вышел в печать.

Сначала нам обоим инкриминировали сговор с целью причинения ущерба при помощи огня, но впоследствии включили в обвинение совершение серии похожих, но куда более вредоносных атак по всему Кенту. Под залог нас не выпустили.

Одним из адресов, по которым полиция прокатилась с рейдами, была ферма на холме в южном Ланкашире, принадлежавшая Джерри и Мэрилин Фейхи. Я познакомился с этой парой несколько лет назад, саботируя убийства зайцев на Холкомбской охоте. Полиция перекрыла пешеходную дорожку, ведущую к полям, чтобы не пустить нас туда и позволить охотникам резвиться без помех, но Мэрилин это не понравилось. Фейхи были сельскими жителями, отличавшимися от своих соседей в вопросе отношения к охоте. И если соседи привыкли молчать, когда вставал вопрос о кровавых развлечениях, то Мэрилин открыто высказывала, до чего ненавидит охоту, а поскольку ей принадлежала земля, располагавшаяся посреди охотничьих угодий, она могла кое-что сделать. Мы уже привыкли, что полицейские мешают нам, и вместо того чтобы тратить время на дебаты, попросту искали другие пути, но Мэрилин была великолепна: «Не разговаривайте так со мной, офицер! Вам должно быть чертовски стыдно. Толпа недоумков разбрасывает расчлененные тела диких зверей по всей округе, пока вы обращаетесь с этими равнодушными людьми как с отбросами, не позволяя им остановить этот кошмар!» Когда на твоей стороне такая страсть и ярость, это придает сил.

Впервые в жизни мы не напали на ферму, а защищали ее! Для нас было сплошным удовольствием видеть, насколько разнервничались полицейские и охотники, поняв, в каких условиях пройдет охота. Благодаря ферме нам был обеспечен беспрепятственный проход к угодьям, мы могли безнаказанно дуть в горны и кричать сколько угодно. Ни полиция, ни охотники не имели права пересечь территорию фермы. «Только попробуйте зайти хоть на сантиметр моей земли», — очень грозно предупредила их Мэрилин. В тот день она официально стала саботажником охоты и завела много новых друзей. Так зародилось плодотворное сотрудничество, призванное спасти множество животных и саботажников.

Теперь, годы спустя, полицейские нашли три рюкзака в сене в амбарах Мэрилин, плюс кое-какие инструменты и несколько других предметов, которые показались им подозрительными. Они решили привлечь хозяйку фермы. Ее арестовали и позднее обвинили в хранении предметов с целью причинения ущерба. Ей также инкриминировали исполнение обязанностей выдуманной должности главного снабженца Манчестерского заговора ФОЖ. Для Мэрилин это была резкая перемена в жизни домохозяйки-вегетарианки, которая никогда не участвовала ни в чем противозаконном. Как всегда дерзкая и неутомимая, по выходе из заключения она прорычала: «Пусть ублюдки попробуют что-то доказать!»

И они пробовали. Как и за любым человеком, безразличным к страданиям животных, за Мэрилин месяцами велось наблюдение, офицеры шныряли вокруг ее фермы, прятались в полях и собирали информацию о ее связях с ФОЖ. Правда же заключалась в том, что те вещи не принадлежали ей — она просто взяла их на временное хранение.

Судьи в землях беззакония

Наши жизни подходят к концу в тот день, когда мы перестаем говорить о важных вещах.

Мартин Лютер Кинг

Так совпало, что в ночь, когда нас арестовали в Кенте, ядро ФОЖ в Северной Ирландии было задержано согласно Закону о предупреждении терроризма. Шестерых активистов доставили в известный Центр дознания Каслрея в Белфасте, где допросили о различных атаках в регионе. Спустя четыре дня заключения всех четверых обвинили во множестве преступлений, от причинения ущерба до поджога и изготовления взрывчатых веществ.

После слушаний в Верховном суде пятеро из шестерых были выпущены под залог при условии не контактировать друг с другом, не ездить в сельскую местность, не брать автомобиль ни у кого, кроме членов их семей или коллег по работе, проживать по нынешнему адресу и раз в неделю отмечаться в полицейском участке.

Предполагаемый лидер группы Дэвид Нельсон уже отбывал условный срок на момент задержания, поэтому не мог рассчитывать на выход под залог. В то время законы Северной Ирландии отличались от законов Англии, и право хранить молчание арестованному не предоставлялось.

Согласно закону, подозреваемый имел право молчать, но это подразумевало признание вины; и все, о чем человек забывал упомянуть в ходе допроса и что всплыло позже, тоже расценивалось как доказательство его виновности, а вовсе не как гражданское право.

ФОЖ всегда советовал задержанным хранить молчание на допросах, потому что большую часть сведений полиция, по статистике, получает именно от арестованных, но в то время координированной деятельности в Северной Ирландии еще не было, поэтому этот аспект не освещался в достаточной мере. Полиции удалось обдурить нескольких задержанных. Офицеры использовали сведения, полученные при прослушивании, чтобы заставить их заложить друзей. Активисты подумали, что подельники их сдали, и во всем признались, что только усложнило всем жизнь.

Читая все это, можно подумать, что скакать по полям и фермам поздней ночью в вязаной маске — это не слишком рассудительно, но это помогает представителям промышленного скотоводства, сообществам любителей кровавых видов спорта и другим угнетателям животных ощущать гнев Фронта, целью которого всегда был экономический саботаж.

Несколько месяцев спустя, после первых полицейских рейдов, полиция внесла в список участников преступного сговора еще два имени. Так началось дело Белфастской восьмерки, пятое дело ФОЖ в 1991 году. И это был далеко не конец.

Манчестерский заговор

Я симпатизирую защите прав животных, так же как защите прав человека. Это путь всего человеческого существования.

Авраам Линкольн

Успехи Особой службы и возрастающие объемы разведки по-прежнему не слишком влияли на масштабы акций ФОЖ, разве что меняли их географию. В Манчестере полиция провела серию рейдов, ничем не вызванных и не принесших никаких полезных сведений, однако еще четверо местных активистов, замеченных за посещением дома номер 201, были задержаны и содержались под стражей. Райан Хопкин и Джон Морган были арестованы по месту жительства 10 декабря 1991 года. В доме Мартина, как сказали полицейские присяжным, «удалось найти» какие-то карты, рогатку, шарики, благовония и несколько пакетов замороженной еды. Ничто из этого не было нелегальным и не могло быть связано с каким-то конкретным преступлением, но... вдруг.

В доме Райан офицеры не нашли ничего, что позволило бы делать громкие заявления. Этим двоих даже ни в чем не обвинили, но операция «Пика» всю продолжалась, и брали всех, кто был еще на свободе или выпущен под залог. К всеобщему удивлению (даже полиции), Мартина и Райан не выпустили под залог, и они провели следующие 10 недель в заключении, прежде чем судья согласился, что против них нет никаких доказательств, а также что все эти разговоры про террористические заговоры и анархистские перевороты держатся на соплях. Только тогда их выпустили под залог.

Очевидцы судебного заседания могли подумать, что полиция обезвредила международную террористическую группу («самую успешную из банд городских партизан», по словам Томаса Квирка из Times Review) и что за подсудимыми числятся такие злодеяния, как поджоги, преступные сговоры, фанатизм, угрожающее поведение, организованная преступность и уничтожение общества, в котором мы живем. Притом следствие не располагало никакими доказательствами! Однако полиция утверждала, что сведения имеются и что они докажут вину подсудимых в ходе процесса. Присяжным зачастую достаточно услышать уверенность в голосе полицейских, чтобы принять решение о чьей-то виновности.

Не было никакой нужды манипулировать делом против Макса Уотсона и Клэр Хаш, арестованных в доме 201 за нарушения правил освобождения под залог. Он должен был находиться в Ньюкасле, она — в Оксфорде. Они прибыли в Манчестер на слушание дела в суде, но после него задержались на несколько дней, чтобы провести время вместе. Она ждала от него ребенка, на другой шанс повидаться им рассчитывать не приходилось. Она совершила ошибку, позвонив домой и сказав, что задержится на пару дней. Полицейские прослушивали телефон и возмутились. Они убеждали присяжных отправить молодую пару в тюрьму на Рождество за их неучтивый проступок. Так присяжные и поступили. Это был подлый поступок, который вызвал негодование друзей и коллег Макса и Клэр.

Я в то время был вполне удовлетворен, смотря на небо в клеточку в тюрьме Кентербери. Но в марте 1992 года меня прямо в тюрьме арестовали представители манчестерской бригады по борьбе с ФОЖ и отвезли на север страны для допросов, чтобы выяснить, в каких еще злодеяниях я мог принимать участие. Они проделали

нешуточный путь, чтобы арестовать меня и были расстроены, когда я отказался покинуть камеру по их требованию. Я имел на это право. Я отказался идти в приемную для оформления ареста, поэтому им пришлось провести ночь в Кенте, прежде чем им благополучно выдали ордер на мой арест на следующее утро. Здесь я уже был бессилен. Но даже маленькие победы делают жизнь в тюрьме чуть приятнее.

В Манчестере полиция готовилась к крупному процессу. 10 человек обвинялись в преступном сговоре, и документальных сведений у стороны обвинения хватало: они умещались в 10 больших архивных папках. Доказательства представляли собой показания 400 свидетелей и свыше 25 тысяч улик. С течением времени заявления и детали все чаще преувеличивались, и нам все время показывали новые версии этих бумаг при каждом слушании в суде. Выглядело это так, словно прокуратура не знала, что делает. Мы ожидали чего-то лаконичного и конкретного, однако по большей части нам представили бессмысленную болтовню за исключением пары обрывков разговоров, которые действительно можно было считать вескими доказательствами. Но даже они не тянули на что-то по-настоящему серьезное.

Для полиции всегда было довольно простым и распространенным занятием арестовать человека за битье окон, например, а потом, используя полученные данные, повесить на него другие преступления. Но здесь нас ждало нечто новое — жгучее желание создать серьезный прецедент и навязать подсудимым опасную игру. Меня обвиняли в:

1. пропаганде ФОЖ путем уничтожения чужой собственности при помощи огня в период 1988–1991 гг.;
2. причинении ущерба в тот же период;
3. причинении ущерба на сумму 6 тысяч фунтов трем грузовикам скотобойни Ф. Страйвенса в Олдеме (обвинение было основано на отправленном в местную газету заявлении о совершенном; криминалисты установили мое авторство, это было самым серьезным свидетельством против меня во всей истории);
4. преступном сговоре с Райан Хопкин и Джоном Марнеллом и совместном уничтожении чужого имущества в Йоркшире, Чешире и Дербишире (владелец птицефермы с батарейной системой содержания услышал, как подозрительные типы хозяйничают в одном из его сараев, и задержал Райан Хопкин на месте; остальным удалось разбежаться, но меня и Джона Марнелла арестовали чуть позже в пабе неподалеку; в прошлый раз нам удалось спасти кур, но в данном случае получилось только испортить сигнализацию и замок);
5. преступном сговоре с Хопкин, Хелсби, Хьюзом, Марнеллом, Уотсоном, Раш и Морганом с целью нападения на объекты в Большом Манчестере, Мерсисайде и Ланкашире;
6. преступном сговоре с Мэрилин Фейхи с целью причинения ущерба (ее вдовцов обвинили в хранении трех парусиновых мешков, кусачек, молотка, двух болторезов, двух пакетов ароматических палочек и двух театральных звуковых ракет, предназначенных для симуляции взрывов и входящих в состав некоторых зажигательных устройств).

Терри Хелсби и Элисон Маккюан обвинили в порче собственности, принадлежащей зоопарку Райберского замка в Дербишире. Их видели чистящими взятый напрокат фургон на следующее утро после рейда, плюс у полиции были показания менеджера компании-прокатчика, который заявил, что видел большой рюкзак с инструментами в багажнике машины, когда Хелсби и Маккюан ее возвращали. Экспертиза криминалистов подтвердила, что кусачки, обнаруженные в ходе обыска дома номер 201, были идентичны тем, которыми перерезалась проволока ограды зоопарка.

Джону Марнеллу, Максу Уотсону и Клэр Раш вменяли в вину преступный сговор с целью порчи имущества в Большом Манчестере после их ареста за битье магазинных окон.

Терри Хелсби и Джона Хьюза судили за преступный сговор с целью причинения вреда чужой собственности в Мерсисайде в ночь их ареста. Джона Хьюза дополнительно обвиняли в преступном сговоре с двумя неизвестными с целью повреждения магазина Эндрюса посредством угнанного автомобиля.

Джону Моргану инкриминировали хранение ароматических палочек, нескольких полиэтиленовых пакетов, рогатки, а также шариков и шарикоподшипников с целью причинения ущерба. Дело против Моргана было возбуждено из-за того, что кое-кто в ФОЖ использовал ароматические палочки и рогатки, а также потому, что он был связан с другими активистами за права животных.

Здесь было о чем подумать и что преодолеть, но беспокоиться не стоило. Обвинители бесконечно обещали новые доказательства, нечто нерушимое, что точно позволило бы упечь нас в тюрьму на долгие годы, но их все не было. Суммарный вес всех перечисленных правонарушений был довольно невелик. Концепция глобального заговора и обвинения в подстрекательстве предназначались для того, чтобы создать впечатление чего-то куда более важного и заслуживающего суровых наказаний, чем можно ожидать за несколько выкраденных из зоопарка животных или за битье окон. Сведя же все проступки в одно дело, Королевская прокурорская служба нанесла активистам коварный удар.

Полиция составила всеобъемлющую таблицу посещений дома номер 201, наглядно демонстрируя присяжным, когда каждый из них заходил или звонил, сколько пребывал в здании и кто кого сопровождал при этих визитах на протяжении восьми месяцев наблюдения. Это было впечатляющее зрелище — огромный проект, который потребовал невероятного труда, не говоря уже об объемах исписанной бумаги. Сама по себе таблица не доказывала ничего, но, по утверждению обвинителей, вкупе с записями разговоров, сделанными в самой квартире, они образовывали безупречную основу для судебного дела. «По утверждению обвинителей» — в том-то и была загвоздка!

И вновь полиция очень не хотела признавать использование электронного оборудования при слежке, но без него им не удалось бы доказать существование Большого манчестерского заговора, и месяцы слежки оказались бы потраченными впустую. По причинам, понятным им самим, детективы уничтожили записи, которые сделали за эти месяцы прослушивания квартиры в доме 201 «из-за плохого качества». Вместо этого они решили использовать рукописные стенограммы подслушанных (по их словам) разговоров. Эти конспекты, заявляли обвинители, служили более точными доказательствами, нежели низкокачественные аудиозаписи, и именно ими прокуратура собиралась оперировать в ходе процесса. Мы считали, что это немного дико. Информация, полученная с помощью «жучков», бесспорно могла быть ценной, но полагаться на слух — не слишком хорошая идея, если планируешь отдать кого-то под суд. Однако обвинители невозмутимо готовились к победе.

Непросто поверить, что настоящая причина была в дефекте подслушивающих устройств, ведь у полиции было много месяцев на их замену. Куда вероятнее, что на пленках не было ничего в подтверждение обвинений. Возможно, проблема заключалась в том, что мы знали о слежке из здания напротив еще на раннем этапе операции, а также узнали от соседа, что полиция наводила о нас справки. Когда стенограммы были обнаружены, многое указывало на то, что мы осведомлены о полицейской

слежке. Вот почему некоторые посетители и жильцы дома номер 201 так любили открыто дразнить полицейских вербально и периодически лупить по стенам.

На стенограммах были полицейские пометки: «Громкость музыки увеличена, ничего не слышно». Действительно, какая-то информация была не для ушей полиции, но то были личные беседы. Две или три записи предполагали наличие подозрительных разговоров, но мы специально бросали лишь дразнящие куски фраз и слова: «сжечь», «саботировать», «ты любишь делать зажигательные бомбы» и т. д. Последнее предложение было вычленено из тысяч других, да и не факт, что оно вообще было произнесено. Мы знаем лишь, что оно значилось в записях полиции. Говорил это кто-нибудь или не говорил? Мы никогда не узнаем. Далее, в рамках другой беседы Харрис, согласно записям детективов, сказал: «У тебя есть?» Ему ответил неизвестный мужчина: «Да». Харрис: «Зажигательные бомбы?» Мужчина: «Да». Больше ничего не слышно. Однажды поздним вечером в квартире сделали музыку погромче, но реплику Карла удалось расслышать: «Где лучше всего будет разместить эту штуку?» При этом совершенно непонятно, о чем именно он говорил — о бегониях, о помидорах или о зажигательных устройствах. У полиции были только имена так называемых экстремистов и место их встречи, где они якобы плели паутину заговора. Их потуги выставить нас в чем-то виноватыми представляли собой довольно скучное шоу.

Первый и второй пункты обвинения были для меня самыми серьезными. Обрывки информации, по мнению полицейских, предполагали, что на протяжении долгих лет я поощрял нарушение закона другими людьми. Следователи привлекли эксперта по голосам и хорошо знакомого мне охотника, которые подтвердили, что именно я был одним из тех четырех людей в масках, которые давали интервью в программе «Мир в действии»¹, объясняя причины запуска кампании по атакам на универмаги с помощью зажигательных бомб. В ходе интервью я не допустил никаких признаний собственной вины — только комментарии относительно нападений и поводов для них. Таким образом, меня обвиняли в подстрекательстве к совершению поджогов.

В то время как я не держу в секрете, что ставлю спасение жизней превыше всего и считаю решение проблемы угнетения животных фундаментальным для развития сознания нашего общества, в полученной полицией информации не было никаких доказательств того, что я побуждал кого-то к чему-либо. По моему глубокому убеждению, как раз эксплуатация животных и порочная система подстрекают людей нарушать закон. Буквально всех активистов, с какими я общался, подвигало на прямое действие не то, что им говорили, а то, что они видели и узнавали.

Среди тонн «свидетельств» против меня у полицейских имелись копии «Интервью с активистами ФОЖ», которые они нашли в Кенте и которые я, по их словам, распространял, хотя у них не было никаких весомых свидетельств на этот счет. Они собрали коллекцию зоозащитных журналов и материалов, связанных с журналом Arkangel, вырезок из новостей и видео — все это было тем или иным образом связано со мной, — а также записи многочисленных интервью, в рамках которых я высказывался в пользу прямого действия. Все это должно было характеризовать мой «склад ума» и намерение побуждать людей к причинению ущерба. Создание такого впечатления присяжных обо мне было ключевой задачей для обвинителей.

Они утверждали, что я мог владеть публикациями, в которых сообщалось об акциях ФОЖ, и передавать их другим людям. Следовательно, я был главным подозре-

¹ *World in Action* — британская получасовая телепрограмма, специализировавшаяся на расследованиях актуальных проблем. Транслировалась с 1963 по 1998 год.

ваемым в ряде нарушений и мог рассчитывать на тюремный срок от 15 до 18 лет! Однако! Что же я такого совершил, чтобы заслужить столь длительное заключение? Что кто-либо вообще из активистов сделал, чтобы заработать ярлык террориста, который многие на нас с радостью лепят? Высказывания о том, что наши действия настолько мерзки, что встают в один ряд с жестокостью к животным, попросту смешны.

Мало кто понимает, что нами движет горе, которое нас убивает, горе из-за страшных страданий, которые мы наблюдали и наблюдаем. Этот выбор едва ли принесет достаток, положение в обществе, всенародную личную славу или комфорт. Активисты всегда руководствовались наибольшей пользой для животных, именно это их объединяло, однако прокуратура представила нас присяжным профессиональными, опасными, организованными бандитами с собственной иерархией, в которой есть как генералы и солдаты, так и снабженцы! Обвинений было много, но по понятным причинам (в первую очередь потому, что они были высосаны из пальца) подкрепить их было особенно нечем.

Первоначально предполагалось, что манчестерский процесс продлится два-три месяца, но у Координационной комиссии по ФОЖ Королевской прокурорской службы были свои соображения на этот счет. Ее усилиями процесс превратился в девять разных дел, по которым проходил 21 подозреваемый и которые вели девять различных полицейских подразделений. Дополнительным стимулом для создания образа страшных и ужасных активистов для обвинителей была возможность выставить своих людей в выгодном свете: чем сильнее и организованнее мы были до разгрома, тем большая слава ждала всех, кто с нами боролся и победил. Ну и те отрасли, которые выбрал ФОЖ своими мишенями, могли бы быть полностью уверены, что их проблемы решены.

В задачи комиссии входило разобраться с трудностями по каждому из дел, решить, как правильно использовать имеющиеся данные и гарантировать простоту процесса. Такова была теория, но мы стали свидетелями совершенно иного. Бюстители обрекли себя на невероятные объемы работы, которая требовалась для представления бесконечных вещественных доказательств и фактических данных. Словно одержимые, они действовали в условиях хаоса и дезорганизации. Рациональных поступков было мало. Куда больше было давления, направленного на то, чтобы привлечь к суду и посадить как можно больше людей. Возможно, как у движения у нас плохо с финансированием и организацией, но каково же было наше удивление, когда мы осознали, насколько рассеяны хранители закона. Столь чудовищную неразбериху в действиях высокооплачиваемых государственных служащих нечем оправдать, и это даже не смешно, хотя в данном конкретном случае мы только и делали, что смеялись.

Первоначально главный прокурор Кевин Гудвин хотел смешать мух с котлетами: он пытался сделать так, чтобы по одному громадному делу прошли сразу все, включая меня, как центральную фигуру. Дирижировать этим огромным фальшивым оркестром хотел он сам. Гудвин (или Тупица, как его все звали) питал жгучую нелюбовь ко всему, за что мы бились, видел в нашем грядущем крахе большой политический капитал для себя и уже предвкушал негу от лучей славы. Это сквозило во всех его публичных выступлениях и соблюдении юридических формальностей. Однако его коллеги — кто тоже хотел обеспечить весомость обвинений и тяжесть наказаний — заметили ошибку в его методах и предпочли его безнадежному плану нечто более управляемое. Единственным жизнеспособным утверждением прокурора было то, что все подсудимые — веганы, активные по части защиты животных; следовательно не смогли доказать наличие ни одного другого связующего звена, чтобы придать

идее заговора мало-мальски товарный вид. К жуткому смятению Гудвина комиссия решила, что в королевских судах в Дерби, Мейдстоне, Манчестере, Лидсе, Лондоне и Нортхемптоне пройдут шесть разных процессов. В результате последующих осложнений манчестерское дело распалось еще на два. К этому прибавилось обвинение меня в подстрекательстве, завершившееся процессом в Олд-Бейли¹ в Лондоне весной 1993 года. Монструозный процесс, который некоторые даже предвидели, с каждым новым слушанием все меньше и меньше походил на что-то серьезное. Тупица Кев определенно хотел не этого. Он был несчастен.

В Королевском суде Мейдстона все происходило быстро. Предположения о том, что мы были ответственны за похожие на нашу атаки, были похоронены в ходе перекрестного допроса эксперта-криминалиста, который в своем заключении написал, что устройства, использованные в рамках других рейдов в Кенте, были изготовлены теми же людьми, что напали на Stonegate. Под нажимом защиты он признался, что не может с уверенностью утверждать вышесказанное и что авторы других устройств могли попросту использовать аналогичную модель для сборки. В отсутствие других сведений прокурорам было не к чему привязать нас, не считая атаки на Stonegate, и они отказались от концепции заговора в обмен на наши признания вины в попытке поджога. Упорство могло усложнить нам жизнь, потому что кентское дело привязали бы к манчестерскому, а доказательства были внушительными. С нашей стороны признаться вину было разумным решением, направленным на сокращение срока.

Но судья Феликс Уэйли был не так прост. Ему было плевать на сделки, он не желал делать скидку на признания вины, и мы ему по-настоящему не нравились. Юридическая формальность обязывала его отложить мой приговор до Манчестера, чтобы я смог получить один срок разом, что, конечно, было мне на руку, но на этом терпение судьи исчерпалось. Дальше он себя уже не контролировал. Его тошнило от нашего поведения, и он ополчился на Вив, распинаясь на тему того, что мы «объявили войну» своим согражданам. Он считал, что люди могут делать с животными все, что им заблагорассудится, если закон это разрешает. Он признался, что наши преступления самые ужасные, что ему доводилось встречать. И так далее. Он был злобен в своих суждениях и через полчаса уже начинал раздражать. До чего же отвратителен может быть человек, если делает то, что делали мы? Ох... Закончив, он дал Вив шесть лет, что было чересчур, учитывая ее проступки, не говоря уже о том, что он не учел признание собственной вины.

Отчасти причиной послужило то, что Вив уже успела отбыть четырехгодичный срок в Шеффилде и явно не усвоила урок, вот Уэйли и хотел посмотреть, не изменят ли шесть лет ее мировосприятие, а заодно обратиться с посланием к другим активистам. Это был настоящий шок — второй по продолжительности тюремный срок для бойца ФОЖ за всю историю. Наблюдатели предрекали сокращение срока после апелляции, но его не последовало.

Юридические осложнения в Манчестере тем временем были огромны, и нам оставалось только взирать на происходящее в изумлении. Мы могли наблюдать маленькие победы в суде, которые бросали немного света на мрачные и затянувшиеся процедуры. Мы требовали доступа ко всем неиспользованным сведениям, но полиция была не готова их раскрыть. Судья по фамилии Эллиот был маленьким, противным, агрессивным страшилой, защищающим овцеводство и судебное преследование протестующих против него. Ему не нравилось в нас решительно все. Он согласился

¹ Олд-Бейли — центральный уголовный суд Великобритании.

с прокуратурой, что не нужно давать нам доступ к документам, которые составляли 50 тысяч страниц бумаг. Это выглядело как издевательство над судом. Он утверждал, что его шокировало то, что он узнал из материалов полиции, но отказывался показать их защите. Чем же он был так шокирован? Никто из нас не совершил ничего, что могло бы шокировать судью Верховного суда — что же такое офицеры показали Эллиоту? Что бы это ни было, теперь он ненавидел нас всей душой.

Мы хотели добраться до отсутствующих аудиопленок или других записей, которые позволили бы полностью разрушить теорию заговора. После нескольких известных процессов (дела Гилфордской четверки¹, Бирмингемской шестерки², Бриджуотерской четверки³, Джудит Уард⁴ и Стефана Кишко⁵, по итогам которых подсудимых приговорили к пожизненным срокам заключения, но потом оправдали), когда людей незаконно осудили из-за сокрытия полицией сведений, законы изменились, и обвиняемые теперь имели право доступа ко всем материалам дела. Но власти почему-то вспомнили старые правила, чтобы воспрепятствовать доступу к важной для нас информации, собранной полицией. Невзирая ни на какие изменения в законодательстве, прокуратуре удалось добиться сокрытия данных от защиты.

Обвинители получили от судьи разрешение о предоставлении Иммунитета в интересах общества, что позволило им не раскрывать всю гору неиспользованной информации. Они бились за то, чтобы защитить всех информаторов, все наблюдательные пункты, все современные или необычные технические приборы для слежки и все предстоящие расследования. Полицейские утверждали, что не хотят еще больше отяготить наше положение, дав нам то, что мы просим!

На все это ушли годы приготовления и планирования, долгие месяцы юридических пререканий. У меня было так много времени, что я начал работу над этой книгой, материал для которой накапливался с течением времени. Однако у меня были другие планы.

¹ Гилфордская четверка — несправедливо осужденные за взрывы в двух пабах в Гилфорде 5 октября 1974 года. Ответственность за теракты взяла на себя ИРА. Погибли 5 человек.

² Бирмингемская шестерка — несправедливо осужденные за взрывы в двух пабах в Бирмингеме 21 ноября 1974 года. Утверждалось, что бомбы заложила ИРА. Погиб 21 человек.

³ Бриджуотерская четверка — несправедливо осужденные за убийство 13-летнего разносчика газет Карла Бриджуотера 19 сентября 1978 года. Спустя 18 лет они были оправданы. Дело так и не раскрыли.

⁴ Джудит Уард (р. 1949) — жертва судебной ошибки. Обвинялась в серии взрывов в 1974 году. Вышла из тюрьмы только в 1992-м.

⁵ Стефан Кишко (1952–1993) — налоговый служащий из семьи славянских иммигрантов, ошибочно осужденный за убийство Лесли Молсид 5 октября 1975 года. Провел в тюрьме почти 17 лет.

Побег из неволи

Истинное добросердечие, или сострадание, распространяется на все живое и выражается в сопереживании бедам всех созданий, способных чувствовать.

Джозеф Эддисон¹

Одним из самых обременительных аспектов моего заключения были перемещения из одного учреждения пенитенциарной системы в другое с большой регулярностью. Порой меня не оставляли где-то даже на несколько дней. Это вносило беспорядок в планирование моих свиданий, способствовало утрате контактов с друзьями и имущества. Да и подготовке к моей защите в суде это не способствовало. Имущества, среди которого хватало юридических документов, у меня было много, поэтому тактика постоянных переездов приносила большую головную боль как мне, так и администрациям тюрем. В некоторых учреждениях заключенным не дозволяется иметь в камере ничего, кроме хлеба, воды и чертовской радости в связи с получением этих материальных благ, а про такую роскошь, как портативные игровые приставки и радио, можно смело забыть. В некоторых тюрьмах меня встречали пеной изо рта при виде моих вещей и начинали в ярости выкидывать то, что им не нравилось, приговаривая «Это нельзя... это нельзя». У меня было навалом юридических бумаг, материалов для этой книги, литературы, еды (если ты — веган, в таких местах ты запасаясь всем, чем можешь, и никогда ничего не оставляешь) и туалетных принадлежностей, которые государство не предоставляет, а также писем, кассет и одежды.

Поскольку решение по моему делу еще не вынесли, я был в предварительном заключении, и мне разрешали иметь все вещи под рукой в камере. Иногда моя собственность переезжала со мной в одной машине, иногда догоняла меня — дни, недели или даже месяцы. Однажды мне досталось чужое добро, а другому заключенному оправили мое — он находился в 300 с лишним километрах от меня.

Служащие желали обыскать и задокументировать все, что только можно, на каждом этапе любой поездки. Дошло до того, что я попросту перестал распаковывать вещи, оказываясь в очередной клетке. Я был уверен, что они следили за мной и держали меня в некоторых местах, пока я не начинал обживать пространство, раскладывать вещи и создавать подобие уюта — тогда они вновь сообщали, что я переезжаю, и заставляли все собирать! Некоторые служащие отказывались помогать доставлять вещи в камеру. Они не жалели времени на конвоирование в приемную или обратно, смотрели, как я беру часть вещей и несу их от одних ворот до других, потом до следующих и так далее, вместо того чтобы помочь мне и ускорить процесс. Они выражали свой протест, но я никуда не спешил; чем больше они сердились, тем больше я заболел о своих драгоценных личных вещах.

У меня не было выбора, когда они держали меня в одной и той же одежде; они так торопились избавиться от меня однажды, что я успел надеть только шорты, после чего меня вывели из камеры. Вообще, для МВД действовало правило, гласящее, что заключенным необходимо позволять брать с собой юридические бумаги при перемещении из одной тюрьмы в другую, но оно, как и многие другие правила, по желанию игно-

¹ Джозеф Эддисон (1672–1719) — поэт, драматург и политик, стоявший у истоков эпохи Просвещения.

рировалось. Отставание документов стало для меня чем-то вроде священной войны за те 18 перемещений из одного конца страны в другой, которые произошли за эти месяцы. Постоянной причиной для стресса стали мысли о судьбе этой книги, которая мало-помалу начинала обретать форму. Я всячески старался не лишиться ее в ходе этой вынужденной кочевой интерлюдии, но для меня до сих пор остается загадкой, как вышло, что она не потерялась в этом бардаке.

Я всегда думал, что если когда-нибудь попаду в тюрьму, я должен буду найти способ сбежать. И с самого первого дня моего ареста эта мысль меня не покидала. Закон предусматривал для меня не самые радужные перспективы: попытка поджога, тянувшая года на два, выросла в серию широкомасштабных преступных сговоров, которые сулили удвоение этого срока. Надежда выйти под залог испарялась всякий раз, как власти отвечали истерической гиперреакцией, если у нас складывался хороший день в суде. Они постоянно представляли новые или просто переформулированные сведения.

Содержание в современной тюрьме превращает идею побега в несбыточную мечту, но при переездах и передержках в полицейских участках этот замысел не кажется совсем уж невероятным. После предварительного заключения и первого слушания в суде я остался без камеры (вечером она оказалась занята кем-то еще), поэтому меня отвезли в полицейский участок. Там мне предстояло проторчать не один месяц, потому что МВД получило деньги по компенсационной схеме за мое содержание и прокорм. Согласно правилам операции «Контейнер», чем больше заключенных перешагнет их порог, тем больше им заплатят.

Далеко не все офицеры полиции были так внимательны к мерам безопасности, как следовало, и совсем не многие имели опыт по части охраны заключенных в течение продолжительного времени. Именно на это я и другие заключенные решили надеяться, прежде чем случится неизбежное, и мы вновь окажемся в пасти тюремной системы. Каждую неделю меня и Вив возили в суд, и у нас всякий раз был шанс сделать ноги, когда мы шли из полицейского участка в Фолкстоне в фургоны, стоявшие во дворе. Но нас транспортировал либо Барри, либо Тафф, которые не надевали на нас наручники и вообще обращались с нами с большим уважением на протяжении всего нашего пребывания в их ведении, поэтому у нас просто не было морального права поставить их в затруднительное положение. Учитывая мое прошлое и обстоятельства, при которых я был арестован, это прозвучит странно, но, если бы мне выпал шанс вновь встать перед выбором, я бы поступил так же. Уважительное отношение — отличительная черта свободного человека.

К весне 1993 года я отсидел уже год, а у зубного врача не бывал около 11 лет — исключительно из-за страха. Я получил плохой опыт с усыпляющим газом, когда еще был ребенком. Сидеть в полицейском участке предстояло неопределенное время, поэтому я решил преодолеть страхи. Я сказал охране, что у меня болят зубы, и мне назначили поход к врачу. Меня эскортировали два полицейских в штатском. Я был в наручниках, но на определенном этапе их должны были снять. Тогда я и должен был выполнить задуманное.

Я сказал дантисту, где у меня якобы болело, он проверил и заявил, что признаков воспаления нет. Я был все еще в наручниках, пристегнутый к одному офицеру; другой прохаживался рядом. Я спросил дантиста о тех двух клыках, которые выросли над передним рядом зубов. Их нужно было вырвать много лет назад, но это означало поход к зубному врачу. Они просто росли перед другими зубами и не представляли собой проблему. Дантист потрогал зубы и сказал: «Я мог бы выдрать их сейчас, если

хотите», — чем привел меня в состояние глубочайшего ужаса. Никто не вырывает здоровые зубы. Нужны сила и клещи, чтобы их выдернуть, а потом остаются зияющие дыры и реки крови. Но я пришел сюда не за этим — я ожидал, что врач попросит офицера снять наручники на время его работы. «Хорошо», — нервно ответил я. Сказав это, я понял, насколько тонка будет грань между свободой и удалением зубов.

Дантист начал готовить инструменты пыток и сказал офицеру, пристегнутому к моей правой руке, что ему нужно, чтобы наручники были сняты, потому что ему предстоит работать именно с правой стороны. Вот оно! Офицеры мялись, хмыкали и нукали, а потом спросили, нельзя ли пристегнуть мою левую руку. Нет, нет, нет! «Да, — ответил дантист, — конечно». Полицейский подошел и пристегнул мою левую руку, и только тогда его коллега отстегнул правую. Меня охватила паника. Я был пристегнут, и мне светило удаление зубов! Я оказался в ловушке и готовился к пыткам. Внутри меня все извивалось, я не мог ни о чем думать, поэтому просто закрыл глаза и получил совершенно безболезненный укол. Мне почти понравилось. Через минуту дантист выдернул оба зуба, а через час я уже был в моей клетке, рот заполняла вата, и каким-то непостижимым образом я даже разглядел луч надежды в моей нарастающей боли.

Следующий шанс обрести свободу представился мне, когда я добился приема у окулиста, чтобы проверить зрение после года, проведенного в условиях освещения, далеких от идеальных для чтения и письма. Я припрятал немного наличных и телефонные номера друзей, которые ожидали от меня звонка — один обещал подвезти меня, другой — предоставить безопасное укрытие. У меня не было гарантий, что я смогу сбежать, но я собирался попробовать. Я не слишком волновался о зрении, но моим глазам было бы приятно видеть, как я даю деру.

Из участка в Стэффордшире меня сопровождали три офицера в форме. Когда мы миновали приемную, сержант напомнил им, чтобы не упустили меня. Он не подозревал о моих намерениях, просто упускать заключенных — это распространенная практика в Великобритании. Я был пристегнут наручниками к одному из полисменов. Мы направлялись к окулисту в Тэмворт. В фургоне они сняли с меня браслеты, но не спускали глаз. Когда мы приехали, один из них опять меня пристегнул и накинул сверху пиджак, чтобы, когда мы шли по улице, люди не тарасились в испуге. В итоге все думали, что мы идем, держась за руки, поэтому периодически мы все равно привлекали внимание. Мы пришли к окулисту, и все трое повели меня в комнату для осмотра. Наручники с меня сняли (это был главный момент в моем плане). И тут я неожиданно понял, что совершенно не зафиксировал в памяти, заперта дверь на замок или только прикрыта. Все молчали. Думаю, именно спокойствие офицеров меня тревожило — я все больше убеждался в мысли, что дверь закрыта на ключ. Я мог вскочить и дернуть за ручку в любой момент на протяжении целого получаса. Если бы я знал, что она открыта, я бы так и сделал, и больше бы они меня бы не увидели. Но я не хотел рисковать возвращением в хорошо защищенную тюрьму в случае, если дверь заперта. До чего же глупо они выглядели бы, если бы вернулись в участок и сказали сержанту, что сделали то, от чего он их предостерегал! Но до чего глупо выглядел бы я, если бы стоял там, дергая, как идиот, ручку. Мой осмотр у окулиста мог оказаться под серьезной угрозой... Как же я проклинал себя, когда после осмотра дверь открылась без поворотов ключа и каких-либо затруднений. Меня вновь пристегнули к Кудрявому Ларри и Мо. Я был опустошен.

Вскоре меня снова перевезли в другой участок. Он славился тем, что нанимал совсем зеленых деревенских бобби, не имевших ни малейшего понятия о законах джунглей. Большинство из них были вежливы, но не собирались отвечать за провор-

ных клиентов, которые пожелали оказаться где угодно, но только не в клетке. В этой местности преступность была невысокой, и клеток в тюремном корпусе было всего несколько. Нам разрешали получать провизию с воли, и порой дежурный офицер даже не удосуживался ее проверить. Среди лакомств, которые нам удалось заполучить, был ром, размешанный в коле, и сухофрукты с гашишем. Атмосфера поддерживалась приятная, риск мятежа отсутствовал, но меры безопасности по понятным причинам меня не устраивали.

Однажды вечером мне передали коробку с вещами, присланную в участок от «кого-то по имени Дэйв». Дэйв был моим приятелем, его звали вовсе не Дэйв и он умел изготавливать кулинарные блюда, в которых прекрасно скрывались такие нужные арестантам инструменты, как ножовка и/или отвертка. Из участка вели всего два выхода: один — через верхнюю часть клетки в прогулочном дворе, другой — через кирпичную кладку под лавкой в камере.

Толстый, сальный полицейский, самый прожженный во всей смене человек, которому никто не доверял, принес мне крепкую коробку с овощами, в которой поместились и кое-какие нужные мне для побега вещи. Сальный любил сидеть в коридоре возле душевой кабинки со сложенными на груди руками и смотреть, как входят и выходят заключенные, повязанные полотенцами. Все остальные офицеры были на дежурстве или смотрели телевизор, не слишком интересуясь потными полуголыми мужчинами, но его они интересовали, и он даже не скрывал это.

Он не был человеком, к которому станешь испытывать теплые чувства, но он передал мне коробку с едой, в которой лежали целых три ножовочных лезвия и две отверточных рукоятки, поэтому я не слишком переживал по поводу того, любовался ли этот дядя моей задницей.

Инструменты были помещены в гофрированную обшивку коробки, полной веганских лакомств. Мой сокамерник говорил, что он угонщик, хотя позже я выяснил, что это была не вся правда. Он был приятным парнем, вместе с которым удрать было бы радостно. Не сказать, что я собирался видеться с ним в будущем, если только мы не столкнулись бы на улице. Так или иначе, теперь у меня было полно вкусной еды и необходимые для побега инструменты. Ночь выдалась прекрасная.

Как вы можете догадаться, мы принялись работать. Чайная ложка использовалась для того, чтобы открыть затвор под лавкой, а ножовки справлялись с маленькими сварными швами, которые этот затвор скрепляли. Я стащил ложку давно, зная, что однажды она обязательно пригодится. За кладкой было пыльное полупроходное техническое пространство и водопроводные трубы до внешней стены и вентиляции, которая вела наружу к свободе. Строительный раствор, облекавший кирпичи, был старым и крошился, поэтому делать подкоп не составляло большого труда. Но мы располагали лишь парой часов каждую ночь — между отбоем в 23:00 и ночной сменой, приходившей играть в настольный теннис в 1:00 наверху. Если мы их слышали, значит и они могли уловить скребущие звуки.

Четыре ночи мы копали в направлении стены и вентилятора. Мы выбивались из сил, но были абсолютно уверены, что еще немного, и кирпич поддастся, а значит, мы сможем выбраться на волю. Один скребет, другой караулит у двери. Если бы охранник пришел с обходом, мы бы мгновенно нырнули под одеяла, делая вид, что читаем или спим. В отверстии, которое мы раскапывали, было темно, но маленький телевизор Casio, заряжавшийся от батареек РР9, помогал достаточным освещением. Когда мы заканчивали рыть, запечатывали дыру так, что со стороны стена выглядела как но-

венькая. Сварные соединения замазывались с помощью Blu-Tack¹ и закрашивались цветным мелом.

Но что поразило меня в этой истории больше всего, так это заключенные в соседних камерах, которые все знали, но не выдавали нас. Обычно в тюрьме солидарность не очень в чести, и многие пойдут на что угодно, преследуя личные интересы. Ничего не стоит поведать надзирателям тайны других людей, которых они не знают и до которых им нет никакого дела, ради того, чтобы получить приличную камеру или блок сигарет.

К раннему утру четверга приготовления были закончены, все необходимое упаковано в дальний путь. Мы планировали сбежать следующей ночью. Пара часов, немного усилий, и — свобода. Я понятия не имею, откуда в 10:00 на пороге возникли два человека в форме, один из которых сказал: «Собирайте вещи, парни, вы переезжаете». Они явно ни о чем не подозревали. Увидев смятение на наших лицах, они решили, что мы не хотим покидать их прекрасный участок. «Не волнуйтесь, в понедельник уже обратно». В нашем тюремном корпусе должны были сделать ремонт, поэтому следующие несколько дней нам предстояло провести в другом участке. Я предложил им, чтобы мы сами все отремонтировали, но полиция уже заключила контракт с друзьями сержанта, так что ничего не вышло.

Нас отвезли в какую-то алкоголическую йоркширскую деревню, и мы так и не вернулись в нашу камеру с туннелем, которая сгинула с закрытием тюремного корпуса несколькими годами позднее. Позже выяснилось, что угонщика Дина перевели в крыло для отбывающих сроки за сексуальные преступления в крупной тюрьме. Он сидел за изнасилование. Момент истины в этой истории с несбывшимся побегом заключался в том, что мне не пришлось нести ответственность за освобождение человека с таким прошлым.

Мне выпадали и другие возможности сбежать, но по той или иной причине я не мог ими воспользоваться. В Уондсворте, например, мы задумали забраться по железным прутьям окна на крышу, спуститься по водосточной трубе, потом перелезть через колючую проволоку и оказаться на периметровой стене. Все получилось бы, если бы нам удалось забраться на крышу, прежде чем зазвучат свистки охраны. Ирландец Вилли был ростом полтора метра и всю свою жизнь норовил кого-нибудь убить. Он сидел за дело, но был хорошим другом и веселым собеседником. Мы вынашивали план всего неделю. Это выглядело слишком просто, и никто не был уверен, стоит ли пытаться. Но ранним утром в канун Нового года мы услышали рев, доносившийся снаружи, и ринулись к окну, чтобы посмотреть, в чем дело. Вилли решил сбежать один. Ему удалось добраться до периметровой стены, но, приземляясь с нее, он сломал обе лодыжки. С Новым годом!

После ареста в Кенте я провел несколько месяцев в полицейских застенках и в общей сложности около двух лет в заключении. Наконец, меня вернули в тюремную систему, и я оказался в очаровательной тюрьме Ее Величества в Ливерпуле, где я уже бывал. Здесь разрешалось держать в камере минимум имущества, в качестве туалета использовались ведра, и о побеге можно было даже не думать.

В тюрьме у меня всю дорогу были проблемы с курильщиками. Сегодня большинство камер двухместные. В одноместных принято держать только извест-

¹ Blu-Tack — гибкое пастилообразное скрепляющее вещество многократного использования. Изобретено в 1971 году в Англии. Позиционируется как хорошая замена скотчу, кнопкам и скрепкам, способная «выдерживать даже небольшую картину на стене».

ных беглецов и особо опасных преступников. Я не курю, не сделал за всю жизнь ни единой затяжки, и мучением было находиться в одной камере с курильщиком, а таких в тюрьмах большинство. Однажды меня посадили в камеру без окон, и я проводил по 23 часа в сутки с контрабандистом наркотиков, у которого нашлись сотни длиннющих и не облагавшихся налогом сигарет, которые разрешались административной и запасы которых он пополнял каждую неделю. Для сержанта было нечто вроде коронной шутки сажать курильщиков с некурящими. Я заваливал начальство жалобами, но они не находили ответа. Я получал только саркастические намеки. Тюрьма — это печально, но рак легких — тоже довольно неприятный исход, поэтому я всерьез вознамерился сбежать хотя бы для того, чтобы выжить. Я сказал об этом на свиданиях друзьям и даже маме, попросил адвоката в дальнейшем объяснить людям причины того, что должно было произойти. Я начал разрабатывать план, но тут произошло странное событие.

23 июня 1993 года, вторник, все как обычно: писанина, чтение писем, газет и книг, плюс, возможно, я провел бы час в спортзале и минут десять поговорил по телефону. Обычный день в Уолтоне. Но я даже не успел встать с постели, как пришли надзиратели и сказали, чтобы я собирал вещи, потому что меня везут в суд.

Мне велели идти в приемную, откуда меня бы препроводили вместе с вещами в фургон, хотя я прекрасно знал, что слушаний у меня в этот день не было. Зато если бы я забрал с собой вещи, по возвращении при обыске у меня конфисковали бы многое из того, что до этого было разрешено. Я уже проходил через это. Я встал и спросил охрану, что это за суд у меня сегодня был назначен. Он ответил, что понятия не имеет, но так сказал компьютер накануне вечером. Если тюремный компьютер выдает твое имя, значит, такова твоя судьба. Вещи мне разрешили оставить.

В приемной, притаившись, меня ждали несколько манчестерских детективов, желавших арестовать меня по другому делу. Нигде мне не было покоя! До них дошли кое-какие из моих тюремных размышлений, и они захотели о них побеседовать. Мы возвращались в Стретфордский участок для новых допросов, которые были неизменно бессмысленными процедурами, потому что я ничего не говорил, чтобы не помогать людям, желавшим мне зла. И они знали об этом.

Меня привезли в Стретфорд и впервые за все время моего заключения заставили снять и отдать им шнурки: чтобы я не пытался повеситься. Чему они, черт подери, собирались меня подвергнуть? В последний раз, когда меня доставляли сюда, все не было так плохо. Я провел день в тесной камере, мне не дали книг, и от скуки я сделал себе шнурки для кроссовок. Потом меня кратко допросили и обвинили в попытке подстрекательства к преступным действиям.

В 17:00 констебль Смит велел мне собираться, потому что меня решено было везти в Центральный изолятор временного содержания, чтобы утром я предстал перед судом для предъявления нового пункта обвинений.

Моей единственной просьбой было позвонить маме, чтобы отменить ее завтрашний визит. Но констебли заявили, что торопятся довезти меня до пробок, поэтому я смогу обратиться с моей просьбой к служащим изолятора по прибытии. Это меня не на шутку вывело из себя. Я не то чтобы уже не хотел сотрудничать, я даже не собирался быть вежливым. Для моей мамы и так было тяжело проходить через процедуру тюремных свиданий, но она настаивала на визитах, и меня злило, что она придет и уйдет ни с чем.

Впоследствии констебль Морби вспоминал: «Мой полицейский фургон был припаркован во внутреннем дворе Стретфордского участка. Констебль Смит конвоировал заключенного Манна во двор, в то время как я закрывал примыкающие ворота».

Было что вспомнить и констеблю Смит: «Мы вышли с заключенным Манном и подошли к полицейскому фургону, я держал его за правую руку. Как только я открыл задние двери фургона, Манн отвернулся от меня и вырвал свою руку.

Констебль Морби: «Потом я услышал крик констебля Смита и увидел, как заключенный перелезает через ворота, ведущие на парковку с выездом из полицейского участка».

Констебль Смит: «Я повернулся и увидел, как он запрыгивает на ворота и взбирается по ним. Я тоже взобрался по воротам и преследовал его. Он бежал в направлении Колледжа Северного Траффорда. Потом я потерял его из виду. С тыльной части колледжа я видел, как он бежит в направлении кустов у заднего фасада мэрии Траффорда. В ходе погони о побеге посредством моей радиации были оповещены все патрули».

Манн: «Вдох-выдох. Хи-хи. Вдох-выдох».

Оповещение патрулей о моем побеге не принесло желаемых результатов. А вот проблема пассивного курения теперь была решена! Я заметил нехватку мер безопасности во внутреннем дворе заблаговременно: три стены, камера наблюдения и 3,5-метровые железные ворота, но никакого покрытия сверху. Это не имело бы значения, если бы меня вели в наручниках. Надпись на стене в участке четко гласила: «Все Заключенные Должны Быть в Наручниках, Пока Не Покинут Участок».

Когда я приземлился по другую сторону ворот, один из моих импровизированных шнурков порвался, и с меня слетел кроссовок (причем брендовый и новенький), но это меня не остановило. Едва ли что-то могло бы остановить. Нужно заметить, что у меня не было проработанного плана. Ни денег, ни телефонов, по которым я мог бы позвонить, чтобы обо мне позаботились. В тот момент я не мог вспомнить ни одного номера. Живая изгородь, у которой меня в последний раз в своей жизни видел констебль Смит, расцарапала мои лицо и руки, но подарила драгоценное время, необходимое для того, чтобы я мог потеряться.

Я миновал парковку, пересек магистраль и пробежал по крикетному полю Старого Траффорда, потом перепрыгнул через большую стальную ограду и оказался на еще одной парковке, где мне посчастливилось обнаружить непристегнутый велосипед. Это была чугунная древность, но пеший ход она все-таки превосходила. Двинувшись, я понял, что выехать с парковки мне мешает будка охраны на выезде. Пришлось мчаться в дальний угол парковки и перелезть там через ограждение из проволочной сетки. Дальше я гнал по пересеченной местности, сменившейся железнодорожными путями, которые вывели меня, наконец, в центр Манчестера. Теперь велосипед стал скорее помехой, поэтому пришлось его оставить и двигаться пешком подальше от главных путей по неиспользуемому полотну. Я шел на восток.

Все еще было светло. Учитывая, как я выглядел и что совершил, мне следовало где-то укрыться до наступления темноты. Меня, должно быть, искало очень много людей, некоторые из которых были с собаками, но их сбивало со следа обилие автомобилей и других движущихся объектов в округе. Если не считать нескольких водителей у светофора на магистрали, после живой изгороди у здания мэрии меня никто не видел, поэтому ничто не мешало спрятаться под виадуком старой железной дороги. Я быстро сообщал, но учитывать приходилось очень много нюансов. К тому же я не слишком хорошо знал местность. Да, этот вторник превзошел все ожидания! Я беспрестанно несся и нуждался в отдыхе. У меня слегка кружилась голова. Я был вполне доволен собой, не в последнюю очередь потому, что проделал все это в одном кроссовке, а им до сих пор не удалось поймать меня.

Мне еще немало предстояло сделать, прежде чем оказаться в безопасности, но, по крайней мере, теперь моя судьба вновь была в моих руках. Я беспокоился, как бы меня не выследили, и вдруг по-настоящему разволновался, взвесив перспективы. Я пробыл там следующие пять часов, трясаясь от адреналина. По прошествии какого-то времени я немного успокоился и периодически хохотал, осознавая, что я сделал.

А в тюрьме сейчас полдник, дают чай, думал я. Наверняка они сделали булочки с картошкой и тушеными овощами, оставшимися с понедельника. Ребята без сомнения порадовались за меня и были бы рады любому шансу украсть мои вещи. Если шанс не представился, все забрали служащие. Я был уверен, что не увижу книгу. А еще представлял, как друзья и власти узнают о моем побеге — восторг одних и ужас других. Мило!

Спрятавшись, я услышал шум патрулирующего местность полицейского вертолета. Но я был уверен, что укрылся надежно. В кустах нашелся старый ботинок Dr. Marten's, я понял, что это судьба. Это ведь именно то, что я искал. Не на сто процентов, но очень похоже. Он был старым, сырым, гниющим. В подошве зияла дыра, образовавшаяся от многолетнего ношения. Ботинок служил домом для бесчисленных насекомых, он был мне мал и сделан не на ту ногу, не говоря уже о том, что его изготовили из кожи, но я возлюбил его всем сердцем, как родного! Ботинок подошел идеально после грязного носка, в котором я преодолел столько километров. Извинившись, я аккуратно эвакуировал из башмака всех жильцов, сделал из единственного шнурка два, повязал его и почувствовал, что все сложилось как нельзя лучше.

Я сидел, ожидая темноты, и размышлял обо всем, что мечтал сделать по выходе из тюрьмы. Я видел, как мимо моего убежища прошел упитанный лис. Он направлялся по своим делам и проигнорировал меня. Потом он еще несколько раз проходил мимо, и я всякий раз затаивал дыхание, боясь его напугать. Когда стало достаточно темно, я двинулся в сторону Манчестера по рельсам. Чтобы обрести нормальное укрытие, мне нужно было идти на север и держаться подальше от людей, поэтому мой путь пролегал через глухие улицы, парки и так далее.

Я едва не сыграл в ящик, еще даже не достигнув центра города, когда из-за спины мимо меня пронесся скорый поезд. Я не слышал его приближения буквально до того момента, как он поравнялся со мной. Мои волосы встали дыбом. Меня потрянуло так, что вся аура самодовольной безмятежности улетучилась в один миг. Быть сбитым поездом стало бы печальным окончанием моей эскапады, поэтому больше я близко к рельсам не подходил.

Я скрестил пальцы и быстро двигался по направлению к городу, надеясь, что машинист меня не заметил или, во всяком случае, не сообщил о странном человеке на путях. Добравшись до Манчестера, изо всех избегая трафика, я добрался до телефонной будки и попытал счастья, набрав один из безопасных номеров, которые мог вспомнить, но никто не отвечал. Тогда я пошел по улицам и паркам в поисках кого-то, кто смог бы дать мне денег на автобус. О, это было бы что-то — поездка домой в теплом автобусе — но никто не хотел помогать грязному попрошайке, и мне пришлось отказаться от идеи просить милостыню. Я вырос в этих местах, поэтому знал кратчайший и скорейший путь туда, куда мне было нужно. Оставалось надеяться, что дистанция составит не больше 13–14 километров, нужно было двигаться по тихим улочкам и паркам.

Около 6 утра, когда уже вовсю светало, я остановился, чтобы отдохнуть неподалеку от пункта назначения, рядом с Болтоном. На привале меня ждало поле с кустами клубники и озеро с чистой водой. Это было все, что я съел после обеда накануне, а я

люблю есть постоянно, если это возможно. Подкрепившись, я какое-то время следил за нужной мне улицей, чтобы убедиться, что больше за ней никто не следит, после чего осторожно приблизился к входной двери, готовый удрать в любой момент при первых признаках засады. Я постучал и из-за двери отозвался 70-летний отец Джоанны. Мы встречались раньше, он знал, чем я занимался, ему было известно, что я сидел в тюрьме и по моему появлению он мог понять, что произошло, но он ничего не спросил.

— Их нет, сынок, — извинился он, — они отдыхают в Турции.

Он следил за домом и пригласил меня, но я отказался. Было бы неправильно подвергать его опасности.

— Нет, я лучше пойду, но все равно спасибо!

— Хорошо. Береги себя, сынок.

Час спустя у него на пороге уже стояли полицейские, спрашивая обо мне (они много где побывали). Он сказал им, что не видел меня много лет. Его дочь и зять были известными по части акций протеста активистами, и его ужасало то, как власти обращаются с ними и с их друзьями, поэтому он пересмотрел свои взгляды на роль полиции в обществе. Он стыдился того факта, что у него ушло столько времени на то, чтобы осознать всю политичность действий властей, и одновременно гордился, что смог изменить свое отношение к вопросу. Больше я его не видел. Он умер вскоре после той нашей встречи.

Я перешел к Плану Б. Еще 1,5 километра пешком. Я полностью выбился из сил и был на взводе, чтобы держаться подальше от оживленных улиц. Я шел к Мэвис, с которой познакомился за пару лет до этого, когда мы искали дома собакам. Мы хорошо ладили и периодически встречались по поводу того или иного животного: мы помогали ей, когда у ее лошади были проблемы, а она помогала нам, когда требовалось пристроить освобожденных кроликов или кур. Мы оба были очень рады видеть друг друга. Она предположила, что меня выпустили условно-досрочно или что-нибудь в этом духе, как часто бывает, поэтому даже не удивилась, увидев меня на пороге в столь раннее время. Она к такому привыкла. Все, что она смогла сказать, узнав о том, что я сбежал, это: «Черт возьми! Молодец! Ну что ж, давай сделаем все, чтобы ты не вернулся обратно». Таковым было мое твердое намерение и огромное желание других подсудимых процесса. Им бы очень пошло на пользу, если бы я не делил с ними скамью в октябре. Это здорово спутало бы карты обвинителям.

Вскоре меня накормили так, что я не мог даже думать о еде, опьянел от вина и собирался принять ванну, когда позвонила дочь Мэвис и сказала, что я сбежал из тюрьмы и мое лицо показывают в новостях. Мэвис чокнулась со мной бокалом и спросила у дочери: «Неужели сбежал?» Мы смеялись от души. Освобождение животных — это понятно, но и люди важны. Я освободил сам себя. Тоже приятно.

Вечером меня отвезли в другое, более надежное место на ночевку: полиция никак не смогла бы связать меня с владелицей того дома. Она, как и Мэвис, была старше меня, не была вегетарианкой, но подумывала об этом, на все сто процентов поддерживала освобождение животных и могла кое-чем в этом помочь. Позднее я узнал, что на той же улице располагался дом одного из детективов, участвовавших в операции «Пика». Я никогда раньше не встречался с этой дамой, но она поддерживала ФОЖ финансами, знала обо мне, и ей «было так приятно», что она смогла внести свою лепту в дело моего спасения, даже разволновалась.

Возможно, она была немного наивна и где-то даже притворялась, что не участвует в жестокости, употребляя мясо. При этом она была жизненно необходима для

нашей борьбы. Мы много болтали, соглашались в одном и не соглашались в другом. Мы представляли разные поколения, но творили будущее вместе. Она снабдила меня новой одеждой и накормила (тем, что она называла «вейганской» едой), напоила вином и дала наличных, предоставив свободную комнату. Ранним утром меня отвезли в приют для животных в Уилтшире, где меня ожидала скрывавшаяся Анджела Хемп (или Сэм, как ее теперь звали).

Выйдя под залог за саботаж против грузовиков, перевозивших мясо, порчу имущества охотников и спасение собак с фермы Лондри, она ушла в подполье 18 месяцев назад и жила под вымышленным именем. Она прекрасно себя чувствовала в коттедже посреди центра спасения в окружении животных, занимаясь решением финансовых вопросов и спасая заблудившихся зверей. Мы планировали встречу, когда она навещала меня в тюрьме, и я поведал ей о своих планах. На их реализацию ушло около двух лет, но оно того стоило. Мы снова были в деле. Мы стали беженцами не ради самого факта. Мы твердо решили извлечь для животных максимум пользы из нашего юного энтузиазма и здоровья, разумеется, избегая неизбежного так долго, как только получится.

Полиция Манчестера была в смятении. Насколько же позорно было упустить все, над чем они столько работали, в самое неподходящее время и по такой оплошности. Исчез главный фигурант дела. Они основывали все свои обвинения на информации о моих действиях и знали, что если я не вернусь в суд, им уже ничто не поможет. По прошествии месяцев бесплотных поисков детективы отчаянно пытались подкупать людей, предположительно располагавших информацией о моем местонахождении. Они предлагали оплатить долги, путешествия в жаркие страны, ремонт, услуги юристов, ну и, конечно, говорили, что те «окажут Киту услугу» (смысл заключался в том, что я поскорее вернусь в тюрьму, быстрее отсижу свой срок и смогу как можно раньше начать жизнь заново вдали от экстремистских выходов). Меня искали и в английской глубинке, и в шотландской глуши, и даже в Швеции.

День побега стал радостным не только для меня. Победу праздновали три активиста, участвовавшие в Кампании за запрет удебного лова. Их арестовали в феврале. Они проезжали на машине неподалеку от Рединга, графство Бекшир. В багажнике они везли зажигательные устройства. Еще несколько гостинцев для экспертов-криминалистов. Мэриан Макдональд, Эда Шеппарда и Сэма Ремингтона обвинили в преступном сговоре с целью совершения поджога. Их даже не выпустили под залог. Но это, казалось бы, прозрачное дело, достигнув суда, очень быстро распалось и, к всеобщему удивлению, было торопливо закрыто.

Несмотря на кажущуюся убийственность улик против владельца и водителя машины, в конце процесса судья попросил в интересах правосудия раскрыть личность информатора, заблаговременно указавшего полицейским на эту машину и ее владельца. Подсудимые утверждали, что их подставили и что как раз информатор подложил им зажигательные устройства. Полиция отказалась его раскрыть. Из этого следовало, что обвинители не располагали доказательствами, которые заслуживали бы доверия, и подсудимых пришлось отпустить.

Вивиан Смит, которая отбыла два года из шести и которой отказали как в апелляции, так и в условно-досрочном освобождении, тоже не желала упускать свой шанс выйти на свободу. Она посещала колледж вне стен тюрьмы Холлоуэй и однажды вечером не вернулась. На ее арест выписали ордер. Это случилось летом 1993 года, и больше власти до нее не добрались. Для Бригады уничтожения ФОЖ этот побег стал еще одним пинком. В дальнейшем ситуация складывалась для них все хуже и хуже.

Они хотят, чтобы все перестали есть мясо. Это демократическое общество. Мы не мешаем им есть овощи.

Неизвестный мясник из Кембриджа

В то время как манчестерское дело зависло, в судах рассматривались новые. Одним из них был Белфастский процесс в Северной Ирландии. Восемью подсудимым предъявили серьезные обвинения. Их положение обостряли обвинительные заявления, которые они делали в ходе допросов. Тем не менее в этом случае, как ни в одном другом, было очевидно, что ярлык «терроризм» к ФОЖ неприменим.

В мае в Королевском суде Даунпатрика адвокаты пошли на сделку с обвинителями, и после снятия некоторых пунктов обвинения подсудимые признали свою вину по 23 другим. К их числу относились несколько несущественных правонарушений в духе битья окон и порчи имущества краской из баллона, девять крупных рейдов, включая поджог фермы с батарейной системой содержания, два поджога бройлерных сараев, поджог шести рыбацких лодок и офиса клуба рыболовов, поджог и причинение ущерба клубу охотников на зайцев рядом с Данганноном, причинение ущерба ипподрому для гончих в Норт-Дауне, попытка поджога магазина, торговавшего охотничьим оружием и капканами в Белфасте и попытка поджога машины охотника.

Дейва Нельсона обвиняли по 12 пунктам, включая четыре поджога и одну попытку поджога. Его приговорили к 3,5 годам тюрьмы. Он, как и все, изумился: ждал большего срока. Алистеру Маллену инкриминировали восемь пунктов обвинения, включая три поджога и одну попытку. Ему дали два года. Грэм Кемпбелл проходил по четырем пунктам, включая поджог и попытку. Он тоже получил два года; после подачи апелляции часть приговора ему изменили на условный срок. Керри Макки, Майкл Керр, Крис Робертс, Кенни Бернс и Гэвин Гурли обвинялись в менее серьезных преступлениях и были приговорены к исправительным работам. Малые сроки объяснялись тем, что для жителей взрывоопасного региона ФОЖ представлялся отрадой на фоне вооруженных религиозных конфликтов, изобилующих в североирландском обществе.

Следующим в суд попало дело о поджоге в Поттоне. В отсутствие Анджелы Хемп на скамье подсудимых оказались лишь два человека. Полицейские не собирались закрывать это дело. У них был запечатанный пакет, в котором находился элемент одежды, принадлежавший одному из троих активистов, на котором эксперты обнаружили крошечные осколки стекла с места преступления. Защита предположила, что обвинители манипулируют уликами, но убедить судью не удалось, и он принял доказательство к рассмотрению. В итоге Рики Ди и Аннет Тиббис получили по четыре года тюрьмы.

Октябрь принес в Манчестерский суд графства смуту. Длительные тюремные сроки все еще маячили в перспективе, и в этом не было ничего смешного, но люди в фойе посмеивались над прокурором, спрашивая его: «Вы не видели Кита, мистер Гудвин?». Кто-то даже разоделся в смешные футболки. Происходящее не было похоже на главный процесс монументального дела. Многие не могли сдержать смех. Я и сам смеялся, когда мне все это описывали. Джона Хьюза тоже нигде не могли найти и, чтобы положить конец бардаку, прокуратура сняла обвинение в заговоре, которое тянуло на 2,5 года. Полицейские все еще бросались обещаниями скорейшей отправки многих-многих людей на нары, но в это верилось с большим трудом. Обвинителям

оставалось лишь уповать на судью, страшного и ужасного мистера Эллиота. Все, что он мог сделать, — это поразить всех невероятными тюремными сроками, и он старался что есть мочи даже после того, как защита и прокуратура заключили сделку.

Клэр Раш, Макс Уотсон и Джон Марнелл признали себя виновными в сговоре и причинении ущерба в размере 15 тысяч фунтов 27 окнам мясных лавок. Их приговорили к двум, трем и трем годам тюрьмы соответственно. Терри Хелсби признал себя виновным в причинении 21-тысячного ущерба Райберскому зоопарку и повреждении шести окон в Ливерпуле. Ему дали три года за первое преступление и шесть месяцев за второе. Элисон Маккьюан признала себя виновной и была приговорена к двум годам за пособничество в причинении ущерба зоопарку (она взяла напрокат фургон, который использовали активисты).

Тюремные сроки, которые Эллиот дал женщинам, были совершенно непомерными, учитывая, что ни одна из них до этого не привлекалась к суду и обе играли крайне незначительные роли в акциях — ни одну из них даже не обвиняли в причинении ущерба как такового. Более того, у Макса Уотсона и Клэр Раш к этому времени уже родился ребенок. Дэниелу исполнилось 15 месяцев, а рядом с ним не было ни одного родителя. За два дня до приговора Клэр провела неделю в больнице с ребенком — он страдал от серьезного расстройства желудка. Только очень жестокий человек отправит в тюрьму молодую мать в подобных обстоятельствах. При этом ее вина заключалась в том, что она находилась на заднем сиденье автомобиля, пассажиры которого били окна в знак протеста против кровавых убийств миллионов живых существ.

Вынесение подобного приговора было грубейшим нарушением закона. Так сочли даже другие судьи. Вскоре после этого три судьи апелляционного суда согласились, что Клэр и ее сын были достаточно наказаны, и сменили наказание на 21 месяц тюрьмы (она уже отсидела их в ожидании суда) и два года условно. Теперь она могла воссоединиться с ребенком, «мальшешем-террористом», как его можно было бы назвать.

С Мэрилин Фейхи сняли все обвинения в причастности к незаконным группам в силу отсутствия доказательств того, что она знала о нахождении инструментов в ее амбаре, используемом другими людьми. Джона Моргана обвиняли в хранении рогатки и намерении использовать ее с целью порчи чужого имущества и приговорили к шести месяцам тюрьмы и двум годам условно. Райан Хопкин вменили в вину причинение ущерба в размере 800 фунтов яичной ферме с батарейной системой содержания в Девоне и освободили условно. Эллиот был бледен от ярости; он отчаянно хотел отправить ее в тюрьму, но она провела в заключении 10 недель после Рождества, а за незначительные правонарушения больше не сидят, поэтому даже судья не мог ничего сделать. Он дулся и ворчал про «брешь в законодательстве», позволившую Райан «избежать надлежащего правосудия».

Чудилом Эллиотом овладел гнев. Он позволил эмоциям вырваться наружу. Он серьезно недолюбливал меня, это было что-то нездоровое. От мысли, что однажды я буду стоять перед ним, выслушивая приговор, его всего трясло. Люди, которые были свидетелями этих проявлений помешательства, неоднократно рекомендовали мне избегать Эллиота. Я старался!

Он много говорил об «экстремизме» и «одержимых фанатиках». Он обвинял меня больше всех остальных, утверждая, что мне не хватает сознательности и раскаяния в связи с тем, что это якобы из-за меня все они оказались на скамье подсудимых. Очевидно, что каждый обвиняемый оказался там из-за поступков, совершенных исключительно по собственной воле. Эллиот не захотел признать, что именно в виду моего отсутствия эти люди избежали более суровых наказаний.

И речь здесь не о нашей одержимости. Дело в изменении отношения к слабым и беззащитным, в отказе от ставшего будничным насилия. В отстаивании права получить безопасное и эффективное медицинское лечение. В праве протестовать. Речь о лгущих политиках и недостатке свободы. О том, что пушных зверей в клетках кормят исчезающей рыбой, а травоядных — мясом, и закалывают антибиотиками. Речь о гное в молоке и вреде, который коровье молоко несет здоровью человека. Речь о ливневых лесах, вырубаемых для расчистки новых мест для выпаса сельскохозяйственных животных, о создании чистой окружающей среды. Речь о том, чтобы вести себя ответственно и честно и открывать людям свободный доступ к информации. Дело не только в животных; их эксплуатация имеет многогранное значение для всех нас. Об обществе можно судить по его отношению к животным. Так сказал Махатма Ганди, но Эллиот был слишком ограничен, чтобы это понимать.

Все знали, что его не устроит исход дела. Приговоры были суровыми, но недостаточно суровыми, чтобы его удовлетворить. По итогам очень энергозатратного процесса, обошедшегося налогоплательщикам в несколько миллионов фунтов, посадить удалось лишь шестерых (и то они получили меньше, чем по четыре года), четверо бесследно пропали, а остальным удалось избежать тюрьмы. Со стороны казалось, что исход дела был для обвинителей малоприятным. Но в то же время и мы мало чем могли похвастаться.

К счастью, десятки активистов не сели под замок, но власти успешно разрушили некоторые очень эффективные боевые ячейки, отправив нескольких людей, чудом избежавших тюрьмы, на пенсию — прибегать к прямому действию для них теперь уже было бы очень опасно из-за возможной слежки. Некоторые нашли другие пути выхода энергии в той же борьбе и сражались, пригнув голову. Некоторые решили, что осмотрительным будет сделать перерыв на какое-то время и в результате законсервировались в своих личных жизнях, растеряли контакты с остальными и уже не смогли вернуться на передовую. Другие нашли хорошую работу, взяли ипотеку или завели детей. Кто-то залег на дно, чтобы появиться в нужное время. Это своего рода игра, битва сценариев жизни. Серьезная, но редко смертельная. Между тем для животных она смертельно серьезна.

Снова в тюрьме. Правосудие для Кита Манна!

Доброта ко всем Божьим созданиям — это абсолютная, фундаментальная необходимость, если мы хотим, чтобы воцарились мир и справедливость.

Сэр Уилфрид Гренфелл¹

Я сбежал всего через несколько недель после смерти Тома Уорби. Жизнь беглеца была прекрасна. Меня звали Йен. Я воспринимал каждый из дней, которые при иных обстоятельствах провел бы в тюрьме, как подарок, но это не было простой отсрочкой неминуемого. Требовалось еще и провести это время с пользой. У меня, как и у «Сэм», были соображения относительно пары местечек. Но мы пытались вести себя спокойно и, как нам советовали, не рисковать, а заниматься тем, чем мы могли. Это означало работу в приюте.

Через несколько недель мы перебрались из Уилтшира в Суссекс, в еще одно место, где требовались помощники. Мы связались с парой друзей, которые помогли нам деньгами и контактами. Нам очень везло, и мы знали это. Но мы также знали, что это лишь вопрос времени, когда нас выследят или задержат. Не имея ни возможности, ни желания найти «нормальную» работу, мы довольствовались скромными суммами, но работа в приюте помогала сокращать расходы — по крайней мере, не приходилось платить за жилье. Не все могут себе позволить спонсировать беглецов от правосудия, но есть люди, готовые обеспечить убежище и еду для зоозащитников в бегах.

Не секрет, что одни приюты для животных лучше других, и, к нашей радости, тот, которым заправляла Селиа Хаммонд рядом с Гастингсом, был одним из лучших. Он не просто располагался в хороших постройках и неплохо финансировался, но и был окружен красивейшей природой, и большую часть времени здесь никого, кроме нас, не было. Разумеется, никто не знал, что мы здесь. Селиа была супермоделью в 60-е, но отказалась от сомнительной кошачьей походки в пользу спасения кошек. Сейчас ее глубоко уважают за энергию и сострадание, а не за ее грудь. Впервые ее внимание к судьбам животным привлекла дикая кошка, оказавшаяся в заточении в одном лондонском доме, брошенном владельцем. Преследуемая отчаянными криками животного, Селиа забыла о карьерных обязательствах, взломала дом и спасла кошку, которая иначе умерла бы. Этот момент изменил ее жизнь. Все эти сессии для Vogue, светские мероприятия с поп-звездами и актерами, интервью и портреты для лучших изданий — все утратило значение. Она нашла на рынке огромную нишу для женщины с талантами.

Здесь не было денег или по крайней мере больших денег в сравнении с доходами супермодели. Наоборот, заботиться о других стоило ей всего, что она имела, но это стало неважным, когда ей открылись беды бесчисленных диких кошек, борющихся за выживание на задворках, заводах и строительных площадках Лондона. После того случая Селиа поняла, что ничего, кроме ее желания помогать конкретно этим животным, не имеет смысла.

Должен сказать, никто из нас не имел понятия, кем раньше была Селиа Хаммонд; вообще, мы подумали, что она окажется претенциозной фифой, подобно многим людям ее профессии, которым присуще чрезмерное самомнение. Учитывая ее заслу-

ги перед миром моды, было бы удивительно, если бы она не мнила себя бог знает кем, но завышенная самооценка — это явно не про нее. Мы встретились в ее приюте и встретили родную душу. Через несколько недель после переезда в ходе уборки на чердаке мы обнаружили кое-какие ее портфолио, оставшиеся от прежней жизни. Это были целые залежи! Но ее приверженность делу спасения кошек была больше. Селия посвящала этому всю себя, оставив прошлое далеко позади. То, что она нашла время для встречи с нами, было для нее чем-то вроде достижения, потому что все свое время она тратила на ловлю бродячих кошек.

Как Йен и Сэм, мы поселились в большом обособленном доме на ферме под названием «Зеленые акры». На протяжении нескольких месяцев мы заправляли приютом, как своим собственным, ухаживая за 300 кошками и множеством других разнообразных животных. Селия не знала, кто мы, и она тактично не спрашивала об этом, потому что ее приоритетом являлась забота о животных, которая не была показной в отличие от многих ее публичных коллег. Большую часть времени мы были предоставлены сами себе. Селия не задавала много вопросов. Она все время была занятой ловлей кошек, если не на стройплощадках и в подвалах Ист-Энда, то где-то еще.

Не страшась походов по трущобам Лондона в 2 часа ночи и жертвуя сном, она спасала жизни ежедневно, возвращаясь в «Зеленые акры» только для доставки кошек. Им потом подыскивали хорошие дома. Здоровые направлялись в ветеринарную клинику, которую Селия открыла в Лондоне. Там их стерилизовали и, если все было в порядке, возвращали в естественную для них среду, то есть на улицу. Таким образом Селия стремилась не только уберечь кошек от опасностей, но и сократить чрезмерно разросшуюся популяцию животных, борющихся за выживание в урбанистическом мире. Селия постоянно искала финансовую поддержку для осуществления своей программы, в том числе обращалась в Совет RSPCA, в котором она состояла. Там она встречала не только равнодушие к этой проблеме, но и откровенное сопротивление со стороны некоторых местных ветеринаров и даже руководящих органов.

Многие ветеринары были агрессивно настроены по отношению к ней как к женщине с собственными соображениями и решимостью держать клинику, которая составляла серьезную конкуренцию их бизнесу своими низкими расценками на кастрацию животных. Это позволяло людям с низкими доходами предотвращать размножение своих животных, чтобы не плодить нежеланных зверей. Один-два ветеринара даже угрожали Селии, потому что ощущали, как дешевая стерилизация бьет по их кошелечку. Эти ветеринары, а также некоторые высокопоставленные люди в RSPCA делали все, чтобы усложнить жизнь Селии, вплоть до того, что перебивали цены на помещение, которое она хотела купить. Однако она полностью сфокусировалась на этом деле, завоевала симпатию владельца и теперь владеет двумя клиниками. В ее планах открыть и третью. Селии удастся делать то, что крупнейшая зоозащитная благотворительная организация никогда даже не пыталась делать. Позор. RSPCA не заслуживает своих регалий.

Не сумев помешать Селии в открытии клиник, эти люди ограничили возможности врачей стерилизацией на уровне закона. Им не разрешалось проводить какие-либо другие операции или назначать лечение. Воистину, с такими «друзьями», как RSPCA, животным не нужны враги.

Мы с Анджи провели в «Зеленых акрах» примерно год, пока нас не выследила полиция. Их было много, дело было очень ранним утром. Первым сигналом стал звук бьющегося стекла в 6 утра. За ним последовал стук тяжелых ботинок орущих мужчин. Дурной знак. Полиция. Вскочив с кровати и выглянув в окно, я увидел полицейских в 305

форме и бейсбольных кепках с собаками, стоящих в поле и окруживших дом. Я знал, что это конец. Я повернулся к Анджи, она была еще в кровати. Она тоже все поняла. Все хорошее когда-то кончается. Мне стало худо. Мы были так счастливы здесь.

Они напрасно вышибали двери в доме, потому что мы не закрывали их на ночь. Они могли просто повернуть ручку, войти и арестовать нас в постели. Но поскольку они выбрали сложный путь, у нас было время хотя бы одеться, пока они носились и орала по всему дому. Бегая и вопя: «ПОЛИЦИЯ! ОФИЦЕРЫ ПОЛИЦИИ!» — они ненароком пропустили нашу комнату на первом этаже, что позволяло смыться снова. Анджи инстинктивно подумала о животных. Питомник был набит кошками, и некоторые звери были изолированы: кто-то болел гриппом, кто-то — лейкемией, кто-то оправлялся после операции. При этом повсюду шныряли полицейские собаки и собаки Анджи — ее детки, — выпущенные этой буйствующей толпой мужиков, сносящих все на своем пути. Собаки лаяли и ломали двери. После всего этого хаоса бесследно пропали некоторые кошки.

Прекрасно понимая, зачем явились полицейские, я не мог поверить своей удаче, увидев, что дверь во двор распахнута, а на пути никого нет. Мы ринулись наружу. В доме были еще люди: пара помощников, девушка из Голландии по имени Каролина, приехавшая, чтобы учиться уходу за животными и изучить, как функционируют приюты в Великобритании, и Селия, прибывшая из Лондона с парой кошек буквально за час до этого, чтобы вздремнуть часок-другой и вернуться в столицу. На нее, как и на всех остальных, нарычали, после чего надели наручники и арестовали. Я пробежал по дому, выскочил в лес и вдруг услышал за спиной чей-то крик: «СТОЙ! ПОЛИЦИЯ!» Я понял, что этот полисмен может стать проблемой — у него была собака. Меня бы не остановил никто, кроме этой немецкой овчарки, скакавшей вслед. Крупная и шерстистая. Я думал, что она настигнет меня и вцепится в руку, но по какой-то причине она обогнала меня и остановилась, как бы оставляя мне право выбора. Как будто она была на моей стороне, но делала свою работу. Бизнес, ничего личного. Я не знал, куда деваться, и собака, смотревшая на меня, очень не хотела, чтобы я что-то придумывал. Меня снова арестовали, и вскоре я оказался в очень надежно защищенной тюрьме.

Комиссия RSPCA почти в полном составе постановила, что Селия Хаммонд — экстремистка, несмотря на всю ее преданность делу и самопожертвование. Однако теперь Общество должно было смириться с тем, что как минимум два его члена были тесно связаны с ФОЖ. Робин Уэбб этого не скрывал, а Селия стала случайной сообщницей.

Всех, кроме меня и Анджи, отпустили без предъявления обвинений в течение 24 часов. Нас же допросили по множеству других правонарушений, и меня позднее обвинили в хранении взрывчатых веществ при подозрительных обстоятельствах. Под взрывчатыми веществами подразумевались бочонок хлората натрия (средства для борьбы с сорняками) и фейерверки, под подозрительными обстоятельствами — выписанные в блокнот имена и адреса угнетателей животных. Анджи отправили в тюрьму Холлоуэй в Лондон для ожидания слушаний, а меня этапировали в «Неисповедимые пути» в Манчестер, отремонтированную после мятежа. В итоге мне дали одиночную камеру, как заключенному категории А и известному беглецу. Мне надлежало носить желтую тюремную робу.

На протяжении нескольких месяцев Анджеле Хемп угрожали и предлагали различные варианты сотрудничества, чтобы решить ее сложные проблемы с законом, каждая из которых означала продолжительный тюремный срок. Через пять месяцев после ареста она оказалась в суде. Если учитывать, что ее соучастники получили по

четыре года за попытку поджога фургонов с мясом, и они перед этим не сбегали, а также принимая в расчет три других предъявленных обвинения, можно было предположить, что она получит от четырех лет тюрьмы. Но, в отличие от товарищей, она призналась в попытке поджога и получила скидку: ей дали три года. Льготный тариф за признание вины. По делу о погромах в Додлстоне она получила шесть месяцев плюс шесть месяцев за нарушение правил освобождения под залог. Обвинения в краже со взломом на ферме Лондри в составе экспедиции ALIU были сняты, несмотря на то, что Анджела призналась в содеянном и была поймана с поличным. Получилось всего четыре года. Хороший итог.

Мне бы никто не дал сбежать снова, а если бы и вышло, от меня бы все шархались, как от прокаженного. Власти любят так делать. Взять хотя бы нацистов, заставлявших евреев ходить с желтой звездой. В тюрьме Ее Величества, однако, желтая роба — это что-то вроде престижного статуса. Моя униформа не слишком хорошо на мне сидела в отличие от другой выданной одежды. Заключение категории А — это преступники, которые классифицируются властями как особо опасные и угрожающие либо обществу, либо полиции, либо государству. Они никогда бы не смогли сказать, кому угрожаю конкретно я или как я это делаю, но мой статус означал, что меня всюду сопровождали служащие и мне были запрещены посещения, если посетителей предварительно не одобрила охрана, полиция и МВД, что нередко занимало месяцы. Кандидатуры всех моих старых друзей немедленно отвергались, вне зависимости от того, имели они судимости или нет. Никто не объяснял причин. Чтобы оправдывать это, надзирателям достаточно было сослаться на «меры безопасности».

Желая обойти запреты, я просил друга-заключенного оставлять заявки на людей из черного списка, составленного для меня, на тот же день, на который я приглашал людей, дозволенных администрацией. Мы просто сдвигали столы и наслаждались одним большим посещением. Это продолжалось месяцами, и никто ничего не понимал и не имел против.

Я мало чем занимался следующие несколько месяцев, пока полиция решала, как со мной поступить. Я лежал в пустой, холодной камере и осознал, что я взаперти надолго, но именно эту участь я предпочел пассивному существованию. Я переживал за Анджи, Селию и других арестованных. Как они нас нашли? Не оставили ли полицейские после себя «жучков» в приюте? Все ли будет в порядке с животными? Бедные собаки. Они так наслаждались прогулками, они всегда были со своей любимой хозяйкой, и вдруг она исчезла! Не видеть их годами было худшим наказанием для Анджи. И как мне самому было из всего этого выбирать? Куча вопросов и никаких ответов. Мало что могло заставить чувствовать себя хуже, когда неожиданно начали поступать хорошие новости, которые смогли смягчить тяжесть удара и помогли мне получить удовольствие от следующих нескольких недель.

В результате рейда ФОЖ в центре разведения лабораторных животных в Бэттлбридже, графство Эссекс, были освобождены 100 морских свинок. Эту акцию налетчики посвятили мне и Анджи. Именно в нашу честь был причинен 10-тысячный ущерб автопарку перевозчиков мяса в Ланкашире. Для меня эти известия стали куда более приятными знаками внимания, чем открытка с добрыми словами или букет цветов; даже более приятными, чем коробка веганских шоколадных конфет. Правда!

Пару месяцев спустя, обойдя усиленные меры безопасности, активисты вернулись в Бэттлбридж и освободили всех животных, оставшихся в одном отсеке: 15 кроликов, 98 крыс, 54 хомяка и 52 морские свинки. Они забрались через крышу лаборатории Технологического колледжа Северо-Восточного Суррея.

Каролина явно хотела быть опорой для животных, и я продлил ее пребывание в стране на неопределенный срок, потому что кто-то должен был заботиться о приюте, когда нас арестовали. Ей помогли наши старые друзья, на которых всегда можно было положиться. В конечном счете Каролина вернулась домой и основала голландскую Группу поддержки ФОЖ. Сейчас она работает в реабилитационных проектах для приютов. Для кого-то она экстремист, но для общества в целом — драгоценность.

Ронни Ли вышел из тюрьмы. Он отсидел 6 лет и 8 месяцев из своего 10-летнего срока и теперь искал, в какой бы кампании принять участие. Никто из членов ФОЖ прежде не получал столь длительного срока, и все равно он вышел из заключения таким же сильным, уверенным и бескомпромиссным, каким был. Он вдохновлял других, тех, кто боялся, что пребывание в тюрьме сказывается на нормальном человеке негативно. Я был в зале суда, когда ему зачитали приговор, и тогда 10 лет казались вечностью, но вот все и закончилось, причем раньше положенного. Я знал, что меня долго не будет на свободе, и радовался, что Ронни увидел свет в конце тоннеля. Теперь он работает в программах спасения гончих, ликвидируя эффекты, которые индустрия бегов оказывает на их здоровье.

Потом в результате согласованной кампании последний дельфинарий в Соединенном Королевстве, базировавшийся в парке Flamingoland в Йоркшире, выпустил своих узников. Сказалось усиленное давление на руководство предприятия. Активисты испробовали все мыслимые тактики, чтобы известить менеджеров, которые, как обычно, прибегали к насилию. Этим они, разумеется, только усугубляли ситуацию, гарантируя продолжение кампании до победного конца. Для зоозащитников это стало делом привычки. Когда дельфинарий закрылся, последний выступавший с шоу дельфин Бразилии был выпущен в океан и вернулся в то самое место, где его выловили рыбаки девять лет назад. Это стало сенсацией.

В ноябре 1992 года газета Today напечатала историю о двух поджогах, совершенных активистами ФОЖ в Дрифилде и Хамберсайде: один — на свиноферме, в рамках другого огонь уничтожил семь холодильных фургонов, принадлежавших птицефабрике. Материал иллюстрировало изображение обломков. Холодных и мертвых. Заголовок? «ФОЖ сжигает кур живьем». Текст статьи соответствующий. Ох, как же они умеют изгаляться!

ФОЖ также атаковал конуры в Линкольншире и освободил 11 собак, которых использовали для охоты на барсуков. По милости властей их вернули браконьерам. В Лондоне активисты выкрали 150 кур с халяльной скотобойни на Лейден-стрит, разлив повсюду креозот и масло, таким образом доведя число кур, спасенных в рамках четырех атак, до 300. Между тем с фермы в валлийском Лампетере похитили 57 собак и 7 кошек. Компания Nulune Rabbits лишилась еще 87 кроликов в Чeshire.

Мое дело между тем в 1994 году перевели в Олд-Бейли. Судьей был все тот же Эллиот, и он уже рвался с поводка. Адвокат сказал, что я могу рассчитывать на срок от 12 до 18 лет! Прокуратура хотела избежать длительного процесса и вообще не была в нем заинтересована, поэтому у нас был определенный простор для маневра. Перед полицией стояла непростая задача привезти всех своих свидетелей в Лондон для показаний и разместить их в столице; большинство из них были разбросаны по стране, а их показаниям исполнился уже не один год. Могло всплыть множество разоблачающих власти сведений, но и мне тоже вся эта ситуация сулила проблемы, особенно если бы меня признали виновным по всем пунктам, что было вполне вероятно. Поэтому после продолжительных обсуждений с моей командой юристов я согласился на сделку. Оглядываясь назад, я могу предположить, что, возможно, это было ошибкой.

Частью сделки было исключить из процесса Эллиота. Я ясно дал понять, что даже не явлюсь в суд, если он будет участвовать. У меня были кое-какие козыри на руках в тот момент, и я пустил их в ход. Мы приготовили целое досье с аргументами в пользу того, почему он не должен судить это дело. В него был включен и тот факт, что в круг интересов Эллиота входило то, с чем я боролся, а именно охота (у него даже была своя свора биглей), рыбалка и стрельба. Кроме того, за месяц до начала слушаний он председательствовал на процессе по делу активистов ИРА и прервал адвоката, когда тот спросил агента М15¹ о будущем спецслужб, если в Ирландии воцарится мир. Эллиот сказал: «У меня есть предположение: Фронт освобождения животных заслуживает самого пристального внимания — это как раз мой следующий процесс». Он был очень возбужден.

Эллиоту представили это убедительное досье, но он отмахнулся от него. Я согласился признать свою вину в хранении взрывчатых веществ — 4,5-килограммового бочонка гербицида, двух фейерверков, веществ для разведения огня и сахара — ингредиентов зажигательного устройства, с которыми я экспериментировал. Кроме того, к делу был приложен список с именами и адресами угнетателей животных. Я также признался в подстрекательстве к совершению преступных действий, побеге из заключения и причинении 6-тысячного ущерба. За все это я требовал заменить Эллиота другим судьей. Прокурор согласился. Остальные обвинения были сняты. На открытии судебного процесса Эллиот объявил о том, что не может судить это дело, потому что должен быть на другом; правда заключалась в том, что он бы небо обрушил на землю, лишь бы разделиться со мной, просто ему не дали.

19 декабря 1994 состоялось первое судебное заседание в Олд-Бейли. Заседания в этом суде с трудом пережили многие серьезные преступники. Какого черта здесь делал я?! Эллиота сменил Стивен Митчелл, которого мой адвокат характеризовал как «честного человека», но под конец дня я не был в этом уверен. Полный оптимизма, я попросил его ознакомиться с книгой Ганса Рюша² «Обнаженная императрица» и особенно с иллюстрациями в ней. Я надеялся, он поймет, какими мотивами я руководствовался, когда составлял список людей и предприятий, ответственных за те ужасы, которые были графически отображены в книге. Митчелл взял книгу, полистал, отложил и начал читать свою лекцию:

«Все эти правонарушения были совершены с очень серьезной целью — целью защиты животных и их прав, целью, которая, как вы должны знать, близка сердцам миллионов жителей этой страны. В отличие от вас и тех, кто мыслит так же, как вы, большинство людей старается облегчить страдания животных, действуя строго в границах закона. Впрочем, многие в своем энтузиазме действительно опускаются до криминальной деятельности, но вы и люди, подобные вам, преднамеренно и целенаправленно делали выбор в пользу тактик, которые часто становятся отличительными признаками терроризма. Многие сказали бы, что своим поведением вы предали саму цель, ради которой вы делали то, что делали. Это тяжкие преступления. Вы и ваши единомышленники должны понимать, что как бы благородны ни были ваши цели, подобные преступления будут строго караться».

¹ М15 — британская служба контрразведки.

² Ганс Рюш (1913–2007) — швейцарский писатель, гонимик, актер, отец антививисекционного движения. Автор таких книг, как «Обнаженная императрица, или Большой медицинский обман» («Naked Impress, or The Great Medicine Fraud»), «Убийство невинных» («Slaughter of the Innocents») и «1000 (и еще много) врачей против вивисекции» («1000 (and Many More) Doctors Against Vivisection»).

Он заявил, что принял во внимание мои признания и тот факт, что от моих рук никто не пострадал; кроме того, он сказал, что получил несколько писем от свидетелей, включая Селию Хаммонд, и они его впечатлили. Он добавил, что выносит приговор мне не как лидеру, а как человеку, который, он уверен, является «самоотверженным, безжалостным, занимающийся только подобными вещами активистом, чьей целью было нанести серьезный экономический урон легальным предприятиям». На этом основании он приговорил меня к 14 годам тюрьмы!

О каких тяжких преступлениях шла речь? Я изложил кое-какие мысли на бумаге, поразмышлял над тем, как бы кое-что поджечь, напал на три фургона, перевозивших мясо, и сбежал из мест заключения. Разве такие дела пачками не проходят через суды каждый день? Разве это не ненасильственные преступления? Однако я ожидал, что буду примерно наказан, поэтому приговор не стал для меня громом среди ясного неба. Если угодно, я даже воспринял это как комплимент. Это было лучшим вознаграждением за все мои усилия, самым наглядным доказательством эффекта от моих действий. Это было грубое нарушение закона, и оно прошло по движению ударной волной. Удалось ли властям добиться того, чего они ожидали добиться? Устрашил ли мой пример других людей, выступавших против угнетения животных и понимавших, что им ничего не остается, кроме как нарушать закон? Явно нет...

Я подал апелляцию против приговора. Параллельно была запущена кампания «Правосудие для Кита Манна», размах которой невероятно согрел мне душу. Мы стали свидетелями широкомасштабной поддержки общественности, заступившейся за меня — злобного отморозка, терроризировавшего мирных жителей. Стало очевидно, что, несмотря на все жуткие заголовки и страшилки, пропаганда истеблишмента не работала: слишком уж многие люди со всех концов света из различных социальных слоев и возрастных групп объединили усилия, чтобы предложить свою поддержку и продемонстрировать несогласие с приговором. Они завалили мою камеру корреспонденцией.

Кампания оказывала скоординированную и фантастическую поддержку и заставляла все движение гордиться собой, как это делала Группа поддержки ФОЖ и Группа поддержки веганов-заключенных, сформированная специально, чтобы помочь мне и Анджи в решении бесконечных проблем с нашим тюремным питанием. Группа должна была сослужить службу всем освободителям животных в заключении и способствовать тому, чтобы пища веганов в тюрьме улучшилась, а сами они получили доступ к не теснованным на животных туалетным принадлежностям.

Перед зданием Королевского суда в Лондоне прошли две крупные демонстрации. Одна была приурочена к подаче моей апелляции, другая прошла в день ее рассмотрения. Оба раза присутствовали около 400–500 человек. Я очень-очень гордился тем, что видел и слышал. Я очень-очень гордился тем, сколько людей поддерживало меня. Эта помощь была бесценной.

Мои интересы представлял королевский адвокат Майкл Менсфилд, в мою пользу высказывалась Селия Хаммонд, офицеры, курировавшие мои дела при условно-досрочном освобождении, петиция с 6 тысячами подписей, епископ Дувра и другие. Год спустя после вынесения приговора судьи апелляционного суда взяли назад слова своего коллеги и назвали 14-летний тюремный срок «явно чрезмерным», сократили его до 11 лет.

До того, как я узнал об угнетении животных в его многочисленных, омерзительных вариациях и приказал себе действовать, я бы горы свернул, лишь бы избежать тюрьмы, но прошло время, и вот я был вознагражден за все, что сделал, и рад этим 11 годам...

Каждый из нас имеет право на собственное мнение. Все мы Божьи твари вплоть до старого доброго помидора, который режут пополам и бросают на сковороду.

Владелец мясной лавки с выбитым окном (объясняя почему он относится к животным, как к овощам)

Экспорт живых животных. Чисто английское несогласие

За шесть недель зимы 1994 года три значительных события потрясли движение, объединив его разрозненные элементы в одну мощную силу. Первым было судилище в Олд-Бейли, вслед за которым двумя неделями позднее поднялось движение против экспорта скота. Все началось с крошечной искры в южном порту Шорема в Суссексе, когда вечер протеста закончился цепной реакцией по всей стране, вовлекшей в движение тысячи людей, многие из которых никогда до этого не протестовали. А потом произошло еще одно жестокое убийство. И жертвой стал так называемый экстремист.

Борьба с экспортом живых животных традиционно была прерогативой RSPCA и «Сострадания в мировом животноводстве» (CIWF)¹ и обращала на себя внимание благодаря таким людям, как Джоанна Ламли² и Селия Хаммонд. Вопрос об освобождении животных не ставился, речь шла лишь об облегчении их страданий. То, что еще совсем недавно считалось второстепенной проблемой ввиду прибылей от убийства животных на британских скотобойнях в сравнении с экспортом, стало яростной битвой для целого движения. Естественно, я воспринимаю проблему о «благопристойности» забоя в Великобритании так же, как любой, кому известны способы убийства животных. У меня нет никакого желания видеть, как животное убивают здесь, а потом переправляют его труп за рубеж, чтобы там его съели. Велферисты, однако, требуют именно этого. Это повергает меня в логический ступор, потому что я-то думал, что скотобойни — это по определению места жестокости, куда ни одно животное не должно попадать ни при каких обстоятельствах.

Велферисты умудряются публично и слезливо протестовать против экспорта живого скота на бойню и при этом употреблять пищу из этих зверей, параллельно получая деньги от Скотоводов и Ко за рекламу продуктов животного происхождения и проявляя тем самым лицемерие и двойные стандарты. Им плевать на эксплуатацию животных. Одна из этих завсегдаев СМИ — женщина, которая называет себя «любительницей животных» и позорит этот статус, снимаясь в рекламе молочных йогуртов с добавлением желатина. Инспекторов RSPCA, в свою очередь, сняли на камеру грызущими части тел животных в ходе бросающих в дрожь объездов поголовья британского скота, попавшего на скотобойни континентальной Европы. Какие шансы остаются у животных при таких представителях?

¹ *Compassion in World Farming* — международная благотворительная организация со штаб-квартирой в Великобритании, основанная в 1967 году молочным фермером Питером Робертсом в ответ на рост промышленного скотоводства. CIWF всегда ставила перед собой такие характерно велферистские задачи, как «продвижение наиболее гуманных к животным практик содержания» и «популяризация всего, что способствует благосостоянию сельскохозяйственных животных».

² Джоанна Ламли (р. 1946) — британская актриса и фотомодель.

Это поразительное лицемерие распространено среди велферистов повсеместно: CIWF выступают за то, чтобы заботой животных в Соединенном Королевстве не заканчивался, и предлагают в своем «Руководстве для сострадательного потребителя» покупать «органические или выращенные на свободном выгуле мясо, молоко и яйца», дабы «помочь растущему числу сельскохозяйственных животных наслаждаться свежим воздухом и светом солнца» (до того дня, конечно, как их погрузят в фургоны и отвезут на бойню). В этом смысле неудивительно, что в сентябре 2006 года CIWF открыто поддержала потенциальное возрождение забоя телят в Великобритании, утверждая, что это гуманно, особенно органическая версия ферм. Когда же любители мяса из животных на свободном выгуле и здоровом питании поймут наконец, что все это одна большая ложь; что с забоем скота в силу привычки сопряжено ужасное насилие; что животные — это плохой источник питания; что скотобойни — дерьмо; что производство мяса вредит экологии?

RSPCA пошло еще дальше и привело зоозащитников в замешательство своим продвижением продуктов животного происхождения с маркировкой «Пища свободы», производство которой, по словам Общества, «улучшает жизнь максимально возможного числа животных» — животных, которые проживают короткие, жалкие жизни и умирают насильственной смертью. Вы можете помочь им, выбрав понравившийся вариант из серии «Рецептов пищи свободы от знаменитостей», которая представляет собой сборник отталкивающих кулинарных затей. Как сказал один граф, президент Ассоциации деревенских джентльменов, «вместо того, чтобы превращаться в организацию оптового забоя, RSPCA надлежало бы занять более позитивную позицию относительно предотвращения роста разведения скота... RSPCA также оказалась совершенно неэффективной против разрастающегося скандала вокруг вивисекции и проведения повторных экспериментов на животных».

Так как же вышло, что движение за освобождение животных ввязалось в масштабную общенациональную битву против экспорта скота? Как получилось, что некоторые из радикальных активистов сражались на улицах плечом к плечу с велферистами, будто бы желая, чтобы животных убивали на бойнях в Великобритании?

3 января 1995 года около 200 человек, включая многих местных жителей, стояли с акцией протеста в порту Шорема на южном побережье. Едва ли общество могло игнорировать проблему долго, учитывая, сколько люди наблюдали сцены, напоминавшие события 1940-х годов в Европе — огромные грузовики с грудными телятами проезжали всю набережную Брайтона в доки — через самое сердце родины движения за освобождение животных. «Большие черные носы и печальные глаза преследуют тебя, ища утешения. Они торчат из каждой дырки в перевозчике и ты видишь их, когда идешь на пляж». Такую фразу не встретишь в брошюре, ее можно только услышать от ближнего, который не смог отвернуться от этих несчастных сирот.

Акции протеста сами по себе не были чем-то из ряда вон выходящим, потому что первое время оппозиция не имела достаточных сил. Управляли процессами в основном группы подобные Коалиции за права животных на юго-востоке, Благотворительной организация в помощь животным Восточного Кента и CIWF, но внутри этих масс происходило какое-то брожение, и никто не мог предположить, что дело обернется тем, чем обернулось. Все началось с гонок, в которых участвовали крупнейшие велферистские группы, стремившиеся выследить самые длинные маршруты перевозок животных по стране; подобные поездки уже считались давно и хорошо задокументированным кошмаром. Вслед за выходом передачи «Мир в действии», показавшей кадры ледящих кровь путешествий, в ходе которых животные днями

не видели пищи, воды, отдыха и элементарного комфорта, CIWF проспонсировала лобби в парламенте. Истерические заголовки стали своего рода отражением эмоций общественности — не говоря уже о петиции, которую подписали 400 тысяч человек и представили Минсельхозу. Не обошлось без опасений, что запрет на экспорт телят в Великобритании лишь увеличит число животных, отправляемых за границу. Также выяснилось, что член парламента Уильям Уолдергрейв, глава Министерства сельского хозяйства, продовольствия и рыбной промышленности, сам вовлечен в торговлю грудными телятами.

В день первой акции протеста в Шореме в распоряжении властей оказались всего 50 полицейских. Их скверно экипировали, при этом отправив расчищать дорогу, заблокированную хладнокровными, злыми протестующими. Через полчаса после начала противостояния проигрывающей в численности полиции и нацеленных только на победу активистов, фургоны развернулись и уехали. Полиция объявила, что больше попыток пробраться в порт предпринято в этот день не будет. Про петиции можно было забыть, экспорту животных был положен конец. Как верно сказала позднее драматург и участник благотворительных кампаний Карла Лейн: «Железя привлек внимание общества к жестокости, эти люди сделали за несколько дней больше, чем люди вроде меня за годы мирных дискуссий».

Прошел слух о победе в Шореме, и ряды протестующих расширились. Следующим вечером собралось уже 300 человек всех возрастов, рас и вероисповеданий. Полиция Суссекса удвоила силы. Это означало, что они опять заведомо не могли предотвратить неизбежное, о чем на сей раз сообщили СМИ, назвав блокировку дороги анархистским восстанием и в красках расписав, как толпы атакуют плохо оснащенных констеблей. По новостям на следующей же день разлетелась фотография активиста в вязаной маске, стоящего на крыше грузовика, полного телят, и разбивающего лобовое стекло кирпичом. Но вместо того, чтобы отпугнуть обывателя, эта пропаганда в СМИ возымела эффект боевого клича, сплотившего людей. Ошибка прессы крылась в том, что новостные редакторы акцентировали внимание на «головорезах», а любители животных, велферисты, веганы и так далее обратили внимание на животных, которые покидали наши берега, чтобы отбыть на бойню. Их волновало именно это.

CIWF вновь превзошла себя, встав на сторону СМИ и осудив агрессивные действия, завершившиеся парой разбитых окон, а также проворство тех, кто сумел маневрировать между полицией и экспортерами, чтобы остановить жестокий бизнес. Руководство организации ужасала сама возможность того, что ее смогут ассоциировать с подобными людьми и фотографиями. CIWF свернула всю атрибутику и заявила, что отныне не желает иметь ничего общего с организацией демонстраций. Она призвала своих сторонников не посещать подобные акции и не участвовать в кампании протии экспорта животных. Местные активисты ответили на это скомканное послание сбором еще более масштабных протестных акций, напомнив, что эти мероприятия не имеют никакого отношения к CIWF. Это началось буквально на следующий день, когда число активистов выросло до 1000 человек, твердо решивших не пропускать фургоны. Внезапно кампания против экспорта скота стала чем-то существенным. Но почему?

После трех дней перекрытого экспорта и активного освещения в СМИ полиция оценила масштабы катастрофы, обходившейся предпринимателям в 200 тысяч фунтов в сутки, забронировала все номера в местных отелях и прислала 1500 офицеров из других частей, чтобы сбалансировать силы противостояния и гарантировать благополучный проезд фургонов. То, что было сделано потом, не укладывалось в голове.

Представьте себе отряд особого назначения, который колотит дубинками старушек, швыряет детей в стены, пинает семьи, сидящие на дороге. Представьте десяток мотоциклистов впереди полицейского спецназа, тесно сомкнувшего ряды и марширующего параллельно огромному каравану фургонов, набитых грудными телятами. Представьте полицейских, гребущих в шлюпках, и полицейских ныряльщиков в порту, которые должны убедиться в том, что корабли с телятами беспрепятственно покинут территориальные воды... Очевидцы всех этих сцен никогда уже не смогли их забыть. Полиция Лондона многому научилась у блюстителей Суссекса по части того, как расправляться с несогласными. Нехватки офицеров в резерве, который, если что, можно было привлечь к наведению порядка на разъяренных кампусах, не ощущалось. Битвы продолжались часами, днями, неделями, месяцами. Полиция произвела более 300 арестов. Многие протестующие получили ранения. Это был сигнал к действию для всей центральной Англии.

Акции протеста простерлись далеко за пределы Шорема во все места, откуда экспортировали животных — Брайтлингси в Эссексе, Плимут в Девоне, Довер в Кенте, Ковентри в Уорикшире. Если Шорем был Откровением, то Брайтлингси стал Вторым пришествием. Этот городок в графстве Эссекс объединил 2 тысячи человек, собравшихся в порту, чтобы заблокировать экспорт животных. При тогдашней численности населения в 8 тысяч это был немалый процент небезразличных жителей. На телевизионных экранах планеты мелькали сцены, в которых полиция Эссекса, имевшая репутацию самой свирепой после лондонской, налетала на мирных граждан, сидевших на дороге к пристани в попытке помешать грузовикам со скотом покинуть страну. Действия властей были так агрессивны, что один таблоид даже назвал полицейских наемниками на передовице.

У Деррика Дея, немолодого активиста-ветерана, случился сердечный приступ, и он умер в ходе одного из столкновений протестующих с полицейскими Эссекса вскоре после того, как устроил последним выволочку за их грубость.

76-летнего Роджера Сира смерть настигла в Шореме. Окна его дома выходили на пристань, и это означало, что он мог дежурить, глядя на воду, высматривая, не придут ли корабли за телятами, и сообщать о происходящем другим активистам. Он играл важную роль в процессе, и фермеры знали это, поэтому пытались его запугать. Он говорил: «Я должен что-то делать. Я не могу стоять в стороне и думать о том, что ждет этих телят. Мне звонил человек и угрожал отравить моих кошек. Но такие трусы меня не остановят». Угрозы действительно не повлияли на действия Роджера, но, несомненно, стресс сказался на его здоровье, подкошенном воспалением легких, и он скоропостижно скончался пару месяцев спустя.

Речь шла уже не только о жестокости к животным. Речь шла о праве выражать протест, о том, чтобы бросить вызов ценностям так называемой демократии, и о том, что полиция грубо и неоднократно нарушала закон. Конечно, были люди, которым настолько претила мысль, что животных будут отправлять на какую-нибудь укромную скотобойню в Испании, что они предпочитали испытать на себе ярость полиции особого назначения, только бы животных убивали на территории Британии. Среди протестующих наверняка было и много веганов, людей, выступающих против любой эксплуатации животных и которые не готовы быть частью системы, заставляющей коров постоянно беременеть, чтобы они давали максимум молока; которая депортирует детей этих коров умирать в Европу в тесных деревянных загонах, по дороге кормя их едой с недостатком питательных веществ, чтобы мясо оставалось нежным.

При этом в числе протестующих были вегетарианцы и мясоеды, которые несли личную ответственность за участь этих телят и за страдания их вечно выделяющих молоко матерей. Новостные редакторы понимали, что миф об анархистском мятеже держится на честном слове и набросились на этих людей, обвиняя их в лицемерии, не забывая, однако, делать традиционный трюк — подрывать репутацию, выставляя мирных протестующих бесчинствующими имбецилами. Из этой смеси лжи и жульничества они и стряпали свои заголовки. В некоторых сообщениях говорилось, что дороги блокировали главным образом сторонники концепции NIMBY, не желавшие, чтобы фургоны проезжали именно по их городам. Где-то писали, что в Брайтлингси «борцы за права животных избили полицейского офицера». Потом выяснилось, что офицер сам налетел на зеркало заднего вида, но сколько из нас запоминают опровержения шокирующих известий, а не сами известия? Полиция уже всю бомбардировала повестку любого дня полоумными историями про отравление детей, терроризм в жилых районах, сожжение кур заживо, убийства животных активистами в лабораториях и после освобождения, отравление и ослепление охотничьих лошадей и гончих, а заодно и задержку медицинского прогресса. Ну дела!

Несмотря на разнообразие мотиваций протестующих, государство было очень ограничено в своем подходе. Для него в центре конфликта стояла торговля телятами, приносящая по 200 миллионов фунтов в год. Власти даже не интересовались побегом заключенных из тюрьмы строгого режима на острове Уайт прямо через пролив от Шорема. Это был действительно серьезный инцидент, который в конечном счете привел к шумному и очень недоброму конфликту между министром внутренних дел и тюремной службой, которую ждал переворот, приведший к понижению статуса учреждения до тюрьмы общего режима, увольнению начальника и позору.

Трое заключенных категории А, отбывавших пожизненные сроки (двое из них сидели за убийство) были в бегах пять дней, в то время как основные полицейские силы занимались обеспечением безопасности для фургонов и кораблей, транспортировавших телят на континент. Беглецам чудом не удалось угнать самолет, как они планировали. Их арестовали на острове пять дней спустя: случайно узнал тюремный надзиратель. При этом 200 офицеров полиции прочесывали остров площадью 380 квадратных километров, зато свыше 1000 скопились в крошечном порту Шорема.

Сторонники всех групп — от RSPCA до Министерства справедливости — побудили все главные судоходные компании отказаться иметь дело с перевозкой сельскохозяйственных животных. Этого удалось добиться и в отношении авиакомпаний. Никто не хотел испытать на себе гнев британских активистов. Это была безусловная победа, но она не позволила убить торговлю, которая теперь осуществляется через порт Довера.

И впереди была еще одна страшная трагедия.

Убийство юной матери

Воздержитесь, смертные, от осквернения тел своих плотью животных. Есть кукуруза; есть яблоки, что своей тяжестью заставляют ветви сгибаться; есть виноград, орехи и овощи. Такова должна быть пища наша.

Пифагор

С закрытием старых маршрутов для перевозки скота, молочные фермеры разыскивали новые. Протестующие наведывались в аэропорт Ковентри в Бэгингтоне. Вынужденное решение транспортных компаний отказаться от участия в экспорте скота заставило бизнесменов отправлять животных воздухом.

Семья Фиппс, о которой вы можете помнить по главе о рейде в Unilever в 80-е, со страстью относилась ко многим проблемам животных. Их регулярно видели по всей стране, поэтому не надо было ходить к гадалке, чтобы предвидеть их появление в числе тех, кто заблокирует подъезд к аэропорту Ковентри, тем более аэропорт находился буквально за углом их дома. Младшая сестра, Лесли, была здесь вместе со старшей, Джилл, и их матерью, 68-летней Нэнси, чьей коронной фразой было: «Вам должно быть очень стыдно за себя!» Их часто сопровождали любые друзья и знакомые, каких удавалось подбить на участие в той или иной акции. Обычно это был Гурджит, друг семьи и стойкий соратник местной группы, который, к несчастью, сидел в тюрьме, поэтому в тот день его не было с ними.

Джилл Фиппс избежала тюремного срока десятью годами ранее, когда была осуждена по делу о нападении на Unilever, потому что тогда она была беременна своим сыном Люком. Она была хорошей матерью, сын занимал большую часть ее времени в последние годы. Но вот она снова на передовой, как в старые добрые времена в Кокс-пэрроу и других местах. Новость о перевозке грудных телят воздухом стала для нее призывом к действию.

Активисты разбили временный лагерь у главного въезда на аэродром. Экспортеры никак не ожидали, что грузовикам придется прорываться к аэропорту через маленькую группу тех, кто закончил все дела с перевозчиками в доках.

Джилл — одна из самых храбрых людей в группе — проводила у аэропорта каждую ночь на протяжении шести недель, сражаясь с перевозчиками и полицией. Она была привлекательной женщиной, обладавшей природной способностью разоружать мужчин, которую она пускала в ход в моменты столкновений. Возможно, как мать маленького ребенка она сильнее сопереживала лишенным матерей телятам.

Роковое случилось 1 февраля 1995 года. Если кто и мог прорвать полицейское оцепление, чтобы помешать проезду фургонов, то это была Джилл. Офицеры хорошо ее знали, как и водители, которые всегда останавливались, когда она преграждала путь, и ждали помощи полиции.

Ни для кого из знакомых Джилл не стало сюрпризом, что она оказалась в эпицентре событий тем зимним вечером на безлюдном аэродроме. Фургоны двигались медленно, поэтому ей было нетрудно встать перед ними в тысячный раз и поднять руки, вынуждая их остановиться. Сотни офицеров отделяли 30 протестующих от транспорта, перевозившего тысячу телят в сутки. Переиграв полицию, Джилл и маленькая группа ее друзей прорвались к фургонам, но в этот раз водитель не затормозил. У него было полно времени, чтобы увидеть ее, и двигался он на достаточно

низкой скорости, но он поступил наперекор любой логике и врезался прямо в нее, после чего переехал ее. Джилл Фиппс умерла на руках у своей матери Нэнси на бетонной площадке Аэропорта Ковентри. Ей был 31 год.

Едва ли беспощадная судьба могла ударить по этой нежной, любящей семье еще больше, и горькая ирония их потери не могла ускользнуть от многих людей, учитывая, что обе Фиппс были матерями и сражались, чтобы защитить осиротевших телят, отлученных от коров в возрасте нескольких дней. Они считали — как и все нормальные люди — что это абсурд: отказывать коровам в их естественном праве следовать материнскому инстинкту и быть с новорожденными.

Пока Джилл умирала на бетонной площадке, полиция в поте лица убирала других протестующих с места событий, чтобы фургоны продолжали свой путь на аэродром. Два дня спустя, когда все движение переживало тяжесть потери, было открыто и тут же отложено следствие по делу об убийстве Джилл Фиппс. В тот же день в том же самом аэропорту были арестованы 70-летний отец Джилл Боб, ее друг Джастин и младшая сестра Лесли — они пытались мешать полетам. Джастин приковал себя к колесу самолета на взлетной полосе, не давая ему взлететь вместе с телятами.

Той же ночью активисты ФОЖ проникли в лабораторию Кембриджского университета и вынесли оттуда множество животных, которых готовили к экспериментам в области поврежденных позвоночника. Они посвятили этот рейд памяти Джилл.

Как обычно, желтая пресса накинута на активистов, обвинив во всем покойную Джилл Фиппс; ее назвали «преступницей» и «одержимой», которая должна была сидеть дома с сыном, а не кидаться под колеса из-за животных. Лишь несколько журналистов честно написали о трагедии. Последний удар нанесло следствие. Казалось бы, обязанностью полиции является держать ситуацию под контролем во время протестных акций, чтобы никто не пострадал, и говорить правду. Но версия событий, представленная офицерами следствию, шокировала очевидцев. Поразительно, но полиция утверждала, что Джилл сама легла под колесо движущегося грузовика, чтобы он ее переехал! Констебль Дэвид Томс заявил: «я хотел подойти к мисс Фиппс и убрать ее с дороги. Она отвернулась, легла на спину и забралась под фургон так, что ее желудок оказался точно под колесом. По моему мнению, это было целенаправленное действие». Подобная версия снимала вину и с полицейских и водителя, возлагая ее на глупую выходку покойной Джилл. Несмотря на слова очевидцев, которые полностью противоречили этому, исход дела был понятен с самого начала. Решение следствия гласило, что случившееся с Джилл Фиппс — несчастный случай. Это было насмешкой над смертью молодой матери.

Полицейские не впервые подтасовывали факты в отношении Джилл Фиппс. Четырьмя годами ранее в ходе отработки досье Особой службы они решили, что она находится в Чeshire, протестуя против конур с гончими, через два дня после убийства Майка Хилла, хотя на самом деле она была в 320 километрах оттуда, в Ковентри — забирала сына из школы. Тем не менее ее арестовали, отвезли в полицейский участок возле дома, где продержали целый день, после чего отправили в Чешир. Здесь ее допросили и обвинили в участии в восстании! Двое суток ее не выпускали из-под стражи, рассматривая возможность освобождения под залог. Наконец, ее выпустили, чтобы она самостоятельно проделала путь домой. Восемь месяцев она подчинялась условиям освобождения под залог, а потом обвинения с нее были сняты в силу отсутствия доказательств. Перед ней даже никто не извинился. Лишь спустя годы ей удалось получить финансовую компенсацию за тот арест и все, что с ним было связано.

Те, кто повесил на Джилл Фиппс всех собак, осуждали идею проведения церемонии ее похорон в городском соборе Ковентри, утверждая, что поминальная служба должна проходить на отдаленной улице с минимальной pompой и что собор предназначен для прощания с теми, кто погиб на войне, а не для защитников животных. Многие не согласились с подобными размышлениями. Свыше 1000 скорбящих людей собрались у собора, чтобы выразить свое уважение к погибшей соратнице.

Что касается Phoenix Aviation — авиакомпании, ответственной за транспортировку скота из Ковентри, — то она сражалась еще пять месяцев под нарастающим натиском общественности, после чего заявила о банкротстве. За этот период из карманов налогоплательщиков взяли еще полмиллиона фунтов, которые пошли разгоны протестующих с взлетных полос. Свыше 200 человек были арестованы за попытки помешать авиаперевозкам. Руководитель компании Кристофер Баррет-Джолли настаивал: «Это не победа протестующих. Они не повлияли на наше решение никоим образом. Прекращение полетов с перевозкой животных имело сугубо экономические причины. Несмотря на то, что компания задолжала немало денег, продолжать транспортировать животных стало невозможно, абсолютно невозможно». Дома у Баррета-Джолли дежурила охрана: на жилище неоднократно совершались нападения, и это были не все его проблемы.

Сначала, в марте 1993 года, одного из пилотов его компании обвинили в контрабанде кокаина и героина. В следующем июне Phoenix Aviation уже не только летала с телятами в Европу, она доставляла огнестрельное оружие в Южный Йемен, поддерживая тем самым жуткую гражданскую войну, разрывавшую страну на части. Когда Джолли спросили о несоответствиях в документах, он принялся утверждать, что оружие призвано спасти жизни. В то же время он отправлял боеприпасы в Анголу, где праворадикальные мятежники снова начали войну, которая за последние 10 лет унесла миллион жизней. В августе 1994 года Джолли обвинили в краже инвентаря из арендуемого павильона. Потом, в декабре, принадлежавший компании старый российский самолет возвращался в Англию, чтобы набрать в грузовой отсек еще телят. Он разбился в опасной близости от жилых районов возле аэропорта; все пять членов экипажа погибли. Эксперты пришли к выводу, что причиной случившегося стала ошибка пилота или его усталость, но журналисты, конечно же, предположили, что самолет стал жертвой саботажа активистов за права животных. Накануне тот же самолет (чье древнее навигационное оборудование было не в состоянии считывать навигационные сигналы аэропорта), чудом не врезался в пассажирский лайнер, летевший из Брюсселя в Нью-Йорк.

В январе 1995 года Джолли арестовали за стрельбу в одного протестующего (бедняга снимал его на видео) и нападение на другого с ломом в руках. Его также обвиняли в мошенническом обмане Союза Норвича, но все это можно считать несущественным в сравнении с неприятностью, которая настигла его и второго пилота, когда их поймали с пятью чемоданами контрабандного кокаина стоимостью в 22 миллиона фунтов. Они прилетели на личном самолете Джолли из Ямайки в Саусенд, графство Эссекс, в октябре 2001 года. Отрицая обвинения, пара отчаянно лгала, в том числе они с ослиным упрямством списывали все на борцов за права животных; Джолли даже заявил в суде, что он работал на агента ЦРУ с кодовым именем «Мистер Дж. Фиппс». Вероятно, это первое имя, какое пришло ему на ум, когда он оказался на скамье подсудимых. Даже присутствие Нэнси Фиппс в зале суда не отвало его от гнусного лжесвидетельства. Джолли и его пособник получили по 20 лет тюрьмы.

Чем больше говоришь об этих людях, тем хуже становится. Их никак не одолеть. Страховщики оплачивают счета, но их услуги постоянно дорожают.

Британский мясник

Когда я был совсем юным активистом, мне часто говорили, что я вырасту (или должен вырасти) из этой социальной роли и найду работу. То же самое происходило со мной и в тюрьме. Мне говорили: «Ну, вот теперь ты допрыгался — найди работу и остепенись». Но все сложнее: угнетение животных никуда не девается, и я не чувствую по этому поводу себя иначе. Я отношусь к нему так же, как в день, когда о нем узнал. Оно должно быть остановлено, независимо от обстоятельств. Таковы мои взгляды, и я не одинок. И если кто-то решил, что, убивая активистов и давая им сроки, вдвое превышающие адекватные, он сможет заткнуть рот инакомыслящим, это беда убийц и карателей, потому что единомышленники действуют повсеместно, и их невозможно выследить, если им сопутствует удача. Пусть это и не всегда так.

В 1990-е общество получило от истеблишмента серьезное послание. Его фрагменты были сформулированы в Чешире, Кембридже, Ковентри и Олд-Бейли: попробуйте тронуть систему угнетения животных, и вас ждет суровая расплата. Но в ответ истеблишмент получил что угодно, но только не смирение и слабость. Вместо нейтрализации «экстремизма», он только усугубил положение дел.

37-летний бородач Дейв Коллендер давно вращался в кругах спасателей животных: спокойного и степенного, в очках, как у Джона Леннона, его часто можно было видеть в качестве руководителя зоозащитных групп. Он жил в Ливерпуле и был отъявленным саботажником охоты. Его неплохо знали в Чешире, где он мешал собачьим сворам убивать дичь. Но в какой-то момент он сложил с себя полномочия лидера и поселился в центре спасения животных во Фрешфилдзе, откуда Майк Хилл уехал тем роковым утром в феврале 1991 года. И недавнего выпускника школы и стареющего хиппи объединяла ненависть к угнетению животных и готовность выполнять любую грязную работу. Они залечивали животным раны, убирали за ними и говорили с дебилами, которые являлись в переполненный животными приют и заявляли: «Возьмите у меня этих щенков, иначе я их сейчас в канал выброшу». Оба активиста могли проехать много километров, чтобы забрать собаку, которую новые хозяева не хотели видеть спустя два дня, потому что она линяла. И они оба умудрялись оставаться спокойными и вежливыми — завидные качества!

Когда «хозяева» отказываются от животного, для работников приюта это всегда личный удар. На каждого пристроенного питомца приходится пять, которых необходимо срочно разместить в приюте. Настоящий сизифов труд. Коллендер держался, но смерть юного друга стала слишком сильным потрясением для этого тихого мужчины, заставив его действовать.

Последние неприятности с законом у Коллендера были в Чешире, когда NALL совершила рейд в здании ICI в 1984 году. С тех пор он жил, пригнув голову, позволяя себе заниматься нескончаемой работой во благо животных, пытаясь спасти диких зверей на полях смерти в родном графстве и за его пределами. Коллендер вспоминает: «Я все еще ностальгирую по моему первому саботажу в июне 1978 года в Кенделе. Это был последний сезон, когда разрешалась охота на выдр на реке Крейк, берушей

начало в озере Конистон. В тот день я впервые посмотрел в лицо извращенному удовольствию. Отношение охотников, их агрессия, пьянство и готовность устроить драку в любой момент гарантировали, что я всю жизнь буду убежденным противником кровавых видов спорта».

Словом, нельзя сказать, что набеги на деревенскую жизнь можно было считать отдыхом от бесконечной жестокости, свидетелем которой Коллендер ежедневно являлся во Фрешфилдзе. Саботаж охоты в Чeshire опасен, особенно для тех, кто опытен в диверсионных техниках и хорошо знаком охотникам. Активистов, которых не избил или еще как-то не атаковали в этих местах, можно пересчитать по пальцам, и Коллендер за эти годы сделал все, что мог. В какой-то момент он решил заняться другими вещами во благо животных и долго думал, что поступает абсолютно верно, вплоть до дня убийства Майка Хилла. Как и многим другим, смириться ему было слишком сложно.

Коллендер решил взять реванш. Он купил 60 кухонных таймеров в форме помидоров. Их форма была неважна. Важно было, что их много и что их можно использовать, как таймеры для зажигательных устройств. Если бы Коллендер продавал кухонные принадлежности, ничего подозрительного в такой закупке не было бы, но когда полицейские узнали от представителя магазина, что частное лицо приобрело так много таймеров, и выяснили личность покупателя, для них зазвучали сигналы к действию.

Коллендер и Грег Эйвери (который вновь взялся за дело, едва не угодив в тюрьму в 80-е) работали в безопасном укрытии в Бирмингеме. Они планировали запустить кампанию против многочисленных предприятий, участвовавших в угнетении животных. В числе мишеней значились Ветеринарное управление¹, Кембриджский охотничий клуб и Управление по сбыту молока². Активисты планировали использовать муляжи взрывных устройств — для этого и требовались таймеры. Узнав о приобретении Коллендера, полиция установила наблюдение.

Это было ровно за три года до того дня, как детективы в Кенте разоблачили себя передо мной в ходе слежки. То же самое случилось и в Кембридже: всего через 48 часов после установки наблюдения офицер под прикрытием случайно столкнулся лицом к лицу с человеком, за которым должен был пристально наблюдать издали. Коллендер и Эйвери хоть и были бдительными активистами, не придали инциденту значения; человек в поле мог быть кем угодно — например, орнитологом или извращенцем. И пока друзья отдыхали после велосипедной разведывательной прогулки по самому вивисекционному графству в стране, полиция Кембриджа начала операцию по их задержанию. Офицеры решили, что слишком рискованно предполагать, что их человек не был замечен, поэтому активистов арестовали, допросили, через несколько дней обвинили и не выпустили под залог. Обыск дома позволил обнаружить планы зданий, которые активисты собирались атаковать, и материалы для сборки различных устройств, но в здании не было ничего взрывчатого или легко воспламеняющегося.

Однако дело не закрыли. Месяцы спустя несколько свидетелей защиты с большим риском для себя заявили, что изготовленные муляжи устройств были ничем иным, как (нелегальными) болванками, предназначенными для привлечения внимания общества к эксплуатирующим животных учреждениям, тем самым нанося политический и финансовый урон.

¹ *Animal Health Trust* — основанная в 1942 году благотворительная организация, называющая своей целью «улучшение здоровья и благосостояние лошадей, собак и кошек».

² *Milk Marketing Board* — основанное в 1933 году государственное учреждение, контролирующее производство и распространение молока в Великобритании.

Активисты не планировали поджогов или взрывов. Даже эксперт-криминалист со стороны обвинения признал, что обнаруженные устройства — всего лишь безобидные макеты. Странной интригой процесса стало то, что по причинам, известным только судьбе Питеру Мэтьюсу, он разрешил использовать показания этих свидетелей только в отношении одного из двух подсудимых. Впоследствии, по итогам пятидневного процесса, Грега Айвери признали невиновным в преступномговоре с целью размещения зажигательных устройств и отпустили домой. Дейва Коллендера, однако, признали виновным. Какое своеобразное правосудие.

В марте 1996 года, проведя много месяцев в предварительном заключении, Дейв Коллендер был приговорен Королевским судом Бирмингема к 10 годам за преступный сговор с целью совершения поджога. Вновь собралась немалая группа поддержки. Сотни людей пришли на демонстрацию у здания апелляционного суда выразить несогласие и потребовать пересмотра решения. Но к их призывам были глухи. Суд сократил 10 лет до 8, но на четвертый год заключения — ко всеобщему удивлению — Дейв вышел условно-досрочно. Он вернулся во Фрешфилдз.

Майкл Грин и Мелани Арнольд тоже были полностью поглощены работой в приюте для животных; эту пару любителей животных никак нельзя было заподозрить в закидывании скотобоев зажигательными бомбами, но в свободное время они занимались, собственно, именно этим. Их не останавливала возможность поимки. Они снимали стресс, который получали, нянчась с несчастными животными и не всегда имея возможность им помочь. Рассказывает Мелани Арнольд:

«Никто бы никогда не догадался, что это за предприятие, если бы просто ехал мимо. Оно выглядело как офисное здание, но за обычным фасадом скрывалось страшное. Раскрывал тайну ужасающий запах! Запах всегда будет выдавать подобные места. Это было удачное расположение для скотобойни. Она стояла в уединенной части Глостершира и была достаточно изолирована, чтобы пожар никому не повредил, но если бы нас поймали, мы бы не отвернулись.

Однажды ночью мы с Майклом спрятались на территории. Там не было ни души, и мы провели предварительную разведку. Проинспектировали ограду по периметру, отходные пути, местность в целом; осмотрели парк грузовиков, загоны для животных, различные здания и автомобили. Все было изучено, проверено и зафиксировано. Потом мы провели более тщательную проверку скотобойни; обследовали крышу на предмет возможных точек входа, потому что двери стояли на сигнализации. Более пристальный осмотр привел нас к одной из многочисленных больших дверей сараев с торца здания. В дверь был вставлен большой металлический засов. Мы его сдвинули и вошли. Мы оказались в черном, как смоль, лабиринте коридоров и смежных комнат. Здесь стояла жутковатая тишина и почти осязаемая атмосфера кошмара. Помещения заполнял смрад страха и крови. И эхо. Эхо повсюду.

Я вошла в комнату, где за задние ноги были подвешены две мертвые коровы. Их открытые пасти смотрели на решетки в полу. В металлических резервуарах — органы и кожа животных. Они выглядели как содранные шкуры в собственном соку. Мы провели на скотобойне два часа. Прошли по следам приговоренных животных от загонов по проходу, в которых их кололи и били для ускорения, к месту, где их подвесили, зарезали и заставили истечь кровью. Мы прошли к месту выгрузки животных, побывали на кухнях, в туалетах и офисах, а потом молча вернулись на скотобойню, оба глубоко погрузившись в собственные мысли. Ушли аккуратно, ничего после себя не оставив.

Две недели спустя мы уже закупили необходимое, вечером выгрузили инструменты, бензин и устройства на территории бойни, а потом отъехали припарковать

фургон в укромное место. Мы прошли на территорию скотобойни, притворяясь гуляющей парочкой, и прокрались на парковку. Проверили грузовики, здание и окружающую местность на наличие признаков жизни. Убедившись, что мы одни, продолжили. Мы проделали дыру в ограде на противоположном конце территории, чтобы в случае появления охраны или полиции не оказаться заблокированными. Затем выбили по боковому окну в каждом автомобиле, по возможности аккуратно и тихо с помощью керна, после чего замерли прислушиваясь. Реакции не последовало. Внутри машин, на обивку сидений, мы поместили по незажженному, но готовому зажигательному устройству и вошли в здание.

Мы залили весь пол верхнего этажа бензином, разложили бумажные полотенца и спецодежду, которую нашли в раздевалке, на ступенях, чтобы обеспечить ползущее, непрекращающееся пламя. Потом мы попытались с помощью паяльника и кусачек преодолеть огромные железные ворота. С ними не повезло, поэтому мы сконцентрировались на том, что мы могли сделать. Я вскарабкалась на гофрированную крышу и оставила там устройства вместе бензиновым фитилем, который вел к проходу погонщиков. Его-то я и подожгла.

Все было забрызгано бензином. Рядом с каждым приспособлением мы положили по зажигательному устройству. Начинкой была смесь сахара и нитрата калия, герметично упакованная в пакеты для заморозки. Каждый пакет крепился к бутылке, содержащей микстуру из бензина и чистящего средства. У нас было 26 таких устройств и еще 12 больших пакетов смеси нитрата и сахара без бутылок, которые могли стать хорошим подспорьем для бензина. Потом мы подожгли устройства в автомобилях, вернулись в здание и подожгли все вручную. Затем побросали в пламя оставшиеся устройства, чтобы придать огню силу.

Гремучая смесь стреляла синими бензиновыми сполохами в небо. Пламя ползло в нашу сторону и охватило весь пол. Это становилось опасно. Мы выбежали как раз в тот момент, когда два грузовика взорвались».

К несчастью для этой пары, полицейские всерьез взялись за это дело, и им повезло, когда они приехали в приют, где работал Майкл Грин, чтобы спросить о происшедшем. Майкл пришел на работу в неудачное время и столкнулся к офицерами лицом к лицу. Они арестовали в приюте троих. В дальнейшем полиция обнаружила существенные косвенные улики, позволившие связать Майкла с преступлением и выбить из него признание. Дальнейшее расследование привело следователей к Мелани, которая была арестована и не смогла объяснить совпадение отпечатков пальцев на принадлежавшем ей болторезе и откушенном болте с места событий.

Поскольку пожарные прибыли быстро, само здание скотобойни удалось спасти от серьезных разрушений, однако ее владелец Роберт Энсор сказал: «Многие транспортные средства были повреждены, но, к счастью, оборудование не пострадало. В здании полно обломков и структурных повреждений, но все могло быть намного, намного хуже. В данный момент ситуация такова, что мы вновь в деле: забой продолжается, и все в порядке».

Проведя 15 месяцев в предварительном заключении, Майкл Грин был приговорен к пяти годам; 3,5 ему дали за скотобойню Эрсона и еще 18 месяцев — за попытку поджога депо фургонов для перевозки скота в Нортхэмптоне. Мелани Арнольд дали 3,5 года за попытку поджечь скотобойню. Проигнорировав просьбы прокурора о 8-летних сроках и в целом умеренно наказав обвиняемых, судья сделал символический шаг к отступлению в войне истеблишмента с «зеленой угрозой».

К середине 90-х прямое действие стремительно распространялось по Голландии и Европе в целом, подгоняемое успехами британских активистов, не покидавшими заголовки газет. Голландский ФОЖ — Djurens Belfrielse Front (DBF) — всерьез занялся борьбой с торговлей мясом, и его ничто не могло остановить. И пока DBF становился все более активным и уверенным в себе, полиция отвечала очень медленно, за что я ни в коем случае никогда не смел ее критиковать (куда ей торопиться!).

Но активистам не повезло. Детективы выслеживали банду контрабандистов наркотиков, которые жили в том же районе, что и команда DBF. Это не было проблемой, но активисты и контрабандисты пользовались одной телефонной будкой, а полиция поставила ее на прослушивание. К несчастью, активисты использовали будку, чтобы звонить в прессу и брать на себя ответственность за проведенные рейды. В блаженном неведении они вляпались в спецоперацию, которая не имела к ним отношения, но кольцо быстро сомкнулось.

Вскоре последовали аресты, и объяснений у активистов не нашлось. Фрэнку Косере и Эрику ван дер Лаану ничего не оставалось, кроме как признаться в раскрашивании стен мясницкого училища, а также в совершении трех поджогов и двух попыток поджогов, которые были связаны между собой использованием одинаковых устройств. Всего голландский ФОЖ взял на себя ответственность за 14 поджогов в период 1993–1996 гг., включая уничтожение целого мясокомбината и причинение менее серьезного ущерба, в том числе с помощью граффити. Получив снисхождение за сотрудничество со следствием, Фрэнку Косере дали 28 месяцев тюрьмы и 8 условно, Эрику ван дер Лаану — 20 месяцев и 10 условно.

После их осуждения представители мясной промышленности страны преисполнились уверенности, что все проблемы позади, раз уж эта плодovitая банда исчезла с улиц. Но праздновали они недолго, потому что поддержка осужденных и сравнительно мягкие приговоры обернулись огромной волной опустошительных поджогов. Один голландский активист описал эти события так: «Жаль, что двое оказались в тюрьме, но это свидетельство того, что отношение голландцев к животным меняется к лучшему».

Аналогичную солидарность проявили немцы две недели спустя, когда группа поддержки толпой явилась в суд, чтобы поддержать двух соотечественников, которые трудились вместе с тремя швейцарскими активистами. Их арестовали в результате погони на большой скорости после того, как они разнесли скотобойню в Вестерхайме. Всех их обвинили в совершении рейда и приговорили к выплате штрафа в размере 90 тысяч немецких марок (32 тысяч фунтов) за причиненный ущерб, плюс каждый должен был выплатить по 2 тысячи марок. Кроме того, им дали по четыре месяца условно, а также конфисковали машину и другую собственность. Всем было сказано, что они легко отделались, особенно швейцарцы, которых судья невзлюбил за незаконное пересечение границы.

Ежовые рукавицы и закрученные гайки

Пока мы остаемся живыми могилами убитых зверей, зарезанных для усаждения наших аппетитов, как мы можем ожидать идеальных условий на земле?

Джордж Бернارد Шоу

Делу об экспорте скота суждено было стать самым продолжительным уголовным процессом в истории борьбы за права животных. И хотя длился он целых 22 недели, пресса скорее помалкивала.

Кульминацией так называемого заговора, в котором обвинялись несколько человек, было нападение с бензиновой бомбой на таверну «Белый олень» в деревне Хенфилд в Западном Суссексе. Его завсегдатаями были два брата — ключевые фигуры в торговле скотом. Однажды ночью, когда паб уже был закрыт, кто-то забросил горящее устройство внутрь. Хозяину и его семье, находившимся наверху, пришлось убежать. Огонь уничтожил весь первый этаж. По слухам, на следующий день один из участников поджога якобы рассказывал об этом людям. И будто от него все еще несло бензином. Вскоре полиция начала аресты. Большинство задержанных (одному было 15 лет) свидетельствовали иногда противореча не только другим арестантам, но и себе. В деле «Белого оленя» началась жуткая неразбериха, местные протестующие, для которых прямое действие было в диковинку, совершенно запутались.

Возникла проблема и с полицейским осведомителем, который заложил тогда двух активистов, пытавшихся, как утверждалось, приобрести огнестрельное оружие. Обоих задержали и обвинили в преступном сговоре с целью убийства, но позднее полностью оправдали. Мик Робертс, ничем не примечательный человек средних лет, страдающий от лишнего веса, умудрился каким-то образом отметиться в кампании против экспорта скота в Суссексе. Его положение усугубили местные выпивохи и сплетницы, их болтовня была намного опаснее каких-либо улик. Вскоре главной темой обсуждения среди активистов в Шореме уже были спекуляции на тему того, кто же подпалил паб.

В борьбе против эксплуатации животных всегда есть и побочные объекты нападок. Хотя было время, когда не трогали даже дома самих угнетателей. Эволюция движения привела к более широкому подходу, и теперь атаке подвергаются самые разные, не всегда очевидные объекты. Сегодня дома вивисекторов и лаборатории, конечно, первоочередные цели, но при этом от действий ФОЖ может пострадать даже фирма, которая занимается доставкой сэндвичей с сыром и/или ветчиной. Это тоже важно, потому что иначе мы бы потворствовали страданиям животных и делали недостаточное для прекращения их мучений.

Однако в случае с таверной поджигателей многие обвиняли в неразборчивости. Дело было не в том, кто или когда посещал паб, а в том, что наверху в момент поджога находились невинные люди. Нападение на заведение с целью привлечения всеобщего внимания считалось приемлемым, но нельзя поджигать ни в чем не повинных владельцев. Конечно, существуют организации, которые не так строги в этом вопросе и не придерживаются морального кодекса ФОЖ. Они поощряют физическое насилие в отношении угнетателей животных. Даже обычные землевладельцы, устраивающие охоту, могут стать их жертвами. Откровенно говоря, активисты в большинстве случаев действуют по обстоятельствам и порой руководствуются собственными правилами.

К сожалению, опыт показывает, что угнетатели животных частенько используют случаи «злоупотреблений» для дискредитации всего движения. Именно так и поступает государственная машина: вынюхивает любые промахи. Вот почему границы допустимого должны быть очерчены предельно четко. Таков был урок злосчастного поджога, и никто не стал с этим спорить.

В сентябре 1995 года Королевский суд Льюиса приговорил 35-летнюю Барбару Тренхолм и 18 летнего Джастина Райта к 10 и 5 годам тюрьмы соответственно за их участие в поджоге 400 летней таверны. С самого начала и до последней точки процесса оба подсудимых отрицали свою вину.

Эпизод с «Белым оленем» стал испытанием для Группы поддержки ФОЖ. Впервые за всю историю она столкнулась с акцией, которая балансировала на грани допустимого. По этому поводу долго спорили и в итоге решили, что активистов поддержат только морально, но не финансово. Они объяснили это тем, что подсудимые действовали в интересах животных, поэтому должны получить хоть какую-то помощь. Бестолковый компромисс.

Поджог таверны (от имени какой-либо организации или анонимно), в которой находятся живые люди, вполне справедливо воспринимался как шаг за границы допустимого. Несмотря на постоянные разговоры о «жаждущих насилия зоозащитниках-отморозках», ни один из злодеев, на которых активисты когда-либо напали, не был убит. Это противоречит фундаментальному принципу ФОЖ о неприятии всякого зла, хотя некоторые активисты, возможно, порадовались бы убийству угнетателя животных, и последующее за этим освещение в новостях наверняка посеяло бы панику среди остальных эксплуататоров. В более широком социальном контексте (правильно это или нет) атаки на извращенцев и педофилов встречаются взрывом аплодисментов. И необходимо отметить, что некоторые газеты тайно злорадствуют по поводу нападений на сексуальных маньяков, одобряя подобный самосуд, но при этом обзывают освободителей животных последними словами, когда те отыгрываются на неодоушевленных предметах.

В результате многочисленных дискуссий было решено, что дело нельзя оставить просто так (если это действительно была запланированная акция настоящих зоозащитников), и, несмотря на то, что таверны, где развлекаются угнетатели животных, атаковать можно, нападать на самих трактирщиков непозволительно. Если бы во время поджога в пабе не было ни души, разговоров было бы куда меньше, и все же серьезные дебаты о таком риске для человеческих жизней во время атаки второстепенного объекта были важны.

Расширяющийся спектр протестов против экспорта животных привлекал свежую кровь. Среди новоприбывших были и настоящие психи, как их описывали другие активисты. Но вместе с тем нарастало и ответное насилие со стороны властей, новички узнавали, что стражи правопорядка могут вести себя как угодно, не считаясь с законом. В протестах участвовали толпы приличных мужчин и женщин разных поколений. Там были целые семьи — семьи «нормальных» людей. Но оставались в рядах протестующих и опытные зоозащитники, которые готовы были бороться с экспортом живых (или мертвых) животных до конца.

Для остановки фургонов и грузовиков применялись новые средства, привлекавшие пристальное внимание СМИ. В связи с этим в отношении общества к угнетению животных наконец-то наметились хорошие сдвиги. Но, как это всегда бывает, когда собирается много людей, борющихся против чего-то, не обошлось без проблем с агентами-провокаторами.

Через три года после начала кампании шесть человек из окрестностей Шорема отбывали сроки продолжительностью от 2 до 10 лет, многие получили менее существенные наказания за ряд совершенных и несовершенных правонарушений. И это далеко не все, чем запомнились протестные акции. Подсудимые доносили друг на друга, повсюду были слухи о полицейских доносчиках — складывалось впечатление, будто по другую сторону баррикад толпа не меньше. С той лишь разницей, что все они получают зарплату. В этом смысле отличалось южное побережье Англии, которое имело репутацию территории, кишашей информаторами, и несколько громких судебных дел доказали, что она вполне оправдана. В Шореме было много наивных, молодых и неопытных активистов, которые не умели держать рот на замке, что делало их легкой добычей для многочисленных стукачей.

По завершении продолжительного процесса Мика Робертса (настоящее имя — Майкл Суорот Али) каким-то образом обвинили в преступном сговоре с целью причинения ущерба и посадили на шесть лет. 27-летний Джо Тейлор и 18-летний Квин Чепман получили по два года, а 35-летнему Тони Дейли дали четыре года за причинение ущерба грузовикам с телятами. Его жену осудили условно. Адвокаты немедленно подали апелляции. Они просили суд принять во внимание, что против подсудимых использовались сведения, которые никак не относились к выдвинутым обвинениям. Например, в ходе процесса неоднократно всплывали отсылки к поджогу «Белого оленя» и почтовым бомбам, хотя это были совершенно другие истории.

Апелляционный суд создал прецедент, заключив, что если подсудимого обвиняют по статье «Сговор с целью совершения ущерба», необходимо уточнять, к чему конкретно относится это обвинение: к поджогу, поджогу с намерением подвернуть жизнь людей риску, причинению ущерба, причинению ущерба по халатности и т. д., потому что Параграф 1.1. Закона о причинении ущерба от 1977 года охватывает все эти правонарушения. Суд постановил, что, поскольку было не ясно, в чем именно виновны подсудимые (в поджоге или в преступлениях, которые им инкриминировали), обвинения необходимо снять. Тони Дейли сократили срок до того, что он уже отбыл, а остальных отпустили без каких-либо условий.

За день до начала демонстраций Sunday Express опубликовала материал по указке «полиции и экспертов разведки», в котором предупредила о возможной эскалации со стороны зоозащитников-экстремистов. Говорилось, что не исключены акты ликвидации вивисекторов, которые, как утверждалось, столкнулись с «новой ужасающей угрозой в виде убийц на порогах их домов». Ажиотаж поддержали высокопоставленный источник в полиции и пара вивисекторов со сказочками про периодические домогательства, заставляющие их жить в страхе. Давление на власть со стороны индустрии усиливалось, появлялись требования более внушительных ресурсов и серьезных законов для устранения угрозы гражданского сопротивления. И вот прошло 10 лет: ни одного убитого вивисектора, зато есть убитые активисты и многочисленные нападения на протестующих.

За все эти годы активистов с оружием в руках замечали считанные разы, и то в дальнейшем суды их оправдывали из-за подозрительных обстоятельств обвинений. За все время лишь один угнетатель животных был избит бейсбольной битой. Несмотря на скромные масштабы акций, законы становились все жестче, они позволяли быстро сворачивать даже легальные протесты. В частности, в ответ на упомянутые выше заявления о страшной угрозе было образовано новое подразделение полиции под руководством Скотланд-Ярда — Антитеррористическая служба. Сначала враги зоозащитников были ARNI, а теперь они назывались Национальным

тактико-координационным советом по экстремизму (NETCU). Звучит как фамилия румынского футболиста, да? Кому и для чего этот совет был нужен — не понятно. Тем не менее это серьезное образование, уполномоченное правительством отстаивать ущемляемые интересы бизнеса.

NETCU на своем сайте бесстыдно раздает ссылки на RDS и другие организации, выступающие за вивисекцию, утверждая следующее: «Общество защиты исследований работает, чтобы способствовать наилучшему пониманию хорошо организованных и гуманно проводимых экспериментов на животных. Оно также сотрудничает с благотворительными группами и правительством, чтобы стимулировать передовые практики в лабораторных опытах и развитие альтернативных методик». А правительство даже не пытается скрывать причины своей лояльности: власти необыкновенно тесно связаны с индустрией вивисекции и ее лоббистскими группами вроде RDS. Эта связь носит исключительно финансовый характер. Министерство здравоохранения даже ссылается на RDS в ответах на письма об опытах на животных! Таким образом оно занимается скрытой пропагандой.

Последнее правительство консерваторов преследовало людей, жаждавших перемен, с помощью закона. Сначала оно представило Закон о соблюдении общественного порядка от 1986 года, в том числе для того, чтобы сделать невозможным саботаж охоты. Однако он был принят слишком поздно, не работал, как планировалось, и стоил полиции очень крупных компенсаций за незаконные задержания.

Следующей атакой на освободителей животных стал Закон об уголовных преступлениях от 1994 года. Согласно ему, нелегальное проникновение на чужую территорию становилось уголовным преступлением, задержанный лишался права на молчание, а полиция могла устанавливать условия выхода под залог. Это позволяло месяцами удерживать саботажников вдали от охоты или не давать протестующим возвращаться к зданиям лабораторий для проведения демонстраций. Кроме того, полицейские теперь могли задерживать и обыскивать людей на акциях протеста. Закон трактовал любую деятельность на частной земле как «незаконное проникновение на чужую территорию с отягчающими обстоятельствами». Нарушителя отныне могли осудить на три месяца тюрьмы или приговорить к выплате штрафа в размере 2 тысяч фунтов. Закон был нерадиво составлен и не решил проблем с оппозицией. И хотя кое-где он и пригодился, в целом он был бесполезен, и произведенные аресты увенчались предъявлением лишь нескольких обвинений; при этом 90 % обвиняемых впоследствии были оправданы. Желая ослабить или уничтожить протестные движения, эти новые законы, наоборот, сплотили антивоенные, зоозащитные, экологические, туристские и другие группы. Ряды сомкнулись.

В июне 1997 года появилось еще одно постановление для предотвращения протестных акций. Консерваторы открыли настоящую охоту на публичные выступления, вечеринки, пикеты, саботаж охоты, кочевую жизнь и пр. От лейбористов ожидали большей поддержки, но теперь мы знаем, что нас попросту облапошили. В 1997 году через парламент благополучно прошел Закон о защите от домогательств. СМИ прильнули к растущей проблеме преследования женщин, которая подогревалась небольшим числом громких судебных процессов. Если защита женщин была настоящим мотивом для представления закона, значит можно назвать забавным совпадением тот факт, что женщинам запретили протестовать против жестокости и эксплуатации, чинимых теми же мужчинами, что составили и отстаивали этот закон.

Аналогичным образом Закон о профсоюзах от 1992 года, Закон об уголовных преступлениях и полиции от 2001 года и Закон об антиобщественном поведении от

2003 года активно использовались для подавления протестов за права животных. Одну женщину арестовали и обыскали ее дом в 2004 году за то, что она отправляла вежливые электронные письма в компании, участвующие в отравлении животных в ходе лабораторных опытов. Полиция трактовала ее действия как домогательства. Позже обвинения были сняты, потому что полицейские никак не могли направить дело в суд. Других арестовывали и изводили за демонстрацию изображений угнетения животных. Одну небольшую группу полиция отогнала от передвижного цирка, потому что его сотрудники, жившие в трейлерах, назвали протест против их работы домогательством. Все это будничные инциденты, отраженные в документах NESTU.

В 2005 году правительство лейбористов протолкнуло Билль о серьезной организованной преступности, который домогательством определял абсолютно все, даже раздачу листовок. Параграф 121 билля запрещал «совершать домогательства двух и более человек» с целью «принуждения к действиям, которые человек имеет право не совершать». Домогательство могло включать «одно и то же действие, совершенное по отношению к двум и более людям». Иными словами, ваши действия будут интерпретироваться как домогательства, если приблизиться к человеку, к которому вы уже подходили с листовкой.

В последние годы полицейские стали брать с собой на рейды оружие, даже если расследовали дело о взломе зоомагазина. И уж очень серьезно они были экипированы для засады на скотобойне Рафика. Благодаря CS-баллонам и дубинкам многие невооруженные протестующие получили серьезные травмы. Сколько времени должно пройти, чтобы полиция перестала закрывать глаза на убийства зоозащитников? Неужели для этого сторонники охоты должны отнять еще жизни? И неужели никому нет дела? Как бы то ни было, сейчас борьбу за права животных окружает глубокое насилие, не говоря о страданиях самих животных, однако угнетателям и полиции куда чаще удается уходить от ответственности, чем нести ее.

В начале 1995 года люди в масках, связанные с чеширскими охотниками, ворвались в дома известных саботажников в Ливерпуле и Манчестере. В первом случае они избили женщину и ее собак. Прочие жильцы в этот момент были снаружи, поэтому избежали побоев. Активистке было велено впредь не мешать проведению охоты, если она не хочет, чтобы громилы вернулись вновь. Второй дом был пуст, поэтому отморозки просто выбили все двери.

Не так давно в Милтон-Кинсе под автомобилем известного саботажника было обнаружено взрывное устройство. Это лишь один эпизод из целой серии, когда машины сжигали, а внутри оставляли мертвых изувеченных животных. Словно какая-то визитная карточка шизофреника. Много историй было традиционно связано с насилием вокруг цирков, включая дело о подстреленном активисте и еще одно о проколоте. К счастью, серьезно от рук циркачей пока еще никто не пострадал.

Не испугавшись угроз и насилия, в ответ на атаки в Ливерпуле, активисты ФОЖ подожгли 30 молоковозов Milk Marque и еще кое-какие их машины. Ущерб исчислялся суммой около 2 миллионов фунтов. Помощник главного констебля Чешира Джон Дуайер сказал по этому поводу: «Если их целью было нанести максимально серьезный урон, то они своего добились. Большую часть автомобилей придется списать».

Доносчица и перебежчик

Невозможно остановить перемены в обществе, и подтверждение этому мы как раз сейчас наблюдаем. В течение 10 лет охоту на лис запретят. В следующем столетии с животными уже не будут обращаться так, как сегодня. У нас проблемы не с целями движения за права животных, а с его методами.

Офицер Особой службы, The Observer, ноябрь, 1995

Пресс-атташе ФОЖ три года занимался решением конфликтов и подогреванием интереса к теме угнетения животных. Ни о каких извинениях за акции ФОЖ или других организаций речи даже не шло. В ответ власти делали все возможное, чтобы заткнуть ему рот. Отличный шанс им выпал в начале 1994 года, когда появилась Организация освобождения домашних птиц (PLO). Прерогативой Уэбба как члена Национального союза журналистов и как избранного пресс-атташе ФОЖ было сообщать людям последние новости. Поэтому, когда PLO прислала ему пресс-релиз, в котором говорилось о заражении яиц батарейной системы в супермаркетах Tesco на юге Англии, Уэбб посчитал своим долгом поделиться этим. Последовали новые акции PLO, равно как и аресты. В числе задержанных был и сам Уэбб, чей дом обыскали сверху донизу. Его обвинили в том, что своими пресс-релизами он склонял людей к отказу от яиц батарейных ферм. Это было невероятное обвинение, которое заставило его замолчать, как заставило бы замолчать любого журналиста, пишущего о непроверенных вещах. Полиция конфисковала материалы пресс-службы, а Уэбба выпустили под залог. Он ожидал дальнейших решений властей.

Две недели спустя Робина Уэбб заключили под стражу после того, как офицеры Особой службы остановили его машину в Хоуве, Восточный Суссекс, в поисках дробовика! Уэбб путешествовал вместе с Дэвидом Хаммондом, известным местным экс-освободителем животных, на обоих висках которого было вытатуировано «ФОЖ». В их аресте участвовали два десятка детективов.

Если у кого-то и были сомнения в существовании масштабной операции, которая пыталась заставить ФОЖ замолкнуть, то они вмиг рассеялись, когда полицейские открыли багажник и нашли в нем не пакет с болторезами, а настоящее оружие. Хорошее чутье или подстава? Через несколько дней на предварительных слушаниях полицейские сказали присяжным, что они действовали на основании полученной информации и обнаружили в багажнике машины Уэбба дробовик, а также 22 патрона и пулю в бардачке. Они напомнили, что Уэбб на тот момент был выпущен под залог, будучи обвиненным в преступном сговоре. Все выглядело предельно ясным. Но оказалось, что дело не ограничивалось подтасовкой улики.

Выяснилось, что подруга Уэбба и Хаммонда стала полицейским информатором. Именно она и «поколдовала» над их багажником. Это раз. Вторая проблема заключалась в том, что Хаммонд дружил еще с одним хорошо зарекомендовавшим себя информатором (не участвовавшим в зоозащитных кампаниях) по имени Грэм Эннис. Вдобавок к этому Хаммонд сам по себе был горячим человеком, склонным к вспышкам злости и сумасбродному поведению. Он был самоуверенным, упрямым и далеко не самым харизматичным человеком, но зато очень мотивированным активистом. В отличие от Уэбба, он любил рисковать. По всему выходило, что беды такой паре не избежать.

Полиция так и не объяснила, почему они, обезвреживая, по их словам, вооруженных до зубов головорезов, сами были без оружия. Это же стандартная вещь при задержании опасных политических экстремистов. В конце концов, для этого им и выдают оружие. А с ними не было даже водяного пистолета! Но их ничего не смущало: все были счастливы в связи с «поимкой» центрального человека в ФОЖ, тем более что ему выдвинули столь серьезное обвинение.

Арестованные были убеждены, что офицеры заменили болторезы на ружье в тот момент, когда их обоих отвели от машины, а другие полицейские ее обступили. Они понятия не имели, что предатели были среди друзей. Обоих через несколько недель выпустили под залог с очень жесткими условиями. Уэбб не имел права удаляться более чем на 30 километров от своего дома в Кембридже и должен был ежедневно отмечаться в полицейском участке, который находился от него в 40 километрах пути. Учитывая, что все материалы пресс-службы изъяла полиция, его роль в качестве пресс-атташе существенно сократилась. Стоит ли говорить, что они этого и добивались.

Взбудораженный, но не испуганный, Уэбб продолжил работу, давая бесконечные интервью по телефону и не только, пока не был призван в суд, чтобы ответить за публикацию пресс-релиза РЛО. Детектив в дизайнерском костюме сказал, что Уэбб «нарушил условия освобождения под залог, поэтому мы закроем тебя, чтобы заткнуть». Его заключили под стражу на шесть месяцев, прежде чем судебные задержки позволили подать еще одну заявку на освобождение под залог, которое было позволено после продолжительной юридической битвы. На сей раз Уэбба обязали не общаться с прессой, не писать статей и не выступать на собраниях. Ему велели «никаким образом не участвовать в публичных мероприятиях, проводимых зоозащитными организациями либо любыми другими объединениями с аналогичными целями и не выступать от их лица». Ограничение на передвижение в радиусе 30 километров было смягчено лишь разрешением посещать адвоката в Лондоне по предварительному согласованию с властями; только в дни этих встреч Уэбб мог не отмечаться в полицейском участке. Это называется смягчением условий!

Сначала полиция хотела посадить его за решетку, чтобы лишить возможности свободно говорить или писать. Однако жесткие условия освобождения под залог тоже успешно справлялись с этой задачей. Больше не было опасений, что кто-то будет трепать полиции нервы; не нужно было заботиться о пресс-службе ФОЖ и сохранности секретной информации, которую Уэбб регулярно делал достоянием общественности.

После трех лет жизни с комендантским часом и частыми визитами в полицейский участок, наконец, началось рассмотрение дела о дробовике. Первые два слушания прошли в юридических баталиях, по завершении которых судья снял с обоих подсудимых все обвинения за недостатком улик. Оба с самого начала отрицали какую-либо связь с оружием. Прокурор сообщил, что полиция получила информацию о дробовике в багажнике из надежного источника. Защита возразила, что информатор (этот всевидящий, всезнающий свидетель) являлся потенциальным подозреваемым и должен был подвергнуться перекрестному допросу о таинственном появлении дробовика. Судья согласился. Полиция отказалась раскрыть личность информатора, не желавшего публичности, и дело закрыли.

Было что-то забавное во всем этом полицейском фарсе. Конечно, лучше массовая паранойя, чем даже один невинный человек за решеткой, но теперь приходилось подозревать каждого приятеля в доносительстве. Странные отношения Хаммонда с Эннисом продолжались еще долго даже после того, как стала известна его роль в этом деле. Например, в одном из заявлений в 1996 году Эннис сказал полиции: «Я ис-

пользовал его (Хаммонда) как источник информации по многим террористическим процессам, которые имело место внутри движения за права животных. Он был очень полезен». Хаммонд все отрицал и терял лицо среди коллег; в конце концов, после обнародования информации он стал для движения персоной нон грата. Утечка информации по его вине вредила делу защиты животных. Кроме того, всплыл факт нецелевого расходования 2 тыс. фунтов из фонда поддержки заключенных, за который Хаммонд отвечал.

Некогда трудолюбивый активист, Хаммонд предал в первую очередь себя, когда начал публиковать на своем сайте «Новое веганское освобождение» карикатуры, высмеивающие ФОЖ и людей, которых он недолюбливал. Когда в ответ на многие жалобы сайт закрыли, Хаммонд начал чудить еще больше, обратившись за поддержкой в прессу. Sunday Telegraph опубликовала его историю. Заголовок гласил: «Почему я порвал со злыми фанатиками». В тексте бывший боец прицельно швырял камни в огород ФОЖ, но это делали и до него, поэтому ничего нового сказать не удалось. Статья явилась разве что мешаниной различных воззрений Хаммонда. В заключении материала говорилось, что Хаммонд живет по секретному адресу во Франции, где пишет мемуары о своем участии в акциях ФОЖ, и что его покажут в документальном сериале «Хроники». Мемуары никто так и не увидел, а те «Хроники» едва ли был рад видеть сам Хаммонд. Об этом чуть позже.

The Express с ликованием придал остроты истории Хаммонда, озаглавив ее «Внутри Фронта освобождения животных». В тексте говорилось, что герой разочаровался в ФОЖ. Он писал, что ему периодически звонил Робин Уэбб, чтобы узнать его мнение относительно той или иной идеи или слогана. Причина, по которой Хаммонд пополнил ряды ФОЖ, звучала так: «Тот, кто ведет скучную жизнь, внезапно обретает некий смысл. Вы становитесь кем-то». Это было печальное откровение. Его 15 минут славы привели только к тому, что он лишился работы школьного уборщика, уважения в зоозащитных кругах и почти всех друзей.

В самый разгар «проблемы южного побережья» грянул скандал, центральной фигурой которого стала женщина по имени Салли Дженкинс (еще ее уничижительно называли Толстая Салли), женщина с дробовиком, если угодно. Она, похоже, тоже изменила свое отношение к происходящему, ополчившись на друзей и встав на сторону угнетателей животных. Поскольку ничего толком не известно, остается предположить, что деятельная и храбрая некогда активистка стала стукачом под угрозами полиции и начала докладывать о планах бывших друзей.

Будучи довольно пышной женщиной, Салли Дженкинс не годилась для того, чтобы сигать через ограды и карабкаться на крыши, но была предана животным и делала все, что было по силам. Она ничего не боялась и всегда с радостью садилась за руль, вне зависимости от того, что затевалось. Она и ее муж Генри выглядели скверной парой; Салли явно была главной в семье, откровенно доминировала и издевалась над беднягой.

Она вела активную работу на протяжении трех-четырех лет, и причин сомневаться в ее лояльности не было. В самом деле, ее считали человеком, которого нужно подозревать в последнюю очередь. Есть люди, способные что угодно болтать о ФОЖ и спекулировать на этом, но Салли сама была из Фронта. В этом и заключалась проблема, потому что она настолько погрузилась в кампании и рейды, что была вне подозрений. Выяснилось, однако, что ее смелости есть предел, и когда вперед замаячила тюрьма, она продала и животных, и друзей.

Похоже, все началось с ареста по подозрению в порче яиц с батарейной фермы. Ее и других арестовали и, вероятно, обвинили бы, но полисмены думали о бо-

лее крупной добыче. И они сказали Салли: «У нас достаточно доказательств, чтобы посадить тебя на долгие годы. Ты больше не увидишь своих животных, потеряешь работу и дом, к тому же человеку твоей комплекции в тюрьме придется несладко. Но мы можем помочь друг другу». Многим доводилось слышать подобные слова, и большинство арестантов все-таки отказываются от сотрудничества, но Салли вдруг очень испугалась. Может быть, она просто никогда не думала о последствиях своих действий. А может, ей предложили денег.

Салли была инициативной активисткой. Считалось, что на нее можно положиться. В какой-то момент она могла даже возглавить Группу поддержки ФОЖ. Она действительно очень хотела помогать животным. Так же, как Хаммонд и Уэбб. Все трое были знакомы много лет и пеклись друг о друге. Их уважали за приверженность борьбе, пригласить выпить кого-то из таких людей после митинга или демонстрации считалось делом обычным. Мы не знаем, что было на уме у полиции, но когда они увидели отношение Хаммонда и Уэбба к Салли, они тут же смекнули, что нужно использовать слабое звено. Салли не была самой крупной рыбой, но она знала и иногда останавливалась у хорошо известных активистов. Ее всегда охотно выручали.

34-летняя Джиллиан Пичи много лет была в движении и участвовала в самых разных акциях. В эти дни, например, она борется с государственной программой по истреблению барсуков в Корнуолле. Джиллиан знала Салли не один год и доверяла ей больше, чем кому-либо еще в их группе. Они вместе ходили на демонстрации, организовывали поддержку заключенных, выполняли другую нудную и тяжелую работу. Они и другие члены их женской группы работали в Хэмпшире и спокойно могли за вечер оставить в паре мест по зажигательному устройству. Неоднократно бывало, что Салли как водитель очень рисковала, и все могло закончиться тюрьмой. Она становилась странной, по-настоящему странной.

Поначалу на это никто не обращал внимания, но активистки вскоре поняли, что полицейские всегда заранее знали о готовящихся акциях. Появились подозрения, но о Салли никто не думал. Арест Пичи и Дженет Маккланнен возле отеля Botley Grange в Хэмпшире, где они оставили муляж бомбы в женском туалете, не был случайностью. После этого члены охотничьего клуба Харсли-Хемблдона должны были встретиться в гостинице на очередном собрании. В фойе, баре и на парковке хватало полицейских под прикрытием. Они были там не из-за охотников, а по душу двух активисток, которых заложила Салли. Примечательно, что девушки хотели попросту осмотреть отель для подготовки к последующей операции, но Салли настояла, чтобы они оставили там подарочек. Сама она извинилась и осталась дома.

Никто не понимал, как их вычислили. Еще больше сбивало с толку, почему Джилли Пичи отказывали в освобождении под залог на протяжении шести месяцев, а Дженет Маккланнен выпустили через неделю. У последней, правда, были дети как смягчающее обстоятельство, но на момент ареста она и так уже была освобождена под залог за другие правонарушения, включая нападение на сотрудника полиции. И тут вдруг с нее сняли все обвинения и отпустили на все четыре стороны! Тем временем остальные члены группы ощущали на себе усиливающуюся слежку. Прошел слух, что среди них есть доносчик. Все начали подозревать Маккланнен, и подбросила эту идею, конечно же, Салли. Пичи игнорировала предупреждения о том, что как раз толстушка и может быть проблемой; она не могла вообразить, что ее близкая подруга — причина всех бед. Это было немыслимо, потому что та считалась куда более закаленной активисткой, чем Маккланнен.

Чтобы проверить теорию, группа дождалась выхода Пичи из тюрьмы и внушила Маккланнен, что одной ночью будто бы что-то должно произойти. Девушки засели на

безопасном расстоянии от места предполагаемого действия и стали наблюдать. Полицейские оказались на месте, и наивность была легко обманута. Подозрения с Салли были полностью сняты (она в это время с готовностью организовывала посещения Робина Уэбба в тюрьме) и возложены на Маккланнен, особенно после точного повтора этого сценария. Все было ясно как день: ей сообщали о планах, полиция была на месте. Дважды.

Разумеется, на самом деле Маккланнен была ни при чем. Это ведь мечта любого доносчика: полиция проводит аресты, а отдувается за это другая, невинная активистка, ставшая козлом отпущения для ФОЖ! Маккланнен испытывала на себе нападки бывших товарищей. Ее жизнь превратилась в сущий ад, а Салли спокойно планировала следующий шаг. Пичи приговорили к 21 месяцу условно с испытательным сроком в два года и выплате штрафа в размере 1800 фунтов за размещение муляжа взрывного устройства. Маккланнен признали невинной. Странный исход, усиливший всеобщее подозрение. Для Пичи же приговор стал облегчением, потому что она ожидала более сурового наказания. Салли тоже радовалась, что осталась в тени. Она вела себя невозмутимо и вдохновляла этим Пичи. Тюремный срок совершенно не изменил Джилли, она все так же была уверена, что лучший путь пролегает через прямое действие, поэтому очень быстро вернулась в группу и стала планировать новые акции.

Любое обвинение в течение следующих двух лет увенчалось бы для нее тюремным сроком от 21 месяца, к которому обязательно еще что-то добавили бы, но она была счастлива, что все позади, ведь доносчика удалось вычислить. На самом деле вокруг группы сжималось кольцо. Условный срок для многих означал необходимость остепениться, но Пичи думала иначе. Она твердо верила, что действия лучше любых слов. Другие ее в этом поддерживали, особенно Салли.

Был канун Рождества 1995 года, и активистки ощущали себя в сравнительной безопасности. У одной из них, правда, были на то свои основания. Полиция была занята пьяными водителями и драчунами, что открывало активистам возможность заняться любимым делом. Было решено проучить руководителя охотничьего клуба «Новый лес шотландских борзых» и испортить ему праздник. Салли, конечно же, знала об этом замысле и том, что было в машине, в которой ехали ее хорошие подруги. Сама она вновь извинилась и отказалась от участия.

Любопытно, но никто по-прежнему ничего не понимал (а прошел уже год после инцидента с дробовиком), даже когда машину остановили буквально в минуте езды от выбранной цели. С рождеством, офицер, но вас не должно было здесь быть! В таких случаях сначала ты думаешь, что нарушил что-то и очень скоро отделаешься пустяковым замечанием или штрафом и праздничным поздравлением. К несчастью для Джиллиан Пичи, это был не тот случай. У багажника уже стоял детектив. Девушки оказались зажаты в железной коробке, как дикие животные. Между тем к машине сбегались полицейские, точно знавшие, что они ищут. Один крупный удалец, агент сыскальной полиции приблизил лицо к лицу Пичи и прорычал: «Вот теперь мы тебя сцапали, сучка!» Он сказал это еще до того, как заглянул в багажник. Потому что знал обо всем заранее.

Спустя пять дней, в течение которых вверх дном были перевернуты их дома, Джилли Пичи, Гейнор Форд и Сандра Уат были обвинены в хранении взрывчатых веществ, преступном сговоре с целью причинения ущерба, а также поджоге куриной фермы за пару недель до того. В освобождении под залог им отказали. При этом они все еще не понимали, как это случилось. Может, прослушивалась машина, чей-то

дом? Или кто-то проболтался? Все, кроме Джиллиан, косо поглядывали на Салли, но та в подруге не сомневалась. Никогда. Салли всегда была рядом, помогала. Только когда они с Генри бесследно исчезли несколько месяцев спустя, все наконец встало на свои места.

Однако и полиция не избежала сложностей, когда судья настоял на том, чтобы подвергнуть информатора перекрестному допросу по просьбе адвоката, утверждавшего, что в данном случае работал агент-provokator. Салли не могла себе этого позволить. Она ведь сама отвечала за планирование акций и, возможно, стыдилась своей двойной жизни и того зла, которое причинила борьбе за права животных и своим соратницам. Она сделала грязное дело и сбежала.

В ее отсутствие и при наличии других осложнений два дела были прекращены, а третье полностью закрыто. С Сандры Уайт и Гейнор Форд сняли все обвинения. Несчастной Пичи опять не повезло. Поскольку против нее имелись изобличающие доказательства (зажигательные устройства лежали в багажнике именно ее машины), она решила признать свою вину, чтобы получить меньший срок. Но судья не проявил милосердия и приговорил ее к 6 годам и 9 месяцам, включая тот 21 месяц, который ей достался от прошлого приговора.

Джиллиан Пичи стала последней жертвой доносчиков и предателей на юго-востоке страны в середине 1990-х. Робину Уэббу в свою очередь предстояло вынести от рук полиции еще немало.

Гэндальф

Всего через пять недель после снятия с Робина Уэбба обвинений, связанных с пресс-релизом о порче яиц активистами PLO, полиция Хэмпшира вновь стояла у него на пороге. Уэбба арестовали наряду с другими активистами и предъявили следующее обвинение: «В Хэмпшире и не только в промежутке между 01.01.1991 и 17.01.1996 вы вступили в преступный сговор с остальными обвиняемыми с целью подстрекательства неизвестных людей к причинению ущерба».

По итогам процесса троих подсудимых отправили в тюрьму на три года только за то, что они сообщали об актах саботажа и спасения животных, никого при этом не подначивая; этот случай продемонстрировал, что свобода слова, которой мы так кичимся, всего-навсего миф.

С самого начала дела, которое вошло в историю как Заговор Гэндальфа, было ясно, что полиция хочет связать людей, стоящих за пресс-службой ФОЖ и бюллетенем Группы поддержки ФОЖ с журналом *Green Anarchist*¹. Дело получило название от аббревиатур: GA aND ALF.

Это была скандальная попытка попать свободу слова и уничтожить средства сообщения между радикально мыслящими борцами за перемены. От GA никогда не исходило реальной угрозы; несомненно, главной целью был Робин Уэбб. Власти решили добраться до него любыми средствами, а остальных набрали только для того, чтобы было побольше обвиняемых и, следовательно, чтобы дело выглядело как можно солиднее и страшнее. Для одержимой полиции Хэмпшира операция «Вашингтон», в ходе которой было проведено по меньшей мере 56 рейдов, и особенно для старшего инспектора Десмонда Томаса это оказалось дорогостоящей, бесплодной и трудоемкой ошибкой. Но им было неважно, смогут ли они инкриминировать что-то Уэббу, потому что его уже удалось заткнуть и держать на привязи условиями освобождения под залог.

Прямо перед началом заседаний, через неделю после ареста, присяжные сочли, что дело против Уэбба нарушает гражданские права, и освободили его. Конец фильма? Если бы. Остальные обвиняемых осудили. Доказательства против Саймона Рассела были еще более сомнительными, чем против Уэбба. В то время он был неутомимым редактором бюллетеня Группы поддержки ФОЖ. Именно на том основании, что перед каждой публикацией Рассел носил все материалы к юристу для проверки (что было нормальной практикой, призванной защитить редакторов и Группу поддержки от обвинений в подстрекательстве), полицейские утверждали, что он подстрекал людей к противоправным действиям. Какая интересная логика! Кроме того, офицеры делали акцент на его тесной связи с Робинсом Уэббом, который, нужно заметить, в глазах закона уже был чист.

Обвинители утверждали, что пять подсудимых — Саксон Берчналл-Вуд, Пол Рождерс, Стивен Бут, Саймон Расселл и Ноэль Молланд — участвовали в издании радикалистской периодики, знали других людей, делавших то же самое, и придерживались левых политических взглядов. Смысл заключался в том, что публикация подробностей акций прямого действия воспринималась как подстрекательство, а

¹ *Green Anarchist* — издание, основанное в результате проведения протестных акций против развития военно-промышленного комплекса в Великобритании и опирающееся на принципы зеленого анархизма. Испытывало на себе сильное влияние антицивилизационных идей Джона Зерзана и даже симпатизировало действиям Теодора Качинского (Унабомбера).

если еще какие-то люди печатали аналогичные материалы, значит, имел место преступный сговор. Сотрудничество Берчналла-Вуда с GA ограничивалось написанием музыкальных рецензий и статей про технологии. Еще большую смуту в процесс внес Пол Роджерс, уволивший своего адвоката, когда они не сошлись относительно выбора тактики защиты. Таким образом, рассмотрение его дела было отложено. Перед судом предстали четверо.

Саймона Расселла обвиняли в том числе в создании сайта Министерства Справедливости. Настоящий автор сайта — канадский активист ФОЖ Даррен Терстон — специально прибыл в Великобританию, чтобы свидетельствовать об этом в суде. Однако адвокат Расселла быстро отправил его обратно в Канаду — говорят, из-за того что против Терстона имелись обвинения в проведении акций ФОЖ. После длительных разбирательств суд в итоге согласился принять письменное заявление Терстона. Только тогда полиция сняла свое глупое обвинение в том, чего Расселл точно не совершал. Для большего веса даже его юрист дал показания в суде, подтвердив, что бюллетень Группы поддержки ФОЖ публиковался в рамках закона.

После 46 дней процесса присяжные оправдали Саймона Расселла, но признали виновными остальных троих подсудимых. Каждый получил по три года тюрьмы. Такое нарушение свободы слова было преимущественно проигнорировано основными СМИ. В этом крылась ирония, так как за подобным инцидентом могли последовать самые непредсказуемые последствия для тех самых журналистов, если бы уже их взгляды не совпали с государственной линией.

Шесть месяцев спустя в апелляционном суде прозвучал тот же аргумент, что и на процессе по Шоремскому делу: подсудимым вменяли в вину совсем не то, за что их арестовали (подстрекательство к причинению ущерба). Чтобы раздуть дело, требовались доказательства отношения подсудимых к поджогам и акциям Министерства Справедливости. Судьи быстро просекли это. Они подумывали о пересмотре дела, но все-таки решили, что это плохая идея, учитывая резко возрастающие при подобных поворотах расходы и время, так как аресты были произведены больше двух лет назад. Апелляционный суд снял все обвинения — к сожалению, не из уважения к свободе слова, а из-за юридических тонкостей. Однако Его Честь мистер Генри заявил: «События, которые привели к закрытию дела, слишком фундаментальны, чтобы их можно было описать как формальности». Кроме того, он отметил, что даже если бы подсудимым предъявили правильные обвинения, наказания за них были бы чрезмерными. В национальной прессе, куда больше интересовавшейся последней стрижкой Дэвида Бекхэма, не было никаких сообщений об этом процессе.

Как обычно, полиция восприняла подобные контрдоводы как часть игры (особенно принимая в расчет хрупкость дела), быстро отстала и занялась другими вопросами. Однако стражи правопорядка были настолько одержимы идеей поддержания многомиллионной кампании против пресс-службы, что возобновили обвинения против Робина Уэбба. В них были внесены поправки: полисмены добавили слово «поджог». Они рассчитывали посадить человека, пользуясь теми же доказательствами, что представляли в прошлый раз, несмотря на то, что суд тогда их отклонил. Вообще, правовые принципы запрещают использовать одни и те же доказательства повторно, но, судя по всему, в данном случае правовые принципы отдыхали.

Прокурор пытался возражать, что, так как первый процесс по делу Гэндальфа был прерван, его вроде как и вовсе не было, поэтому доказательства можно использовать как в первый раз. После трех недель прений с подсудимых окончательно сняли все обвинения, но для Уэбба и на этом еще не все закончилось.

Шпион, который нас разлюбил

Когда я был молод, я видел, что 9 из 10 вещей, которые я делал, оборачивались неудачами. Я не хотел быть неудачником, поэтому начал делать в 10 раз больше.

Джордж Бернард Шоу

Грэм Холл заработал уважение зоозащитного движения в 1990 году — за то, что бесстрашно внедрился в банду браконьеров, убивавших барсуков. Это закончилось громким судебным процессом в местечке Билт-Уэллс в центральном Уэльсе. Ему не понадобилось ни длинного послужного списка, ни отбывания тюремного срока. Если ты работал под прикрытием в опасном мире браконьеров и усадил нескольких из них на скамью подсудимых, ты принят в клуб защиты животных. Многие только не понимали, почему Холл относился к этому как к работе. Он занимался и другими, никак не связанными с зоозащитой бизнес-проектами, на какое-то время исчез, а потом вновь возник из ниоткуда. И ни у кого это не вызвало вопросов.

Холл тогда был в сговоре с полицией Хэмпшира и Четвертым каналом. Он и не собирался сражаться с угнетением животных, как многие думали о том, кто некогда подверг себя большой опасности среди браконьеров. Холл намеревался завлечь доверчивых активистов в ловушку и орудовал скрытой видеокамерой. Ему повезло заснять Дэвида Хаммонда в очередной вспышке гнева. На пленку попала и болтливая Гейнор Форд. Плюс ко всему, его представили Робину Уэббу, потенциально самой крупной добыче. Холл, brutальный уроженец Бирмингема, умел влиться в коллектив, он даже убедил кого-то из новых друзей, что годится для акций прямого действия. Холлу было все равно, кто в итоге окажется за решеткой, — он всего лишь делал съемку для программы «Хроники» на Четвертом канале. Полиция в свою очередь, конечно же, хотела заполучить Уэбба.

В фильме «Внутри ФОЖ» ясно видно, что Холл ухаживал за Гейнор Форд, даря ей цветы и гашиш. Она даже провела для него автомобильную экскурсию (записанную на скрытую камеру) по местам, которые были намечены в качестве мишеней в районе Хэмпшира, рассказывая о том, как жертвоприношения общественности используются для проведения акций. Было понятно, что она наговорила много лишнего и навлекла серьезные неприятности. Но документальный фильм служил совсем иным нуждам. Несмотря на открытые признания, даже ярые противники Фронта из полиции Хэмпшира не собирались арестовывать Форд. Не интересовал их и как с цепи сорвавшийся Хаммонд, который к тому моменту уже не был уверен, активист он вообще или нет.

Видимо, из желания внушить доверие Хаммонд играл роль исправившегося активиста, которого настолько ужасали поведение бывших коллег и агрессивный подход «элиты ФОЖ», что он был вынужден рассказать об этом миру. Для пущей убедительности Хаммонд начал завираться, он хотел отомстить и отречься от движения. В Холле он видел союзника, трепался обо всем подряд и не лукавил относительно воображаемого «насилия ФОЖ». Он открыто признавался, что ему нравилось, когда угнетателям животных крепко доставалось.

Холл зашел очень далеко, упрощив Уэбба показать ему, как делается зажигательное устройство, воплотив тем самым в жизнь предположение о том, что пресс-атташе «серьезно замешан в терроризме». Ведь при аккуратном видеомонтаже и манипуля-

ции фактами можно доказать что угодно. Четвертый канал в тысячный раз показывал, что ФОЖ — это опасная террористическая организация, нацеленная на убийства. По словам Холла, он провел «семь месяцев под прикрытием внутри очень опасного и засекреченного мира Фронта освобождения животных», внутренняя жизнь которого ранее не освещалась. Хотя единственное, что ему самому удалось доказать, так это то, что ФОЖ существует! На этом он не остановился.

Крупнейшим достижением стало появление Холла на передовице The Mail on Sunday через год. Нас ждал еще один эксклюзив. Разворот занимала леденящая кровь история о том, как разоблачитель ФОЖ пережил ночь ужаса, пострадав от рук фанатиков, чьи зловещие политические идеи он сделал достоянием общественности. На сей раз для того, чтобы раз и навсегда доказать подлинность обвинений в насилии, Холл храбро демонстрировал раны, нанесенные ему людьми, которые похитили его, держали в качестве пленника 12 часов и использовали раскаленный утюг, чтобы выжечь на его спине 10-сантиметровые литеры «ФОЖ». Он заявлял: «Даже я их недооценил. Они очень организованны и совершенно одержимы — ни перед чем не останутся. Этот конфликт вышел из-под контроля и грозит закончиться коллапсом». Хм, правда что ли?

Полиция графства даже не знала о совершенном нападении до публикации. Представитель ведомства намекнул на свое отношение к заявлениям Холла так: «Трата времени полиции все еще уголовно наказуема». По словам Холла, этого профессионального лохотронщика, он был так сильно травмирован в ходе атаки, что обмочился, однако впоследствии смог подробно реконструировать череду ужасных событий для газеты. Он поведал фантастическую историю, в которую многие, включая полицейских, не смогли поверить и которая явилась тревожным звоночком для других журналистов, оправшивавших Холла за много лет до этого. Тогда он утверждал, что поклонники собачьих боев облили его смолой и посыпали перьями.

Всплыли многочисленные голословные заявления и проделки Холла, включая растрату 10 тысяч фунтов из кассы благотворительной организации, в которой он работал под прикрытием. Его даже обвиняли в безучастном присутствии при сценах жестокости к животным в ходе съемок фильма для другой зоозащитной группы. Кроме того, Холл в свое время сидел в тюрьме и имел богатое криминальное прошлое, включая кражу со взломом и воровство.

Однако сказке Холла неведомым образом удалось стать «историей, шокировавшей Англию». Момент был выбран идеально, да и прессе сюжет понравился. Плюс, появление небылицы Холла совпало с выходом драматического часового эпизода больничной мыльной оперы «Катастрофа», повествовавшей о том, как активисты за права животных размещали взрывные устройства в медицинских учреждениях. Еще одним совпадением стало объявление правительства о введении более жесткого законодательства для пресечения становящейся все более неистовой террористической угрозы со стороны экстремистов за права животных. Через неделю королева одобрила эти планы в своем обращении к нации.

Живые норки и умирающая империя

Убийство животных есть жестокость, ярость и проявление дурной привычки проливать кровь невинных.

Йосеф Альбо¹

Рост числа акций прямого действия против меховой индустрии в Великобритании в течение 1980-х, череда побед над закрывающимися магазинами и фермами наряду с клятвами лейбористов запретить последние привели к созданию общей картины гибели меховой индустрии. Но вследствие появления других направлений борьба с мехом переживала медленный спад. Позже индустрию ждало нечто вроде воскрешения, когда компаниям удалось прошмыгнуть на главные торговые улицы городов, правда, уже не с шубами, а с меховыми подкладками, обшлагами и аксессуарами. Что было особенно непотребно, так это то, что вернуться в магазины позволила практика изменения натурального меха таким образом, чтобы он выглядел, как искусственный, и продавался под видом настоящего. При этом представители компаний не стеснялись утверждать, что спрос на натуральный мех возвращается.

Лично я придерживался мнения, что с меховой индустрией покончено, и она не сможет восстановиться, поэтому сфокусировался на других проблемах. Но сами торговцы мехом не думали сдаваться. Они хотели вернуть старые добрые времена и прежние масштабы жестокой эксплуатации. Тем не менее с тех пор, когда это считалось сугубо английской проблемой, многое изменилось; идея разлетелась по миру и пустила побеги не только по другую сторону Атлантики, но и в царстве натурального меха — в Скандинавии.

В начале лета 1995 года Финляндия пережила первые рейды подобного рода. Активисты освободили более 600 лис в результате акций на четырех фермах на западе страны, — страны, держащей в заточении самое большое число лис в мире и срывающей свыше 2 миллионов шкур в год. Спасение животных было само по себе важным моментом в развитии движения, но еще большее внимание к индустрии привлек суд над тремя молодыми женщинами, ответственными за акции. С попадания их лиц на полосы газет началась антимеховая кампания, в 1990-е распространившаяся по всей Европе.

Из трех 20-летних арестанток две упорно молчали, несмотря на усиленное давление, а третья рассказала все. Благодаря ее показаниям всем трем предъявили обвинение. В итоге Кирси Култалахати лишь немного выгадала по сравнению со своими подругами по окончании процесса, который длился месяц. Миа Салли и Минна Салонен получили по 2,5 года условно, а говорливая активистка — 2 года условно. Им надлежало разделить между собой выплату штрафа в размере 850 тысяч финских марок (около 135 тысяч фунтов) на покрытие расходов фермеров и подорожавшие услуги страховых компаний.

Освещение этой истории в СМИ и сопутствующее разоблачение меховой индустрии занимали передовицы и вдохновляли людей на активные действия. Так родился Elainten Varataus Rintama, финский ФОЖ. Согласно общегодовой полицейской статистике, минимум раз в неделю кто-то обязательно выбивал окна мехового магазина, а замки заливали клеем еще чаще. Той же осенью были совершены атаки

¹ Йосеф Альбо (1380–1444) — средневековый еврейский философ и раввин.

еще на две фермы: активисты выпустили на волю 200 лис. Сотни тех животных, что остались на ферме, они вымазали красной краской, а все записи о разведении унесли с собой. Вскоре после этого вспыхнул огромный кожевенный завод, принадлежавший крупнейшей меховой ферме. На нем хранилось 20 тысяч шкур хорька и 2 тысяч лисьих. Еще на одной ферме активисты вымазали краской 50 лис. Два месяца спустя в стране впервые подожгли несколько грузовиков, перевозивших мясо. В канун Рождества запылали еще три. Дабы доказать, что эти акции не были изъяснением воли небольшого числа несогласных, 200 активистов собрались для протеста против Международного мехового аукциона, чрезвычайно важного для торговцев шубами мероприятия. Спорадические акции вокруг события вылились в настоящую осаду и привели к аресту 40 человек.

Все это происходило в кратчайшие сроки в стране, которая прежде играла ничтожную роль в зоозащитном движении. По окончании года, вошедшего в историю благодаря беспрецедентному числу акций прямого действия преимущественно молодежью (19–20 лет), прибыль меховых магазинов упала ниже некуда, и активисты делали смелые прогнозы о крахе меховой индустрии в Финляндии в ближайшие годы. Для представителей промышленности это стало призывом встать и сражаться. Это означало не столько информационную войну, сколько банальное насилие.

Предприниматели угрожали активистам в том духе, что если их поймут, у тех будут большие проблемы. И хотя до дня, когда такой случай действительно представился, прошло два года, меховщики не напрасно ждали возможности сдержать обещание. Однажды ночью недавно установленная беззвучная сигнализация предупредила бодрствующего фермера, что к нему пожаловали незваные гости. Пять активистов прокрались на лисью ферму, которая до этого уже трижды подвергалась атакам. Как только налетчики поняли, что их обнаружили, и дали деру, фермер выпустил в них обойму дробовика.

Одному он попал в нижнюю часть спины, другому в руки, третий заработал ушиб легких и девять осколочных ранений. Все выжили и считали себя большими везунчиками, хотя их арестовали по пути в больницу, после чего обыскали их дома. Раненую женщину не выпустили под залог. Она провела в заключении пять месяцев, в течение которых ее многократно допрашивали. Ее освободили только после того, как она объявила голодовку. Фермер наврал с три короба, и этому вооруженному и опасному человеку разрешили продолжить вести жестокий бизнес, пока спустя некоторое время не усилилось давление общественности, а пострадавшие не подали на него в суд. Лишь тогда стрелка пригласили в полицию на серьезный разговор. Его арестовали и обвинили в нападении — не слишком точная формулировка, учитывая обстоятельства. Зато шаг в правильном направлении. По мере роста интереса СМИ к истории полицейским пришлось расширить обвинения до попытки убийства по неосторожности и угрозы жизни. Активистам инкриминировали нарушение общественного порядка.

На слушаниях по делу о членовредительстве фермер утверждал, что у него не было другой возможности задержать воров, кроме как стреляя в них. Кончилось тем, что стороны обменялись деньгами. Фермеру пришлось выплатить компенсацию в размере 4 тысяч финских марок, а также покрыть больничные счета и 18 месяцев реабилитации. Активистов же суд обязал выплатить ему и его жене 1000 марок за моральный ущерб. Еще их приговорили к четырем месяцам условно.

Симпатия общественности к человеку с ружьем и ко всей индустрии стали для инициативного и совсем юного движения призывом к действию — напоминанием

о том, что еще многое предстояло сделать, прежде чем Финляндия освободится от мехов. За 10 лет активистам удалось закрыть 1000 ферм. Еще 1500 по-прежнему функционируют.

В ходе судебных разбирательств выяснилось, что лишь одна из 50 лис, освобожденных с той же фермы, но в рамках другого рейда, не была впоследствии возвращена обратно. Это происходило повсеместно. В Великобритании после освобождения 150 норок с фермы Фэйр-Вуд рядом с Болтоном в 1984 году 145 зверей удалось вернуть, три погибли и лишь две остались на воле.

Результаты тестов, проведенных Финским союзом меховщиков, показали, что если нанести на шкуру зверя хну, исправить вред шубе решительно невозможно, и, следовательно, мех терял ценность. А шкура, потерявшая ценность, не приносила денег и спала животному жизнь. На протяжении 10 лет в стране были атакованы 100 меховых ферм. Десятки тысяч животных обрели свободу. Сумму ущерба, причиненного шкурам и оборудованию ферм, даже невозможно подсчитать.

По завершении нескольких рейдов на норковых фермах в Германии 300 зверей с предварительно окрашенным мехом были выпущены на свободу. Активисты сожгли несколько зданий. Два рейда в Австрии подарили свободу 150 норкам. В Италии клетки покинули 2 тыс. норок. Отчаянную борьбу вели в Норвегии. Разорили офисы меховщиков, выбивали окна десятками, заливали клеем замки, портили оборудование. В губернии Телемарк был поврежден автомобиль, оставлены граффити по всей ферме и изъяты записи о разведении. Однажды ночью пять ферм в Ругалланне лишились по 20–25 норок каждая. На меховые магазины тоже регулярно совершались нападения. В Швеции активисты DBF сожгли пять зданий пустого кожевенного завода и офисов, причинив тем самым ущерб в размере 600 тысяч долларов.

В Америке против меховщиков проводилось куда меньше акций, зато зажигательное устройство, брошенное в окно двухэтажного склада Alaskan Fur Co. в Блумингтоне, вызвало пожар, стоивший компании 2,75 миллиона долларов. Ущерб еще на миллион был причинен главному офису и четырем грузовикам Сельскохозяйственного кооператива меховщиков Юты. Кроме того, активисты сожгли грузовик, поставлявший туда чистящее средство для шкур.

Имели место и менее громкие проявления давления на меховую индустрию в этих и других странах. Harrods в Лондоне вновь начал продавать шубы, чем заинтересовал активистов. Их внимание обходило культовому универмагу в десятки тысяч фунтов в день; и это если считать только судебные издержки на запрет проведения протестных акций у входа в здание.

Первых лис с британской фермы освободили в 1976 году. Это произошло в Шотландии и обозначило кризис меховой индустрии. Если когда-то в стране работали 600 меховых ферм, то к началу 1980-х осталось лишь 68 норковых и несколько лисьих, включая одну в Уэльсе и восемь в Шотландии. Большинство из них были закрыты в 1990-е. Из 52 в 1989 году к 99-му осталось 13.

И хотя справедливо будет сказать, что большинство людей в движении немного безалаберно относились к меховой индустрии после первого прорыва, некоторые активисты не сводили глаз с оставшихся в стране ферм. Периодически они уделяли вечерок-другой, чтобы напомнить обществу о жизни норок в клетках. Общественность в США и Европе была гиперчувствительна к освобождению животных без предварительного периода адаптации, но всякий раз ответной реакцией активистов на возмущение чиновников и СМИ были новые освобождения. Все рекорды побили британцы, выпустив 6 тысяч норок в национальный парк Нью-Форест в 1998 году. Это был раз-

гар мертвого сезона для журналистов, потому что парламент наслаждался каникулами. Вместе с норками ФОЖ дал разгуляться человеческим предрассудкам.

Полагая, что их деятельность не дает повода для чьего-либо неудовольствия, группа налетчиков ранним утром высадилась в Нью-Форесте. Они надели маски и направились к ферме Кроу-Хилл, где быстро справились с оградой. Спрятать меховую ферму в долине довольно умно, но тот, кто ищет — всегда найдет, даже если потребуется пробираться через густой лес. Сторожевые псы сидели на привязи. Ночь только начиналась. Выпускать норок из клеток было несложно. У некоторых не было даже места для сна — нынешняя меховая индустрия теперь требует этого. Спустя два часа интенсивной работы налетчики ретировались и покинули графство. У 6 тыс. норок не было шансов сделать то же самое.

В течение пары часов после рассвета Министерство сельского хозяйства, продовольствия и рыбной промышленности нарядило команду из 14 человек в камуфляж и отправило в погоню за животными по всему Нью-Форесту, площадь которого составляет 93 тысячи акров. Фермерам и землевладельцам была предоставлена полная свобода действий при уничтожении норок. Зашевелились все стреляющие без разбору, бряцающие оружием болваны. Оживился Хэмпширский клуб охотников на норок. Добрые дяди отправились по следам беглых животных, полагая, что приносят обществу какую-то пользу. Все слетелись в парк, чтобы истреблять маленьких зверей или возвращать их к жалкой жизни в клетках. Взять живыми или мертвыми! Освободители были потрясены этой тихой истерией общества в ответ на простой акт саботажа. Внезапно все: скучающие журналисты, «борцы за охрану природы», «зоозащитники», охотники, редакторы и полицейские — сочли себя достаточно компетентными, чтобы прокомментировать ситуацию в Нью-Форесте. Они высказывались в том духе, что сделанное освободителями — не что иное, как безрассудство.

Местные жители вооружились и приготовились защищаться; их попросили быть начеку. Некоторые закрылись на все замки в своих домах, опасаясь, как бы беспощадные, «неистовствующие» норки, разбежавшиеся по всей сельской местности Хэмпшира, не сожрали их, как саранча, уничтожающая все на своем пути. Одна женщина забаррикадировалась на крыше. Это было бы смешно, когда бы не было так серьезно. Все боялись норок и охотились на них — на маленьких, милых пушистых хищников, куда менее страшных и опасных, чем те изуверы, что держат их в клетках. Даже RSPCA пустилась в погоню за зверями. Даже они! Впрочем, учитывая их богатое прошлое, это не вызывает особого удивления.

Итак, выжившие норки возвращались в грязные, вонючие клетки и загоны. Туда, где они умирали от заражения крови, которое никто не лечил, где живые соседствовали с мертвыми. Туда, где у зверей были сломаны или даже отсутствовали конечности. На ферме Кроу-Хилл считалось нормальным держать вместе живых, умирающих и мертвых зверей в нестерпимо смердящих и устланных экскрементами клетках, кишачих личинками и мухами.

Инспектор RSPCA, проверявший ферму, не нашел никаких нарушений. Представители Министерства сельского хозяйства, продовольствия и рыбной промышленности часто посещали Кроу-Хилл и тоже ничем не возмущались. Только после доставки в штаб-квартиру RSPCA видео с запечатленным произволом, творящимся на ферме, Общество нехотя зашевелилось. Но было слишком поздно.

Ужасы, которым подвергаются эти очаровательные пушистые создания слишком отвратительны, чтобы облекать их в слова. Лейбористы знали о сложившейся ситуации, обещали положить конец торговле мехом и, конечно же, не сдержали слово. Я за

них не голосовал, но я зол; интересно, до чего же должны быть злы те, кто поверил их обещаниям. И кому им жаловаться? А как быть с норками? Это был главный вопрос, который задали себе несколько человек, отважившихся собственноручно изменить судьбу зверей. То, на что они решились, не было «бездумным актом вандализма», как трактовали их действия многие.

«Мы давно планировали это. Но сначала хотели посмотреть, что сделает правительство. Мы решили, что если политики не выполнят обещанного, значит, люди должны сделать все за них», — сказал один из участников акции. Его мнение сводилось к тому, что если освобождения норок будут продложаться, на воле выпущенные зверьки обязательно начнут охотиться на других животных, порождая больше насилия. Он думал на шаг вперед.

Отнюдь не ФОЖ привел к росту численности популяции диких норок в Британии до 100 тысяч особей. Спрашивайте с меховщиков: это они завозили их из Северной Америки в конце 1920-х. Через 20 лет норки обжили британскую сельскую местность и начали размножаться в дикой природе. Кто-то сам убежал с фермы, а кого-то целыми сараями выпускали владельцы-банкроты. Если учесть, что в XIX веке мода на мех выдр заставила водяных крыс столкнуться с охотниками и современными практиками звероферм, а хорьки оказались на грани уничтожения благодаря лесникам, в природе образовалась свободная ниша. Итак, норок не только вынудили жить там, где они жить не собирались, их еще и заперли в клетках. Это неправильно! Правительство согласилось, что меховую промышленность необходимо запретить, но ничего не сделало. Это нерадивое, глупое поведение (или вранье) смущало людей и заставляло форсировать события, как правило, противоречивыми методами.

О какой «экологической катастрофе» писала The Sunday? О какой «экологической катастрофе» твердило RSPCA? The Guardian утверждала, что норки угрожают 207 квадратным километрам сельской местности, а The Mirror напечатала заголовок «Норки дичают и устраивают поля смерти». Автор статьи выступал с абсурдными заявлениями о том, что зверьки ответственны за «серию убийств на природе» и оставляют за собой след разрушения, который протянулся на 8 километров от фермы. Полиция предупреждала: «Маленькие дети, особенно младенцы, не должны оставаться одни, тем более на улице. Норки нападают на детей, кошек, собак, кур и сразу перегрызают глотку». По мнению The Independent, освобожденные звери являлись «хищниками, вселяющими страх в сердце Хэмпшира, которые движутся к границе Дорсета. Норки не знают ни стыда, ни пощады». Батюшки! По всему тексту были разбросаны намеки на «беспокойство», что не все несчастные существа приспособлены для выживания в дикой среде. Неужели норки действительно что-то потеряли, покинув место своего заключения, где им была уготована скотская жизнь и преждевременная смерть? Да еще какая смерть! Незадолго до рейда было сделано видео, на котором один из сотрудников Кроу-Хилл брал норок за хвост и разбивал их головы о землю.

Одна из газет поведала историю Йена Старрока, который «смотрел в глаза ужа-су», когда норка проскользнула в коляску к его 18-месячному сыну. Очень странно: если он так боялся за жизнь ребенка, почему статья сопровождалась фотографией, сделанной им самим, на которой норка лежит рядом с младенцем? Наверняка ведь заботливый отец первым делом поспешил бы на помощь сыну, если бы видел в животном опасность? Так в чем же дело? В 30 серебряниках или в 15 минутах славы? И неужели разыскиваемое живым или мертвым животное причинило ребенку какой-то вред? Очевидно, нет, несмотря на предостережения, что наши дети находятся в опасности. С какой стати? Какие-то норки уже атаковали кого-то?

Еще одну фантастическую историю (а в их было немало) рассказал рыбак, утверждавший, что на него напала банда норок, когда он мирно рыбачил. Эта статья The Telegraph называлась «Норки отбирают у рыбака наживку». В материале были такие строки: «Неожиданно темные фигуры выпрыгнули из кустов поблизости и накинулись на меня. Они меня окружили. Их было по меньшей мере четыре, если не больше. Они бегали по моим ногам и пытались вскарабкаться по мне. Я закричал, схватил сачок и попытался от них отбиться. Кого-то я задел, но это не слишком помогло. Они были бесстрашны. Я бился с ними около минуты». Вот что пережил отважный рыбак Джон Стоун, судя по всему, через часок-полтора после приема магических грибов. Подмоченная репутация норок, казалось, будет служить поводом для подобных историй до бесконечности.

Норок убивали или ловили и возвращали на ферму. Лишь горстке удалось спастись; вероятно, первое время после освобождения пережили только несколько сотен, а затем далеко не все одолели зиму. Возможно, некоторые до сих живут припеваючи в куда большей гармонии с дикой природой, чем большинство современных людей.

В новостях было столько тревоги о том, что норки поубивают всех животных и захватят мир, что об основном событии все забыли. Двойные стандарты были непостижимы. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять: если бы не те четыре активиста, норки сидели бы в клетках на телах своих мертвых собратьев, пока за ними не пришли бы жестокие убийцы. За всеми! Не говоря уже о том, что на одной только меховой ферме в Девоне 26 тысяч норок ежедневно съедали 8 тонн курятины, рыбы, хлопьев, витаминов, печени и пшеницы.

А как насчет бесчувственной резни, которую устраивают лесники в 300 поместьях, отстреливая миллионы зверей и птиц из дробовиков, ловя их в силки и травя спорта ради? Хотите поговорить о жестоких убийствах? Давайте!

Норок то винили в опустошении близлежащей местности, то, наоборот, прочили им голодную смерть. Освободителей настолько возмутила истерия СМИ, что неделю спустя после первой акции они вернулись на ферму Кроу-Хилл и выпустили еще 1000 норок. Есть вещи поважнее людской молвы, но сам факт, что столькие люди узнали о меховых фермах, был очень важен, потому что правительству пришлось заняться этой проблемой.

Люди, которые ныли о «безответственном» освобождении норок, сами бездействовали, а своей критикой раздували из мухи слона. По счастью, среди гула панических голосов были один-два вменяемых. Например, Бен Шарратт в журнале Motor Savan написал: «Я был уверен, что норки — это маленькие, но агрессивные плотоядные, привыкшие охотиться на мышей-полевков и молодых птиц, пока не прочитал газету и не посмотрел телевизор, где говорили, что на самом деле норки — детоубийцы и машины для уничтожения собак, славящиеся злобным взглядом, холодным сердцем и разбойными наклонностями».

Джон Видал, корреспондент, пишущий для The Guardian об окружающей среде, согласился, что «пресса описывает норок смехотворно. Это животные-одиночки, которые метят территорию за 1,5 километра друг от друга и могут преодолевать за сутки большие дистанции в поисках еды, тем самым обеспечивая большое распространение популяции. Они не тупые!» Видал процитировал отчет Окружного совета Нью-Фореста, где через два месяца после освобождения животных утверждалось, что лишь 1000 норок все еще числится в бегах и что все они пропали с концами, не причинив особого вреда.

«Норки — жертвы моды, экономического давления, политических спекуляций, научных теорий, политики природоохранных организаций, моральных принципов,

невежества и предрассудков. Мы должны проявлять к этим созданиям больше уважения», — сказал в 1998 году Пол Эванс из Британской ассоциации борцов за окружающую среду. Популяция норок и ее влияние на дикую природу неоднократно становились предметами научных исследований. Результаты показывали, что норки не наносят сильного удара по численности других видов. Это касается даже популяции находящихся под угрозой исчезновения водяных полевков. Их главной проблемой является человек, продолжающий чинить разрушения в их среде обитания, выводя на выпас чрезмерные поголовья скота, выкорчевывая кусты, удаляя тростник у берегов рек, строя плотины, оросительные системы, дома и дороги, и охотясь на берегах рек с гончими.

То же относится и к пернатой дичи, которую многие вооруженные фермеры стремятся защищать от норок. Самой большой угрозой жизни для этих и других птиц являются люди. Они же ответственны за сокращение популяции зайцев, которых решили отнести к вредителям и истребить. Каким-то образом от людей ускользнула важная деталь: на зайцев охотятся норки и лисы, которые могли бы удерживать баланс, если бы не вмешивался человек. Это очень радикальная, почти экстремистская позиция, я знаю.

В конечном счете находящееся под давлением RSPCA отправило команду инспекторов на ферму Кроу-Хилл вместе с офицерами полиции в ноябре 1997 года. Они располагали 9-часовой видеозаписью, сделанной скрытой камерой активистами RFA за 19-месячный период, поэтому знали каждую деталь, на какую следует обратить внимание при осмотре 4 тысяч клеток в бесчисленных сараях. Они знали точное расположение клеток с мертвыми и изувеченными норками. Они знали, где искать переполненные клетки, в которых содержались до семи взрослых зверей, тогда как те были рассчитаны на двух-трех.

Посмертный осмотр животных в ходе расследования выявил, что они ужасно страдали. У одной норки торчала кость из ноги — результат драки. У второй в желудке не было ничего, кроме опилок. Другие умирали, потому что их раны никто не лечил. Что интересно, отделение ветеринарной хирургии, где хранились тела на протяжении всех рождественских праздников, было взломано, и часть трупов бесследно исчезла. А вместе с ними доказательство вины фермеров. Больше ничего украдено не было. Кому же могло прийти в голову проделать подобное?

Руководители RSPCA были будто слепы. Разумеется, они посещали ферму Кроу-Хилл, чтобы осмотреть условия, на которые столькие жаловались, но каким-то образом всякий раз уходили ни с чем. Как им это удавалось? Хватило бы беглого взгляда на видео с фермы, чтобы убедить даже идиота, что условия на ферме далеки от «удовлетворительных» (что уж говорить о законности), но инспекторы RSPCA и правительства ничего не замечали. Или не хотели замечать. Вряд ли это некомпетентность или случайность.

У Министерства сельского хозяйства был выход из положения: его представители не могли основывать свои обвинения в суде на доказательствах, незаконно полученных зоозащитниками, поэтому они заключили сделку с крестьянином, который до этого уже подавал в суд на владельца фермы Кроу-Хилл, обвиняя его по 29 пунктам. Теренс Смит 50 лет занимался разведением норок, называл себя «любителем животных» и обладал, мягко говоря, пугающей репутацией. На сей раз он признал свою вину от лица компании T.T. Smith (Mink) Ltd по 15 пунктам обвинения в жестокости и пренебрежении правилами надлежащего содержания животных. Его приговорили к штрафу в размере 5 тысяч фунтов и обязали потратить еще 15 тысяч на улучшение условий содержания животных.

Козел отпущения, 43-летний Йен Строуд, верзила, нанятый Смитом для убийства животных, признал свою вину по шести пунктам после того, как ему была показана пленка, на которой он мозжил головы зверей о клетки, когда они выживали после отравляющего газа. Его приговорили всего-навсего к 150 часам общественных работ и оплате судебных издержек на сумму 100 фунтов. При этом председатель жюри присяжных совершенно серьезно заявил: «Общество в этой стране всегда будет очень серьезно относиться к проявлениям жестокости к другим живым созданиям». Позволить человеку, ответственному за причинение ужасных страданий, остаться безнаказанным и улыбаться во весь рот — так вы не убедите ФОЖ сложить оружие.

Через две недели после вынесения приговора хэмпширскому фермеру на фоне нарастающей истерии по поводу норок активисты ФОЖ подлили масла в огонь, посетив ферму Келбейна в деревне Оннели в Стаффордшире — одну из самых закрытых в стране. Там они раскурочили 3,5 тысячи клеток при помощи болторезов, освободив 8 тысяч норок, 3 тысячи из которых благополучно покинули территорию фермы. Четырьмя днями позже фермер заявил, что непойманными остались 400 животных. Он оценил рыночную стоимость их шкур в 50 тысяч фунтов (незваные гости явились вновь, чтобы изъять из клеток племенные карточки, но им помешали закончить работу). Кроме того, активисты облили краской Audi стоимостью в 18 тыс. фунтов, принадлежавшую жене фермера.

«Происходящее чудовищно, — жаловался Лен Келсолл, ершистый 60-летний фермер и председатель Ассоциации меховщиков. — Все это похоже на поле боя». А мы ведь твердим это годами! «Только сейчас я начинаю понимать, насколько все плохо, — продолжал Келсолл. — Это терроризм и жестокость в худших проявлениях, правительство должно положить им конец».

Итак, и руководство Ассоциации меховщиков, и освободители животных пришли к общему мнению, что всему виной лейбористское правительство. «Перед выборами они обещали закрыть норковые фермы, но ничего для этого не сделали», — дулся Келсолл. В этом он вторил своим заклятым врагам, но на самом деле потирал ладони в предвкушении возможной денежной компенсации. В свою очередь непримиримый противник ФОЖ Марк Гловер¹, запечатлевший на видео и донесший до RSPCA правду о Хэмпшире, заявил, что освобождение норок с фермы было экстраординарным шагом, спровоцированным бездействием правительства, которое обещало покончить с меховой промышленностью. Он счел, что исход для выпущенных норок «был таким же безрадостным, как и жизнь в клетках». Его слова стали своего рода эхом заявления Роберта Моргана, исполнительного директора Британской ассоциации меховой торговли, который в июне 1997 года объяснил *The Observer*, почему норкам, которые на природе проводят 60% времени в воде, лучше жить в клетках: «Если у норок будет доступ к водоему, они вымокнут, вероятно, замерзнут и умрут».

Ну так выдайте им фены! Безусловно, в природе не предусмотрены трехразовое питание и дома рядовой застройки, но дикие звери привыкли выживать и, если бы они встали перед выбором, то едва ли предпочли бы короткую нервную жизнь в клетке и насильственную смерть шансу испытать свои силы в сельской местности.

¹ Марк Гловер — директор RFA и британского отделения Международного общества защиты животных (*Humane Society International*), созданного Обществом защиты животных США (*HSUS*). Был активистом *Greenpeace*. По некоторым сведениям, покинул организацию из-за ее планов свернуть антимеховую кампанию.

К следующей весне член парламента от лейбористов Мария Игл подготовила билль, запрещающий меховую промышленность в Великобритании. Он получил межпартийную поддержку и был одобрен Национальным союзом фермеров и даже Ассоциацией меховщиков. Все, кроме одного из остававшихся на тот момент в деле норковых фермеров, были счастливы, что закрытие бизнеса принесет им компенсационные выплаты. Они устали от всей этой мороки, а безболезненный выход из игры спасал их от потенциальных затрат на укрепление мер безопасности. На этот шаг их побуждали недавние рейды, заставившие правительство увеличить стоимость лицензий со 115 до 630 фунтов.

Как можно было ожидать, парламентарии-консерваторы, внесшие в билль свыше 30 поправок, затормозили его принятие. Но в начале 2003 года он наконец попал в свод законов, уничтожив остатки меховой индустрии Великобритании. Это был очень важный момент. И далеко не единственный.

Пока мы не найдем в себе смелость различать жестокость вне зависимости от того, кто жертва — человек или животное, — не надо ждать, что мир существенно изменится к лучшему... Не будет мира среди людей, чьи сердца радуются от убийства живого существа. Каждым поступком, который восславляет или даже просто выражает терпимость по отношению к подобным идиотским наслаждениям, мы задерживаем развитие человечества.

Рейчел Карсон

Билль о (защите) диких животных от 1996 года должен был положить конец охоте с гончими и уберечь всех диких млекопитающих от этих актов жестокости. Это было первое подобное постановление в стране, народ которой всегда имел репутацию любителей животных. Однако в итоге упоминание об охоте со сворами собак было все-таки вычеркнуто, иначе охотники из числа членов парламента не пропустили бы Билль.

Попытки улучшить положение диких животных и запретить охоту с гончими предпринимались и в прошлом — в 1949, 1970, 1992, 1993 и 1995 годах. В апреле 1996 года некоторые дикие млекопитающие (в число которых не входили птицы, рептилии, земноводные и рыбы) были пусть слабо, но все же защищены от тех, кто мог их «увечить, пинать, бить, пригвождать или протыкать, колоть, закидывать камнями, жечь, давить, топить, волочить или душить с намерением причинить ненужные страдания». Согласно условиям закона, любой человек, уличенный в чем-то из вышеперечисленного, получал 12 недель тюрьмы и/или выплачивал штраф в размере до 5 тысяч фунтов. Животных, занесенных в список промысловых, которых ловили и ранили на охоте с собаками ружьями и силками, теперь надлежало убивать «разумно, быстрым и гуманным способом», что бы это ни значило. При наличии доказательств того, что охотник недостаточно расторопен и гуманен, его ждал суд.

Первый судебный прецедент был зафиксирован девять месяцев спустя. В Грейт-Ярмуте подросток был признан виновным в избиении и прокалывании ежа. Его приговорили к 120 часам общественных работ и оплате судебных издержек в размере 50 фунтов. В другом случае жители Хэмпшира Ричард Смит и Пол Уэст были осуждены за то, что они пинали ежа и замучили его при помощи паяльной лампы до смерти. Они получили по 80 часов общественных работ и покрыли судебные издержки в размере 75 фунтов. Суд Солсбери взыскал 75 фунтов штрафа и 45 фунтов за судебные издержки со школьного повара Саймона Банди, который в нетрезвом состоянии пинал ежа прямо на улице. Ежи и кошки были любимыми жертвами садистов. Этот закон, признающий права живых существ, был огромным шагом вперед. Наконец людей стали судить за глупую жестокость, но подобные приговоры едва ли сдержат живодеров. Сомневаюсь, что животные почувствовали себя в безопасности, если бы имели полное представление об уровне развития нашего общества с его медлительной эволюцией.

Можно было предугадать, что парламентарии-охотники (читай — консерваторы) попытаются защитить свой кровавый спорт, но откуда возникла отрицательная реакция на Билль, призванный контролировать разведение животных на фермах и содержание щенков? Не запретить полностью, между прочим, как бы здорово это ни

звучало, а только следить за происходящим и регулировать степень запущенности ферм, на которых ненасытная индустрия выращивает бесконечное число щенков для свободного рынка.

Билль был предложен членом парламента от либерал-демократов Дайан Мэддок и одобрен RSPCA (ура!). Парламентарии от всех партий и по меньшей мере одна национальная газета (которая какое-то время даже вела войну против разведения щенков на фермах) предлагали ввести обязательные инспекции центров разведения и предусмотреть штрафы на сумму до 2,5 тысяч фунтов за любые нарушения базовых стандартов. Однако два члена парламента, Саквилль и Оттауэй, рассудили, что подобные наказания не принесут пользы ни обществу, ни бесчисленным детенышам, которых разводят в амбарах, сараях, надворных постройках и подсобках.

Примечательно, что преуспевающее RSPCA поддержало Билль. При этом Общество за свою историю не так много сделало для борьбы с колоссальной проблемой надомного разведения животных, забота о которых легла на плечи приютов, центров спасения, организованных RSPCA, и работающих в одиночку членов муниципальных советов.

Дальнейшие попытки положить конец охоте с гончими сплотили охотников всех мастей, любителей стрельбы и других кровопийц под знаменами Альянса сельских жителей (СА)¹, который организовал пару впечатляющих массовых акций протеста. СА — это союз организаций, которые позиционируют себя как защитников традиционной деревенской жизни, хотя более широкие и никак не связанные с убийствами и пальбой вопросы они почти не затрагивают. В СА входят образования наподобие BFSS, хотя оно заметно отличается от прочих. В реальности СА был проявлением охотничьей силы, сконцентрированной для оказания сопротивления только только победившей на выборах Лейбористской партии с ее обещаниями позитивных изменений для животных.

СА обошелся без пресс-релизов, громко заявив о себе громадным маршем в Лондоне летом 1997 года. Им удалось собрать в Гайд-парке 100 тысяч человек. Зрелище было впечатляющим, если абстрагироваться от задачи собравшихся выступить против Билля. Хотя некоторые этого не понимали, а другие и вовсе отказались присутствовать на акции. СА щедро расходовала привычные для серьезных охотников богатства, чтобы доставить простых сельчан в столицу — чудо из чудес, которое мало кто видел воочию — чартерными самолетами, поездами и автобусами. Поэтому неудивительно, что многие чувствовали себя не в своей тарелке. Деревенщинам даже угрожали, что если они не явятся на марш в Лондон, они могут забыть о следующем охотничьем сезоне, потому что их никто не пригласит.

Члены Охотничьего клуба Оукли в Бакингемшире, например, получили от своего комитета вот такие инструкции: «Вам необходимо взять выходной, сказаться больными или придумать еще что-нибудь... Отправьте детей в школу и приходите! Если для вас это сложно, пожалуйста, не утруждайтесь охотиться с клубом Оукли в следующем сезоне». Ух!

Аналогичные заявления, пусть и в менее резких выражениях, были изложены в журнале «Лошадь и гончая». Генеральный секретарь Профсоюза работников транспорта и неквалифицированных рабочих свидетельствовал: «Мне много раз звонили люди, которых заставили присутствовать. Фермерами-арендаторами командовали

¹ Countryside Alliance — основанная в 1997 году некоммерческая организация, ставящая своей целью стимулирование охоты, стрельбы и рыбалки. Насчитывает 105 тысяч членов.

землевладельцы, сельскохозяйственными рабочими — их наниматели. Похоже, это было частым явлением».

Воодушевившись созданным резонансом и отчаянно страшась поражения, СА организовал еще один марш в столице. На этот раз Альянс хотел четверть миллиона человек, и они надлежащим образом пригласили каждого. Дженет Джордж из СА заявила, что «это шанс для любого, кто хочет сказать свое веское слово». Фермеры-туристы требовали права на празднества, землевладельцы запрещали им это. Пенсионеры просили комфортабельные автобусы для сельских общин, скотоводы жаловались на коровье бешенство, а другие рабочие не хотели проблем на своих сельских работах в связи с прогулами. Хватало и обычных любителей убивать, не заинтересованных в политике. Это была самая ничтожная акция протеста в истории. Разумеется, СА утверждала, что все собравшиеся пришли выразить свою привязанность к охоте. Представители Альянса заявляли, что люди прибывали в Лондон из Ирландии, США и «буквально из всех стран Европы». Что ж, по крайней мере, эти лоботрясы оставили охоту хоть на какое-то время.

Как и перед предыдущим маршем, фермеры-арендаторы получили ультиматум: идти на мероприятие или расстаться с участками. Британская национальная партия нашла здесь благодатную почву для вербовки сторонников «традиционно британского образа жизни» и раздала 20 тысяч копий специального выпуска своего бюллетеня. Организаторы, расходясь в подсчетах с прессой, заявили о присутствии чуть менее чем четверти миллиона человек. Однако подробное исследование выявило, что там было не более 163 тыс.

Вскоре после этого внутри организации возникли противоречия, вызванные чрезмерными амбициями защитников охоты. Некоторые организаторы почувствовали, что охотничье лобби слишком велико, в то время как другие вопросы обходятся стороной. Они созвали собрание и дали отставку более чем половине членов правления, включая герцога Вестминстера, графа Пила, лорда Стила, графа Стоктона и Дженет Джордж. Герцог Вестминстера, один из самых состоятельных землевладельцев страны и страстный охотник на птиц, дал на кампанию примерно миллион фунтов, а теперь, после увольнения, потребовал их назад. Лорд Стил попал в черный список из-за того, что не отработал в парламенте 94 тысячи фунтов, которые получил от СА на лоббирование охоты.

Защитники охоты были настолько раздосадованы этим, что даже обсуждали планы по срыву собрания. Но они так и не смогли придумать, как это сделать, поэтому бунт захлебнулся. Тогда, сбитые с толку и зажатые в угол, они обратились к RSPCA, чью политику, по признанию BFSS, они во многом поддерживали. Почему-то я этим не удивлен. Исполнительный директор BFSS Питер Вот предположил: «Животные не могут иметь прав, потому что у них нет обязанностей». Это распространенное оправдание эксплуатации, в сущности, оспаривает наличие прав у детей дошкольного возраста и психически больных.

Прикрываясь именем Группы заботы о животных в деревенских видах спорта (Country Sports Animal Welfare Group), защитники охоты проникали в ряды RSPCA, чтобы влиять на его политику и отстаивать свои интересы изнутри организации, в которой доминировали консерваторы (угнетателям животных бояться RSPCA следовало в последнюю очередь). Членам Группы предлагалось «вступить в RSPCA, чтобы участвовать в возвращении Общества к исконной роли заботы о братьях наших меньших и отойти от политических кампаний». В итоге почти 3 тысячи человек вступили в Общество в 1996 году как раз перед ежегодным общим собранием, но у них еще не

было права голоса, потому что для этого нужно было состоять в организации не менее трех месяцев. План провалился. Фух! Животные могли временно вздохнуть спокойно.

На собрании, традиционно прошедшем в Лондоне, 500 голосов были против охоты. Три года спустя ряд известных защитников охоты из совета Общества сумели провести ежегодное собрание RSPCA в охотничьем графстве Лестершир к большому удовольствию новых членов, которые также было 500. Из «нормальных» членов организации присутствовала только четверть.

Позже RSPCA все-таки удалось вернуться в прежнее русло путем исключения тех, чьи действия противоречили обеспечению благосостояния животных. В 2004 году правила Совета напоминали представителям организации, что «ни одно животное не должно быть съедено на таких территориях RSPCA, как штаб-квартира RSPCA, и помещения, где проходят встречи Общества». Это был уже своего рода прогресс, но RSPCA предстояло и еще предстоит преодолеть длинный путь, прежде чем оно станет любимой организацией настоящих зоозащитников.

Причина проста: стремление к накоплению богатств у RSPCA всегда было столь сильным, что к концу 1990-х их бюджет превысил 100 миллионов фунтов. Комиссия по благотворительности в Англии и Уэльсе даже была вынуждена попросить организацию ограничить объемы «добычи» до 45 миллионов. Неудивительно, что угнетатели животных мечтают контролировать Общество — под их чутким руководством «забота о животных» станет по-настоящему первоочередной задачей! Движение за освобождение животных в финансовом плане заметно проигрывает велферистам.

RSPCA повиновалось требованию комиссии, но вместо того чтобы потратить средства непосредственно на заботу о животных (на бродячих кошек и собак или пропаганду веганства), Совет предпочел увеличить сотрудникам зарплаты и сделать ремонт в офисах. В частности, они не постеснялись потратить на новый офис штаб-квартиры 21 миллион фунтов. При этом RSPCA не забывало активно тратить деньги на рекламу животноводства через свою «Пищу свободы», то есть одобренное мясо, яйца и молочные продукты. Оправдание этого можно было услышать из уст генерального директора RSPCA Питера Дэвиса в его интервью для BBC: «Мы должны смириться с наличием интенсивного животноводства в этой стране из-за спроса на молочные продукты и богатое белком мясо. Их не получить с заднего двора — это невозможно. По моему мнению, “Свободная пища” — это одна из самых важных вещей, какие мы делаем». Он не шутил.

Поскольку лейбористское правительство объявило, что готовит постановления для запрета охоты, фанатики принялись предсказывать конец того мира, который мы знаем. Они предвещали массовую безработицу, разрушение природы, рост убийств лис, лошадей и гончих охотниками, жаждущими испить напоследок кровушки. Бесконечное нытье про подавляемое, обездоленное меньшинство. Но никому не было до них дела. И поделом: охотничья братия сама всегда демонстрировала глубокое презрение ко всем несогласным с ними.

Они грозили, что за охотой придет черед рыбалки, и подбивали трехмиллионное сообщество рыбаков присоединиться к борьбе, прибегнуть к «экстремальной тактике». Они планировали не просто физически атаковать своих оппонентов, как любят, но и применить тактики гражданского неповиновения и саботажа, коллективного попрания буквы закона. Они клялись сжечь все леса, чтобы «маленький рыжий дьявол» не смог нигде укрыться, готовясь к следующему набегу на чью-нибудь ферму. Угрожали блокировать магистрали и автострады трейлерами для лошадей и «отравлять водные пути» до тех пор, пока им снова не разрешат охотиться. Вот слова Дженет

Джордж: «В сельской местности поднимется мятеж. Мы покажем, что с нами шутки плохи».

Колумниста The Daily Telegraph Оберона Во вполне можно было привлечь к суду за подстрекательство к противоправным действиям, если бы наше государство благосклонно относилось к животным, потому что автор всюду призывал своих читателей-экстремистов блокировать магистрали, если охоту отменят. Он назвал возможный запрет «объявлением войны деревенской Англии». И все это из-за похабной жажды крови.

Представленные в огромных количествах на своем марше в столице, размахивающие треногами для стрельбы, охотники все-таки умудрились отправить в больницу двух настроенных против охоты наблюдателей; одного — со сломанной рукой, другого — со свернутой челюстью.

Через неделю после второго сборища в Лондоне Национальная кампания против охоты провела марш по Сити, который привлек куда меньшее число протестующих — всего несколько тысяч. За это были ответственны национальные благотворительные организации, действующие под эгидой Кампании в защиту диких животных, объединявшей RSPCA, LACS и IFAW¹.

Участников кампании убедили бойкотировать марш на том основании, что он носил «необязательный и конфронтационный характер». LACS организовала в своем заповеднике в Девоне день открытых дверей и призвала своих членов посетить его, вместо того чтобы идти на марш. Джон Брайант из LACS говорил: «Лондонская демонстрация организована Нилом Хэнсеном, активистом с внушительным террористическим прошлым, а мы проводим мирную кампанию». Что сделал этот страшный террорист? Он отправил вивисектору кошачий поддон и получил за это три года тюрьмы.

Но какой был смысл преподносить все таким образом и столь сильно преувеличивать? LACS много сделала для того, чтобы монополизировать политическое пространство кампаний против охоты. При этом Лига показала обществу изнанку охоты расследованиями под прикрытием, в чем особенно преуспел Майк Хаскиссон со своей книгой «Обманутые». Но протестовать против охоты не значит защищать интересы только своей организации. Вне зависимости от истинных причин Кампания в защиту диких животных своим саботажем марша подлила масла в затухающий огонь кровавых видов спорта. Один охотник, ликуя, заявил, что это свидетельство утраты интереса к протестам против охоты.

В действительности интереса широких масс к подобным акциям никогда и не было; оппоненты жестокого хобби предпочитали саботировать охоту и портить убийцам настроение на их собраниях. Настоящее противодействие всегда принимало форму прямого физического вмешательства, и это знали даже те, кто не участвовал в самих акциях, но просто выступал за запрет охоты. Кроме того, оппозиция меньше концентрировалась на порче имущества, придерживаясь более демократического политического процесса.

IFAW управлялся его создателем Брайаном Дэвисом, который ежегодно получал по 115 тысяч фунтов в качестве зарплаты, а затем щедрые отступные, когда покидал пост. В программе «Здесь и сейчас» в апреле 1994 года сообщалось, что IFAW пере-

¹ International Fund for Animal Welfare — один из крупнейших в мире благотворительных фондов, собирающих деньги на защиту животных и окружающей среды. Основан в Канаде в 1969 году. Критикуется всеми активистами-аболиционистами за нарочито велферистские позиции.

направило десятки тысяч фунтов в траст под названием Фонд Брайана Дэвиса, из которого 30 тысяч, перечисленных любителями животных на благотворительность, были инвестированы в лабораторию по разведению животных Bausch & Lomb; 60 тысяч — в US Surgicals, убивающую бесчисленное количество животных, чтобы «тестировать» свои медицинские товары, 20 тысяч — в Glaxo, Merck, Abbot & Upjohn (активные потребители лабораторных животных); 63 тысячи — в табачную компанию Phillip Morris с ее длинной историей экспериментов на животных; и 40 тысяч — в последнюю по списку, но не по значению — McDonald's.

В марте 1998 года Билль об охоте с гончими на диких млекопитающих, разработанный членом парламента Майком Фостером, вновь был загублен парламентариями-спесиистами, как это обычно бывает. Билль побил в парламенте рекорд всех времен, набрав перевес в 260 голосов (411 против 151), но противники закона откладывали ратификацию бесконечными поправками, и отведенное законом время на принятие постановления вышло.

Лейбористы, для которых этот вопрос был приоритетным, рвались в бой если не из-за собственных зоозащитных убеждений, то чтобы умиловить проголосовавших за них любителей животных. Кроме того, всем также очень хотелось отплатить консерваторам за страдания, которые меньшинства испытали в период их правления. К этому моменту поддерживаемый большинством прогресс набрал слишком большую силу, чтобы его можно было остановить.

На протяжении многих лет политических надувательств члены парламента голосовали за запрет охоты по своему усмотрению, то поддерживая протестные инициативы, то снова помогая охотникам. Тони Блэр одно время выступал против охоты, но пошел на попятную, когда охотники стали громогласны и грозны. Тогда он решил придерживаться золотой середины — лицензионной системы, которая позволяла большей части охот проходить, как и раньше, но ставила под запрет охоту на зайца с гончими «по-зрячему»¹ и охоту на оленя.

Несмотря на попытки превратить запрет на охоту в фарс, парламента негативно отреагировал на измененный закон: 362 человека проголосовали против, 154 — за. Но страна все еще испытывала на себе влияние пережитка прошлого в лице влиятельной, неизбираемой, очень любящей охоту Палаты лордов, которая воспрепятствовала воле большинства. Теперь уже правительство было вынуждено применить редко используемый Закон о парламенте от 1949 года и запретить принятие закона.

Через восемь полных лет лейбористы пообещали провести голосование по свободному усмотрению. В полночь 17 ноября 2005 года охота с гончими в Англии и Уэльсе была запрещена.

В практическом смысле запрет мало что менял, потому что злобные убийцы продолжили убивать диких животных любыми доступными способами, включая запрещенные. В качестве демонстрации силы 250 охот были проведены буквально через два дня после запрета, плюнув в лицо демократическому обществу и полиции, продолжавшей арестовывать саботажников.

Отчасти это была поза охотников, отчасти желание «потренировать» своих гончих. Полицейские по большей части заявляли, что они не ставят охоту в приоритет — якобы у них внезапно возникла нехватка ресурсов. Seriously? Ресурсов хватало буквально за несколько недель до этого, когда саботажники вели активную борьбу.

¹ Охота «по-зрячему» — охота с грейхаундами или другими борзыми, которые преследуют жертву, используя зрение, но не обоняние.

Некоторые офицеры даже предлагали саботажникам охоты подавать частные иски в суды на основании собственноручно добытой информации.

Начальник полиции Суффолка и докладчик о сельских вопросах в Ассоциации начальников полиции пролил луч надежды на кромешную тьму безнравственности и беззакония. В интервью для Mail on Sunday Алистер Макуиртер сказал: «Не поддавайтесь иллюзиям — полиция обеспечит соблюдение этого закона». Чего, однако, не случилось.

По окончании первого дня незаконной охоты СА публично похвастался, что была убита 91 лиса, однако ни единого ареста не последовало. На следующей неделе было заявлено о 150 мертвых лисах и т. д. 18 февраля 2005 года глава Охотничьего клуба Старого Суррея и Барстоу похвалился: «Сегодня мы убили четырех лис, славно повеселились». Многие продолжали открыто гордиться подсчетом голов. Неожиданно все вопли про традиции, общение и удовольствие от природы сменились бахвальными возгласами об убийствах животных.

И тем не менее, несмотря на все провалы лейбористского правительства и недостаток воли у полиции для обеспечения соблюдения закона, это был грандиозный шаг в правильном направлении. Он немедленно затронул очень много видов охоты, включая охоту на норок и охоту верхом. Сведения, собранные наблюдателями за последующие месяцы, позволили выявить массовые случаи преступлений — их было больше чем достаточно, чтобы полиция начала действовать. Однако власти мало интересуются подобного рода бесчинствами. Нехватка политической воли будет все чаще приводить к частным обвинениям тех, кто открыто нарушает закон. В то же время утрата политиками доверия масс провоцирует ФОЖ и ему подобные группы на активные действия.

ВСЕ СТАНОВИТСЯ СЕРЬЕЗНЕЙ?

Они мазали фургоны краской, били окна и сыпали сахар в бензобаки. Но я бы никогда не подумал, что они дойдут до такого, никогда в жизни.

Менеджер скотобойни

Дружина за права животных

В стремлении освободить животных некоторые группы попробовали вынести борьбу за рамки объявленной ФОЖ политики ненасильственного вандализма, и эти попытки заработали подобным группам противоречивую репутацию.

Дружина за права животных (ARM) — одно из тех образований, названия которых мы слышим с определенным постоянством; эта организация действует нечасто, но эффективно, и считается самой радикальной, если угодно. Впервые ARM заявила о себе, взяв ответственность за отправку бомбы в посылке члену парламента в 1982 году. Это выглядело странно и не очень походило на действия зоозащитников в принципе, но то же название организации прозвучало несколькими годами позже и использовалось на протяжении многих лет, если активисты хотели заявить о наиболее драматических действиях, включая минирование автомобилей.

В конце сентября 1985 года на юге Лондона зажигательные устройства вывели из строя машины докторов Шарата Ганголли и Стюарта Уокера. Оба были вивисекторами из Британской ассоциации промышленных биологических исследований (BIBRA)¹ и ни один не получил ранений. ARM заявила The Sutton Herald: «Мы пойдем на все, чтобы остановить смертоносную деятельность угнетателей животных, и если понадобится убийство, мы не дрогнем». Несколько месяцев спустя, январской ночью 1986 года, под днище автомобилей четырех хорошо известных вивисекторов были помещены бомбы: одна — в Харрогейте, другая — на юге Лондона, третья — в Стафффордшире и четвертая — в Суссексе. Все четыре были с часовым механизмом. По словам ARM, в последний момент владельцы получили предупреждения, и команда саперов смогла обезвредить устройства. Следующая атака явно была направлена на то, чтобы убить доктора Эндора Себестени, вивисектора из Императорского фонда исследования рака (ICRF), но он спасся, заметив бомбу, прикрепленную к днищу машины. Его никто не предупредил.

С тех пор в тюрьму попали два активиста ARM. Пол Скерс получил год в 1998-м за отправку писем с вложенными бритвенными лезвиями людям из своего черного списка, а Нил Хэнсен в 1995 году отправил бомбу в горшке в пиар-отдел GlaxoSmithKline в Хертфордшире. Это был муляж взрывного устройства в кошачьем поддоне. Изначально его обвиняли в попытке убийства, однако впоследствии пересмотрели формулировку, что не помешало посадить Хэнсена на три года.

ARM отвоёвала себе заголовки газет серийей поджогов магазинов. Аналогов этой свирепой кампании мир не знал с 1980-х годов, когда зажигательные устройства в универмагах провоцировали включение систем пожаротушения. На сей раз никто не

¹ *British Industrial Biological Research Association* — некогда исследовательская и экспериментальная компания. Сейчас продолжает работать только отдел информации и консультации, который под заказ осуществляет независимую экспертизу сопряженных с использованием химикатов рисков для здоровья.

делал ставку на обильное орошение с потолка — пламя оставляло от магазинов руины. Никакой специализации при выборе мишеней тоже не прослеживалось.

Рано утром 6 июля 1994 года начали циркулировать сообщения о пожарах в кембриджском магазине сети Boots и Edinburgh Woollen Mill¹ в центре шотландской столицы. Два этажа крупной точки Boots были изуродованы огнем, который пылал более четырех часов; здание эдинбургского магазина тоже сильно пострадало, вся одежда сгорела. Третье устройство обнаружили тлеющим в кармане куртки из овечьей кожи в магазине Marrs Leather², а четвертое — в кожаном магазине Eaden Lilly. Центр Кембриджа перекрыли. Во многих местах была проведена эвакуация. Разрушения квалифицировались как колоссальные. Всюду искали новые устройства. ARM заявляла, что разместила восемь штук, шесть из которых сработали прошлой ночью, а два оставшихся должны сработать в середине следующего дня.

Месяц спустя активисты нанесли удар в Оксфорде. Шорная мастерская и кожаный магазин С.Н. Brown³ сгорели дотла. Еще три устройства были обнаружены в двух кожаных и одном меховом магазине. Полиция, хорошо осведомленная о происходящем в Кембридже, быстро обыскала помещения всех потенциальных мишеней, после того как воспламенилось первое устройство. Благодаря стремительной реакции властей, серьезных последствий удалось избежать.

Две недели спустя полиция Хэмпшира не могла справиться с полыхающим островом Уайт, хотя предотвратить масштабные разрушения было в ее силах. Все началось с того, что покупатель случайно обнаружил зажигательное устройство в магазине рыболовных принадлежностей. Меряя куртку, он нащупал в кармане пачку сигарет. При беглом осмотре оказалось, что это не просто табак, и владелец магазина немедленно вызвал полицию. Покупка сорвалась, потому что куртку забрали на экспертизу, но хозяину очень повезло, что он не лишился большего.

Полиция обстоятельно обзвонила все магазины рыболовных снастей на острове и посоветовала им быть начеку. Этим они и ограничились. Поджигателям, которые вовсе не концентрировались только на рыболовных магазинах, улыбнулась удача. Одно устройство рвануло в Halfords, дочернем магазине Boots. В 2:00 начали гореть вещи в двух кожаных и магазине Имперского фонда исследований рака (ICRF). Главному на острове филиалу Boots тоже был уготован поджог. Огонь был таким интенсивным и настолько широко распространился, что сотня пожарных острова и 19 единиц техники работали на пределе возможностей. Пришлось вызывать помощь с материка, но предотвращать серьезные разрушения было уже поздно. Совет острова впоследствии потребовал от Министерства внутренних дел покрытия расходов на восстановление и потребовал объяснений в связи с действиями полиции, недоумевая, почему помещения вероятных мишеней не были обысканы. Еще четыре зажигательных устройства вспыхнули рано утром в магазинах Райда и Ньюпорта.

Размещение зажигательных устройств в магазинах — это очень важная деятельность в плане привлечения внимания общественности. Безусловно, это большая опасность. Подвергать жизнь людей риску не годится, но громкое публичное заявление всегда считалось успехом. Нашлись свидетели, с помощью которых удалось

¹ Edinburgh Woollen Mill — основанная в 1947 году сеть магазинов одежды для мужчин и женщин старше 40. Как следует из названия, специализируется на одежде из шерсти.

² Marrs Leather — основанный в 1976 году магазин, сегодня продающий кожаные портфели, сумки, ремни, перчатки и бумажники.

³ С.Н. Brown & Son — семейный бизнес, основанный в 1890 году и выкупленный в 1973-м двумя предпринимателями. На тот день компания оставалась последним в Оксфорде производителем седел.

составить фоторобот потенциального преступника. Полиция обнародовала портрет. В ответ они получили свыше ста звонков. Большинство называло человеком на картинке Марка Кинга, певца и басс-гитариста группы Level 42 . Неверно. У него не только было алиби, но и отсутствовал мотив. Расследование зашло в тупик, а пять лет спустя ARM ударила снова.

После первых пожаров Boots неоднократно предупреждала сотрудников всех своих 1100 магазинов быть настороже, но все равно не смогла предотвратить существенных разрушений, особенно на другом конце страны — в Йорке и Харрогейте, графство Йоркшир. Boots в Харрогейте и Fads, еще одно дочернее предприятие, сильно пострадали. Кроме того, активисты подожгли магазин товаров для охоты и стрельбы Lindsey Brothers и торговую точку ICRF. В Йорке вспыхнули только-только отремонтированные магазины Boots и Fads, хотя на этот раз был причинен менее внушительный ущерб. В общем и целом потери от огня составили 2 миллиона фунтов в каждом из населенных пунктов, не считая упущенного сбыта и увеличившихся расходов на меры безопасности.

Вскоре после этого полиция в очередной раз совершила глупость: со слепым энтузиазмом она отреагировала на плакаты, рекламировавшие встречу ARM в Бору-убидже, Северный Йоркшир. Только глубокое отчаяние могло заставить офицеров поверить, что ARM станет открыто рекламировать свои мероприятия, и уповать на то, что бомбистов можно будет взять с поличным за столом в вязаных масках и с зажигательными устройствами в руках. Приехав по указанному адресу, полисмены обнаружили собрание Ассоциации радикальных акушерок (Association of Radical Midwives) — просто совпали аббревиатуры «ARM».

Активисты приготовили еще много интересного и ждали шанса, чтобы это доказать, несмотря на то, что полиция постепенно умнела. А тем временем...

Министерство справедливости

Через миллион лет Землю могут населять создания, наотрез отрицающие свое происхождение от человека.

The Irish Digest

Когда закончились громкие судебные процессы 1990-х, активисты мобилизовались, дабы продемонстрировать, что их не остановят суровые приговоры и что их все еще много. Характеризуя изготавливаемые устройства как «экспериментальные», Министерство справедливости (JD) заявило о своем выходе на передовую, отправив почтой несколько бомб в конвертах ведущим организаторам мероприятий кровавых видов спорта и Фрэнку Эвансу — живущему в Британии матадору. После того как одно из устройств взорвалось раньше времени на почтовой сортировочной станции на севере Лондона, местность оцепили, а почту скрупулезно проверили, что позволило выявить и обезвредить еще шесть бомб.

Несмотря на то, что обстоятельства дела нам неизвестны, судя по всему, эти устройства были не просто муляжами. Их изготовители не ставили перед собой задачу причинить серьезный физический вред, они скорее хотели нагнать на получателя страху. JD не остановил этот провал. Поскольку охотники теперь осторожничали с получаемой корреспонденцией, активисты отправили устройства двум людям, известным своим участием в других формах запредельной жестокости к животным.

Колин Френч был всего лишь фермером, но против него выдвигали 92 пункта обвинений в жестокости по отношению к принадлежавшим ему животным. Ему также инкриминировали нарушение запрета суда на их содержание. Заголовок Daily Star гласил: «Закон не в силах его остановить». Когда Френчу впервые запретили 15 лет держать коров, овец и коз, он оформил владение животными на своего скотника. Кроме того, на него наложили штраф в размере 70 тысяч фунтов. Когда скотнику тоже запретили держать животных из-за его жестокости, Френч обратил свой взор к другим видам фауны. Инспектор RSPCA написал в отчете, что ферма Френча — это «концентрационный лагерь, Бельзен для животных». «Я не могу представить, — продолжал он, — владельца животных, который был бы хуже, чем Френч». Ослицу инспектор обнаружил лежащей рядом с кишасим личинками трупом ее детеныша, а изнуренную козу — привязанной так крепко, что веревка выполняла функцию жгута. Многие животные были настолько голодны, что едва держались на ногах. За все это Френчу и отправили посылку.

Кристофер Браун был ответственен за разведение тысяч кошек и снабжение ими лабораторий всего мира. Его ферма располагалась в Оксфордшире. Несколько лет назад он стал героем среди своих коллег, когда в одном из сараев подкараулил активистов, пришедших за кошками. Им не удалось никого спасти, потому что их всех арестовали. На сей раз Брауну повезло меньше. Оба устройства в корпусе видеокассет взорвались при вскрытии посылок, нанеся несущественные, но болезненные ранения. Это было далеко не все, что ждало обоих мужчин. Движение за освобождение животных испортило им работу, и уже вскоре Браун потерял бизнес и лишился всех кошек, а Френч горел в аду.

В течение следующего месяца были отправлены еще пять посылок: две меховщикам, две фанатам кровавых видов спорта, и одна — норковому фермеру. Неудивительно, что, получив сюрприз, охотники первым делом позвонили в полицию. Норковый

фермер тоже был бдителен. А вот Хейдон Ноубл из Noble Furs в Лондоне ошибочно решил, что получил рекламное видео от Британской ассоциации меховой промышленности. Устройство взорвалось ему прямо в лицо. Розали Ноубл разумно доверила вскрытие полученной ею посылки саперам.

Под Рождество 1993 года почтой были отправлены другие устройства — на сей раз вмонтированные в 60-сантиметровые тубусы. 13 бомб должны были детонировать при вскрытии, воткнув в получателя ВИЧ-инфицированные иглы, по крайней мере, так утверждали отправители. Жертвами были избраны различные исследователи, разводчики и другие представители вивисекторского сообщества. JD объяснило свою акцию желанием «вернуть вирус тем, кто его создал». Первым получателем стала популярная мишень акций протеста ферма Шемрок, поставщик приматов для опытов. В результате четыре сотрудника получили ожоги, проблемы слуха и шок. Один из них открыл посылку, разбирая утреннюю почту.

Офицеры Особой службы поспешили предупредить об устройствах других потенциальных получателей и сортировочные станции. Но не все прислушались. Терри Хорнетт взлетал по карьерной лестнице в мире вивисекции. Он был менеджером лаборатории Glaxo в Херефорде, членом совета Института зоотехников и членом консультативного комитета RSPCA по вопросам опытов на животных — последний орган был чем-то вроде шизофренической шутки; это касалось как самого факта его существования, так и занятости в нем вивисекторов. Хорнетт проигнорировал предупреждения и открыл посылку, которая тут же взорвалась ему в лицо, но не причинила серьезных увечий. На этом неприятности для мистера Хорнетта не закончились: через несколько дней он умер от лептоспироза — противной болезни, которой можно заразиться через контакт с крысиной мочой, а с ней Хорнетт, будучи вивисектором, вероятно, контактировал регулярно.

Под Рождество JD изменило тактику на менее насильственную, но куда более подрывную в экономическом плане, оставив зажигательное устройство в магазине Boots в Нортхэмптоне. Огонь и затопление нанесли ему значительный урон. Через несколько дней JD атаковало Boots в Корнуолле, оставив на полках устройства, вмонтированные во флаконы краски для волос, аналогичные которым продавались в магазинах. Они были так мастерски замаскированы, что покупательница приобрела такое устройство в магазине в Лискирде и унесла домой. Только там она обнаружила подозрительное содержимое флакона и позвонила в полицию. Boots напомнил персоналу 1100 своих магазинов быть бдительными. Полиция советовала покупателям товаров для волос в магазинах Boots проявлять осторожность.

Министерство Справедливости открыто заявляло о своем желании ранить своих жертв, хотя это можно было не объяснять, учитывая, что бомбы в посылках явно предназначены для членовредительства. До конца не ясно, полагались ли активисты на судьбу, рассматривая возможность того, что покупатель унесет устройство домой, или просто смирились с тактическим риском. Если так, то это выставляет их не в лучшем свете, но ставка делалась на то, чтобы пробудить в людях страх и недоверие к товарам Boots. Одно дело подозрительно относиться к посылкам без обратного адреса и другое — проверять в магазине товар на наличие взрывчатки: эти дополнительные неудобства для компании — логичный шаг после звонков с предупреждениями о заложенных (несуществующих) бомбах в магазинах и паранойи вокруг «сомнительных посылок».

Потом пришел черед взведенных мышеловок с прикрепленными бритвами, задачей которых, по всей видимости, было отсекать пальцы получателей при вскры-

тии посылки. В течение последующих месяцев десятки, а возможно, сотни подобных посылок были отправлены множеству известных угнетателей животных, включая Чарльза Уиндзора, принца Уэльского. Следующей шагом стал поджог двух быстроходных катеров, принадлежавших известной лаборатории, разводившей щенков на псарне Гаретмар (ранее известной как Коттеджпэтч) в Хэмпшире, откуда активисты ФОЖ некогда вынесли 10 щенков. Следом за этим JD отправило устройство в корпусе видеокассеты в магазин Boots в Кембридже. Получатели сообщили о посылке куда следует, и бомба была обезврежена.

Следующая серия устройств, которые теперь уже стали намного сложнее и отправлялась более осмотрительно, спровоцировала новую волну страха, когда секретари Stena Sealing¹ получили ранения, проверяя утреннюю почту. Компания с отделениями в Глостере, Оксфорде, Эдинбурге и Кенте принимала участие в экспорте живого скота. Эффект был таким, что судоходные компании, участвующие в экспорте животных, вскоре разорвали контракты, опасаясь за безопасность своих сотрудников. Их можно было понять: когда бомбы оказываются в краске для волос, а присланные почтой мышеловки рубят пальцы, становится ясно, что имеешь дело не просто с одним-двумя фанатиками!

Пожалуй, единственным по-настоящему удивительным исключением из правил Министерства справедливости, был визит антитеррористического подразделения S013 в дом живших в Ковентри сикхов. Это произошло вечером, во время теленовостей, как раз повествовавших об атаках, совершенных зоозащитниками накануне вечером. Телевизор смотрел только Гуржит Ауджла: его родители с трудом говорили по-английски.

Движение за права животных состоит преимущественно из представителей белого рабочего и среднего классов, что нехорошо и нуждается в изменении. Активистов, происходящих из других этнических групп, очень немного, в чем легко можно убедиться на маршах. Эти немногочисленные представители очень выделяются из массы, особенно в сельской местности, где Гуржит, ходивший на все акции саботажа охоты и демонстрации, постоянно слышал, что он — «пакистанский ублюдок», которому пора «валить домой». Было бесполезно прятать лицо за вязаной маской. Его очень любили все, с кем он общался. Его знали как тихого, щедрого и надежного друга, который отстранился от тесно спаянного семейного круга, чтобы делать то, во что он страстно верил, но что было чуждо его семье. Грубо говоря, он был белой вороной, как многие из нас. Его сестры придерживались традиции работать в семейном бизнесе; они были хорошими детьми. Гуржит был плохим. Очень плохим, хотя родители не знали об этом и никогда бы не догадались.

Он предпочел не говорить им слишком много. Так же делают многие из нас, зная, что в этом нет смысла, потому что, как правило, родственники постараются отговорить тебя от того, что ты делаешь или задумал сделать, либо просто ничего не поймут. Арест Гуржита стал существенным продвижением в деле о бомбах. В его спальне полиция нашла все, что ей было необходимо. Парню предъявили обвинение и не выпустили под залог, содержали как заключенного категории А. Он сидел в соседней

¹ Stena Line — международная транспортная и туристическая компания, работающая по трем направлениям: Скандинавия, Северное море и Ирландское море. Позиционирует себя ведущим паромным оператором в мире. В 2009 году перевезла около 15,4 миллионов пассажиров, 3,3 миллиона автомобилей и 1,6 миллиона единиц груза.

камере с известным серийным убийцей Фредом Уэстом¹, который тоже ждал суда. Для Гуржита стремительное расставание с тихой жизнью в любящей семье явилось сильным переживанием. Он попал в большую беду.

За неделю до суда по ITV показали очередную серию фильма «Лондон в огне»² — драму про то, как экстремисты за права животных рассылают бомбы в конвертах по почте, учиняя тем самым настоящую резню. Гуржиту Ауджле было далеко до персонажей, которых выдумал сценарист, но он действительно отправлял бомбы в посылках, и полиция просила дать ему шесть пожизненных сроков. Ауджла признал себя виновным в надежде минимизировать потери.

Он заявил, что разослал всего шесть устройств в судоходные компании, экспортировавшие живой скот. Он подчеркнул, что не несет ответственности за другие бомбы. Судья согласился, что целью отправки устройств было вызвать хаос и панику, а не причинить физический вред. Он даже пообещал учесть тот факт, что подсудимый находился в депрессии от недостатка политических действий, направленных на прекращение жестокой торговли животными, проблема которой явилась поводом беспрецедентных акций протеста в центральной Англии.

Судью смягчило не столько признание вины Гуржитом и его искреннее раскаяние в связи с ранениями и страхом, на которые он обрек невинных людей, сколько пылкое сопереживание семье подсудимого. Их сын никогда раньше не делал ничего дурного и, по словам отца, никак не подходил под описание человека, которое составил прокурор. Он был любящим, заботливым сыном с будущим в семейном бизнесе, которого сбили с толку его убеждения. Ауджла понимал, что ему очень повезло и что он в неоплатном долгу перед своей семьей, когда судья дал ему шесть лет, минимальный, по словам самого судьи, срок, учитывая обстоятельства. Это был действительно неплохой исход, как и, по мнению многих, самоубийство Фреда Уэста в новогоднюю ночь 1995 г.

Ауджла доказал, что умеет держать слово: после освобождения он больше не нарушал закон.

¹ Фред Уэст (1941–1995) — английский маньяк. Вместе со своей женой Розмари пытал, изнасиловал и убил по меньшей мере 12 девушек и женщин в период 1967–1987 гг. Уэст повесился в своей камере еще до вынесения приговора. Розмари Уэст получила пожизненный тюремный срок, который отбывает по сей день.

² *London's Burning* — британский телесериал про пожарных. Снимался и транслировался в период 1988–2002 гг.

Конец вивисекционной кормушки

Более 10 тысяч человек ежегодно умирают в Великобритании от побочных эффектов лекарств, прописанных врачами.

British Medical Journal, 2004

Объясняя, почему правительство не сдержало обещание, данное Королевской комиссии по вивисекции, премьер-министр Тони Блэр сказал в декабре 2004 года:

«Мы обещали обеспечить более гуманное отношение к животным и лучшие гарантии безопасности в экспериментах на животных, и мы выполнили это обещание. Мы убедились в том, что все опыты проводятся в соответствии с самыми строгими правилами. Именно по этой причине мы хотим сказать зоозащитникам-экстремистам, что в этой стране приняты очень жесткие меры в отношении вивисекции, поэтому преследованию и запугиванию людей, занимающихся своим делом, не может быть никаких оправданий».

Обещания, данные лейбористским правительством в преддверии выборов, оказались враньем. Хуже того, число животных, обреченных на смерть в лабораториях, увеличилось. Тайное стало явным, когда лейбористы распахнули объятия для фармацевтических и вивисекционных монстров, открыто защищая рост числа экспериментов и развитие новых лабораторий. Стремление одного человека заставить правительство выполнить хотя бы единственное предвыборное обещание стоило ему жизни. Этому предшествовала героическая борьба, которую этот человек вел прямо в тюрьме и которая вывела активизм за права животных на новые рубежи.

Лучше быть счастливым, чем превращать свое тело в могилу для животных. Поэтому апостол Матфей отдавал предпочтение семенам, орехам и овощам, избегая мяса.

Святой Клемент Александрийский¹

В июле 1996 года 44-летнего Барри Хорна арестовали за хранение и размещение зажигательного устройства карманного размера в магазинах в центре Бристоля (поймали с поличным). Это входило в кампанию ARM. Магазины были неотъемлемо связаны с вивисекцией и другими формами угнетения животных. На протяжении нескольких лет Барри то оказывался за решеткой за тот или иной поступок, то выходил на волю. Полиция неоднократно устанавливала наблюдение за ним. Барри узнал правду об угнетения животных девять лет назад и пришел на митинг в Нортхэмптоне, где почувствовал себя в хорошей компании. Среди присутствующих была большая доля радикально мыслящих активистов, действовавших в этой местности; людей, которых не волновало, что скажут другие; людей, готовых идти ради животных на риск.

С течением времени Барри познал преимущества одиночной работы, не учитывать которые при большом интересе полиции к местным активистам он не мог. Вокруг хватало надежных людей, но полиция знала их и легко могла установить за ними слежку. Барри нравилось действовать одному. Он считал, что так у него больше шансов не попасться. Мы обсуждали наши свершения обычно в пабе. Как правило, это были общие разговоры, редко раскрывающие детали, но каким-то образом все были в курсе, кто чем занимался. Это было важно: знать, что твои друзья — по-настоящему преданные идее люди, стремящиеся облегчить страдания животных, нанести их угнетателям урон и, возможно, вдохновить других на действия. Чувство единения придавало сил.

Барри не боялся стать отшельником, но ему все равно нужны были единомышленники, с которыми он мог бы делиться кошмарами, свидетелем которых был. Выслушивать подобное сложно, но выпустить это из себя иногда просто необходимо. Барри всегда мог насладиться кружкой пива и рассказать пару анекдотов, он не был стеснительным, правда, немного скрытным. Он не задавал темп беседы, но умел ее поддержать, а кружка пива высвобождала превосходное чувство юмора, которое в нем мало кто замечал. Порой он бывал угрюмым, но это случается со многими мужчинами, когда у них начинают выпадать волосы в молодом возрасте. Барри не был тщеславным, но расстраивался из-за того, что лысел. «Бесполезно что-либо с этим делать, — говорил он. — Выглядит по-идиотски».

Но было немало других вещей, портивших ему настроение куда сильнее. Неопишуемая жестокость, о которой ты узнаешь, выедаёт тебя изнутри, и ты либо начинаешь ее игнорировать, либо приступаешь к активным действиям, чтобы с ней покончить. Мы вместе смотрели видео и читали ужасные истории. Нет лучше способов прекратить все разговоры в комнате, полной веганов. Он всегда был чуток к жестокости по отношению к животным.

¹ Клемент Александрийский (ок. 150 — ок. 215) — проповедник Библии, основоположник Александрийской богословской школы.

Барри не гнался за успехом или достатком. Ему было достаточно жить как живет. Это не касалось только угнетения животных: оно привлекало его пристальное внимание. Он поздно начал, но начал, и это было важно. Большинство активистов были молодыми, а поэтому храбрыми и самоуверенными, но и ему было нечего терять.

В какой-то момент полицейские сделали вывод, что Барри что-то замышляет, и они не ошиблись. Тут можно было к гадалке не ходить: он всегда что-то замышлял. Детективы не спускали с него глаз, подозревая в предыдущих атаках ARM с применением зажигательных бомб. Они знали, что он специально держится в тени, не появляясь на демонстрациях и митингах. Однако для ареста не хватало улик, кроме подслушанной болтовни о том, что «Баз работает один». Барри также не подходил под описание злоумышленника, если не считать того, что он был белым мужчиной. Куда более важную роль играл тот факт, что число людей, которые могут изготовить зажигательное устройство и незаметно оставить его в магазине, не так велико даже в кругах ФОЖ. В ходе плодоносной антимерксовской кампании 1984 и 1987 годов небольшая группа активистов оставила в магазинах лишь около 40 устройств.

Менее сложные технические устройства шли в ход куда чаще, но все равно пользовались ими немногие. Однако тот, кто сделал это единожды, со временем теряет страх и продолжает до тех пор, пока не случится неизбежное. Такие люди, как правило, либо совсем не известны полиции, либо известны очень хорошо.

Барри арестовали вместе с другими активистами в Ланкастере в 1987 году, когда они пытались освободить дельфина Рокки. Несколько лет спустя его задержали в составе команды хорошо известных местных активистов. При них нашли коллекцию зажигательных устройств. В округе имели место и другие аресты при менее драматичных обстоятельствах — за любым ужином у активистов таких историй хоть отбавляй — но проблема заключалась в том, что Барри выделялся своими поступками из общей массы и всегда был на виду. Угнетателям животных, которые расслабились из-за обещаний государства ввести ужесточения против протестующих и пересажать ключевых активистов, есть чего опасаться, потому что движение сплотило самых разных людей, готовых сделать шаг за черту и совершить самый неожиданный поступок, не опасаясь того, что их смогут вычислить и покарать.

Но Барри было сложнее — его знали. Чувство, какое испытываешь, когда то-нешь, охватило его, когда мужчина крепко схватил его за руку на выходе из магазина Halfords в центре Бристоля. Внезапно за один короткий миг весь его мир обрушился. Барри полагал, что никто не знает о его деятельности, но он ошибался, трагически ошибался. Услышав слова «Барри Хорн, вы арестованы по подозрению в...», он уже знал, что его жизнь не просто надолго изменится — но что она подошла к концу. Его быстро окружили детективы. На него надели наручники. Они явно очень хотели до него добраться и знали, что он затевал. Внезапно это стало до боли очевидным.

Теоретически, принимая во внимание прошлое Хорна, он не должен был быть слишком активен после предыдущих проблем с законом хотя бы какое-то время, и он прекрасно знал, что если его арестуют снова за что-то серьезное вроде поджога, карьера активиста закончится. Но у него имелись более серьезные планы. Он заготовил нечто, чему суждено было затмить даже пожары в универмагах на главных улицах городов.

То ли слухи, то ли чей-то длинный язык, то ли подозрительные действия самого Хорна привели к его аресту, но это не имело уже равным счетом никакого значения, потому что у детективов были все необходимые доказательства, и его не выпустили

под залог как заключенного категории А. После ареста с зажигательными устройствами в 1990 году, который обернулся для Хорна вполне скромным трехлетним сроком заключения, он решил, что больше не будет сидеть так долго — слишком большая трата времени. Ему было неуютно от того, что он подводил животных, пока отбывал предыдущие сроки. Он не боялся тюрьмы как таковой: справляться с нудной рутинной и отсталым мировоззрением управляющих было несложно. Его беспокоила вынужденная бездеятельность: было невыносимо никак не улучшать жизнь страдающих животных.

Он хотел большего — чтобы все делали больше. Будучи немногословным человеком, он четко давал это понять. Его обвинили в хранении зажигательных устройств и поджогах на острове Уайт в августе 1994 года. В тюрьме Хорн понял, что сильно ограничен в возможностях, но кое-что сделать он мог всегда, а именно объявить голодовку. Тот факт, что для изменения общества не нужно много людей, был хорошо известен в кругу общения Барри. Многочисленные инициативы были делом рук одних и тех же деятелей. За громкими делами стояли одни и те же активисты. Перебирая в памяти самые значительные рейды и мероприятия, можно было представлять себе одни и те же лица, правда, скрытые за масками. Много людей никогда и не требовалось: история вновь и вновь доказывает, что именно единицы со всей их решимостью способны двигать горы. Безусловно, должна быть и воля народа, чтобы изменить общество к лучшему — именно она помогла, когда одиночки сражались с работорговлей и добивались права голоса для женщин — но искра, из которой получалось огромное пламя, эффективный катализатор, запускающий химическую реакцию, всегда был результатом усилий храбрых личностей, дразнивших, обходивших, дискредитировавших и нарушавших существующие правила.

30 лет назад запрет на глубоко укоренившуюся и любимую истеблишментом охоту воспринимался как сумасшедшая идея, которую проповедовала горстка несогласных людей, готовых нести наказание за попытки нарушать статус-кво, однако сегодня подавляющее большинство политиков и простых граждан возмущенно требуют неукоснительного соблюдения этого запрета.

Запрет на вивисекцию воспринимался еще менее осуществимой целью ввиду мощи фармацевтических гигантов, но он может быть введен уже в ближайшей перспективе. Ведь это худшее проявление человеческого поведения. Это не необходимое зло, как его характеризуют те, кто в нем участвуют, — это просто зло. Пытка для каждой белой мыши, впихнутой в пластиковый контейнер вместе с множеством других. Ее топят в жидкости, отравляют или жгут на раскаленной тарелке. Барри Хорн как-то сказал мне, что единственное благо этих экспериментов — вдохновение, которое они дарят тем, кто с ними борется. «Нас не вдохновляют общественные деятели. Другое дело — маленькие забранные жизни. И неважно, скольких убивают каждый год. Важно, что они истязают живых существ». Он мог наворчать на кого-то, кто приводил цифры убитых животных в той или иной области. Его раздражало, что мы превращаем жертв в единицы статистики. Он не надеялся сократить число пыток в течение какого-то времени, он хотел остановить эти пытки немедленно и не мог найти общий язык с кем-то, кто жаждал иного. Некоторые и не жаждут: они просто требуют, чтобы угнетатели увеличили размеры клеток или просят кого-то присутствовать при пытках, чтобы потом можно было считать, что те или иные акты жестокости «под контролем» и «проверяются». «Да какого черта они называют себя активистами», — возмущался Барри.

В Фулл-Саттоне¹ над ним насмехались, узнав, что он попал туда «из-за нескольких животных», а не за воровство или наркотики. Он парировал, что сделал бы то же самое даже ради одного животного. Для него это было войной — войной, в которой жертвами были бесчисленные миллионы живых существ, подвергаемых ужасным страданиям, миллиарды созданий, чьи жизни беззаботно отнимаются. Барри был готов стать жертвой этой войны, хотя его амбиции толкали его на то, чтобы нанести врагу как можно более тяжкое поражение. У него была долгосрочная стратегия. Он сфокусировался на вивисекции и всячески стремился причинить ей максимум ущерба до тех самых пор, пока его не арестовали.

Кто-то скажет, что больше Барри ничего не мог поделать и должен был ждать освобождения в 2006 году, но он был готов отдать борьбе все и даже самое большее, что у него было — жизнь. Разве не этого мы ждем от нашей молодежи? То, что он сделал, он сделал не для себя. Это был жест, который нашел отражение в известной строчке: «Нет больше той любви, как если кто положит душу за друзей своих» (Евангелие от Иоанна 15:13).

В январе 1997 года, будучи в предварительном заключении, Барри Хорн начал серию самых зрелищных протестов, какие мир видел в нашей борьбе. Американские активисты, осужденные за пикетирование меховой индустрии в предыдущие годы, прибегали к голодовкам и добивались с их помощью большой огласки. Другие освободители животных в тюрьмах использовали голодовки для улучшений веганского питания в пенитенциарной системе. Барри Хорн хотел донести до людей правду о судьбе лабораторных животных, вдохновить других уделять борьбе чуть больше, чем пару часов, а главное, заставить правительство отказаться от поддержки вивисекции и выполнить обещанное. По его собственным словам, это был «протест против поддержки и поощрения правительством индустрии опытов на животных в этой стране и призыв ответить за свои слова — за поддержку вивисекторов, как финансовую, так и моральную, которую оно оказывало в течение пяти последних лет».

Он загадал желание, но не учел, что имеет дело с тем же самым правительством, пусть уже и без Маргарет Тетчер во главе, которое позволило десяти североирландским заключенным умереть от голода, вместо того чтобы уступить их требованиям. Этого Барри Хорн не учел, но движение сплотилось, чтобы гарантировать, что правительству, вивисекционному сообществу и простым гражданам придется считаться с его протестом, и это должно было вполне удовлетворить Барри.

Лишь несколько близких доверенных лиц знали о его планах. Его идея была не из тех, что стоило подолгу обсуждать с кем попало, но он мог обмолвиться в разговоре. Люди склонны обсуждать голодовки и то, насколько далеко те могут зайти. Некоторые голодают короткое время, другие держатся чуть дольше, но мы не ждем, что кто-то умрет у нас на глазах. Голодовка — это нечто, к чему люди прибегают, дабы привлечь внимание к проблемам и себе, и когда они добиваются желаемого, когда им кажется, что все безнадежно, или нервы уже на пределе, протест заканчивается. Как правило, это происходит до того, как здоровью будет причинен серьезный вред. Но бывают исключения. Когда люди начинают голодовку и не доводят дело до победного конца, встает неминуемый вопрос о серьезности намерений протестующих. Я вовсе не ставлю под вопрос то или иное решение людей в подобных случаях, но для Барри это было так же серьезно, как и все, что он делал в жизни, и его никто не мог отгово-

¹ HM Prison Full Sutton — тюрьма в деревне Фулл-Саттон, графство Йоркшир. Служит местом содержания 600 заключенных категории А.

ритель. Важнейшим для него было служение животным, права которых ущемляются жульническим, преступным миром вивисекции.

Хорн не собирался следовать чьему-либо совету относительно того, чтобы дождаться освобождения, а дальше уже действовать. Все, что его интересовало — это поддержат ли люди выдвинутые им требования. У руля стояли консерваторы. Казалось, что навечно. Они редко снисходили до того, чтобы даже притворяться, что им не все равно, но их дни могли быть сочтены — надвигались выборы. Это делало любой спорный политический шаг с их стороны еще менее возможным, потому что из-за гибели Барри они рисковали не быть избранными на следующий срок.

У Хорна ушло время на то, чтобы добиться от скептически настроенного движения поддержки первой голодовки. По счастью, Барри находился в Баллингдонской тюрьме в Оксфорде, когда перестал есть, а Оксфорд сегодня — уже синоним вивисекции. Это сыграло ему на руку, потому что в окрестностях хватало работы для зоозащитников. Голодовка обретала дополнительный смысл. Когда движение узнало о ней, многие увидели в этом еще один ловкий трюк. Активисты организовали серию пикетов — как у здания тюрьмы, так и перед входом в местные лаборатории и центры разведения животных. На первой же демонстрации у здания тюрьмы в 13-й день голодовки собралось свыше сотни человек, пришедших выразить поддержку. Акции вдохновляли новые акции.

Чтобы не мешать обеденным посещениям заключенных, после короткого утреннего мероприятия активисты отправились к зданиям двух центров разведения за городом — в Харлан-Олак в Блекторне и на кошачью ферму в Хилл-Гроув рядом с Уитни. В ходе акции у первого комплекса, до отказа набитого всевозможными грызунами, немногочисленное присутствие полиции воодушевило людей пробраться на территорию предприятия. Периметровое ограждение было разрушено в трех местах. Кроме того, активисты выбили двери, поколотили окна и пр.

Полицейские видели, как полетели кирпичи, но ничего не смогли сделать — толпа рассеялась. Однако власти уловили общее настроение: вскоре в воздух взмыл вертолет, дороги были перекрыты, но это случилось слишком поздно, чтобы предотвратить аналогичный выплеск ярости в нескольких километрах от первого места — на кошачьей ферме Хилл-гроув, принадлежавшей Кристоферу и Кейтлин Браун, куда направились некоторые из участников предыдущего погрома. Когда полицейские туда прибыли, они застали развороченные двери и выбитые окна. Ущерб исчислялся тысячами фунтов. Из одного сарая пропали 14 кошек. Полицейские бросились в погоню. Им удалось задержать трех человек и вернуть на ферму нескольких животных. Озадаченный Кристофер Браун, разводивших кошек с 1970-х и переживший последний рейд в 1980-х, сказал об активистах: «Они совершенно неверно информированы и введены в заблуждение. Они довольно злые и думают, что люди, проводящие медицинские исследования, не уважают животных. “Вивисекция” — плохое слово. Правильный термин — это “медицинские исследования”. Кошек сейчас используют как лабораторных животных только для ветеринарных опытов». На самом же деле мистер Браун не знал и не заботился о судьбе своих кошек вне зависимости от того, оставались ли они в Британии или покидали страну после продажи. «Вивисекция» — это действительно плохое слово, равно как и плохое дело. И для животных, и для медицинского прогресса.

К моменту, когда короткая, спонтанная атака на ферму Хилл-Гроув завершилась, всем стало предельно ясно, что полиция мобилизовала свои силы, и новые попытки растормозить вивисекционное сообщество Оксфорда пока придется отложить.

Большая часть оксфордской полиции подстерегала активистов на контрольно-пропускных пунктах на дорогах и в лабораториях, в частных домах и центрах разведения. Для обеспечения дополнительной защиты были вызваны полицейские из соседних графств. Все эти меры стали неадекватно серьезной реакцией на пару разбитых окон. Всего было арестовано 26 человек. Некоторых продержали в участках всю ночь, после чего отпустили. Так прозвучал сигнал того, что вскоре последует новая волна акций противодействия чудовищу по имени Вивисекция. Или, если вы предпочитаете интерпретацию одного из атакованных бизнесменов, близилось «не что иное, как анархия. Разгул банды бездумных отморожков, жаждущих разрушений».

Через несколько дней был намечен пикет при свечах у здания тюрьмы. Полиция не захотела позволить чему-то подобному случиться и применила Параграф 60 Закона о криминальном правосудии, который позволял останавливать, обыскивать и беспокоить людей, которые вторгаются на ту или иную территорию. Многих, кого считали веганами, развернули на дороге обратно с угрозой арестовать, если эти люди воспользуются своим демократическим правом на протест. Но 50 человек все равно сумели пробраться. Они зажгли свечи на ветру к открытому презрению полицейских, которые не желали общаться с активистами по-человечески, даже притом, что проделали вместе с некоторыми из них долгий путь через несколько графств, следуя за их машинами от самого порога дома в сотнях километров от тюрьмы.

На другой демонстрации, у конур центра разведения Consort в Россе-он-Уае в Херефорде, полицейские были очень возбуждены и обеспечены всем необходимым, но тем не менее упустили важный момент. В этом они были не одиноки. Новая команда охраны отгоняла толпу демонстрантов, но некоторые из них обнаружили, что находятся вне зоны видимости блюстителей, у них за спиной, и пробрались в загон с щенками, откуда беспрепятственно вынесли 10 биглей — среди бела дня! Даже новоеприобретенное радиолокационное оборудование не сумело засечь освободителей с их бесценными трофеями, которые они вынесли под куртками.

Рано утром на следующий день зажигательные устройства вызвали возгорание семи холодильных фургонов на стоянке фабрики по переработке курятины Buxted Chickens в Брэкли, графство Нортхэмптоншир. Компания понесла убытки в размере десятков тысяч фунтов. Вслед за этим была совершена акция на севере. Из лаборатории Университета Центрального Ланкашира были вынесены несколько сотен дождевых червей. Компьютеры и другое оборудование активисты безжалостно поломали. Все эти и многие другие акции люди посвятили Барри Хорну. Он сам незримо участвовал во всех этих рейдах, неважно, видел он это или нет, и это вдохновляло его голодать до самой смерти.

Голодовки, пользующиеся все большей популярностью у отчаявшихся людей, часто воспринимаются тщетной формой протеста. Пытаться заставить консервативное правительство в капиталистическом обществе расправиться с угнетением животных — это действительно тщетно, но Барри Хорн так не считал. Он напоминал обществу о зоозащитном движении и неустанно выносил вивисекцию на повестку дня, с которой она исчезла в виду роста протестов против экспорта скота. Министерство внутренних дел было откровенно ошеломлено реакцией движения на его протест и, не зная, как реагировать, решило наказать Хорна, заодно переместив проблему из Оксфорда в другое место, где потенциал для нарушения общественного порядка на протяжении недели напролет намного меньше. Прожив четыре недели без пищи, Барри Хорн сумел не только упаковать свои вещи, но и донести их вплоть до своей новой камеры в тюрьме Бристоля, будучи при этом в наручниках.

Национальная пресса отмалчивалась о голодовке и сопровождавших ее протестах, но за пределами страны, где проводились акции солидарности, началась совсем другая история. Люди жгли флаги Великобритании у зданий ее посольств. 18 тюремных заключенных из числа зоозащитников провели в стране 48-часовую голодовку, Джефф Шеппард продолжал ее 21 день. Как человек, с которым лучше не связываться, если его регулярно и обильно не кормить, я был не в себе уже к середине первого дня. По истечении 48-го часа меня можно было видеть жадно поглощающим чапати с карри. Я сфокусировал все внимание на желудке, потому что 48 часов было тяжким испытанием: картошка со шпинатом, рис и чапати... Я до сих пор чувствую этот вкус.

ARM пригрозила, что если Барри Хорн умрет, за ним последуют пять вивисекторов. Правительство предсказуемо никак себя не проявило, разве что пообещало сделать все необходимое, чтобы люди тихо сидели по домам. Но чертенок уже выскочил из табакерки и наделал немало шума. Администрация консерваторов доживала последние дни, представители Лейбористской партии связались с организаторами кампании и напомнили движению о своей выдуманной поддержке. Все выглядело так, словно лейбористы возьмут бразды правления после майских выборов. Они пообещали учредить Королевскую комиссию по вивисекции и запретить различные практики тестирований на животных; это касалось табака, алкоголя и оружия. Барри Хорн сделал тактическое отступление.

Через неделю после его политически мотивированного переезда в другую тюрьму, который придал движению дополнительных сил, а правительство и вивисекционное сообщество убедил в потенциальном риске более масштабного бунта в случае смерти, Барри приостановил свою акцию. Он провел без пищи 35 дней. Он сделал большое дело, вселившее уверенность во многих, притом что это был лишь пробный ход. Все равно как опустить палец в воду, прежде чем в нее войти. Барри знал, что мог поднять ставки.

Не испытывая чувства стыда за недостаток экстремизма в этой кампании, я очень захотел узнать, каковы планы Барри как человека, который всегда будет пользоваться глубочайшим уважением всего движения. Мне было не до шуток, потому что голодание — это не менее опасно, чем рак. Я думал: а что, если он собрался идти до конца? Этот вопрос донимал меня с каждым днем все больше и больше. Барри был серьезен. Чертовски серьезен. Лишь немногие понимали, что он совершенно не удовлетворен, несмотря на резонанс, который ему удалось создать. По сути, его жизнь и жизни животных снова оказались в руках политиков, которые вроде бы готовы были сделать важный шаг, но замерли и попятиться.

Псарня Consort: полоса неудач

Опыты на животных привели к тому, что около 100 лекарственных препаратов считались полезными при инсульте; ни один из них не доказал свою эффективность на людях. Не нужно быть одетым в вязаную маску активистом за права животных, чтобы усомниться в ценности экспериментов на животных.

The First Post, 25 января 2007

Воодушевленное невероятной кампанией Барри, гибелью Nulyne Rabbits, злостью компаниями Boots, опустошением дельфинариев, восстанием против экспорта животных и массивным ростом числа акций по всей Европе, движение процветало, разрасталось и жаждало новых достижений.

В поле рядом с трассой A49, между Россом-он-Уаем и Херефордом располагались конуры центра разведения биглей Consort Biosciences, откуда был слышен вой тысячи или больше собак, желавших выбраться на волю. Consort периодически подвергалась протестам на протяжении многих лет, псарню то и дело атаковали, собак и кошек выносили из комплекса. В 1991 году Чарльз Гентри из Consort прокомментировал закрытие многочисленных компаний, разводивших животных: «Настали поистине тяжелые времена для поставщиков животных в этой индустрии, и нам остается лишь надеяться, что условия рынка, создавшие такую ситуацию, изменятся к лучшему».

Постепенное распространение информации об ужасах эксплуатации животных в столь многих областях не давало уличенным и ошеломленным угнетателям возможности найти быстрое решение проблемы. С одной стороны, нет ничего дурного в том, чтобы поставить конкретных эксплуататоров в перманентно оборонительную позицию и заставить нести все возрастающие расходы на меры безопасности, но такой подход не сокращает большую часть страданий животных.

Существует точка зрения, согласно которой тратить слишком много энергии на одну мишень, такую как псарня Consort, значит оставить в покое на какое-то время других угнетателей, позволив им спокойно убивать, да еще и — учитывая условия рыночной конкуренции — получать выгоду от несчастий тех предприятий, которые подвергаются атакам. Это потенциальная проблема в долгосрочной перспективе для движения, сконцентрировавшегося на закрытии бизнесов, потому что компании могут заниматься своими жестокими делишками где угодно. Куда логичнее представляется заниматься просвещением общества, которое инициирует независимые открытые разбирательства провалов вивисекции. Вне зависимости от того, насколько масштабно проводятся сфокусированные кампании, сегодня в мире вивисекции мало предприятий, которые отважились бы заявить, что они не боятся за свое будущее. В том числе поэтому многие люди всюду говорят о более широкой проблематике.

Влиятельная индустрия опытов на животных, конечно, намного больше нескольких собачьих конур, но в тот момент на территории скопилось множество биглей, желавших ее покинуть, а рядом собралось небольшое количество людей, мечтавших им в этом помочь. В ходе первого ночного бдения у здания Consort девять охранников встретили три десятка демонстрантов. Они никогда не держали такой большой штат секьюрити. Это был хороший знак! Они подзуживали протестующих через ограду, говоря им о собаках и о том, что их ждет, и всюду хвастались тем, что

благодаря активистам получили дополнительные часы работы. Это позорное поведение им не помогло.

Consort представлял собой независимое предприятие, у которого не было «старшего брата», способного помочь в час нужды. Охранникам тем временем нужно было платить. И чтобы удерживать авантюрно настроенных активистов от прорыва на территорию, их требовалось куда больше, в противном случае история с прорывом ходе пикета и кражей нескольких собак могла повторяться из раза в раз. Существующий штат охраны не мог гарантировать сохранность. Было очевидно, для Consort это настоящая проблема.

В течение всей зимы и весны 1996 года компания стала главной мишенью активистов антививисекционного сообщества. Концовкой этой игры могло стать только закрытие псарни. Добиться этого можно было либо заставив всех сотрудников уйти, либо сделав управление предприятием слишком дорогим, чтобы оно не могло приносить прибыль. Время было выбрано идеально. Барри начал восстанавливать силы после голодовки, от лейбористского правительства ждали выполнения своих обещаний, сделанных в декабре, а именно, что оно «готово сократить и в конечном счете запретить эксперименты на животных». Таким было одно из многочисленных обязательств, взятых на себя лейбористами, но время шло, и все поняли, что их обманули. Снова! Что нужно сделать, чтобы лгуны перестали побеждать? Я уж думал, что и голосовать за них некому. Можем ли мы после этого поверить Партии зеленых, утверждающей, что она будет отличаться от существующей системы, если выиграет выборы? Неужели все политики теряют моральные ценности, оказавшись в положении правителей, и утрачивают право диктовать новые правила? Ну конечно! Один активист был настолько разъярен, что использовал гламурные листовки лейбористов «Новая жизнь для животных», чтобы развести с их помощью огонь в депо, где стояли грузовики, перевозившие мясо. «Они даже для этого не годятся», — пожаловался он потом.

Тем временем Consort пережила еще 21 ночной пикет. Дневное дежурство у входа длилось месяцами. Ситуация с мерами безопасности была в центре внимания всех заинтересованных. Активисты не гнушались и визитами на дом — дополнительной работы, если угодно. Тот факт, что два сотрудника уволились сразу после того, как в их домах были выбиты окна, никак не повлиял на их коллег, которых ждала куда менее приятная участь. Против деятельности Consort проводились митинги и региональные демонстрации, привлекавшие людей со всей страны. Это стало очень личным делом. Когда люди видят животных в тех условиях, в которых их содержат, можно быть уверенным, что все будет именно так.

Местная полиция очень помогала кампании, мешая людям изъяслять их волю. Подобная низость обычно стимулирует общественный интерес. Акции не были масштабными и триумфальными, как не были и агрессивными, но были люди, которые не покидали это место — среди них встречались новые лица, но по большей части попадались уже знакомые — и они явно не собирались никуда уходить. Кульминацией стал Всемирный день защиты лабораторных животных в 1997 году, когда 500 человек кричали на всю страну о творящемся в Consort, стоя у травяного ограждения перед входом в псарню. (В связи с этим 24 апреля начало восприниматься не как один важный день, а как начало Всемирной недели защиты лабораторных животных; апрель же стал месяцем борьбы за их свободу. 24 апреля 1991 года организованный NAVS марш в Лондоне собрал 20 тысяч человек).

Недостатка в полицейских у входа и по периметру не ощущалось. Еще больше их было на территории. На прилегающих улицах стояли фургоны, полные резерва. Все

эти стражи правопорядка ожидали крупных беспорядков и неприятностей, но скорее старались спровоцировать их, нежели предотвратить. Бетонный забор был укреплен колючей проволокой и предварен временной стальной оградой. При наличии пары десятков полицейских на территории, казалось, бигли надежно спрятаны от окружающего мира. Так ведь? Ведь это ограждение никак не преодолеть? Колючая проволока заставит их держаться подальше; сделана на совесть.

Собравшаяся толпа представляла собой необычную смесь радикальных «старушек», подростков и родителей с детьми. Здесь были люди умеренных взглядов, которые строго избегали спорных подходов. Здесь были те, кто хотел помочь любыми средствами. Здесь были одетые в темное люди в масках, ищущие точку доступа на территорию. В течение нескольких минут после окончания официальной части национальной демонстрации, активисты переиграли полицию, выстроенные компанией препятствия тоже не помогли. По крайней мере, первый кордон удалось преодолеть. Увидев, что ограждение себя не оправдало, полиция приступила к мобилизации сил, но недостаточно быстро, чтобы воспрепятствовать горстке активистов, которые уже взбирались по бетонной стене псарни. Эта преграда с бритвенно острой колючей проволокой была куда более значительной, чем временный забор. Преодолевая ее, несколько человек получили ранения. Большинство прорвавшихся людей так и остались между этими двумя заграждениями. Им пришлось познать на себе тяжесть полицейского негодования и дубинок, с помощью которых офицеры привыкли теснить активистов.

Полицейским удалось временно вернуть себе контроль над территорией, но вскоре они опять его потеряли, когда два человека в масках показались на крыше одного из зданий, вокруг которого все кишело полисменами. Активисты держали бигля, которого они вынесли из конуры. Это было очень символично и подняло толпу на бой. Это было освобождение животных в действии! Теперь двоим смельчакам предстояло покинуть территорию вместе с собакой, что означало пробираться через плотные ряды полиции особого назначения, которую они сумели перехитрить по пути внутрь. В последовавшей борьбе им пришлось держать бигля на вытянутой руке, прокладывая себе и ему путь к свободе. Путь пролегал через многочисленные очаги напряженности в тех местах, где толпа прорвала заграждение и начались массовые драки.

Изначально задачей прорыва было вызвать хаос, повысить градус мероприятия и почувствовать торжество над превосходящими силами «закона и порядка», но внезапно все акценты сместились к тому, чтобы спасти жизнь единственной собаке. Момент выдался удачный — присутствовали люди с телекамерами. Даже те, кто придерживался умеренных взглядов, не смогли устоять перед видом бигля и отчаянными попытками людей сделать все, чтобы помочь ему выбраться. Бигль был одним животным из великого множества, но в этом-то и заключалась вся суть.

Что ставило в тупик, — как это случалось и в других местах, — так это небрежность полиции, которая довела ситуацию до того, что в руках у протестующих оказался бигль ценой в 200 фунтов, которого они продемонстрировали всем собравшимся. Это был рецепт катастрофы, обостренной офицерами, которые вызвали еще 50 полицейских особого назначения. Новоприбывшие принялись избивать всех подряд. Подруга, присутствовавшая при этом, впоследствии рассказывала: «Один из них брызнул мне в лицо CS-газом, а другой ударил дубинкой, когда я стояла на коленях и ничего не видела. Ребята подбежали, чтобы помешать полицейским, они были очень злы. Билли двинул одному из них дубинкой в козырек шлема, чем отправил его в полет».

Примечание: Билли никогда в жизни никого не бил. Он был крепкий парень и мог обидеть кого угодно, но все знали, что он миролюбив. Но тут он увидел, что стражи правопорядка не просто защищают предприятие, которое разводит биглей, а нападают на беззащитную женщину, желающую всего-навсего помочь животным. Билли действительно сожалел о том, что сделал, но понимал, что выбора у него не было. И хотя его не арестовали, он поклялся, что никогда больше не сделает ничего подобного, притом что все согласилось: он поступил правильно. Его спровоцировали. Одно дело выполнять свою работу и совсем другое — избивать невинных людей за попытку спасти маленькое животное.

Рукопашная продолжалась уже час, когда один из тех, кто выкрал собаку, побежал к другому зданию, которое охранялось намного слабее. Там он и исхитрился передать животное через забор человеку в компании 40 других протестующих, защищавших его от разгневанной полиции. Узнав, что собака спасена, те стали еще более агрессивными. И действительно невероятно, что собаку удалось вынести через крепкий кордон. Те двое освободителей отправились за следующим биглем, но и первый пока не был в безопасности. Для того чтобы помочь собаке выбраться, понадобились храбрейшие и самые сообразительные люди. Вокруг были сотни вызванных по тревоге полицейских. Действия протестующих не были искусными и эффективными, но таково освобождение животных, и для облаченных в черное людей — это основная работа.

Люди рванули через полицейские ряды, разбиваясь на мелкие группы, и бежали в разных направлениях, делая вид, будто у каждого в руках завернутый в куртку бигль. Против активистов были брошены все силы, полицейские собаки и даже вертолет. При поддержке с воздуха блюстителям удалось изолировать человека с собакой в трех с лишним километрах от конур. Он ни в какую не собирался отдавать бигля и вскоре его обступил десяток протестующих. Они плотно сжали кольцо, и только жесткое насилие со стороны полиции, желавшей вернуть украденную «собственность», помогло разогнать толпу. Всех, кто боролся за животное, арестовали. Собака оказалась взволнованной беременной самкой. Ей предстояло вернуться на псарню и однажды умереть от рук вивисекторов.

Американка, приехавшая в Британию, чтобы выяснить, как здесь идут дела с опытами на животных и законом, была заключена в наручники и проследовала в полицейский участок на заднем сиденье полицейской машины с собакой, сидящей у нее на коленях. Не имея возможности даже погладить ее, женщина плакала, изо всех сил стараясь не показать животному, насколько она расстроена. Наши полисмены произвели на нее отталкивающее впечатление.

Между тем на псарне в воздухе висела стойкая вонь CS-газа. Битва продолжалась еще час или около того. Некоторые хозяйственные постройки уже горели. Как только протестующим удалось прорваться через главные ворота, судьбу построек разделили и машины сотрудников. Постоянно переодеваясь, чтобы скрыть свою личность, люди использовали гофрированные кровельные плиты, пытаясь преодолеть колючую проволоку. Больше собак выволить не удалось. Полицейские дубинки вскоре сделали свое дело. Нескольким протестующим требовалась госпитализация — спасибо газу и метким ударам полисменов. Периодическое использование дубинок стало причиной жалоб на протяжении всей кампании.

За день были арестованы два десятка человек. Их обвиняли в воровстве, краже со взломом, причинении ущерба и нападении. Представителя Consort, который поехал в полицейский участок, чтобы забрать собаку (которая была в восторге от

большого к ней внимания), во избежание неприятностей пришлось сопровождать офицерам. Вернуть собаку было наивысшим проявлением тупости со стороны руководства компании, ослепленного жадой выгоды от продажи каждого животного. Начальники не могли разглядеть проблем, на которые они обрекали компанию. В тот же вечер активисты навестили трех сотрудников и менеджера, нанеся урон собственности каждого из них.

Пикеты продолжались еще несколько недель, но были менее значительными, чем эта драматическая демонстрация. Несколько человек стояли у входа в любую погоду. Их оскорбляли, на них плевали, травили газом. Но для активистов это стало чем-то большим, нежели ежедневной утомительной работой, стоившей предприятию кое-какого беспокойства и нескольких выбитых окон. Для всего движения это был урок того, как оказывать настоящее давление.

Минули 10 месяцев, в течение которых компания придерживалась позиции «Вам никогда нас не закрыть», и в начале июля поползли слухи о том, что владельцы Consort решили, что с них хватит, и подумывают о закрытии. Через неделю информация подтвердилась факсом, полученным центральным телевидением. Многие люди ждали именно этого. Это была победа народной воли. Да, индустрия вивисекции почти не почувствовала нанесенного ей удара, но он сделал движение намного сильнее, сохранившись в истории как важная победа.

Остался лишь вопрос о дальнейшей судьбе нескольких сотен биглей. При назначенной цене разобрать по домам удалось только 200. Информация относительно участи остальных не поступала. В течение нескольких дней наблюдение на местности выявило большое количество фургонов, покидающих предприятие-банкрот. То, что они не увозили животных в безопасные приюты, было очевидно. Прошел слух, что Consort переезжает в Шотландию, где английские проблемы не потревожат его, но ужасная правда вскоре опровергла эту информацию.

HLS имел богатую традицию уничтожения собак. Записи за 30 последних лет подтверждают это, и вот лишь один пример: ветеринарный хирург, ассистировавший другим ученым, отравил трех чистокровных биглей гербицидом. Животных насильно кормили хлоратом натрия через трубку в течение пяти дней. Ученые зафиксировали «существенную утрату аппетита и потерю веса, а также вялость, рвоту и кровь в моче и испражнениях на третий день. Смерть наступила на четвертый день». Ветеринарная запись апреля 1972 года.

Со времени, когда Сара Кайт приподняла завесу тайны своим расследованием под прикрытием в 1989 году, не изменилось ровным счетом ничего: в Хантингдоне продолжали пытаться и убивать животных. Резонанс, который вызвала Кайт, обнаружив факты, был очень остро воспринят в компании. Последовали кадровые перестановки в руководстве, призванные создать свежий образ «идеального центра», где захотело бы жить и помогать науке любое животное. Вообще, это были не столько кадровые перестановки, сколько обмен кабинетами. Более поздние записи и пленки, сделанные в HLS и обнародованные лазутчиками, шокировали нацию и вынудили полицию начать уголовное расследование по ряду обвинений. Поэтому новость о том, что Consort сбыв биглей в исследовательский центр, ежедневно умертвляющий 500 животных, привел все движение и не только его в глубочайшее смятение. Для собак не могло быть худшей участи.

Псарня Consort подверглась нападению на Всемирный день защиты лабораторных животных в 1997 году, в день, когда «Четвертый канал» показал фильм «Это со-

бачья жизнь»¹, снятый скрытой камерой в HLS. Фильм иллюстрировал жизнь животных в филиале центра в Кембриджшире. Жизнь эта представляла собой рутину, полную насилия и массовых убийств. Ничего удивительного, если учесть, что прибыль компании напрямую зависит от жестокости и смерти. Дело только в деньгах. Всегда только в них.

Нации было полезно увидеть, как четырехмесячных биглей бьют по морде за любые попытки сопротивления, когда им пытаются внутривенно ввести гербицид. Их трясли так грубо, что они мочились от ужаса. Фильм показывали в прайм-тайм, и он расстроил не только «экстремистов», которые прекрасно знали о происходящем, он произвел неизгладимое впечатление на многих других людей, ставших экстремистами впоследствии. Один из наиболее популярных комментариев, какие я слышал от людей на улице, звучал так: «За это нужно судить». Возможный всплеск эмоций у тех, кто не лишен сострадания, при встрече с жестокой реальностью в лице вивисекции, это как раз та причина, по которой опыты на животных проводятся за закрытыми дверями в обстановке повышенной секретности. И это только из-за собаки, которую бьют по морде, а поверьте мне, в лабораториях творятся вещи, куда более страшные, чем это.

Шум, который поднялся после показа фильма, был настолько велик, что Министерству внутренних дел ничего не оставалось, кроме как попросить полицию расследовать дело HLS на предмет возможных нарушений Закона о защите животных от 1911 года. Это было принципиально новое, прецедентное решение, потому что, как это ни удивительно, раньше ничего подобного не случалось. В итоге двух сотрудников центра обвинили в жестокости к животным. Им светили тюремные сроки. Общественность с нетерпением ждала суда. Зоотехники Роберт Уотерс и Эндрю Мэш внесли свой вклад в историю, в 1997 году став первыми людьми, признанными виновными согласно закону от 1911 года. Их лицензии были отозваны, а их самих приговорили к 60 часам общественных работ и штрафу в 240 фунтов за судебные издержки. Плюс была отозвана лицензия третьего сотрудника, и еще две «заморожены». Возможно, кто-то скажет, что этот приговор сродни эвтаназии, распятию или ссылке на дикий север, но я в этом сомневаюсь. Три дня спустя все окна в доме Мэша были выбиты.

Под огромным давлением министр пригрозил HLS отзывом лицензии на проведение экспериментов, в случае если не будут выполнены основные условия по переподготовке и т. д. Разработать эти правила и проверять их соблюдение взялось само министерство. Это было все равно что установить для Гильдии педофилов правила растления детей. Центру дали девять месяцев на выполнение так называемых «жестких требований». За два месяца до окончания срока Министерство внутренних дел проверило центр и дало добро на продолжение работ. До покупки своры специально выведенных, проданных по дешевке биглей жизнь HLS не казалась безнадежной, но с тех пор она больше не была тихой, как не была особенно прибыльной.

¹ *It's a Dog's Life (1997)* — взявший ряд кинематографических наград шокирующий фильм, состоящий из записей, сделанных скрытой видеокамерой в лаборатории HLS, где работавшую под прикрытием журналистку «Четвертого канала» Зоуи Бровтон поставили следить за биглями, на которых тестировали лекарства.

Ферма Хилл-Гроув

Еще один визит инспекторов из МВД. На этот раз я вижу их в коридоре. Зоотехник говорит мне подмести пол, я его подметаю, а инспекторы даже не заходят в мою часть лаборатории. Я вижу их уже второй раз, а они еще даже не взглянули на собаку.

Зоуи Бровтон, в HLS, 1997

Победа над Consort, к сожалению, не давала возможности победить всех остальных угнетателей. Одолеть Consort было плевым делом в сравнении с задачей сокрушить таких гигантов, как HLS, ICI, Proctor & Gamble и Портон-даун с их сильно превосходящими ресурсами и влиянием. Гибель Consort не пошатнула индустрию — компания была лишь крошечным звеном большой цепи. При этом нужно понимать, что поломка каждого звена ослабляет цепь. Следующая цель была очевидна. Все сразу задались вопросом: а что там с разведением кошек для вивисекторов в Оксфорде? В осаде Consort участвовало большое число людей. По окончании кампании некоторые из них согласились вплотную поработать с фермой Хилл-Гроув — заняться ею на постоянной основе вплоть до благополучного прекращения ее жизнедеятельности.

Было ясно, что это займет время, потому что люди с трудом расстаются с материальными ценностями и не любят менять свою жизнь, но у многих активистов имелось преимущество: у них не было работы, которая отнимала бы весь день, на них не висели кредиты по ипотеке, да и семейные обязательства их не ограничивали. Требовалось только отточить тактику. Активистам предстояло вложить в дело столько веры в себя, упорства, преданности и энергии, сколько требует запуск успешного бизнеса. Им нужна была убежденность в стопроцентной правильности своего дела. Вопрос о том, чтобы прийти на демонстрацию не сегодня, а завтра, уже не стоял: приходиться нужно было всегда. Закончилось время листовок, плакатов, наклеек, футболок, бюллетеней... настало время действовать и покончить с фермой Хилл-Гроув.

Предприятие Брауна поставляло кошек вивисекторам начиная с 1970-х и давало рекламу везде, где могла оказаться целевая аудитория. То, что подобный бизнес процветал в Британии при его отношении к животным, тем более к кошкам, это нечто вроде ужасного чуда. Чуда, которого нужно стыдиться.

Последний раз ферма Хилл-Гроув пережила неприятный инцидент в сентябре 1981 года, когда Брауну пришлось использовать трактор, чтобы зажать несколько заявившихся к нему среди бела дня активистов в одном из сараев. Все 11 человек были арестованы, отданы под суд и вынуждены оправдывать свои действия тем, что они поступали правильно, а Браун — нет. Десятерых суд признал виновными и приговорил к выплате штрафов и продолжительным условным срокам, призванными предотвратить подобное поведение в дальнейшем. Покидая зал суда, один активист сказал: «Вместо того чтобы думать, как остановить нас, подумайте лучше, как остановить остальных». В 1993 году JD отправило на ферму бомбу в посылке, что ненадолго притормозило деятельность предприятия. И вот пришел 1997 год, когда движение мобилизовалось.

Бизнес Браунов не ограничивался разведением кошек. Они выращивали сельскохозяйственные культуры на 340 акрах земли, сдавали территорию под лагеря отдыха и держали полупансион. Все это на территории одной фермы. Они рекламировались в журнале *Caravan Club* и справочниках по полупансионам. Человек, ничего

не знающий про Хилл-Гроув, мог подумать, что служебные постройки на территории скрывают складские помещения или что-то вроде этого. Едва ли кто-то стал бы подозревать, что в них сотни кошек, продаваемых на опыты.

Кристофер Браун был самым обычным человеком. Говор выдавал в нем деревенщину-ливерпульца, и в этом не было ничего зазорного — так же говорит моя мама. Жена Брауна Кейтлин была бывшей ветеринарной медсестрой из семьи ветеринаров. Это предполагало, что она должна была уважать право животных на жизнь, а не финансовую выгоду, которую можно было с них получить. Однако, как мы можем убедиться в каждом случае поточной жестокости к животным, почти в любой зарплатной ведомости всегда значится ветеринар, который оправдывает жестокость. Суровая реальность заключается в том, что некоторые ветеринары просто бессердечны и делают свою работу только из-за денег. В 1970 году отец Кейтлин прознал о том, что среди вивисекторов вырос спрос на кошек, и решил открыть на ферме центр разведения, чтобы заработать легких денег. Кристофер женился на этом бизнесе. Предприятие виделось ему отличной идеей. Другие фермеры почуяли перспективы в расцветающем бизнесе и с готовностью инвестировали в него. Индустрия вивисекции нашла способ превратить животных в единицы прибыли, проверяя на них лекарства от всех существующих заболеваний, чтобы писать отчеты и выстраивать статистику. Тем самым живодеры пытались доказать, что благодаря участию животных, в опытах возможно все. Это был бизнес. Никакой науки и ничего личного. Большинство крупных поставщиков животных стали результатом этой революции в области пыточных технологий и мошенничества; кто-то взялся за разведение животных, кто-то — за ровство домашних питомцев, а кто-то стал импортером в этой паутине секретных, сомнительных сделок, стоивших бесчисленных жизней.

Так же как и в любом другом кровавом бизнесе, ответственных за разведение большинства животных на эксперименты можно пересчитать по пальцам, и все они проявили себя беспощадными и преданными подлому делу. Так или иначе, 30 лет спустя у Брауна уже была целая колония кошек, которые приносили ему по 100 тысяч фунтов в год. Неплохо, учитывая какая роскошная жизнь уготована каждому из этих животных, рано или поздно переезжающим в апартаменты класса люкс в Оксфордском университете и других лабораториях, где за их благодеянием будут бдительно приглядывать честные и трудолюбивые инспекторы Министерства внутренних дел. Это слова вивисекторов, конечно. Браун никогда не мог точно сказать, какую пользу приносят обществу его кошки, но настаивал, что они не страдают, а даже если страдают, это строго контролируется свыше. Видимо, он считал, что это вызовет всеобщий вздох облегчения. Конкурентов у Брауна практически не было; он застолбил нишу на рынке и, как он считал, оказывал кошкам услугу. «Я люблю животных. Если бы не я, рынок бы заполнили ковбои с задворок, которые воруют домашних животных на улицах», — сказал он интервью Big Issue. Он делал публичные заявления одно за другим в первые месяцы кампании, словно получая удовольствие от того, что оказался в центре внимания.

Новость о том, что следующей жертвой движения станет Хилл-Гроув, никак не повлияла на Брауна. Он был самонадеян и проявил полное равнодушие. Коренастый мужчина с подозрительным взглядом и агрессивной улыбкой, он видел, как протестующие приходили и раньше, и всегда их высмеивал. За несколько дней до того, как пришли толпы, у ворот фермы сидела одинокая старушка с плакатом. Десять рабочих Брауна придерживались тех же взглядов, что их босс, и были безумно счастливы спускать пар на протестующих в ходе вскоре ставшего непрерывным пикета. Они

смеялись над активистами, смеялись над кошками. «Вы делаете наши будни интересными», — говорили они.

Когда давление усилилось, Браун установил кнопку сигнала тревоги. На его стороне был не только закон, но и правительство. А самое главное, он пользовался преданностью местной полиции, которая запустила операцию «Турникет», чтобы защитить его бизнес, и даже установила на его дымоходе антенну полицейской радиосвязи. Ферма привлекла внимание любителей кошек, ужасавшихся от всех тех кошмаров, которым подвергаются животные в лабораториях. Они боролись плечом к плечу с постоянными активистами, которым было все равно, какие биологические виды эксплуатируются и по какой причине.

Одна симпатичная, хорошо одетая блондинка чуть за 30 присутствовала на первой в своей жизни демонстрации, только-только узнав о кошачьей ферме. Она считала, что даже не RSPCA, а полиция должна приехать и вызволить кошек. «Я шла с другом по переулку с котоноской в руке. Меня остановили полицейские и спросили, куда я направляюсь. Я ответила, что иду спасать кошек. Это же очевидно! Он что, думал, что я хожу с котоноской на променад? Один из них сказал: “Не делай глупостей, душечка, иначе тебя арестуют”. Я решила, что это шутка, но он говорил серьезно! Я пришла к ферме и увидела, как они окружили ее. Меня это ошеломило. Я просто стояла и плакала навзрыд». Очень скоро она начала симпатизировать ФОЖ и сама стала активисткой. Она принялась поливать машины эксплуататоров краской, звонить им и молчать в трубку, воровать животных. Она призналась, что поначалу не винила полицию, но когда она увидела, как они защищают угнетателей животных, ее жизнь изменилась.

Против фермы протестовали самые разные люди, и высокомерному фермеру все-таки пришлось считаться с ними. То, что некоторые активисты могли полностью посвятить себя кампании, явилось ключом к ее успеху. Еще одним важным моментом было удобное расположение фермы, позволявшее многим легко до нее добираться. Кампания пользовалась огромной поддержкой общественности. Бесстыдное пособничество полицейских Брауну не только не защитило ферму и не запугало протестующих, но и усугубило репутацию эксплуататора и его друзей, сыграв активистам на руку.

В сущности, проблемы Брауна начались за несколько месяцев до официального старта кампании с неожиданного рейда, который активисты провели в поддержку годоводки Барри Хорна. Некоторых освобожденных кошек полисмены вернули хозяину, арестовав девятых активистов неподалеку и выследив еще нескольких позднее. Это событие не только не расстроило Брауна, а, напротив, вызвало ликование. Он вспомнил, что когда нечто подобное произошло в прошлый раз, любое дальнейшее сопротивление его деятельности пропадало. Но в данном случае судебный процесс по делу Кивана Хикки и двух других активистов, обвиненных в ограблении коммерческого предприятия и хранении краденого, затронул тему самой фермы Хилл-Гроув и личность Кристофера Брауна.

В ходе девятидневного разбирательства была обнародована бесценная информация, способная помочь в раскрытии бизнеса Браунов. Защита вызывала его и его рабочих для дачи показаний о буднях на ферме. Браун затруднялся объяснить, почему матери убивали целых 10% своих детенышей, рожденных в стрессовых условиях клеточной жизни. Не понравилось ему комментировать и то, что некоторых котят отлучают от материнской груди и продают на опыты в возрасте шести недель. Кроме того, в суде зачитали список повреждений, получаемых котятами. Перечисление

увечий занимало несколько страниц. Браун с неохотой обсуждал все это, равно как и привычку клеймить своих кошек раскаленными щипцами без анестезии.

Браун и полиция получили смачный плевок в лицо, когда с троих подсудимых были сняты обвинения в краже со взломом и только 19-летнего Кивана Хикки признали виновным в хранении краденого — милой кошки Маргарет, которую использовали для разведения. Но судья Тикл спровоцировал волнения в зале суда, когда подыграл прессе и Брауну, подтвердив заявления последнего о том, что активисты причинили кошкам страдания тем, что их освободили. За это он отправил Хикки в тюрьму на год, посоветовав ему впредь более аккуратно выбирать мишени для нападения. Как выяснилось позже, Хилл-Гроув был наилучшим выбором. Прибыв в Тюрьму Ее Величества в Оксфорде, Хикки устроил склоку с персоналом относительно питания. Ему было сказано, что веганскую еду здесь не готовят, и он напомнил, что Барри Хорн тоже был веганом. Надзиратели легко парировали: «Да, но он ни фига не ел».

Браун сам себя приговорил, сообщив суду, что кошка Маргарет была убита на ферме две недели назад, потому что, по словам этого самопровозглашенного любителя животных, «ее возможности для размножения подошли к концу». Таким образом, фермер признался, что убивал любимцев, когда их физические возможности иссякали, либо отправлял на опыты, что одно и то же. Аналогичная участь постигла Пebbлз. За свои 8 лет она принесла Брауну 12 приплодов котят; она тоже недолго наслаждалась свободной в руках неудачливых спасителей и была возвращена на ферму только для того, чтобы ее убили.

Активисты внимательно следили за любым шагом Брауна, ловя каждое его слово и обсуждая это. Образ фермы Хилл-Гроув как уединенного места, где можно провести идиллические каникулы в каменном домике на лоне природы Оксфордшира, начал таять на глазах. И дело было не только в тошнотворном бизнесе Брауна, о котором теперь узнали очень многие. Около фермы постоянно дежурили активисты, и с их присутствием приходилось считаться. Они напоминали о себе ужасным шумом днем и ночью. Мало кто из отдыхающих мог вынести больше суток, наполненных звуками горнов, фейерверков и полицейского вертолета. Когда эта часть бизнеса начала проседать, стало ясно, что существует множество способов прикрыть его полностью. После нескольких месяцев давления Браун сказал в интервью для *The Oxford Mail*: «Все довольно печально. Эти люди очень сильно заблуждаются. Они неразумны. Они несправедливы к тем, кто приезжает сюда в отпуск. Им нет дела ни до кого, и они шумят всю ночь». Он вдруг перестал быть самоуверенным и безмятежным.

Он по-прежнему проявлял высокомерие и равнодушие, которые распалили его оппонентов. И чем больше он говорил, тем больше злил людей. Он не выглядел и не звучал как хороший человек. Его это не слишком волновало. Чувство защищенности Брауну придавал только его влиятельный друг Джек, который жил недалеко в Уитни и с которым они вместе ходили в церковь по воскресеньям. Да, в церковь по воскресеньям. Их обоих регулярно преследовали акции протеста, которые становились все более сокрушительными благодаря полицейским, дававшим запретительные распоряжения и блокировавшим все дороги, чтобы активисты держались подальше от фермы. Джеку даже удалось добиться введения 8-километровой зоны отчуждения вокруг Уитни, чтобы держать протестующих подальше от фермы друга — это был всего второй раз в истории материковой части Британии, когда применялись эти особые ограничения. После появления нововведений в Законе о предотвращении террористических актов, угроз, запугивания и незаконных арестов, один констебль радост-

но объявил толпе, собравшейся на совершенно законную акцию протеста у фермы Брауна: «Ну все. Ваша демонстрация закончена».

Глупость применения драконовских мер была выявлена час спустя, когда тысяча недовольных протестующих отправилась в центр Оксфорда и за день разбудила все графство! По сравнению с пикетом в поле у черта на рогах, это была резонансная акция. Полицейские слишком усердно пытались держать одного человека и его грязный бизнес на плаву в ущерб интересам животных и мирных протестующих и демократическим правам. Жители Оксфорда никогда не видели столько полиции. Она очень быстро исчерпала все местные ресурсы и пошла на поклон к правительству, чтобы попросить поддержать операцию: кошачья ферма со 100-тысячным доходом быстро становилась все менее выгодным для государства предприятием. Это подтверждали слова самих офицеров. По словам суперинтенданта Дэвиса, который дал комментарий в январе 1998 года, для Брауна полиция «де факто стала частной охранной фирмой».

Правительство и бывший министр внутренних дел и житель Уитни Джек Стро¹ изо всех сил старались отступить от предвыборных обещаний и доказать нервничающей индустрии, что ни правительство, ни протестующие не будут мешать тихой жизни вивисекционной империи. По совпадению, в это самое время через парламент как раз проходил Закон о защите от домогательств. Считалось, что его целью было защитить женщин от навязчивых и нежеланных ухажеров. Вскоре правозащитники начали говорить о том, что новые власти могут использовать закон в дурных целях — например, чтобы защищать людей вроде мистера Брауна. Именно так и получилось.

Через месяц после принятия закона летом 1997 года Кристофер Браун получил желаемое запретительное постановление в Верховном суде, которое установило зону отчуждения вокруг его собственности, приближаться к которой теперь запрещалось «любому, кто позиционировал себя как борца за права животных». Таким людям необходимо было воздерживаться от любого общения с Брауном и демонстраций на земле, прилегающей к его владениям. Им также запрещалось «отклоняться от пешеходных дорожек общественного пользования». Кроме того, вето коснулось любой рекламы демонстраций и протестов, направленных против бизнеса Брауна, «на прилегающих к его земле территориях и не только». В качестве наказания были предусмотрены пятилетний тюремный срок, штраф или конфискация имущества. За протесты! Правила и настроения в английской сельской местности явно менялись. Это постановление стоило Браунам 5 тысяч фунтов вдобавок к ежегодному счету за охрану частной собственности в 30 тысяч. Но помимо тех, кого полиция и фермер хорошо знали, нужно было отбиваться и от других, менее известных активистов. Время шло, а расходы росли с каждым новым юридическим письмом и кипой документов. Оказалось, что правовые ухищрения не работают. При этом Брауну удалось создать прецедент, которым могли воспользоваться другие состоятельные угнетатели животных. Новому закону суждено было сыграть свою роль в попытке решения похожей проблемы, в чем мы убедимся чуть позже.

Местная полиция настолько рачительно искала в законодательстве зацепки (включая и неписанные правила), чтобы сбавить обороты протестов, что ежегодные расходы выросли до миллиона фунтов. Все для кошачьей фермы! И если насилие над животными не слишком волновало жителей Оксфордшира, то информация о том, куда идут их налоги, вывел общественность из себя. Кошачья ферма была нужна

¹ Джек Стро (р. 1946) — политик-лейборист. Занимал пост министра внутренних дел с 1997 по 2001 гг. В дальнейшем работал на других высоких должностях.

немногим. Она не столь уж помогала местной экономике до появления активистов, а с тех пор, как они обосновались, вообще стала обузой и к тому же плохо влияла на социальный климат. У полиции не было выбора. У граждан был. Если бы не полиция, ферма Хилл-Гроув не простояла бы под натиском толпы даже неделю. Народ протестовал, требуя помогать другим людям в графстве, которые не получают прибыли от издевательств над кошками.

Держа все это в голове, некто умный дал всем остальным участникам кампании важный совет: не позволить полицейским стать врагами, как бы плохо они себя ни вели, и выплескивать всю энергию только на угнетателей животных. Рекомендовалось не вступать в драки, а думать, как увеличить контингент полиции. Общественное спонсорство государственной охраны фермы Хилл-Гроув и слепая одержимость местной полицией защитить грязный бизнес явились решающими факторами.

При учете всего этого была сделана рассылка на 8 тысяч адресов сторонников, приглашавшая зоозащитные группы со всей страны выбрать день и организовать поездку в Оксфорд. Авторы также просили распространить информацию дальше. Массовые протесты имели место каждые пару месяцев, местные демонстрации проводились почти ежедневно. Все это сопровождалось неминуемыми посещениями домов сотрудников фермы и ночными дежурствами, прибавляя полиции работы, хотя по ее опыту работы уже должно было становиться все меньше и меньше. Начальник полиции Долины Темзы, одного из самых крупных и наиболее закаленных образований в графстве, имеющей опыт «разбирательств» с крупномасштабными протестами (как, например, по случаю строительства Ньюберийского объезда¹ и иностранного военного присутствия в Гринэм-Коммон²) твердил: «Число протестующих уменьшится, они растают».

Он считал, что люди потеряют интерес и займутся другими вещами. Но он недооценил настрой и уверенность, подогреваемые говорливым, но честным мистером Брауном, который заявил *The Independent*: «Это ужасно. Опустошающе. Мы не живем, мы существуем, терпим из последних сил. Но да, я упрям. Я еще не готов сдаться. Я всего лишь хочу видеть будущее». Он этого никогда бы не признал, но уже сам себя отговаривал разводить кошек. Это была музыка для ушей активистов.

С самого начала кампании Браун недвусмысленно заявлял, что не откажется от своего отвратительного бизнеса из-за «бесчинств толпы» — ни за деньги, ни за любовь. Но спустя год его мнение изменилось, и он дрогнул. Он говорил, что поголовье кошек стоит 100 тысяч фунтов и что он закроется, если ему заплатят 200 тысяч. Покупатель не нашелся, хотя местная полиция в крайнем случае смогла бы себе позволить такие траты.

Во Всемирный день защиты лабораторных животных в 1998 году 2 тысячи человек прибыли к ферме Хилл-Гроув на частных автобусах, и лишились дара речи. Изолированная ферма была скрыта от глаз: полиция обнесла ее трехметровым стальным забором, который спрятал за собой ферму со всеми ее секретами. Если бы по углам возвышались дозорные вышки, с которых протестующих не только обзоредали бы,

¹ Ньюберийский объезд — трасса-дублер, соединяющая Лондон с югом страны. Активисты и местные жители протестовали против строительства шоссе ввиду неизбежной валки леса и уничтожения среды обитания диких животных. Текст на одной из листовок с изображением уже разоренного участка леса гласил: «Попробуй теперь увидеть здесь зимородка». Трассу все-таки построили, но акции протеста причинили транспортникам убытки в размере 4 миллионов фунтов.

² Мирный женский лагерь Гринэм-Коммон — название акции протеста, состоявшейся 12 декабря 1982 года, когда 30 тысяч(!) женщин взялись за руки на дистанции протяженностью 9,7 километров по периметру военной базы, где было решено разместить американские тактические ракеты.

но и снимали на камеру, то это вполне могла быть сцена из Северной Ирландии или с Западного берега реки Иордан. Так распорядилась полиция Уитни. Это раззадорило активистов, как красная тряпка быка, и, конечно же, накалило обстановку. Чистой воды подстрекательство горячих голов.

В тот день, как и в многие другие, полиция останавливала автобусы и фургоны на блокпостах, записывала данные водителей и обыскивала машины. Грузные, расфурфиренные полисмены с видеокамерами обходили автомобили с видеокамерами. Они снимали всех подряд и были готовы спустить собак при надобности. Тех, кто сопротивлялся и прятал лицо, — стариков и молодежь — все равно заставляли смотреть в камеру. Помимо того, что полисмены задерживали людей, они всех очень злили. Вышеупомянутая молодая блондинка (на этот раз уже без котоноски) потеряла остатки симпатии к полиции, когда ее остановили в третий раз. Если виноваты были не они, то кто? Ведь все мы отвечаем за то, что делаем. По выходе из автобусов у фермы активистам приходилось иметь дело с полицейским кордоном на месте проведения акции, через который офицеры процеживали людей, останавливая каждого, чтобы снять на видео и фото. Боже, сколько же они сделали снимков!

Какой бы ни была причина подобного поведения, запугивание, сование камер в лица людей, массивный забор и грудка камней у кордона способствовали проведению самой драматичной и сногшибательной акции протеста у фермы Хилл-Гроув. Между домом Брауна, сараями с кошками и стальной оградой расположились три сотни полисменов особого назначения. Они оставались там вплоть до второй половины дня, чтобы гарантировать, что ни одна кошка не будет спасена. Им явно не было особого дела до дома, потому что за два часа несколько десятков активистов выместили на нем все, что накопилось, швыряя камни и другие подручные предметы. Так были разбиты 80 окон и большая часть крыши. Забор активисты частично свалили, но обширные силы полиции не позволили никому пробраться на территорию фермы. Были попытки протаранить забор или прорыть под ним тоннель, но кордон воспрепятствовал всем ухищрениям. В итоге кошек освободить так и не удалось, но дом был сильно поврежден на глазах у 300 полицейских.

Неужели одно из самых крупных и опытных полицейских формирований можно было так легко объегорить в день акции, к которой они серьезно готовились? Распространенное мнение гласило, что порча имущества и сопряженные с ним беспорядки были допущены специально, чтобы в дальнейшем провести аресты. Разумеется, именно так все и было, и недостатка в тех, кто обрекал себя на задержание, не наблюдалось. Несмотря на потраченные 70 тысяч фунтов только за один этот день, большие скопления стражей порядка и металла не уберегли собственность Брауна. Рваные занавески развевались на ветру сквозь выбитые стекла. Кровля больше состояла из дыр, чем из черепицы. Для желавших краха Брауна это было средством поднятия боевого духа.

Прошло немного времени, прежде чем полицейские составили список имен и адресов, которые они собирались объехать, чтобы наказать виновных в этом безобразном преступлении, и они не старались действовать аккуратно. Людей арестовывали в их домах рано утром в ходе рейдов на протяжении следующих месяцев. На дальнейших демонстрациях дежурил специалист с портфолио протестующих, чтобы ловить тех, кто отметился в памятный день у фермы Хилл-Гроув. Судебные дела открывались в два счета. Любому, кто угодил в полицейскую ловушку и не сумел эффективно изменить внешность, ничего не стоило получить тюремный срок. Погром на ферме Хилл-Гроув был зрелищным, но дорого обошелся активистам.

Вместе с тем на предприятие была обрушена энергия всего движения. Для многих победа над Брауном и его бизнесом стала делом чести. Однажды ночью Range Rover Брауна сгорел дотла. Он стоял прямо перед домом владельца — в нем выбили несколько окон. Телефонные линии предприятия несколько раз специально забивались в ходе скоординированных общенациональных дозвонков, что разрушало бизнес и доставляло неудобства. За время кампании Брауны получили десятки тысяч звонков. Их телеграфный столб спилили. Фейерверки с грохотом взрывались за их окнами рано поутру. Рабочие увольнялись. Поступала груда нежелательной почты. День за днем им приходилось сталкиваться с новыми формами давления.

В конце июля 1999 года жующие жвачку, вооруженные до зубов полисмены провели 20 случайных арестов на общенациональном сборе в Оксфорде. Они задерживали даже ораторов и тех, кто стоял рядом. Всех позже отпустили «до разбирательств». Это была ненужная акция, которая опять-таки только взбесила людей. Конечно же, не было совпадением то, что в ту же ночь ФОЖ ударил в графстве дважды — спалив четыре грузовика поставщика мяса домашней птицы Tadmartin Poultry и 17 фургонов United Dairies¹ и причинив тем самым ущерб в миллион фунтов.

Счет за защиту фермы за два года достиг 5 миллионов. Были арестованы 350 человек, 21 осужден. Киван Хикки и тот, кто выкрал кошку, получили больше всех. Спустя 19 месяцев после начала кампании Браун заявил: «Это просто анархия. Терроризм. Меня избивали. Я получал бомбу в посылках и мои сотрудники тоже. Но я не собираюсь сдаваться. Если бы я это сделал, я бы уступил толпе». При этом всем бросилось в глаза то, что реклама о продаже фермы Хилл-Гроув исчезла из гида «Покупатель животных» в 1999 году. В августе имело место ключевое событие, которое заставило Брауна передумать относительно продажи кошек.

Мистер Браун много общался с прессой, но держал свою жену в тени. Одна маленькая акция доказала, что воздействовать на миссис Браун — это тоже неплохая идея; в конце концов, она была совладельцем и секретарем, а он — директором и оратором. Однажды вечером, когда Кейтлин Браун гуляла с собакой в лесу неподалеку от фермы, активисты вступили с ней в контакт. Когда ее нашли, она все еще была в оцепенении и рыдала. Ей не причинили физического вреда, но привязали к ограде и пообещали неприятные последствия, в случае если она и ее муж будут затягивать с закрытием предприятия. Два месяца спустя все было кончено.

Этот инцидент и намеки полиции на то, какой урон бизнес Брауна наносит местной экономике, повлиял на его окончательно решение объявить о закрытии центра разведения кошек или, как выразился сам владелец, «уходе на покой». Ходили всевозможные слухи, прибавлявшие движению жара. И вот однажды в августе 1999 года одному сотруднику RSPCA позвонили и предложили забрать 800 кошек. Звонивший желал остаться неизвестным, но всем было известно, что ни у кого в округе, кроме Брауна, нет такого количества кошек. Это был великий день для движения за освобождения животных — не просто торжество над упрямым, смятенным фермером, но признак чего-то большего, чего-то близящегося.

В обстановке повышенной секретности 10 августа 1999 года 30 сотрудников RSPCA забрали с фермы Хилл-Гроув кошек на 16 фургонах и развезли их по приютам для последующего поиска домов. Как это ни иронично, но RSPCA была единственной зоозащитной организацией, которая не призвала к закрытию фермы Хилл-Гроув и

¹ *United Dairies* — основанный в 1959 году производитель и поставщик молочных продуктов. В 2000 году приобретена крупнейшей в Великобритании молочной компанией *Dairy Crest*.

даже высказывалась против кампании, хотя на следующее же утро заявила в газетах, что именно им удалось «спасти» животных. Последние публичные слова Кристофера Брауна прозвучали так: «Они были изумительными кошками, и мне доставляло огромное удовольствие заботиться о них. Надеюсь, их будут ценить в новых домах. Мне было бы некомфортно, если бы я узнал, что кто-то с ними плохо обращается».

Несмотря на агрессивный характер этой кампании (и реакции государства), она прошла легально. Полиция получала уведомления обо всех планирующихся шагах активистов в письмах с указанием почтового адреса. Издавался бюллетень. Фигурировал телефонный номер. То, что некоторые активисты брали кошек без спроса, стало неизбежным последствием запретов, наложенных на мирные протесты. Реальность такова, что стандартные методы, используемые активистами умеренных взглядов и направленные на уменьшение страданий и закрытие предприятий-эксплуататоров, не достигают своих целей. Петиции и вежливые просьбы игнорируются куда чаще, чем более радикальные прямолинейные стратегии. Кроме того, умеренные акции попросту не обеспечивают прессу необходимым количеством материала.

Не считая случая с миссис Браун в лесу, единственными, на кого было оказано физическое воздействие за всю кампанию были активисты, многим из которых потребовалась госпитализация. Все то насилие, о котором трубили местные и национальные СМИ, было применено прежде всего к протестующим. Кто-нибудь удосужился написать об этом громкий заголовок? Тот факт, что наиболее радикальные мыслители нашего движения способны ограничиваться экономическим саботажем и угрозами, служит, я думаю, хорошим примером и позволяет не идти на поводу у любимого СМИ образа жестоких экстремистов, игнорирующих любые правила. Мы должны прославлять, а не осуждать сдержанность нашего движения.

В самый разгар битвы за Хилл-Гроув консервативное правительство проиграло лейбористам после 18 лет, проведенных у руля. Разумная часть британского общества надеялась, что многое изменился к лучшему. Само собой, последовали соответствующие обещания новых властей. Множество обещаний. Барри Хорн все еще сидел в бристольской тюрьме, ожидая суда и набираясь сил после месячной голодовки. Его очень вдохновила история победы над Брауном, и он был готов взяться за дело вновь. И если до смены правительства ему неоткуда было ждать чуда, потому что консерваторы никогда ничего не обещали ни в его отношении, ни в отношении животных в лабораториях, то относительно лейбористов он придерживался иного мнения.

Они божились, что запретят тест LD50¹. Они обещали запретить тестирование табака, алкоголя и оружия на приматах; кстати, Общество защиты исследований отстаивает проведение всех этих типов экспериментов. Лейбористы заявляли, что собираются запретить все эти практики, но доказали, что в смягчении методов ФОЖ нет никакой нужды, если мы хотим реальных изменений. Они очень быстро с теми, с кем собирались бороться, все клятвы остались в прошлом. Как сказал представитель правительства о нарушенных обещаниях, «декабрь был задолго до выборов». Ну что ж, в политике даже один день — это долго...

¹ LD50 расшифровывается как *lethal dose 50* («летальная доза 50») — тип эксперимента, в рамках которого вивисекторы определяют, какое количество вещества должно попасть в организм животных, чтобы 50% из группы подопытных умерли. Тест проводится в первую очередь для изучения ядовитых и токсичных веществ. На практике LD50 проходит широчайший спектр товаров, веществ и препаратов. Один из примеров: в случае с крысами необходимо 3 г поваренной соли на 1 кг веса животного, чтобы погибла половина участвующей в эксперименте популяции.

Барри Хорн

Все должны помнить, что я делаю это не ради себя, и не ради движения, и даже не ради наших идеалов. Я делаю это ради животных.

Барри Хорн

В связке с давлением полиции в отношении законных протестов против вивисекции обещания политиков превратились в извинения за бездействие, а политическая риторика начала отчетливо склонять чашу весов в пользу вивисекции. Барри Хорн снова отказался от пищи. Шел август 1997 года.

Успехи Барри уже успели разжечь пламя всемирной реакции, включая блокады лабораторий и центров разведения, крупномасштабный саботаж, протесты на крышах зданий, случаи оккупации офисов и освобождений животных среди бела дня. 400 человек промаршировали к ферме Шемрок, 300 — к лаборатории в Уикеме. У офиса Лейбористской партии прошел пикет, 150 человек собрались возле дома министра внутренних дел Джека Стро. Активистов встречали полицейские в комбинезонах. Военный вертолет кружил в небе 10 часов. Были расставлены блокпосты, чтобы не давать большим скоплениям людей подобраться слишком близко. В течение нескольких дней ФОЖ атаковал дома пяти оксфордских вивисекторов. Местная полиция почему то решила, что на этом все закончится.

Число акций и их масштабы росли. Внутренняя жизнь Хантингдона вновь стала предметом внимания активистов. Лабораторию осаждали разгневанные местные жители. Началась кампания «Смерть исследованиям в Хантингдоне». Лагерь протеста был разбит на земле перед лабораторией за трассой А1 в Кембриджшире. Постоянный палаточный городок, конечно же, воспринимался убийцами животных как шутка. «Это жалкий и тщетный маленький протест», — так охарактеризовал идею один сотрудник, направлявшийся, по его собственным словам, «травить грязных крысят». Однако активисты не шутили. Помимо того, что палатки и их обитатели действовали на нервы руководству HLS, которое не любило, чтобы персоналу и заезжим клиентам постоянно напоминали об их грехах, лагерь стал координационным центром активистов. Это было странным прибежищем надежд в месте, отравленном горем. Зловещая паутина зданий без окон составляла просторный лабораторный комплекс HLS, растянувшийся в бесплодной, безграничной, славящейся животноводством сельской местности Кембриджшира. Активисты располагали не только палатками, но и тоннелями. Они не тянулись под ограду комплекса, их задачей было предотвратить насильственное выселение.

Юристы Хантингдона отметили: «Явная подоплека нынешней ситуации — это голодовка Барри Хорна в Тюрьме Ее Величества в Бристоле. Она затянулась и может продолжать провоцировать серьезную агрессию. Несмотря на то, что его голодовка направлена на правительство в поддержку изменений законодательства, касающегося опытов на животных, совершенно ясно по документам Кампании в поддержку Барри Хорна (BHSC), что его сторонники прикрываются этим для проведения акций прямого действия против истца (HLS)». Да, всему виной Барри Хорн, а также то, что истец истязает и убивает по 500 животных в день.

Акции в Британии и за ее пределами проводились ежедневно. В Ньючерче, графство Стаффордшир, в сентябре ФОЖ атаковал ферму, разводившую морских свинок,

и спас 600 животных. Этот семейный бизнес поставлял в HLS и ему подобные места 10 из 80 тысяч ежегодно используемых в экспериментах во всей стране морских свинок. Предприятие работало успешно и даже расширилось. Команде ФОЖ удалось пробраться в новое отделение, в котором еще не успели установить сигнализацию. За рейдом последовало обнаружение видеозаписи и документов, свидетельствовавших об ужасных условиях, в которых были вынуждены жить морские свинки, сказывавшиеся на тревожных цифрах смертности новорожденных животных. Акция подготовила серьезную кампанию, которая получилась хорошо спланированной, так как располагала сделанной налетчиками записью и собранными ими фактами. Это была очень удачная тактика в битве против вивисекции в Великобритании.

Барри Хорн написал завещание, согласно которому в случае комы ему не должны были поддерживать жизнь искусственно. Он был совершенно серьезен на этот счет. Его физическое состояние ухудшалось быстрее, чем в период прошлой голодовки, но решимость оставалась непоколебимой. На четвертый день голодовки тюремное начальство обрело Барри на карательный режим, в рамках которого его изолировали от других заключенных и держали взаперти 23 часа в сутки. Не заставивший себя долго ждать пресс-релиз, выпущенный активистами BHSC, породил живейший интерес СМИ и заставил власти признать, что они совершили ошибку; в конце концов, неполучение пищи — уже достаточно суровое наказание для заключенного! Хорна вернули к нормальным условиям несколько дней спустя. Автоответчик и сайт BHSC обновлялись ежедневно. Регулярно выпускаемые бюллетени и пресс-релизы держали сторонников и СМИ в курсе событий и стремительно меняющейся ситуации.

После шести недель без пищи здоровье Барри, особенно его зрение, существенно ухудшилось. Пресса игнорировала всю эту историю, несомненно во многом из-за гибели принцессы Дианы в Париже 31 августа 1997 года. Но разговоров среди правительственных чиновников, которых бомбардировали письмами и изводили звонками, было предостаточно. Лорд Ульямс из Мостина, уполномоченный Министерства внутренних дел, позвонил в BHSC, чтобы обсудить положение Барри, и согласился провести переговоры с тремя его представителями. До этого лейбористы отказывались иметь дело с человеком, которого система правосудия приговорила за «уголовные преступления и насильственные действия, относящиеся к вопросам защиты животных», что было довольно глупо. В надлежащее время они признали, что «преступления» носили политический, а не криминальный характер. Официальное признание того, что движение за освобождение животных представляет собой нечто большее, чем кучку сумасшедших, было шагом в верном направлении. Только прозорливый Барри Хорн знал, что голодовки приведут к этому, и теперь считал, что добился цели.

Его догадки оправдались. Счастливый телом и душой, проведя без пищи 46 дней, он объявил о завершении второй голодовки — к облегчению его изнуренных сторонников, которые тревожно готовили себя к летальному исходу. Но друзья и группа поддержки были не единственными людьми, сумевшими вздохнуть свободно: были явные признаки того, что индустрия и правительство тоже почувствовали облегчение, но по другим причинам. Некоторые голодающие умирали, не дожив до 46-го дня, но Хорн уже спустя несколько суток после начала восстановления вновь подтверждал свою верность идеалам, обещая, что начнет голодать вновь и доведет дело до печального конца, если политики не сдержат свое слово.

Многие признаки не предвещали ничего хорошего. Буквально в тот же день правительство выдало HLS генеральную лицензию на вивисекцию без каких-либо ограничений. Через несколько дней полицейские и судебные приставы решили выселить

лагерь протеста с прилегающей к HLS территории, однако у них ушло несколько дней, чтобы справиться с различными человеческим фактором. Одна женщина, например, приковала себя к сейфу глубоко под землей. Спустя шесть недель после получения HLS лицензии Daily Express обнародовала новую серию губительных документов, похищенных в ходе освободительных кампаний. Это была крупнейшая утечка данных из британской лаборатории.

Документы свидетельствовали не только о том, что HLS участвовал в абсурдной трансплантации генетически модифицированных свиных сердец и почек пойманным в дикой природе бабуинам от имени Novartis¹ (эта операция известна как ксенотрансплантация), но и проводил низкопробные эксперименты, которые причиняли такие страдания, что опыты создавали впечатление нелегальных. Животных использовали в различных исследованиях по несколько раз, и в сотнях случаев ученый не записывал результаты — как правило, потому, что они были отрицательными. Одну обезьяну убили только из-за того, что ей по ошибке вживили замороженную свиную почку. Другую обезьяну, самку, пришлось убить, когда ей дали дозу сильного лекарства, в четыре раза превышавшую допустимую. Подобные опыты проводились в центре в период 1995–2000 гг. по заказу компании Imutran, подразделения Novartis. Это были страшные исследования, включающие трансплантацию сердец и почек генетически модифицированных свиней сотням макак и пойманных на воле бабуинов. В ходе самых ужасных опытов вивисекторы вживляли сердца свиноматок в шеи обезьян. На опубликованном снимке была обезьяна, державшаяся за красный распухший трансплантат, из которого сочилась желтая жидкость. Животное провело так большую часть своих последних дней.

Эксперименты порицали решительно все, кроме правительства, которое облапошило парламент, прикрывшись спасенными от пересадок жизнями. Однако крупнейшим достижением этой исследовательской программы стало то, что бабуин прожил 39 дней после пересадки сердца. Остальные продержались в среднем по 10 дней. Их страдания и провал исследований были позднее подробно описаны учеными, которые согласились, что программа «зашла в тупик». Оказывается, ученые говорили это правительству открыто, но их комментарии не делались достоянием гласности, пока не всплыли документы.

Несколько недель спустя последовало еще одно разоблачение. Оно касалось другой лаборатории HLS в Окколде, графство Саффолк, где сотрудники, работавшие с животными, регулярно напивались и употребляли наркотики; где процветали непростительная некомпетентность и пренебрежение правилами безопасности и где одной обезьяне сломали ногу в результате неумелого обращения. Невзирая на все сладкие слова правительства, реальность для животных, содержащихся в HLS и других подобных местах, являла собой грубое обвинение в адрес нашего общества. Коррупцированная система напрасно по-прежнему поддерживает эту индустрию, убеждая большинство людей в том, что мир вивисекции чист и напичкан жестокости. Джордж Бернард Шоу был несомненно прав, когда сказал: «Тот, кто не колеблется ставить на животных опыты, не поколеблется и лгать об этом».

В конце 1997 года Барри Хорна обвинили по нескольким пунктам в поджоге, связанном с действиями ARM на острое Уайт, которые обернулись 3 миллионами убытков. Барри все отрицал. Он признался в попытке поджога и хранении предметов с

¹ Novartis — транснациональная фармацевтическая корпорация со штаб-квартирой в швейцарском Базеле. Вторая по размерам рыночной доли подобная компания в Европе.

целью причинения ущерба в центре Бристоля. Судья Саймон Даруолл-Смит приговорил его к 18 годам тюрьмы. Обвинение по делу о поджогах на острове Уайт строилось на том, что использованные устройства были похожи на те, которые хранил Барри. Но между ними имелись и различия. Судя по всему, они просто делались по одной и той же инструкции, распространенной среди широкого круга активистов.

По итогам переговоров с представителями правительства Хорн дал им год на то, чтобы сделать заявления, и вообще, сделать хоть что-нибудь ради животных в лабораториях. Это были простые требования для людей, которые клялись начать действовать еще в преддверии выборов. Выходит, ничего невозможного, неприемлемого и неразумного, так? Барри Хорн, как и все мы, терпеливо ждал, когда что-то изменится, но ничего не менялось. Переговорщики от правительства встретились с высшими чинами, которые сочли сроки слишком короткими и ударились в надоевшую риторику о «преданности животным». Демагогия растягивала процесс и давала правительству дополнительное время.

Они говорили много, но обсуждали очень мало, а делали еще меньше. Они играли в опасную игру. Людей снова обжулили! Терпимость — это не то, что должно проповедовать общество, когда столькие страдают и умирают. По крайней мере, выматывающий политический процесс публично подогревал призывы к прямому действию и толкал многих на радикальный путь. Это историческая норма. Политики только и умеют что заводить в тупик. Они обыграли Хорна, как и всех нас, как всегда. Выхода не было. Правительство очень красиво бляело про запрет на тесты в косметической индустрии, которые в любом случае должны были быть отменены, но и эти обещания оказались враньем. Более того, в целом число используемых в экспериментах животных снова выросло, впервые за многие годы, на десятки тысяч.

Вслед за вынесением приговора Барри перевели в тюрьму Фулл-Саттон в Йорке. Медленно восстанавливая здоровье на тюремной диете, он был все также решительно настроен не давать правительству спуску и думал только об этом. Проблема заключалась только в том, чтобы убедить ставшее циничным движение, что еще одна голодовка — это хорошая идея. СМИ в свою очередь проявляли еще меньший интерес до тех самых пор, пока для Барри уже не стало слишком поздно. Многие в движении и за его пределами считали, что это тщетный жест, который ничего не даст; вместо того чтобы оказать Хорну поддержку, его просили отсидеть свое и вернуться к активным действиям на воле. Но для Барри были вещи поважнее, чем выкручивать политикам руки. Он хотел заставить активистов шевелиться, растормошить тех, кто играл в протесты. Он хотел, чтобы движение восстало в ярости, если не по поводу вивисекции, то хотя бы по поводу его смерти. Он решил положить свою жизнь на то, чтобы вдохновить остальных. Меньше чем через год, 6 октября 1998 года, он объявил о начале третьей голодовки и так объяснил ее причины:

«Это решение было принято мной не в одиночку, а при поддержке движения за освобождение животных. Оно далось мне нелегко. Ему предшествовали месяцы размышлений относительно того, необходима ли еще одна голодовка. Я принял решение провести ее, она станет третьей в моей жизни. В течение этих месяцев ситуация — в том, что касалось желания правительства ограничить активность вивисекционной индустрии — ухудшилась. Так что решение было принято за меня событиями, повлиять на ход которых я не мог.

Это борьба не за нас самих, не за наши желания и потребности. Это борьба за каждое животное, которое страдало и умерло в вивисекционных лабораториях, за каждое животное, которое обречено страдать и умереть в лабораториях, если мы не

покончим с этой индустрией зла! Души мучеников взывают к справедливости, души живых молят о свободе. Мы можем восстановить эту справедливость и дать эту свободу. У животных нет никого, кроме нас, и мы их не подведем. Поверьте, лучшее еще впереди».

Требованиями Хорна были:

1. немедленное и окончательное прекращение выдачи всех лицензий на проведение вивисекционных исследований;
2. немедленный и окончательный запрет на восстановление всех уже выданных лицензий на проведение вивисекционных исследований;
3. немедленный и полный запрет на все вивисекционные исследования, проводимые в немедицинских целях;
4. изъявление правительством подлинной и безусловной готовности принять и применить политику, которая положит конец опытам на животных вне зависимости от целей исследований, не позднее 6 января 2002 года включительно;
5. немедленное прекращение всех экспериментов на животных в военном центре Портон-Даун и изъявление подлинной готовности не давать разрешения на возобновления этих исследований;
6. Немедленный роспуск спонсируемой правительством Комиссии по опытам на животных.

Несмотря на то, что эти требования содержали в себе куда больше, чем обещало правительство, и намного больше, чем то, на что оно готово было пойти, они оставляли необычайно большой простор для переговоров. На самом деле, если бы лейбористы согласились запретить тест LD50 и поднять вопрос об остальных опытах, как они и обещали, это был бы огромный шаг навстречу, который подарил бы Хорну вполне заслуженное ощущение победы и не позволил ему умереть. Но правительство находилось под коммерческим давлением и должно было гарантировать, чтобы ничего не менялось. А Барри Хорн писал:

«День 5. Это были странные пять дней. В ходе первой голодовки начальные дни дались мне без каких-либо проблем. Примерно так же было и со второй голодовкой. Похоже, я расплачиваюсь за все своей третьей акцией протеста. Я не знаю, так ли это, но эти пять дней прошли тяжело. Я постоянно чувствую себя изнуренным, слабым. Меня подташнивает, кружится голова. Пострадала моя концентрация — я ни на чем не могу сосредоточиться. Ощущение в желудке такое, словно в нем большая опухоль, очень некомфортно.

День 6. Я чувствую себя чуть лучше. Надеюсь, это значит, что недавнее недомогание было вызвано первоначальной реакцией, и теперь будет не так тяжело. Как бы там ни было, у меня нет проблем, и мой моральный дух на подъеме. Так же как моя решимость довести этот протест до благополучного конца».

Он был в крыле «Д» тюрьмы Фулл-Саттон. Он обновил завещание, написанное в ходе второй голодовки. Когда у него пошел десятый день без пищи, ему сказали, что у него встреча в больничном корпусе. Его медленно проводили туда и оставили ожидать встречи. На самом деле его просто хотели переселить в больничный корпус, без вещей. Их доставляли пять дней, хотя их просто нужно было пронести по коридору. Не имея возможности рассказать кому бы то ни было о том, что произошло, Барри оказался в «камере для голодовок», единственной камере в больнице, где не было положенной мебели, туалета и раковины — только картонный стол и стул. Ему приходилось мочиться в пластиковую бутылку. В туалет он ходил только по утрам, когда его выпускали для этого. Как человек, на собственной шкуре оценивший все

прелести карательного режима в Фулл-Саттоне, я могу с уверенностью сказать, что это был именно карательный режим. И вновь только после усиленного давления извне на тюремные власти, они были вынуждены перевести его в нормальную камеру. Это сделало жизнь заключенного VC2141 чуть менее невыносимой.

«Сегодня день 19 (25 октября). Я пишу, будучи в больнице 9 дней. За это время мое состояние немного ухудшилось. Неделю назад я чувствовал себя по-настоящему хорошо, а теперь я все больше устаю и вынужден двигаться все медленней. Мой вес снизился менее чем до 83 кг — я сбросил более 9 кг, если считать с начала голодовки, и я становлюсь все более худым, мои щеки впадают. Резких движений я избегаю, от них появляется головокружение. Кроме того, у меня очень быстро садится дыхание. Плюс температура тела снижается, и я все больше мерзну.

День 26. Чем дальше, тем мне сквернее. Меня тошнит, мне холодно, у меня головокружения, я все время утомлен. Мне нужно быть очень аккуратным и двигаться медленно, потому что иначе кружится голова. По прошлому опыту я знаю, что это ощущение предвещает скорые потемнения в глазах, поэтому я осторожен. Но я не слишком обеспокоен сегодняшним самочувствием, потому что бывают хорошие дни и плохие, особенно когда ты голодаешь. В общем и целом ощущения хорошие».

«Опыты на животных в косметической индустрии запрещены». The Guardian, 17 ноября

На всем протяжении голодовки Хорн говорил, что эта, третья, была самой тяжелой в психологическом плане, «куда более тяжелой, чем предыдущие», и что он вынужден проходить через отголоски первых двух, чтобы продолжить и добиться хоть чего-то от правительства.

«Голодающий заключенный при смерти». The Guardian, 23 ноября

В день 43 он прошел обряд соборования в тюремной больнице Фулл-Саттона. Тюремная администрация уже открыто признавала, что его жизнь в опасности. Международные СМИ обратили внимание на историю Барри Хорна и начали связываться с BHSC для создания материалов. Чтобы пошла медиа-волна, понадобилось семь недель и ухудшившееся ниже критической точки здоровье. Через три дня Барри отвезли в Центральную больницу Йорка — он страдал от обезвоживания после недели постоянной и тяжелой рвоты. У больницы обосновался постоянный лагерь непрерывно дежурящих активистов и представителей прессы. История наконец удостоилась заслуженного внимания. Барри между тем потерял 25 % веса тела; вероятность летального исхода составляла 30 %. Он уже продержался без пищи дольше, чем в первые две голодовки. Внезапный всплеск интереса СМИ обеспечил ему место на передовицах.

«Полиция опасается акций возмездия, в случае если активист умрет». The Daily Telegraph, 26 ноября

Дело принимало политический оборот, и МВД вновь возжелало пообщаться с представителями BHSC, причем довольно торопливо. Они не на шутку разволновались, что он не остановится и получит ту самую реакцию общества, на которую рассчитывает. Пока комментаторы в СМИ придумывали для Барри эпитеты, люди в правительстве искали компромисса. Следующий раунд двухчасовых переговоров принес лишь заверения в готовности создать больше вакансий инспекторов лабораторий и реформировать симпатизирующую вивисекторам Комиссию по опытам на животных, а также выполнить смутные обещания относительно возможного создания независимого органа для расследования действий вивисекторов. В ходе дискуссии звучал лишь бессмысленный вздор, и многие согласились с тем, что с этими людьми

ми бесполезно искать точки соприкосновения. Все, что они могли сказать, говорить было уже немного поздно.

«Животная страсть с самоубийством на уме». Sunday Times, 6 декабря

Хорн прожил без пищи еще восемь недель и был серьезно болен. Он знал, что его тело умирало. Боль стала постоянной. Ему в больницу для изучения принесли пленку с записью последних переговоров и несколько объемных документов, детализирующих предложения правительства. Не имея возможности повлиять на ситуацию, теряя остатки зрения, на 52-й день он решил отсрочить кому и стабилизировать свое состояние небольшими порциями апельсинового сока и чая с сахаром, несмотря на то, что у него были большие проблемы с их усвояемостью. Два дня спустя Барри счел, что правительство темнит. Поскольку чиновники не желали сотрудничать в конструктивном ключе, голодовка продолжилась. Хорн пил только воду. Он ожидал компромисса. Он был готов на выполнение хотя бы одного из шести его требований. Одного требования, которое выглядело бы для многих как начало конца всей вивисекции.

«Я хочу умереть. Это конец». The Observer, 6 декабря

Если бы правительство согласилось учредить Королевскую комиссию по вивисекции, как оно обещало, Хорн бы прекратил свою акцию. Не было ничего проще! Но чиновники вполне открыто и публично давали человеку умереть только ради того, чтобы ничего не менять. Пока они просиживали штаны, состояние Барри ухудшалось. Он умирал, но правительству было плевать. Чиновники ясно давали понять, что им нечего предложить Хорну ни сейчас, ни в будущем, кроме госпитализации в Палате общин для будущих переговоров! Ах да, и апелляции против его 18-летнего срока! Это выглядело как подкуп, причем не очень умный, учитывая, что Хорн уже подавал апелляции, и последняя была отвергнута за несколько месяцев до того — тогда ему сказали, что у него нет права на апелляцию, и порекомендовали спокойно отсидеть 18 лет.

«Борец за права животных на пороге комы». The Independent, 7 декабря

Как можно видеть по последнему абзацу в ответе Министерства внутренних дел, ни на какие уступки правительство идти не желало: «Министерство внутренних дел не позволит диктовать (содержание или сроки осуществления) программы работ посредством протестных акций движения за освобождения животных». И они четко придерживались этой линии. А поскольку программа работ, касающаяся использования животных в антинаучных опытах, всегда предполагала увеличение числа экспериментов и используемых в них животных, что еще оставалось и остается движению за освобождение животных для изменения положения дел?!

«Умиравший ни за что». The Mirror, 7 декабря

Все еще будучи заключенным категории А, даже в больнице в его состоянии Хорн имел право на ежедневные посещения, но находился под постоянным наблюдением троих тюремных охранников и обходился государству в крупные суммы денег, пока орды представителей СМИ добивались от тюремного начальства встречи с ним. В общении с прессой Хорн проводил все время, за исключением тех моментов, когда он делал над собой усилие и подбирался к окну, чтобы помахать своим сторонникам и съемочной группе за пределами больницы. Тюремному начальству это не нравилось. Еще меньше понравилось, когда один посетитель сумел пронести мимо охраны пару камер и заснял голодающего изможденным, но все таким же решительным на завершающей стадии протеста. Съемка облетела мир, добившись широкого резонанса, который незамедлительно послужил причиной запрета на посещения Хорна для этого визитера.

«Дерзкий голодающий на грани комы говорит, что хочет жить». The Guardian, 7 декабря

Акции протеста проводились повсюду: на Даунинг-стрит¹, у здания парламента, у дома премьер-министра в Дареме, у офиса Джека Стро и его дома в Оксфорде. Люди пикетировали здания Министерства внутренних дел, штаб-квартиры Лейбористской партии и ее региональные офисы. Демонстрации проводились у входа в британские консульства в США и многих других странах по всему миру. Люди стояли перед лабораториями и центрами разведения животных, оккупировали госучреждения. 150 человек промаршировали к лабораториям VIBRA на юго-западе Лондона и были встречены большими полицейскими силами. 200 человек устроили шумную акцию протеста у фермы Уиндмилл в Дорсете и перед центром разведения хорьков в Хэмпшире, которому они нанесли серьезный урон. В Финляндии с меховой фермы были освобождены 400 лис и 200 енотов. Пережил вторжение офис Общества защиты исследований в Лондоне. Бесчисленное количество более мелких акций по всему миру стали реакцией движения на голодовку Барри Хорна и проявлениями солидарности.

«Снявшие маски неумолимые фанатики используют нашу любовь к животным». The Daily Mail, 10 декабря

Сверхсекретная беззубая Комиссия по опытам животных для обсуждения ситуации встретила с BHSC и предприняла попытки стать хоть как-то повлиять на события. Она даже выпустила первый за свою историю пресс-релиз по поводу голодовки Хорна. Это был символический жест и признание того, что организации требовались изменения.

«Королевская комиссия по вивисекции необязательна, говорит советник правительства по опытам на животных». The Guardian, 10 декабря

В больничной палате Барри был телевизор, который давал ему возможность следить за новостями. На 60-й день состояние здоровья (прежде всего зрение) голодающего ухудшилось настолько, что ему пришлось просить зачитывать для себя корреспонденцию. Небольшой круг лучших друзей, так называемых «приближенных к экстремисту», навещал его ежедневно. Никто из них не хотел, чтобы Барри умер, так же как никто не осмеливался говорить ему правду о поведении правительства, которое попросту умыло руки, что означало неизбежную смерть Барри. Он не хотел умирать, он хотел, чтобы правительство помогло животным.

«Пришло время противостоять террористам-зоозащитникам». The Times, 11 декабря

К концу 63-го дня Хорн был глух на одно ухо и слеп на один глаз. Его печень отказывала. На этом этапе голодания тело человека начинает поглощать собственные органы. Хорну было очень больно, но он по-прежнему оставался сильным и уверенным. Его разум поражал своей ясностью, несмотря на то, что он медленно тонул в спутанном сознании, что случалось все чаще и чаще. Он анализировал каждое слово в газетах и новостях, расстраиваясь то из-за одного известия, то из-за другого. Он не думал о том, чтобы выжить, он всего лишь хотел добиться чего-то для животных. Как бы его ни называли, он никому не причинил зла, но всегда был последовательным и твердым. Его мало интересовало признание и понимание тех, кто брался его судить.

Если бы правительство предложило Хорну вариант поставить вопрос об эффективности вивисекции на рассмотрение независимой комиссии, он вполне согласил-

¹ Даунинг-стрит, 10 — адрес официальной резиденции премьер-министра Великобритании и популярная туристическая достопримечательность.

ся бы отсидеть все 18 лет, пока изучение проблемы шло бы полным ходом со всеми проволочками. Вивисекция представляет собой грязный мошеннический бизнес, любое независимое изучение это докажет. Тот факт, что подобное разоблачение дорого обойдется правительству и фармацевтической индустрии, очевиден для многих из нас. Никакому правительству не нужно такое рассмотрение. И уж точно не нужно оно фармацевтической индустрии. Столькие люди утверждают, что вивисекция работает, а значит, это так, и точка. Подобное разбирательство стоило бы кучи денег, это бесспорно. Но они могли бы предложить нечто подобное, чтобы спасти человеку жизнь, пока был такой шанс.

«Герой»-зоозащитник, которому нет дела до людей». The Daily Mail, 11 декабря

Но правительство не собиралось ничего делать, зато играло словами, которые Хорн понимал с трудом. Он в одиночку командовал всем этим парадом и держал ситуацию под контролем, что бы там ни говорили СМИ о «так называемых друзьях», манипулирующих им. Но кто-то должен был сказать голодающему заключенному, что его смерть едва ли принесет реальную пользу, потому что правительство не выполнит ничего из того, что наобещало. Участь гонцов, приносящих дурные вести, ложилась на плечи его друзей, но как они могли сказать Барри, что он умирает зря? Здесь не было места эмоциям, но они зашкаливали, и никто наверняка не знал, что делать, когда требовалось твердое решение. Однако в критический момент случилось нечто возмутительное.

В день 65, в BHSC по факсу пришли новые документы от различных членов парламента и из Министерства внутренних дел. Они содержали новые «предложения» правительства. К этому моменту Хорн уже был не в состоянии понять что-либо из написанного, поэтому переговоры прошли в больнице на следующий день в полдень. Отсрочка позволила ему и его друзьям разобраться в содержимом документов. Если бы правительство предложило хоть что-то, кроме бессвязной ерунды, Хорн бы согласился и закончил голодовку. Иначе он мог умереть в течение нескольких часов.

Однако в день 66, когда миллионы ждали новостей о критически больном Барри Хорне, пациента тайно вывезли из больницы и под покровом ночи и отправили обратно в тюрьму Фулл-Саттон. Это было похищение!

«Голодающий вернулся в тюрьму». The Independent, 11 декабря

Министерство внутренних дел установило полный контроль над жизнью Барри. Его ближайшие друзья даже не знали об этом. Его мучили галлюцинации, память работала очень плохо — настолько плохо, что он не всегда мог вспомнить, что проводил голодовку. Переезд нанес сильнейший удар по нему как физически, так и психически. Министерство внутренних дел не дало сколь-нибудь правдоподобных объяснений этого решения. Представитель лишь заявил, что поскольку заключенный отказывался от лечения, не было смысла держать его в больнице. Он не счел нужным растолковать, как с этим согласуется тот факт, что Хорн отказывался от лечения с самого начала голодовки, что не помешало перевезти его в больницу из тюрьмы. Затевали ли власти что-то зловещее? Зачем рисковать, перевоза критически больного, умирающего человека в тюрьму? Больница не собиралась от него избавляться, а тюрьма ничем не могла ему помочь, в каком бы состоянии он ни находился. Даже если бы он передумал, все, что могла бы сделать администрация, — это отправить его обратно в больницу, подвергнув опасности, сопряженной с очередным переездом. Два дня спустя случилось нечто странное.

«Голодающий “попил сока”». The Sunday Times, 13 декабря

В день 68, через два дня после переезда Барри был в ужасном состоянии, его сознание стало полностью спутанным. Он ввел всех в замешательство, когда, дойдя до

точки невозврата, аннулировал свое завещание и объявил об окончании голодовки. Его незамедлительно перевезли обратно в больницу, где сразу же началась программа восстановления. СМИ всколыхнулись в почти единодушном порыве, порицая и травя человека, который, как они утверждали, морочил всем голову, притворяясь тем, кто заморит себя голодом; они добавляли, что его друзья преувеличивали тяжесть его состояния. Три дня восстановления, в течение которых Барри пытался стабилизировать свое здоровье, потягивая крошечные порции чая с сахаром и сока, журналисты превратили в 68 суток пиршеств. Вне зависимости от того, о чем сообщали пресс-релизы, газеты не собирались редактировать свои сочинения. Еще в понедельник он был беспощадным террористом, готовым прикончить кого угодно и даже самого себя, а во вторник стал трусливым ловкачом, боящимся умереть за свои идеалы. Машина пропаганды была запущена на полную мощность.

Мы никогда точно не узнаем, что случилось с Барри Хорном, когда он покинул больницу и вернулся в тюрьму, но его близкие подозревают, что нечто действительно случилось, потому что он очень изменился и уже никогда так и не стал прежним. Едва ли это должно нас удивлять — хотя бы в свете того, на что он себя обрек — но что-то тут в самом деле было не так. Подозрения вызывало не только глупое объяснение перемещения Барри из больницы в тюрьму, но и то, что он прекратил голодовку до удовлетворения его требования о создании Королевской комиссии по вивисекции. Каким бы больным он ни становился, он никогда не терял решимости. Нынешний же исход дела был идеальным как для правительства, так и для вивисекторов. Это был худший исход для всех, кто занял позиции на другой стороне баррикад. Барри не только никогда не поправил свое физическое и психическое здоровье, он прошел через мучительную агонию в течение раннего периода восстановления, после чего страдал постоянными болями до последнего дня своей жизни.

«Хорн заканчивает “фальшивую” голодовку». *The Daily Telegraph*, 14 декабря

Впоследствии Хорн объявлял многочисленные голодовки в тюрьме без какого-либо явного мотива или стратегии и уже без внушительной поддержки снаружи, которая так ободряла его раньше. Дошло до того, что только сотрудники тюрьмы знали, ест он или нет. У посетителей было еще меньше шансов добраться до него, чем когда он был самим собой. Он сделал свой собственный выбор, но кто мог сказать ему со всей честностью, что существовал иной путь?

Правительство неоднократно заявляло, что не готово уступать требованиям Барри Хорна, потому что все выглядело так, будто он обычный шантажист. Те, кто придерживался альтернативного мнения, утверждали, что политики обязаны пойти на уступки хотя бы потому, что они давали предвыборное обещание придушить вивисекцию.

«Притворный голодающий фанатик и пропагандистская машина переутомились и застыли». *The Daily Mail*, 15 декабря

Прошло много лет, их никто не шантажирует, и они так ничего и не сделали. Вообще, согласно статистике Министерства внутренних дел, идет обратный процесс: экспериментов становится только больше. Больше промывания мозгов, больше чиновников вроде Джона Прескотта¹, которые восхваляют пользу повреждения мозга маленьких мартышек для изучения болезней мозга у людей. Лидер партии не может с уверенностью утверждать, что вивисекция жизненно необходима для человечества —

¹ Джон Прескотт (р. 1938) — экс-заместитель премьер-министра и экс-заместитель главы Лейбористской партии в правительстве Тони Блэра.

так же, как и эксперты, ни один из которых не взял на себя такую смелость. Однако глава парламента молчит и бездействует. Это значит, что он лжет, а вивисекция так и остается легальным надувательством.

Отважный и самоотверженный протест Барри Хорна распахнул множество клеток и дал движению позитивный импульс, подтолкнув к активным массовым действиям. По большому счету, все, чего добивался Барри Хорн, было обнародование правды о вивисекции. Скольких еще из нас назовут экстремистами, скольким позволят умереть, прежде чем правда станет всеобщим достоянием?

Как прямое следствие политических процессов, начавшихся в ответ на голодовку и те события, которые ее сопровождали, защищающая вивисекцию Комиссия по опытам на животных продолжает механически утверждать все мыслимые проекты, но теперь вынуждена отчитываться перед Объединенной парламентской группой защиты животных. Она была составлена правительством «более чем из 100 членов парламента и пэров, интересующихся защитой животных, 40 ассоциированных членов из мира защиты животных и представителей различных точек зрения по вопросам, рассматриваемым в ходе дебатов». Звучит как предвестие хороших времен для лабораторных животных. По словам главы группы, члена парламента Йена Коузи¹, группа окажет «реальный и независимый эффект». Правда? Когда?

Заявления правительства о добровольном отказе от экспериментов на животных в косметике, который оно подготовило вместе с индустрией, попало в заголовки на пике голодовки Хорна в ноябре 1997 года, вычерчивая линию партии словами «Блэр останавливает опыты на животных» и «Тестирования ради красоты запрещены — косметические фирмы склонились под давлением правительства». Однако через несколько лет в результате рейда в лабораторию в Уикеме оказалось, что это была ложь. Добытые мной в ту ночь документы доказали, что косметику продолжают тестировать на животных в огромных масштабах, применяя тест LD50, который, как убедили общественность, тоже был отменен. Нам удалось узнать, что LD50 широко применялся для тестирования неимоверно популярного в косметике токсина под названием ботокс, или ботулотоксин, с целью доказать, что он небезопасен для животных. Это была болезненная смерть для всех жертв эксперимента, в чем я лично убедился той ночью.

У министра внутренних дел ушло всего две недели, чтобы объявить о начале переговоров о добровольном отказе от экспериментов на животных в косметической индустрии, но, как это ни странно, в 2007 году в Великобритании они все еще легальны. И принимая в расчет отсутствие препятствий и наличие множества лазеек, похоже, мало что может остановить эксперименты в косметической индустрии, которые, как нас пытаются убедить, являются частью жизненно необходимых медицинских исследований.

В 2007 году не было предъявлено ни одного обвинения в нарушении Закона о проведении научных исследований (ни от 1911 г., ни от 1986 г.), закона, который всегда позиционировался как спаситель животных. Вообще, единственный подобный случай имел место в 1997 году и стал следствием несанкционированного проникновения журналистки в HLS. Кроме того, правительство объявило о запрете на использование в экспериментах наших ближайших родственников — человекообразных обезьян (известные вивисекторы открыто говорили в 2006 году, что желают отмены этого запрета). Вето касалось небольшого числа животных, которых подвергали экспериментам в прошлом, и не было направлено на саму вивисекцию, которая компенсирует недоступ-

¹ Йен Коузи (р. 1960) — британский политик-лейборист.

ность приматов другими млекопитающими, в первую очередь грызунами, которые куда меньше похожи на человека, но все равно вынуждены страдать по его вине.

Подобные примеры не единичны; неослабевающие кошмары продолжаются в лабораториях по всему миру, оправдываемые паллиативной риторикой о неизбежных страданиях, которые жизненно необходимы для нашего благоденствия и, следовательно, морально оправданы. Барри Хорн жаждал положить конец этим зверствам, так же, как и те из нас, кто находится в гуще борьбы, отказываясь уступать под давлением лгущих политиков и пекущихся только о собственных интересах транснациональных корпораций.

Барри Хорн умер 5 ноября 2001 года в возрасте 49 лет в тюрьме Лонг-Лартин¹ от печеночной недостаточности в ходе непродолжительной голодовки. Это было прямое следствие вреда, который он причинил своему организму предыдущими голодовками. Он ушел трагично и преждевременно. Его оплакивали многие, кто его знал, и многие, кто не знал.

Его смерть прошла для широкой общественности незамеченной, потому что он умер не в результате одной из своих «громких» голодовок. Его друзья отчасти испытывали облегчение, потому что страдания Барри наконец прекратились. Но глубокая скорбь никуда не делась. Все не должно было закончиться так. Барри похоронили в майке футбольной команды его родного Нортхэмптона. На церемонии под развесистым дубом присутствовали сотни друзей.

Барри Хорн сильно опережал свое время. Он умер за то, во что верил. Он верил не в бога и не в деньги, а в то, что вивисекция — это зло. Он верил в силу личности. Он верил, что избранные представители народа должны держать свое слово, в противном случае они теряют право диктовать условия. Убеждения Барри Хорна не были уникальными, но сам он был уникальным человеком, исполненным небывалой храбрости. Он не будет забыт.

¹ Лонг-Лартин — тюрьма для заключенных категории А в графстве Вустершир.

Обезьяны на ферме

Сколько еще людей должно умереть, прежде чем мы признаем, что у нас проблема с опытами на животных?

Доктор Рэй Грик

Любой, кто осведомлен об опытах на животных, слишком хорошо знает, что обезьяны часто становятся жертвами продолжительных экспериментов, настолько бессмысленных и недостоверных, что подвергать им живых существ неразумно. Изучите любой из них или посмотрите видео в интернете, если сможете это вынести, и вы убедитесь, что вивисекция не только аморальна, она еще и научно несостоятельна.

Доктор Альберт Сэйбин, изобретатель полиомиелитной вакцины, сожалел о том, что его открытие так долго «откладывалось из-за ошибочной концепции, согласно которой природа человеческой болезни основывалась на недостоверных экспериментальных моделях заболевания у обезьян». Заменители сердечных клапанов, пеницилин и многие другие важные нововведения были аналогичным образом отсрочены из-за обманчивых результатов опытов на животных. Из-за этих задержек умирали люди. Курение табака и употребление больших порций холестерина были одобрены именно благодаря вивисекции. В истории, пожалуй, не было двух других ошибок, которые стоили бы стольких жизней. Сегодня миллионы женщин, подвергнутых гормонозаместительной терапии¹, вдвое больше рискуют получить рак груди и сердечные заболевания, чем их здоровые сверстницы — спасибо опытам на обезьянах, которые предсказывали прямо противоположное.

Этот мартышкин труд все больше не давал мне покоя по мере приближения моего срока к концу. Я провел большую часть 1990-х в тюрьме, вдохновляемый и укрепляемый невероятной поддержкой, которую я получал от движения. Меня освободили условно-досрочно в 1999 году, и я поехал в Брайтон. Я был северянином, который никуда никогда не переезжал. Та памятная поездка в Кент на поезде была для меня путешествием на крайний юг.

Идея воскресить кампанию против Шемрока возникла в процессе общения с моей подругой Кейт, которая навещала меня в тюрьме. Мы решили, что было бы неплохо вывести южное побережье на первый план. Кейт жила и вела активность в Брайтоне, который во всех смыслах был центром зоозащитной вселенной и домом для значительных активистов, живших в двух шагах друг от друга.

Ферма Шемрок располагалась в нескольких километрах от Брайтона в деревне Смолл-Доул. Со дня своего открытия в 1950-е она поставляла обезьян лабораториям Британии и зарубежья. Их ловили в дикой природе Китая, Мавритании и Филиппин или разводили на территории фермы в Суссексе. Обе практики какое-то время вызывали спорадические протесты. Кроме того, некоторых животных разводчики заказывали даже из британских зоопарков. Документы, обнаруженные на ферме, свидетельствовали о том, что в конце 1980-х множество обезьян попали в Шемрок именно таким образом, включая 83 макаки из Лонглита, 32 — из Уобурна и множество различных видов обезьян из Равенсдена и Робин-хилла на острове Уайт. Благодаря

¹ *Гормонозаместительная терапия (ГЗТ) — замещение в организме недостающих женских гормонов, особенно эстрогена, в постклимактерический период.*

специализации на обезьянах и способах их добычи, ферма Шемрок выделялась на фоне других предприятий, снабжавших лаборатории животными.

Только за один год Хантингдонский центр, главный клиент Шемрока, получил 373 выведенных в неволе длиннохвостых макак, 440 животных, пойманных в дикой природе, 8 саймири (белчьих обезьян) и 37 бабуинов. В 1990-е ферма поставляла их университетам, правительственным исследовательским центрам и больничным лабораториям 50 тысяч обезьян. При этом общее число особей, согласно документам, достигало 250 тысяч — нужно еще учитывать фактор смертности при жизни в неволе и перевозках.

Ферма Шемрок была ключевым поставщиком приматов вивисекторам и служила главной причиной смерти обезьян в стране. Большинство людей, занятых в импортной торговле, в то или иное время работали на это предприятие. После гибели фермы Хилл-Гроув пришло время запустить новую кампанию, чтобы не ослаблять давление, рассеивая внимания на множество различных мишеней в мире угнетения животных. Кроме того, многие люди преодолевали большие расстояния, чтобы протестовать у фермы Шемрок против других угнетателей животных! Нельзя было упускать такую возможность. Кейт ездила туда неоднократно, собирала группу поддержки и в итоге сформировала внушительную команду тех, кто понимал необходимость покончить с фермой Шемрок, чтобы не протестовать против нее вечно.

Одно время ферма поставляла помимо обезьян и других животных, но в последние годы сузила круг. Вплоть до того времени, когда Терри Хилл устроился на ферму работать под прикрытием в 1991 году, предприятие продолжало разводить представителей различных видов. Вследствие очередного обнародования чудовищных фактов о деятельности предприятия, руководство было вынуждено изменить стратегию и начать импортировать «плененные популяции». Шемрок выполнял функцию посредника: обезьян после поимки привозили на ферму, где помещали в карантин, доводили до «кондиционного состояния» и уже тогда отправляли в лаборатории, зачастую на другой конец Европы через Ла-Манш. Детенышей животных, недавно пойманных в дикой природе, они называли «выведенными в неволе», делая акцент на том, что таким образом имела место наименьшая жестокость, нежели если бы детенышей ловили в джунглях.

Мой куратор по условно-досрочному освобождению советовал мне держаться подальше не только от демонстраций, но и в целом от других активистов. Поэтому тот факт, что я переезжал к девушке, которая была активисткой, веганом и «экстремисткой», представлял собой нешуточную проблему. Комиссия по условно-досрочному освобождению и мой куратор беспокоились, что я могу попасть в беду; официальная точка зрения властей сводилась к тому, что если я буду держаться подальше от других активистов, я смогу выйти на прямой и узкий путь к освобождению животных. Мне говорили это совершенно серьезно.

Никто не удосужился объяснить мне, каким будет этот путь и как мне его начать. Мы часто обсуждали возможности освобождения животных, например, закрытие таких мест, как ферма Шемрок, и представители истеблишмента утверждали, что нужно просто достучаться до политиков. Никто не предложил осуществимой альтернативы рискованным действиям, нарушению границ допустимого, агрессивной борьбе. Я объяснял им тщетность написания писем членам парламента (и они соглашались), которые лгали и часто имели личную выгоду. Они предлагали просто с этим смириться. Но мы не смиримся. Я рассказывал этим людям об опасностях обычных протестов, связанную с агрессивностью полиции и ее способность ограничивать и разваливать даже мирные инициативы.

Проведя столько времени в тюрьме, меньше всего я хотел в нее вернуться, но еще до освобождения новый срок виделся мне неизбежным вне зависимости от того, буду ли я якшаться с другими освободителями или начну выступать сольно. Вместо того чтобы поддержать меня в моем отвращении к эксплуатации животных, советчики поглощали продукты животного происхождения и рекомендовали мне относиться к этому терпимо! Комиссия по условно-досрочному освобождению не хотела выпускать меня из-за «продолжительной и сильной приверженности защите прав животных», которая, по их мнению, неминуемо вела к нарушению закона. Но с какой стати мне было преступать черту, если, как они утверждали, позитивные политические процессы шли полным ходом?

Я осведомился, собираются ли они отказать мне в освобождении, чтобы предотвратить повторное нарушение закона. В основном они соглашались с моими взглядами, хоть и не могли говорить об этом откровенно, потому что их работа заключалась в том, чтобы наставить меня на истинный путь. Поэтому чем больше меня убеждали остановиться, тем меньше я был готов к ним прислушаться. Поэтому, покинув тюрьму, я немедленно стал участником кампании против фермы Шемрок. Я отсутствовал около семи лет; вернуться в строй и участвовать в чем-то стоящем было приятно. Я с толком провел время в тюрьме: приобрел хорошую физическую форму, получил полезные знания от многих других заключенных, много читал и писал и поспособствовал развитию веганской диеты в пенитенциарной системе Великобритании. Но все это были лишь способы заполнить время, пока не представится шанс вернуться к полноценной жизни. Временно она была невозможна ввиду ограничений, наложенных комиссией по досрочному освобождению, и полицейскому наблюдению. Но распространение листовок по домам было шагом в правильном направлении. Конечно, это привело к усилению слежки за мной и всевозможным домогательствам со стороны властей, но оснований вмешиваться у них не было. Я старался сторониться ворот фермы, чтобы избежать столкновений с рабочими и ареста, зато мог делать другие вещи и внимательно следить за происходящим издали. Расположение фермы у подножия Южной гряды открывало отличный вид на территорию при наличии бинокля с линзами большого диаметра. Я подыскал идеальное место на противоположном холме, вне зоны видимости полиции и рабочих.

Уединенная жизнь в камере научила терпению, мне не составляло труда проводить на наблюдательном пункте часы или целые дни, даже если за это время мало чего происходило. Мое выгодное положение позволило составить всеобъемлющий список тех, кто посещал ферму. С ними связывались представители Кампании по спасению шемрокских обезьян (STSM) при существенной поддержке агитаторов и обеспечивали всеми необходимыми подробностями о деятельности компании, после чего просили разорвать с ней всякие отношения. Некоторые сразу сматывали удочки. Некоторым было наплевать на наши старания. Таких ждали мини-кампании на порогах их собственных домов. Такие акции могут служить очень хорошими аргументами и с течением времени поставщики и клиенты убывали один за другим. Прощание с каждым становилось маленькой победой, все больше бесившей руководство фермы.

Мы подолгу обсуждали, какой подход выбрать, будучи всецело готовыми к тому, что кампания станет затяжной. Не только потому, что ферма не была маленьким семейным предприятием, но и так как на полиции отражалось растущее политическое давление с требованиями разобраться с нами. Ферма Шемрок принадлежала американской компании Charles River, которая владела центрами разведения и складами по всему миру, обеспечивая ненасытную индустрию вивисекции источниками жизнен-

ной силы. Она едва ли поддавалась бы давлению людей вроде нас, скорбящих о жестокости к животным вне зависимости от того, кого мы уже успели побороть. Нам неоднократно напоминали об этом сотрудники фермы: они явно обсуждали эти вопросы между собой и считали, что их работодатель недосыгаем для непрошенных гостей.

С самого начала STSM поставила своей целью закрыть Шемрок в течение двух лет, притом что ферма представляла собой куда более крупного врага со значительно большей поддержкой, чем предыдущие мишени. И все-таки мы считали, что этого можно достичь, если применять тактики, опробованные в других местах. Мы часто встречались и обсуждали, на чем сфокусировать внимание: на нейтрализации партнеров, на службе поставок или на том, чтобы заставить рабочих разбежаться. Все три направления были важны, если требовалось взять врага измором, но больше всего нам хотелось иметь человека внутри. Идеальную возможность для этого предоставляла регулярная текучка кадров и большое число посетителей. Руководство мучилось паранойей после того, как 10 лет назад на ферму проник лазутчик, поведавший впоследствии о ней всю правду, поэтому бдительность у них была во главе угла. Но мы все равно верили в такую возможность. Один человек внутри стоит пятидесяти снаружи.

Как это ни печально, кампания только набирала обороты, когда полиция начала запугивать активных участников. Изначально процессами управляли восемь человек, вовлеченных в административные дела и организационную беготню. Вскоре появились еще четверо. Полицейские знали, за кого взяться, стучались в двери и вели беседы. Они даже парковали фургоны рядом с домами в дни демонстраций и следовали за нами на протяжении всего дня, словно телохранители (только наоборот), чье присутствие было направлено на устрашение и арест при первой же возможности. Одним субботним утром я взял камеру и начал снимать полный фургон полицейских, спросив у них, чего они пытались добиться запугиванием граждан, выражавших собственные взгляды. Я был вежлив и куда более говорлив, чем следовало, но они не ответили ни слова. Они даже не были готовы посмотреть мне в глаза. Один снимал меня, а все остальные бесцельно таращились в окна фургона, ожидая, когда мы поедем на демонстрацию. Они играли очень странную роль.

Полицейский интерес к руководству кампании был для меня проблемой, потому что любое незначительное обвинение могло послужить нарушением условий досрочного освобождения и стоить мне еще года тюрьмы. Говоря начистоту, полицейским было достаточно проинформировать Министерство внутренних дел о том, что они считают, что я плохо себя веду, и моей свободе пришел бы конец. Альтернативный вариант заключался в том, чтобы отойти от дел и не иметь ничего общего с кампанией, но на это я едва ли мог пойти как человек, прошедший несколько лет в ожидании любой возможности поспособствовать становлению более цивилизованного общества.

Мы проводили массовые митинги, забрасывали все графство листовками, расставляли стенды с информацией, устраивали ночные дежурства, организовывали телефонные блокады. Очень немногие люди оставались в неведении относительно того, чем занималась ферма Шемрок и чего мы добивались. Когда полиция блокировала дороги, препятствуя проведению демонстраций, протестующие отправлялись в центр Брайтона или еще куда-нибудь и тоже блокировали дороги. Стражи правопорядка явно не усвоили урок Оксфорда.

Мы подслушивали разговоры, читали выброшенные бумаги или слушали сплетни местных — все свидетельствовало о смятении на ферме Шемрок. Поначалу пикеты собирали немного людей и приносили скромное вознаграждение за все усилия, пока нам по почте не пришла копия заявления об увольнении от одного из рабочих фермы.

Какое было наслаждение получить вежливое письмо от человека, который в первые месяцы кампании ограничивался откровенными жестами в наш адрес, передразнивал обезьян и угрожал пожилым дамам, подъезжая к воротам. Теперь этот человек спрашивал, не будем ли мы так любезны оставить его в покое, потому что он покидает работу на ферме.

Одна женщина каждую неделю приезжала из Кента только чтобы посмотреть сотрудникам в глаза и высказать все, что она о них думала. В течение первых 11 месяцев кампании 7 из 18 рабочих вышли с нами на связь и по меньшей мере трое переехали. Один поменял место жительства после серии наших визитов, но не поспешил уволиться, пока бойцы ФОЖ не выследили его и не побаловались с его машиной. Сразу после этого он написал заявление об уходе и снова переехал. С самого начала года мы старались организовать работу таким образом, чтобы кто-то всегда был у входа на ферму и фиксировал, как сотрудники прибывают на работу и как направляются домой вечером.

Это была бесценная тактика, позволявшая нам отслеживать изменения в поведении персонала и руководства. Бравада постепенно улетучивалась. В обстановке постоянного напряжения напускное безразличие тает на глазах. Возможно, в этих очерствевших людях все-таки жило чувство вины, которое находило выход в ярости, когда им напоминали о том, что вне пределов фермы они уже не в безопасности. Одна сотрудница оставляла машину в паре километров по дороге ниже фермы, звонила туда и выясняла у охраны, на месте ли протестующие. Если она получала утвердительный ответ, она ждала, пока активисты не уйдут. В какой-то момент она поняла, что мы все равно выследим ее рано или поздно, запаниковала и уволилась. Когда настроения сотрудников цепной реакцией передались руководству, полицию попросили, чтобы она в свою очередь взялась за протестующих. Истинная цель этих просьб заключалась в том, чтобы офицеры хоть как-то приободрили труженников фермы Шемрок. По мере продвижения кампании полицейских вызывали все чаще — как на ферму, так и по другим адресам; настроение блюстителей менялось, они становились все более агрессивными по отношению к нам. Ополчилась и пресса. Эскалации напряженности на демонстрациях в Шемроке, в отличие от других аналогичных кампаний, не наблюдалось, за исключением диковатого визита к одному сотруднику на дом, когда было разбито одно окно.

Местная газета Evening Argus с тревогой сообщала полиции версию относительно «террористической войны», объявленной ферме Шемрок и ее сотрудникам активистами, «которые ни перед чем не остановятся». За статьей последовала общенациональная демонстрация с участием тысячи человек в конце января 2000 года, в результате которой десяток человек были арестованы и двое госпитализированы благодаря умелым действиям полиции. Пострадала беременная женщина и пожилой мужчина, которому сломали бедро в процессе ареста. Травма потребовала срочного хирургического вмешательства и больше не позволила ему вернуться к работе. Как это получилось? Он сидел в одиночестве на вершине холма напротив фермы, думая о своем, когда на него набросились несколько полицейских. Это стало темой дня; со стороны протестующих не было никакого насилия, никаких разбитых окон — ничего. Тем не менее полиция Суссекса сформировала специальный отряд, чтобы «покончить с террором» в ответ на призыв члена парламента Говарда Флайта¹ разобраться с насилием, о котором писали.

¹ Говард Флайт (р. 1948) — британский политик-консерватор, член Палаты лордов.

Местные жители ответили резкой критикой. Многие из них участвовали в шопинговых акциях и знали, как безобидный человек может превратиться для общества в агрессивного отморозка, страждущего хаоса и разрушений. Почему СМИ проигнорировали это крупномасштабное мероприятие, предпочтя ему преувеличенные опасения работников фермы, утверждавших, что их дома находятся в осаде? Негодование местных жителей позже привело к тому, что редактор газеты вынужден был признаться: «На прошлой неделе дорогие читатели закрутили нас в вихре писем. И были совершенно правы. Мы гордимся сбалансированным и тщательным освещением событий. Однако в понедельник мы подвели вас своим однобоким и нерешительным сообщением относительно безобразных столкновений с полицией». Это мало напоминало оправдания, но, по крайней мере, свидетельствовало о признании вины.

Ну а что же парламентарий? Сожалел ли он, что отправил солдат на войну, основываясь на слухах? А полиция? Отказалась ли она от своей спецоперации вслед за тем, как редакция газеты пошла на попятную? Еще чего! Операцию «Удар» никто не отменял. Очень скоро все протестующие против фермы Шемрок познали на себе ее тяжесть. Однажды утром активистки Тони и Клодия были у ворот предприятия в 7:30, ожидая приезда рабочих около 9:00. Когда они были уверены, что все сотрудники прибыли, Тони и Клодия подошли к главным воротам, чтобы попытаться хоть что-нибудь разглядеть. Им навстречу вышли пара представителей фермы, изысканные привычный набор малоприятных ремарок. Одним из них был Эндрю Брэдвелл, второй человек на ферме.

Пока Тони и Клодия без толку спорили с ними, к воротам подъехал автомобиль, в котором сидела Линда Кинг, ветеринар и управляющий директор. Как обычно в таких случаях, активистки принялись поучать эксплуататора, пытаясь спровоцировать его на откровенный разговор и добиться хоть какого-то понимания от человека, ответственного за содержание сотен обезьян в клетках. Кинг демонстративно проехала в открывшиеся электронные ворота. Пока она парковалась, активистки сказали ей в недвусмысленных выражениях, что она позор профессии, угнетающее животных чудовище. Внезапно с Кинг что-то случилось. Может, в ней проснулась совесть. Она вышла из машины и лишилась всякого притворства и спокойствия. Она ринулась к воротам и бросилась в истерическую тираду, отчаянно жестикулируя и сбивчиво разглагольствуя о том, как она сыта склоками и обвинениями в том, что она пытается животных, чего она никогда не делала. И тут она предложила активисткам пройти на ферму и увидеть все своими глазами. «Давайте!» — настаивала она.

Они были настолько ошеломлены, что замолчали. Мы пытались пробраться внутрь несколько месяцев! Мы рассматривали самые безумные идеи и никогда бы не подумали, что нас пригласят по доброй воле. Видя недоверие активисток и не получая ответа, Кинг повторила свое предложение, добавив, что она хочет, чтобы они собственными глазами убедились, что она никого не истязает, что на территории не проводятся пытки животных и что обезьяны, в общем-то, счастливы жить в соответствии с минимальными требованиями правительства и Министерства внутренних дел. Все еще не веря в происходящее, Тони и Клодия согласились проследовать за Кинг.

Они прошли в комплекс. В офисе она велела им оставить верхнюю одежду и надеть халаты, перчатки, маски, шапочки и бахилы. Почему она продолжала с ними экскурсионный тур, несмотря на все их нападки, никто не знает, но активистки попросту не могли держать себя в руках. Она отвечала, что занимается всем этим, чтобы спасти человеческие жизни, и что приносить животных в жертву человеческому благу — это необходимое зло. Она категорически заявляла, что поддерживает вивисекцию и

именно поэтому она согласилась работать там. Она утверждала, что фармацевтические компании стремятся служить обществу, что альтернатив не существует, рассказывала о сыне-астматике и спрашивала, что, по их мнению, нужно с этим делать; уж не ждать ли, когда он задохнется. Привычная чепуха.

Она была глубоко убеждена, что миллиард замученных душ решает все проблемы, и отказывалась слушать другие мнения. Это был очередной бессмысленный разговор, как она сама признала. Она сказала, что единственный способ заставить ее уйти из бизнеса — это лишить ее всего персонала или взорвать ферму, что, как она считала, было наиболее вероятным исходом дела. На протяжении всей экскурсии она пребывала на грани абсолютной истерики и отчаяния, трясясь, крича и визжа. Едва ли уверенные в себе управляющие директора, которым нечего стыдиться, ведут себя подобным образом.

Через четверть часа такого общения, она наконец привела Тони и Клодию к обезьяньим блокам. Прежде всего им показали недавно доставленные клетки, которые были еще не заняты. Кинг гордо объявила о том, что ферма сама за них заплатила, что они больше и лучше, чем те, что предусматривают требования правительства. Она явно не слышала, что кричали ей люди в последний год и задолго до этого обо всех провалах вивисекции и о том, что дело не в размере клеток. Дебаты продолжились, когда активистки спросили ее, как она — ветеринар и, следовательно, человек, который должен помогать животным, — может работать в индустрии, травмирующей и убивающей здоровых животных. Она была непоколебима и действительно верила, что не делает ничего дурного, верила, что жестокость — это законная, санкционированная и «контролируемая» Министерством внутренних дел практика. Ее заученные по книжкам аргументы в очередной раз выявили огромную разницу между «ними» и «нами».

Тут явилась уборщица Дорис и внимательно осмотрела гостей. Она была немолода, слегка горбата и сердита. Дорис работала на ферме много лет и была одним из немногих людей, чья ярость по отношению к протестующим никогда не утихала. Однажды во время протестов мы остановили ее машину. На пассажирском сиденье рядом с ней сидела другая старушка. Мы попятились, смеясь над ними и все еще не давая проехать, а они выскочили с баллончиками полироли и принялись прыскать ею в нас. Мы попятились и захохотали еще больше, а они злились и ждали ответа, наивно полагая, что нас распылит такая атака двух свирепых бабулек.

Пристально оглядев Тони и Клодию, Дорис принялась настаивать, чтобы эти двое «убирались», в то время как Линда кричала, чтобы их оставили в покое. Она была здесь главной и хотела доказать девушкам, что ничего негуманного здесь не происходит. Брэдвелл стоял рядом, но большую часть времени молчал, изредка напоминая начальнице, что притаскивать протестующих и показывать им обезьян было не лучшей идеей; он был более прозорлив, чем Кинг, и искренне не понимал, чего она пыталась добиться. Он работал на ферме уже 10 лет и даже ездил в командировку на Филиппины, чтобы открыть там Siconbrec — станцию передержки обезьян для безопасной отправки в Суссекс. Описанный одним бывшим сотрудником фермы как «самый грязный из всех ублюдков, что там работали», он идеально подходил для такой работы.

Несмотря на низкий интеллект, Брэдвелл был прав: Линда говорила совершенно не о том, когда распиналась о размерах клеток и не желала признавать свою неправоту. Казалось, она начала к нему прислушиваться, но потом отбросила все мысли, заявив, что активистки все равно думают про нее самое плохое, поэтому терять нечего. Линда плохо соображала. Из блоков-контейнеров с обезьянами доносился грохот. В возду-

хе стоял смрад, как в грязном зоомагазине. Она провела посетительниц в комнату службы безопасности, где они оказались в зоне наблюдения. От обезьян их отделяла стеклянная панель.

Окна отсутствовали — только яркое, флуоресцентное освещение в середине помещения. Вдоль каждой стены тянулись два ряда клеток, в которых сидели 40 или больше обезьян, некоторые нервно выглядывали из-за прутьев. Клетки были маленькими и пустыми (никаких настилов на полу), и некоторые обезьяны визжали в состоянии глубочайшего стресса. Некоторые бешено носились, другие сидели сжавшись и прижимались друг к другу. Сквозь прутья дверец некоторых клеток безнадежно свисали обезьяньи руки. Девушки стояли несколько минут, не веря своим глазам. Реальность оказалось хуже любых предположений. Это были две храбрые, сведущие активистки, которые видели всякое, но то, что предстало их взору, по их словам, «выглядело, как фильм ужасов».

Они были близко, но ничем не могли помочь. Это было бередило душу. Одна из активисток не выдержала и вышла. Кинг стояла в углу, не говоря ни слова. О чем она думала? Неужели надеялась на сочувствие от активисток после всего, что они там увидели? На выходе она поняла их настрой по явной неприязни девушек при прощании. Единственное, чего она добилась, это их молчания. Как могла женщина и ветеринар думать, что в этом кошмарном концлагере не было ничего дурного? В ее поведении теперь сквозило спокойствие, почти облегчение. Она надеялась обелить репутацию, но еще больше укрепила Тони и Клодию в их решимости покончить с фермой. Они ненавидели ее и все, чем она занималась. Экскурсионный тур Линды Кинг свидетельствовал об отчаянии руководства и много говорил о ее душевном состоянии. Она творила дикие вещи и, вероятно, какая-то ее часть искала отпущения грехов.

Брэдвелл был очень недоволен. Вскоре после этого инцидента он позвонил в STSM, чтобы сказать, что уволился! Он стал восьмым по счету сотрудником фермы, написавшим заявление с момента начала кампании. Партнеры и клиенты фермы тоже больше не хотели с ней связываться. Например, компания MBM Services, прочитав о ситуации с фермой, немедленно отправила письмо следующего содержания: «С сожалением сообщаем, что мы вынуждены разорвать контракт с вами. Это решение вызвано природой вашего бизнеса и нежеланием наших инженеров и других сотрудников посещать ваше предприятие». Хорошая же выдалась неделя!

Начались зимние праздники. Активисты посчитали своим долгом поздравить Кингов и других представителей фермы с Рождеством и Новым годом. Давление усиливалось, энтузиазм рос, мы надеялись покончить с фермой в новом году, но тут события приняли неожиданный оборот.

Ранним утром последнего дня февраля огонь охватил гараж в доме Линды и Колина Кинг в Уортингте. Колин управлял компанией Vet Diagnostics, тоже располагавшейся в Смолл-Доуле и ответственной за тестирования крови обезьян, прибывающих на ферму Шемрок. Колин был одним из тех, кто получил бомбу в посылке от JD в 1994 году. Гараж и автомобили Кингов серьезно пострадали. На следующий день полицейские нагрянули к нам. Опираясь на имеющиеся сведения, они решили арестовать хоть кого-нибудь, признавшись в разговоре с одним юристом, что они даже не знали наверняка, был ли огонь разведен преднамеренно. Аресты носили не совсем случайный характер, потому что полиция задерживала организаторов STSM, но мы не имели отношения к пожару. Мы готовились к серии демонстраций в ближайшие выходные и только что забрали из типографии бюллетень (экземпляры которого были у нас в домах повсюду), вкладыши, тысячи неподписанных конвертов, форм

для петиции и так далее. Предполагалось, что выходные пройдут весело, но вместо этого мы оказались за решеткой. Полисмены произвели обстоятельные обыски, выгребли все из наших машин, проверили компьютеры, канцелярские товары в офисе, инструменты.

Мало что из тщательно изученного могло иметь отношение к разведению огня или планированию поджога. Мы думали, что нас будут держать взаперти только из-за подозрений в причастности к этому делу. Я изо всех сил старался не попасть в беду и снова влип по самые уши. К счастью, всех нас отпустили на следующий же день вплоть до дальнейших разбирательств. Полиция конфисковала все, что смогла. Я держался на заднем плане кампании, делая все «как надо», чтобы избежать неприятностей — составлял петиции, писал письма, распространял листовки. И все равно меня арестовали, посадили в камеру, а потом еще забрали все мои ручки, компьютеры и петиции! А я так радовался, когда незадолго до этого полиция Манчестера наконец вернула мне ящик с инструментами, изъятый 1991 году. Офицеры подсыпали соли на рану, постановив, что я должен был еженедельно отмечаться у моего офицера-куратора, тогда как раньше мне нужно было делать это лишь раз в три недели — число посещений мне сократили за хорошее поведение; кроме того, полицейские доложили обо мне в комиссию по досрочному освобождению, предложив вернуть меня обратно в тюрьму!

На следующий день мы пошли забирать бюллетень, обсуждать ситуацию и составлять планы по расширению кампании. Активисты предлагали автомобили на время отсутствия наших, равно как и компьютеры. Нам обещали большое количество людей на демонстрации. А также рост надомных посещений сотрудников фермы. Все это было ответом людей на попытки полиции помешать законной кампании.

Показательно, что поджог гаража Кингов оказался самой эффективной тактикой воздействия на ферму Шемрок за 40 лет. Рабочие все еще полагали, что их занятости ничто не угрожает. Некоторые даже были уверены, что их похоронят на территории фермы, но кому-то вышестоящему не нравилось, как идут дела, и меньше чем через две недели после пожара Charles River удивил всех пресс-релизом от 10 марта 2000 года. Мы были ошеломлены.

«ООО “Шемрок” заявляет, что станция содержания приматов в Смолл-Доуле, Западный Суссекс, будет навсегда закрыта в ближайшие недели. Точная дата закрытия будет сопряжена с профессиональной заботой, необходимой для гуманного перемещения животных, содержащихся на станции.

Мы сожалеем о потере рабочих мест в Смолл-Доуле в результате принятия этого сложного решения. Некоторые из сотрудников нашего небольшого предприятия были с нами более 25 лет. Мы предусмотрели щедрые вознаграждения при расставании с нашими сотрудниками и благодарим всех за преданность и стабильность. Ферма Шемрок также выражает благодарность за поддержку и доброту многим местным жителям и властям в течение последних месяцев. Больше по этому вопросу никаких комментариев от предприятия не последует. Компания не будет выделять представителя для обсуждения подробностей».

Так! Это были великолепные новости. Добавить к этому можно только то, что ни рабочие, ни полиция ничего не знали, пока мы им не сообщили! Сам я находился в типографии, когда мне позвонили, чтобы поделиться радостью. Я сразу же рванул на ферму и стоял там в одиночестве, пытаюсь вникнуть в происходящее. Еще несколько минут назад у меня было столько дел, а теперь я не знал, чем себя занять. Я позвонил маме. Она бы предпочла, чтобы я получил стабильную работу, купил дом в кредит и

остепенился — так она могла бы спать спокойнее и не волноваться — но она гордилась мной и моими друзьями, и добрые вести про ферму значили для нее не меньше, чем для меня. Мы говорили очень долго, и к моменту, когда закончили, уже почти все, кому я звонил, знали новость. К ферме прибывали другие активисты. Было множество объятий и слез, но присутствовало также какое-то недоверие в отношении словосочетания «гуманное перемещение животных» в пресс-релизе. Можно ли было заполнить тех 200–300 обезьян? Это было бы шикарно!

Мы обсуждали возможность подобного исхода задолго до этого, но знали, что большинство обезьян доставили сюда по заказу, то есть они уже принадлежали всевозможным вивисекторам вроде университетов и HLS, а вовсе не самой ферме. Вероятнее всего, в случае наличия «ничейных» животных и нашей осады ферма вызвала бы RSPCA. Несмотря на монументальную победу, настроение было подпорчено беспокойством о животных, которые оставались на территории предприятия.

Стоя у фермы, я позвонил в RSPCA, чтобы узнать степень их участия в судьбе обезьян. Они не были заинтересованы и откровенно признались: «Мы этим вообще не занимаемся». Этого от них и следовало ожидать. Хотя, вспоминая историю с кроликами Нулуке, возможно, даже хорошо, что они решили быть в стороне. Несколькими месяцами ранее мы искали потенциальные пристанища для травмированных обезьян, предвосхищая закрытие фермы. Международная лига защиты приматов изъявила желание помочь. Вызвались и другие, чуть хуже оборудованные центры спасения. Обезьяний мир¹ был категорически не заинтересован. Один наш состоятельный сторонник предложил фермерам купить у них обезьян по 2000 фунтов за каждую, что было на 400 фунтов дороже их рыночной стоимости.

Руководство фермы проигнорировало предложение. Как же глупы мы были, фантазируя, что их понимание гуманности совпадет с нашим. Их взгляды были совсем иными. У нас ушло какое-то время на осознание этого факта, зато мы уже не были удивлены, узнав что животных отправляли в экспериментальную лабораторию. Все обезьяны до единой попали к вивисекторам; некоторые из них, возможно, живы по сей день.

В тот день рабочие фермы уходили с работы самодовольными. Они сквернословили и оскорбляли нас. И у них был предлог. Они не только знали, какая печальная судьба уготована животным, но и уже были уведомлены о своих солидных выходных пособиях. Они считали, что тем самым победили нас. «Ветераны» фермы получили поистине крупные компенсации. Кроме того, такие люди всегда требовались вечно голодной индустрии издевательств над животными.

Последние обезьяны покидали ферму спустя несколько недель. Когда блоки-контейнеры были опустошены, бульдозеры раскатали их, смешав все в одну большую кучу. Землю компания продала. Лицезреть все это было приятно. На уничтожение предприятия ушло 40 лет, оно долгое время казалось движению недостижимой целью, поэтому я ни за что не хотел пропускать ни один значительный момент его гибели.

Но это был далеко не конец истории. Пока мы приглядывали за закрытием фермы и планировали следующие действия, начали всплывать разнообразные любопытные детали. Еще в марте RSPCA ничего не хотела слышать про Шемрок, но уже в апреле они наняли помощником начальника ветеринарной службы Пола Уэста, человека, который был главным по этой части на ферме Шемрок во время расследования

¹ *Monkey World* — открытый в 1987 году в Дорсете на территории в 65 акров центр спасения обезьян. Служит домом для 222 животных 16 видов.

под прикрытием в 1991–1992 годах — он восемь лет отвечал за поставки обезьян вивисекторам. Это был человек, ответственный за систему широко распространенного угнетения животных. Это был человек, который даже в правительственном отчете описывался как неподходящий, бесчувственный и некомпетентный. Это был человек, который на пленке, обнародованной по окончании вышеупомянутого расследования, шутит, выдергивая шерсть из ног и рук испуганной обезьяны, а потом около 200 раз неправильно вводит иглу, пытаясь попасть в вену, чем вызывает обильное кровотечение. Это был человек, отправлявший обезьян на пытки. Это был человек, замешанный в стремительном сокращении популяций диких обезьян. И его выдвигали на второе место в отделении ветеринарии в крупнейшей зоозащитной и благотворительной организации страны! В чем, ради бога, был подвох? Эта новость никого не шокировала, но вызвала немало брани.

RSPCA опять хотело оставить всех в дураках. Руководители Общества прекрасно знали, что собой представлял Пол Уэст, когда брали его на работу. Мы выпустили пресс-релиз, чтобы это стало известно и широкой общественности. Национальные СМИ подхватили информацию и понесли ее дальше. В результате широкой огласки RSPCA «предложило» Уэсту уволиться по собственному желанию.

Мы не питали иллюзий относительно будущего торговли приматами в стране после закрытия фермы Шемрок, но то, что стало известно вскоре, по-настоящему ошеломило нас. Бывшие ключевые сотрудники фермы оставались под неусыпным наблюдением активистов, и вскоре отовсюду последовали сообщения, которые начали выстраиваться в определенный шаблон. Все началось с возвращением грузовиков для импорта обезьян. Их маршруты вызвали подозрения, но еще большие подозрения вызывали их грузы. Они явно не транспортировали мебель и не продавали фрукты — это было исключено. Они занимались сомнительными делишками. Первая попытка команды наблюдения проследить за грузовиком сорвалась: в какой-то момент активистам нужно было заправиться, прежде чем продолжить преследование, и грузовик уже скрылся из виду на магистрали. Они расстроились, потому что не спускали с него глаз не одну неделю.

Во времена функционирования фермы грузовик двигался в направлении Кента, — это был проторенный путь, — чтобы потом забрать животных из аэропорта Парижа и привести в Шемрок. С закрытием фермы мало что изменилось. То, что нам открылось, можно описать как сверхсекретный мир контрабанды, не знающий себе равных в безжалостности, слепой алчности и масштабности. Бывшие сотрудники фермы продолжали участвовать в регулярных поставках животных ради собственной выгоды, а также ради выгоды звероловов, вивисекторов и компаний-клиентов. Ферма никогда не славилась тем, что поставляла в лаборатории здоровых животных, пойманных в природе, однако теперь ее бывшие сотрудники всю обеспечивали лаборатории контрабандными зверями. Крупные покупатели в Британии сами имели возможность первое время держать животных на карантине, равно как и звероловы, ловившие их в лесах, поэтому необходимость в центре передержки, роль которого раньше играла ферма Шемрок, отпадала. Все, что требовалось для замыкания цепи, это человек на грузовике. Поставки в небольшие лаборатории были затруднены, но для HLS последствия закрытия фермы Шемрок означали, что центр мог нанять ее бывших сотрудников и чуть ли не монополизировать контрабанду обезьян через южную границу.

Специально оборудованные грузовики Шемрока обычно были припаркованы внутри фермы и появлялись за ее пределами только когда ехали забирать обезьян или

возвращались с ними, однако они пропали из поля зрения летом 2000 года. Вскоре после этого их свезли на ферму Окскрофт, склад под открытым небом в Смолл-Доуле в полутора километрах от того места, где раньше располагалась ферма Шемрок. Животных из Парижа забирали трое мужчин на двух грузовиках. Это были легкие, хоть и грязные деньги: раз в неделю смотаться во Францию, а оттуда — в Кембридж. И никаких протестующих и поджигателей. Жена одного из этих мужчин 19 лет работала менеджером по продажам на ферме Шемрок; сам он занимал должность разнорабочего и беспрестанно оскорблял протестующих. Отец другого контрабандиста работал на ферме до него. Это явно была семейная болезнь.

Пронесся слух о том, что в Смолл-Доуле творится неладное, и ФОЖ не заставил себя долго ждать. Поздно ночью активисты забросали грузовики зажигательными устройствами, спалив все, что было в зоне досягаемости. Полиция и пожарные потратили на расследование четыре дня и пришли к выводу, что возгорание произошло в результате несчастного случая. Вскоре после уничтожения Шемрока, мы начали искать, чем занять себя дальше, перебирали в голове названия предприятий. Мы уже выяснили про них все необходимое, знали нужных людей. В этот период назревала серьезная кампания в Стаффордшире, сфокусированная на центре разведения морских свинок в Ньючерче, да и Хантингдон вновь привлек всеобщее внимание, включая тех, кто приложил руку к делам фермы Хилл-Гроув и Consort. В других местах активисты практиковали менее публичный и более прямой подход, заканчивая эру, которая войдет в историю как период черной жестокости человеческого общества, нанесшего царству животных и экологии непоправимый урон. Но она также запомнится как эпоха возникновения нового сознания, которое позволило увидеть в братьях наших меньших равных созданий и повлекло активные действия, направленные на их защиту.

Продолжать использовать низших приматов как модели для изучения человеческих неврологических заболеваний — это значит отрицать фундаментальные принципы эволюционной биологии, молекулярной биологии и генетики.

Европейцы за медицинский прогресс

Пока кто-то уподоблялся колумнисту Кэрролл Сарлер, заявлявшей на страницах Sunday People, что страна «свихнулась из-за животных — и я имею в виду не только безобразного шантажиста Барри Хорна (гори он в аду)», другие пытались сделать что-то хорошее. Информация об освобожденных животных поступала отовсюду, а активистов избаловала широта выбора мишеней. Центр разведения в Ньючерче пережил рейд в сентябре, а огромная псарня Interfauna, разводившая биглей в местечке Эбботс-Риптон, была вновь атакована в ноябре.

Interfauna — это одно из мест, побывав в котором, не забудешь его никогда в жизни. Оно вселяло гнев в сердце каждого вменяемого человека. Здания без окон, выстроившиеся вдоль удаленной дороги в Кембриджшире. Приблизившись к ограде, можно было услышать приглушенный лай тысяч биглей-страдальцев и их щенков. После того как информация об Interfauna была обнародована 10 лет назад, центр стал объектом пристального внимания активистов, избравших мишенью HLS, располагавшийся ниже по дороге. Interfauna славилась серьезными мерами безопасности. На первый взгляд, трехметровый забор, колючая проволока, сигнализация и патрули охраны выглядели устрашающе, но, как это часто бывает, внешность была обманчивой.

Продолжительный и тщательный сбор информации выявил бреши в системе безопасности: охранник с собаками был не особенно старательным, он патрулировал территорию каждые два часа, проверяя двери конур и главные ворота, после чего возвращался к телевизору. Чего он упорно не замечал, так это пары глаз, следящих за каждым его движением с полей. Не имело значения, сколько раз он проверял двери, ему все равно было суждено проворонить щенков.

Терпеливый наблюдать был счастлив видеть такого охранника за патрулированием хоть сотню раз. В сто первый за ним наблюдала уже не одна пара глаз, а целых 20! Точный, как часовой механизм, охранник вернулся в свои покои, а фигуры в масках появились из подлеска и начали возводить конструкцию, которая должна была обеспечить проход через высокую ограду. То, что она действительно смогла выполнить возложенные на нее функции, явилось для всех сюрпризом. Она была самодельной и плохо продуманной, но годилась.

Пробраться на крышу одноэтажного блока конур было несложно, а вот смещение кровельной плиты стало проблемой. Резец, способный одолеть крепезный вин гофрированной кровельной плиты, здесь не справлялся, поэтому пришлось обратиться к плану Б (который изначально был планом А) и воспользоваться ломом. Шум нес с собой риск, но телезритель в комнате охраны был слишком поглощен веселыми шоу и рекламой, чтобы услышать звук разбиваемых кровельных плит. Теперь дыра была достаточного размера, чтобы через нее можно было пролезть.

Активисты образовали конвейер и передавали друг другу щенков в мешках через дыру в крыше; и так вплоть до самого фургона. В этом отделении было 60 щен-

ков и взрослых собак. Щенки развлекались: шныряли туда-сюда, пытались играть с налетчиками в масках, и продолжали шалить даже в мешках. И так всю ночь! Более взрослые собаки, напротив, очень боялись людей и пятились при их виде. Можно только догадываться, что им пришлось пережить за свою жизнь, если при виде человека они сразу мочились, жались в углы и убегали. Поскольку времени было в обрез, потребовались усилия, чтобы быстро изловить всех животных. Иногда приходилось грубо, но в таких случаях веган может себе это позволить. Снаружи биглей приходилось нести на руках, что отнимало силы и время, но тренировало тело (быть веганом для здоровья недостаточно — нужно заниматься спортом). Все благополучно спаслись.

71 бигль исчез. Испарились татуировки на их ушах — о них позаботился хороший ветеринар. Животных ждали хорошие дома и любящие семьи. Некоторые взрослые собаки доверились людям спустя какое-то время, другие так и не смогли этого сделать. Они до конца своих дней будут помнить боль и страх, на которые их обрекли чудовища из Interfauna.

Две недели спустя 140 петухов были освобождены из лаборатории VIBRA в Суррее. В том же августе американские освободители ворвались в помещения центра разведения животных Bio Devices Inc. в Калифорнии, где обнаружили 46 биглей. Многие из них были искалечены хирургически, у других были проблемы с глазами; все реагировали на людей до истерики нервно. Еще одна команда налетчиков освободила 3 тысячи норок с одной фермы в Висконсине и 3,5 тысячи с другой, тем самым принеся компании United Feeds 1,5 миллиона долларов убытков. В сентябре активисты выпустили с фермы в Миннесоте 100 лис — это был 62-й подобный рейд за четыре года. В Швеции пять биглей были спасены из центра разведения в Оркеллунге, 2,5 тысячи норок — с меховой фермы вблизи Фалкенбурга, 24 курицы — с фермы с батарейной системой содержания в Морарпе. В Голландии в ходе двух рейдов активисты выпустили на волю 12 тысяч норок и сожгли до основания завод по переработке домашней птицы в Эрмело. В Бельгии сгорел McDonald's, что принесло компании убытков на миллион долларов, — это была очередная атака из целой серии. В Норвегии 70 лис покинули меховую ферму в Эйдсберге. Их примеру последовали 60 сородичей в Финляндии и 8000 норок в Германии.

Сентябрь принес в Соединенное Королевство весть о семи загруженных до отказа холодильных фургонах, принадлежавших заводу по переработке свинины Cherryfield в Кройдоне. Тем самым был причинен ущерб в размере 500 тысяч фунтов. Активисты просто оставили устройства и смоченные бензином тряпки на колесах и вокруг них.

А тем временем в Оксфорде...

Парк-Фарм: через стену, когда они меньше всего этого ждут

Я ужесточил закон, запрещающий убивать определенных животных и многих других, но величайшим достижением праведников остается старание не навредить всякой жизни и воздержание от убийства всех живых существ.

Ашока¹

Активисты нередко использовали местные протестные акции, чтобы разведать побольше о локальных предприятиях, известных не слишком широко. Почуввав опасность, руководство таких компаний, впадают в паранойю, чем выдают себя, и у активистов появляется возможность разузнать, как пробраться на территорию. Даже персонал часто атакуемых предприятий неоднократно оставлял двери открытыми посреди рабочего дня — животные неизбежно пропадали, офисы переживали погромы. Оксфордскую лабораторию в Парк-Фарме активисты разоряли на протяжении долгих лет множество раз: посреди ночи, в воскресенье после обеда, в шесть утра. Ни одно столь крупное предприятие в индустрии вивисекции не обеспечивало движение таким количеством информации, зрелищных изображений и бесценным опытом. Все отчасти даже скучали бы по этому центру разведения, закройся он неожиданно.

Предприятие выглядело вполне стандартно — комплекс зданий без окон, содержащих в заточении различные виды животных, ожидающих разделочного ножа вивисекторов. Деятельность лаборатории получала беспрекословное одобрение Министерства внутренних дел, ведь она давала биомедицинскому исследовательскому сообществу результаты опытов на живых системах, которые, как считалось, спасали человеческие жизни. Невообразимые страдания, которые вивисекторы причиняли здесь животным, и простота доступа внутрь сделала лабораторию Меккой для местных и заезжих активистов.

В одну такую ночь активисты замыслили забрать как можно больше биглей и увести их подальше до утренних пробок. Поддесятка людей в масках засели в полях. Фургон ждал неподалеку. Они приставили лестницы к двухметровому забору и прокрались в укрепленное собачье отделение — пришлось лишь немного поработать кувалдой. Дальше требовалось только забрать как можно больше собак максимально быстро и уйти. С некоторыми было легко, потому что они боялись и не сопротивлялись. Другие поначалу наслаждались уделяемым вниманием, но потом становились недоверчивыми, — как только оказывались в темном вещевом мешке, где не с кем было поиграть. Одна маленькая собачка с полными страха глазами настолько испугалась, что устроила дьявольский переполох, прежде чем удалось ее изловить и посадить в мешок. Она мочилась всю дорогу. В остальном все шло хорошо, но тут случилась катастрофа.

Раздался звук поворачиваемого в замке ключа. Кто-то направлялся к ним! Сирена сигнализации для нас большая проблема, а уж появление живого человека и подав-

¹ Ашока (304–232 гг. до н. э.) — правитель древнеиндийской империи Мауриев. Прославился и запомнился как защитник живой природы. Запретил убивать животных, не предназначенных для употребления в пищу (в том числе наложил вето на приношения животных в жертву богам), а также ограничил число видов, разрешенных для съедения. Благодаря Ашоке государство взяло под защиту попугаев, диких уток, летучих мышей, черепах, рыб, белок, ланей, диких и домашних голубей, кормящих коз, овец, свиней, а также всех животных, не достигших возраста шести месяцев.

но. На тот момент удалось спеленать порядка 20 собак, но что с того, если активистов вот-вот должны были поймать?

В проеме вдруг появился менеджер Джеймс Дэвис. Он прошествовал внутрь вместе со своим подопечным Питом. Трудно сказать, кто был шокирован больше, но было ясно, что никто в собачьем отделении не испытывает особой радости в связи со сложившейся ситуацией. Однако только Дэвис жаждал крови. Пит выступал за то, чтобы оставить решение всех вопросов полиции, о чем прямо сказал Дэвису, настойчиво хватая его за руку, чтобы вывести из здания. Налетчики тоже полагали, что это неплохой план в данных обстоятельствах, но Дэвис считал иначе. Это были собаки вивисекторов, а вивисекторы давали ему работу. Люди и без того смеялись над числом рейдов, пережитых лабораторией, а тут он воочию убеждался в презрении к нему и его нанимателям. Это было уже четвертое проникновение, организованное в смену Дэвиса, и шутки для него закончились.

«Не выйдет! Больше не выйдет, — прорычал он на стоявшего ближе всех к нему активиста в маске. — Вы больше не заберете чертовых собак». Дэвис крепко врезал активисту кулаком, но на этом геройства закончились, потому что другой налетчик огрел его по голове, отправив в хороший нокдаун. Он хотел неприятностей, и он их получил, хотя все, включая его подручного Пита, стремились избежать рукопашной. Пока похитители спешно забирали собак, Дэвис в ярости призывал Пита помочь ему разобраться с ними, но помогать было некому, потому что Пит давно убежал звонить в полицию.

Пришло время уходить. Дэвис орал во всю глотку, как избалованный ребенок. Возможно, смех активистов эхом отдавался в его ушах и давил на самолюбие. Они оставили его в слезах, сказав на прощанье: «Теперь вы знаете, каково это, когда вам больно». Они конфисковали его ключи, всю связку, и лаборатория потратила 5 тысяч фунтов на смену замков. В спешке перетаскивания 18 вещмешков вверх-вниз активисты упустили одну собаку. Она вырвалась и рванула в поля с таким видом, словно знала, куда бежала. Но она не знала. И хотя шанс у нее, безусловно, был, для освободителей вид удаляющегося животного был душераздирающим зрелищем. Они желали ей удачи и ускорились. Отведенное на побег время истекало. Когда фургон заполнился, полиция уже была в пути, и прежде чем они отъехали от лаборатории на безопасное расстояние, они услышали сирены и увидели мигалки патрульных машин. В деле спасения животных это такие же скверные признаки, как звук поворота ключа.

Полиция настигала. У водителя, Дэна Поусти, не было выбора — он сбавил скорость в ближайшем переулке. Подозрительные, но еще не до конца уверенные в участии Дэна полисмены подобрались ближе к фургону и сказали в громкоговоритель: «Остановитесь на пару слов». Дэн просигналил фарами в знак согласия, но нажал на газ. Он понимал, что у него уже точно будут неприятности, но хотел спасти остальных. Фургон проехал следующие несколько перекрестков, после чего резко затормозил. Задние двери быстро открылись, люди высыпали наружу и разбежались кто куда. С собой они забрали двух собак. Все происходило в такой спешке, что они не смогли захватить с собой остальных, и те продолжили путь вместе с Дэном. Полиция догоняла. Заметив выпрыгнувших с собаками активистов, офицеры переключились на них. Что это за одержимость — изо всех сил стараться вернуть животных изуверам?

Беглецы сумели добраться до машин и уехать, как изначально планировалось. Дэна Поусти остановили в полутора десятках километров от Парк-Фарма. Он был арестован за ночную кражу со взломом при отягчающих обстоятельствах и нападение на человека. Сбежавшая в поля собака добралась до дома неподалеку, но хозя-

ин отнес ее прямым образом в лабораторию, увидев татуировку на ухе. 2649АК и 2781АК оказались в безопасности и сейчас живут под нормальными именами на юге Франции.

Поусти приговорили к 18 месяцам тюрьмы за кражу со взломом. Дэвис прошел лечение неглубоких ранений лица, лба и бедра, после чего продолжил стеречь биглей. Но время шло, и Поусти не успел отсидеть даже половину срока, когда лаборатория в местечке Парк-Фарм закрылась и осталась для движения за освобождение животных лишь воспоминанием.

Закрытие лаборатории в 1999 году привело к тому, что всю популяцию макак отправили жить на склад Harlan вплоть до окончания строительства новой вивисекционной лаборатории Оксфордского университета, если таковая вообще будет построена — в этом случае приматы снова окажутся в клетках и подвергнутся экспериментам. Прошло уже семь лет, и они по-прежнему на территории склада. Одна активистка провела тайное, десятимесячное расследование в центре разведения в Лестершире, который позиционируется компанией как крупнейший поставщик животных и побочных продуктов исследователям, в том числе хирургически «улучшенных» животных и мутантов.

В обязанности активистки, проводившей расследование, входило заботиться о сотнях биглей. Впоследствии она сообщала: «Утром я открывала дверь моего переполненного отделения, и меня обступали три сотни бесконтрольных, соскучившихся, подавленных собак, требовавших внимания. Оказывать индивидуальное внимание стольким собакам при таком небольшом количестве сотрудников невозможно. На протяжении всего дня я слышала крики и визг собак, задиравших и атаковавших друг друга, чему причиной служили ненормальные условия содержания. Это было ужасно».

Расследование сделало достоянием общественности регулярные массовые убийства сотен «лишних» морских свинок, крыс и мышей. Реальное число убийств вдвое превышало официальную статистику. Как мало изменилось со времен разоблачения Политехнического института Ланкашира в 1991-м! Между тем после тюремных голодовок Комиссия по опытам на животных объявила, что скоро все изменится к лучшему.

Биглей Harlan назвала «избыточным материалом». Их убивали из-за лишнего прироста поголовья по 29 особей в сутки. «Непригодный товар» или, говоря человеческим языком, собаки, которые не отвечают определенным стандартам (например, у кого короткий хвост или одно яичко) тоже уничтожались. Собаки погибали в схватках друг с другом, возникавших из-за повышенной скученности. Они жили на голом полу без каких-либо настилов. У них не было возможности двигаться. Самки, предназначенные для разведения, и племенные кобели проводили в таких условиях всю жизнь. Мучители называли их легко заменимыми. Добытые сведения, как ни грустно, мало что изменили. Но нас грела мысль, что все запланированное нами удалось.

Забрать кроликов у Regal

Сегодня активисты представляют собой сдерживающий фактор для тех, кто размышляет, не податься ли в промышленное скотоводство.

Владелец центра разведения лабораторных животных

Если когда-то у кого-то и возникали сомнения по поводу справедливости сказанного в эпиграфе, то Regal Grop UK предстояло личным примером доказать, что это действительно так. Regal угнездилась в сельской местности Суррея и разводила кроликов на опыты целых 22 года. Уильям Питчер и его партнер Кэролайн Смит построили шикарный дом и ездили на шикарных автомобилях, из чего можно сделать вывод, что дела у них шли неплохо. По нашим сведениям, Билл не обращался с животными так мерзко, как подавляющее большинство его коллег, да и состояние кроличьих сараев я бы описал как лучшее из всего, что я когда-либо видел. Я не могу сказать, что кролики были счастливы, но главный на ферме человек гордился тем, что делал, и старался вести бизнес опрятно.

В отличие от лаборатории в Парк-Фарме, Regal активно давала рекламу, но избегала внимания активистов. Самодовольство владельца этого предприятия в Грейт-Букеме рядом с Лезерхедом достигало таких размеров, что на декоративной оградке его фермы не было даже колючей проволоки. В течение 1999 года и еще раз в 2000-м активисты врываются сараев в сараи фермы, они вынесли в общей сложности 70 кроликов и нашли им хорошие дома. Установка сигнализации после первого рейда ничего не дала (она была устроена таким образом, что реагировала на движение вдоль клеток с кроликами, стоявших на ножках на уровне талии). А активисты проникали в помещение через вентиляционную систему, то есть сверху, и ходили непосредственно по клеткам, не спускаясь на пол. Биллу пришлось потратиться на новую систему безопасности.

Мы планировали сделать публичное заявление о начале следующей кампании, но сначала решили убедиться в том, что хорошо подготовлены. Мы установили скрытую камеру рядом с фермой, чтобы фиксировать всех входящих и выходящих. Затем проследили за этими людьми и собрали достаточно информации, чтобы сделать вывод о причастности компании к угнетению животных. Всего в нескольких километрах к югу и северу проживали активисты, действовавшие в Лондоне. Иными словами, расположение фермы было хорошим. Мы потратили 7 тысяч фунтов на промо-материалы, чтобы дать понять, что не валяем дурака. В течение нескольких дней местное население и многие люди за пределами деревни знали все о Уильяме Питчере, Букемском Убийце Кроликов. Люди повсюду натыкались на листовки с его лицом и телефоном, расклеенные на автобусных остановках и стенах почтовых отделений.

Во второй половине светлого, тихого воскресного дня 25 июня 2000 года Билл и Кэролайн были заняты в доме, никак не ожидая, что случится нечто неприятное. В это время 20 человек в масках перелезли через ограду и проверяли систему безопасности, попутно снимая все подряд на видео, чтобы собрать как можно больше информации. Зоотехник Стив, правая рука Билла, вышел из мастерской и в изумлении уставился на открывшуюся ему картину. Питчер тоже прибыл на место событий, предполагая, что его ограбили. Он застонал: «О, нет! Только не снова!» Он принялся толкать одного из активистов, но потом спохватился и перестал. Вокруг было слишком много тех, кто мог ответить ему тем же. Для него бы это закончилось очень быстро. Полиция

прибыла уже после того, как группа скрылась. Два дня спустя, во вторник 27 июня, Кампания за закрытие Regal Rabbits (CDRR) началась встречей региональной группы. Мы отвели кампании год на то, чтобы покончить с бизнесом Питчера. Мы пригласили Билла к диалогу. Он был говорлив и делал акцент на том, что его «бизнес строго контролируется Министерством внутренних дел». Он отрицал обвинения в жестокости и заверял, что не остановится, потому что он всегда этим занимался, и это абсолютно легально.

В следующее воскресенье 40 протестующих встретились у ворот фермы, чтобы провести первый пикет. Мы рассудили, что раз кролики никогда не покидают клеток, в которых ожидают своей участи, значит виновник этого не должен забывать, что он неправ. Мы объясняли Биллу, кто мы и чем занимаемся, добавили, что хотим спасти кроликов и что нам плевать на его оправдания. Ему, похоже, было все равно, но только сначала. Так же, как и для многих других, воскресенье для фермеров было днем отдыха и расслабления. Было. В полдень Simon and Garfunkel в полную силу больших колонок проигрывателя запели «Bright Eyes». Учитывая громкость, прослушивание композиции не доставляло удовольствия, а главное, стало ясно, что это лишь начало.

Во вторник 4 июля вокруг фермы выросла новая ограда с колючей проволокой, но она была не из тех, что могли предотвратить проникновение или назойливость активистов. Один из протестующих позвонил в CDRR и сообщил, что ограда выглядит «очень мило». Она смотрелась скорее как приглашение, чем как мера безопасности. Лондонские активисты с плакатами прибыли на место рано утром и еще раз вечером. Они шумели на славу. Соседям Питчера это не нравилось, хотя большинство из них нас поддерживали. В течение десяти минут с начала вечерней демонстрации показалась кавалькада полицейских машин, все с включенными мигалками. Одна из соседок не ожидала, что наша акция получит столь фантастический отклик. «У вас заняло два дня приехать, когда я доложила о краже со взломом», — пожурила она полисмена. Он ответил с легкой иронией: «В следующий раз, любезная, скажите, что к вам пробрались активисты-зоозащитники. Это должно нас ускорить». Он ей подмигнул.

Менее обходительные офицеры арестовали одну протестовавшую женщину за нарушение общественного спокойствия, но по дороге в участок передумали и высадили ее на оживленном перекрестке в трех с лишним километрах от фермы, у ворот которой в это время активисты игнорировали требования полиции прекратить митинговать. Тогда констебли обратились к Питчеру, и он вышел к протестующим сам, чтобы лично попросить всех разойтись. Он совсем отчаялся и был растерян. От всего этого он серьезно полысел, а глаза постоянно бегали в разные стороны; он хотел ясности относительно судьбы, которая была уготована его предприятию, все это его пугало. Он поинтересовался, не удовлетворит ли нас, если он будет продавать кроликов на мясо! Из него посыпались и другие предложения.

Будучи не уверенными в том, что Билл имеет правильное представление о ситуации, мы пригласили его на разговор следующим утром. Объяснили, что если кроличья ферма закроется, наш след простынет. Мы были вежливы, но не оправдывали себя. Когда речь идет о жизни, тут не до компромиссов. Растолковали, что не можем позволять подобным предприятиям существовать, а людям — проявлять жестокость. Он ответил, что это не жестокость, потому что кроликов специально разводили для этих целей. Мы отказались спорить и предложили ему посмотреть пару видео. Он признался, что уже видел кое-что, но не уточнил, что именно. Потом он замолчал. «Эй! Билл? Билл!». Он сказал, что ему о многом нужно подумать. Мы предложили ему позвонить Крису Брауну в Хилл-Гроув. Он ответил, что уже с ним беседовал.

В четверг 6 июля на месте старых ворот фермы Regal возникли новые, массивные, с замком. Похоже, из нашей встречи от вынес совсем не то, на что мы рассчитывали. Упрятать животных еще больше — совсем не выход. Первый номер нашего бюллетеня разлетелся по почтовым ящикам тысяч человек на следующее же утро. Некоторые получатели принялись немедленно писать и звонить Питчеру, чтобы выразить свое отвращение. Другие обсуждали, как бы прикончить ферму собственноручно, особенно после событий, имевших место в тот же вечер, когда протестовать против фермы приехал небольшая группа женщин из Кента. Питчер и какой-то мускулистый наемник вытолкали их подальше, угрожая изнасилованием. Прибыла полиция и, ничего не выясняя, арестовала одну из женщин. Вскоре ее отпустили, не предъявив обвинений.

Глупые аресты и ненужное насилие считались обычным делом для подобных ситуаций, но это было проявлением идиотизма, и мы не думали, что Питчер способен на подобное. Мы ждали неприятностей от полиции и усиления мер безопасности, но Питчер не выглядел человеком, склонным к насилию. Как бы то ни было, по крайней мере, никому не понадобилась госпитализация, хотя вред был причинен. Мы позвонили Питчеру на следующее утро, чтобы осведомиться, в какие игры он намерен играть. Он сказал, что сожалеет о случившемся, и обвинил своих друзей. Он добавил, что еще ничего не решил относительно будущего, но немного думал.

Мы предложили ему поторопиться, потому что мы запланировали общенациональную демонстрацию на 23-е число, а это означало, что у него на пороге окажется куда больше народу. Трудно было сказать, тянул Питчер время или всерьез думал о закрытии бизнеса, но отныне мы ему не доверяли и сказали, что звонить больше не станем. Мы добавили, что он, вероятно, будет иметь дело с другими жителями деревни, потому что у них тоже имелось свое мнение по этому поводу. Мы предположили, что они помогут ему с выбором.

В тот же вечер 50 активистов в масках проникли на территорию фермы и устроили кавардак, раскурочив новенькую систему безопасности, разбив несколько окон и попытавшись высадить дверь в сарай. Это была расплата за то, что случилось накануне. Когда прибыли полисмены, нарушители испарились, зато вертолет донимал Питчера и всех его соседей еще несколько часов. Небольшая группа при этом собралась у ворот фермы и громко протестовала. На следующее утро, в воскресенье 8 июля, всего через 14 дней после первой инспекции фермы, Питчер позвонил в CDRR и сказал, что с него достаточно. И тут он не лгал. Он заявил, что решил закрыть ферму еще до нападения на его дом, но атака укрепила его в мысли, что он принял правильное решение. Это ошарашило нас. Он не просто говорил, что закроется, а умолял помочь ему в этом. Перехватив инициативу, мы спросили, что он собирается делать с кроликами.

— А у меня есть выбор? — спросил он.

— Да не то чтобы.

— Вы хотите забрать всех? — изнывал Питчер.

— Всех до единого.

Это был магический момент для нас. Мы застали его врасплох! Мы могли забрать тысячи приговоренных к опытам кроликов совершенно легально и зараз! Все еще выведенные из равновесия судьбой обезьян с фермы Шемрок, мы были настолько рады, что переименовали Кампанию за закрытие Regal Rabbits в Кампанию за спасение кроликов Regal. Мы привыкли смягчать наши требования в ходе последних кампаний, но теперь поняли, что нужно сфокусироваться непосредственно на спасении животных.

Мы предложили все обсудить. И сделать это требовалось как можно скорее, пока он не передумал. Через несколько часов наши представители отправились на ферму к Питчеру, где как посредник также присутствовал офицер полиции, якобы чтобы мы могли со спокойной душой прекратить кампанию, зная, что Питчер уже не смухляет. Билл все еще хотел заниматься кроликами и получать с этого деньги, но ему надоела морочка, которой с недавних пор сопровождался его бизнес. Он утверждал, что любил кроликов, но, похоже, не мог постичь, каким ужасным страданиям их подвергали после того, как они попадали в лаборатории. Он прилежно делал свое дело и не слушал о том, что происходило с кроликами дальше.

Хотя товаром он их, наверное, не считал. Может быть, они ему даже нравились, он просто отключал эмоции, когда они покидали ферму. Ненавидя то, чем занимался этот человек, сложно было плохо относиться к нему самому. Он и сам сердился, когда его называли жестоким. Питчер не производил впечатления бессердечного глупца, но все же вносил свою лепту в индустрию вивисекции, и только мы могли положить этому конец.

Пока мы вели с Биллом переговоры, по стране летела почтовая рассылка. Телефон CDRR надрывался беспрестанно. Люди жаждали подтверждения того, что ферма закрывается. Несколько недель активисты ждали, когда будет названа новая мишень, и не успели они опомниться, как им сообщили, что враг повержен! Люди звонили, чтобы выяснить, как можно забрать партию листовок, а им вместо этого предлагали кроликов. В это было трудно поверить.

Мы переоценили число кроликов на территории фермы. Думали, их около 5 тысяч, но Билл заверил нас, что их 1152. В любом случае это было огромное количество животных, которым нужно было подыскать хорошие дома. Перед нами стояла непростая задача, внезапно появились обязательства. Помочь ферме закрыться — это одно, а подыскать добрые руки для полчищ живых существ — совсем другая, куда более серьезная проблема. Билл согласился провести нас в сараи, чтобы мы убедились в его честности. Он клялся, что не продал бы ни одного кролика.

Билл Притчер был побежден. Ему нечего было стыдиться (разве что своего прошлого), он принял умное и прогрессивное решение. Но у него еще оставалось время проститься с кроликами. Поскольку они были разновозрастные, некоторых не рекомендовалось перевозить — требовалось подождать, пока они чуть-чуть вырастут. Другие были беременны и вот-вот могли родить. Подумать только, мы позволили человеку, которого еще вчера называли эксплуататором и поддонком, содержать животных, пока мы не сможем их забрать! Всю субботу и воскресенье нам безостановочно звонили люди, предлагавшие взять кроликов или помочь с их транспортировкой.

Рано утром в понедельник мы прибыли к ферме, полностью экипированные. Билл тоже был счастлив поскорее решить все вопросы. Единственным условием, которое он выдвинул, стало отсутствие видеосъемки в процессе изъятия кроликов. Сэнди, полицейский посредник, объяснила, что Билла и без того допекали достаточно, поэтому он хотел, чтобы хотя бы очистка его фермы от кроликов протекала без огласки. Мы понимали, что нельзя терять эту возможность, поэтому поместили скрытую камеру в багажник одного из фургонов и записали операцию с того ракурса, но не стали сразу распространять пленку.

Обычно на видео со спасением животных из таких мест можно видеть шныряющих людей в вязаных масках, а мы расхаживали по ферме так, словно владели ею. Разгрузка сараев была спланирована скрупулезно. Водители получили инструкции подъезжать в четко оговоренное время. Они знали все подробности транспортировки,

контактные данные и карты. Как и ожидалось, предложения помощи были отовсюду. Полицейское присутствие было минимальным и пассивным. Сэнди — в штатском — просто стояла и наблюдала. Она была вежлива и отзывчива, даже периодически помогала. Все было очень цивилизованно — зоозащитная утопия.

Люди не могли поверить своим ушам, когда мы совершенно серьезно говорили, чтобы они заезжали на ферму и увозили столько кроликов, сколько смогут. Нас постоянно спрашивали: «А вы нас точно не разыгрываете?» Один за другим подъезжали фургоны, ждали своей очереди на погрузку и забирали кроликов: они разъезжались по всей стране. Билл смотрел, как автомобили въезжают, заполняются и выезжают через новые ворота. Кролики исчезали из его жизни навсегда. Он был по большей части спокоен. Его бизнес распался прямо у него на глазах. Он не выражал ни горечи, ни гнева, присущих другим предпринимателям в подобных обстоятельствах. В нем просто зудела раздраженная обеспокоенность судьбой его (теперь уже бывших) подопечных.

Билла Питчера, хорошего парня или не очень, долгое время водили за нос. Он отправлял кроликов в лаборатории много лет и признавал, что не знал подробностей их дальнейшей судьбы, но поскольку ему говорили, что Министерство внутренних дел держит все под контролем, он сильно не тревожился. Присматривая за происходящим и отвечая на наши вопросы, он постоянно входил в сараи и бегал в дом посоветоваться с женой. Вместе с Сэнди и Стивом в сараях нас было шестеро. Мы работали уже пару часов, когда Билл пришел, увидел стремительно пустеющие клетки и поддался эмоциям. Он изводил себя мыслями о том, что животные, которых мы загружаем в фургоны, не попадут в хорошие дома. Он буквально обрушился и начал плакать прямо у нас на глазах. Все уставились на него с открытыми ртами. Наконец он нашел способ помешать нам спасти кроликов! Поначалу мы смотрели на него недоверчиво, но потом все-таки прониклись определенной симпатией.

22 года Питчер отправлял кроликов в лаборатории, и вот теперь нам пришлось утешать его и заверять, что нами движет исключительно забота о животных, и хотя у нас не было печати Министерства внутренних дел, мы куда лучше знали, как о них позаботиться. Утешать всхлипывающего мужчину средних лет, продававшего кроликов вивисекторам, обещая ему, что с животными все будет в порядке, стало для нас необычным опытом. К концу понедельника удалось полностью очистить три сарая. Порядка 600 кроликов были на пути к лучшей жизни. Это был особенный день для всех, кто переживал за судьбу животных.

На протяжении следующих трех месяцев мы занимались исключительно пристройством 1153 (Питчер немного ошибся в подсчетах) новозеландских белых и английских вислоухих кроликов. И мы решили найти им не просто дома, а очень хорошие дома. Не все знают, как ухаживать за домашними кроликами, даже некоторые активисты. Руководствуясь лучшими намерениями, люди могут причинить животным страдания. Кролики не должны жить в вольерах, плюс мы хотели быть максимально уверенными, что ни один из них не будет использован для разведения. Мы объехали сотни домов с проверками и чаще всего были вынуждены полагаться на рекомендации третьих лиц, потому что требовалось пристроить слишком много животных. Всем, кто забирал кроликов, было велено вернуть их, если что-то пойдет не так. Лишь немногие кролики не прижились и были пристроены в другие дома, несколько убежали, какие-то заболели миксоматозом и коксидиозом, а одному кролику отрубили голову и оставили на лужайке в качестве ответа на взгляды семьи, у которой он жил, на охоту. Но подавляющее большинство зажили счастливой жизнью

и, что самое главное, ни один не попал к вивисекторам. Движение за освобождение животных сделало большое дело. Билл отдал нам все клетки и запасы продовольствия для кроликов. Он спросил совета, как можно приспособить его освободившиеся сараи. Кто-то из нас посоветовал ему выращивать марихуану, но Билла не слишком воодушевила эта идея. В итоге он выращивает в них грибы.

Это была быстрая победа, но она стала возможна благодаря всем, кто участвовал в кампании: протестовал, оказывал давление на фермера, забирался на территорию предприятия, шумел, звонил, забирал кроликов и перечислял деньги. Благодаря всем, кто был готов восстать и открыто говорить от имени животных.

HLS: очень всеобщее бедствие

У нас нет аудитора, нет банка и страховой компании.

Брайан Касс¹, январь, 2005

Многие сочли бы закрытие Хантингдонского исследовательского центра логичным шагом. Немало людей ожидали этого со дня первого разоблачения компании в 1987 году. Но HLS — это крупный работодатель и ключевой игрок в мире тестирования продукции, и без него и ему подобных производители не смогут заявлять, что их товары безвредны. Часто классифицируемая прессой как компания, испытывающая лекарства, HLS также экспериментирует с пестицидами, гербицидами, фунгицидами, сельскохозяйственными химикатами, бытовой химией, пищевыми добавками, генно-модифицированными продуктами питания и так далее. Хантингдонский центр всегда был готов проверять на животных что угодно.

Через месяц после разоблачения американская лаборатория HLS в Нью-Джерси аналогичным образом дискредитировала себя благодаря тайной съемке расследователя Мишель Рокки из PETA, которую она осуществляла пять месяцев. HLS немедленно подал в суд на PETA с требованием выписать запрет на распространение информации. Суд отклонил иск, и люди узнали ужасающую правду, включая то, что сотрудники лаборатории терроризировали и угнетали вверенных им обезьян; угрожали и смеялись над ними, когда те кричали и тряслись от боли. Одну обезьяну на пленке режут на металлическом лотке. При этом видно, как она дергается по мере того, как скальпель рассекает ее грудь. Зоотехник говорит: «Этому парню можно было дать дозу наркоза побольше». Другую испуганную обезьяну привязывают к столу, а смеющийся зоотехник выдавливает смазочный материал ей в рот. Собака сопротивляется и кричит, когда зоотехники с силой проталкивают толстую трубку ей в глотку. Привязанная к столу обезьяна оказывается одной из тех 48, на которых испытывали средство против насморка от Procter & Gamble. Зоотехники орут на испуганное животное и друг на друга, как будто были под действием тяжелых наркотиков, и с легкостью оставляют животных ранеными и избитыми где попало.

Эти чудовища с нарочитым презрением относились к страданиям своих жертв, не говоря уже о полном отсутствии какой бы то ни было научной методологии, в наличии которой нас постоянно убеждают защитники вивисекции. Этот вывод может быть сделан хотя бы из одного диалога зоотехников.

Зоотехник 1: Уверен, спонсору это понравится.

Зоотехник 2: Укажи более высокую частоту сердечных сокращений.

Зоотехник 3: Этими данными они смогут разве что потеряться.

Мишель Рокки также обнародовала 8 тысяч страниц конфиденциальных документов, содержавших всевозможные кошмарные, невообразимые факты. В длинном списке отвратительных опытов было упоминание о 48 собаках, которых ежедневно травили на протяжении года, испытывая моющее средство Ajax компании Colgate-Palmolive. Рокки было велено не записывать негативные подробности в журнале наблюдений, в аккуратном ведении которого, по идее, как раз и заключался весь смысл исследований. Это только подтвердило неоднократно звучавшие ранее утверждения:

¹ Брайан Касс — управляющий директор HLS. С 1999 года постоянная мишень Кампании за прекращение жестокости в Хантингдоне (SHAC).

результаты опытов подтасовывались таким образом, чтобы убедить производителей продолжать выпуск товаров и платить вивисекторам за неизменно хорошие новости. В ходе другого эксперимента 37 биглям должны были перепилить кости ног и перевязать их проволокой из нержавеющей стали — все это предполагалось делать без анестезии и только ради того, чтобы протестировать лекарство от остеопороза японской компании Yamanouchi, которое уже было протестировано непосредственно на рынке. Эксперимент был отменен из-за вихря негодования, поднявшегося в обществе после обнародования информации. Актриса Ким Бейсингер заявила, что готова купить этих собак.

Видеозапись, сделанная в ходе расследования, представляла собой самый настоящий фильм ужасов и могла убедить кого угодно, что вивисекторы — это безжалостные чудовища. После такого у них нет оснований жаловаться на повышенное внимание к их деятельности и ярости общества по этому поводу. Вслед за расследованием, проведенным Министерством сельского хозяйства США, HLS были предъявлены обвинения по пяти пунктам, согласно Закону о защите животных. Среди обвинений значились «отказ давать животным болеутоляющие препараты и подвергать анестезии в ходе болезненных и мучительных процедур» и «отказ обеспечить приматам психологическую помощь, которая могла бы уберечь их от саморазрушительного поведения». Как это ни дико, но вивисекторы уклонились от наказания, потратив 20 тысяч долларов на новые клетки для приматов и пообещав инвестировать столько же в методики, альтернативные опытам на животных. Это не было даже похоже на правосудие и не могло предотвратить дальнейшие проявления жестокости, а главное, лаборатория смогла избежать ответственности. Снова.

Основанная в 1951 году компания Huntingdon Life Sciences до конца 1980-х состояла из трех филиалов в Великобритании: 28 акров в Суффолке, комплекс в Чешире и самый крупный — в Кембриджшире. Они содержали одновременно около 35 тысяч крыс, 13 тысяч мышей, 4 тысячи морских свинок, 4 тысячи рыб, 3 тысячи птиц, 2 тысячи кроликов, тысячу собак, 450 макак, 200 мартышек, 10 бабуинов и множество животных других видов. Тысяча сотрудников отравляла на смерть по 500 особей в сутки день за днем. Это шокирующая статистика, но статистика как таковая нужна лишь для того, чтобы затуманить реальность. За каждой цифрой скрываются живые существа. И каждое из них обладает огромной способностью испытывать страдания.

Все, что касается HLS, очень мрачно. Это подтверждает целая серия громких разоблачений. Однако реакция лейбористского правительства всякий раз вызывала искреннее изумление. Его политическая преданность электорату, который оно вроде как должно представлять, было всего лишь пародией, особенно когда власти не просто не сдержали обещания взять вивисекцию в ежовые рукавицы, но еще и подбодрили и поддержали палачей. HLS проводит опыты по заказу множества компаний. В более чем половине этих исследований сотрудники травят здоровых животных до смерти. А наше правительство пожелало, чтобы цифры мучимых животных увеличились! Этот подход спровоцировал рост числа акций прямого действия, а заговор правительства и вивисекторов, нацеленный на тайное развитие экспериментов на животных послужил причиной радикализации всего движения.

Вскоре после разоблачения лаборатории в Нью-Джерси была запущена Кампания за гибель Хантингдона (HDS), вновь привлекая внимание общества — теперь уже не только к HLS, но и к ее 1700 акционерам, клиентам, поставщикам и партнерам. 500 человек промаршировали к лабораторному комплексу. Еженедельные, менее масштабные демонстрации у ворот показали, насколько садистов раздражало подоб-

ное внимание общества. Персонал и охрана лаборатории регулярно нападали на протестующих. Как-то вечером разозленный сотрудник ранил одного демонстранта, после чего активиста арестовали за незаконное проникновение на чужую территорию, но после отпустили, не предъявив обвинений. Это был откровенный акт агрессии, и многие сотрудники охотно прибегали к подобным действиям, прежде чем поехать домой после работы. Можно ли назвать такую реакцию нормальной? Для большинства из нас она нормальной не является, но люди в этом бизнесе жестоки, поэтому от них можно ожидать чего угодно.

Активисты распространяли по 10 тысяч листовок в неделю. Автобусные компании, нанятые для транспортировки рабочих на территорию лаборатории, подверглись давлению. Их настоятельно попросили перестать сотрудничать с вивисекторами. Представитель компании Duncan's связался с HDS, чтобы сообщить о разрыве контракта после нескольких нападений на их автомобили. В частности, в ходе одной акции боец ФОЖ сел за руль двухэтажного автобуса Duncan's и протаранил несколько других автобусов, нанеся существенный урон. Лагеря протеста за пределами Великобритании вырастали, как грибы после дождя. Кампания достигла общенационального пика. Действия активистов уже обошлись HLS в миллион фунтов, который пошел на оплату судебных издержек по делу о выселении и на покупку земли. Расходы стремительно росли, равно как и попытки людей сделать что-то — что угодно — против HLS.

Вслед за громкими разоблачением жизни лабораторий HLS уверенность в компании на рынке ценных бумаг и в деловом мире в целом растаяла. Этому способствовало не прекращающееся давление со стороны активистов. Стоило основным клиентам разорвать с HLS отношения, как цена акции свалилась с 3,5 фунтов, зафиксированных в пик популярности вивисекторов в 1990 году, до девяти пенсов. Девяти пенсов! Падение было настолько резким, что торговля на фондовой бирже закончилась полным обвалом. Компании пришлось уволить 150 сотрудников из двух филиалов на юге страны, а чуть позже закрыть лаборатория на севере, в Уинслоу, графство Чешир, — к большой радости протестующих, разбивших у ворот лагерь протеста и приготовившихся к затяжной осаде. Когда-то лаборатория принадлежала фармацевтам Ciba и пережила налет NALL в 1980-е, после чего обезопасила свою небольшую территорию высоким стальным забором, сигнализацией и камерами наблюдения. HLS видела в лаборатории хорошее вложение средств, принимая в расчет специальное отделение для приматов в центре комплекса. Но 24-часовые дежурства протестующих, визиты на дом к рядовым сотрудникам и руководству, блокады подъездных дорог и десятки рейдов ФОЖ заставили больших боссов изменить свое мнение. Эта мини-кампания была короткой, но в ней участвовало огромное число неизвестных людей, вырвавших дорогую победу.

В отчаянии от перспективы отвечать на щекотливые вопросы акционеров на ежегодном общем собрании руководство компании перенесло место проведения мероприятия из обычного и удобного Кембриджа в Бостон, США. Это помогло удержать на расстоянии множество акционеров и большинство протестующих. В результате на встрече присутствовали три нервных директора и горстка активистов, включая пару вредителей из Британии. Тем временем в Туманном Альбионе несколько активистов собрались у входа в лабораторию, чтобы проверить документы компании на соответствие нормам. Предполагалось, что они игнорировались, поэтому двое активистов попытались пробраться на территорию. Их арестовали за нарушение общественного порядка и продержали в участке три часа.

Первая демонстрация кампании «Остановите жестокость к животным в Хантингдоне» (SHAC)¹ прошла в декабре 1999 года и собрала 500 человек. Полиция Кембриджа не увидела ничего нового, но отрицательно отреагировала на столь большое число людей, поэтому не постеснялась потратить 60 тысяч фунтов на то, чтобы пригнать 500 офицеров и воспользоваться Параграфом 14 Закона об общественном порядке, который позволяет полиции диктовать альтернативное место и время проведения протестных акций на собственное усмотрение. Это позволило властям отвести протестующих от ворот HLS.

Компания между тем проявила себя в очередной раз, установив плотную двухметровую деревянную ограду по всему периметру, чтобы скрыть происходящее внутри. Появились бесконечные мотки колючей проволоки и новенькие камеры наблюдения. После того как в последнюю минуту был применен Параграф 14, а лабораторный комплекс скрылся из виду за забором, активисты переименовали демонстрацию в «публичный митинг». Этот формат мероприятия не подпадал под запрет. Активисты перенесли место проведения в городской центр. К концу дня владельцы многих магазинов понесли убытки и жаловались не столько на демонстрацию, сколько на масштабные разрушения, которая она за собой повлекла.

Надежда на справедливость в сердцах активистов растворялась с каждым комментарием правительства по поводу вивисекции. С каждым разоблачением люди все больше ужасались происходящему в зданиях без окон. HLS угодила в жернова ненависти граждан. Никому не нравилось, как из алчности компания обращается с животными. Тысячи людей по всему миру мечтали, чтобы HLS закрылась. Кампания вышла за рамки локальных погромов и демонстраций и взвинтила расходы на меры безопасности объектов HLS, ставшие необходимыми для каждого аспекта всех деловых и исследовательских операций. Акционеры, клиенты, маклеры, финансисты, банкиры, страховщики, компании, отвечающие за уборку помещений — все они подвергались неустанному давлению, направленному на то, чтобы покончить с HLS. Современное движение за освобождение животных очень адаптивно в том, что касается создания мешанины из пассивных протестов и влияния на жертву посредством удаленных действий. Это неизбежно и очень эффективно вывело войну с Хантингдоном на глобальный уровень. Мало кто из клиентов взялся бы утверждать, что на них не сказалось давление. Активистам достаточно было только намекнуть им на разрыв контракта, и совсем немногие смогли противостоять этому соблазну.

На ранней стадии кампании немало усилий было приложено к тому, чтобы надавить на персонал HLS и на саму лабораторию. Давление положительно сказалось на и без того уже нестабильных психически — как показали различные расследования под прикрытием — сотрудниках. Им были присущи жестокость, систематические прогулы, пьянство, употребление наркотиков и некомпетентность. Некоторые не смогли выносить нападков и начали разлетаться из лаборатории, как мухи. В 2000 году один из бывших работников HLS сказал:

«Это, мягко говоря, очень утомительно. Они появляются у нас на работе, кричат, вопят, дуют в свистки, бьют в барабаны, пинают наши машины, пытаются

¹ *Stop Huntingdon Animal Cruelty* — всемирная бессрочная кампания против HLS, запущенная в 1999 году британскими зоозащитниками. Одним из достижений SHAC считается то, что в 2005 году Нью-Йоркская фондовая биржа впервые в истории отменила торговлю акциями компании. В марте 2006 года SHAC впервые поддержали в России. В Москве и Петербурге прошли акции перед офисами компаний *Astellas Pharma*, *GSK* и *Novartis*: участники требовали от руководства разорвать отношения с HLS.

открыть ворота и рывкают в мегафон дни напролет. Они называют нас “мразями”, “убийцами щенков”, “чудовищами”, “извращенцами” и “палачами животных”. Когда я подъезжаю к месту работы утром, у меня появляется нехорошее предчувствие. Я знаю, что они там будут. Когда приближается конец рабочего дня, я боюсь покидать комплекс. Я знаю, что в течение дня их количество удвоилось. Полиция всегда рядом, но атмосфера устрашения постоянно заставляет меня спрашивать себя, стоит ли оно того».

Однажды вечером, около 17:00, команда активистов забралась на заполненные бетоном бочки для нефтепродуктов у ворот, тем самым заблокировав вход. Брат одного из сотрудников, участвовавших в акции, счел, что это прекрасная идея и помог выгрузить бочки из грузовика. Не имея возможности объехать внушительное препятствие, сотрудники были вынуждены оставить машины и пойти пешком к такси. Подобные акции повторялись. Протестующие обрекали себя на аресты и иногда побои, но не давали сотрудникам спуска. Один бывший работник, который не знал, на что себя обрекает, когда устраивался работать в HLS, рассказал мне о своей коллеге. Джин трудилась в компании много лет. В тот конкретный день ее донимали утром, когда она приехала на работу, и днем, когда отправилась в банк, чтобы решить финансовые вопросы. Она увидела группу активистов рядом со входом и не могла покинуть банк, опасаясь, что ее узнают. Вернувшись на работу, она получила взбучку от начальства за опоздание, а вечером ее задержали на работе активисты, приковавшие себя наручниками к пяти специально угнанным машинам, которые были оставлены в переулке за пределами комплекса и делали подъезд к нему невозможным. Потом активисты просто спустили шины и покинули место событий. Полицейские съехались отовсюду. Прибыл вертолет, фуры с полицией особого назначения и полдюжата патрульных машин, но всем оставалось только смотреть на случившееся и дивиться. Лишь несколько часов спустя несчастные сотрудники смогли наконец провести свои машины через организованный охранниками проем между выведенными из строя автомобилями и разъехаться по домам. Джин сказала, что это было выше ее сил. Больше она в лабораторию не возвращалась. Жестокость ее не тревожила, в отличие от людей, напоминавших о ней.

Многие из таких людей не могли найти другую работу, больше ничего не умели и не скрывали этого, хотя именно они утверждали, что трудятся на благо человечества. Недостатка в негодях, которые пойдут на что угодно ради денег, никогда не наблюдалось, но совсем немногие оказались настолько тупы, чтобы вкладывать деньги в тонущий бизнес. Кроме тех случаев, когда в роли инвесторов выступали даже не подозревающие о существовании HLS британские налогоплательщики!

Кадры с запуганными животными и их веселящимися угнетатели на национальном ТВ сильно подпортили образ HLS и принесли ей серьезные финансовые потери. Одно только обвинение в преступной небрежности врачей стоило компании 3,5 миллиона, потраченных на судебные издержки, а новые прибыльные исследовательские проекты были отменены после обвала на фондовой бирже. В результате разоблачения HLS ушла в долги на 4,5 миллиона, тогда как предыдущий год ей удалось закончить с 11-миллионной прибылью. Лишиться более 15 миллионов из-за нескольких минут телевизионных кадров, живописующих пытки! Когда узнаешь о подобном, сразу задумываешься, что же еще происходит в лабораториях, если вивисекторы и правительство так отчаянно борются за конфиденциальность. Очень любопытно. И досадно. Мне хочется кричать, потому что я, вообще-то, знаю, что там происходит. Я всегда

стараюсь узнать как можно больше ужасных фактов. Иногда это вредно для здоровья; знание, может быть, и сила, но чем больше подробностей о вивисекции ты узнаешь, тем больше страдаешь. И исправить что-то потом уже очень непросто.

По словам Британской ассоциации банков, HLS оказалась в «ужасном положении». В 1998 году компания приближалась к банкротству и отчаянно искала инвестиций. Руководство собрало чрезвычайное общее собрание. Помимо признания банкротства акционерам было предложено еще несколько неутешительных вариантов, но HLS получила спасительные 15 миллионов фунтов от консорциума американских бизнесменов, возглавляемого Эндрю Баркером, на которого легли обязанности председателя правления с приходом Брайана Касса на пост управляющего директора. Баркер был волевым человеком и знал, что нужно для преуспевающего бизнеса, но тем не менее он не мог обезопасить финансовые вливания — для этого потребовалось выпустить 177 миллионов новых акций на сумму в 20 миллионов фунтов. И все равно в бюджете зияла дыра. Пришлось обратиться в Национальный банк Вестминстера. Он очень навредил своей репутации среди действительных и потенциальных клиентов, одолжив HLS 24,5 миллиона, которые спасли компанию от ликвидации. Без этой ссуды HLS потонул бы, и мы были бы счастливы пристроить очень много животных. Однако страдания не закончились, история сопротивления продолжилась.

Национальный банк Вестминстера, позже переименовавшийся в Королевский банк Шотландии, очень пожалел о своем решении. Этот шаг не принес ему выгоды. Нет ничего лучше для кампании, жаждущей широкой огласки, чем внезапное появление на улицах 1700 филиалов врага, которые можно атаковать. Прежде чем руководство осознало, что поступило неверно, большинство отделений банка пережили захваты, сидячие забастовки, оккупацию на крышах, пикеты и регулярные акции саботажа. 80 банкоматов были выведены из строя за одну ночь, и это только в Лондоне. Бесчисленное количество пострадало от рук активистов по всей стране. Таким простым, но действенным протестам, невозможно противостоять, но банку понадобилось два года, прежде чем он сбежал с поля боя, оставив HLS в финансовых затруднениях. Компания опять осталась без денег. Только теперь уже ни один банк страны не рискнул бы обречь себя на катастрофу, выдав ей заем. Кроме того, кредитные возможности HLS исчерпались. Кто мог быть настолько глуп и беспощаден к животным, чтобы протянуть вивисекторам руку помощи? Кто угодно, только не правительство, которое клялось покончить с опытами на животных. Однако именно оно выделило финансы Банка Англии, чтобы уладить все проблемы. Из этого следовало, что расплачиваться за бедствия кровавого промысла HLS пришлось британским налогоплательщикам!

И это касалось не только банковских возможностей. Вслед за интенсивной глобальной кампанией против страхового агента компании, — Marsh, — которая стоила фирме 100 тысяч фунтов в неделю только на то, чтобы обезопасить собственность директоров в Великобритании, руководство решило, что иметь дело с HLS совершенно невыгодно, и оставила компанию без страховки. И тут правительство заговорило устами Министерства торговли и промышленности, которое согласилось подстраховать компанию. Таким образом, оплата любого ущерба, наносимого HLS, даже в США, ложилась на плечи британских налогоплательщиков.

HLS все еще жила с большой дырой в кармане и жесткими сроками погашения всех задолженностей, и здесь ей не могло помочь даже правительство. Отчаянно подыскивая новых друзей, компания получила предложение переместить свои акции

на рынок США и слиться с американской компанией Life Sciences Research (LSR)¹. Это было не слишком привлекательным предложением, как признал в 2001 году Брайан Кэсс: «Если мы покинем фондовую биржу Великобритании, это будет означать, что они фактически победили. Нужно стоять до конца». И в течение шести месяцев HLS стояла; правда, на одной ноге. Но чудес не бывает, и она наконец превратилась в американскую компанию. Этот переезд ударил по карманам инвесторов, потому что 50 акций HLS превратились в одну акцию LSR, но это был лучший выбор для руководства, учитывая обстоятельства.

Когда оставался буквально день до января 2001 года, и Королевский банк Шотландии должен был получить назад все свои деньги, движение замерло в ожидании новости о банкротстве HLS, и тут, незадолго до боя часов, выяснилось имя таинственного доброжелателя. Им стала Stephens Inc., американская компания, согласившаяся дать 33 миллиона долларов и считавшая, что HLS — это хорошее вложение. Оно таковым не являлось, и Stephens не понадобилось много времени, чтобы это понять, но новые вливания позволили вивисекторам продержаться еще немного. Неважно, что HLS стала международной компанией: движение за освобождение животных глобально. Stephens ответила за поддержку HLS буквально через несколько месяцев, когда разъяренные активисты разбили несколько окон в доме владельца компании Уоррена Стивенса, украли его кредитную карту и сняли с нее 100 тысяч долларов. Компания поспешила отказаться от доли в бизнесе и вывести из HLS все деньги.

Открытый переезд на американские активы был последним удачным ходом компании. Оставив поле боя на родине, в США HLS оказался на самом дне. Он мало на что мог рассчитывать и практически не имел друзей. Разве что обстановка здесь была менее враждебной и позволила встать на ноги. Самое главное, считали руководители, что акционеры были в безопасности, поскольку законы штата Мэриленд не требуют публично сообщать данные дольщиков. Это единственное положительное изменение HLS компенсировалось тем, что акционеры остались по большей части теми же, и активисты хорошо знали, кто они такие. Растущее движение в США зародилось кампанией, проводившейся в Британии, и негодовала в связи с разоблачением лаборатории в их родном Нью-Джерси.

Из огня да в полымя! В какой-то момент Financial Times даже написала, что маленькая группа активистов «преуспела там, где Карл Маркс, банда Баадера-Майнхоф² и Красные бригады потерпели поражение».

Кампания была хорошо скоординирована. Активисты преследовали бизнес и всех его партнеров, демонстрируя, что как минимум массовые протесты достигнут их везде. В США активисты сосредоточились на том, чтобы дестабилизировать всех, кто был связан с HLS. Именно так ушел Стивенс и его связи. На HLS оказывали большее давление, чем она могла выдержать. Были марши, телефонные и интернет-блокады, поджоги. Окна компании разлетались, руководителей навещали на дому, офисы подвергались захватам. Бизнес рушился во всех отношениях. В течение нескольких дней после бегства HLS в Америку первый акционер был вынужден отказаться от участия в жизни компании. Вскоре за ним последовали многие другие.

¹ Life Sciences Research Inc. — «одна из ведущих мировых исследовательских компаний, осуществляющих доклинические и неклинические эксперименты». Имеет в штате 1400 человек.

² Фракция Красной армии — немецкая леворадикальная террористическая группа, действовавшая в западном Берлине с 1968 года. Основана Андреасом Баадером и Ульрикой Майнхоф.

Активисты проделали в днище яхты президента Банка Нью-Йорка, имевшего 90 миллионов акций HLS, дыры, после чего пустили ее в свободное плавание в море. Паранойя распространилась далеко за пределы персонала HLS; она затронули банки и фондовую биржу. Один акционер позвонил в британское отделение SHAC и предложил секретную информацию о его скрывавшемся коллеге, которого он был счастлив подставить в обмен на иммунитет от атак и спокойное держание доли HLS. Выяснив все, что нужно у звонившего, SHAC передала данные Financial Times, которая опубликовала историю на передовице, подробно рассказав все, что можно, и про таинственного акционера, и про информатора, который его сдал. «Мы не заключаем сделки с дьяволом», — таким был бескомпромиссный ответ активистов.

Кампания против HLS стимулировала движение и меняла правила игры с вивисекторами. Прежде всего борьба с HLS была борьбой с нефтехимической/фармацевтической/правительственной машиной, чьи действия санкционированы, защищены и профинансированы государством и его многочисленными ответвлениями; государством, которое в свою очередь получает власть и богатства от индустрий, которые охраняет. Сегодня мало у кого возникнет желание вкладывать серьезные деньги в HLS и вставать на сторону вивисекторов — только у правительств. Пусть так, но преобладающее мнение очень хорошо было выражено на страницах Evening Standard: «Есть растущее подозрение, что в долгосрочной перспективе HLS едва ли сумеет выжить».

HLS был, с одной стороны, очевидной мишенью, учитывая его сомнительный имидж и доступность большого количества информации о происходящем внутри, которая могла вмиг уничтожить компанию. С другой стороны, принимая в расчет статус HLS как ключевого игрока в индустрии тестирования продукции для активистов это был амбициозный выбор жертвы. И поэтому по-прежнему стоит вопрос: погибнет ли предприятие? Некоторые говорят, нет, потому что оно представляет (или представляло) собой ценные активы и кормит очень много людей, а кроме того, что куда важнее, победа движения над HLS и правительством стала бы поворотным моментом в войне с вивисекцией, и, следовательно, истеблишмент сделает все, чтобы этого не допустить. Реальность такова, что перемены ждали и без того очень долго, поэтому сможет ли HLS поддерживать видимость процветающей компании или нет, она в любом случае погибнет под натиском общества.

Чтобы быть на шаг впереди, активистам пришлось осваивать новые тактики. Например, электронное пиратство для давления на HLS и его партнеров (что можно было делать из дома в комфортных условиях). Виртуальные налетчики обрушивали сайты и взламывали электронные почты. Кража огромного числа почтовых учетных записей привела к исчезновению ценной для компании информации. В США в ответ были арестованы активисты SHAC. Им предъявили обвинения и признали виновными согласно новому законодательству, пытаясь помешать кампаниям против угнетателей животных. Эти законы были введены, чтобы сделать криминальным использование интернета для отправки информации и координации сопротивления эксплуатации животных. Конкретно в случае SHAC US нельзя было проводить кампанию в США, в то время как HLS отчаянно пытался обрести почву под ногами, готовясь к рефинансированию.

В Британии кампанию приходилось адаптировать под становившуюся все менее разумной политику властей. Полиция уменьшала эффект легальных акций, ограничивая «зоны протеста» и диктуя движению допустимый лексикон и изображения, которыми оно могло пользоваться. Шаг за ограничительную линию, сделанный активистом только для того, чтобы его было лучше слышно, мог обернуться арестом. Любое

высказывание, обращенное к живодеу в присутствии офицера, которое могло показаться ему оскорбительным, тоже часто служило причиной задержания. Например, нельзя было использовать слово «убийца», стоя перед HLS! Фраза «Еще раз скажете это, и окажетесь в наручниках» стала для полисменов мантрой. Разумеется, ввиду таких ограничений тактике суждено было меняться. В некоторые дни сотни одуроченных офицеров бездействовали, ожидая акции, в то время как участники кампании протестовали в совершенно другом месте. Решения менялись в последнюю минуту звонком на мобильный телефон, информация распространялась молниеносно, и раз-рекламированные «поддельные» демонстрации переносились и с успехом проводились там, где полиция не могла им помешать. Эти мобильные протесты дополнялись сдержанной, но изматывающей статической осадой комплекса HLS.

Людей арестовывали за пересечение воображаемой и порой нечеткой ограничительной линии, за размахивание изображениями искалеченных собак перед лицом тех, кто их калечил, за размещение плакатов на деревьях, за указывание на кого-то пальцем, дутье в горн или свист в направлении движущейся машины. Все эти ужесточения несомненно были призваны отвадить протестующих, и никто не думал о том, что подобная тактика неприемлема в условиях демократии и отчуждают людей от полиции, вдохновляя на менее конфронтационные, но более радикальные действия. А самое главное, подобные санкции еще больше распекают людей, чем если бы им позволили законным образом вымещать ярость на убийцах и подонках и требовать закрыть лагерь смерти. Законы подстраивались под постоянно меняющуюся тактику кампании и учитывали наличие сотен клиентов HLS и тысяч ее сотрудников, которых невозможно было защитить всех. Но власти твердо решили запретить людям любыми средствами протестовать против вивисекции.

Одним субботним днем 2001 года мы ехали в Слоу, графство Беркшир, на демонстрацию у завода Horlicks¹ (клиента HLS) и заметили желтые жилеты на перекрестке в конце разделительной полосы. Когда один из микроавтобусов, ехавших впереди нас, оставил на дороге след из нарезанной бумаги, мы поняли, что возникли проблемы. Бумажный след означал, что активистам пришлось избавляться от списка намеченных жертв кампании, направлений деятельности, дат, договоренностей и мест расположения; разумеется, полиция не должна была все это получить. В документах могли быть указаны лаборатории, поставщики животных, домашние адреса руководства банка, маршруты маршей через города.

На тот день одна химическая компания, отправлявшая продукцию в HLS, чтобы вкалывать их животным, уже стала жертвой необъявленной заранее демонстрации. Кто-то разбил пару окон в ходе акции у главного входа. Когда толпа уже покидала место событий, какая-то местная горячая голова не нашла ничего лучше, чем сесть в машину и помчаться на активистов. Он переехал одну девушку. Отморозка вытащили из машины и поколотили.

Следующей остановкой был Слоу, но полицейские сумели предугадать такой шаг и дежурили на перекрестке, чтобы останавливать всех, кто едет в этом направлении. Мы развернулись на 180 градусов и умчались. Полиция задержала другие девять микроавтобусов и арестовала в общей сложности 90 ни в чем не повинных людей, которых продержали в участке до поздней ночи только потому, что они ехали на демонстрацию.

¹ Horlicks — бренд растворимого солодового молока, выпускаемого GlaxoSmithKline в Великобритании, ЮАР, Новой Зеландии, Бангладеш, Индии, Пакистане, Малайзии, Ямайке и на Филиппинах.

Все вышли на свободу без предъявления обвинений и подали в суд за незаконный арест.

В 2003 году активисты мешали жить 33 поставщикам различными протестными акциями, создавая бесконечные логистические заминки. С течением времени для HLS все становилось только хуже, так как преследование вторичных мишеней усиливалось. Персонал тоже не знал покоя, несмотря на все усилия, направленные на безопасность. Через четыре года после начала кампании большую часть времени у здания комплекса все еще дежурили люди, и никакие законы и меры безопасности не могли помешать им наносить визиты сотрудникам домой. Число и дерзость этих посещений увеличивались сообразно растущему давлению полиции. Комендантский час и интернирование эффективны против людей, возмущенных угнетением животных и жульническими исследованиями, но история показывает, что даже самые жесткие меры не могут остановить рост оппозиции. На сегодняшний день движение за освобождение животных уже, к счастью, вышло из-под контроля. На Собрании по правам животных (AR Gathering) в 2006 году присутствовали представители 26 наций, которые делились тактиками и идеями. Одни из крупнейших зоозащитных акций современности проводятся в таких странах, как Россия¹.

Счет жертв HLS за полвека составил 9 миллионов. Опыты на животных прибыльны и жестоки. И неудивительно, что в мире так велика инициатива закрыть компанию как можно скорее. Тот факт, что широкомасштабная кампания была организована и координируется узким кругом людей, не является секретом, но от большинства ускользнуло то, что на самом деле у руля SHAC стояли и стоят сотни человек. В 2001 году полиция вышла из себя и сделала все так, чтобы несколько человек получили тюремные сроки за подстрекательства к нарушению общественного порядка; власти надеялись, что тем самым обескровят кампанию. Активисты немедленно перегруппировались и вновь пообещали закрыть HLS, которая к этому моменту уже стала врагом движения во всех странах мира.

Уже известный нам по акции с отправкой GlaxoSmithKline муляжа взрывного устройства в кошачьем поддоне Нил Хэнсен написал каждому из 1700 акционеров по письму с подробностями преступлений HLS против жизни и науки. Хэнсен предложил им ознакомиться с подробностями расходования их инвестиций и пообещал, что в случае, если они не откажутся от своих долей, их ждут круглосуточные акции протеста у их домов. Он не угрожал, он просто выдвинул условия против грубого угнетения животных в лаборатории, на что получил очень театральный ответ. Новостные редакторы увидели в словах Хэнсена угрозу террористической атаки и забились в истерике, как они это уже неоднократно делали раньше. Тогда Хэнсен написал письмо в HLS. Он был вежлив и рассудителен, дав акционерам две недели, в противном случае их ждали «гастроли кампании» — легальные протесты. HLS не удосужилась переслать своим инвесторам предупреждение об угрозе и посоветовать звонить в полицию при первых признаках средоточия протестующих. Благодаря освещению событий в прессе к концу недели скудная стоимость акций Хантингдона вновь свалилась, сбив цену компании на 40%! Хэнсен вскоре оказался под неусыпным наблюдением полиции и терпел на себе ее домогательства, но он не нарушал закон. Те, кто поддерживал кампанию акциями прямого действия, держались в тени.

¹ Российские активисты, заставшие тот период жизни движения в стране, подтверждают, что по состоянию на 2006 год эта информация была достоверна.

На сцену вышли свыше 250 спекулянтов, принявшихся скупать и продавать миллионы акций HLS. Тем временем сработало письмо Хэнсена. Дополнительного веса ему придало преждевременное появление протестующих у домов некоторых акционеров. Один бизнесмен на пенсии, держатель 20 тысяч акций, подъехав к своему жилищу, обнаружил не только десяток скандирующих его имя активистов, но и превышающий их численность вдвое контингент журналистов и телеоператоров. Позднее все цитировали слова этого акционера, говорившего, что он «больше обалдел от количества СМИ, чем от протестующих». Так же, как и все мы! Пресса проделала в высшей степени хорошую работу, нагоняя страху на черствых угнетателей животных, до смерти испугавшихся ненасильственного нажима зоозащитного движения.

В ответ на опустошительный эффект этих событий HLS открыто призвала как никогда податливое лейбористское правительство создать новое специализированное подразделение, способное остановить людей, пишущих письма и осмеливающихся проводить демонстрации против жестокости к животным. Компании было мало того, что по состоянию на 2000 год «угрозы», «терроризм» и «насилие» активистов за права животных уже давно фиксировались и отслеживались силами правопорядка. Через месяц после отправки письма его автор был арестован за шантаж, в его доме и офисе провели обыски. Поскольку Хэнсен не сделал ничего незаконного, обвинения ему так и не предъявили.

Я не всегда называл лиц, упоминаемых в этой книге, их настоящими именами: зачастую это вызвано соображениями безопасности. Я встречал многих людей, которые полностью посвятили себя борьбе, людей, рассказавших множество шокирующих, захватывающих, смешных и страшных историй, приключавшихся с ними в ходе акций спасения животных, но едва ли я бы хотел поделиться чем-либо больше, чем историей похождения Линн Сойер. Ее зоозащитная жизнь началась с того, что она сознательно перестала быть консервативно настроенным сторонником охоты (я уже привел историю ее перерождения). Изменив свое отношение к вопросу о правах животных, Линн стала представителем «уважаемой» части активистов, хотя причиняла эксплуататорам животных массу беспокойства. Она присутствовала на демонстрации во Всемирный день защиты лабораторных животных в 2000 году и была одной из 1500 протестующих у стен HLS, надевших черные маски с нарисованным черепом — это было не только зрелищно, но и полезно, потому что так полиция не могла никого выследить и запомнить.

Демонстранты оставили машины на почтительном расстоянии от торца лаборатории и двинулись к центральным воротам по дорожкам. Для многих это был первый раз, когда они увидели лабораторию, ее заборы, проволоку, электронные средства наблюдения. Совсем как концлагерь, центр HLS вызывал сильные эмоции. Все пребывали в возбужденном настроении: ферма Шемрок только что объявила о своем закрытии, и HLS должна была стать следующей. Активисты сопровождали шествие ободряющими речами. Полиция в защитной экипировке ждала на территории комплекса, похоже, уповая на усиленные меры безопасности, которые, по их мнению, должны были удержать активистов снаружи. Но активисты настроились действовать, тут и там по рукам шли кусачки. Охрана не заметила, как сверхнадежная ограда была перерезана в нескольких местах, зато заметила сотню людей, пролезших в эти дыры. Когда начался прорыв, толпа взревела. Полиция запаниковала и ринулась в гущу людей. Они не просто жаждали всех выпроводить и вернуться на свои позиции — они собирались наказать всех, кто прорвался. Это означало массовое насилие; неважно, кто ты и что делаешь: если ты на стороне протестующих, значит, ты — враг.

Началась игра в кошки-мышки и, в конечном счете, активисты начали покидать территорию комплекса.

Но в 14:00 произошел переворот, когда двое протестующих, одной из которых была безобидная Линн Сойер, прошмыгнули обратно мимо мотков колючей проволоки и полицейских особого назначения и забрались на крышу одной из лабораторий в центре комплекса. Большая часть протестующих в этот момент предпочла уйти с территории HLS из-за повышенной концентрации полисменов. Победители остались на крыше наблюдать, как толпа промаршировала по полям к оживленной трассе A1 и заблокировала ее южное направление дорожными конусами и собой. Часть протестующих отделилась и закупорила северное направление магистрали. Полиция неистово пыталась восстановить порядок, но было уже слишком поздно. В HLS в это время инспектор уговаривал сквоттеров спуститься с крыши «достойно», но они наслаждались, наблюдая, как люди в желтом гоняются за людьми в черном по всей округе. Им также доставлял удовольствие вид длиннющей линии автомобилей, выстроившихся на A1 в обоих направлениях. Все, что мог сделать полицейским вертолет — это записывать события на камеру с воздуха. Несмотря на всю свою хваленую мощь, полиция была бессильна остановить протестующих, часть которых двинулась к A14, а другая пошла маршем по A1, преследуемая патрульными машинами, сбивающими дорожные конусы. Остановка движения на A1 была большим достижением, привлечшим к HLS существенное внимание. Ситуация нормализовалась только поздним вечером, в то время как активисты спонтанно проводывали дома сотрудников HLS. Забравшихся на крышу в конечном счете оттуда сняли и арестовали вместе с другими за нарушение Параграфа 14.

Три месяца спустя команда активистов вновь ударила по A1, сначала замедлив движение по шоссе, а потом и вовсе приостановив. Они спешно возвели на дороге две 6-метровые конструкции строительных лесов, на каждой из которых расположилось по активисту. Их воодушевлял предыдущий успех, и они рассчитывали держать блокаду как можно дольше, но она продлилась всего пять минут. Местный констебль Дэвид Мэнтон был не на службе и застал ступор на трассе, когда ехал по своим делам. Он не питал симпатий к злейшим врагам своих работодателей и не слишком уважал право на протест. Нельзя даже сказать, что ему самому кто-то причинил неудобства, потому что его мотоцикл с легкостью миновал бы возведенные конструкции. Мэнтон мог бы догадаться, что двигать 6-метровые строительные леса, когда на них сидит хрупкая 33-летняя женщина — опасно, но ему было плевать.

Линн Сойер была настолько охвачена ненавистью к эксплуатации животных, что с готовностью принимала любые уловки и тактики, призванные помочь беззащитным. Особенно ее выводила из себя HLS. Она как раз выражала свой протест против этой страшной компании, когда констебль Мэнтон своими действиями сбросил ее с верхушки конструкции. Женщина ростом 1,5 метра осталась лежать на асфальте со сломанными коленом и бедром, разбитым в кровь лицом, а Мэнтон сел на мотоцикл и быстро уехал. Он даже ликовал, беспощадный и невозмутимый, оставив оказание первой помощи своим коллегам. Вернувшись восвояси на следующий день, Мэнтон, однако, обнаружил, что коллеги обыскивают дом и хотят арестовать его. Несмотря на быстрый арест и показания 16 свидетелей, у полиции Кембриджшира ушло 10 месяцев на то, чтобы предъявить Мэнтону обвинение в нанесении тяжких телесных повреждений. Судебный процесс нельзя было назвать честным, свидетелей бессовестно запугивали, но они не сдавались. И тем не менее Мэнтон каким-то образом признали невиновным! Суд счел, что он не несет ответственности ни за то, что он покинул место происшествия, не сообщив о нем, ни, собственно, за то, что он натворил.

Линн Сойер провела в больнице несколько недель. Она не могла работать не один месяц. Ей потребовалась пластическая хирургия лица. В результате полученных травм сейчас одна ее нога короче другой на 2,5 сантиметра, на лице остались шрамы. Она живет, испытывая постоянную боль. Теперь будет знать, как протестовать, да? Нет. «Я не ждала справедливости, — говорит Линн. — Я больше ее не ожидаю в принципе. Вот почему я делаю то, что делаю. Сто лет назад полиция обращалась с женщинами точно так же, потому что они требовали признать их права. Мы победили тогда и победим теперь. Мы справимся с громилами. Они меня даже не напугали».

Четыре года спустя Линн получила несколько тысяч фунтов в качестве компенсации за полученные ранения. Через год после нападения Мэнтон, когда ее восстание было в самом разгаре, злая и уверенная в себе Линн уже имела на HLS серьезные виды. Однажды утром для поднятия боевого духа она подъехала к воротам комплекса и заметила, что на входе стоит новый охранник. Он выглядел таким глуповатым, что вместо того чтобы припарковаться и начать протестовать против деятельности HLS, Линн въехала в открытые ворота. Она держалась настолько хорошо, что у нее даже не спросили документы. Какой интересный поворот, особенно для человека, который хорошо известен и охране HLS, и полиции; человека, который избрал делом своей жизни проникать в подобные места, разграблять их и выставлять на посмешище; человека, чье фото мелькало в местной прессе еще неделю назад. Проехав на территорию, Линн припарковалась, быстро осмотрелась и двинулась в сторону корпуса с надписью «M12». По счастью, входивший в него зоотехник придержал для нее дверь. Позднее он признался, что ее лицо показалось ему знакомым (еще бы!). Крепость HLS распахнула двери для своего троянского коня.

«Я знала, что не смогу выбраться оттуда, не будучи пойманной, поэтому нашла небольшой офис и забаррикадировалась в нем, чтобы ознакомиться с конфиденциальными документами. В какой-то момент зазвонил телефон и я ответила. Это была женщина, которая сказала, что не может пробраться в свой офис, добавив, что ей нужен ключ. Я объяснила, что не могу ее впустить. Охранники наконец проснулись и пришли по мою душу примерно через час. Следом явился сержант Кен Смит, охотник на зоозащитников и эксперт по правилам безопасности дорожного движения. Он попытался уговорить меня выйти. Я всегда вела себя льстиво, когда он тысячу раз останавливал мою машину, но теперь я сидела за столом, блокировавшим дверь, и не собиралась двигаться. Они решили прорваться через стену. Полиция и сотрудники упрекали меня в чтении документов, но я ничего не могла с собой поделать. Через три часа они просверлили в стене достаточно отверстий, чтобы Кен мог пробить ногой большую дыру, войти и арестовать меня за бродяжничество, кражу, воровство электричества и причинение ущерба. Немного чересчур, учитывая, что я просто сидела и читала. Им очень не понравилась легкость, с которой я обошла их систему безопасности». Конечно, не понравилась. Это не соответствовало образу центра совершенства, где «ваш секрет — это наш секрет». В данном случае секреты стали всеобщим достоянием. Немедленным последствием этого инцидента явилось то, что охрана начала проверять каждую машину, подъезжавшую к воротам.

Для тех из нас, кому приходилось стоять снаружи и наблюдать, как эти чудовища прохлаждаются, показывая нам средний палец, приключение Линн стало сбывшейся мечтой. Внезапно они почувствовали, что им не укрыться от нашего гнева нигде. Они уже не вели себя так нахально, сидя в комплексе, слушая радио и ожидая того дня, когда можно будет уйти на пенсию. Теперь им было некомфортно. Они не чувствовали себя в безопасности нигде, даже на территории комплекса. Теперь ездить на работу

по утрам им стало еще неприятнее. Но по-настоящему невыносимо даже думать об этом им стало в 2000 году, когда машины нескольких сотрудников закидали зажигательными бомбами в рамках новой волны атак ФОЖ. Пострадало всего несколько автомобилей, никто не получил ни царапины, но шумиха в СМИ была настолько оглушающей, что персонал HLS преисполнился еще больших страхов. Никто не похищал детей и не ослеплял кислотой стариков, но персонал не хотел рисковать. Этот страх, окружающий движение за освобождение животных, нерационален, — учитывая, что активисты стараются не прибегать к насилию, — но играет на руку движению, потому что эксплуатация животных выглядит менее привлекательной. Кроме того, этот страх необъясним, учитывая, что активисты представляют для общества куда меньшую угрозу, чем HLS и многие ее сотрудники; но это не мешает прессе изливать потоки яда, а правительству — подавлять поползновения движения так, как не подавляются действия даже самых жутких преступников. Как обычно, все сводится к деньгам. Большим деньгам. Вот что важно для политиков и бизнесменов. И вот в чем вся суть вивисекции.

Насилие — ключевое слово в этой борьбе. Через всю мою книгу проходит насилие к животным и к активистам. Здесь действительно есть что обсудить. Я знаю не много фактов применения зоозащитниками насилия: о них куда больше разговоров. Однако насилие, которое пережили некоторые активисты, подвергло жестокой проверке их мирные намерения и заставило реагировать иначе.

Известный своей активностью по части саботажа охоты в окрестностях Ливерпуля в 1980-е Дейв Бленкинсоп терпел физические нападения за свое сопротивление угнетению животных больше, чем он может вспомнить. Его неоднократно арестовывали вместе с Дейвом Коллендером и другими активистами. Он жаждал расплаты. Ни для кого, будь это чувствительный человек или черствый, применение насилия не дается просто. Тихий, невзыскательный и надежный Бленкинсоп всегда был готов прийти на помощь, если требовалось починить двигатель. Его часто видели под Land Rover друга или сваривающим детали одного из фургонов саботажников или чинящим что-то в центре спасения животных. Бленкинсоп держал за руку Майка Хилла, когда тот умирал в сельской местности Чешира в 1991 году. Он неоднократно видел, как товарищам делали больно, и знал, насколько опасно сражаться с врагом на его территории. Он первым же призывал к тактическому отступлению всякий раз, как назревали неприятности. Через два дня после смерти Майка Хилла он был осужден на 15 месяцев тюрьмы за участие в атаке на псарню с биглями в Чeshire. Его это травмировало, он знал, что не должен был оказаться ни у конур, ни в тюрьме, но он не знал, как иначе поступать. Никто из нас не знал.

Будь он менее проворным, он бы мог лежать мертвым под колесами Land Rover охотников в Суррее, которые чуть не убили Стива Кристмаса девять лет назад. Бленкинсоп не должен был находиться и там. Но живодеры рвали детенышей лисят на части, а он спасал их: отвозил в ближайший центр спасения, где строил стеллажи для раненых уток и других уцелевших птиц и зверей. К счастью для Стива Кристмаса, Дейв был рядом, когда его чуть не убили, держал его за руку и вызвал для него вертолет скорой помощи. Суд над водителем машины, переехавшим Кристмаса, не принял показания Бленкинсопа на том основании, что он был судим и, следовательно, не мог быть надежным свидетелем. Наличие других очевидцев событий все решили проигнорировать. Это стало последней каплей. После стольких лет попыток избегать конфронтаций, он изменил свой взгляд на вещи и обратился к спланированному насилию.

В феврале 2001 года трое мужчин с бейсбольными битами напали на Брайана Касса (всеми ненавидимого, злосчастливого управляющего директора HLS и хладнокровного заступника массовых пыток животных), когда как-то вечером он вышел из машины перед своим домом в Кембридже. Судя по всему, они задумали нанести ему тяжкие увечья и вполне могли бы это сделать, но все обернулось иначе. К счастью для Касса, услышавший шум сосед ринулся выручать его и получил струю слезоточивого газа из баллона. Касс сумел забежать в дом, помятый, побитый и кровоточащий, но не получивший серьезных ранений. На следующий день все новостные каналы показывали его травмы, распинаясь на тему того, как ему повезло выжить, и взывая к оказанию большей поддержки таким людям, как он.

Через несколько дней в Кембриджшире был случайно обнаружен ряд предметов одежды, бейсбольные биты и вязаные маски. Тест ДНК показал совпадение с ДНК Бленкинсопа частиц на вязаной маске, а ДНК Касса совпало с волокнами на битах. Полиция, куда более заинтересованная в торжестве правосудия, чем в тот день, когда Land Rover переехал Стива Кристмаса, нанеся ему травмы, угрожавшие жизни, отправила арестовывать Бленкинсопа 70 офицеров. Два дня спустя ему предъявили обвинение в нанесении тяжких телесных повреждений. В выходе под залог ему было отказано. Подробная криминалистическая экспертиза позволила связать ДНК Бленкинсопа с другими инцидентами, и постепенно начала выстраиваться масштабная картина его ночных вылазок против угнетения животных. Следы ДНК были обнаружены на фрагменте латексной перчатки, оставленной на месте рейда в Ньючерче в предыдущем сентябре, а также на взрывателе устройства в одной оксфордской скотобойне. Учитывая скромные количества ДНК, имевшиеся у криминалистов, разумеется, существовала возможность, что полицейские просто манипулировали информацией, полученной от третьих лиц, но подкрепить подозрения им было нечем. Еще больше усугубил положение Бленкинсопа вывод криминалистов относительно того, что его ДНК совпадало с частицами на устройствах, с помощью которых были сожжены машины сотрудников HLS в августе 2000 года. Кроме того, волокна его куртки были идентичны тем, что удалось обнаружить на устройстве, прикрепленном к машине сотрудника HLS, который заметил его, прежде чем оно успело воспламениться.

Тщательное полицейское расследование выявило целый букет преступлений, которые можно было инкриминировать Бленкинсопу. После непродолжительных торгов адвоката с прокурором Дейв признал свою вину по всем пунктам и был приговорен к 18 месяцам за участие в краже 600 морских свинок, к 3 годам за нанесение тяжких телесных повреждений и к 5,5 годам за хранение зажигательных устройств. В общей сложности получалось 10 лет, и комиссия по досрочному освобождению не могла выпустить его до июня 2006 года. Это были хорошие новости для Брайана Касса и компании, но не решение их проблем. Их дела только ухудшились. Орден Британской империи, который государство вручило Кассу за сопротивление общественному давлению во имя опытов на животных, мало что смог для него изменить.

Спланированное насилие — это новый феномен. Оно не слишком распространено, его история небогата, и активисты не питают к нему особых симпатий. Любой сегмент общества прибегает к физическому насилию, но мы — реже, чем остальные. Не думаю, что это надолго, если учесть, что количество альтернативных вариантов для протеста стремительно сокращается.

Офисы SHAC и дома волонтеров постоянно подвергаются полицейским рейдам. Офицеры конфискуют компьютеры. Координаторов сажают в тюрьму. Власти на-

столько страстно хотели посадить кого-нибудь за подстрекательство после публикации в бюллетене кампании имен сотрудников HLS, что не поскупились потратить 1,2 миллиона фунтов на расследование дела и судебное разбирательство. Внимание полиции привлекла картинка, на которой был изображен Скуби-Ду под списком имен сотрудников компании. Заголовок гласил: «Кровь на их руках», а Скуби-Ду говорил: «Люди из HLS убивают животных. ВЗЯТЬ ИХ!». Развернутое расследование позволило привлечь Хизер Джеймс, Грега Эйвери и Наташу Доллмейн за изготовление и распространение бюллетеня. Они получили по году тюрьмы. Небольшая передышка, чтобы набраться новых сил. Полиция понимала всю катастрофичность произошедшего и призналась: «Больше мы не будем преследовать за подобное». Неужели после этого они обратили большее внимание на настоящие преступления, как того хотелось бы большинство из нас? Не смешите.

Национальная команда по борьбе с преступностью была вполне довольна тем, что заставила Почту Великобритании ликвидировать абонентский ящик SHAC и отказать ей в услугах. Это были временные трудности, которые не слишком помогли HLS. В 2003 году HLS и ее клиенты — особенно жизненно важные для бизнеса японские компании — подали в Верховный суд иски, требуя ввести запреты, удерживающие протестующих подальше от их собственности. Полиция уже получила широкие полномочия арестовывать людей за незаконные действия, но не настолько, чтобы не давать людям размахивать плакатами и говорить правду.

С давних времен в Англии свобода протеста считалась основополагающей частью нашей демократии. И перебранки между вивисекторами и активистами у входа в HLS были частью этой традиции. Но каким-то образом все ушло в прошлое. Демократию пустили с молотка. Индустрия вивисекции купила отсрочку от неумолимого давления общественного мнения. Даже в иске в Верховный суд было упоминание о блокаде A1, которую HLS трактовала как «причинение беспокойства». И теперь если вы подойдете к воротам HLS, Оксфордского университета и других эксплуататоров, вы можете навлечь на себя кару большого бизнеса, а в случае, если станете размахивать плакатом, вас, вероятнее всего, арестуют и посадят на пять лет. Демократическое право на протест, о котором мы столько слышим — это очередная ложь.

Точно так же нельзя печатать данные о «неприкосновенных лицах», то есть руководстве HLS, ее рядовых сотрудниках, клиентах и поставщиках, нельзя и писать статьи, направленные против них. Протестовать можно раз в неделю не более чем 12 людям одновременно на протяжении нескольких часов и только если вы заранее договорились об этом с полицией. Только попробуйте перешагнуть через новые, «усовершенствованные» границы протеста, разбив постоянный лагерь, используя мегафон или вступив в контакт с кем-то из «неприкосновенных лиц», ответственных за отравление животных до смерти! Государство раздавит вас, как букашку. И в этих словах нет ни лжи, ни пропаганды.

Запрет на упоминание «неприкосновенных лиц» не очень помог им, потому что не отвадил людей в масках от идеи снимать краску с машин сотрудников HLS или нападать на их дома. Более того, новые запреты еще больше обострили ситуацию. По словам подавленного управляющего директора HLS, «за последние шесть месяцев было совершено 54 атаки на автомобили, но больше всего нас беспокоит тот факт, что 28 из них имели место с начала января. Таким образом, они участились». Число нападений действительно утроилось. СМИ, как всегда, затрубили о том, что психи убивают всю надежду на чудесное исцеление человечества от любых болезней, портя машины руководителей и ослабляя позиции HLS. Это были призывы еще больше

ограничить протестующих и ужесточить для них наказания. Принимая во внимание тот факт, что теперь в тюрьме могли оказаться люди, участвующие в мирных акциях, вероятность концентрации активистов на нелегальных практиках существенно увеличилась.

В 1992 году HLS оценивалась в 500 миллионов долларов. К 2005 году она стоила уже 22 миллиона. Тот, кто вложил в компанию 4,5 тысячи в 1992 году, через десять лет получил 1,5 доллара! В 2004 году с HLS разорвали контракты более 100 партнеров. Citibank избавился от убыточных 10 миллионов акций, Чарльз Шваб¹ — от 5 миллионов, Merrill Lynch² — от 8 миллионов. У компании остались друзья только в правительстве, в индустрии отравления животных и в маленьком городке Хантингдоне. HLS залезла в долги на 100 миллионов и каждый день сражается за свое выживание несмотря ни на что.

В сентябре 2005 года Брайан Касс и президент компании Эндрю Баркер полетели в США, чтобы воссоединиться с другими руководителями HLS и увидеть, как компания переключается на Нью-Йоркскую фондовую биржу и официально станет американской. Они полагали, что годы финансовых волнений позади. Трясаясь от нетерпения, желая поскорее заглянуть в будущее и уже держа шампанское наготове, буквально за 45 минут до открытия торгов мужчины ощутили, как их мир рушится на глазах: им сообщили, что долгожданное событие отменяется из-за страха перед тем, что могут учинить активисты. Это был зрелищный крах HLS. Касс прокомментировал произошедшее для телекамер так: «Мы чрезвычайно разочарованы, расстроены, поражены. Мы просто лишились дара речи... Мы смотрели друг на друга и не могли в это поверить».

С тех пор было множество разоблачений — по меньшей мере шесть на сегодняшний день. Двое бывших сотрудников вызвались рассказать много всякого о происходящем в лабораториях. Они поведали о ранее неизвестных фактах фальсификации данных, жестокости к животным, пьянстве и полной, абсолютной некомпетентности и равнодушии персонала. В рамках серии секретных встреч с активистами SHAC всплывало все больше шокирующих подробностей:

«Как-то на вечеринке кто-то из патологоанатомов рассказывал о том, как он разрезал собачью голову и пилил кость, чтобы добраться до мозга, и как запах крови пробуждал в нем голод. Они признавали, что далеко не одну собаку бросили в мешок для мусора расчлененной. По ночам приезжали фургоны и забирали мешки, чтобы увезти и сжечь. Мне всегда было очень грустно, что их даже не сжигают целиком, а по частям...

Ученый взял собаку за загривок, подвесил ее и кричал, чтобы она слушалась. Затем ее положили на спину и взяли костный мозг из груди. Представьте, каково было бедняге. Двое ученых, с которыми я проводил эту процедуру, дали собаке недостаточную дозу анестезии, поэтому она скулила и дергалась. Я очень расстроился из-за этого. Они не давали анестезию, но продолжали.

Старший зоотехник, который продолжает работать в компании сейчас, ходит в паб в каждый обеденный перерыв, выпивает 3 или 4 пинты пива и возвращается на работу. Он также хранит выпивку в своем шкафчике на работе, и когда ему нечего делать, прикладывается к бутылке. Это грубое нарушение. А в зоне для курения он сидит прямо перед нами и открыто курит травку».

¹ Чарльз Р. Шваб (р. 1937) — американский бизнесмен, занимающий 67-е место в списке самых богатых людей США по версии Forbes. По состоянию на 2011 год его капитал оценивается в 4,7 миллиарда долларов.

² Merrill Lynch — крупный американский инвестиционный банк, в 2008 году приобретенный Bank of America.

Ответ властей был замечательным. Они не спешили открывать дело по фактам преступлений и нарушений в HLS, чтобы предотвратить дальнейшее пренебрежение правилами проведения якобы жизненно важных медицинских исследований; вместо этого в игру вступили детективы Особой службы, которые пригрозили информаторам тюрьмой или чем-то похуже, если они не закроют рты. Их даже заставили написать отказ от их подробных показаний. Разве могли дела HLS идти еще хуже?

Приматы и лаборатория

Есть солидные научные подтверждения того факта, что полученные в результате опытов на животных данные совершенно не достоверны в оценке влияния лекарств на пациентов и подвергают смертельной опасности как людей, так и животных.

Доктор Рэй Грик

С введением драконовских мер по сдерживанию протестных акций протеста против бизнесменов несогласные мало что могли сделать, чтобы помешать живодерам легальными средствами. Запреты затронули законопослушных протестующих. Полиция бесчинствовала. Что людям делать, если правительство отказывается обсуждать проблему, тем самым провоцируя вспышки противозаконного поведения? Что было делать всем небезразличным к центру разведения животных в Ньючерче, когда суд выдал предписание, запрещающее им находиться в радиусе 30 км от предприятия?

Отказ властей законодательно предусмотреть более надежную защиту для животных, поднять вопрос о нужности опытов на животных и позволить людям выражать свои антививисекционные взгляды не только не улучшил положение HLS, но и принес в жертву многих других участников индустрии, в том числе разводчиков из Ньючерча. Аналогичные процессы сейчас идут в Оксфорде, где разворачивается беспощадная битва между правдой, честностью и прогрессивными медицинскими исследованиями (или, если вам угодно, бандой склонных к насилию экстремистов) и горсткой лгущих палачей, желающих мучить как можно больше животных. Поджигатели и другие приверженцы акций прямого действия, атакующие Университет, утверждают, что они вынуждены идти таким путем из-за недостатка дебатов и закрытости вопросов, касающихся опытов на животных. Исследователи отвечают, что хотят подобных дебатов, но боятся высказаться, потому что считают, что оппоненты нацелены не на диалог, а на терроризм.

В Кембридже Университетский совет подал заявку на разрешение открытия новой лаборатории по изучению приматов за городом. Лаборатория в деревне Гиртон стала большой проблемой для тех, кто имел шкурный интерес в экспериментировании на животных, а также для тех из нас, кому было не наплевать на исключительное насилие, применяемое для получения результатов подобных исследований: лаборатория специализировалась на нанесении повреждений мозга обезьянам. Однако гиртонский проект потонул, даже не начавшись. Вопреки мерзопакостному вмешательству верхушки правительства и горам небывалой лжи, сопровождавшей заявления о пользе вивисекции для медицинского прогресса, планы превратить пустынную ферму в Гиртоне в крупнейший в Европе центр исследований мозга дважды отвергались местным Советом, после чего в конце 2003 года были вынесены на общественное обсуждение.

Против выступали все: полиция не хотела, чтобы появилось еще одно место, которое придется защищать от неизбежных протестов; Совету не нравилась идея застроек в зоне зеленых насаждений и перспектива хаоса, который принесут с собой активисты; у зоозащитных групп и ученых имелись еще более веские причины не давать добро на запуск проекта. Для руководства Университета открытые дебаты были малоприятны ввиду того, что все 3 тысячи академиков и административных работников узнали подробности относительно проекта, за который они проголосовали

три года назад. Тогда Университетский совет забыл упомянуть, что лаборатория будет заниматься экспериментами в области мозга на обезьянах. Когда разразился скандал, детектив университета расследовал дело и пришел к выводу, что совет «не раскрыл правду» в своей заявке. Открытое разбирательство привело к тому, что доводы противников были услышаны. Последовало решение запретить строительство центра и закрыть проект.

Ничего себе — демократия сработала! Все решили, что если дело пойдет такими темпами, то для ФОЖ и ему подобных групп попросту не останется работы. Но тут появился самозванный нейробиолог Джон Прескотт. Лейбористское правительство, ведомое в данном случае крупнейшим финансистом-миллиардером, защитником вивисекции, генетически модифицированных продуктов и биотехнологий лордом Сэйнсбери¹, решило, что британские вивисекторы должны иметь под рукой столько животных, сколько они захотят. Прескотт, не колеблясь, отклонил решение инспектора, закрывшего проект, объяснив это тем, что открытие лаборатории «очень важно для национальных интересов». Таким образом, университет получил разрешение, хоть и через другое окно, а лейбористы в очередной раз продемонстрировали, что демократия в Великобритании — это подлог.

Несмотря на все махинации, Кембридж отверг помощь правительства ввиду того, что расходы на меры безопасности стали серьезной проблемой. Здесь сказались и тарахтенье СМИ о «буйствующих экстремистах». Расходы выросли на 25 % до 32 миллионов фунтов. Примечательно, что это случилось еще даже до того, как был заложен фундамент лаборатории. Это заставило университет отказаться от проекта, просто потому, что они не могли «взять на себя финансовые риски подобной величины».

Так движение за освобождение животных одержало еще одну значительную победу. Очень иронично, что действия меньшинства, пообещавшего угнетателям животных нарушение общественного порядка, позволили добиться того, чего не смогло добиться официальное открытое разбирательство. Совместное крушение демократических процессов и лгущих, своекорыстных политиканов урезало возможности транснациональных корпораций и склонило чашу весов в пользу противников вивисекции.

Но, даже преодолев это препятствие, мы узнали, что с лабораторией все еще не покончено. По информации, просочившейся в Кампанию за прекращение экспериментов на приматах в Кембридже (изначально SPEAC и впоследствии SPEAK) от симпатизирующего зоозащитникам человека внутри системы, в марте 2004 года начались строительные работы у Проезда Саут-Парк² в Оксфорде. Выяснилось, что строившаяся там лаборатория для приматов должна была заменить ту, что так и не открылась в Кембридже. Очевидно, этот запасной сценарий обсуждался заранее. Руководство Оксфорда опустилось до того, что принялось скрывать факты и отрицать проведение строительных работ или своей связи с ними. И действительно, в офисе местного совета таинственным образом были недоступны документы о строившейся лаборатории.

Изначально ни о каких животных не упоминалось вообще; потом, после того как руководителям университета был задан вопрос в лоб, они ответили, что

¹ Дэвид Сэйнсбери (р. 1940) — британский политик и бизнесмен. Пожизненный пэр в Палате лордов, член Лейбористской партии. Обладает капиталом в 1,3 миллиарда фунтов.

² South Park Road — дорога в крупнейшем парке в черте Оксфорда, вдоль которой располагаются здания научно-исследовательских учреждений, относящихся к университету.

98% работ будут проводиться на грызунах и что предприятие станет скорее «отелем» для животных, чем лабораторией. Оно позиционировалось как место, где животные смогут побыть, прежде чем отправятся на «работу» в другие места. Правда оказалось совершенно иной, и Оксфорду пришлось признать это. Новое здание (в случае, если бы его все-таки построили) должно было стать одновременно центром разведения приматов и лабораторией, которая бы проводила, в числе прочих, низкопробные инвазивные эксперименты на мозгах обезьян, аналогичные тем, чью подноготную BUAV обнаружил в 2002 году после посещения активистами лаборатории Кембриджа.

Расследователи выяснили, что вивисекторы учили мартышек выполнять трюки, а потом удаляли или отравляли токсинами части мозга, заставляя выполнять все больше заданий и наблюдая за тем, как на животных сказывается причиненный вред. Это было как «снять крышку» — так один исследователь черство описал разрезание пристегнутых черепов маленьких обезьян электропилой». «Управляемые» страдания — вот как классифицировало правительство эти эксперименты, приводившие к боли, стрессам, кровотечениям, судорогам, рвоте, дрожи, аномальным телодвижениям, выкручиванию головы, потере дееспособности, недостатку ухода за собой и замешательству, сопровождаемому бессмысленным выражением лица — или, как описал это сам исследователь, «птичками перед глазами».

SPEAK была организована, чтобы сдержать вивисекционную одержимость Оксфорда. Начиная с 2004 года сотни протестующих митинговали на улицах города, и многим из них после этого запретили посещать Оксфорд. Но поскольку правда о лаборатории просочилась, а построен к этому времени был только каркас здания лаборатории, университет знал, что находится в уязвимом положении. Знали это и в SPEAK. Активисты связались с поставщиком стройматериалов Travis Perkins, объяснили ему предназначение строящегося здания и предложили переосмыслить свое участие в проекте. Через несколько дней компания дала заверения в том, что больше не будет осуществлять поставки на место строительства. Это был еще один удар по университетскому проекту. Начались демонстрации, полиция вела себя бестактно, их сборщики информации фотографировали лица протестующих. Одну женщину средних лет арестовали за шокирующее преступление — она была в барабан перед бетонным офисом поставщика бетона RMC. В момент совершения своего злодеяния она стояла на тротуаре рядом с разделительной полосой оживленной дороги на перекрестке, и ее обвинили в «сознательном причинении беспокойства и тревоги» сотрудникам в здании. Ее отпустили, сказав, что она должна будет вернуться в участок, когда офицеры «расследуют» это дело, но обвинения так и не были предъявлены. Аресты, подобные этому, происходили повсеместно.

Затем проблемой занялся ФОЖ, поставив университет в безвыходное положение. Активисты сфокусировались на подрядчиках — строительной фирме Montpellier и поставщиках бетона RMC. Активисты сожгли три экскаватора RMC на каменоломне в Суррее и испортили десяток транспортных машин для землеройных работ и других единиц техники в Дорсете. Параллельно акционеры Montpellier получили по письму якобы от президента компании, который предупреждал их об «активности движения за права животных», в случае если они не продадут свои акции. Отголосок на фондовой бирже был легко предсказуем. В тот день их акции упали на 19%. В течение пары месяцев обе компании заявили об уходе из проекта.

Для Оксфорда это стало последней каплей. На балансе университета висело мертвым грузом недостроенное здание, которым некому было заняться, и подъемный кран, на увоз которого требовались 10 тысяч фунтов. Издержки неуклонно рос-

ли. Последовала очередная серия истерических припадков в СМИ. Премьер-министр заверил лорда Сэйнсбери, что в случае если будущие подрядчики не смогут закончить строительство объекта, для их защиты можно будет привлечь армию. Лорд Сэйнсбери заявлял: «Мы позаботимся, чтобы здание было построено». Отчаявшись привлечь новых подрядчиков в Оксфорд, университет обратился в Верховный суд, требуя запретить кому бы то ни было протестовать против «неприкосновенных лиц» — сотрудников и учащихся университета и колледжей, их семей, прислуги и агентов, сотрудников и акционеров подрядчиков, их семей, прислуги и агентов, а также любых людей, возжелавших посетить лабораторию или другие помещения университета или дома, принадлежащие или занимаемые неприкосновенными лицами. То есть, донимать нельзя было никого вообще!

Судья отверг дополнительные заявки, которые были поданы с целью получить постановление, запрещающее въезд протестующих в Оксфорд, любые контакты с кем-либо, участвующим в вивисекции в университете, использование мегафонов и свистков на еженедельных акциях протеста, проводимых на улицах у лабораторий. Однако выданный ордер классифицировал всякого, кто попадал под условия запрета, как протестующего и запрещал таким людям все вышеизложенные проявления протеста, а также приближение к месту строительства ближе, чем на 50 метров. Разрешалось протестовать здесь каждый четверг, в промежутке между 13:00 и 17:00, и все акции должны были проходить строго в «определенной зоне».

Запреты на протесты были настолько широкомасштабными, что полиция могла даже арестовать кого-то из неприкосновенных лиц, когда те шли на работу, если бы офицеры внимательно вчитывались в текст ордера. Потенциал этих запретов был огромен. Они оказали немедленное влияние на участников кампании, сделав невозможной всю легальную деятельность и потратив деньги жалобщиков — а на самом деле деньги налогоплательщиков — на разработку и утверждение толстых кип документов. И мы все еще станем ругать тех, кто прибегает к прямому действию? Почему тогда так мало говорится об отказе в праве мирно протестовать? Никто из тех, кто называет нас «экстремистами», ни разу не возмутился по этому поводу. Джон Стайн¹, август 2004 года:

«Обезьяны очень любят различную активность и хорошо играют. В нашем отделении большие клетки, звери счастливы. Они буквально запрыгивают в клетки, потому что их очень возбуждают задачи, которые они выполняют. Они видят друг друга, общаются и смотрят телевизор. По сравнению с их сородичами в дикой природе у них шикарная жизнь. Дикая макаки-резусы доживают до 12 лет, а некоторые из наших — до 25–30. Что бы вы предпочли — переживать, как бы вам не откусил голову бабуин, или смотреть телевизор? Они обожают телевидение, мне говорили, что они особенно любят мыльные оперы, и я убедился, что они ими действительно очарованы». Похоже, это не обезьянам нужно проверять мозги...

Работа в Оксфордском университете, наконец, возобновилась в ноябре 2005 года после 17 месяцев бездействия. Но за закрытыми дверями велись тайные переговоры о том, как обезопасить жизнь строительных подрядчиков. Руководство университета держало детали в секрете. Но ведь тайное всегда становится явным.

¹ Джон Стайн — оксфордский профессор, не один десяток лет изучающий неврологию на обезьянах. Его эксперименты затрагивают анатомию, физиологию, генетику и даже стволовые клетки. Одно из его исследований называлось «Нарушения движений, боль и дислексия», другое — «Визуальный контроль над движениями глаз и конечностей животных, неврологические пациенты и дети-дислексики».

Рабочие принялись за дело. Все они были в вязаных масках и скрывали номера своих машин. Им хорошо платили и обещали премию по окончании. Но разведка донесла, что рабочих разместили в разваливавшемся колледже пожарной охраны в соседнем графстве вопреки желаниям его тогдашних жителей. Следующий запрет коснулся протестов уже в этом месте. Параллельно полиция арестовывала протестующих ни за что, в дальнейшем выдвигая суровые условия освобождения под залог и запрещая пересекать черту города.

Десятки экспертов по безопасности, включая бывших служащих Особой воздушной службы¹, участвовали в контрразведывательной операции по защите ключевых сотрудников подрядных компаний, но это было еще ничего. Правительство сочло приемлемым потратить 100 миллионов фунтов, некогда принадлежавших налогоплательщикам, чтобы расплатиться по счетам за строительство лаборатории! И так, без ведома общественности вивисекция в Великобритании процветает на деньги граждан. В противном случае ее развитие уже было бы невозможным.

Существует заговор, направленный на то, чтобы сокрушить движение за освобождение животных и любыми средствами запустить злополучный проект. Линия фронта прочерчена, и дурацкое решение укрепить вивисекцию в Оксфорде в этой стратегической точке, судя по всему, еще долго будет дорого обходиться университету.

¹ *Special Air Service* — подразделение британского спецназа.

Морские свинки и покойница

Может, они и любят животных, но они до чертиков напугали нашего кота Уинки.

Разводчик лабораторных зверей в интервью, после того как в его доме разбили окно

В октябре 2004 года тело Глэдис Хаммонд под покровом ночи извлекли из могилы (и давайте внесем ясность, поскольку СМИ не удосужились это сделать: тело извлекли неизвестные лица) в деревне Йоксхолл в Стаффордшире, о существовании которой, если бы не это происшествие, никто бы никогда не узнал. В стране поднялся неистовый крик. Это было гнусное преступление — худшее из худших. Нечто настолько извращенное, что было за гранью понимания, но дало волю ненормативной лексике. Это было преступление, свидетельствовавшее о том, что наши края захлестнул экстремизм. В последующие годы журналисты рвали глотку, подначивая нацию на все большую озабоченность давнишними останками родственницы человека, который предпочитал зарабатывать на жизнь разведением и убийством животных.

Никто при этом не вспоминал обо всех тех существах, которых он убивал. А как насчет людей, которые потеряли любимых, друзей или членов семьи в результате приема опасных для их здоровья препаратов, тестируемых на тех самых животных, которых разводил Крис Холл? Спрашиваете ли вы, подобно мне, как, черт подери, вышло, что по-настоящему гуманистическая концепция сострадания и заботы о ближних перевернулась и приравнивала серьезные физические и эмоциональные страдания к ненадлежащему причинению ущерба? Может, это такой пропагандистский трюк?

И никого при этом не волнует, что эксперты (в том числе те, кто продолжает ставить опыты на животных) доказали, что вивисекция — это рискованная, ущербная и жестокая практика. В июле 2004 года экспериментирующий на обезьянах Стивен Суоми из Национального института детского здоровья и развития человеческого потенциала сказал в интервью для *New Scientist* следующее: «Пробовать на одном биологическом виде лекарство, испытанное на другом — это всегда опасно». Заставляет задуматься, почему же тогда «исследователи» до сих пор продолжают этим заниматься? Для некоторых это вопрос дурной привычки, для других — тяготы жизни (кредит по ипотеке, жена с детьми на шее), для третьих — возможность проявить себя в бизнесе, хороший способ увеличить доходы (чтобы покупать яхты, острова и правительства).

На то, чтобы закрыть ферму, ушло 5,5 лет. Разграбление могилы поставило в деле жирную точку. Кампания за спасение морских свинок из Ньючерча (SNGP) началась вслед за освобождением животных налетчиками ФОЖ в сентябре 1999 года. Решение активистов облюбовать ферму стоило местным правоохранительным службам 2,25 миллиона. Финансовая стоимость рейда была ничтожна для преуспевающей деловой семьи, разводящей полчища грызунов. Без лишних раздумий жадные братья Холл убили тысячи животных, оставшихся на ферме после рейда, только потому что их цена на рынке снизилась после обнаружения видеозаписи, свидетельствовавшей об антисанитарных условиях содержания. Тем не менее атака произвела эффект грубого пробуждения на семью, настолько тонувшую в мире эксплуатации животных, что никто из ее членов даже не задумывался о том, что права животных могут приниматься в расчет.

Семья Холлов процветала. Все их предприятия были машинами для заработка денег, угнетающими животных. У них была ферма интенсивного разведения индеек, молочные коровы и другой скот на мясо, они вкладывали солидные деньги в вивисекцию — в частности 50 тысяч акций HLS. Словом, эти люди чихать хотели на страдания животных.

Ферма в Ньючерче была очевидной мишенью кампании, подобные которой успешно проводились в последние годы, но действительно ли «расхитители гробниц» зашли слишком далеко, как сказали некоторые комментаторы, предположив, что эти люди оказали движению медвежью услугу? Отбросили ли они нас на 10 лет назад, отвернув общественность от идеалов освобождения животных, или сделали то, что никто не мог и не хотел сделать — нечто неординарное? Может быть, именно это происходит, когда людей загоняют в угол? В любом случае мы должны помнить, что это был единичный случай, и за него не несло ответственности все движение, многие представители которого сами не одобряли сделанного. Это был стратегический шаг — скорее отчаянный, чем извращенный; возможно, чернушный, мерзкий; если угодно, аморальный, асоциальный, неразумный и грубый. Необходимо расставить все по своим местам: люди, совершившие этот поступок, не были злыми чудовищами.

В течение нескольких лет после рейда в 1999 году по мере того как протестное движение вокруг фермы разрасталось бизнес Холлов сократился до разведения одних только морских свинок, потому что поддерживать все прочие направления деятельности становилось все менее прибыльным делом (расходы на меры безопасности росли слишком быстро). Это была тактическая ошибка. Если бы они отказались именно от разведения грызунов, оставив остальных животных, активисты и группы, сосредоточенные на борьбе с вивисекцией, вполне возможно, оставили бы их в покое. Однако упрямая до мозга костей семья с самого начала дала понять, что их не переубедить никак и никогда. «Морские свинки нашенькие!»

Однажды у меня выдался длинный разговор с Крисом Холлом. Он думал, что я — отец, обеспокоенный участием дочери в группе зоозащитников. Холл был злобным человеком с холодным сердцем; он не пытался убеждать меня в преимуществах вивисекции — казалось, он не мог сказать ничего, кроме того, что она спасает жизни и что вместо того, чтобы говорить начистоту «обо всех этих отморозках, хулиганах и тунеядцах», он рекомендовал мне «держатъ дочь от них подальше». Даже после нескольких лет неумолимого давления, затронувшего все аспекты империи Холлов, включая семейные связи и деловые контакты, их социальную жизнь и даже их бизнес-окружение, они продолжали разводить и поставлять лабораториям морских свинок просто в знак сопротивления. Плюс, это все еще было прибыльно. Они заявляли о своей озабоченности продолжением медицинского прогресса, но после стольких лет не знали ровным счетом ничего о лечебной ценности вивисекции. Свыше десятка сотрудников были вынуждены уволиться из-за постоянных публичных унижений и домогательств. Другие продолжали упорно баррикадироваться дома, укрывшись за камерами наблюдения, ставнями и стальными решетками. Холлам тоже приходилось несладко. Активисты перерезали телефонные провода и линии электропередач, что доставляло дискомфорт не только им, но и их соседям. Война с фермой легла в основу ряда телевизионных документальных фильмов, новостных эксклюзивов и ужесточившегося законодательства, призванного закрыть непослушным рты.

Самым значительным актом возмездия в отношении семьи Холлов стала кража скелета тещи братьев-предпринимателей. Этот поступок спровоцировал волну медиа-истерии, какой доселе не бывало. Обыватели представляли все движение за

освобождение животных осквернителями могил, хотя ни один активист не одобрял это страшное преступление. Полиция набросилась на зоозащитников и использовала это событие, чтобы потребовать большего контроля над протестами у фермы, а также большей защиты для вивисекторов. СМИ извернулись, возложили ответственность на все движение и забили тревогу, жаждая подавления оппозиции государством.

Поначалу движение считало, что совершенное преступление было подстроено Холлами, чтобы снискать симпатию правительства или поддержку индустрии. Правда заключалась в том, — и помните, что до сих пор еще никого не обвинили в той «краже» — что это был фокус, направленный на обострение вопроса фермы и форсирование ее закрытия. Люди, совершившие столь радикальный шаг, страстно желали сдвинуть дело с мертвой точки и мыслили при этом очень оригинально. Можно даже сказать, что это был не совсем здоровый прием, примененный головорезами. Но он сработал.

Вне зависимости от того, каких взглядов придерживались СМИ, после расхищения могилы они уже не отпускали тему фермы Холлов и выделяли ее среди других. Страница за страницей журналисты осуждали все, что имеет отношение к правам животных. Они писали злопыхательную клевету на известных активистов, никак не связанных с какими-либо инцидентами кладбищенских грабежей. Они стряпали грязные передовицы и давали комментарии журналистов, которые каким-то образом внезапно стали экспертами, способными делать авторитетные заявления о вивисекции, тогда как любой человек, чьи взгляды отличались от их мнения, автоматически становился погостным стервятником. Опрос, проведенный The Telegraph, выявил, что теперь куда большее число людей поддерживало опыты на животных, и все из-за поднявшейся шумихи. Примечательно, что при этом защитники экспериментов настолько отчаялись, что мобилизовали все силы на тиражирование тривиальных глупостей, стремясь оправдать свое гнусное поведение.

На слушаниях Верховного суда, в который Холлы обратились с предложением купить запрет на протесты не только возле фермы, но даже в деревне и ее окрестностях, неоднократно звучали упоминания о разграблении могилы. Полиция использовала инцидент, чтобы производить аресты подозреваемых, причем делалось это как раз в часы слушаний в суде, после чего выходили официальные пресс-релизы, старательно перепечатываемые прессой. Полиция и СМИ трудились изо всех сил, возбуждая страхи предположениями о том, что следующим шагом расхитителей гробниц может стать порционная отправка костей семье или их демонстрация в общественном месте.

Неизвестно, о чем думали люди, своровавшие останки, но если они намеревались испытать фермеров на прочность, то они очень преуспели. «До сегодняшнего дня мы были стойкой семьей, настоящими британцами», — сказал один из членов клана. «Мы отказывались сдаваться перед лицом того, что считаем терроризмом. Но когда случается нечто подобное, это заставляет задуматься. Для нас сейчас очень волнительное время». Кто-то знал ахиллесову пяту Холлов; знал имя и расположение могилы Глэдис Хаммонд на кладбище; и даже знал, насколько сильно этот инцидент подействует на семью.

Это было исключительным событием, которое мало кто был в состоянии вынести, но СМИ, спекулировавшие на предположениях о том, кто станет следующей жертвой и как это произойдет, заслуживают благодарности зоозащитного движения, потому что именно они напустили страху. Угнетатели животных получили намек, что лучше бы им кремировать своих усопших родственников.

Лично я не понимаю, откуда столько шума, зато знаю множество страшных преступлений, совершаемых против живых людей и животных, — они, по моему мнению, куда больше заслуживают крикливых заголовков. Разве люди не выкапывают постоянно тела мертвых, чтобы освободить пространство под застройку, порой перенося целые кладбища? Разве археологи не вытаскивают мумий из гробниц вместе со всем имуществом и не распикивают их потом по музеям, где они лежат у всех на виду под стеклом, что нарушает строгие религиозные убеждения нашей культуры? Разве «наши мальчики» в Ираке не играют в неистовстве в футбол черепами местных жертв? Кто помнит, чтобы СМИ хоть раз сокрушались по этому поводу?

Простор для спекуляций, конечно же, был небольшим. Это выглядело в лучшем случае лицемерием. Выкапывание тела давно умершего человека — это не то, что я считаю приемлемым для себя или берусь поощрять, но, безусловно, столь критические акции ставят нас перед вопросом: почему находятся люди, считающие необходимым заходить так далеко? ARM прислала Холлам требования, предлагая вернуть кости в обмен на закрытие фермы.

Я давал интервью журналистам по поводу этого инцидента и неоднократно стремился увести разговор от порицания активистов и обсуждения того, как мы могли докатиться до подобного; я пытался обратиться к сути проблемы и побеседовать о настоящем насилии, о замученных душах в клетках, о четвертом по числу жертв убийце на Западе — лекарствах, тестируемых на животных; лекарствах, которые только в Соединенном Королевстве уничтожают 10 тысяч человек каждый год. По 40 душ в день! Насколько часто упоминается этот факт?

Пока все сокрушались об украденных костях, болеутоляющее Vioxx, рекомендованное к приему при артрите (и снятое с продаж в том же году), привело к 320 тысячам сердечных приступов у обычных людей, убив 140 тысяч из них, а вина за это лежала, видимо, на борцах за права животных. Или все же виновата была Merck? В любом случае едва ли мы знаем об этих жертвах больше, чем о смехотворной катастрофе, обрушившейся на братьев Холл. Журналисты и комментаторы заявляют о высших моральных правах, отстаивая превосходство людей над другими биологическими видами, но посмей кто подчеркнуть урон, который вивисекция наносит и животным, и нам, как сразу выясняется, что эти люди не хотят ничего знать и предпочитают говорить об акциях так называемых экстремистов, которые до сих пор никого не убили. Это совершенно бессовестно.

Команде из 30 полицейских было поручено вернуть кости. К их расследованию все относились, как к делу об убийстве, но с самого начала улик было немного, поэтому все, что смогли сделать детективы — это проверить наиболее вероятные места нахождения останков, допросить наименее вероятных подозреваемых и признать, что арестовать осквернителей получится едва ли. Полиция выделила 200 офицеров, чтобы рыться в земле в лесах в районе кражи костей через несколько дней после того, как подозреваемые побывали на кладбище. Разумеется, стражи правопорядка очень испачкались и потратили время впустую, поэтому власти предложили четырехзначную сумму за информацию, способную привести к нахождению костей.

Любопытно, что троих из четырех изначально арестованных людей должен был коснуться запрет на протесты возле фермы, что прибавило веса юридической заявке на ордер, так как эти люди были опасны для фермы, ее обитателей и спутников. Один из арестованных был очень тесно связан с SNGP, у другого была своя история четырехлетней давности, тоже касавшаяся могилы, но он уже перестал сражаться с угнетением животных и даже открыто предлагал донести на осквернителей. Тре-

твией арестованной было за 60, и она боролась с раком. Полицейские не располагали никакими сведениями, которые могли связать подозреваемых с преступлением; на самом деле, у них имелась информация, опровергавшая возможность причастности этих людей. Их отпустили, и дело осталось открытым. Холлы сказали, что подумают о своем будущем, когда им вернут кости, но признаков подобного поворота дела не наблюдалось и, учитывая вранье, присущее угнетателям животных, едва ли кто-то поверил в их искренность.

Поэтому Холля, задетые всей этой историей и будучи на нервах, в следующем августе наконец выступили с долгожданным заявлением о закрытии фермы, вина кладбищенских воров в невыносимом эмоциональном давлении. Этой новости ждали десятки тысяч человек. Лично меня ничуть не тронула история с кражей костей, но, услышав про закрытие фермы, я разволновался. Я не чувствую себя виноватым в том, что мне глубоко небезразлична судьба живых существ и не слишком интересны чувства бессердечных чудовищ, которые ежедневно причиняют страдания. Глэдис мне тоже не жалко: она давно мертва.

Пресса была куда меньше рада тому, что еще один центр эксплуатации закроется навсегда, и талдычила все то же, что и прошлой осенью, вороша потертые бумажки, словно только что кто-то раскопал еще одну могилу. Эта суматоха с порицанием «экстремистов» отлично укладывалась в планы лейбористов представить новое законодательство, касающееся терроризма, направленное против бомбистов поездов¹, но затрагивающее и борцов за права животных. Вивисекционная индустрия была очень довольна новыми правилами. Отныне подозреваемых можно было держать за решеткой на протяжении трех месяцев без предъявления обвинений, пока содержимое жесткого диска их компьютеров изучается на предмет свидетельств о симпатиях разорителям лабораторий или на наличие планов о демонстрациях. Кроме того, вторжения в лаборатории теперь считались терактами и карались тюремными сроками до 7 лет.

Холлы тем временем взяли несколько месяцев на то, чтобы свернуть все дела на ферме и гарантировать благосостояние морских свинок. То же самое утверждал хозяин фермы Шемрок, прежде чем отправить животных в лаборатории на пытки. Холлы просили, чтобы им вернули останки, коль скоро ферма закрывается. Этого не произошло и спустя несколько месяцев полиция арестовала троих людей, обвиняя их в шантаже. Им же приписывали разграбление могилы — на основании того, что они были среди тех, кто выступал за закрытие фермы. В результате четверо человек были обвинены в участии в компании за закрытие фермы. Это трактовалось как шантаж. Несмотря на то, что все улики, касавшиеся участия этих людей в маломасштабных акциях ФОЖ и их роли в абсолютно легальной кампании, были косвенными, им грозило свыше 5,5 лет тюрьмы.

Подозрительный контакт в мобильном телефоне, подробная информация о Холлах в компьютере и неподтвержденные косвенные доказательства, окружавшие волну акций прямого действия, каким-то образом нарисовали картину «заговора шантажистов», в котором якобы участвовали подсудимые. Какими бы незначительными ни казались улики, они позволяли приговорить людей. Адвокат советовал признать свою вину, в противном случае его подзащитные рисковали получить по 14 лет. Все четверо последовали совету. Как выяснилось, зря.

¹ Введение превентивных и карательных мер в законодательстве, как это часто бывает в подобных случаях, стало реакцией государства на серию взрывов в метро и автобусах Лондона в июле 2005 года.

Джон Смит, Джон Эблунг и Керри Уитберн получили по целых 12 лет в мае 2006 года, а девушка Уитберна Джозефина Мэйо — 4 года за соучастие. Судья отметил, что он прочитал 38 заявлений жертв, атакованных в ходе кампании. Вот что он сказал подсудимым:

«Заявленной вами целью было вывести из бизнеса семью Холлов, в связи с чем вы нападали на них, их сотрудников и их семьи. Вы нападали на людей, которых связывали с ними деловые отношения, вы нападали на их друзей. Вы нападали на паб, на гольф-клуб и юристов, стремясь изолировать семью Холлов финансово и социально. Совершенно очевидно, что во многом вы разрушили жизни этих людей на годы или, возможно, навсегда».

Судья не сделал скидку на признание подсудимыми вины или смягчающие обстоятельства, включая тот факт, что все они отрицали свое участие в разграблении могилы. За именем Джон Смит скрывался Джон Хьюз — просто он взял псевдоним, прячась от властей. Он был ключевой фигурой для детективов, расследовавших дела, связанные с ФОЖ, на протяжении многих лет. Он вполне мог ожидать тюремного срока в случае поимки, но 12 лет за несущественные правонарушения в виде саботажа свидетельствуют о явно низком уровне, отводимом нашей системой правосудия живым созданиям и цене, которую платят люди, борющиеся с вивисекцией.

То, чего добилась Ньючерчская Четверка и другие участники кампании, как ни печально, затмила история с разграблением могилы, но без нее куда более зловещая тень — тень фермы Холлов — оставалась бы на своем месте.

Полиция обнаружила останки Глэдис Хаммонд в мае 2006 года по наводке Смита, которому, по его заверениям, кто-то сообщил об их местонахождении. Годом спустя суд отверг апелляцию против несусветного приговора, вынесенного обвиняемым.

Уикем: заговор против ботокса

*Почему люди смеются над тем, что политики все время лгут?
Мы должны быть злы на них.*

Барри Хорн во время голодовки в 1998 году

И снова Уикем!

Со временем здешняя лаборатория стала считаться неприступной из-за ее известности, статуса и мер безопасности. Комплекс располагался в центре изящной консервативной хэмпширской деревушки Уикем и был жертвой ранних рейдов в 1980-е и мишенью протестов позднее. С течением времени лаборатории суждено было послужить причиной крупнейшего скандала.

О ней узнали в 1981 году, когда активисты ФОЖ освободили свору биглей из конур однажды вечером. Снятое в ходе акции видео впоследствии стало мощным документальным свидетельством против вивисекторов. В следующий раз о лаборатории заговорили после рейда SEALL в 1984 году, когда активисты расследовали использование вивисекторами украденных домашних животных. В начале 1990-х в лабораторию устроился работать зоозащитник. Он собрал достаточно сведений, чтобы впоследствии уличить персонал в зверствах и преступной халатности, которые там были обычным делом.

Руководство компании ничего не делало, чтобы улучшить свое положение. Сотрудники купировали хвосты на территории комплекса, регулярно атаковали протестующих, раздававших листовки, и обращались к RSPCA с просьбой передавать им на опыты бродячих собак, обреченных на усыпление, чтобы они принесли хоть какую-то пользу! Вдобавок ко всему глава лаборатории Уильям Картмелл предлагал юридическую помощь людям, обвиняемым в жестокости к животным или пренебрежительном отношении к их содержанию. Более того, в 2003 году пошли слухи, что в Уикеме на зверях тестируют косметику, а это к тому времени в Великобритании уже было запрещено¹. Зоозащитный мир жаждал разоблачения негодяев.

Мы с одним коллегой решили осмотреться на местности и с наступлением темноты проехали по деревне. Мы быстро поняли, что репутация лаборатории была куда страшнее, чем ее меры безопасности. Нам требовалось доказать, что вивисекторы применяют запрещенный тест LD50, это было главной задачей. Мы проследили, как сотрудники приходят и уходят в разные часы. Пару раз посчастливилось пробраться по крышам зданий ко Второму виварию рядом с местом, где персонал появлялся среди ночи, чтобы убивать маленьких грызунов, а потом уходил. Мы были так близко, что могли слышать, как они разговаривают и смеются. Они были прямо под нами. Если бы мы были такими людьми, какими угнетатели животных нас представляют обществу, мы могли бы без особого труда нанести этим людям тяжкие телесные повреждения — например, аналогичные тем, что они наносят другим существам, куда менее способным защититься.

Но вместо членовредительства мы сосредоточились на сборе сведений и спасении животных. Мы сели составлять план проникновения, решив, что, как и прежде, пройдем по крышам, когда все покинут территорию, и исчезнем до того, как сотрудники вернутся. Выбрать подходящее время для прорыва оказалось самой большой

¹ Запрет на тестирование косметики на животных в Соединенном Королевстве был введен в 1998 году.

головной болью, потому что график работы в лаборатории был беспорядочным. Мы могли заполучить два часа или даже шесть, в разгар которых заявился бы полицейский патруль. Впрочем, волноваться об этом не стоило, потому что они просто подъезжали ко входу, разворачивались и уезжали.

Стояла середина декабря 2003 года. «Том», «Джерри» и Кит были наготове. Мы оставили машину для погрузки в надежном месте, заранее изучив все варианты. Нам требовалось поработать над оградой, чтобы обеспечить уход с территории вместе с животными. Этим местом было пространство за старым зданием ветеринарной лечебницы Уикема, на которое не открывался вид ни из одного из соседних домов. Стоянку и лабораторию на нашу удачу разделяли сенокосные угодья, откуда можно было следить за происходящим и спокойно уйти, не будучи замеченными.

Нам нужна была ночь с «бурной» погодой, чтобы закамуфлировать шум, который мы неминуемо собирались создать, проделывая дыру в торце крыши посредством демонтажа деревянной панели. Проникновение через крышу — это всегда вопрос удачи. Однажды я снял кровельное покрытие, но не смог проникнуть внутрь здания из-за того, что здание было до отказа набито старыми клетками, и сдвинуть их, чтобы нормально пробраться внутрь, не представлялось возможным. В другой раз под деревянной кровлей оказалась кирпичная кладка! Выяснить, все ли в порядке у нас с этим в Уикеме, предстояло в последнюю минуту. Крупнейшей трещиной в довольно хорошо продуманном плане был тот факт, что я уже стал приметной фигурой. Я был под наблюдением, и меня видели в этих местах накануне назначенного прорыва.

Том, Джерри и я прошли по крыше со всеми необходимыми для взлома инструментами (гаечными ключами, фонариками, ломом, отвертками, кусачками, пилой и т. д.) и тремя рюкзаками, полными больших мешков, в которых мы собирались унести животных и все ценное, что обнаружим внутри. Для животных уже было заготовлено безопасное укрытие. Погода стояла хорошая. После трех часов выжидания в поросли на лугу наши нервы были на пределе. Мы постоянно шептали пожелания нашим бесшабашным объектам наблюдения: «Гасите свет и проваливайте домой». Мы слиш-ком долго наблюдали за их презренным миром; миром, где маленьких живых существ травили до смерти.

На публике я часто заявляю, что ненавижу не этих людей, а то, что они делают, но это не совсем правда. В тот вечер я очень быстро пропитался именно ненавистью к этим тупым, бритым наголо кретинам, пока мы наблюдали за тем, как они ведут свои отвратительные делишки среди ночи. Газовая камера в Уикеме пользуется особенной популярностью. В нее попадают выжившие после опытов животные. Здесь они колются в агонии, пока не умирают. Еще есть вариант смертельной инъекции, а также смещения шейных позвонков (сворачивания шеи, проще говоря), когда затылок животного свисает со стола, за чем следует сильное нажатие на голову и хруст). В любом случае животные умирают — вопрос лишь в том, какой способ убийства выберут палачи. А тем обычно плевать.

Мы знали, что это будет чистым везением, если последующее расследование нас не коснется, потому что я был вероятным подозреваемым, жил в одном графстве от этого и имел соответствующую репутацию. Но это не могло нас остановить: мы должны были хотя бы попытаться. Мы разработали пару маршрутов отхода и совсем не опасались возможного появления вивисекторов. Едва ли кто-то из них осмелился бы напасть на людей в черном в темной аллее. Наемные убийцы не так храбры, когда сталкиваются с кем-то, кто может за себя постоять. Одно дело маленькие грызуны и совсем другое освободители животных в вязаных масках с пугающим реноме и опас-

ными инструментами под рукой. Но ничего не произошло. Убийцы животных так и не покинули лабораторию в полном составе, поэтому нам пришлось уезжать порожняком. Мы решили припрятать инструменты и вернуться через 24 часа. Впоследствии из полицейских документов я узнал, что мою машину видели подъезжающей к дому моей девушки поздно ночью. На этом слежка в тот день закончилась, и все разошлись.

И здесь для меня кроется самый большой вопрос. Этот факт всплыл позднее и до сих пор не дает мне покоя: как рейд вообще удалось провести? Для большой и дружной полицейской команды, державшей меня под наблюдением и знавшей о том, что я не упущу случая покончить с очагом угнетения животных, упустить меня из виду в самый важный момент между пятницей и субботой было постыдно. Я уехал из дома рано утром в субботу и отправился по своим делам, как и остальные. Слежка за мной не велась. Вечером мы встретились и поехали в деревню. Мы припарковались, а затем стоило лишь раз прошептать, чтобы они убирались к чертям оттуда, как те немедленно «послушались». Мы надели маски, перелезли через ограду, прокрались по пустынным дорожкам к торцу комплекса и залезли по пожарной лестнице на крышу. Я разложил инструменты и начал проделывать дыру в кровле. Ох, как же дерево визжит, когда его расщепляют! В такое время в сельской местности расщепление дерева звучит, как чертова ракета. Мне пришлось в очередной раз в этом убедиться. Я изо всех сил старался не шуметь, но даже от вытаскивания гвоздей приходилось ежиться. Однако никто ничего не услышал, и через полчаса доступ через крышу был открыт.

Не увидев на чердаке камер и вспотев в процессе работы, я снял маску и соскользнул вниз. Ко мне присоединились остальные. Учитывая тесноту и всеобщее напряжение, двигаться было непросто, но мы сумели найти путь к помещениям под нами, сдвинув чердачную плиту. И что же я увидел в первую очередь, осматриваясь на предмет наличия камер наблюдения? Камеру наблюдения! Я смотрел прямо в объектив, нацеленный на меня! Помимо того, что меня здесь как бы вообще не должно было быть, я еще и снял маску! Я очень разволновался, подумал секунду над тем, что делать дальше, после чего надел маску и взялся за работу, пообещав себе прихватить пленку с записью перед уходом.

В десяти комнатах были мыши, в одной — клетки. Также имелись туалет, оборудование для убийства и документы. Изначально мы намеревались поместить животных в мешки и передавать на крышу, но из-за ограниченного пространства приходилось транспортировать их в клетках (маленьких пластиковых контейнерах с проволочной крышкой). Перемещать десятки таких клеток на крышу через лабиринты препятствий было утомительной работой. Как мы и ожидали, местный полицейский патруль подрулил в момент, когда мы были внутри уже на протяжении часа, но офицерам не на что было смотреть. У всех остановилось сердце, когда дозорный сказал о приближении патруля. Машина блеснула за окном в свете уличных огней и уехала.

Мы проверили все помещения и вывели из строя камеры. Нам удалось забрать с собой более 700 мышей, а также различные инструменты и документы. За дверями лаборатории скрывались куда более ценные файлы, но на входе стояла сигнализация. Мы решили, что займемся ею чуть позже.

Провернув все дела за час-другой, в полночь мы решили, что я увезу животных, чтобы не подвергать их опасности в случае нашей поимки, а Том и Джерри заметут следы, забрав все бумаги и пленки камер наблюдения, после чего спешно ретируются, пока из-за сигнализации не прибыла полиция. Однако все эти ценности нам не достались, потому что после моего отъезда вернулись несколько сотрудников, которые быстро поняли, что они в лаборатории не одни. Зоотехник, приехавший исполнять

свои садистские обязанности, увидел Тома и Джерри, и они немедленно удрали. Он позвонил в полицию, и машина прибыла через девять минут. Впечатляюще, но на девять минут позже, чем требовалось: Том и Джерри сумели унести ноги, чтобы завтра снова пойти в бой. Я же попал в большую беду. Убийца мышей, позвонивший в полицию, оказывается, приехал на работу с женой и ребенком: они ждали в машине, пока он занимался забоем маленьких грызунов.

Национальная команда по борьбе с преступностью (NCS)¹ и местные детективы опечатали лабораторию для проведения криминалистической экспертизы. Сотрудника допросили и отпустили (чтобы он и его коллеги продолжили представлять очень серьезную угрозу всем формам жизни).

В убежище, куда я отвез 700 мышей, мы обнаружили, что они переживают последствия различных экспериментов по отравлению ботоксом. На их хвостах имелись пометки, позволявшие определить введенные дозы токсина. Мы вымыли животных, накормили и уложили спать, после чего сели читать захваченные бумаги. Это было обязательное чтение даже для четырех часов утра. Документы представляли собой настоящее сокровище, информация в них содержалась поистине жуткая. Одно дело слышать о том, что люди бессердечны, а опыты — иррациональны, но получать сведения из первых рук — это совсем другое. Мы листали страницу за страницей, где были указаны даты, животные по номерам, видам, половой принадлежности и возрасту. Множество сотен особей (в основном самки), ни одной из которых не исполнилось больше шести недель, получали уколы ботокса в желудок. Мыши медленно задыхались, пока их мышцы и легкие разбивал паралич. Редких выживавших ликвидировали. И так по 600 душ в день: кто-то умирал от отравления, кого-то казнили за живучесть. В экспериментах использовали крыс, мышей, кроликов и морских свинок — десятками тысяч в год. Мы рассортировали файлы, сделали копии и разослали их всем, кого они могли заинтересовать.

Два дня спустя, в понедельник рано утром, я заметил, что меня вновь взяли под наблюдение. Чуть позже в тот же день меня арестовали, когда я мыл машину в гараже. Меня внезапно окружила дюжина детективов в черном. Машину конфисковали как улику. Поначалу я слышал версию, что меня случайно выследили на парковке в Уикеме за ночь до рейда, но позднее выяснилось куда больше интересных фактов. Через 10 часов меня выпустили под залог. У полицейских осталась одежда, обувь, электронное оборудование и автомобиль. Им понадобилось восемь месяцев разбирательств, чтобы собрать достаточно косвенных улик, позволивших посадить меня.

В ночь рейда я выгрузил мышей в их клетках на ферме в Нью-Форесте, в 80 километрах в соседнем графстве, где многих из них впоследствии обнаружили гиперактивные госслужащие. Это стало для меня болезненным ударом, но еще печальней было то, что полиция вернула мышей в лабораторию, где, как выяснилось в суде, их быстро использовали для других жестоких и бессмысленных отравляющих опытов.

The Daily Mail опубликовала материал под заголовком «Праведный гнев из-за мышей, которые умирают за каждую партию ботокса». В качестве источника информации не был указан ФОЖ, но в статье рассказывалась правда о ботоксе и количестве животных, умирающих в ходе теста LD50, частота проведения которого резко возросла в связи с повысившейся популярностью ботокса в косметической индустрии

¹ National Crime Squad — сформированное в 1998 году подразделение британской полиции, занимавшееся главным образом организованной и серьезной преступностью. В 2006 году слилось с Агентством по борьбе с серьезной организованной преступностью (Serious Organised Crime Agency).

(не все знают, что его также используют как медицинское средство). Лаборатория, разумеется, отрицала, что проводила опыты для косметической индустрии. Представитель предприятия сказал: «Это противозаконно, и мы такими вещами не занимаемся. Но я отказываюсь продолжать это обсуждать». По иронии судьбы, именно The Daily Mail была той самой национальной газетой, которая в ходе последовавшей пропагандистской войны с протестами против вивисекции назвала меня «чудовищем» и «одним из самых опасных людей в Британии», после того как я признался, что совершил этот рейд и разоблачил лабораторию.

Улики против меня включали записи телефонных разговоров с моего номера, которым я пользовался несколько месяцев назад, а также письма в электронной почте на моем компьютере. Было доказано, что телефон побывал в районе Уикема в ночь рейда, и с него отправлялись текстовые сообщения моим сообщникам, ни одного из которых обнаружить так и не удалось. Равно как и содержимое сообщений, отправленных с телефона. Было необычно, сказал мне мой адвокат, что местонахождение телефона было установлено из-за кражи нескольких сотен белых мышей и кое-каких документов с коммерческого предприятия. Как правило, такие меры применяются при расследовании убийств. Еще было возможное совпадение волокна кровельного покрытия на моей одежде и (опять же, возможное) совпадение следа шины моего автомобиля с тем, что остался возле лаборатории. Команда детективов следила за мной после освобождения под залог и преследовала всякий раз, как я приходил отмечаться в участок. А еще они прослушивали мои телефонные разговоры. Для полиции Хэмпшира мое дело представлялось чем-то очень важным.

Правительство не уставало твердить, что вивисекция жизненно необходима, что альтернативы животным и тесту LD50 будут использованы там, где это возможно. Ну что же, использование ботокса в косметической отрасли далеко от обязательного, да и альтернативы существуют. Чиновники утверждали, что LD50 будет применяться «исключительно в научных целях». Лжецы! Моя защита строилась на Параграфе 2.3 Закона о кражах, который предоставляет свободу действий тому, кто преследует благие намерения, чтобы предотвратить преступление, совершая тем самым преступление, если проступок исполнен подлинной честности. Мои аргументы строились на том, что правительство не действует адекватно происходящему, что оно должно перестать выдавать лицензии на проведение теста LD50 с ботоксом и что среднестатистический гражданин должен узнать, что ботокс проверяется на животных в Уикеме столь безобразным образом.

18 месяцев спустя жителя фермы, на которой обнаружили часть мышей, Мелвина Глентенкемпа и меня судили за преступный сговор с целью совершения кражи со взломом. Он отрицал свое участие, я тоже твердил, что он ни при чем, и доказательства подтверждали наши слова. Я признавал свое участие в рейде, но отрицал вину на том основании, что лаборатория проводила нелегальные и аморальные опыты. Я отталкивался от того, что тест LD50 примитивен и несостоятелен, упоминал о добровольном отказе косметической индустрии от опытов на животных, равно и о том, что существуют куда более точные методики тестирования ботокса.

Портсмутский королевский суд выяснил, что ботокс вызывал у животных «нежелательные» побочные эффекты при уколах (опыты проводились на обезьянах и мышах), которые описывались как «коммерчески состоятельные», и оспорил лицензию, выданную на его продажу. Маркированное изделие диспорт содержит человеческий белок, который, согласно внутренним документам, несет риск развития вирусной инфекции, на который всем участникам рынка наплевать, учитывая приносимые

прибыли. Один сотрудник лаборатории поначалу отрицал факт применения LD50, но был вынужден сознаться в ходе перекрестного допроса после обнародования информации, содержащейся в похищенных документах. Лаборанту пришлось сказать правду: они предпочитали проводить именно LD50.

Однажды судья оставил меня и второго подсудимого в заключении, когда машины в районе суда были забросаны листовками в обеденный перерыв. Нас выпустили, когда детективы просмотрели запись, сделанную камерой наблюдения на парковке, на которой было ясно видно, что листовки разбрасывает неизвестная женщина. Судью также раздражали наблюдатели в зале суда, которые делали заметки в ходе судебных слушаний. Однажды он конфисковал конспекты двоих людей, включая управляющего уикемской лабораторией Криса Бишоп, прошедшего все восемь дней суда за бумагомаранием и нервным ерзаньем. Он постоянно озирался.

Судья отнесся с большим скепсисом к моим заявлениям о том, что я руководствовался благими намерениями. Он открыто заявил с самого начала, что собирается публично реабилитировать лабораторию и донести мысль о том, что она не делала ничего противозаконного. Игнорируя тот факт, что официально никто не следит за тем, как вивисекторы убивают ботоксом животных в местах, подобных лаборатории в Уикеме, а также линию моей защиты, судья суммировал все, что сказал прокурор присяжным об анархии, которая может начаться, если меня оправдают. Обвинитель также напомнил, что в глазах правительства лаборанты не делали ничего дурного, потому что власти «контролировали» происходящее.

Подведение итогов, по мнению всех объективных наблюдателей, было не чем иным, как позором, превосходившим даже то, что говорила сторона обвинения. Присяжных заставили единодушно объявить нас обоих виновными. Против второго подсудимого имелись только косвенные улики, я протестовал, заявляя о его невиновности, так же, как и свидетели, сообщавшие о наличии у него алиби, но это никого не волновало.

Судья описал рейд, который принес минимальный физический ущерб и спровоцировал скандал вокруг ботокса в СМИ, как «очень серьезное преступление», куда более страшное, чем обычная кража со взломом! Он неохотно согласился отпустить нас под залог вплоть до вынесения приговора, предупредив, что тюремные сроки очень вероятны. Через несколько недель мы явились в суд, и я всецело был готов получить два-три года тюрьмы, но ввиду смягчающих обстоятельств (моя девушка была нездорова, а я значился ее официальным опекуном), а также нежелания судьи делать из меня мученика и предавать дело огласке нас приговорили к общественным работам. Потрясающе, отпустили на все четыре стороны!

Выходя из зала суда, я перекинулся парой слов с Бишопом. Это было в порядке вещей после недели, совместно проведенной в суде. Я жил в той же деревне, что и он, несколько месяцев и даже ни разу не сказал ему ни слова. Теперь же он бормотал что-то и выглядел несчастным, видя, как я иду домой. Я сказал, что неприятности для него только начинаются. Он резко подпрыгнул так, словно кто-то приложил раскаленную железяку к его заднице и завопил: «Манн, ты не имеешь права мне это говорить!» Он начал размахивать руками, как тряпичная кукла, обьевавшая ЛСД. Я продолжил свой путь, спеша отпраздновать освобождение.

Судья, еще не покинувший зал суда, подозвал меня обратно и созвал мини-процесс, чтобы выяснить, что произошло. Все смотрели на него настороженно, испытывая неприятное чувство опасности. Судья допросил свидетелей, которые, так же, как я, сообщили о незначительном инциденте, но пришел к выводу, что я выказал неуважение к суду! Этому во многом поспособствовал Бишоп, заявивший, что я сказал

нечто вроде «Тебе придется проверять, нет ли кого у тебя под кроватью». Я не говорил ничего подобного. Это была ложь, прозвучавшая от человека, для которого врать — будничное занятие. Весь бизнес лаборатории в Уикеме строился на лжи.

В момент необъяснимой истерии я заполучил всю ту огромную огласку, которой судья так хотел избежать. Мне вынесли пересмотренный приговор, добавив к общественным работам шесть месяцев тюрьмы. Сначала я думал о двух годах, потом уже шел домой и, не успев покинуть зал суда, был препровожден в фургон, направлявшийся в Винчестерскую тюрьму. Это был незабываемый день!

Как выяснилось, короткие тюремные сроки не менее утомительны, чем продолжительные. Нет времени взяться за что-то и чего-то добиться — ты всего лишь убиваешь время, пока тебя не выпустят. Чтобы исправить это упущение, за две недели до моего освобождения власти прислали уведомление. Новости нельзя было назвать хорошими. Меня проинформировали, что настоящая дата моего освобождения переносится с конца июля на конец следующего января. Апелляционный суд удовлетворил заявку генерального прокурора лорда Голдсмита (того самого, который состоял в сговоре с Тони Блэром, дура людей, чтобы только ему позволили начать нападение на бесчисленных беззащитных мужчин, женщин и детей в Ираке), утверждавшего, что общественные работы — это слишком мягкое наказание за совершенное мной преступление. В результате мне добавили к сроку еще 12 месяцев.

Мне нанесли еще один ощутимый удар, но я его выдержал. Я провел несколько недель в классе брайлевской печати, учась переводить для слепых, побыл пассивным курильщиком, прошел курс обучения основам бизнеса, выиграл забег на 800 метров в состязаниях среди заключенных, распространял зоозащитную пропаганду и помог трем тюремным кухням с веганским меню. Меня выпустили условно-досрочно через шесть месяцев, еще три я был на испытательном сроке. Я хорошо себя вел и в настоящее время занимаюсь пиаром фильма «Под маской» в кинотеатрах Великобритании и континентальной Европы.

Я допустил ошибку и заплатил за это, но ворваться в лабораторию в Уикеме — это все, что можно было сделать, чтобы разразился ботоксный скандал. Какие у нас имелись альтернативы? Написать члену парламента? Мой парламентарий сказал, что тестирования на животных для косметической отрасли запрещены. Лжец.

Наибольшее сожаление у меня вызывает то, что часть спасенных мышей подверглись новым опытам и погибли. На лабораторию в Уикеме оказывается растущее давление, и выдача судебных предписаний в ее защиту — это лишь вопрос времени. А что будет дальше, мы уже знаем. Автомобили сотрудников уже переживают акты вредительства, сама лаборатория — рейды, а поставщики — постоянное преследование. В угоду моде на сайт предприятия совершаются хакерские атаки, телефонная линия парализуется регулярными блокадами и т. д. Тем не менее начальники трудятся не покладая рук, они открыли превосходящую уикемскую лабораторию размерами в новом месте, чтобы пытать и убивать еще больше маленьких животных.

Полиция так и не вернула мне автомобиль, но возвратила одежду и другие вещи два года спустя. Тем временем правительство настолько обеспокоилось нашими усилиями в борьбе, что хочет проташить закон, который приравнивал бы нас к людям, пилотирующим самолеты в небоскребы и взрывающим пассажирские поезда. Они хоть когда-нибудь слушали, что мы им говорили? Нет, потому что они сами никогда не затыкаются.

Меня периодически спрашивают, испытываю ли я раскаяние. Я отвечаю: «Конечно. Я бы столько всего еще сделал, если бы мне не мешали».

Подводя итоги

Тот, кто делает мирную революцию невозможной, делает насильственную революцию неизбежной.

Джон Ф. Кеннеди, 1962

Параграф 2 Закона о кражах очень помог защите одного активиста из Дорсета, арестованного поздно ночью рядом с яичной фермой с батарейной системой содержания кур в Западном Суссексе в 2003 году. Дональд Карри вошел в сарай и уже успел собрать десяток упавших в отбросы птиц, когда фермера разбудила сработавшая сигнализация. Вертолет и собаки помогли задержать Карри очень быстро. Его машину конфисковали, а ему самому предъявили обвинение в совершении кражи со взломом. Куры, обнаруженные в сумках неподалеку от фермы, вернулись в клетки и в изуверскую пищевую цепочку, несмотря на то? что, пролежав какое-то время на полу, они с большой вероятностью могли употребить крысиный яд, разбросанный повсюду. И после этого у Sunday Times хватило наглости написать в октябре 2005 года, что «борцы за права животных — это грязное пятно на нашем обществе»!

В Королевском суде Хоува год спустя подсудимый признался в совершенном, однако его адвокат Джереми Чипперфилд заверил присяжных, что его клиент преследовал благие цели, полагая, что не существует иного способа спасти изнуренных птиц и что любой человек с улицы согласится с тем, что спасти животных правильно. Присяжные согласились и признали Карри невиновным, создав тем самым прецедент и теорию, узаконивающую действия правонарушителей в подобных обстоятельствах. Разумеется, закон может иметь различные интерпретации, и подобную практику еще следовало обкатать в вышестоящем суде, но, так и или иначе, это был огромный шаг в верном направлении.

В начале 2006 года Дональда Карри снова арестовали, на сей раз неподалеку от Рэдинга, графство Беркшир. И под залог его теперь уже не выпустили. Прочесывая местность поздно ночью в поисках беглеца-поджигателя, полицейские обнаружили его в телефонной будке. Для Карри этот арест стал судьбоносным моментом, который отметил начало долгой, утомительной волокиты для семьянина, не имевшего ни малейшего желания кого-либо ранить. Позднее его обвинили в изготовлении зажигательного устройства и размещении его на пороге дома директора компании, связанной с HLS. Ему также инкриминировали поджог склада, на котором хранились картонные коробки для транспортировки лабораторных животных.

Под стражей Карри содержали как заключенного категории А, СМИ считали его главным бомбистом ФОЖ, ему грозила перспектива пожизненного наказания. Анализ ДНК выявил явную связь между Карри и тремя вышперечисленными инцидентами, поэтому признание вины было неизбежным. Поджог Wilton Vox Company был записан на его счет из-за частиц ДНК, оставшихся на спичке, брошенной рядом с местом возгорания. Это обвинение прокуратура сняла, потому что Карри признался в двух других преступлениях, но поскольку они были куда серьезнее, едва ли подсудимый радовался сделке. Одно только зажигательное устройство на пороге жилого дома было гарантом сурового приговора. Дональда Карри приговорили к 12 годам с оговоркой, что он может оставаться в заключении неопределенный период времени согласно какому-то новому закону, а также имеет шанс провести остаток жизни, подчиняясь правилам условного освобождения, когда выйдет из тюрьмы.

А в США тем временем по итогам рейдов ФБР против экологического движения и движения за освобождение животных за решеткой оказался Даррен Терстон. Власти провоцировали панику вокруг «зеленой угрозы» — по аналогии с Красной угрозой 1940-х и 1950-х. В январе 2006 года шестеро людей были арестованы и обвинены по 65 пунктам в совершении терактов от лица Фронта освобождения Земли (ФОЗ)¹ и ФОЖ в период 1996–2001 гг. в Орегоне, Вайоминге, Вашингтоне, Калифорнии и Колорадо.

Активистов обвиняли, в частности в поджоге, преступном сговоре, использовании разрушающих устройств и уничтожении энергетических объектов. Подсудимых связывали с 17 атаками, включая поджог дома отдыха Vail Ski Resort в Колорадо в 1998 году, принесший владельцу убытков на 12 миллионов долларов, и саботаж высоковольтной линии электропередачи в Орегоне в 1999 году. Активистам также инкриминировали нападения на государственную землю и предприятия, содержавшие животных, лошадиную бойню, мясоперерабатывающий завод, лесопилки и автосалон. Совокупный ущерб достигал 80 миллионов долларов. Трое подозреваемых подались в бега (считается, что они давно покинули США), а Билл Роджерс покончил с собой в тюрьме. «Терроризм есть терроризм, неважно, каковы мотивы», — сказал директор ФБР Роберт С. Мюллер на пресс-конференции. «Есть четкая разница между защищенной конституцией деятельностью, которая является правом американцев, и насильственными преступлениями», — добавил он.

Операция «Ответный огонь», на протяжении года проводимая федеральными, региональными и местными властями, по их собственным утверждениям, позволила собрать сведения о готовившемся заговоре членов ФОЗ И ФОЖ. В 2004 году ФБР подсчитало, что начиная с 1976 года эти и другие организации совершили 1100 преступлений, ущерб от которых составил 100 миллионов долларов.

Теперь пришел час расплаты: власти США пошли войной на «зеленое» движение. Директор Мюллер назвал предъявленные обвинения «существенным ударом» по террористическим группам и отметил, что судебный процесс «окажет впечатляющий эффект на лиц, совершивших данные преступления». Он добавил, что «люди, которые практикуют подобные действия, будут проводить в тюрьме много времени вне зависимости от их мотивов». Сроки, уготованные этим подозреваемым, начинаются от 35 лет. Власти утверждают, что получили доказательства от агентов под прикрытием и имеют записи признания подозреваемыми своей вины. Это лишь один пример мести государственной машины. Хватает и других.

Уже известный нам Род Коронадо вновь оказался в тюрьме летом 2006 года. На этот раз ему дали 8 лет за препятствование охоте на льва. В данный момент он отбывает новый срок по обвинению в подстрекательстве к совершению преступлений. Шестеро активистов SHAC USA были обвинены благодаря широкому спектру возможностей Закона об использовании животных на предприятиях, который был написан и принят с целью защитить компании, тестирующие свою продукцию на животных, и других угнетателей. Активистам вменили в вину протесты против HLS. Они получили сроки от 2 до 6 лет.

В Британии тоже бушевали страсти. В феврале 2005 года Сара Гисборн получила 6,5 лет, признав свое участие в серии атак с использованием растворителя краски. От ее рук пострадали 8 машин, принадлежавших людям, поддерживавшим HLS. Ущерб

¹ *Earth Liberation Front* — организация, основанная в Брайтоне в 1992 году, младший брат ФОЖ, исповедующий аналогичные философские принципы, только радикальной экологической направленности.

исчислялся 40 тысячами фунтов. 100 лет назад мужчины не менее сурово наказывали женщин, которые применяли аналогичные тактики, стремясь побороть тиранию и несправие. Это была первая явная согласованная реакция властей после двух лет шумихи в СМИ и угроз правительства, призванных защитить нервничающую индустрию от посягательств. После подачи апелляции срок Гисборн был сокращен на год.

Растущее число людей (включая Гисборн после ее освобождения) стали жертвами ордеров против антиобщественного поведения, придуманных, чтобы держать протестующих подальше от вивисекционных предприятий, их поставщиков и так далее. Власти же заверяли, что эти ордера были предусмотрены для того, чтобы контролировать непослушную шпану, угрожающую жилым массивам, только использовались эти предписания почему-то именно против зоозащитников.

Но одним из самых крупных посягательств на наши гражданские свободы стали изменения, внесенные в Закон о серьезной организованной преступности летом 2005 года. Поправки в него сделали нелегальным даже раздачу листовок, направленных против вивисекции, и призывы к потребительским бойкотам игроков индустрии вивисекции. Изменения непосредственным образом направлены против участников антививисекционных кампаний; нарушители теперь могли быть приговорены к сроку до 5 лет тюрьмы, что применялось к любому, кто нанесет какой бы то ни было урон бизнесу, будь то снижение продаж или любой физический ущерб. Сюда включаются даже любое препятствование процветанию. Иными словами, благодаря этим поправкам закон можно применить ко всякому, кто даже просто напишет письмо в компанию, поставляющую животных в лабораторию и попросит ее прекратить это делать.

С этих пор считалось правонарушением, если «лицо А совершит или будет угрожать, что оно или другие лица совершат преступление или правонарушение против лица Б с намерением навредить организации, занимающейся исследованиями на животных; если лицо А намеревается привести к условиям, которые лишат лицо Б возможности выполнить контрактные обязательства, или отказать от контракта, или не подписать контракт». Кроме того, все будет плохо, «если лицо А угрожает лицу В с намерением заставить лицо В воздержаться от действий, совершать которые оно имеет право». Этот эффектный законопроект был подан общественности и СМИ как шаг, необходимый для того, чтобы положить конец деятельности, которую осуществляла Сара Гисборн, невзирая на то, что ее действия наказывались бы по закону и без всяких правок. Пошла волна рейдов по домам и арестов людей, которые участвовали в демонстрациях у лабораторий или просто демонстрировали изображения животных, подвергнувшихся опытам. И тех, и других ждал суд.

Британское правительство довольно откровенно пытается вывести любую оппозицию вивисекции за черту закона, чтобы обезопасить индустрию, которая так лихо расходует чужие жизни. Угробили миллиард животных, но так и не нашли лекарства от простуды. Вас это удивляет? А если этот закон не сработает, есть еще и прекрасный закон против терроризма, который якобы предназначен для того, чтобы держать иностранных религиозных подозреваемых в терактах под домашним арестом ввиду юридических сложностей, которые не позволяют держать людей за решеткой без суда. Эти контролирующие ордера и им подобные несомненно будут применяться против тех из нас, кто сражается за животных и спасение планеты и кого иначе никак не удержать, даже если индустрия продолжает огрызаться, СМИ — агитировать, а правительство — откладывать неизбежное.

Запреты в свободном обществе, нацеленные на то, чтобы подавить протесты, могут быть не только позорными, но и излишними. С нынешними полномочиями уже нет нужды повелевать протестующим убраться, вводя дорогостоящие запреты. Теперь можно просто закрыть несогласных в тюрьме или у них дома за раздачу листовок или за намерение раздавать листовки, например. Правительство также начало запрещать людям, включая искреннего, настроенного против вивисекции кардиохирурга Джерри Власака, приезжать в страну, если их взгляды не совпадают с официально принятыми.

«Если бы я только мог пристрелить человек 30 из них. Если бы я только мог прикончить сотню, я бы гарантированно решил все свои проблемы». По иронии, эти слова во всеулышание произнес вовсе не активист за права животных, как бы того ни хотелось нашей свободной прессе. Высказывание принадлежит одному из братьев Холл из Ньючерча и касается тех, кто выражал протест против их бизнеса. Бизнеса, который защищала вся мощь закона.

Ни одна из тактик защиты статуса-кво не нова, конечно же. Суфражисткам приходилось громить машины членов парламента, поджигать их дома и почтовые ящики, вспахивать поля для гольфа, перерезать телефонные линии, брать штурмом здание парламента, крушить здание Министерства внутренних дел, срывать бега, высккивая на поле, нарываться на избияения, пихать полицейских, чтобы их арестовали, устраивать голодовки, в ходе которых их насильно кормили, и взрывать правительственные здания бензиновыми бомбами. Пока они не победили, их демонизировали, не разбираясь, чего они добиваются. Но за всю мою жизнь я не слышал, чтобы кто-то осуждал то, что они делали. Потому что они должны были покончить с несправдливостью. Так же, как Африканский национальный конгресс и другие.

Движение за права животных ощутило сфокусировало свои усилия на борьбе с вивисекцией, и, вероятнее всего, активисты продолжают держаться этой линии в ближайшем будущем. Вопрос был поднят на тот уровень, на котором он сейчас находится, акциями прямого действия. Оказанный ими эффект был настолько сильным, что более 250 членов парламента в 2006 году подписались под внеочередным предложением вынести вивисекцию на независимое научное рассмотрение, сделав эту тему самой популярной из всех внеочередных предложений. Это явный признак растущего в нашем обществе недовольства обращением с животными. Бесконечная пропаганда того, что оппоненты вивисекции безумны, не способна затмить собой проблему. Параллельно сторонники вивисекции провели кампанию, всеми правдами и неправдами стремясь заставить членов парламента зачеркнуть свои подписи под предложением. Если кто-то подумал, что подобные действия не повлекут за собой ничего хорошего для вивисекторов, он оказался прав.

Есть многие другие проблемы, в том числе те, что включают статистику, в которую верится с трудом: мясная и молочная индустрии ежегодно убивают десятки миллиардов животных, чье существование проходит в ужасающе убогих условиях. Для сравнения, число животных, уничтожаемых в мире индустрией вивисекции, каждый год составляет сто миллионов. В этой связи может показаться, что мы не придаем повышенной важности борьбе с куда более страшным злом или в лучшем случае только признаем наличие этого зла, всего лишь воздерживаясь от потребления его плодов. Но это воздержание — один из, вероятно, самых эффективных способов, к каким каждый может прибегнуть, чтобы освободить животных от тирании. Путь вегана — это ответ на многие болезни нашего общества. Это не только просто, это жизненно необходимо!

В определенном смысле мясная индустрия убивает себя сама: болезнь Крейтцфельдта-Якоба¹, ящур, кишечная палочка, сальмонелла, кампилобактер², ньюкаслская болезнь³ и черт его знает сколько еще всякой дряни угрожает тем, кто ест трупы.

Каждая новая эпидемия приводит к тому, что миллионы животных убивают просто так, не для продажи. Это приносит индустрии колоссальные финансовые потери, хотя уничтожение потенциально зараженных особей не мешает гниению гадкого промысла. Вирусы и болезни продолжают прибывать. Мясоедов страшат птичий грипп, а недавно, в 2006 году, их предупредили о баранине и традиционных сосисках, употребление которых чревато каким-то новым заболеванием мозга.

Агентство по пищевым стандартам заявило, что не может контролировать опасность «атипичной скрепи» — аналога коровьего бешенства у овец. Давайте не будем забывать, что коровье бешенство связано с практикой кормления многих поколений рогатого скота мясом и костями, оставшимися от их сородичей, то есть пищей, настолько далекой от диетических требований этих строгих травоядных, что неудивительно, почему оно свирепствует у этих несчастных созданий. Бесчисленные расследования под прикрытием выявляли подобные ужасы, распространенные повсеместно и происходящие день за днем. От колыбели до могилы жизнь «сельскохозяйственных» животных представляет собой кромешный ад. Для потребителя, не слишком озабоченного состраданием, существуют другие проблемы, с которыми приходится считаться и которых, на мой взгляд, вполне достаточно, чтобы все отказались от плоти на обеденном столе: невыполнение санитарных норм; инъекции лекарств, которые делают животным, чтобы они не болели, или болели, но продолжали жить; гормоны роста и так далее...

Когда вивисекторы вкололи мышам коровье бешенство, и оно в них не развилось, правительство заявило, что результаты неприемлемы, поскольку животные отличаются от людей. По словам заместителя директора журнала Nature, в котором опубликовали эти результаты, эти данные являли собой «лучшее за всю историю свидетельство» того, что между коровьим бешенством и болезнью Крейтцфельдта-Якоба не существует связи. Представитель журнала аккуратно добавила: «Это не означает, что говядина безопасна, но и не говорит нам, что ее употребление несет в себе риск». Может, имеет смысл последить за людьми, которые ее едят, если уж с мышами дело не заладилось? Или, возможно, все указывает на то, что животных лучше оставить в покое, потому что так будет лучше для всех?

Совершенно очевидно, что мясная индустрия не обрушится без давления извне; безусловно, существуют отклонения в потребительских тенденциях, которые периодически непосредственным образом ударяют по растущему потреблению определенных видов мертвой плоти, но это преимущественно диктуется интересами здоровья или недостатками одного вида мяса в сравнении с другими или потенциальным риском заболевания в случае эпидемии. Но в переводе на душу населения употребление плоти животных неуклонно растет и будет исключительно увеличиваться по мере того, как зажиточные нации продолжают преследовать экономические интересы в ущерб Земле и ее обитателям. Важно, чтобы люди научились уважать другие формы жизни, прежде чем их популяции исчезнут, океаны опустошатся, а леса превратятся

¹ Болезнь Крейтцфельдта-Якоба — прогрессирующее дистрофическое заболевание коры головного мозга, вызываемое употреблением мяса бешеной коровы.

² Кампилобактер — кишечная инфекция.

³ Ньюкаслская болезнь (пневмоэнцефалит птиц) — вирусная инфекция, поражающая все виды пернатых.

в пустыню. Кроме того, человечество начинает узнавать о проблемах, связанных с его современным питанием.

В глобальной перспективе будущее может казаться мрачным, но когда мы видим, какой посыл несет борьба за права животных из одной страны в другую, мы не можем усомниться, что будущее принадлежит нам — просто пока оно ждет своего часа на скамейке запасных. Мы можем спросить: точно ли не будет больше поставок животных из Великобритании в континентальную Европу и на Ближний Восток? Ответ таков: только под нашим давлением. И как только эта часть индустрии уйдет, за ней обязательно последуют все остальные. Самым слабым звеном в этой цепи по-прежнему остаются транспортные компании. Экспорт животных должен прекратиться, но это лишь веха на длинном пути: когда животных перестанут вывозить из страны, они будут жить мучительной жизнью на скотобойнях Великобритании, а это для них тоже нехорошо. Другое дело не есть их плоть и не пить молоко.

Мясная индустрия — это не просто жестокость к животным. Экологический вред, который она причиняет, колоссален. «Сельскохозяйственные» животные потребляют огромное количество воды; огромные массивы амазонских лесов вырубаются под корень, чтобы обеспечить новые пастбища для скота или вырастить урожай на прокорм животных в Европе. Это способствует глобальному потеплению. Растительной пищи для скота требуется все больше и больше, а выращивать ее дешевле в бедных странах. Выходит, что люди голодают, в то время как пища, которую они могли бы употребить сами, идет животным, приговоренным стать блюдами на столе западных потребителей. Просто так они не изменят свои пищевые пристрастия — потребуются наши усилия, чтобы это произошло. Если бы все, кто ест мясо и носит одежду из частей тел животных, были достаточно храбры, чтобы посмотреть такие фильмы, как «Земляне», я гарантирую, что ситуация в корне изменилась бы за сутки.

Имея достаточное количество людей, изменивших лишь свою систему питания, мы бы запросто достигли переломного момента и сокрушили и без того уже достаточно дестабилизированную мясную индустрию, поддержав бизнесменов, имеющих дело с растительной пищей. Спрос потребителей на этичную пищу и одежду уже поспособствовал развитию «альтернативных» индустрий, которые в свою очередь создают новую моду, все больше популяризируя веганство. Учитывая богатство кулинарного выбора, гурманам гарантировано удовлетворение, и это огромная заслуга пионеров веганства. За последние 20 лет спрос на этичную пищу высокого качества вырос настолько, что сегодняшнему вегану вовсе не обязательно есть регулярно подвешенные на шпильках чечевицу и салат-латук.

Битва против мясной и молочной индустрий, где «живые машины» бесчисленны, а жизнь не стоит ни гроша, должна вестись по всем фронтам; ни один из методов в одиночку не способен сразить этого монстра. Широко доступная информация о производстве «продуктов животного происхождения», расследованиях под прикрытием, лоббировании и радикальных кампаниях, а также легкий доступ к альтернативной пище — все это жизненно важные аспекты борьбы. Только видя бесконечные грузовики с овцами, коровами, телятами или курами, которых везут на бойню, и наблюдая ряд за рядом части трупов животных на полках супермаркетов и в сетях заведений быстрого питания, мы осознаем, насколько огромна торговля плотью животных.

Как ни печально, простая акция освобождения сотни или тысячи кур с предприятия интенсивного животноводства создает крошечную брешь в прибылях фермера. Для освобожденной курицы ее жизнь бесценна; для фермера, который поработил

миллионы таких, как она, ее жизнь ничего не стоит: она лишь единица продукции. Экономический саботаж доказал свою эффективность в борьбе с небольшими предприятиями — такими, как меховщики и вивисекторы, но мясная индустрия слишком громадна.

Если разобраться в объеме зверств, какую индустрию угнетения животных можно считать наибольшим злом? Какую бы из них мы ни выбрали мишенью, все они являются причинами присущих нашему обществу социальных проблем, сокращающих статус животных до предметов потребления. Все мы можем достигать маленьких побед в повседневной жизни — например, сея семена перемен при каждой возможности и обращая в веганство соседа или школьного друга. Медленный эффект наших действий выражается в растущем числе веганов и увеличении количества этичных потребительских товаров, представляющих собой прямое следствие нашего спроса на них.

Пусть временами прогресс кажется вялотекущим, — и, к сожалению, он именно таков, — но мы должны помнить, чего смогли добиться за короткий промежуток времени — всего несколько десятилетий. Некоторые из нас застали эпоху, когда совсем немногие знали о системах угнетения животных. Это было недавно — в 1970-х. Времена изменились: в 2007 году вивисекционная индустрия бьется в агонии ужаса пред лицом будущего, сражаясь за выживание из последних сил. Она борется с нежелательным вниманием, которое привлекла к себе благодаря законопослушным активистам и приверженцам прямого действия. Пускай нас по-прежнему немного, но наш посыл могуч.

Мы уже многого добились и должны продолжать. Что мы должны определить для себя, так это границу, до которой мы готовы пойти в борьбе, чтобы перемены настали как можно скорее. Если вы все еще верите, что наши цели могут быть достигнуты путем подписания петиций и отправки писем члену парламента, то вы невнимательно читали эту книгу. И если кто-то попытается вас в этом убедить, имейте в виду: этот человек либо сотрудник правоохранительных органов, либо угнетатель животных, которому нет никакого дела до слабых и незащищенных, либо член организации, собирающей пожертвования.

Покидая тюрьму сначала в 1999 году, а потом в 2005-м, я допускал возможность того, что я вернусь туда. В заключении я будто деградировал в условиях дискомфорта, но я никогда не переживал по этому поводу так, как переживаю за чудовищную боль, которую некоторые люди причиняют животным. Как следствие, я продолжил испытывать удачу, высказываясь против. Из-за обилия новых законов и солидных сумм, вкладываемых государством в соблюдение этих законов, протестная деятельность для активистов сегодня — это прогулка по минному полю. Например, в марте 2007 года трое совершенно мирных, не склонных к насилию протестующих были приговорены к 15 месяцам, 2 и 4 годам соответственно согласно новому законодательству, только за то, что они присутствовали на нескольких демонстрациях против клиентов HLS и использовали несколько не оскорбительные плакаты, мегафон и свистки.

Лично для меня никогда не существовало альтернатив. Я считаю, что пассивное сопротивление системе ничем не помогает делу. Британская демократия медленно скатилась до неограниченной власти драконовской олигархии. У нас на глазах была украдена свобода слова, а морально устаревшие законы были подкреплены ставшей еще более деспотичной политикой. Неизбежным результатом этого разложения стало то, что многие люди, которые в иных обстоятельствах никогда не вступили бы в конфликт с законом, оказались замешаны в волне новых акций прямого действия, совер-

шение которых загоняет людей в угол и делает их преступниками. Вину за создание целого поколения правонарушителей можно смело возложить на лейбористское правительство, которое сделало прямо противоположное своим предвыборным обещаниям; вместо того, чтобы сдержать слово, оно решило стать союзником разрушительных и подлых индустрий; отказало гражданам в праве протестовать против жестокой системы, убивающей миллионы невинных животных. Необходимость гарантировать каждому существу право на жизнь — это не обязанность какого-нибудь абстрактного института, это наша с вами обязанность.

Если говорить о действиях движения за освобождение животных за последние 40 лет, то можно найти немало поводов для недовольства, но главное, что оно по-прежнему остается ненасильственным и честным. Насилие на уме как раз у тех, кто защищает вивисекцию, и их жажда крови продолжает расти с каждым днем.

Люди, которые утверждают, что наше общество не должно строиться на страдании, люди, которые что-то делают, чтобы изменить положение вещей — это будущее нашей планеты. Мы уже не успеем помочь тем животным, которые умирают в эти секунды на скотобойнях, в лабораториях, на фермах и в охотничьих угодьях. Но для их еще не родившихся сородичей есть большая надежда не пасть жертвами прибыли или извращенного удовольствия. У нас есть власть! Каждый день нашего бездействия — это еще один день страданий миллиардов живых существ. Это проблема, важность которой настолько велика, что люди неоднократно умирали, пытаясь решить ее.

Мир принадлежит нам, и мы обязаны его изменить. И хотя мы не желаем отдавать себе отчет в том, что нам предстоит проделать колоссальную работу, борьба, которую мы ведем сейчас — это величайшая освободительная война за всю историю, и для тех, кто еще не участвует в ней, настало время действовать.

Ты только что отобедал, и как бы старательно скотобойня ни пряталась вдалеке, связь между вами существует.

Ральф Уолдо Эмерсон¹

Всячески стараясь избегать неприятностей, я тем не менее счел разумным показать журналисту ужасные условия на современной британской птицеферме в феврале 2006 года. В июле команда детективов из Хэмпшира и Дорсета обыскала мой дом и дом Мартина Мастермана-Листера. Они действовали на основании ордера, выданного после того, как офицер полиции посмотрела программу «Хроники» (фильм назывался «Обезумевшие из-за животных»², реж. Дэвид Моделл) и узнала в одной сцене меня и еще одного человека, спасающих полдюжину кур из поддонов для отходов под клетками. Предполагаемой фермой была та, что расположена в Уоллопс-Вуд, — с истории про нее начинается эта книга.

Офицеры добросовестно приехали на предполагаемое место преступления и допросили владельца, потенциальную жертву кражи со взломом. Он ответил, что недавно к нему действительно вламывались. Пропали ли птицы? Да нет, он ничего такого вроде не заметил. Этого для полицейских оказалось достаточно. Они гурьбой влетели в наши дома в 7 утра, разыскивая кур и при этом даже не зная, о каком количестве пропавших животных может идти речь. Куры точно не стали бы прятаться в ящиках с нижним бельем моей девушки. Не обнаружив никаких следов, офицеры изъяли компьютеры, мобильные телефоны, камеры, бумажники, дневник и листовки, которые, по их словам, должны были помочь в расследовании. Меня и Мартина заковали в наручники и увезли, мою девушку запугали и оставили в слезах, ее компьютер конфисковали.

Поскольку предъявить нам было нечего, нас вскоре отпустили вплоть до дальнейших разбирательств. Несколько недель спустя я позвонил в полицию, чтобы потребовать у детектива обратно мое имущество. Я не смог дозвониться до офицера, который занимался этим делом, поэтому пришлось объяснять ситуацию его коллеге. Немаловажно, на мой взгляд, что я разговаривал с представителем Отряда по борьбе с серьезной организованной преступностью. Разговор выдался забавный.

Он: С каким делом связаны эти предметы собственности?

Я: Полисмены искали шесть куриц, предположительно спасенных с птицефермы.

Он: Шесть... чего?

Я: Куриц. У меня забрали компьютеры, телефоны, камеры, документы, наличность...

Он: (молчание) Вы уверены, что правильно набрали номер?

Я: Ну, если неправильно, значит, меня ограбили, и я хочу заявить об этом серьезном преступлении.

Он: (молчание) Шесть куриц?

¹ Ральф Уолдо Эмерсон (1803–1882) — американский писатель и философ. Автор эссе «Природа» (1836), в котором сформулировал концепцию трансцендентализма, в числе постулатов которой всеобщее равенство и близость к природе.

² *Mad About Animals* (2006) — «очень глубокое описание склада ума и мотиваций самых отъявленных британских экстремистов за права животных».

Я: Именно так.

Он (молчание, приглушенное хихиканье) Мне нужно выяснить, что с вашими вещами. Я вам перезвоню.

Через неделю мне вернули только бумажник...

В ноябре последовали новые разбирательства: полиция Хэмпшира билась с «Четвертым каналом» за пленку. Большая часть моих вещей оставалась у полицейских, но мне вернули кое-какое компьютерное оборудование. Полисмен вывез его в магазинной тележке к пожарному выходу из участка. При этом часть оборудования бесследно исчезла, а принтер Мартина был покрыт чернилами и сломан, поэтому мы подали гражданские иски в суд.

«Четвертый канал» передал полиции видеоматериал, но он не представлял большой ценности для расследования. 5 января моему юристу пришло уведомление: по итогам семи месяцев разбирательств дело было закрыто.

В октябре 2006 года поползли слухи о том, что ферме Уоллопс-Вуд пришел конец. Расследование о ее разорении привлекло внимание общественности, СМИ и RSPCA. Инспектор официально заявил, что предприятие закрывается. С кошмаром было покончено. И благодарить за это нужно отнюдь не RSPCA.

Но неужели это конец истории? Черта с два — все только начинается!..

ПРИЛОЖЕНИЯ

Контакты и вебсайты — зоозащитные группы

Для получения наиболее актуального списка контактов и ссылок, пожалуйста, посещайте сайт этой книги по адресу www.fromdusktildawn.org.uk.

Animal Aid

The Old Chapel, Bradford Street, Tonbridge, Kent TN9 1AW

Tel: +44 (0) 1732 364546

Британская зоозащитная группа

www.animalaid.org.uk

Animal Cruelty Investigation Group

P.O. Box 8, Halesworth, Suffolk IP19 0JL

Расследования случаев жестокости к животным под прикрытием

www.acigawis.org.uk

British Anti-Vivisection Association (BAVA)

PO Box 73, Chesterfield S41 0YZ

Кампании против вивисекции

www.london77truth.com/BAVA.htm

Captive Animals Protection Society

PO Box 540, Salford M5 0DS Tel: 0845 330 3911

Кампании против зоопарков и цирков

www.captiveanimals.org

Cetacea Defence Marine Mammal Protection

PO Box 78, Shaftesbury, Dorset SP7 8ST

Кампании в защиту морских животных

Coalition to Abolish the Fur Trade

PO Box 38, Manchester, M60 1NX

Tel. 0845 330 7955

Кампании против меховой индустрии

www.caft.org.uk

Friends of Animals Under Abuse (FAUNA)

PO Box 156, Cardiff CF5 5YD Tel: 02920 569914

Забота об угнетаемых животных

Gateway To Hell

BCM 8231, London WC1N 3XX

Кампании против импорта лабораторных животных

www.gatewaytohell.net

Gorilla Organization
110 Gloucester Avenue, London NW1 8HX
Tel: 020 7916 4974
Спасение горных горилл и забота о них
www.gorillas.org

Hunt Saboteurs Association
BM HSA, London WC1N 3XX
Tel: (+44) 0845 450 0727
Акции прямого действия в защиту диких животных от охотников
www.huntsabs.org.uk

League Against Cruel Sports
Holloway Hill Godalming, Surrey GU7 1QZ
Tel: 01483 524 250
Кампании против жестокости к животным в ходе спортивных мероприятий
www.league.org.uk

McSpotlight
BM McSpotlight, London WC1N 3XX
Кампании против McDonald's
www.McSpotlight.org

Naturewatch
14, Hewlett Road, Cheltenham GL52 6AA
Tel: +44 (0) 1242 252871
Кампании против жестокости к животным в самых разных сферах жизни
www.naturewatch.org

Sea Shepherd Conservation Society
Действующие в океане коллеги ФОЖ, защищающие морскую жизнь, прежде всего, китов
Tel: +1 360 370 5650
www.seashepherd.org

SPEAK
PO Box 6712, Northampton NN2 6XR
Tel: 70906 497317
Кампания против лаборатории по изучению приматов Оксфордского университета
www.speakcampaigns.org

Stop Huntingdon Animal Cruelty (SHAC)
BM SHAC, London, WC1N 3XX
Кампания против Хантингдонского исследовательского центра
www.shac.net

Southern Animal Rights Coalition (SARC)

PO Box 5668, Poole, Dorset BH15 3ZR

Tel: 0845 4584673

Координация кампаний на юге Англии, в том числе кампании против лаборатории в Уикеме

Uncaged Campaigns

St Mathews House, 45 Carver Street, Sheffield S1 4FT

Tel: 0114 2722220

Кампании против вивисекции

www.uncaged.co.uk

Vegetarians International Voice for Animals (Viva!)

8 York Court, Wilder, Bristol BS2 8QH

Tel: 0117 944 1000

Кампании, рекламирующие жизнь без жестокости

www.viva.org.uk

Контакты и вебсайты — организации, протестующие против теорий, опирающихся на исследования на животных

Americans For Medical Advancement

Поддержка пациентов и их семей

www.curedisease.com

Physicians Committee for Responsible Medicine

Некоммерческая организация, пропагандирующая профилактическую медицину и клинические исследования

www.pcrm.org

Safer Medicines

PO Box 122, Kingsbridge TQ7 9AX

Tel: 030 0302 0521

Пропаганда альтернативных, учитывающих специфику человеческого организма, медицинских исследований

www.safermedicines.org

Scientific Anti-Vivisectionism

Опровержение заявлений вивисекторов

scientific_anti_vivisectionism2.webs.com

Vernon Coleman

Международный медицинский эксперт, автор бестселлеров, участник различных кампаний

www.vernoncoleman.com

Vivisection Information Network (VIN)

Сайт, рассматривающий все аспекты вивисекции; бесценный источник информации и ссылок

www.vivisection-absurd.org.uk

Контакты и вебсайты — новости/информация.

Animal Rights Coalition

PO Box 339, Wolverhampton WV10 7BZ

Ежемесячный интернет-журнал о правах животных

www.arcnews.org.uk

ALF Press Office

BM 4000, London WC1N 3XX

Tel: 07752107515

Пресс-служба ФОЖ

Animal Liberation Front Supporters Group

PO Box 1107, Northampton, NN7 9BT

Группа поддержки ФОЖ

www.alfsg.org.uk

Arkangel For Animal Liberation

BCM 9240, London WC1N 3XX

Интернет-журнал о правах животных

www.arkangelweb.org

Bite Back Magazine

222 Lakeview Ave. Ste. 160–231 West Palm Beach, Florida 33401

Выходящий раз в квартал качественный американский журнал, посвященный акциям прямого действия, и регулярно обновляемый сайт, освещающий акции прямого действия по всему миру

www.directaction.info

Earth First

Акции прямого действия во благо экологии

www.earthfirst.org.uk

Indymedia

Независимый новостной ресурс

www.indymedia.org

NETCU Watch

Следим, как они следят за нами. Отчеты национального тактико-координационного совета по экстремизму

netcu.wordpress.com

Undercurrents
 Pier Street, Swansea, SA1 1RY
 Tel: +44 (0) 7973 298359
 «Новости, которые вам не расскажут в новостях»
www.undercurrents.org

The Vegan Society
 Donald Watson House, 21 Hylton Street, Birmingham
 Tel: +44 (0) 121 523 1737
 Новости, книги, ссылки, полезная информация и многое другое от Веганского общества Великобритании
www.vegansociety.com

Vegan Prisoners Support Group
 VPSG, BM 2107, London, WC1N 3XX
 Кампании во имя веганов-заключенных
www.vpsg.org

Veggies (Catering campaign)
 245 Gladstone Street, Nottingham, NG7 6HX
 Tel: 0115 960 8254
 Веганская кулинария, новости, события, ссылки
www.veggies.org.uk

Рекомендуемая литература

Приводимый список далек от всеохватывающего, это всего лишь мой персональный выбор, а также кое-какие книги, на которые я ссылался в ходе повествования

Caught In The Act — Melody MacDonald and the ACIG
История расследования, проведенного Вильгельмом Фельбергом в Национальном институте медицинских исследований в Лондоне

Rose Tinted Menagerie — William Johnson
Захватывающая, хоть и трагичная история жизни животных в сфере развлечений со времен Древнего Рима вплоть до XX века

Rage and Reason — Michael Tobias
Захватывающий дыхание триллер про мстящего освободителя животных

Secret Suffering — BUAV / Sarah Kite
Внутри HLS, «идеального центра исследований на животных»

The Silent Ark — Juliet Gellatley / Безмолвный ковчег — Джульет Геллатли
Леденящее кровь разоблачение мясной индустрии — глобального убийцы. Доступна бесплатно в интернете на русском языке

Slaughter of the Innocent — Hans Ruesch

Библия движения против вивисекции. Книгу сняли с продаж в магазинах США и Великобритании, фармацевтическая индустрия пыталась сделать так, чтобы ее запретили. Этот труд содержит подробный набор фактов, убивающих любые доводы в пользу вивисекции. Табуированная одно время фальшивыми зоозащитными организациями Британии, она помогла взрастить современное антививисекционное движение во многих странах

Naked Empress — Hans Ruesch

Продолжение Slaughter of the Innocent

Vivisection Unveiled — Dr. Tony Page

Разоблачение бесполезности опытов на животных для медицины

Vivisection or Science, A Choice to Make — Professor Pietro Croce MD

Написанная бывшим вивисектором, эта книга уличает вивисекцию в научных и методологических ошибках

When Elephants weep — Jeffrey Masson

Мощное опровержение тезиса о том, что «животные ничего не чувствуют, поэтому насилие в отношении них приемлемо»

Easy Vegan Cooking — Leah Leneman

Идеальная книга для погружения в веганскую кулинарию. Одна из многих хороших работ, разрушающих миф о том, что веганы едят только листья и чечевицу

Outfoxed — Mike Huskisson

Красочное расследование практики охоты с гончими, сделанное под прикрытием

The Price of Meat — Danny Penman

Нелицеприятная, разоблачительная и очень тревожащая книга про мясо

Sacred Cows and Golden Geese: The Human Cost of Experiments on Animals — Ray & Jean Greek

Бесценный материал для любого, кто сомневается в бесполезности опытов на животных

What Will We Do If We Don't Experiment On Animals? Medical Research For The Twenty-First Century — Dr's J & R Greek

Что мы будем делать, если перестанем экспериментировать на животных

Видео и фильмы про права животных

Другие фильмы на тему доступны через сайт книги: www.fromdusktildawn.org.uk

Safer Medicines

Этот давно назревший фильм, вышедший в 2007 году, повествует о наиболее современных подходах к обеспечению большей безопасности лекарств в буду-

щем. Ведущие ученые мира из фармацевтики индустрии и научной среды представляют свои взгляды на развитие индустрии, фокусируясь на человеческой биологии. В фильме отсутствуют кадры ужасных пыток животных, присущие подобным лентам, но из него можно почерпнуть кое-какие прискорбные факты, заставляющие задуматься.

Angels of Mercy

Документальный фильм «Четвертого канала» про ФОЖ и Кита Манна

Behind The Mask / Под маской / Лицо под маской. Фронт освобождения животных

Известный фильм про ФОЖ, доступный в интернете бесплатно с русскими субтитрами. В числе комментаторов — Кит Манн, Ронни Ли и Пол Уотсон.

Bad Medicine: the human cost of animal experiments

Прекрасная пара книге *Slaughter of the Innocent*. Вместе они у любого очень быстро развеют любые заблуждения о вивисекции.

Earthlings / Земляне

Фильм, который невозможно смотреть без слез. Фильм, после просмотра которого трясет от ярости и бессилия. Фильм, сделавший веганами очень многих людей. Фильм о невыносимой жестокости и глупости человечества в его отношении к животным в самых разных проявлениях и сферах жизни. Японцы, режущие дельфинов. Арабы, бросающие окровавленную собаку в мусоросборник. Американцы, избивающие свиней. Множество ранее необнародованных видеофрагментов, полнота охвата темы и величайшая сила посыла о том, что все мы, земляне (люди, животные и сама планета), должны сосуществовать в мире и гармонии. Музыка Моби, закадровый текст читает Хоакин Феникс. Доступен в интернете бесплатно с русскими субтитрами.

Животные освобожденные, обнаруженные и возвращенные

- 17 июля 1975 года Майк Хаскиссон был арестован за то, что вынес из лаборатории ICI в Олдерли-Эдж, графство Чешир, трех известных «курящих» биглей. Собакам в данном случае повезло — они остались на свободе, потому что ICI решила не привлекать лишнее внимание общественности, которого было бы не избежать, учитывая, что компания заставляла биглей вдыхать сигаретный дым.
- В феврале 1977 года Ронни Ли и другие активисты спасли из центра разведения лабораторных животных в Суррее 125 мышей. Полиция обнаружила животных в квартире Ли. Несмотря на предложение арестанта купить грызунов и признания фермера в том, что у него их еще 10 тысяч, все до единого животные были отправлены в лабораторию и отравлены газом.
- В 1979 году полиция вернула 100 кур-наседок после рейда на ферму в Уэст-Мидлендс.
- В июле 1985 года активисты CALL атаковали лабораторию Оксфордского университета в Парк-Фарме и забрали оттуда 30 собак различных видов. Несколько дней спустя после серии полицейских рейдов восемь собак были обнаружены и возвращены вивисекторам. Позднее небольшая группа активистов вернулась в Парк-Фарм и вновь освободила конфискованных полицией собак.
- В марте 1990 года в результате крупномасштабной полицейской операции, в которой участвовали офицеры из четырех графств, властям удалось найти 82 бигля из лаборатории Interfauna в Кембриджшире. Вивисекторы отказались от биглей, сказав, что они больше не пригодны для экспериментов, поскольку их извлекли из «контролируемой лабораторией окружающей среды». Собак временно разместили в помещениях полиции, вплоть до решения суда, который официально освободил их навсегда, после чего их отправили в приют, откуда они попали в приемные семьи.
- В 1991 году в результате инспекции фермы Лондри Кембриджского университета активисты ALIU похитили восемь лабрадоров, в которых они заподозрили украденных домашних собак. Полиция преследовала, остановила и обыскала фургон освободителей с семьей собаками на борту и немедленно отвезла их обратно в лабораторию. Восьмая собака в суматохе убежала, и больше ее никто не видел.
- В 1997 году полиция вернула пять кошек владельцу фермы в Хилл-Гроув, забрав их у активистов, похитивших животных с фермы в ходе импровизированного рейда среди бела дня. Офицеры даже не попытались установить, действительно ли кошки принадлежат фермеру, а просто отдали их человеку, который продает животных на опыты.
- В 2003 году сотни мышей, на которых испытывали ботокс, были возвращены силами полиции в лабораторию в Уикеме по итогам масштабного расследования. Животных подвергли новым опытам и убили.

- В ноябре 2004 года полицейские вернули 15 кур, вызволенных с фермы с батарейной системой содержания в Западном Суссексе, обнаружив их спасителя с помощью вертолета. Из-за вопиющего физического состояния птиц активиста впоследствии признали невиновным.
- В Бедфорде в феврале 2005 года Марк Орган и Алан Кларк были арестованы полицейским патрулем, который случайно наткнулся на них, когда они загружали кур с фермы в машину. В итоге 300 кур вернулись в клетки. Активистов оштрафовали на 500 фунтов каждого и взыскали с них еще 500 за судебные издержки.
- В июне 2005 года десятки больных и запущенных животных, спасенных из зоомагазина в Суссексе, были возвращены полицией вопреки протестам местного инспектора RSPCA и всех других людей, пребывавших в здравом уме. Их обнаружили в доме активистки Сары Уайтхед в Литлхэмптоне. Остальные похищенные в ходе рейда животные остались на свободе. Спустя год местный совет отозвал лицензию у разводчика и продавца животных, и его гнусный бизнес наконец испустил дух.

- 1822 В Соединенном Королевстве приняты первые законы в защиту животных.
- 1835 Травля привязанных быков и медведей, а также собачьи и петушьи бои в Великобритании запрещены.
- 1898 В Лондоне основан Британский союз за отмену вивисекции (BUAV).
- 1907 Дело о коричневой собаке вызывает беспорядки в Лондоне.
- 1911 В Великобритании принят Закон о защите животных.
- 1964 Ассоциация саботажников охоты проводит первую акцию в лесах Девона.
- 1973 Группа милосердия устраивает поджог в лаборатории Hoechst в Милтон-Кинсе.
- 1976 В Великобритании основан Фронт освобождения животных.
- 1976 Проведена первая акция освобождения с меховой фермы. С предприятия в Дэлчонзи в Шотландии вызволена тысяча лис.
- 1977 Первая явная победа прямого действия: расположенная в Лондоне лаборатория Condiltox закрывается после акции ФОЖ, принесшей 80-тысячные убытки.
- 1977 Голландский ФОЖ спасает кур с предприятия интенсивного животноводства в Эйндховене.
- 1979 Первый зафиксированный рейд американского ФОЖ в лаборатории — пять животных освобождены из медицинской школы Нью-Йоркского университета.
- 1980 Первый «визит на дом» к вивисектору. Разукрашен его гараж.
- 1981 Французские активисты спасают собак из логова вивисекторов; это первый из множества очень успешных рейдов в лабораториях Пятой республики.
- 1981 Первый в США рейд в лаборатории в Силвер-Спрингс, штат Мэриленд, раскрывает шокирующие подробности.
- 1981 Немецкие активисты атакуют лабораторию и спасают 48 биглей.
- 1981 Шотландский ФОЖ нападает на дом вивисектора.
- 1982 Рейд в Швейцарии: пять мышей освобождены из лаборатории в Цюрихе.
- 1982 Первая акция австралийского ФОЖ.
- 1983 Птичий рынок Клуб-Роу в Лондоне закрывается в результате кампании, длившейся 2,5 года.
- 1983 Акции в ЮАР, Новой Зеландии и на Мальте.
- 1984 Ирландские активисты спасают животных из лабораторий в Дублине и Эйре.
- 1984 Датский ФОЖ проводит первую акцию.
- 1984 Первая в Великобритании угроза порчи товара — мишенью стал шампунь Sunsilk.
- 1984 SEALL проводит рейд в Королевском хирургическом колледже.
- 1984 Угроза загрязнения продукции заставляет компанию Mars отказаться от экспериментирования с кариесом и приводит к образованию ARNI.
- 1984 Отряд расплаты с охотниками заявляет о себе обещаниями насилия.
- 1985 Шведские активисты спасают двух биглей из стоматологической школы в Мальмё.
- 1986 В Великобритании Закон о (проведении научных исследований на) животных поворачивает для узников лабораторий время вспять.

- 1987 В суде проходит Шеффилдский процесс. Ронни Ли приговорен к 10 годам.
- 1987 Зафиксированы первые акции ФОЖ в Италии, Австрии и Испании.
- 1989 меховая компания Hudsons Bay Fur покидает Соединенное Королевство спустя 300 лет процветания.
- 1991 В Великобритании запрещены ящики для телят.
- 1991 18-летнего Майка Хилла убивают охотники в Чешире.
- 1992 ФОЖ проводит первую акцию в Израиле.
- 1993 В Великобритании закрывается последний дельфинарий.
- 1993 15-летний Том Уорби убит охотником в Кембриджшире.
- 1994 В Польше проведена первая акция ФОЖ.
- 1994 Кит Манн приговорен к 14 годам тюрьмы.
- 1995 В Шореме вспыхивает кампания против экспорта сельскохозяйственных животных.
- 1995 В ходе первой акции бойцы финского ФОЖ окрашивают 600 лис на нескольких фермах.
- 1995 Джилл Фиппс убита водителем грузовика, перевозившего животных.
- 1996 Зафиксирована первая акция ФОЖ в Норвегии.
- 1987 Псарня Consort вынуждена объявить о закрытии.
- 1998 Бельгийский ФОЖ проводит первую акцию, атакуя девять машин мясокомбината.
- 1998 Последний рейд на меховой ферме в Великобритании.
- 1998 Закрывается последняя меховая ферма в Австралии; закон запрещает подобные предприятия в стране.
- 1999 Ферма в Хилл-Гроув вынуждена заявить о закрытии.
- 1999 В Голландии запрещены норковые фермы.
- 2000 Умирает Вики Мур, автор кампаний против испанских кровавых фиест.
- 2000 Ферма Шемрок вынуждена заявить о закрытии.
- 2000 Regal Rabbits вынуждена заявить о закрытии.
- 2001 Барри Хорн умирает в тюрьме вследствие серии голодовок.
- 2003 В Великобритании вступает в силу Закон о (запрете) меховой промышленности.
- 2003 В Шотландии запрещена охота с гончими.
- 2004 Зафиксирована первая акция ФОЖ в Турции; разбиты окна трех мясных лавок.
- 2005 Охота с гончими запрещена в Англии и Уэльсе.
- 2005 В Израиле запрещен принудительный откорм гусей.
- 2005–2006 Швеция эффективно убивает меховую промышленность, вводя строгие законы в защиту животных.
- 2005–2006 В Австрии запрещены цирки с животными, батарейная система содержания кур (включая использование так называемых улучшенных клеток) и отстрел мигрирующих диких птиц.
- 2006 В Европе запрещены свиные стойла.
- 2006 Хорватия голосует за постепенное свертывание меховой промышленности в течение 10 лет.
- 2007 В Европе запрещены ящики для телят.
- 2008 В Голландии запрещены лисьи и шиншилловые меховые фермы.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог . 9

Ранние годы . 23

Восьмидесятые . 53

Девяностые . 126

Охота на зайцев и убийство детей . 165

Рейды . 194

Один мясник — уже слишком много . 249

Испытания и беды . 264

1995 и тому подобное . 311

Все становится серьезней? . 355

Приложения . 466

Кит Манн

ОТ ЗАКАТА ДО РАССВЕТА

Перевод с английского Олега Озерова

Редактор . Сергей Ким

Верстка . Chonyatsky, A. Nikiti

Выпускающий редактор, корректор . Валерия Куксова

common place / Ил-music

Тираж 500 экз.

common place / ил-music

Наши книги всегда можно купить в независимых магазинах
«Фаланстер», «Смена», «Все свободны», «Бакен», «Фаренгейт 451», «Пиотровский»,
«Йозеф Кнехт», «Князь Мышкин», «Порядок слов», «Мы», «Циолковский»,
«Свои книги», «Подписные издания», «Полка», «Книгарня ЛогвіаУ»,
«Собачье сердце», книжном клубе «Петровский»

